

ISSN: 2542-212X

Электронный журнал

«Кавказология»

Caucasology

IV

2024

Электронный журнал

«Кавказология»

Caucasology

№ 4 / 2024

DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4

*Свидетельство о
регистрации*

Эл № ФС77-59844
от 17 ноября 2014

ISSN

2542-212X

Периодичность

4 раза в год

Учредитель/Издатель

Федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Кабардино-Балкарский государ-
ственный университет
им. Х.М. Бербекова»

Е-mail редакции

caucasology.kbsu@gmail.com

URL-адрес издания

[http://www.kbsu.ru/nauchnye-
izdaniya/zhurnal-kavkazologiya/](http://www.kbsu.ru/nauchnye-izdaniya/zhurnal-kavkazologiya/)

Редакционный совет

Альтудов Юрий Камбулатович, профессор, ректор Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.

Барахоева Нина Мустафаевна, директор Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева, Магас, Россия.

Берсиров Батырбий Махмудович, главный научный сотрудник Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева», Майкоп, Россия.

Горбунов Александр Павлович, ректор Пятигорского государственного университета, Пятигорск, Россия.

Грусман Владимир Моисеевич, советник директора, руководитель научной части Российского этнографического музея, Санкт-Петербург, Россия.

Гапуров Шахрудин Айдиевич, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Чеченского государственного университета, Грозный, Россия.

Дердугьян Георгий Матвеевич, профессор Нью-Йоркского университета Абу-Даби, США.

Дмитриев Владимир Александрович, ведущий научный сотрудник Российского этнографического музея, Санкт-Петербург, Россия.

Дюмон Жерар Франсуа, географ, экономист и демограф, профессор, преподаватель Университета Париж-Сорбонна, Париж, Франция.

Ивахненко Евгений Николаевич, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Ильин Владимир Иванович, профессор кафедры социологии культуры и коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

Карамурзов Барасби Сулейманович, профессор, руководитель Центра развития цифровой экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, действительный член Российской академии образования, Нальчик, Россия.

Левитская Алина Афакоевна, профессор Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь, Россия.

Магомедов Магомед Ибрагимович, главный научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы, Махачкала, Россия.

Мусукаев Александр Ибрагимович, доктор исторических наук, профессор, Нальчик, Россия.

Мюльфрид Флориан, доктор наук, Йена, Германия.

Рябов Андрей Виленович, главный редактор журнала «Мировая экономика и международные отношения», Москва, Россия.

Томеллари Витторио Спрингфилд, профессор департамента славянской филологии университета г. Мачерата, Марчета, Италия.

Узденов Таусолтан Аубекирович, ректор Карачаево-Черкесского государственного университета имени У.Д. Алиева, Карачаевск, Россия.

Editorial Council

Altudov Yuri Kambulatovich, Professor, Rector, Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia.

Nina Mustafaevna Barakhoeva, Director, Ingush Institute for the Researches in Humanities, Magas, Russia.

Bersirov Batyrbiy Mahmudovich, Principal research fellow, Adyghe Republic's Institute for Humanitarian Studies, Maikop, Russia.

Gorbunov Alexandr Pavlovich, Rector, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia.

Grusman Vladimir Moiseevich, advisor to the director, head of the scientific part, Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia.

Gapurov Shahrudin Aidievich, Head of the Department of Modern and Contemporary History of the Chechen State University, Groznyi, Russia.

Derluguian Georgi, Professor, New York University Abu Dhabi, UAE, USA.

Dmitriev Vladimir Alexandrovich, Leading Researcher, Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia.

Dumont Gerard Francois, geographer, economist and demographer, Professor of Paris-Sorbonne University, Paris, France.

Ivakhnenko Evgeny Nikolaevich, Professor, M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Ilyin Vladimir Ivanovich, Professor, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Karamurzov Barasbi Suleymanovich, Professor, CEO, Lomonosov Moscow State University Digital Economy Development Center, Full Member of the Russian Academy of Education, Nalchik, Russia.

Levitskaja Alina Afakoevna, Professor, The North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia.

Magomedov Magomed Ibragimovich, Principal Research Fellow, Institute of Language, Literature and Art, Makhachkala, Russia.

Musukaev Alexander Ibragimovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Nalchik, Russia.

Mühlfried Florian, PhD, Jena, Germany.

Ryabov Andrey Vilenovich, Editor-in-chief, World Economy and International Relations, Moscow, Russia.

Tomellery Vittorio Springfield, Professor, University of Macerata, Macerata, Italy.

Uzdenov Tausoltan Aubekirovich, Rector, Karachay-Cherkess State University, Karachaevsk, Russia.

Главный редактор
Абазов Алексей Хасанович
доктор исторических наук, доцент

Заместитель главного редактора
Кажаров Артур Гусманович
доктор исторических наук, доцент

Ответственный секретарь, редактор текстов на английском языке
Ашхотова Алина Пшимурзовна

Редакционная коллегия:

Акиева Светлана Исмаиловна – доктор исторических наук;
Албогачиева Макка Султан-Гиреевна – доктор исторических наук;
Аликаев Рашид Султанович – доктор филологических наук, профессор;
Аствацатурова Майя Арташесовна – доктор политических наук, профессор;
Барзбиев Муслим Исмаилович – кандидат исторических наук;
Бауаев Казим Каллетович – доктор филологических наук, доцент;
Башиева Светлана Конакбиевна – доктор филологических наук, профессор;
Берберов Бурхан Абуясуфович – доктор филологических наук;
Бижева Зара Хаджимуратовна – доктор филологических наук, профессор;
Бижоев Борис Чамалович – доктор филологических наук;
Бозиева Наима Борисовна – кандидат филологических наук;
Боров Аслан Хажисмелович – кандидат исторических наук, доцент;
Борова Асият Руслановна – доктор филологических наук;
Бухуров Мухамед Фуадович – кандидат филологических наук;
Геграев Хаким Камильевич – кандидат исторических наук;
Гутов Адам Мухамедович – доктор филологических наук, профессор;
Дзамихов Касболат Фицевич – доктор исторических наук, профессор;
Канукова Залина Владимировна – доктор исторических наук, профессор;
Кетенчиев Мусса Бахаутдинович – доктор филологических наук;
Кудаева Зинаида Жантемировна – доктор филологических наук, доцент;
Кузьминов Петр Абрамович – доктор исторических наук, профессор;
Кучукова Зухра Ахметовна – доктор филологических наук, профессор;
Кушхабиев Анзор Викторович – доктор исторических наук;
Лобанов Владимир Борисович – кандидат исторических наук;
Мамсиров Хамитби Борисович – доктор исторических наук, профессор;
Муратова Елена Георгиевна – доктор исторических наук, профессор;
Нальчикова Елена Аниуаровна – кандидат исторических наук, доцент;
Прасолов Дмитрий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент;
Сабанчиев Хаджи-Мурат Алексеевич – доктор исторических наук, профессор;
Сокаева Диана Вайнерова – доктор филологических наук;
Тамазов Муслим Султанович – кандидат исторических наук;
Текуева Мадина Анатольевна – доктор исторических наук, доцент;
Тимижев Хамиша Тарканович – доктор филологических наук, профессор;
Тумов Аскер Асланбекович – кандидат исторических наук;
Узденева Фатима Таулановна – доктор филологических наук;
Улаков Махти Зейтунович – доктор филологических наук, профессор;
Хавжокова Людмила Борисовна – кандидат филологических наук;
Хараева Лариса Ханбиевна – доктор филологических наук, профессор.

Editor-in-Chief

Abazov Alexey Khasanovich

doctor of science (history), associate professor

Deputy Editor-in-Chief

Kazharov Artur Gusmanovich

doctor of science (history), associate professor

Executive Secretary, English text editor

Ashkhotova Alina Pshimurzovna

Editorial board:

Akkieva Svetlana Ismailovna – doctor of science (history);

Albogachieva Makka Sultan-Gireevna – doctor of science (history);

Alikaev Rashid Sultanovich – doctor of science (philology), professor;

Astvatsaturova Maya Artashesovna – doctor of science (political science), professor;

Barazbiev Muslim Ismailovich – PhD (in history);

Bauaev Kazim Kalletovich – doctor of science (philology), associate professor;

Bashieva Svetlana Konakbievna – doctor of science (philology), professor;

Berberov Burkhan Abuyusufovich – doctor of science (philology);

Bizheva Zara Khadzhimuratovna – doctor of science (philology), professor;

Bizhoev Boris Chamalovich – doctor of science (philology);

Bozieva Naima Borisovna – PhD (in philology);

Borov Aslan Khazhismelovich – PhD (in history), associate professor;

Borova Asiyat Ruslanovna – doctor of science (philology);

Bukhurov Muhamed Fuadovich – PhD (in philology);

Gegraev Hakim Kamilevich – PhD (in history);

Gutov Adam Mukhamedovich – doctor of science (philology), professor;

Dzamikhov Kasbolat Fitzevich – doctor of science (history), professor;

Kanukova Zalina Vladimirovna – doctor of science (history), professor;

Ketenchiev Mussa Bakhautdinovich – doctor of science (philology);

Kudaeva Zinaida Zhantemirovna – doctor of science (philology), associate professor;

Kuzminov Petr Abramovich – doctor of science (history), professor;

Kuchukova Zukhra Akhmetovna – doctor of science (philology), professor;

Kushkhabiev Anzor Viktorovich – doctor of science (history), associate professor;

Lobanov Vladimir Borisovich – PhD (in history);

Mamsirov Khamitbi Borisovich – doctor of science (history), professor;

Muratova Elena Georgievna – doctor of science (history), professor;

Nalchikova Elena Aniuarovna – PhD (in history), associate professor;

Prasolov Dmitry Nikolaevich – PhD (in history), associate professor;

Sabanchiev Haji-Murat Alekseevich – doctor of science (history), professor;

Sokaeva Diana Vainerova – doctor of science (philology);

Tamazov Muslim Sultanovich – PhD (in history);

Tekueva Madina Anatolyevna – doctor of science (history), associate professor;

Timizhev Khamisha Tarkanovich – doctor of science (philology), professor;

Tumov Asker Aslanbekovich – PhD (in history);

Uzdenova Fatima Taulanovna – doctor of science (philology);

Ulakov Makhti Zeitunovich – doctor of science (philology), professor;

Khavzhokova Lyudmila Borisovna – PhD (in philology);

Kharaeva Larisa Khanbievna – doctor of science (philology), professor.

СОДЕРЖАНИЕ***ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ*****Археология и древняя история****Степикин А.И., Вдовченков Е.В.**Лепные светильники из меотских городищ Нижнего Дона **16-26****Средневековая и новая история****Кожев З.А.**Сецессия Казиевой Кабарды 1601 и 1641 гг.: этапы «смены династии» **27-39****Подлесных С.Н.**Астраханский совестный суд: история присоединения к палате уголовного и гражданского суда (1828 год) **40-53****Анищенко Е.А.**Деятельность учреждений власти и самоуправления в сфере продовольственной политики в Нальчикском округе в последней трети XIX – начале XX века **54-70****Новейшая история****Такова А.Н.**Исламское религиозное образование в Кабардино-Балкарии в советский и постсоветский периоды: трансформация, динамика, современное состояние **71-86****Яхутль Ю.А.**Вооружённый протест сельского населения Кубани и Черноморья как фактор регулирования экономической политики большевиков в начале 1920-х годов **87-99****Дзагурова Н.Х., Гапеева М.С.**Антирелигиозная политика советского государства в контексте вовлечения народов Северного Кавказа в большевистские модернизации 1920-х годов **100-110****Мурдалов М.М., Турпалов Л.А.**Вклад грозненских нефтяных учебных заведений в формирование инженерно-технической прослойки в структуре чеченского общества (1920-1930-е гг.) **111-126**

- Татаров А.А.**
Образ Северного Кавказа в коллаборационистской прессе на оккупированных советских территориях (1942-1943 гг.) 127-138
- Тумаков Д.В.**
Чеченская Республика в 1992 году (по материалам федеральной печати) 139-159
- Жаноква М.В.**
Внешнеэкономическая деятельность Кабардино-Балкарской Республики во второй половине 90-х годов XX века 160-173
- Кушхабиев А.В., Геграев Х.К.**
Основные направления и проблемы в деятельности общественных объединений этнических диаспор Кабардино-Балкарской Республики (по результатам экспертного опроса) 174-189

Этнология, антропология и этнография

- Гучапшева Л.Х., Фоменко В.А.**
Проблема этнической интерпретации археологических культур и этногенез абхазо-адыгов 190-205
- Аккиева С.И., Гагиева Л.Г.**
Из истории селения Гвилети 206-226
- Дауева Т.Т.**
Умыкание невест у осетин в исторической ретроспективе и современных трансформациях 227-237
- Марзоев И.-Б.Т.**
Каражаевы (материалы к родословию) 238-253
- Албогачиева М.С.-Г.**
Абазины в XXI веке: этнографические аспекты религиозных практик 254-266

ФИЛОЛОГИЯ

Литература народов Российской Федерации (литература народов Северного Кавказа)

- Атабиева А.Д.**
Полилогии в системе циклических структур (эпические серии и романские циклы) 267-288

Суюнова Н.Х.«Дом» и «мир» в сознании героя повести И. Капаева
«Салам, Михаил Андреевич!»**289-301****Толгуров Т.З., Тхагазитов Ю.М., Узденова Ф.Т.**Пространственно-временные представления прозы
Зейтуна Толгурова (Часть 1)**302-317****Тхакахова К.С., Довлеткиреева Л.М.**

Литературный портрет Кадырбека Натхо

318-330**Чекалов П.К.**

Поэтика абазинской лирики послевоенного времени

331-351

Фольклористика

Быхьурэ М.Ф.

КъуийцЫкIу и образы адыгэ эпосым къызэрыхэщыр

352-365**Гергокова Л.С.**Женские образы в карачаево-балкарских
историко-героических песнях**366-376****Гулиева Ф.Х.**Чудесные средства исцеления и оживления
в волшебных сказках карачаевцев и балкарцев**377-387**

Русский язык. Языки народов России

Ахматова М.А., Кучмезов А.М.Функционально-семантическая характеристика фразеологизмов
с соматизмом *бауур* в карачаево-балкарском языке**388-400****Гонгапшева К.А.**Отражение концепта «Русь» в языковом сознании молодежи
Северного Кавказа**401-411****Къэмбэчокъуэ I.М.**Нало А.ХЪ. и романхэм хэт художественнэ образхэр къэгъэщIыным
телажьэ зыхэщIэныгъэр лексикологиемрэ фразеологиемрэ
я Iэмал щхъэхуэхэмкIэ къызэрызэгъэпэщар**412-422****Кумыкова Д.М., Кумыкова (Гучапшева) Э.Т.**Антитеза как структурно-семантический принцип организации
кабардино-черкесской пословицы**423-437**

Шогенова Ф.В.Особенности репрезентации концепта «огонь»
в русской языковой картине мира**438-449****Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика****Аликаев Р.С., Унатлоков В.Х.**

Лексикографическая деятельность Шоры Ногмова

450-468**Геляева А.И., Бижева З.Х., Макитова Т.Т.**Особенности реализации полемики
в жанрах научной статьи и отзыва/рецензии**469-482****Шогенова М.Ч., Дохова З.Р.**Этнические стереотипы в речевом поведении
современной языковой личности**483-494*****ОЧЕРКИ, ЗАМЕТКИ, РЕЦЕНЗИИ*****Аккиева С.И., Абазов А.Х.**Рецензия на монографию «Бугай Н.Ф. Проблемы национальной
политики Российской Федерации: состояние изучения,
опыт регулирования этнических процессов (1990-е – 2015 гг.)**495-501****Наши авторы****502-507**

CONTENTS***HISTORY, ETHNOLOGY AND ARCHAEOLOGY*****Archaeology and ancient history****Stepikin A.I., Vdovchenkov E.V.**Stucco lamps from the meotian settlements of the Lower Don region **16-26****Medieval and modern history****Kozhev Z.A.**Secession of Kaziyeв's Kabarda in 1601 and 1641 years:
stages of the «dynasty change» **27-39****Podlesnykh S.N.**Astrakhan conscientific court: history of accession to the chamber
of criminal and civil court (1828) **40-53****Anishchenko E.A.**The activities of government and self-government institutions
in the field of food policy in the Nalchik district in the last third
of the XIX – early XX centuries **54-70****Contemporary history****Takova A.N.**Islamic religious education in Kabardino-Balkaria in the soviet
and post-soviet periods: transformation, dynamics, current state **71-86****Yakhuti Y.A.**The armed protest of the rural population of Kuban and The Black Sea
region as a factor in regulating the economic policy of the bolsheviks
in the early 1920 s. **87-99****Dzagurova N.Kh., Gapeeva M.S.**The anti-religious policy of the soviet state in the context
of the involvement of the peoples of the North Caucasus
in the bolshevik modernization of the 1920s. **100-110****Murdalov M.M., Turpalov L.A.**The contribution of Grozny oil educational institutions to the formation
of an engineering and technical stratum in the structure
of Chechen society (1920-1930s) **111-126**

Tatarov A.A.

The North Caucasus as an image in collaborationist press
of the occupied soviet territories (1942-1943) **127-138**

Tumakov D.V.

Chechen Republic in 1992 (based on the materials of the federal periodicals) **139-159**

Zhanokova M.V.

Foreign economic activity of the Kabardino-Balkarian Republic
in the second half of the 90s of the XX century **160-173**

Kushkhabiev A.V., Gegraev Kh.K.

Main directions and problems in the activities of public organizations
of ethnic diasporas of the Kabardino-Balkarian Republic
(based on the results of an expert survey) **174-189**

Ethnology, Anthropology and Ethnography**Guchapsheva L.Kh., Fomenko V.A.**

The problem of ethnic interpretation of archaeological cultures
and the ethnogenesis of the Abkhaz-Adygs **190-205**

Akkieva S.I., Gagieva L.G.

From the history of the village of Gvileti **206-226**

Daueva T.T.

Bride kidnapping from the Ossetians in historical retro-perspective
and modern transformations **227-237**

Marzoev I.-B.T.

The Karazhaevs (materials for the genealogy) **238-253**

Albogachieva M.S.-G.

The Abazins in the XXI century: ethnographic aspects of religious practices **254-266**

PHILOLOGY**Literature of the peoples of the Russian Federation
(literature of the peoples of the North Caucasus)****Atabieva A.D.**

Polylogies in the system of cyclic structures (epic series and novel cycles) **267-288**

Suyunova N.Kh.

«Home» and «world» in the consciousness of the hero of I. Kapaev's story «Salam, Mikhail Andreevich!»

289-301**Tolgurov T., Tkhagazitov Yu., Uzdenova F.T.**

Spatiotemporal representations of Zeytun Tolgurov's prose (Part 1)

302-317**Tkhakakhova K.S., Dovletkireeva L.M.**

Literary portrait of Kadyrbek Natho

318-330**Chekalov P.K.**

Poetics of abaza lyrics of the post-war time

331-351**Folklore studies****Bukhurov M.F.**

To the typology of the Kuytsuk (Little Bald Man) image in the Adyg epic

352-365**Gergokova L.S.**

Female images in Karachay-Balkar historical-heroic songs

366-376**Gulieva F.H.**

Miraculous means of healing and revival in the magical fairy-tales of the Karachays and Balkarians

377-387**Russian language. Languages of the peoples of Russia****Akhmatova M.A., Kuchmezov A.M.**

Functional and semantic characteristics of phraseological units with the baur somatism in the Karachay-Balkar language

388-400**Gongapsheva K.A.**

Linguistic and cultural interpretations: reflection of the concept of "Rus" in animated films in the representation of the peoples of the North Caucasus

401-411**Kambachokov A.M.**

Some lexical and phraseological means of expressing expressivity used in the creation of artistic images in the novels of A.H. Naloev

412-422**Kumyкова D.M., Kumyкова (Cuchapsheva) E.T.**

Antithesis as a structural and semantic organization principle of a Kabardian-Circassian proverb

423-437

Shogenova F.V.

Representation of the “fire” concept in Russian language picture of the world

438-449**Theoretical, applied and comparative linguistics****Alikaev R.S., Unatlov V.Kh.**

Lexicographic activity of Shora Nogmov

450-468**Gelyaeva A.I., Bizheva Z.Kh., Makitova T.T.**

Features of the implementation of polemics in the genres of scientific articles and reviews

469-482**Shogenova M.Ch., Dokhova Z.R.**

Ethnic stereotypes in the speech behavior of a modern linguistic personality

483-494***ESSAYS, NOTES, REVIEWS*****Akkieva S.I., Abazov A.Kh.**

Review of the monograph «Bugai N.F. Problems of the national policy of the Russian Federation: the state of study, the experience of regulating ethnic processes (1990s – 2015). – Moscow: Aquarium, 2022. – 694 p.»

495-501**Our authors****502-507**

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Археология и древняя история

Научная статья

УДК 902/904

DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-16-26

EDN: FBZHYJ

ЛЕПНЫЕ СВЕТИЛЬНИКИ ИЗ МЕОТСКИХ ГОРОДИЩ НИЖНЕГО ДОНА

Александр Ильич Степикин¹, Евгений Викторович Вдовченков²

^{1,2} Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹ stepikin.alexandr@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0004-6963-6426>

² vdovchenkov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0160-8520>

Аннотация. В статье анализируются лепные светильники, найденные в ходе раскопок меотских городищ Нижнего Дона. Светильники были обнаружены на Сухо-Чалтырском, Хапровском, Нижне-Гниловском, Темерницком, Ростовском, Кизитиринском, Кобяковом и Крепостном городищах. В статье рассматриваются как уже опубликованные светильники, так и еще не введенные в научный оборот.

Лепные светильники с донских меотских городищ схожи с лепными светильниками из Танаиса. В работе используется типология светильников, разработанная Т.М. Арсеньевой на танаисском материале. Большая часть экземпляров относится к различным типам светильников с закрытым резервуаром. Встречаются в публикациях упоминания и светильников открытых форм, но часто без рисунка или подробного описания. Необычностью своей формы выделяется один предположительно трехсекционный светильник.

Ключевые слова: Нижний Дон, лепные светильники, городища донских меотов.

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке Программы стратегического академического лидерства Южного федерального университета ("Приоритет 2030").

Для цитирования: Степикин А.И., Вдовченков Е.В. Лепные светильники из меотских городищ Нижнего Дона // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 4. – С. 16-26. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-16-26. EDN: FBZHYJ.

© Степикин А.И., Вдовченков Е.В. 2024

Original article

STUCCO LAMPS FROM THE MEOTIAN SETTLEMENTS OF THE LOWER DON REGION

Alexander I. Stepikin¹, Evgeny V. Vdovchenkov²

^{1,2} Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹ stepikin.alexandr@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0004-6963-6426>.

² vdovchenkov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0160-8520>

Abstract. The article examines the stucco lamps discovered during excavations in the Lower Don region's Meotian towns. Lamps were discovered at Sukho-Chaltyrsky, Khaprovsky, Nizhne-Gnilovsky, Temernitsky, Rostov, Kizitirinsky, Kobayakov, and Krepostnoye towns. The article analyzes both previously published lights and those that have yet to be brought into scholarly circulation.

Stucco lamps from Don Meotian towns are identical to those from Tanais. T.M. Arsenyeva devised a lamp typology based on Tanais material, which is employed in this work. The majority of the specimens are from various types of lamps with closed tanks. Although open-form lights are mentioned in literature, they are rarely accompanied with a drawing or thorough description. One apparently three-section light sticks out due to its unusual design.

Keywords: Lower Don region, stucco lamps, settlements of the Don Meotians.

Funding: The research was supported by the Strategic Academic Leadership Program of the Southern Federal University ("Priority 2030").

For citation: Stepikin A.I., Vdovchenkov E.V. Stucco lamps from the meotian settlements of the Lower Don region. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 4. – P. 16-26. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-16-26. EDN: FBZHYJ.

© Stepikin A.I., Vdovchenkov E.V. 2024

Одной из категорий материалов, происходящих из раскопок меотских городищ Нижнего Дона, являются вылепленные из глины без применения гончарного круга светильники. Они не подвергались специальному изучению ранее. Пожалуй, едва ли не единственная характеристика светильникам из меотских нижнедонских городищ приведена в работе Т.Н. Книпович, отметившей по поводу выявленных в Кизитиринском городище светильников, что они вылеплены «от руки из грубой глины» и отличаются «грубой и примитивной работой», но что в то же время на их примере наблюдается стремление «воспроизвести в крайне примитивной технике тип привозного античного светильника» [Книпович 1949: 149]. Гораздо лучше изучена эта категория материала из Танаиса. Т.М. Арсеньева посвятила лепным светильникам отдельную главу в своей работе, разработав подробную типологию [Арсеньева 1988: 82-130]. Близость выделанной от руки керамики Танаиса и поселений его сельской округи уже давно отмечалась в научной литературе [Арсеньева 1969: 205], потому данную классификацию вполне допустимо применять и при рассмотрении светильников из памятников донских меотов.

Наконец, в ходе проведенных в последние десятилетия археологических изысканий на территории меотских городищ накопился новый материал, часть которого до сих пор не введена в научный оборот. Среди прочего был найден и ряд новых лепных светильников.

Таким образом, целью данной работы является рассмотрение всего комплекса опубликованных ранее лепных светильников, публикация не введенных в научный оборот экземпляров и сравнение их с выделенными на танаисском материале типами.

Отдельно отметим критерии, по которым Т.М. Арсеньева составляла свою типологию. Все светильники Танаиса она делит на четыре раздела: глиняные, сделанные на гончарном круге; глиняные, сделанные в форме; лепные глиня-

ные; сделанные из металла. Лепные (как и светильники первых двух разделов) делятся еще на группы: А – с закрытым резервуаром и Б – с открытым резервуаром. Для светильников с открытым резервуаром учитывается и их форма: 1) ладьевидная, 2) круглая в виде чашечки, 3) в виде чашечки на ножке, 4) в виде чашечки с плоским дном на ножке, с заграждением для фитиля в центре чашечки. Соответственно, в группах выделяются типы в зависимости от особенностей формы, характерных для каждого типа. В свою работу Т.М. Арсеньева включила светильники, обнаруженные в ходе работ Нижне-Донской экспедиции в Танаисе с 1955 по 1987 гг., а также сохранившиеся из дореволюционных раскопок Недвиговского городища экземпляры [Арсеньева 1988: 12].

Приступим к рассмотрению опубликованных ранее светильников из меотских нижнедонских городищ.

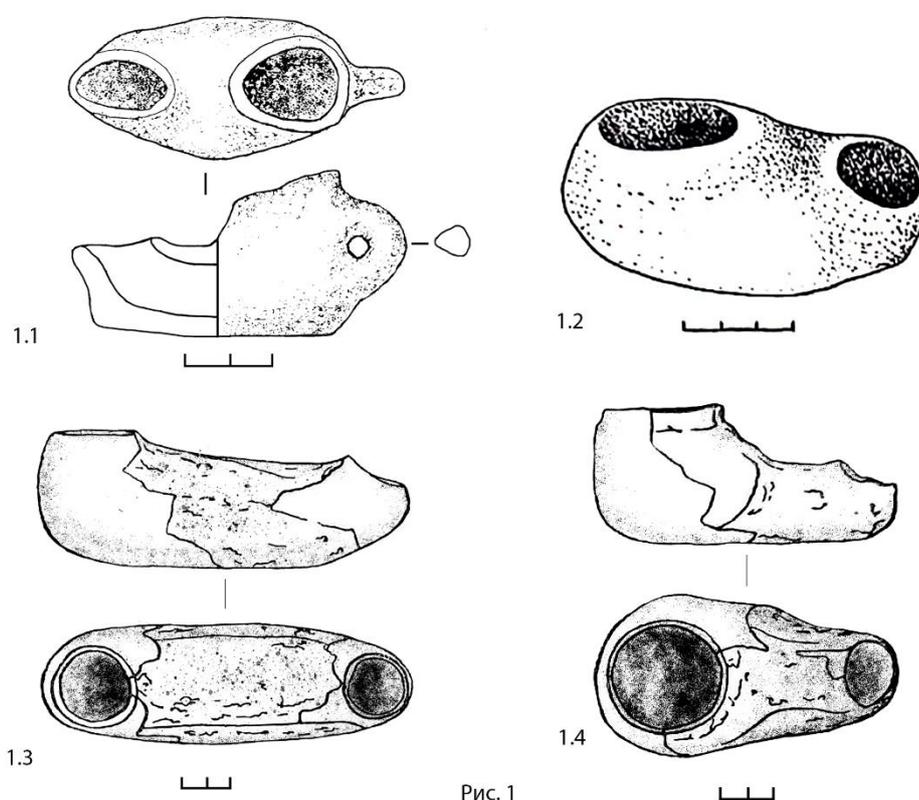

Рис. 1

Рис. 1. Лепные светильники. 1.1 – Хапоровское городище (по: Казакова и др. 1998: рис. 4); 1.2 – Сухо-Чалтырское городище (по: Кругликова 1974: табл. IV, 4); 1.3–4 – Нижне-Гниловское городище (по: Каменецкий 1957: рис. 3,7-8). Рисунки Белецкой И.В.

В 1995 г. отрядом Нижне-Донской экспедиции был исследован участок в северо-восточной части Хапоровского городища. Среди прочего опубликованного материала присутствует и один светильник с закрытым резервуаром [Казакова и др. 1998: рис. 4], который можно отнести к типу 3 по классификации Т.М. Арсеньевой (Рис. 1.1).

В ходе работ на Сухо-Чалтырском городище Нижне-Донской экспедиции в 1957 г. были обнаружены один целый светильник и несколько обломков от

«лепных светильников с вытянутыми рожками» [Кругликова 1974: 181]. Очевидно, в последнем случае имеются в виду светильники закрытой формы. К сожалению, ничего более про обломки сказать нельзя, так как их рисунков не приведено. Обнаружены они были в одном слое с жилищем III в. н.э. Целый экземпляр был найден в нижележащем слое, в котором были обнаружены также фрагменты краснолаковых мисок II в. н.э. [Кругликова 1974: 182, табл. IV, 4]. Светильник с закрытым резервуаром относится к типу 7 по классификации Т.М. Арсеньевой (Рис. 1.2).

Несколько светильников из Нижне-Гниловского городища (раскопки экспедиции Таганрогского краеведческого музея 1954 и 1955 гг.) опубликовал И.С. Каменецкий [Каменецкий 1957: рис. 3,7–8]. Оба с закрытым резервуаром, относятся к типу 6 по классификации Т.М. Арсеньевой (Рис. 1.3–4).

В 2000 г. П.А. Ларенок и С.А. Яценко опубликовали три лепных светильника из сборов Темерницкого городища. Один из представленных светильников (Рис. 2.1) ладьевидной формы, относится к типу 6 по Т.М. Арсеньевой, другой (Рис. 2.2) – с закрытым резервуаром, тип 7 по Т.М. Арсеньевой. Третий светильник с закрытым резервуаром (Рис. 2.3), судя по всему, также относится к типу 7 по Т.М. Арсеньевой [Ларенок, Яценко 2000: 21, табл. 10,20–22].

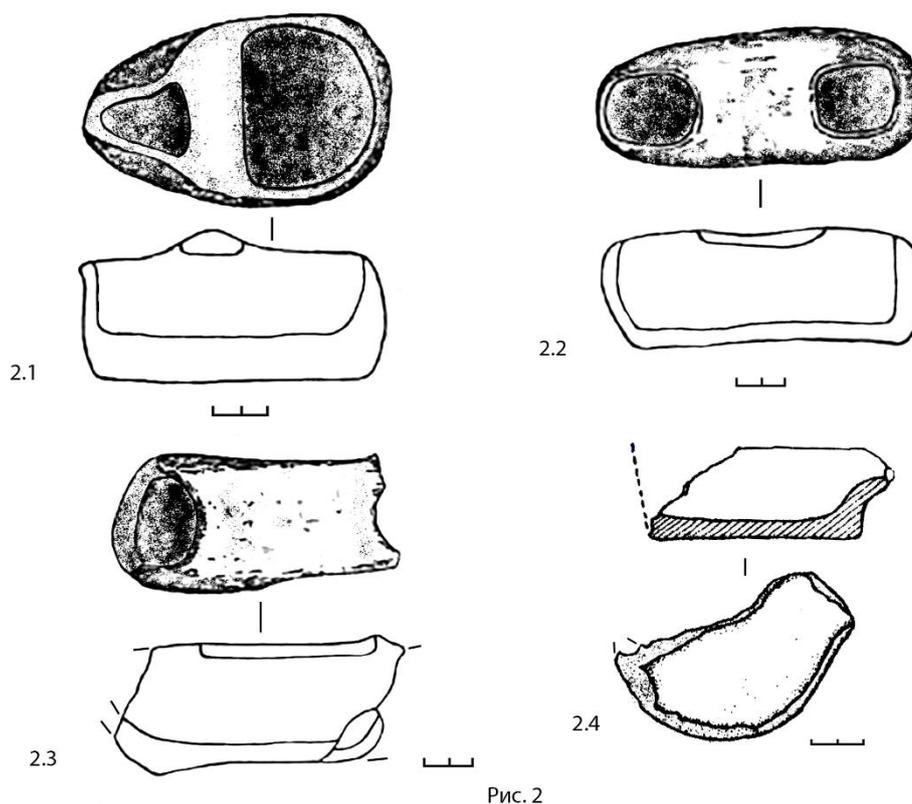

Рис. 2. Лепные светильники. 2.1–3 – Темерницкое городище (по: Ларенок, Яценко 2000: табл. 10,20–22); 2.4 – Крепостное городище (по: Убогая 2002: рис. 3,8). Рисунки Белецкой И.В.

Также в 2008 г. в процессе работы экспедиции отдела археологического наследия ГУК РО «Донское наследие» на Темерницком городище были обна-

ружены обломки двух ладьевидных светильников. К сожалению, более подробная информация о них в работе отсутствовала [Жеребилов 2010: 166].

В главе, посвященной поселениям округа Танаиса, Т.Н. Книпович опубликовала три лепных светильника из Кизитиринского городища, хранящиеся на момент публикации работы исследовательницы в Музее краеведения Ростова-на-Дону (Рис. 3.1–3). К сожалению, на фотографии представлен лишь один ракурс, что затрудняет причисление светильников к тому или иному типу, выделенному Т.М. Арсеньевой. Но, по крайней мере, можно констатировать, что они относились к светильникам с закрытым резервуаром [Книпович 1949: 149, рис. 56].

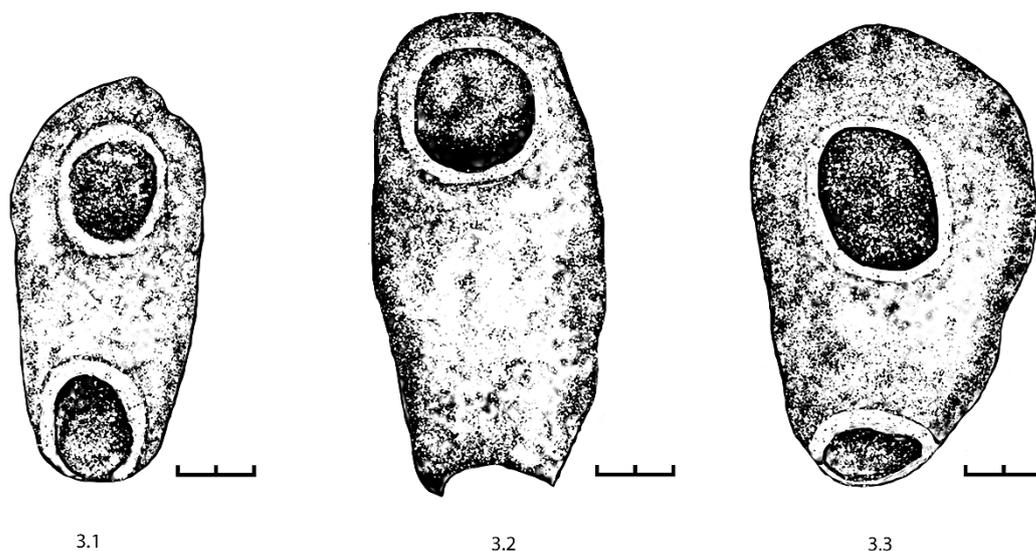

Рис. 3

Рис. 3. Лепные светильники. 3.1–3 – Кизитиринское городище (по: Книпович 1949: рис. 56). Рисунки Белецкой И.В.

В ходе работ Северо-Кавказской экспедиции в 1920-е гг. были проведены масштабные исследования Кобякова городища. Среди прочего были обнаружены и светильники. Т.Н. Книпович в уже упомянутой нами выше работе дала краткую характеристику находок. Правда, как отмечает сама исследовательница, отчет о работах 1923 г. не был опубликован, а детально обработать находки экспедиции 1923–1928 годов ей перед публикацией не удалось. Соответственно, автор дала лишь краткую характеристику интересующих нас предметов: «распространены различного рода светильники – простые открытые “ладьеобразные”, на одном конце сужающиеся и даже заостряющиеся, и светильники с вытянутый рожком, “в форме башмака”, как их обычно определяют» [Книпович 1949: 133, 137].

В ходе работ по изучению Крепостного городища в 2001 г. также был найден круглый светильник в виде чашечки (Рис. 2.4), тип 3 по классификации

Т.М. Арсеньевой [Убогая 2002: 201, рис. 3,8]. Экземпляр очень близкой формы, хотя и с менее выделенным носиком, был найден в мусорных напластованиях Танаиса в 1976 г. [Арсеньева 1988: 101, табл. XLVI, 4].

Помимо перечисленных выше экземпляров в нашем распоряжении есть ряд светильников из раскопок меотских нижнедонских городищ последних десятилетий, ранее не опубликованных. Отдельную благодарность в этой связи выражаем А.Н. Коваленко за предоставленную возможность издать этот материал.

В 1996 г. проводились разведочные работы совместной Российско-Швейцарской группы НМЦА РГПУ и Центра археологических определений (г. Лиссталь, Швейцария) на территории Сухо-Чалтырского городища. На раскопе I, разбитом в западной части холма, на котором расположено городище, в слое был обнаружен целый лепной светильник с закрытым резервуаром, относящийся к типу 7 по Т.М. Арсеньевой (Рис. 4.1). Отметим, что аналогичный экземпляр уже был обнаружен ранее на данном городище и описывался нами выше. Слой, в котором был обнаружен публикуемый светильник, по сопутствующему амфорному материалу датируется серединой – второй половиной II в. н.э. [Копылов 1997: 22–23, рис. 94].

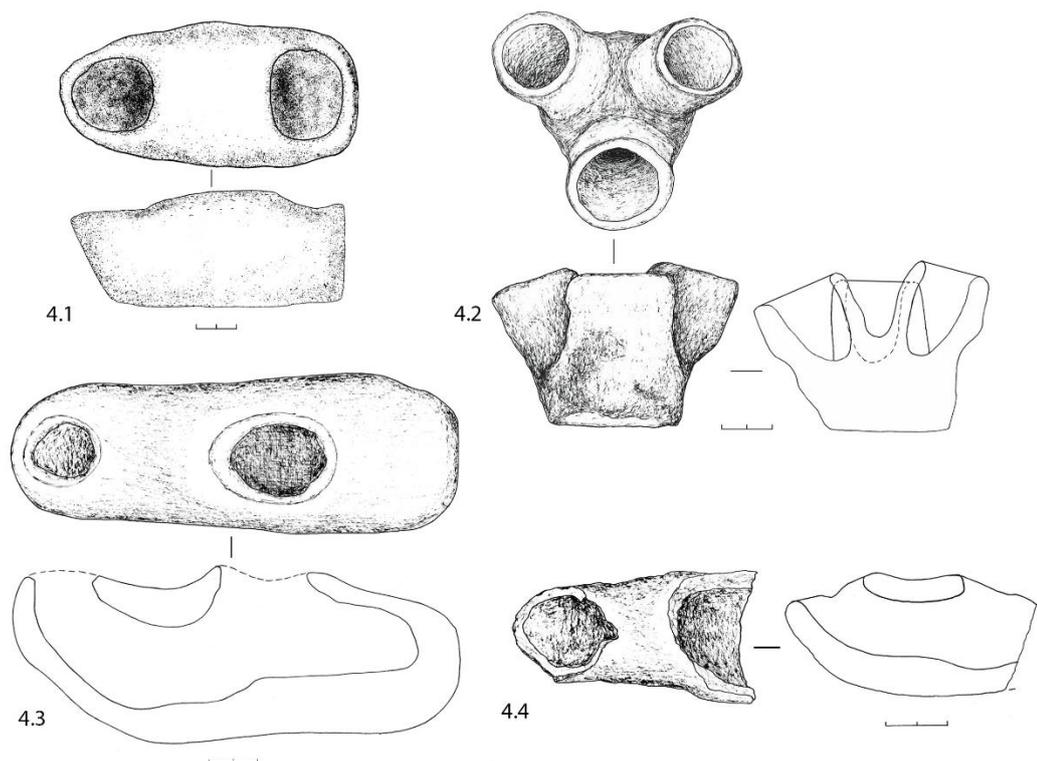

Рис. 4

Рис. 4. Лепные светильники. 4.1–2 – Сухо-Чалтырское городище; 4.3–4 – Нижне-Гниловское городище. Рисунки Белецкой И.В.

В 1997 г. в ходе продолжения разведочных работ на Сухо-Чалтырском городище совместной Российско-Швейцарской археологической группы в составе НМЦА РГПУ на раскопе I был обнаружен носик от лепного светильника. Слой, в котором он был найден, датируется амфорным материалом началом – второй половиной II в. н.э. [Копылов 1999: 9].

В одном из ниже залегающих слоев, датируемом амфорным материалом второй половиной I в. н.э., был обнаружен трехсекционный, вылепленный из глины предмет (Рис. 4.2). На поверхности сохранились следы нагара. В.П. Копылов предположительно обозначил его как светильник. Аналогий данному предмету нам не известно [Копылов 1999: 12–13, рис. 61].

В процессе разведочных работ 2000 г. на Нижне-Гниловском городище совместной Российско-Швейцарской археологической группы в составе экспедиции НМЦА РГПУ на северо-восточном склоне холма городища в слое, датируемом амфорным материалом концом I – второй половиной II вв. н.э., обнаружен лепной светильник с закрытым резервуаром (Рис 4.3), относящийся к типу 6 [Копылов и др. 2001: 15, рис. 64, 65: 20].

В 2003 г. в ходе продолжения разведочных работ на Нижне-Гниловском городище совместной Российско-Швейцарской археологической группы в составе экспедиции НМЦА РГПУ также был обнаружен ряд светильников – один целый и несколько отдельных фрагментов. Так, носик от лепного светильника (Рис. 4.4) происходит из помещения античного времени, которое можно датировать по сопутствующему амфорному материалу второй четвертью I в. н.э. – началом II вв. н.э. [Копылов, Коваленко 2004: 43, рис. 174: 9, 175]. Тип самого светильника при такой фрагментарности материала, к сожалению, определить затруднительно.

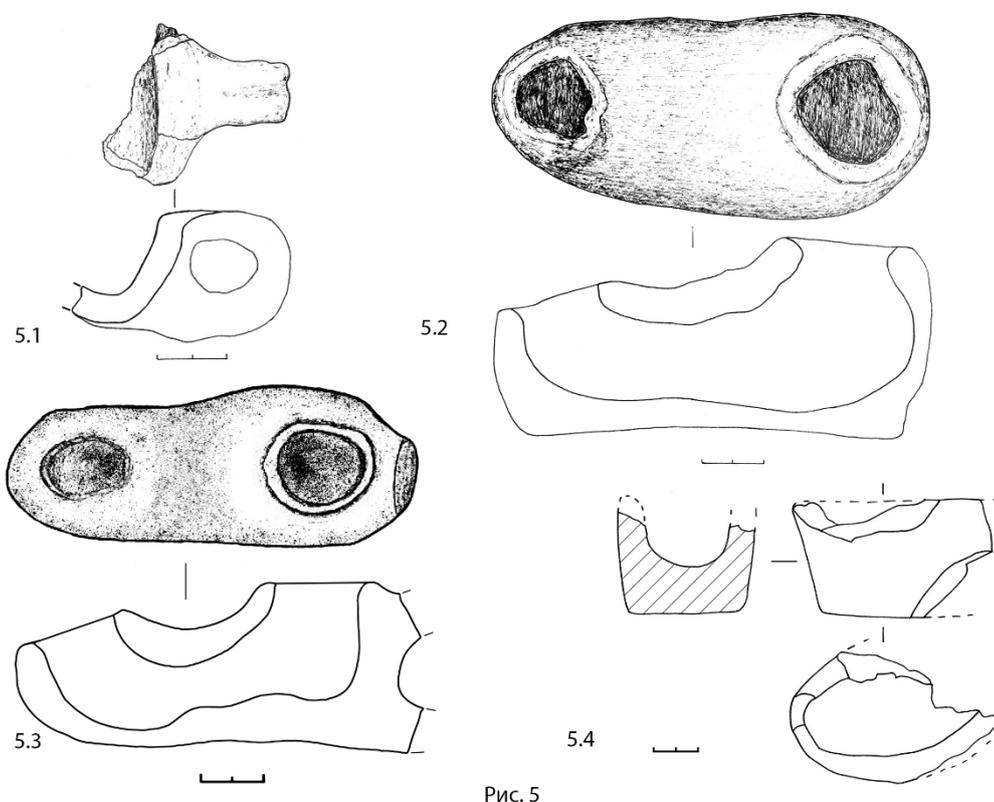

Рис. 5

Рис. 5. Лепные светильники 5.1–2 – Нижне-Гниловское городище; 5.3 – Кизитиринское городище; 5.4 – Ростовское городище. Рисунки Белецкой И.В. и Чельшевой Е.В.

Фрагмент другого светильника – на этот раз сохранилась только вертикальная ручка с частью задней стенки и дна (Рис. 5.1) – обнаружен в ходе зачистки и исследования площади вокруг сырцовой печи. Датируется данный слой на основании фрагментов амфор концом I – 40-ми гг. II в. н.э. [Копылов, Коваленко 2004: 44–45, рис. 183, 185: 13]. Данный фрагмент также невыразителен и не дает оснований для точного определения морфологических особенностей предмета.

Целый лепной светильник с закрытым резервуаром (Рис 5.2) типа 7 по классификации Т.М. Арсеньевой был обнаружен в ходе выравнивания и зачистки северного борта раскопа [Копылов, Коваленко 2004: 49, рис. 219: 18, 220: 3].

В 2016 г. силами совместной археологической экспедиции РРО ВОО «ВООПИиК» и «Археологическое общество «Наследие» проводились исследования Кизитиринского городища. Один целый лепной светильник с закрытым резервуаром и утраченной в древности вертикальной ручкой (Рис. 5.3) был обнаружен в ходе работ в заполнении перекопа [Коваленко 2017: 59, рис. 279: 6]. Такие светильники относятся к типу 3 по классификации Т.М. Арсеньевой.

В 2021 г. большой участок Ростовского городища исследовался Археологическим обществом «Наследие», экспедицией руководил А.Н. Коваленко. В ходе работ был найден и фрагмент светильника, судя по всему, открытой формы (Рис. 5.4). Яма, в которой он был обнаружен, датируется, согласно стратиграфическим наблюдениям, первой половиной III в. н.э.

Таким образом, нами было рассмотрено одиннадцать ранее опубликованных светильников (из них для трех определить тип оказалось затруднительным), а также опубликовано пять целых светильников (один, правда, определен как светильник лишь гипотетически) и четыре фрагмента. Все они происходят из материалов городищ – нам не известно о находках светильников в некрополях. Светильники были обнаружены во всех городищах нижнедонских меот, за исключением Мокро-Чалтырского и Подазовского.

Светильники, аналогичные рассмотренным нами, хорошо представлены среди экземпляров, найденных в Танаисе. Исключение составляет только уникальный трехсекционный светильник – если, конечно, его атрибуция верна. Однако, стоит отметить, что нам неизвестны на меотских городищах Нижнего Дона светильники в виде чашечки на ножке или чашечки с заграждением для фитиля, хотя в Танаисе они достаточно хорошо представлены.

Ассортимент светильников из Танаиса оказался разнообразнее, чем в его сельской округе. Возможно, это объясняется в том числе и значительно лучшей археологической изученностью Танаиса. На меотских памятниках самыми распространенными оказались светильники закрытой формы типов 6 и 7 по классификации Т.М. Арсеньевой. Есть основания полагать, что и опубликованные Т.Н. Книпович экземпляры из Кизитиринского городища относятся именно к ним. Также среди светильников закрытой формы представлены тип 3 по классификации Т.М. Арсеньевой, отличающийся наличием вертикальной ручки. Среди открытых светильников представлены в первую очередь ладьевидные – их экземпляры нам известны из Темерницкого и Кобякова городищ. А вот круглый све-

тильник в виде чашечки нам известен только один, происходящий из Крепостного городища, и относится он к типу 3 по классификации Т.М. Арсеньевой. Впрочем, в Танаисе подобные светильники также встречаются нечасто.

К сожалению, малочисленность светильников и отсутствие в ряде случаев описания контекста находки затрудняет датировку многих из них. Впрочем, даже там, где контекст известен, порой датированию мешает то, что слой, в котором найден светильник, является переотложенным. Приходится лишь констатировать, что все обнаруженные светильники датируются временем существования самих городищ, т.е. I – серединой III в. н.э. Несколько больше можно сказать о датировках, введенных нами в научный оборот экземпляров. Большинство из них относится ко второй половине I – первой половине II в. н.э., несколько можно отнести ко второй половине II в. н.э. и только один имеет дату первой половины III в. н.э.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Арсеньева 1969 – *Арсеньева Т.М.* Лепная керамика Танаиса. II. Горшки // Антические древности Подонья-Приазовья. – М.: Наука, 1969. – С. 173–219.

Арсеньева 1988 – *Арсеньева Т.М.* Светильники Танаиса. – М.: Наука, 1988. – 144 с.

Жеребилов 2010 – *Жеребилов С.Е.* Итоги работ 2008 года на Темерницком городище // Историко-археологические исследования г. Азове и на Нижнем Дону в 2007–2008 гг. – 2010. – Вып. 24. – С. 161–168.

Казакова и др. 1998 – *Казакова Л.М., Беспалый Г.Е. Козюменко Е.В.* Итоги охранных археологических работ на Хапrowsком городище. 1995 г. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1995–1997 гг. – 1998. – Вып. 15. – С. 84–96.

Каменецкий 1957 – *Каменецкий И.С.* Нижне-Гниловское городище (раскопки 1954 и 1955 годов) // Краеведческие записки. – 1957. – Вып. 1. – С. 121–134.

Книпович 1949 – *Книпович Т.Н.* Танаис. Историко-археологические исследования. – М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1949. – 180 с.

Коваленко 2017 – *Коваленко А.Н.* Отчет о результатах археологической разведки и спасательных археологических раскопках совместной археологической экспедиции РРО ВОО «ВООПИиК» и ООО «Археологическое общество «Наследие» на территории земельного участка с кадастровым номером 61 : 44 : 0032109 : 13 в г. Ростове-на-Дону по адресу ул. Богданова 75 в 2016 году. – Ростов-на-Дону, 2017. – Архив Учебного музея «Археология» ИИМО ЮФУ.

Копылов 1997 – *Копылов В.П.* Отчет об исследованиях в дельте Дона археологической экспедиции НМЦА РГПУ в 1996 г. – Ростов-на-Дону, 1997. – Архив Учебного музея «Археология» ИИМО ЮФУ.

Копылов 1999 – *Копылов В.П.* Отчет об исследованиях экспедиции НМЦА РГПУ в 1997 г. – Ростов-на-Дону, 1999. – Архив Учебного музея «Археология» ИИМО ЮФУ.

Копылов и др. 2001 – *Копылов В.П., Томашевич Бук Т.Ж., Иванов А.А.* Отчет об археологических исследованиях Научно-методического центра археологии РГПУ в 2000 г. – Ростов-на-Дону, 2001. – Архив Учебного музея «Археология» ИИМО ЮФУ.

Копылов, Коваленко 2004 – *Копылов В.П., Коваленко А.Н.* Отчет об исследованиях экспедиции НМЦА РГПУ в 2003 г. – Ростов-на-Дону, 2004. – Архив Учебного музея «Археология» ИИМО ЮФУ.

Кругликова 1974 – *Кругликова И.Т.* Работы Сухо-Чалтырского отряда Нижне-Донской экспедиции // Археологические памятники Нижнего Подонья. II. – М., 1974. – С. 173–193.

Ларенок, Яценко 2000 – *Ларенок П.А., Яценко С.А.* Культурный слой // Отражение прошлого (Темерницкое городище). – Ростов-на-Дону, 2000. – С. 16–31.

Убогая 2002 – Убогая Т.В. Лепная керамика Крепостного городища // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2001 г. – 2002. – Вып. 18. – С. 194–201.

REFERENCES

ARSEN'EVA T.M. *Lepnaya keramika Tanaisa. II. Gorshki* [Molded ceramics of Tanais. II. Pots]. IN: *Antichnye drevnosti Podon'ya-Priazov'ya* [Ancient antiquities of the Podonye-Azov region]. – М.: Nauka, 1969. – P. 173–219. (In Russ.).

ARSEN'EVA T.M. *Svetil'niki Tanaisa* [Tanais Lamps]. – М.: Nauka, 1988. – 144 p. (In Russ.).

ZHEREBILOV S.E. *Itogi rabot 2008 goda na Temernitskom gorodishche* [The results of the 2008 work on the Temernitsky settlement]. IN: *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya g. Azove i na Nizhnem Donu v 2007–2008 gg.* – 2010. – Vyp. 24. – P. 161–168. (In Russ.).

KAZAKOVA L.M., BESPALYI G.E. KOZYUMENKO E.V. *Itogi okhrannykh arkheologicheskikh rabot na Khaprovskom gorodishche. 1995 g* [The results of archaeological conservation work at the Khaprovsky settlement. 1995]. IN: *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu v 1995–1997 gg.* – 1998. – Vyp. 15. – P. 84–96. (In Russ.).

KAMENETSKII I.S. *Nizhne-Gnilovskoe gorodishche (raskopki 1954 i 1955 godov)* [Nizhne-Gnilovsky settlement (excavations in 1954 and 1955)]. IN: *Kraevedcheskie zapiski.* – 1957. – Vyp. 1. – P. 121–134. (In Russ.).

KNIPOVICH T.N. *Tanais. Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya* [Tanais. Historical and archaeological research]. – М.-Л.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1949. – 180 p. (In Russ.).

KOVALENKO A.N. *Otchet o rezul'tatakh arkheologicheskoi razvedki i spasatel'nykh arkheologicheskikh raskopkakh sovместnoi arkheologicheskoi ekspeditsii RRO VOO «VOOPliK» i OOO «Arkheologicheskoe obshchestvo «Nasledie» na territorii zemel'nogo uchastka s kadastronym nomerom 61 : 44 : 0032109 : 13 v g. Rostove-na-Donu po adresu ul. Bogdanova 75 v 2016 godu* [Report on the results of archaeological exploration and rescue archaeological excavations of the joint archaeological expedition of the RRO VOO "VOOPliK" and LLC "Archaeological Society "Heritage" on the territory of a land plot with cadastral number 61 : 44 : 0032109 : 13 in Rostov-on-Don at 75 Bogdanov Street in 2016]. – Rostov-na-Donu, 2017. – *Arkhiv Uchebnogo muzeya «Arkheologiya» IIMO YuFU.* (In Russ.).

KOPYLOV V.P. *Otchet ob issledovaniyakh v del'te Dona arkheologicheskoi ekspeditsii NMTsA RGPU v 1996 g* [Report on the research in the Don Delta by the archaeological expedition of the SMCA RGPU in 1996]. – Rostov-na-Donu, 1997. – *Arkhiv Uchebnogo muzeya «Arkheologiya» IIMO YuFU.* (In Russ.).

KOPYLOV V.P. *Otchet ob issledovaniyakh ekspeditsii NMTsA RGPU v 1997 g* [Report on the research of the SMCA RGPU expedition in 1997]. – Rostov-na-Donu, 1999. – *Arkhiv Uchebnogo muzeya «Arkheologiya» IIMO YuFU.* (In Russ.).

KOPYLOV V.P., TOMASHEVICH BUK T.ZH., IVANOV A.A. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh Nauchno-metodicheskogo tsentra arkheologii RGPU v 2000 g* [Report on archaeological research of the Scientific and Methodological Center of Archeology of the RGPU in 2000]. – Rostov-na-Donu, 2001. – *Arkhiv Uchebnogo muzeya «Arkheologiya» IIMO YuFU.* (In Russ.).

KOPYLOV V.P., KOVALENKO A.N. *Otchet ob issledovaniyakh ekspeditsii NMTsA RGPU v 2003 g* [Report on the research of the SMCA RGPU expedition in 2003]. – Rostov-na-Donu, 2004. – *Arkhiv Uchebnogo muzeya «Arkheologiya» IIMO YuFU.* (In Russ.).

KRUGLIKOVA I.T. *Raboty Sukho-Chaltyrskogo otryada Nizhne-Donskoi ekspeditsii* [The work of the Sukho-Chaltyrsky detachment of the Lower Don expedition]. IN: *Arkheologicheskie pamyatniki Nizhnego Podon'ya. II.* [Археологические памятники Нижнего Подонья. II]. – М., 1974. – P. 173–193. (In Russ.).

LARENOK P.A., YATSENKO S.A. *Kul'turnyi sloi* [The cultural layer]. IN: *Otazhenie proshlogo (Temernitskoe gorodishche)* [Reflection of the past (Temernitsky settlement)]. – Rostov-na-Donu, 2000. – P. 16–31. (In Russ.).

UBOGAYA T.V. *Lepnaya keramika Krepostnogo gorodishcha* [Stucco ceramics of the Krepostno settlement]. IN: *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v g. Azove i na Nizhnem Donu v 2001 g. – 2002.* – Вып. 18. – P. 194–201. (In Russ.).

Информация об авторах

А.И. Степикин – младший научный сотрудник.

Е.В. Вдовченков – доктор исторических наук, доцент.

Information about the authors

A.I. Stepikin – Junior research assistant.

E.V. Vdovchenkov – Doctor of Science (History), docent.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.11.2024 г.; одобрена после рецензирования 12.12.2024 г.; принята к публикации 27.12.2024 г.

The article was submitted 12.11.2024; approved after reviewing 12.12.2024; accepted for publication 27.12.2024.

Средневековая и новая история

Научная статья
УДК 93/94(470.64)
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-27-39
EDN: ZWZRLU

СЕЦЕССИЯ КАЗИЕВОЙ КАБАРДЫ 1601 И 1641 гг.: ЭТАПЫ «СМЕНЫ ДИНАСТИИ»

Заурбек Анзорович Кожев

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, zaurbek_k@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6507-2406>

Аннотация. Внутриполитическое развитие Кабарды XVI-XVII вв. происходило в форме острой конкурентной борьбы между различными линиями кабардинских Иналидов. Периодом явного преимущества рода Идаровых в борьбе за верховную власть в княжестве была вторая половина XVI в. Второе поколение Идаровых, опиравшихся на тесный политический и династический союз с Москвой, столкнулось с жесткой оппозицией других княжеских фамилий Кабарды. Наиболее бескомпромиссную позицию в борьбе за высшую политическую власть в княжестве и сохранение его фактической независимости от Москвы занимали потомки Беслана Жанхотова – Кази Пшеапшוקов, его сыновья и племянники. Не останавливаясь перед неконвенциональными методами борьбы, Кази Пшеапшок и его преемник Алегуко Шогенуков перехватили у Идаровых политическое лидерство. Два знаковых события, послужившие прологом и эпилогом этого процесса «смены династии» в Кабарде, являются предметом данного исследования. Это, во-первых, убийство Мамстрюка и Доманука Кемиргоковичей Идаровых и последовавшая затем трехлетняя сецессия Казиевой Кабарды в Восточное Закубанье. А во-вторых, политический кризис конца 30-х – начала 40-х гг. XVII в., битва на Малке 1641 г., повторная сецессия Казиевой Кабарды и ее союзников в Восточное Закубанье, завершившее эпоху политического лидерства Идаровых. Тесные политические и династические связи Иналидов с русскими государями детерминировали очевидную корреляцию процессов «смены династии» в Кабарде и Московском царстве конца XVI – первых десятилетий XVII вв.

Ключевые слова. Кабарда, Кази Пшеапшок, Алегуко Шогенуков, Идаровы, сецессия, удельная система.

Для цитирования: Кожев З.А. Сецессия Казиевой Кабарды 1601 и 1641 гг.: этапы «смены династии» // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 4. – С. 27-39. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-27-39. EDN: ZWZRLU.

© Кожев З.А., 2024

Original article

SECESSION OF KAZIYEV'S KABARDA IN 1601 AND 1641 YEARS: STAGES OF THE «DYNASTY CHANGE»

Zaurbek A. Kozhev

Institute for Humanitarian Studies – Branch of the Kabardin-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, zaurbek_k@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6507-2406>

Abstract. The internal political development of Kabarda in the XVI–XVII-th centuries took the form of a sharp competitive struggle between various lineages of the Kabardian Inalids. The period of distinct advantage of the Idarov family in the struggle for supreme power in the principality was the second half of the XVI-th century. The second generation of the Idarovs, relying on a close political and dynastic alliance with Moscow, faced tough opposition from other princely families of Kabarda. The most uncompromising position in the struggle for the highest political power in the principality and the preservation of its actual independence from Moscow was taken by the descendants of Beslan Zhankhotov – Kazi Psheapshokov, his sons and nephews. Without stopping at unconventional methods of struggle, Kazi Psheapshokov and his successor Aleguko Shogenukov intercepted political leadership from the Idarovs. The subjects of this study are two significant events, that became the prologue and epilogue of this process of «dynasty change» in Kabarda. Firstly, it is the murder of Mamstruko and Domanuko Kemirgokovich Idarov and the subsequent three-years-long secession of Kazieva's Kabarda to Eastern Trans-Kuban. And secondly, these are the political crisis of the late 30-s – early 40-s years of the XVI-th century, the battle on the Malka in 1641, the repeated secession of Kaziyev's Kabarda and its allies to Eastern Trans-Kuban, which ended the era of the Idarovs' political leadership. The close political and dynastic ties of the Inalids with the Russian sovereigns determined the obvious correlation of the “dynasty change” – processes in Kabarda and in the Moscow Kingdom at the end of the XVI-th – first decades of the XVII-th centuries.

Keywords. Kabarda, Kazi Psheapshokov, Aleguko Shogenukov, Idarovs, secession, appanage system.

For citation: Kozhev Z.A. Secession of Kaziyev's Kabarda in 1601 and 1641 years: stages of the «dynasty change». IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 4. – P. 27-39. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-27-39. EDN: ZWZRLU

© Kozhev Z.A., 2024

В истории Кабарды XVI-XVII в. представители княжеского рода Иналидов, как носители высшей политической власти, избравшие из своей среды пожизненного суверена, играли выдающуюся роль. Происхождение от общего предка и близкая степень родства, как и в случае с любой феодальной аристократией, не мешала Иналидам Кабарды непримиримо соперничать за титул *пцъышхуэ* – великого князя, политическое влияние, земли и подданных. С момента установления устойчивых связей с Московским царством, перипетии внутривполитической борьбы в Кабарде находят отражение не только в устных черкесских преданиях, но и в документах Посольского приказа, деловой документации исходящей из Терок и Астрахани, в которых функционировала царская администрация [Белокуров 1889; КРО 1957]. Конец XVI – первая половина XVII вв. стали для Кабарды эпохой активизации междоусобной борьбы наиболее влиятельных княжеских кланов, во многом инспирированной фактором постоянного воздействия на внутривполитические процессы в княжестве со стороны правительства Московского царства.

Основные факты и события этой эпохи хорошо известны отечественной историографии. Благодаря публикациям русских архивных документов, фольклорных текстов мы имеем общее представление о том, как протекал политический процесс в Кабарде конца XVI – первой половины XVII вв. [Смирнов 1958; Кушева 1963; История Кабардино-Балкарской 1967: 106-129; Карданов 2001; Дзамихов 2001: 81-275; История многовекового содружества 2007: 54-90; Дза-

михов 2007; Дзамихов 2017; Кожев 2020: 68-130 и др.]. Задачей нашего небольшого исследования является попытка связать события и факты с момента гибели Домануко и Мамстрюка Кемиргоковичей Идаровых в 1601 г. до битвы на Малке 12 июля 1641 г. с контекстом синхронных исторических событий в Русском государстве. Такой подход позволяет прояснить многие детали катастрофического для Идаровых процесса возвышения княжеского дома потомков Шогенуко и Кази Пшеапшоковых (род Кайтукиных), в потомстве которых с середины XVII в. наследственно закрепилось право на великокняжескую власть в Кабарде.

Вторая половина XVI в. в Кабарде может быть по праву названа временем правления многочисленного и амбициозного княжеского дома Идаровых. Кроме самого Идара – родоначальника этой старшей по генеалогическому происхождению ветви Иналидов Кабарды, который на протяжении многих лет с конца 30-х гг. XVI в. был великим князем – пщышхуэ, русские источники называют «князьями кабардинскими», то есть суверенами, троих его сыновей – Кемиргоко, Биту и Канбулата Идаровых, последовательно добивавшихся этого статуса [Ногмов 1994: 101-107; КРО 1957: 384-385]. Время правления Кемиргоко Идарова начинается не позднее 1557 г., завершается примерно в 1570 г.; Канбулата Идарова – не позднее 1577 г., завершается в начале 1589 г. [Белокуров 1889: 180-181; Кушева 1963: 258; КРО 1957: 5, 22-23, 34, 56]. Хронология правления Биту Идарова не ясна ввиду отсутствия письменных данных.

После смерти Канбулата Идарова в Кабарде начался внутривластный кризис, вызванный соперничеством Кайтукиных и Талостановых за великокняжеский титул. Активное вмешательство в междоусобную борьбу русского правительства, инспирированное Мамстрюком Кемиргоковичем – лидером клана Идаровых, привело к объединению трех из четырех кабардинских уделов (Кайтукиных, Идаровых, Джиляхстановых), тотальному военному разгрому с привлечением русских войск удела Шолоха Тапсарукова (Талостаней) и вокняжением в Кабарде Жансоха – самого младшего и единственного остававшегося к тому времени в живых из пяти братьев Кайтукиных [Белокуров 1889: 181-182; КРО 1957: 57, 58, 63-64, 400; Налоева 2015: 5; Кожев 2023]. Таким образом, даже избрание в качестве пщышхуэ Кабарды Жансоха Кайтукина совершилось благодаря политическому таланту и устойчивым связям с русским правительством Мамстрюка Кемиргоковича Идарова. Добившись своего, Идаровы не только ослабили военную мощь Шолоха Тапсарукова и всего Талостанея, но и поставили в двусмысленное положение слабого пщышхуэ Жансоха Кайтукина, зависимого от поддержавшей его притязания Москвы.

Политический вес самих Идаровых, как наиболее последовательных союзников Русского государства в регионе к концу XVI в. достиг своего апогея. Дополнительным мощным фактором возвышения Идаровых, зримым выражением и одновременно источником политического доминирования в Кабарде этого княжеского дома, были его эксклюзивные позиции при царском дворе. Самым видным представителем второго поколения Идаровых в Москве в конце XVI в. был «Хорошай-мурза», в крещении Борис Камбулатович Черкасский – двоюродный брат Домануко и Мамстрюко Кемиргоковичей. Он был женат на родной

сестре будущего московского патриарха Филарета (1619-1633), в миру Федора Никитича Романова – племянника Анастасии Романовны Захарьевой-Юрьиной, первой жены Ивана Грозного [КРО 1957: 385; Дзамихов 2001: 151-152].

Длительность правления Жансоха Кайтукина в Кабарде точно определить трудно, так как есть разночтения в источниках, но наиболее вероятно его смерть между 1592 и 1596 гг. В «посольском списке», то есть отчете о русской дипломатической миссии К.П. Совина в Кахетию 1596-1599 гг. есть характерная запись: «А Солох князь по великого государя нашего жалованью в Кабарде болшой князь и в заклад сына своего Солох князь в Терской город дал. А которые Черкасские князи и мурзы в государеве жалованье не укрепились, и Солох князь государевыми людьми на них ходит, кабаки их воует и под великого государя нашего царскую высокую крепкую руку их приводит и заклады у них емлючи, в Терской город отсылает» [Белокуров 1889: 305; Озова 2020: 200]. В других русских источниках, напротив, упоминается: «Шолох, князь кабардинской, а государева жалованья княженства не дано было ему» [КРО 1957: 386].

На наш взгляд, противоречие снимается при более подробном рассмотрении взаимоотношений Шолоха Тапсарукова с царским двором. Он уже в 1589 г. по возрасту, статусу и личному авторитету был наиболее предпочтительным кандидатом на титул великого князя, но в обход его прав, в результате интриг Идаровых, в качестве пщышхуэ был утвержден ничем не примечательный Жансох Кайтукин. Именно в 1589 г., во время внутривосточного кризиса, связанного с выборами нового пщышхуэ, Шолоху не было дано «государева жалованья княженства». Но уже в 1601 г. терские воеводы в своих донесениях уверенно называют Шолоха Тапсарукова сувереном Кабарды: «Кабардинской Солох князь» [Белокуров 1889: 350]. Еще одним косвенным подтверждением того, что данные К.П. Совина адекватно отражают политические реалии в Кабарде конца XVI в. и фактический статус Шолоха Тапсарукова как «большого князя», то есть пщышхуэ, является свидетельство «Родословной кабардинских князей и мурз XVII в.» А.И. Лобанова-Ростовского: «Мастрюк-князь, княженством кабардинским пожаловал его государь, а в Кабарде княженства ему не дано было» [КРО 1957: 384]. При живом Жансохе Кайтукине претендовать на великокняжеский титул Мастрюко не мог, а не позднее первой половины 1601 г. он вместе со своим старшим братом Домануко и несколькими племянниками уже был вероломно убит врагами [Белокуров 1889: 350; КРО 1957: 385; Налоева 2015: 2]. Возможно, после смерти Жансоха Кайтукина (ориентировочно между 1592 и 1596 гг.) Идаровы попытались вновь обойти права Шолоха Тапсарукова и, опираясь на поддержку Москвы, добиться получения для своего лидера великокняжеского титула, но в конце концов были вынуждены уступить законному претенденту несмотря на царскую жалованную грамоту «на княженство».

Именно в условиях вынужденного признания со стороны русского правительства прав на великое княжение Шолоха Тапсарукова при сохранении честолюбивых планов второго поколения Идаровых и Кайтукиных произошли драматические события рубежа XVI-XVII в. В «Родословной» А.И. Лобанова-Ростовского содержится лапидарная запись, описывающая их: «А Домануку и Мастрюку убили Казы-мурза з братьею (Казы Пшеапшоков с двоюродными

братьями – Ред.) зазав к себе меду пить, и держав их у себя два дни скованных и на третий день убили. А сам Казы с кобаками своими и с их откочевал в Беслене (курсив наш – Ред.) и жили там три годы. А Сунчалей да Куденет з братьею (соответственно внук Желегота Идарова и сын Канбулата Идарова – Ред.) прибежали на Терек, и с тех мест Сунчалей на Терке остался. А Мамстрюк добр был собою гораздо и дороден, и боялись ево в Каборде, в зависти ево и убили» [КРО 1957: 385].

Существует еще один почти синхронный, описываемым событиям документ, датируемый октябрем 1601 г. Это отписка в Москву представителей русской администрации в Терках, которые постфактум характеризуют политическую обстановку и степень лояльности русскому государю кабардинских князей: «Кабардинской Солох князь и все Кабардинские черкасы тебе, государю, не служат и не прямят и в Терский город Кабардинской Солох и мурзы сами не приезжают и братьи и детей своих и узденей не присылают и закладу своего Кабардинской Солох сына Хорошая, которой в Терском городе, отступился; а Казый мурза Шепшюков с братьею, убив Мамстрюка и Доманука и кабаки их поймав (курсив наш – Ред.), тебе, государю, за свою вину не бьют челом и тебе, государю, не служат. А ныне меж себя Кабардинской Солох с Казыем Шепшюковым и со всеми Кабардинскими черкасы помирять и заклады укрепились; да и с Кумыцкими людми Кабардинские черкасы Солох князь и Казый Шепшюков в миру же и в одиначестве: Шевкаловых детей Суркая Шевкала сын в закладе у Кабардинские у Солоха князя, а другого Шевкалова сына Андеин сын в закладе у Казыя мурзы Шепшюкова» [Белокуров 1889: 350].

Сопоставление двух этих письменных источников позволяет сделать несколько заключений. Во-первых, вероломное убийство, организованное Кайтукиными во главе с Кази Пшеапшоковым выглядит не как спонтанный инцидент, а как тщательно спланированная акция, направленная на физическое устранение политических противников и захват их владений, в первую очередь подданных. Датировать убийство братьев Домануко и Мамстрюко Кемиргоковичей Идаровых, вместе с несколькими сыновьями Домануко, можно достаточно точно [Налоева 2015: 2]. Массовое переселение селений Кайтукиных и убитых Идаровых в Восточное Закубанье, в Бесленей, должно было произойти в период после сбора урожая и до начала весеннего сева. С большой долей вероятности можно предположить, что убийство Идаровых состоялось зимой 1600/1601 гг. Традиционно именно зимнее время у черкесов было сезоном длительных пиршеств. Описывая традиционный быт феодальной Кабарды в период ее расцвета Султан Хан-Гирей писал, что кабардинцы проводили «... всю зиму... в пьянстве»: «...Зажиточные хозяева наперерыв зовут к себе князей и старшин *пить* и *веселиться* или к ним привозят крепкую *мармезию* (выдержанные алкогольные напитки из перебродившего проса, крепленные медом – Ред.)... Бывало сказывают, во время народных сборищ, всякую ночь князья и старшины проводили в полном веселии и нередко тут дела решали или, по крайней мере, толковали об них в самом приятном расположении духа» [Султан Хан-Гирей 2009: 202-203]. Очевидно, Домануко и Мамстрюко Кемиргоковичи Идаровы, откликнувшись на приглашение своих политических противни-

ков «меду пить»), не предполагали с их стороны подобного вероломства. Что же заставило Кайтукиных прибегнуть к такому неконвенциональному способу политической борьбы именно в это время? Безусловно, сами Идаровы своими многократными приводами в Кабарду русских отрядов для подавления политических противников начиная с 60-х годов XVI в. успели резко настроить против себя остальных кабардинских князей [Кожев 2020: 82-89]. Однако выбор времени для столь беспрецедентной акции, на наш взгляд, свидетельствует о хорошем знакомстве Кази Пшеопшокова с перипетиями внутривластной борьбы в Московском царстве. После смерти Федора Иоановича (1684-1598) и избрания на русский престол его шурина Бориса Годунова (1598-1605) в России начались гонения на партию родственников по матери последнего русского царя, также претендовавших на престол. К их числу принадлежал и Борис Камбулатович Черкасский, который, как близкий родственник Романовых, был схвачен, подвергнут пыткам и сослан с семьей на Север, в район Белоозера, где и скончался в 1601 г. [Дзамихов 2001: 152-153]. Резкое ослабление, если не сказать обнуление политического влияния Идаровых при царском дворе, Кайтукины вероятно расценили как удобный момент для сведения счетов со своими врагами.

Еще один вывод, который напрашивается при сопоставлении двух документов, описывающих событие и его последствия, это очевидное единодушие Кази Пшеапшокова и Шолоха Тапсарукова. Источники ничего не говорят нам об участии Талостановых в убийстве Идаровых, но тот факт, что пщышхуэ Шолох, вместо порицания или хотя бы дистанцирования от убийц ведущих представителей самого влиятельного княжеского дома Кабарды, практически демонстрировал свою солидарность с ними, говорит о том, что он не забыл как в декабре 1589 г. в окружении своих детей и знатных вассалов должен был пешим выйти к победителям и просить о пощаде [Белокуров 1889: 181-182; Кушева 1963: 273].

Физическое устранение руками Кази Пшеапшокова главных лидеров Идаровых и политических конкурентов Шолоха Тапсарукова очевидно устраивало последнего, как способ нейтрализации в регионе промосковских сил, посягающих на суверенные права пщышхуэ Кабарды. Иначе он не был бы с Кайтукиными «в миру и в одиначестве», то есть в союзе. Военно-политический альянс Талостановых и Кайтукиных с Шамхальством, закрепленный обменом аманатов, также был направлен против Московского царства и Идаровых, как последовательных сторонников ограничения суверенных прав кабардинских владельцев в пользу своих неизменных покровителей – русских государей.

Сецессия «Казыевой Кабарды» и захваченных ею селений Домануко и Мамстрюко Кемиргоковичей Идаровых продолжилась три года. Это привело к дезинтеграции Идарея и подорвало его демографические ресурсы. Часть Идаровых ушла под защиту Терского города. На Нижнем Тереке, рядом с русской военной крепостью на Северном Кавказе, начало формироваться вассальное Москве княжество с полиэтничным населением и князьями Идаровыми-Сунчалеевичами во главе [Белокуров 1889: 553-561; КРО 1957: 385; Смирнов 1958: 47; Кушева 1963: 285; Кажаров 2014: 577-580]. Оно будет играть выдаю-

щуюся роль в русско-кабардинских отношениях на протяжении всего XVII в., но усиление позиций Идаровых на Нижнем Тереке происходило за счет ослабления их ресурсной базы в центральной части Кабарды. Сам Сунчалей Канклычев в первые десятилетия XVII в. проявил исключительную активность в попытках восстановить влияние Идаровых в регионе, превратив одновременно свои владения в инструмент московской политики на Северном Кавказе [КРО 1957: 84, 85]. Его фигура в отражении кабардинского фольклора достигает эпических масштабов:

Санджэлеуэ дзэшхуэр зезышэмэ
НэщІэпыджэ батэри щагъэшкьэ

Санджэлей, что войско большое водит,
В Нашапидже большие дела вершит [Народные песни 1986: 105-107].

Возвращение из Закубанья в Кабарду Кази Пшеапшокова со своим уделом и захваченными вотчинами Домануко и Мамстрюко Кемиргоковичей произошло видимо около 1604 г. Это привело к временному восстановлению Идарея как удела Кабарды, но еще очень долго его владельцы находились в тени Сунчалей Канклычева, непосредственно опиравшегося на военные ресурсы Терского города и Русского государства [КРО 1957: 80, 83-85]. Частичное восстановление влияния Идаровых в Кабарде произошло лишь после прихода к власти в Московском царстве Романовых. Двоюродный брат Михаила Федоровича (1613-1645) – первого русского царя из новой династии – Иван Борисович Черкасский, сын Бориса (Хорошая) Камбулатовича и еще один представитель рода Идаровых – Дмитрий (Каншао) Мамстрюкович, сын убитого в Кабарде шурина Ивана Грозного, выдвинулись в первые ряды правящей элиты Русского государства [Дзамихов 2001: 153-154]. Укрепление позиций Идаровых в Москве при правительстве Михаила Федоровича и его отца Филарета, коррелирует с последними крупными успехами этого княжеского дома в Кабарде. Вторичное возвышение Идаровых происходило не столько благодаря усилению их ресурсной базы и демографических параметров Идарея, сколько благодаря удачной внутривластной конъюнктуре. В ноябре 1615 г. произошел разгром Казиевой Кабарды объединенными силами Талостанея, Большого Ногай и некоторых дагестанских владельцев: «...Черкаской Шолох-князь и сын его Хорошаймурза, собрався с кумыцким з Будачеевым сыном Ерпельского с Мааметьмурзою и с нагайскими людьми с Каракел-Мааметем-мурзою да с Ыштерековым сыном с Мааметь-мурзою и с их улусными людьми на черкасково на Казыя-мурзу Шапшукова войною приходили и ево, Казыя, убили и братью ево и узденей многих людей побили и кабаки их выжгли, и бой у Казыя-мурзы с нагайскими людьми был» [КРО 1957: 90-91, 406]. Остается открытым вопрос, что побудило Шолоха Тапсарукова в последние годы жизни так резко поменять политические пристрастия и развязать войну с Кайтукиными. Не исключена попытка реабилитироваться перед резко усилившимися Идаровыми за косвенное соучастие в убийстве их лидеров в 1600/1601 гг., но для Талостанея это ре-

шение имело фатальные последствия. Сам Шолох успел умереть своей смертью в 1616 г. после более чем двадцатилетнего правления, оставив по себе громкую славу [Народные песни 1986: 180-189; Налоева 2015: 10]. Однако Талостаней в том же 1616 г. дважды подвергся тотальному разгрому со стороны Кайтукиных, которые сначала воспользовались для этого помощью русского отряда из Терского города, а затем контингентом крымских войск, предоставленных им ханом Джанибек-Гиреем (1610-1622). В результате три старших сына Шолоха погибли от рук своих политических противников, а Талостаней так никогда и не смог полностью оправиться от этого поражения [КРО 1957: 386-387, 406; История народов 1988: 337].

После смерти Шолоха Тапсарукова в 1616 г. титул великого князя вновь перешел к представителю клана Идаровых – Куденету Канбулатову (1616-1624), который получил царскую жалованную грамоту и признание остальных кабардинских князей [КРО 1957: 385, 407]. Это был последний представитель рода Идаровых, чей великокняжеский статус был не только обеспечен жалованной грамотой русского царя, но и признавался всеми владетельными домами Иналидов Кабарды. Уже его родной брат Пшимахо в 1624 г., а вслед за ним еще один представитель клана Идаровых – Нартшао (Наршов) Елбузлуков (линидж Биту Идарова) в 1631 г., также получившие инвеституру в Москве, не были признаны в Кабарде в качестве пщышхуэ [КРО 1957: 385]. Примечательно, что Кайтукины прямо упрекали Идаровых в том, что они жертвуют общими интересами кабардинских Иналидов в пользу своего узкосемейного: «Вы ... ездите часто к государю к Москве и государю служите, а от нас прочь отстали» [КРО 1957: 108]. Но для Идаровых лояльность Русскому государству уже с середины 20-х годов XVII в. оставалась практически единственным инструментом политического выживания в Кабарде. И они раз за разом, выполняя возложенные на них функции проводников действенного военно-политического контроля над княжеством со стороны царского правительства, приводили в страну отряды русских служилых людей из Терского города, Астрахани, насильно брали аманатов, громили нелояльных князей из числа Кайтукиных, Талостановых, Джиляхстановых [КРО 1957: 109-110, 129-131, 135-138, 385, 408].

Если Талостановы и Джиляхстановы постепенно оказались в орбите политического влияния Идаровых и их последнего харизматичного лидера – Келемета Куденетова, то Кайтукины зарекомендовали себя принципиальными противниками превращения Кабарды в полностью зависимое от Москвы, вассальное государство. Двоюродные братья Алегуко Шогенуков и Хатокшоко Казиев, политические лидеры Казиевой Кабарды, завершили процесс фактической «смены династии» в княжестве. Агония Идаровых, затянувшаяся исключительно благодаря последовательной политике первых Романовых, видевших в них единственную безусловно лояльную Московскому царству силу, завершилась кризисом второй половины 30-х гг. XVII в. и сражением на Малке 12 июля 1641 г. [КРО 1957: 181-183, 203-205; Кожев 2020: 105-130]. Она была усугублена тем, что на финальной стадии борьбы за высшую политическую власть в Кабарде Идаровы разделились. В споре за выморочное имущество – бывшие вотчины Домануко и Мамстрюко Кемиргоковичей и их потомков часть Идаровых

– Будачей, Муцал и Алегуко Сунчалеевичи предпочли опереться на союз с Кайтукиными, в отличие от Канбулатовичей, которых безоговорочно поддержала Москва [КРО 1957: 198-199, 385; Дзамихов 2007: 61]. Одно из крупнейших сражений феодальной эпохи в истории Кабардинского княжества, разделившее его на два противоборствующих лагеря, каждый из которых имел своих союзников за пределами Кабарды, завершилось полным разгромом Идаровых и гибелью их лидера [КРО 1957: 203-205; Кожев 2020: 105-130].

Победители вновь, как и поколение их отцов совершили сецессию в Восточное Закубанье, которая продлилась несколько дольше – около пяти лет. В нее оказалась вовлечена примерно половина населения Кабарды (более 50 селений Казиевой Кабарды и 11 спорных селений Идарея, оспариваемых Сунчалеевичами у Канбулатовичей) [КРО 1957: 384-387]. В отличие от первой сецессии, во время которой часть вотчин Идарея, принадлежавшая убитым Домануко и Мамстрюко Кемиргоковичам была переселена Кази Пшеапшоковым насильно, в 1641 г. Идаровы-Сунчалеевичи добровольно приняли участие в переселении своих подданных подальше от политических конкурентов и их высоких покровителей из Терского города. Вторая сецессия завершила процесс фактической «смены династии» – доминирующей в Кабарде княжеской фамилии, претендующей на высшую политическую власть. Произошло это в форме, во-первых, разделения Идарея на несколько мелких несамостоятельных феодальных микроуделов с перспективой их дальнейшего поглощения Казиевой Кабардой – будущей Большой Кабардой русских источников XVIII-XIX вв. А во-вторых, окончательной маргинализации Талостановых и Джиляхстановых, которые никогда более не претендовали на право соучастия в выборах великого князя – пщышхуэ Кабарды. Обратной стороной этих процессов стала дезинтеграция некогда формально единого Кабардинского княжества, что отразилось в эволюции этатистского содержания адыгской политонимической лексики. Уже в 60-х гг. XVII в. Эвлия Челеби четко разделяет «беев Кабарды», «племя кабарты» и «страну Таустан» [Челеби 1979: 86, 92-93, 95-99]. Так, например, описывая воинские контингенты, приведенные в 1641 г. беглербеем Кафы Бекиром-пашой под Азов, захваченный донскими казаками, он перечисляет «кабартай» и «таустан» как отдельные «племена Черкесстана» [Челеби 1979: 28].

Причем Кабардой, по Эвлия Челеби, является исключительно территория Пятигорья между Верхней Кубанью и левым берегом Малки, которая отделяет ее от «страны Таустан», то есть Талостанея и Джиляхстанея. «Страна Таустан» даже характеризуется им как некая маргинальная черкесская провинция: «Языки их – грузинский и черкесский. Их армия состоит из двенадцати тысяч азнауров, вооруженных двумя тысячами ружей. И все они мусульмане шафиитского толка. Но вместе с тем они считаются черкесским племенем. Во все времена они поддерживали связь с грузинским народом, и потому особенности их говоров свидетельствуют о связях с языками грузинским, персидским и кумыкским» [Челеби 1979: 97-98].

С точки зрения русской политонимической лексики, не было разницы между «Идареевой, Алегукиной или Шолоховой Кабардами», так как и после «смены династии» все бывшие уделы Кабардинского княжества оставались в

поле единой социально-политической институционализации. Однако политонимическая лексика Эвлия Челеби оказалась адекватнее и отразила статусную трансформацию в удельной иерархии Кабардинского княжества в результате политических процессов первой половины XVII в. Еще Шолох Тапсаруков на языке черкесского фольклора являлся князем Кабарды:

Къэбэрдейми ди пхьэр пэрышэ,
Пашагъэм и гъуазэ пэжти.

Кабардинцев (дословно «Кабарду» – Ред.) в погоню первым поднимающий,
Первенство во всем ты держишь (досл. «[ты] первенства истинная путеводная звезда» – Ред.) [Народные песни 1986: 183, 185].

Но его дети и внуки, утратив право претендовать на титул пшышхуэ и принимать участие в выборах суверена, превратились в «беев Таустана», так же, как и князя Джиляхстаня.

Этот нюанс в иерархии статусов предельно четко отразил в начале XIX в. Генрих-Юлиус Клапрот: «Большая и Малая Кабарда – это разделение народа и страны, о котором сами черкесы ничего не знают и которое употребительно только у русских. Также мало знают они приведенное у Гербера деление на Верхнюю и Нижнюю Кабарду. *Они знают только одну Кабарду, и это та часть, которую обычно называют Большой Кабардой и которая на их языке тоже носит это имя* (курсив наш – Ред.). Малая Кабарда ... ограничена на севере Терекон, на востоке Сунджей, на юге – ручьем Кумбалай и на западе рекой Лескен, которая, соединившись с Аргуданом, впадает слева в Терек ... Ее восточная часть называется Шлахстани (по-татарски Шлахстан) (черкес. Джылэхьстэней – Ред.) ... Западная часть называется Татлостани (по-татарски Тау-Султан – «горный господин») (черкес. Талостэней – Ред.)» [АБКИЕА 1974: 274].

Уже после поражения в битве на Малке, обращаясь с челобитной к русскому государю в начале 1642 г., уцелевшие представители Идаровых из числа Канбулатовичей все еще претендовали на особое к себе отношение: «...Чтоб нас по твоей государьской милости чтили и берегли во всяких мерах больши иных нашей браться» [КРО 1957: 208]. Однако ни генеалогическое старшинство, ни память о былом могуществе, ни несомненные заслуги перед Московским царством не могли компенсировать фактическое поражение Идаровых в вековой борьбе за политическое лидерство. Противопоставив себя всем остальным Иналидам Кабарды, а интересы собственного политического доминирования объективным задачам сохранения фактической независимости княжества, Идаровы постепенно сошли с исторической арены сначала в Кабарде, а затем и в Русском государстве.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

АБКИЕА 1974 – *Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв.* / сост., ред. переводов, введ. и вступ. статьи к текстам В.К. Гарданова. Нальчик: Эльбрус, 1974. – 636 с.

Белокуров 1889 – *Белокуров С.А.* Сношения России с Кавказом: Материалы, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел. – М. Университетская типография, 1889. – Вып. I. 1578-1613 гг. – СХХIX; – 715 с.

Дзамихов 2001 – *Дзамихов К.Ф.* Адыги в политике России на Кавказе. – Нальчик: Эль-Фа, 2001. – 410 с.

Дзамихов 2007 – *Дзамихов К.Ф.* Кабарда и Россия в политической истории Кавказа XVI–XVII вв. – Нальчик: Кабардино-Балкарский государственный университет, 2007. – 326 с.

Дзамихов 2017 – *Дзамихов К.Ф.* «В службе и обороне...». Кабарда и Российское государство: эпоха военно-политического сотрудничества (1550-е – начало 1770-х годов). – Нальчик: Издательский отдел Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, 2017. – 356 с.

История Кабардино-Балкарской 1967 – *История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней в 2-х томах.* Т. 1. – М.: Наука, 1967. – 480 с.

История многовекового содружества 2007 – *История многовекового содружества. К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии с Россией.* – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2007. – 720 с.

История народов 1988 – *История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.* М.: Наука, 1988. – 544 с.

Кажаров 2014 – *Кажаров В.Х.* Избранные труды по истории и этнографии адыгов / Сост. к.и.н. А.Х. Абазов. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2014. – 904 с.

Карданов 2001 – *Карданов Ч. Э.* Путь к России. – Нальчик: Эльбрус, 2001. – 432 с.

Кожев 2020 – *Кожев З.А.* Очерки военно-политической истории Черкесии XV–XVII вв. – Нальчик: Принт Центр, 2020. – 144 с.

Кожев 2023 – *Кожев З.А.* Внутриполитический кризис в Кабарде 1589 г.: предпосылки, исторический контекст, последствия // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 4. – С. 40-54. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-40-54. EDN: AVBXZU.

КРО 1957 – *Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.:* Документы и материалы в 2-х томах. Т. I. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 478 с.

Кушева 1963 – *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVII века). – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1963. – 372 с.

Народные песни 1986 – *Народные песни и инструментальные наигрыши и адыгов.* Т. 3. Ч. 1. – М.: Советский композитор, 1986. – 264 с.

Налоева 2015 – *Налоева Е.Д.* Генеалогия кабардинских князей как исторический источник // Налоева Е.Д. Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-экономической истории / Сост. А.С. Мирзоев. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015. – 371 с. (Приложение)

Ногмов 1994 – *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа. – Нальчик: Эльбрус, 1994. – 232 с.

Озова 2020 – *Озова Ф.А.* Институт аманатства в черкесско-российских отношениях 1552-1829 гг. – СПб: Общество с ограниченной ответственностью «Нестор-История», 2020. – 632 с.

Смирнов 1958 – *Смирнов Н.А.* Политика России на Кавказе в XVI–XIX веках. – М.: Издательство социально-экономической литературы, 1958. – 243 с.

Султан Хан-Гирей 2009 – *Султан Хан-Гирей.* Избранные труды и документы. Майкоп: Полиграф-Юг, 2009. – 672 с.

Челеби 1979 – *Челеби Эвлия.* Книга путешествия. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. Вып. 2. – М.: Наука, 1979. – 288 с.

REFERENCES

Adygi, balkarcy i karachaevcy v izvestijah evropejskih avtorov XIII–XIX vv. [Adygs, balkarians and karachais in the news of european authors of the XIII–XIX centuries] / *sost., red.*

perevodov, vved. i vstup. stat'i k tekstam V.K. Gardanova. Nal'chik: Jel'brus, 1974. – 636 p. (In Russ.).

BELOKUROV S.A. *Snosheniya Rossii s Kavkazom: Materialy, izvlechennyye iz Moskovskogo glavnogo arhiva Ministerstva inostrannykh del* [Relations between Russia and the Caucasus: Materials extracted from the Moscow Main Archive of the Ministry of Foreign Affairs]. – Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1889. Issue I. 1578-1613 – CXXIX; – 715 p. (In Russ.).

CHELEBI EVLIYA. *Kniga puteshestviya. Zemli Severnogo Kavkaza, Povolzh'ya i Podon'ya. Vyp. 2* [Travel book. The lands of the North Caucasus, Volga and Don region. Issue 2]. – Moscow: Nauka, 1979. – 288 p. (In Russ.).

DZAMIKHOV K.F. *Adygi v politike Rossii na Kavkaze* [Adygi in the politics of Russia in the Caucasus]. – Nalchik: El'-Fa, 2001. – 410 p. (In Russ.).

DZAMIKHOV K.F. *Kabarda i Rossiya v politicheskoi istorii Kavkaza XVI–XVII vv.* [Kabarda and Russia in the political history of the Caucasus of the 16th – 17th centuries.]. – Nalchik: Kabardino-Balkarskii gosudarstvennyi universitet, 2007. – 326 p. (In Russ.).

DZAMIKHOV K.F. «*V sluzhbe i oborone...*». *Kabarda i Rossijskoe gosudarstvo: jepoha voenno-politicheskogo sotrudnichestva (1550-e - nachalo 1770-h godov)*. [«In service and defense...». Kabarda and the Russian state: the era of military-political cooperation (1550s - early 1770s)]. – Nalchik: Izdatel'skii otdel Instituta gumanitarnykh issledovaniy Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk, 2017. – 356 p. (In Russ.).

Istoriya Kabardino-Balkarskoi ASSR s drevneishikh vremen do nashikh dnei v 2-kh tomakh. T. 1. [The history of the Kabardino-Balkarian Autonomous Soviet Socialist Republic from ancient times to the present in 2 volumes. T. 1]. – Moscow: Nauka, 1967. – 480 p. (In Russ.).

Istoriya mnogovekovogo sodruzhestva. K 450-letiju sojuza i edineniya narodov Kabardino-Balkarii s Rossiej. [The history of a centuries-old commonwealth. To the 450th anniversary of the union and unity of the peoples of Kabardino-Balkaria with Russia]. – Nalchik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh, 2007. – 720 p. (In Russ.).

Istoriya narodov Severnogo Kavkaza s drevneishikh vremen do kontsa XVIII v. [The history of the peoples of the North Caucasus from ancient times to the end of the XVIII century]. Moscow: Nauka, 1988. – 544 p. (In Russ.).

Kabardino-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv. [Kabardian-russian relations in the XVI–XVIII centuries]: Documents and materials in 2 volumes. Vol. I. – Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1957. – 478 p. (In Russ.).

KAZHAROV V.Kh. *Izbrannyye trudy po istorii i etnografii adygov* [Selected works on the history and ethnography of the Adyghe] / *Sost. k.i.n. A.Kh.Abazov*. – Nal'chik: OOO «Pechatnyi dvor», 2014. – 904 p. (In Russ.).

Карданов 2001 – *Карданов Ч. Э. Путь к России*. – Нальчик: Эльбрус, 2001. – 432 с.

KOZHEV Z.A. *Ocherki voenno-politicheskoi istorii Cherkessii XV–XVII vv.* [Essays on the military and political history of Chircassia in the XV–XVII centuries]. – Nalchik: Print Center, 2020. – 144 p. (In Russ.).

KOZHEV Z.A. *Vnutripoliticheskii krizis v Kabarde 1589 g.: predposylki, istoricheskii kontekst, posledstviya* [Internal political crisis in Kabarda in 1589: preconditions, historical context, consequences]//Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya» – 2023. – № 4. – P. 40-54. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-40-54. EDN: AVBXZU.

KUSHEVA E. N. *Narody Severnogo Kavkaza i ikh svyazi s Rossiei (vtoraya polovina XVI – 30-e gody XVII veka)* [The peoples of the North Caucasus and their ties with Russia (second half of the XVI – 30s of the XVII century)]. – Moscow: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1963. – 372 p. (In Russ.).

NALOEVA E.D. *Genealogiya kabardinskikh knyazei kak istoricheskii istochnik* [The genealogy of the Kabardian princes as a historical source (An album of 14 genealogical maps)]. IN: NALOEVA E.D. *Kabarda v pervoi polovine XVIII veka: genezis adygsckogo feodal'nogo sotsiuma i prob-lemy sotsial'no-ekonomicheskoi istorii* / *Sost. A.S. Mirzoev* [Kabarda in the first half of the 18th century: the genesis of the Adyghe feudal society and the problems of socioeconomic history.

Compiled by A.S. Mirzoev]. – Nalchik: Pechatny Dvor Ltd., 2015. – 371 p. (Prilozhenie) (In Russ.).

Narodnye pesni i instrumental'nye naigryshi adygov [Folk Songs and Instrumental Rants of the Adygs]. Vol. 3. Part. 1. – M.: Sovetskii kompozitor, 1986. – 264 p. (In Russ.).

NOGMOV SH.B. *Istoriya adykheiskogo naroda* [The history of the adyghhe people]. – Nalchik: Elbrus, 1994. – 232 p. (In Russ.).

OZOVA F.A. *Institut amanatstva v cherkessko-rossijskih otnoshenijah 1552-1829 gg.* [Institute of amanats in Circassian-Russian relations 1552-1829]. – St. Petersburg: Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu «Nestor-Istoriya», 2020. – 632 p. (In Russ.).

SMIRNOV N.A. *Politika Rossii na Kavkaze v XVI-XIX vekah.* [Russian policy in the Caucasus in the 16th-19th centuries]. – Moscow: Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoi literatury, 1958. – 243 p. (In Russ.).

SULTAN KHAN-GIREY. *Izbrannye trudy i dokumenty* [Selected works and documents]. Maykop: Poligraf-Yug, 2009. – 672 p. (In Russ.).

Информация об авторе

З.А. Кожев – кандидат исторических наук.

Information about the author

Z.A. Kozhev – PhD (of History).

Статья поступила в редакцию 12.11.2024 г.; одобрена после рецензирования 12.12.2024 г.; принята к публикации 27.12.2024 г.

The article was submitted 12.11.2024 y.; approved after reviewing 12.12.2024 y.; accepted for publication 27.12.2024 y.

Научная статья
УДК 94(47)
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-40-53
EDN: GQRDWH

АСТРАХАНСКИЙ СОВЕСТНЫЙ СУД: ИСТОРИЯ ПРИСОЕДИНЕНИЯ К ПАЛАТЕ УГОЛОВНОГО И ГРАЖДАНСКОГО СУДА (1828 ГОД)

Сергей Николаевич Подлесных

Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова, Воронеж, Россия, agera3@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-2613-5777>

Аннотация. В настоящей статье впервые в отечественной историографии предпринята попытка проанализировать механизм присоединения совестного суда, учрежденного в 1775 г. Екатериной II в соответствии с «Учреждениями для управления губерний Всероссийской империи. Часть первая» к местным палатам уголовного и гражданского суда, а также выявить причины такого присоединения. В качестве примера для анализа, в первую очередь, послужило дело Астраханского совестного суда 1828 г., хранящееся в фондах Российского государственного исторического архива. Показано, что «астраханское дело» 1828 г. явилось своеобразным прецедентом в череде последующих присоединений совестных судов к местным судебным палатам, начиная с 1847 г., когда должность совестного судьи в конкретной губернии сохранялась, совестный суд, как самостоятельное судебное учреждение закрывался, а его компетенция переходила местной судебной палате. Особое внимание уделяется анализу дворянского сообщества Астраханской губернии, которое в сравнении с другими губерниями Российской империи, было малочисленным. Низкий дворянский кадровый потенциал – одна из причин закрытия совестного суда в Астрахани, как самостоятельного учреждения. Второй причиной, повлиявшей на закрытие Астраханского совестного суда, являлось незначительное количество находящихся в производстве у совестного судьи тяжёлых дел.

Ключевые слова: Астраханская губерния, Кавказ, совестный суд, судоустройство Российской империи, судопроизводство, судейский корпус, А.П. Ермолов, дворянская служба, палата уголовного и гражданского суда, Учреждение для управления губерний Всероссийской империи.

Для цитирования: Подлесных С.Н. Астраханский совестный суд: история присоединения к палате уголовного и гражданского суда (1828 год) // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 4. – С. 40-53. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-40-53. EDN: GQRDWH.

© Подлесных С.Н., 2024

Original article

ASTRAKHAN CONSCIENTIFIC COURT: HISTORY OF ACCESSION TO THE CHAMBER OF CRIMINAL AND CIVIL COURT (1828)

Sergey N. Podlesnykh

Voronezh State Forest Engineering University named after G.F. Morozov, Voronezh, Russia, agera3@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-2613-5777>

Abstract. This is the first paper in Russian historiography that attempts to explain the mechanism of the entry of the court of conscience founded in 1775 by Catherine II under the "Institutions for the Administration of the Provinces of the All-Russian Empire. Part One" to the local chambers of the criminal and civil courts, and to identify the reasons for such accession. The case of the Astrakhan court of conscience of 1828, stored in the funds of the Russian State Historical Archive, served as an example for the analysis. Part One" to the local chambers of the criminal and civil courts, and to identify the reasons for such accession. The case of the Astrakhan court of conscience of 1828, stored in the funds of the Russian State Historical Archive, served as an example for analysis. It is shown that the "Astrakhan case" of 1828 was a kind of precedent in a series of subsequent accessions of courts of conscience to local judicial chambers, starting from 1847, when the position of a judge of conscience in a particular province was retained, the court of conscience, as an independent judicial institution, was closed, and its competence was transferred to the local judicial chamber. Particular attention is paid to the analysis of the noble community of the Astrakhan province, which, in comparison with other provinces of the Russian Empire, was small. Low noble personnel potential is one reason for the closure of the conscientious court in Astrakhan as an independent institution. The second reason that influenced the closure of the Astrakhan conscientious court was the insignificant number of litigation cases pending before the conscientious judge.

Keywords: Astrakhan province, Caucasus, court of conscience, judicial system of the Russian Empire, legal proceedings, judicial corps, General A.P. Ermolov, noble service, chamber of criminal and civil court, Institutions for the administration of the provinces of the All-Russian Empire.

For citation: Podlesnykh S.N. Astrakhan conscientious court: history of accession to the chamber of criminal and civil court (1828). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 4. – P. 40-53. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-40-53. EDN: GQRDWH.

© Podlesnykh S.N., 2024

Введение

Актуальность. Совестные суды в Российской империи были учреждены Екатериной II в 1775 г. по итогам губернской реформы, которая в корне изменила отечественную судебную систему. Одним из основных принципов судостроительства был принцип сословности судебных учреждений. Для каждого сословия был учрежден свой суд. Однако также были учреждены и всесословные судебные органы. Такими всесословными органами правосудия в губерниях были Палаты уголовного и гражданского суда и совестный суд.

С незначительными доработками судебная система, организованная в 1775 г., просуществовала в России вплоть до судебной реформы Александра II 1864 г.

Согласно именному императорскому указу от 30 апреля 1790 г. «Правление губернии Кавказской с Палатами и прочими местами» было перенесено из Екатеринограда в Астрахань [ПСЗРИ-I. Т. XXIII. 1830. № 16858: 128]. Таким образом, Астрахань становится губернским городом, в котором находились в том числе губернские судебные места. С 1790 г. в Астрахани также размещался Кавказский совестный суд [ГААО. Ф. 965. Оп. 1. Д. 4].

Павел I сократил количество судебных учреждений. В том числе им были закрыты совестные суды. Так, в Государственном архиве Астраханской области хранится дело о закрытии в 1797 г. Астраханского совестного суда [ГААО. Ф. 400. Оп. 1. Д. 32]. Своим именованным указом от 9 сентября 1801 г. Александр I восстановил совестные суды в России [ПСЗРИ-I. Т. XXVI. 1830. № 20004: 775-778].

По именованному указу императора 1801 г. Астраханская губерния признавалась пограничной губернией под управлением военного губернатора [ПСЗРИ-I. Т. XXVI. 1830. № 20004: 776].

Совестным судам в отечественной историографии посвящено незначительное количество работ. О проектах реформирования совестных судов в первой четверти XIX в., а также их упразднении в 1840–1850-х гг. писал дореволюционный историк-юрист Г.М. Барац [Барац 1893].

Из современных исследователей вопросами деятельности совестных судов занимаются следующие авторы: Ю.В. Баранов [Баранов 2019], И.С. Ефремова [Ефремова 2019], Е.А. Кузнецова [Кузнецова 2023], Л.Ю. Мхитарян [Мхитарян 2014], Е.В. Разумов [Разумов 2014], А.А. Самсонов [Самсонов 2015] и другие. Однако темам реорганизации совестных судов, их присоединению к судебным палатам не было посвящено ни одного самостоятельного исследования.

Актуальность данного исследования определяется отсутствием в отечественной историографии работ по заданной теме. С другой стороны, механизм и причины присоединения совестных судов к судебным палатам позволяют глубже понять взаимодействие судебных учреждений дореформенной России в рамках одной судебной системы.

Целью настоящего исследования является рассмотрение механизма присоединения совестного суда к палате уголовного и гражданского суда, а также анализ причин такого присоединения.

Материалы и методы. Основными источниками исследования послужили следующие материалы:

– делопроизводственная документация, представленная архивными делами из следующих фондов: Российский государственный исторический архив (РГИА) – Фонд 1149 «Департамент законов Государственного совета», Фонд 1286 «Департамент полиции исполнительной МВД», Фонд 1341 «Первый департамент Сената»; Государственный архив Астраханской области (ГААО) – Фонд 400 «Астраханский совестный суд г. Астрахань», Фонд 965 «Кавказский совестный суд г. Астрахань»;

– нормативно-правовые акты: документы из Полного собрания законов Российской империи (ПСЗРИ); документы из Свода законов Российской империи (СЗРИ); Судебник. Сборник новых судебных законов и распоряжений по отправлению правосудия с включением личного состава новых судебных учреждений на 1866 г.;

– статистические и справочные издания: Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Под ред. Н.А. Тройницкого. Т. II. Астраханская губерния, Т. IX. Воронежская губерния.

Методологической основой исследования послужили как общие, так и частные методы научного познания: метод структурного анализа, который поз-

волил оценить место совестных судов в судебной системе Российской империи в I-й половине XIX в.; историко-сравнительный метод, с помощью которого в исследовании путем сравнения данных о деятельности совестных судов, выявленных в архивных документах, делаются общие и частные выводы; историко-системный метод, который позволил в комплексе выявить и проанализировать причины присоединения Астраханского совестного суда к местной палате уголовного и гражданского суда; формально-логический метод, который позволил проанализировать действующее законодательство Российской империи последней четверти XVIII в. – I-й половины XIX в.; в статье также использовались иные методы научного познания.

Результаты исследования

Совестные суды были открыты Екатериной II в России в соответствии с «Учреждениями для управления губерний Всероссийской империи. Часть первая» [ПСЗРИ-I. Т. XX. 1830: 278-279]. Совестный суд – наиболее яркий пример влияния эпохи просвещения и просвещенного абсолютизма в судебной системе Российской империи последней четверти XVIII в., который явился альтернативой формальному судопроизводству.

Совестный суд разбирал как гражданские, так и уголовные дела. Согласно ст. 2447 СЗРИ в предмет ведения совестного суда входил «особенный род дел уголовных и гражданских» [СЗРИ. Т. II. Ч. I. 1857: 487]. Такими делами в рамках уголовного судопроизводства, например, были дела, совершенные безумными, глухонемыми и малолетними, имеющими не более четырнадцати лет, дела, совершенные случайно или по стечению особых обстоятельств, дела об оскорблении родителей обоюбого пола и другие. В рамках гражданского судопроизводства – дела, по которым тяжущиеся стороны желают, чтобы их спор рассматривал совестный суд, имущественные споры между родителями и детьми, также иные гражданские иски. Основной задачей совестных судей было примирение спорящих сторон.

Компетенция совестного суда, а также особенности принятия судебного решения совестным судьей позволяют утверждать, что в основе защиты по итогам судебного процесса у совестного судьи преобладал частный интерес, а не публичный. Таким образом, судебный процесс совестного суда был направлен, в первую очередь, на защиту частного интереса.

В соответствии с примечанием 1 к ст. 2438 СЗРИ Т. II. Ч. I. 1857 г. «дела совестного суда в губерниях Архангельской, Астраханской и Олонецкой ведаются по правилам для сего суда постановленным, в тамошних Палатах Уголовного и Гражданского суда».

В отличие от иных губерний Российской империи, где действовали две судебные палаты – уголовного суда и гражданского суда, в Астраханской губернии функционировала одна судебная палата – Палата уголовного и гражданского суда. Ст. 2375 СЗРИ фиксировала: «В губерниях Архангельской, Астраханской, Вятской, Олонецкой и Пермской дела Палаты уголовной и Палаты гражданской ведаются в одном Присутствии, под именем Палаты уголовного и гражданского суда» [СЗРИ. Т. II. Ч. I. 1857: 474].

Дело в том, что согласно именному указу императора от 15 ноября 1802 г. «Об устройстве городов и присутственных мест в Астраханской и Киевской губерниях» Астраханская губерния была разделена на две губернии: Астраханская, Кавказская. Административно-территориальные преобразования явились причиной к изменению системы судебных учреждений в Астраханской губернии. Императорский указ от 15 ноября 1802 г. обозначал, что «по сравнению дел, входящих в Палату гражданскую и уголовную в сей губернии с другими, число их найдено довольно умеренным; по отчислении пяти уездов к губернии Кавказской, оно должно быть еще менее... А потому и признано удобным Палаты уголовную и гражданскую в сей губернии соединить в одно присутствие, составленное нераздельно из одного председателя, одного советника, двух заседателей от дворянства и двух от купечества» [ПСЗРИ-I. Т. XXVI. № 20004. 1830: 363].

Относительно совестного суда анализируемый указ Александра I гласил: «Совестный суд, яко необходимый наипаче в торговом городе, так как и Приказ общественного призрения оставляются по-прежнему» [ПСЗРИ-I. Т. XXVI. № 20004. 1830: 363].

Таким образом, на начало XIX в. высшей государственной властью было признано, что совестный суд в Астрахани, как самостоятельное судебное учреждение, есть необходимый элемент в судеустройстве Астраханской губернии.

Астраханская губерния связана с именем известного государственного и военного деятеля Российской империи, генерала от инфантерии А.П. Ермолова. В течение одиннадцати лет (1816–1827 гг.) Алексей Петрович был главным управляющим Астраханской губернии, Грузии и Кавказской области. Ю.В. Садов указывает, что преобразования на Кавказе А.П. Ермолов начал с административных мер по соответствующему плану, направленному «на развитие экономики, торговли, совершенствование административного управления территорий» [Садов 2006: 15].

Реформаторская деятельность А.П. Ермолова также коснулась судебной системы Астраханской губернии. Именно генерал А.П. Ермолов был инициатором присоединения Астраханского совестного суда к местной палате уголовного и гражданского суда.

А.П. Ермоловым в начале 1827 г. в Правительствующий Сенат были представлены предложения «о затруднениях, происходящих в Астраханской губернии о замещении мест, зависящих от дворянских выборов чиновниками по недостатку оных» [РГИА. Ф. 1149. Оп. 1. Д. 39. Л. 2]. Для устранения указанных затруднений генерал испрашивал Сенат по следующим вопросам:

1. Разрешить Астраханскому губернскому правлению «впредь до умножения в Астрахани дворянства» определять на выборные должности за отсутствием желающих таких чиновников, «кои хотя в оном и не состоят, но будут известны начальству способностями и хорошими качествами, с утверждения впрочем Главноуправляющего в Грузии и Астраханской губернии» [РГИА. Ф. 1149. Оп. 1. Д. 39. Л. 2 – 2 об.];

2. Разрешить заседателей палаты уголовного и гражданского суда, «определявшихся без Правительствующего Сената доколе не существовали еще дво-

рянские в Астрахани выборы оставить прежние» [РГИА. Ф. 1149. Оп. 1. Д. 39. Л. 2 об.];

3. «По недостатку в Астраханской губернии дворянства и малому числу дел, производящихся в совестном суде, коих было в течение прошедшего трехлетия только 39, совестный суд присоединить к палате уголовного и гражданского суда» [РГИА. Ф. 1149. Оп. 1. Д. 39. Л. 2 об.].

Особо А.П. Ермолов отмечал, что присоединение совестного суда должно состояться «без всякой зависимости» от палаты уголовного и гражданского суда и «оставлением производства дел на основании особо изданных узаконений, присвоив звание судьи совестного суда лицу губернского предводителя дворянства» [РГИА. Ф. 1149. Оп. 1. Д. 39. Л. 2 об.].

Из анализа архивных документов следует, что причинами, побудившими главноуправляющего Астраханской губернии, Грузии и Кавказской области А.П. Ермолова обратиться в Правительствующий Сенат за разрешением присоединить Астраханский совестный суд к палате уголовного и гражданского суда, были следующие обстоятельства:

- низкий кадровый потенциал астраханского дворянства, не желающего занимать судебские должности по выборам;
- незначительное количество производящихся в местном совестном суде дел за 1825-1827 гг.

На протяжении всей русской истории дворяне являлись элитой государства, занимая самые ответственные посты в государственном аппарате. Жалованная грамота дворянству 1785 г. Екатерины II подтвердила освобождение дворян от обязательной государственной службы [ПСЗРИ-I. Т. XXII. № 16186. 1830: 348]. Данное важное положение впервые было зафиксировано в Манифесте Петра III «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» 1762 г. [ПСЗРИ-I. Т. XV. № 11444. 1830: 912-915]. Впредь, кроме военного времени, дворяне сами могли решать, служить им или нет.

Гражданская служба дворян (куда относилась также судебная система) в соответствии с Уставами о службе гражданской [СЗРИ. Т. III. 1857.] подразделялась на два вида:

- служба по определению от правительства (т.е. по назначению);
- служба по выборам.

Судейский корпус губернского уровня судебной системы Российской империи (судебные палаты, совестный суд) дореформенного времени формировался в основном по итогам выборов.

В соответствии со ст. 2439 СЗРИ совестный судья избирался дворянством каждой губернии. Таким образом, для совестных судей действовал Устав о службе по выборам. То же самое касалось палат уголовного и гражданского суда (ст. 2376 СЗРИ) – председатели судебных палат также избирались дворянами. Однако были исключения. Так, в Западных губерниях, Архангельской, Астраханской, Вятской, Олонецкой и Пермской губерниях председатель палат определялся от правительства [СЗРИ. Т. II. Ч. I. 1857: 474]. Очевидно, такое исключение было связано как с количественным, так и с качественным составом местного дворянства перечисленных губерний. Хотя у руководства Архангель-

ской, Астраханской, Вятской, Олонецкой и Пермской губерний было право все же избирать местным дворянством председателей судебных палат [СЗРИ. Т. II. Ч. I. 1857: 475].

Таким образом, в Астраханской губернии высшая судебная должность – председатель судебной палаты – была не выборной, а назначаемой. Астраханская губерния являлась весьма специфическим административно-территориальным образованием с точки зрения определения судей на должности губернского уровня. Если в большинстве губерний России судейские должности губернского уровня были выборными, то в Астраханской губернии только совестный судья назначался посредством дворянских выборов.

Известный русский профессор права барон А.С. Корф в своем знаменитом труде «Дворянство и его сословное управление за столетие 1762-1855 годов» писал, что «положение выборной службы было не блестящим» [Корф 1906: 643]. Дворяне с большой неохотой шли на выборные должности. В этой связи провинциальные государственные учреждения страдали от нехватки кадров, в первую очередь кадров компетентных и высоконравственных.

Император Николай I понимал ситуацию со службой дворян по выборным должностям, как ненормальную, нуждающуюся в изменении. На этот счет российским правительством было предложено три пути исправления сложившегося положения:

- подтверждение дворянству Жалованной грамоты 1785 г. и предоставление новых привилегий;
- отстранение мелкопоместного дворянства от выборной службы;
- уравнивание обоих видов службы «в наградах и прочих выгодах».

Все эти способы были зафиксированы в Манифесте 1831 г. «О порядке Дворянских Собраний, выборов и службы в них» [ПСЗРИ-II. Т. VI. № 4989. 1832: 247-273]. Последний способ исправления ситуации с выборной службой дворян правительство считало самым действенным. Хотя этот метод дал совершенно обратный эффект – дворянство еще более стало сторониться выборной службы [Корф 1906: 644], дворяне пренебрегали выборной службой. На этот счет барон Корф писал: «Именно то особенное значение, которым среди этого сословия пользовался чин, и заставляло его предпочитать службу правительственную, где легче можно было достигнуть власти и почета» [Корф 1906: 645]. Иными словами, служба для дворянства в рассматриваемое нами время, правление Николая I, была для них не службой для своего императора и Отечества, а способом личного обогащения и повышения тщеславия. Служба по назначению давала ожидаемый эффект быстрее и легче. Это важное замечание имеет принципиальное значение для оценки состояния всей кадровой ситуации в судебном корпусе Российской империи дореформенного времени.

Однако речь шла не о том, чтобы привлечь как можно больше дворян для управления в губерниях, а о том, что необходимо привлекать лучших дворян.

Говоря о службе по выборам, отечественный историк права И.И. Дитятин, писал: «Не только не выбирались «лучшие люди», но сплошь и рядом не выбирались вовсе никакие, а выбранные всяческими путями уклонялись от служб; правительству приходилось замещать незанятые места своими чиновниками. А

если дворянство и не уклонялось от выборов, если выборы производились, то выборные должности замещались или людьми прямо недостойными, или жалкими бедняками, унижавшимися перед всеми и каждым, властью имеющим, и унижавшими занимаемые ими должности» [Дитятин 1885: 19].

Дворянское сообщество в Астраханской губернии количественно было незначительным. Регион в основном был представлен крестьянами, мещанами и ремесленниками [Самохвалов 2024: 30]. Когда в 1897 г. в Российской империи проводилась первая всеобщая перепись населения, в Астраханской губернии насчитывалось только 2778 представителя потомственного дворянства обоюбого пола [Первая Т. II 1899: 48], т.е. 0,28 % от общего количества населения губернии. Для сравнения, к примеру, в Воронежской губернии число потомственных дворян обоюбого пола на ту же дату составляло 7685 человек [Первая Т. IX 1901: 162], т.е. 0,3 % от общего количества населения губернии. Примерно такое же количество лиц обоюбого пола были личными дворянами. Таким образом, кадровый потенциал для судебных систем обеих сравниваемых губерний был неодинаков. Для судебной системы Астраханской губернии почти в три раза было меньше кадровых возможностей по сравнению с Воронежской губернией. Очевидно, в вопросе дворянского кадрового потенциала относительно службы играла роль также структура дворянского сообщества.

Низкое качество кадров в системе совестных судов Российской империи приводило к многочисленным нарушениям судьями действующего законодательства и злоупотреблениям с их стороны. Так, различного рода беспорядки в работе Астраханского совестного суда фиксировались в 1825 г. Дело дошло до Первого департамента Правительствующего Сената [РГИА. Ф. 1341. Оп. 26. Д. 390].

Анализируя вопрос о малом числе дворян, влияющем на замещение должностей по выборам, необходимо упомянуть об именном указе императора «О правилах для единообразного и успешного течения дел по Герольдии от 4 февраля 1803 г., на который при составлении заключения на предложение присоединить Астраханский совестный суд к местной палате уголовного и гражданского суда также ссылался Правительствующий Сенат. Указ в п. 5 обозначал: «В губерниях же, где дворян нет или очень мало, предоставляется попечению и полной воле Губернских правлений определять в должности, из баллотированных... чиновников в тех губерниях жительствующих от выборов дворянства зависящих...» [ПСЗРИ-I. Т. XXVII. № 20608. 1830: 456].

В дореволюционной отечественной историографии бытовало вполне справедливое мнение, что в совестные суды для рассмотрения поступало незначительное количество дел. В основном совестный суд рассматривал уголовные дела, гражданские дела поступали в производство в меньшей степени. К примеру, известный русский историк В.О. Ключевский писал: «Уфимский совестный судья признавался, что в 12 лет его судейства к нему в суд не поступило и 12 дел...» [Ключевский 2001: 336]. Современный исследователь Н.В. Старикова отмечает, что в Нижегородском совестном суде, к примеру, «за 1808 г., согласно протоколам, было рассмотрено 20 дел, а за 1847 г. – 61 дело» [Старикова 2013: 12].

В своих предложениях генерал А.П. Ермолов указывал, что с 1825 г. по 1827 г. в астраханском совестном суде в производстве было всего 39 дел, т.е. по 13 дел в год [РГИА. Ф. 1149. Оп. 1. Д. 39. Л. 2 об.]. Судебные палаты в губерниях Российской империи рассматривали в десятки раз больше тяжёлых дел. К примеру, в небольшой по численности населения Олонецкой губернии в местной палате уголовного и гражданского суда в 1844 г. производилось 732 дела, в 1846 г. – 750 дел [РГИА. Ф. 1149. Оп. 3. Д. 76. Л. 3 об.]. Практически с каждым годом число рассматриваемых дел в судебных палатах только росло. В густонаселённых губерниях России эти показатели были больше в несколько раз.

В последствие, в 1852 г., в том числе малое количество дел (менее 50-ти в год [РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 440. Л. 3 об.]), рассматриваемое совестными судами, послужит поводом к их закрытию в 18-ти губерниях по всей Российской империи [ПСЗРИ-II. Т. XXVII. № 26396. 1853: 434-436].

В данном исследовании мы не ставим перед собой цели – установить причины небольшого количества дел, рассматриваемых в совестных судах. В этой связи анализ эффективности работы совестных судов нами рассмотрен не будет.

1 февраля 1828 г. из министерства юстиции на имя исправляющего должность государственного секретаря было получено письмо, которым для внесения в Государственный совет препровождался доклад I-го департамента Правительствующего Сената по делу о присоединении Астраханского совестного суда к местной палате уголовного и гражданского суда. Заключение Правительствующего Сената по данному вопросу министерством юстиции было признано правильным [РГИА. Ф. 1149. Оп. 1. Д. 39. Л. 1]. Предложения А.П. Ермолова также были рассмотрены и в министерстве внутренних дел. Правительствующий Сенат, «рассмотрев предложения генерала Ермолова и заключение управляющего министерством внутренних дел предположение первого, как основанное на местных соображениях и необходимости, признается основательным, положил оное утвердить» [РГИА. Ф. 1149. Оп. 1. Д. 39. Л. 3].

Утвердив предложения главноуправляющего Астраханской губернии, Грузии и Кавказской области, Правительствующий Сенат вместе с тем подчеркнул: «Но как сие послужило к изменению общего постановления, содержащихся в учреждениях об устройении губерний в статьях 395, 396 и 397, то Правительствующий Сенат, не приводя сего положения в исполнение, испрашивает на оное Высочайшего указа» [РГИА. Ф. 1149. Оп. 1. Д. 39. Л. 3].

Таким образом, предложения А.П. Ермолова с точки зрения действующего имперского законодательства, а именно ряда статей «Учреждений для управления губерний Всероссийской империи. Часть первая» [ПСЗРИ-I. Т. XX: 278], касающихся организации совестного суда, были ненормативными, противоречащими закону. В данном случае было необходимо внести изменения в действующее законодательство. Такое изменение мог утвердить только император.

20 апреля 1828 г. Государственный совет в Департаменте законов и 31 мая 1828 г. в общем собрании рассмотрел доклад Правительствующего Сената «о порядке наполнения в Астраханской губернии мест, зависящих от выборов дворянства и о присоединении дел совестного суда к палате уголовного и гражданского суда» признал обстоятельства, представленные А.П. Ермоловым ува-

жителями [РГИА. Ф. 1149. Оп. 1. Д. 39. Л. 9 об.]. Однако Государственный совет не со всеми предложениями генерала Ермолова был согласен, сделав на этот счет два важных аргументированных замечания:

– Государственный совет считал неудобным «в наполнении мест, зависящих от дворянских выборов, устранившись от общего порядка... признает необходимым для определения на месте по управлению губернскому испрашивать утверждения Правительствующего Сената, и равным образом вообще в случае недостатка желающих или способных представлять Сенату для определения уже от Герольдии» [РГИА. Ф. 1149. Оп. 1. Д. 39. Л. 9 об.];

– Государственный совет считал «невозможным допустить, чтобы по присоединении дел совестного суда к палате уголовного и гражданского суда дела сии производились под председательством Губернского предводителя, как потому, что Губернский предводитель имеет достаточно занятий и собственно по своей должности, так главнейшее потому, что в одном судебном месте двух председателей быть не может» [РГИА. Ф. 1149. Оп. 1. Д. 39. Л. 9 об. – 10].

8 июля 1828 г. император Николай I «воспоследовавшее мнение в общем собрании Государственного совета о порядке исполнения в Астраханской губернии мест, зависящих от выборов дворянства, и о присоединении дел совестного суда к палате уголовного и гражданского суда» высочайше утвердить соизволил и повелел исполнить [РГИА. Ф. 1149. Оп. 1. Д. 39. Л. 9]. Данное высочайше утвержденное мнение Государственного совета «О порядке наполнения в Астраханской губернии мест, зависящих от выборов дворянства, и о присоединении дел совестного суда к палате уголовного и гражданского суда» было включено в Собрание II 1830 г. Т. III Полного собрания законов Российской империи [ПСЗРИ-II. Т. III. № 2138. 1830: 675-677].

Заключение

Присоединение Астраханского совестного суда к местной палате уголовного и гражданского суда в 1828 г. явилось в Российской империи первым преобразованием в системе совестных судов, когда само судебное учреждение закрывалось, компетенция совестного суда переходила к местной судебной палате, но должность совестного судьи сохранялась.

Подобное присоединение являлось прецедентом для последующих преобразований системы совестных судов Российской империи по тем же причинам, что в Астраханской губернии. Так, например, в 1847 г. Архангельский совестный суд был присоединен к местной палате уголовного и гражданского суда [ПСЗРИ-II. Т. XXII. Отд. I. № 21729. 1848: 862-863]. Комитет министров ссылаясь на дело Астраханского совестного суда, которое было разрешено положительно. Свое заключение о присоединении Архангельского совестного суда к местной палате Комитет министров в том числе основывал на астраханском деле 1828 г. [РГИА. Ф. 1149. Оп. 3. 75. Л. 2-2 об.].

В 1848 г. состоится присоединение Олонецкого совестного суда к местной судебной палате [ПСЗРИ-II. Т. XXIII. Отд. II. № 22768. 1849: 57-58]. В своем заключении министерство юстиции сошлется уже на архангельское дело 1847 г. [РГИА. Ф. 1149. Оп. 3. Д. 76. Л. 2 об.].

Генерал А.П. Ермолов, главноуправляющий в 1827 г. Астраханской губернии, Грузии и Кавказской области, являлся инициатором изменения части судебной системы Российской империи, учрежденной в 1775 г. Екатериной II. Причинами такой инициативы служили объективные обстоятельства, основанные на особенностях Астраханской губернии: малочисленность дворянского сообщества, являющегося кадровым источником для назначения на должности по выборам и незначительное количество тяжёбных дел, поступавших на рассмотрение в совестный суд.

Инициатива А.П. Ермолова явилась пробным административным экспериментом, которая была поддержана в министерстве юстиции, Правительствующем Сенате, Государственном совете и императором Николаем I. Архивные документы показывают, что, не смотря на противоречия, в которые входили изменения системы совестных судов с первыми тремя статьями главы «О совестном суде и его должности» «Учреждений для управления губерний Всероссийской империи. Часть первая» 1775 г. [ПСЗРИ-I. Т. XX. 1830: 278], государство все же шло на отступление от самой идеи учреждения совестных судов. Такие преобразования вели к экономии бюджетных средств, как показывают архивные документы об утверждении новых штатов совестных судов за 1848 г. [РГИА. Ф. 1149. Оп. 3. Д. 27. Л. 5 об. – 6 об.].

Таким образом, малочисленность дворянского сообщества и малое количество дел, рассматриваемых в совестном суде, привели к изменению судебной системы Астраханской губернии, а в последствие явились основанием для изменения в целом всей системы совестных судов Российской империи. Инициатива генерала А.П. Ермолова явилась своеобразным катализатором для масштабных преобразований системы совестных судов России с 1847 г. по 1861 г., когда были закрыты последние совестные суды в Санкт-Петербурге и Москве, а все их дела передавались в местные судебные палаты [ПСЗРИ-II. Т. XXXVI. Отд. I. 1863: 996-997]. Указом от 25 ноября 1866 г. должности совестных судей постепенно упразднялись, а их компетенция передавалась в ведение товарищей председателей палат уголовного и гражданского суда до полного упразднения палат в соответствии со ст. 51 «Положения о введении в действие судебных уставов 20 ноября 1864 г.» [Судебник: 118].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Баранов 2019 – *Баранов Ю.В.* Состав и делопроизводство Московского совестного суда // *Colloquium-Journal*. – 2019. – № 13-12(37). – С. 30-31. EDN: ПКЛQO.

Барац 1893 – *Барац Г.М.* Очерк происхождения и постепенного затем упразднения в России совестных судов и суда по совести: Историко-юридический этюд. – Санкт-Петербург: Б.и., 1893. – 40 с.

ГААО – Государственный архив Астраханской области (Астрахань).

Дитятин 1885 – *Дитятин И.И.* К истории «жалованных грамот» дворянству и городам 1785 года // *Русская мысль*. – 1885. Май. – С. 1-38.

Ефремова 2019 – *Ефремова И.С.* "Охота на ведьм" в курском наместничестве в XVIII веке (по материалам Городового магистрата и совестного суда) // *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*. – 2019. – № 1(49). – С. 1-5. EDN: VXHYTA.

Ключевский 2001 – *Ключевский В.О.* Русская история. В пяти томах. Т. 3. – Москва: Рипол Классик, 2001. – 704 с.

Корф 1906 – *Корф С.А.* Дворянство и его сословное управление за столетие 1762–1855 годов. – Санкт-Петербург: Тип. Тренке и Фюсно, 1906. – 720 с.

Кузнецова 2023 – *Кузнецова Е.А.* Чародейство, обман или безвредная шутка: диалог о магических практиках в следственных делах совестных судов первой половины XIX в. // Фольклор: структура, типология, семиотика. – 2023. – Т. 6, № 1. – С. 10-73. – DOI 10.28995/2658-5294-2023-6-1-10-73.

Мхитарян 2014 – *Мхитарян Л.Ю.* Деятельность совестных судов в дореволюционной России (на примере Пермской губернии) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2014. – № 1(23). – С. 37-43. EDN: SAJTLR.

Первая Т. II – *Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г.* Под ред. Н.А. Тройницкого. Т. II. Астраханская губерния. – Санкт-Петербург, 1899. – 71 с.

Первая Т. IX – *Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г.* Под ред. Н.А. Тройницкого. Т. IX. Воронежская губерния. – Санкт-Петербург, 1901. – 178 с.

ПСЗРИ-I – Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. – Санкт-Петербург: Типогр. II отд. Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1649–1830.

ПСЗРИ-II – Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. – Санкт-Петербург: Типогр. II отд. Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830–1885.

Разумов 2014 – *Разумов Е.В.* Становление системы совестных судов в Российской империи // Вестник Чувашского университета. – 2014. – № 3. – С. 286-288. EDN: SXSUTL.

РГИА – Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург).

Садов 2006 – *Садов Ю.В.* Военная и государственная деятельность генерала А.П. Ермолова: автореферат дис. ... кандидата исторических наук. – Санкт-Петербург, 2006. – 21 с.

Самохвалов 2024 – *Самохвалов В.А., Курапов А.А.* Особенности деятельности Астраханского дворянского депутатского собрания в первой половине XIX в. // Вестник КалмГУ. 2024. № 3 (63). – С. 28-34.

Самсонов 2015 – *Самсонов А.А.* Новгородский совестный суд // История государства и права. – 2015. – № 6. – С. 42-47. EDN: TLOFAP.

СЗРИ – Свод законов Российской империи. Санкт-Петербург: Типогр. II отд. Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1857.

Старикова 2013 – *Старикова Н.В.* Совестный суд в судебной системе Екатерины II (по материалам Нижегородской губернии) // Вестник Мининского университета. – 2013. – № 4(4). – С. 8–12. EDN: SGNNJF.

Судебник – Судебник. Сборник новых судебных законов и распоряжений по отправлению правосудия с включением личного состава новых судебных учреждений на 1866 г. – Санкт-Петербург: Тип. Л. Демиса, 1866. – 394 с.

REFERENCES

BARANOV YU.V. *Sostav i deloproizvodstvo Moskovskogo sovestnogo suda* [Composition and proceedings of the Moscow Court of Conscience] In: Colloquium-Journal. – 2019. – No. 13-12(37). – P. 30-31. EDN: ИКЛQO. (In Russ.).

BARATS G.M. *Ocherk proiskhozhdeniya i postepennogo zatem uprazhneniya v Rossii sovestnykh sudov i suda po sovesti: Istoriko-yuridicheskii etyud* [An essay on the origin and subsequent gradual abolition of courts of conscience and courts of conscience in Russia: A historical and legal study] – St. Petersburg: B.i., 1893. – 40 p. (In Russ.).

Gosudarstvennyi arkhiv Astrakhanskoi oblasti [State Archives of the Astrakhan Region] (In Russ.).

DITYATIN I.I. *K istorii «zhalovannykh gramot» dvoryanstvu i gorodam 1785 goda* [On the history of the “charters of privilege” to the nobility and cities in 1785] In: Russkaya Mysl. – 1885. May. – P. 1-38. (In Russ.).

EFREMOVA I.S. *"Okhota na ved'm" v kurskom namestnichestve v XVIII veke (po materialam Gorodovogo magistrata i sovestnogo suda)* ["Witch Hunt" in Kursk Viceroyalty in the 18th Century (Based on Materials of the City Magistrate and the Court of Conscience)] In: Scientific Notes. Electronic Scientific Journal of Kursk State University. – 2019. – No. 1 (49). – P. 1-5. EDN: VXHYTA. (In Russ.).

KLYUCHEVSKII V.O. *Russkaya istoriya. V pyati tomakh. T. 3.* [Russian history. In five volumes. T. 3]. – Moscow: Ripol Classic, 2001. – 704 p. (In Russ.).

KORF S.A. *Dvoryanstvo i ego soslovnnoe upravlenie za stoletie 1762–1855 godov* [The nobility and its class governance over the century 1762–1855] – St. Petersburg: Type. Trenke and Fusno, 1906. – 720 p. (In Russ.).

KUZNETSOVA E.A. *Charodeistvo, obman ili bezvrednaya shutka: dialog o magicheskikh praktikakh v sledstvennykh delakh sovestnykh sudov pervoi poloviny XIX v.* [Witchcraft, Deception, or a Harmless Joke: Dialogue on Magical Practices in Investigative Cases of the Courts of Conscience in the First Half of the 19th Century] In: Folklore: Structure, Typology, Semiotics. – 2023. – Vol. 6, No. 1. – P. 10-73. – DOI 10.28995/2658-5294-2023-6-1-10-73. (In Russ.).

MKHITARYAN L.Yu. *Deyatel'nost' sovestnykh sudov v dorevolyutsionnoi Rossii (na primere Permskoi gubernii)* [The activities of courts of conscience in pre-revolutionary Russia (using the example of Perm province)]. In: Bulletin of Perm University. Legal sciences. – 2014. – No. 1 (23). – P. 37-43. EDN: SAJTLR. (In Russ.).

Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi Imperii 1897 g. Pod red. N.A. Troinitskogo. T.II. Astrakhanskaya guberniya [The First General Population Census of the Russian Empire, 1897. Ed. by N.A. Troinitsky. Vol. II. Astrakhan Province] – St. Petersburg, 1899. – 71 p. (In Russ.).

Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi Imperii 1897 g. Pod red. N.A. Troinitskogo. T. IX. Voronezhskaya guberniya [The First General Population Census of the Russian Empire, 1897. Ed. by N.A. Troinitsky. Vol. IX. Voronezh Province] – St. Petersburg, 1901. – 178 p. (In Russ.).

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie I [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection I] – Saint Petersburg: Typogr. II dept. Own. His Imperial Majesty's Chancellery, 1649–1830. (In Russ.).

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie II [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection II] – Saint Petersburg: Typogr. II dep. Own. His Imperial Majesty's Chancellery, 1830–1885. (In Russ.).

RAZUMOV E.V. *Stanovlenie sistemy sovestnykh sudov v Rossiiskoi imperii* [Formation of the system of conscientious courts in the Russian Empire] In: Bulletin of the Chuvash University. – 2014. – No. 3. – P. 286-288. EDN: SXSUTL. (In Russ.).

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archives] (In Russ.).

SADOV Yu.V. *Voennaya i gosudarstvennaya deyatelnost' generala A.P. Ermolova: avtoreferat dis. ... kandidata istoricheskikh nauk* [Military and state activities of General A.P. Ermolov: abstract of dis. ... candidate of historical sciences] – St. Petersburg, 2006. – 21 p. (In Russ.).

SAMOKHVALOV V.A., KURAPOV A.A. *Osobennosti deyatelnosti Astrakhanskogo dvoryanskogo deputatskogo sobraniya v pervoi polovine XIX v.* [Features of the activities of the Astrakhan noble deputy assembly in the first half of the 19th century] In: Bulletin of KalmSU. 2024. No. 3 (63). – P. 28-34. (In Russ.).

SAMSONOV A.A. *Novgorodskii sovestnyi sud* [Novgorod Court of Conscience] In: History of the State and Law. – 2015. – No. 6. – P. 42-47. EDN: TLOFAP. (In Russ.).

Svod zakonov Rossiiskoi imperii [Code of Laws of the Russian Empire] Saint Petersburg: Typogr. II dept. Own. His Imperial Majesty's Chancellery, 1857. (In Russ.).

STARIKOVA N.V. *Sovestnyi sud v sudebnoi sisteme Ekateriny II (po materialam Nizhegorodskoi gubernii)* [The Court of Conscience in the Judicial System of Catherine II (Based on Materials from the Nizhny Novgorod Province)] In: Bulletin of Minin University. – 2013. – No. 4(4). – P. 8–12. EDN: SGNNJF. (In Russ.).

Sudebnik. Sbornik novykh sudebnykh zakonov i rasporyazhenii po otpravleniyu pravosudiya s vklucheniem lichnogo sostava novykh sudebnykh uchrezhdenii na 1866 g. [Code of Laws. Collection of new judicial laws and regulations on the administration of justice, including the personnel of new judicial institutions for 1866]. – St. Petersburg: Type. L. Demis, 1866. – 394 p. (In Russ.).

Информация об авторе

С.Н. Подлесных – кандидат юридических наук.

About the author

S.N. Podlesnykh – PhD (in legal sciences).

Статья поступила в редакцию 25.10.2024 г.; одобрена после рецензирования 12.12.2024 г.; принята к публикации 27.12.2024 г.

The article was submitted 25.10.2024; approved after reviewing 12.12.2024; accepted for publication 27.12.2024.

Научная статья
УДК 93/94(470.64)
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-54-70
EDN: ONYOIF

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧРЕЖДЕНИЙ ВЛАСТИ И САМОУПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В НАЛЬЧИКСКОМ ОКРУГЕ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Елена Александровна Анищенко^{1,2}

¹ Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, elen_anischenko@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-2839-3933>

² Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия

Аннотация. В статье определена роль органов власти и самоуправления в сфере продовольственной политики в Нальчикском округе Терской области в последней трети XIX – начале XX вв. На основании разнообразной делопроизводственной документации рассмотрены формы деятельности учреждений власти по контролю за продовольственной ситуацией. Проанализирован порядок взаимодействия и распределение ответственности между различными органами власти и самоуправления в процессе реализации продовольственной политики. Рассмотрен процесс осуществления регулярного анализа цен на продовольствие, а также на его логистику, фураж и прочее. Проанализирована система контроля над весом продаваемых товаров через обязательное использование общественных весов, за организацию работы которых областные и окружные органы власти и самоуправления разделяли между собой зоны ответственности. Сделан вывод об организационно-контрольном характере функционала окружных органов власти, что отражалось в формировании регулярной статистической и аналитической базы в виде годовых отчетов начальников округа, являвшихся формой репрезентации состояния народного хозяйства и уровня запасов продовольствия; а также о контроле органами власти не только процесса производства продуктов питания, но и их реализации через системное отслеживание цен на продукты и условий осуществления торговых операций.

Ключевые слова: Терская область, Нальчикский округ, продовольственная политика, продукты питания, общественные весы.

Для цитирования: Анищенко Е.А. Деятельность учреждений власти и самоуправления в сфере продовольственной политики в Нальчикском округе в последней трети XIX – начале XX века // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 4. – С. 54-70. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-54-70. EDN: ONYOIF.

© Анищенко Е.А., 2024

Original article

**THE ACTIVITIES OF GOVERNMENT AND SELF-GOVERNMENT
INSTITUTIONS IN THE FIELD OF FOOD POLICY
IN THE NALCHIK DISTRICT
IN THE LAST THIRD OF THE XIX - EARLY XX CENTURIES**

Elena A. Anishchenko^{1,2}

¹ Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia, elen_anishchenko@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-2839-3933>

² Kabardino-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia

Abstract. The article defines the role of government and local government bodies in the sphere of food policy in the Nalchik district of the Terek region in the last third of the 19th – early 20th centuries. Based on various office documentation, the forms of activity of government institutions to control the food situation are considered. The sequence of interaction and responsibility distribution among various national and local government organizations in the implementation of food policy is examined. The process of regular analysis of food prices, as well as their logistics, forage, etc. is considered. The system of controlling the weight of commodities sold through the mandated use of public scales, for which regional and district authorities and local governments split responsibilities, was examined. A conclusion was made about the organizational and control nature of the functionality of district authorities, which was reflected in the formation of a regular statistical and analytical base as annual reports of district heads, which were a form of representation of the state of the national economy and the level of food reserves; and also about the control by government bodies not only of the process of food production but also of their sale through systematic monitoring of food prices and the conditions for carrying out trade operations.

Keywords: Terek region, Nalchik district, food policy, food products, public scales.

For citation: Anishchenko E.A. The activities of government and self-government institutions in the field of food policy in the Nalchik district in the last third of the XIX – early XX centuries. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 4. – P. 54-70. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-54-70. EDN: ONYOIF.

© Anishchenko E.A., 2024

Введение

Реализация продовольственной политики в Нальчикском округе в последней трети XIX – начале XX вв. представляла собой комплексное отражение интегративных процессов, происходивших в то время на Центральном Кавказе. Деятельность учреждений власти и самоуправления в сфере продовольственной политики как области государственной политики имела выражение в форме производства, переработки, распределения, закупки или предоставления продуктов питания. Продовольственная политика оказывала влияние на работу продовольственной и сельскохозяйственной системы в таких вопросах, как организация и контроль за производством и переработкой продуктов питания; организация торговли, в том числе через объявление торгов на закупку государством хлебов для армии; а также в вопросах мониторинга цен на продукты питания. В Нальчикском округе она была выражена формами деятельности различных уровней учреждений власти (окружных, областных, общеимперских) и органов самоуправления. Основной из этих форм являлся контроль, который осуществляли разноуровневые органы власти – за состоянием сельского хозяйства и продовольственных запасов, за промыслами местного населения и заводской и фабричной промышленностью. Эти сведения регулярно собирались на местах и отправлялись начальнику округа, который в свою очередь составлял

отчеты для вышестоящего руководства и отдельных контрольных органов. Другим видом этой деятельности учреждений власти был мониторинг цен на продовольствие, а также на его логистику, фураж и др. и предоставление ведомостей цен на утверждение областному начальству, а также в Ставропольскую Губернскую контрольную палату и в Окружное интендантское управление Кавказского военного округа. Последнее, в свою очередь, с опорой на предоставленные данные утверждало подряды и назначало предельные цены на заготовление провианта для армии. Еще одной задачей, которую разделяли между собой органы власти и самоуправления, являлся контроль над весом продаваемых товаров через обязательное использование общественных весов: органы власти контролировали исправность работы весов, а местные органы самоуправления утверждали стоимость для населения за их использование. Обозначенные аспекты деятельности учреждений власти и самоуправления в Нальчикском округе в последней трети XIX – начале XX вв. представляют большой научный интерес, позволяя предметно рассмотреть и проанализировать вопросы реализации продовольственной политики в условиях включения народов округа в социально-экономическое и правовое поле Российской империи через формирование регулярной статистической и аналитической базы в виде годовых отчетов начальников округа, являвшихся формой репрезентации состояния народного хозяйства и уровня запасов продовольствия, а также через осуществление органами власти контроля не только за процессом производства продуктов питания, но и их реализации через системное отслеживание цен на продукты и условий осуществления торговых операций.

Деятельность учреждений власти и самоуправления в сфере продовольственной политики в Нальчикском округе в последней трети XIX – начале XX вв. не становилась ранее предметом специального исследования. Однако вопросы административного и экономического развития Нальчикского округа во второй половине XIX в. – начале XX в. представлены в работах различных авторов. Так, подробное описание хозяйственной деятельности Терской области содержится в работе Г.Н. Казбека [Казбек 1888]; особенности организации земледелия и сельского хозяйства отражены в конце XIX в. в очерке Г. Малявкина [Малявкин 1891] и в начале XX в. – в труде В. Христиановича [Христианович 1928]; вопросы социально-экономического развития Кабарды во II-й половине XIX в. представлены в исследовании И.Ф. Мужева [Мужев 1952]; выстраивание социально-экономических отношений после отмены крепостного права и развитие территорий, вошедших в состав Нальчикского округа рассмотрены Т.Х. Кумыковым [Кумыков 1959; Кумыков 1965]; развитию капиталистических и аграрных отношений в Кабарде и Балкарии во второй половине XIX – начале XX в. посвящены работы Г.Х. Мамбетова [Мамбетов 1961], Т.А. Жакомихова [Жакомихов 1963] и М.Х. Ацканова [Ацканов 1967]; различные аспекты традиционной системы питания кабардинцев и балкарцев рассмотрены в труде Г.Х. Мамбетова «Материальная культура сельского населения Кабардино-Балкарии» [Мамбетов, 1971], интеграция Кабарды и Балкарии в общероссийскую систему управления проанализирована Ж.А. Калмыковым [Калмыков 2007]; финансовая сторона административно-территориальных преобразований

на северном Кавказе в нашла отражение в работах А.Х. Абазова [Абазов 2019], особенности развития предпринимательства в Нальчикском округе исследовались Т.А. Дзугановым [Дзуганов 2021, 2023]; развитие практик местного самоуправления кабардинцев и балкарцев представлены в работах Д.Н. Прасолова [Прасолов 2019]; а также вопросы административного и экономического развития округа нашли отражение в отдельных обобщающих работах по истории кабардинцев и балкарцев [История многовекового содружества... 2007, Века совместной истории... 2017].

Источниковой базой исследования послужили материалы Ф. И-6 «Управление Нальчикского округа» Управления Центрального государственного архива Архивной службы КБР, содержащие большой массив данных по теме исследования [УЦГА АС КБР. Ф. И-6]. Был проанализирован существенный массив данных, в том числе переписка Нальчикского окружного правления с начальником Терской области о предоставлении сведений о сроках и объемах посева и сбора зерновых, об анализе погодных условий в течение года и за несколько лет. Была изучена переписка окружных властей со Ставропольской Губернской контрольной палатой и Окружным интендантским управлением Кавказского военного округа по вопросам предоставления сведений о посевах и урожае и справочных ценах. Также были проанализированы рапорта участковых начальников в окружное правление, сопровождаемые формулярами, содержащими в себе большое количество сведений по различным продовольственным вопросам. Анализ материалов источниковой базы позволил выявить различные формы деятельности учреждений власти и самоуправления по контролю за продовольственной ситуацией, а также рассмотреть порядок взаимодействия и распределение ответственности между различными органами власти и самоуправления в процессе реализации продовольственной политики в Нальчикском округе в рассматриваемый период (в том числе выявить особенности мониторинга цен на продукты питания и охарактеризовать их в организации работы общественных весов).

Деятельность учреждений власти по организации контроля за состоянием сельского хозяйства и продовольственных запасов

Наиболее информативной формой презентации деятельности учреждений власти в сфере продовольственной политики в Нальчикском округе в последней трети XIX – начале XX в. выступали отчеты окружного начальства в областное правление, а также отчеты начальников (приставов) участков округа, на основе которых составлялись отчеты начальников округа. В отчетах начальника округа содержался годовой обзор наиболее важных категорий хозяйственной жизни округа.

Так, например, отчет окружного начальства за 1883 г. включал сведения о состоянии земледелия, об обеспечении народного продовольствия и состоянии денежных общественных сборов в станицах и селениях (аулах), о промыслах народов, населявших округ, о заводской и фабричной промышленности, движении населения, о пожарах, а также сведения о деятельности окружного управления Горского суда и участковых приставов [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 71. Л. 28-34]. Текстовая часть дополнялась набором тематических ведомо-

стей, статистически иллюстрировавших отчет: о числе лошадей, рогатого и другого скота; о движении населения; о фабриках и заводах; о посеве и урожае хлеба [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 71. Л. 36-45].

В части отчета, отражавшей состояние земледелия, отмечалось, что в отчетном году на станичных и сельских общественных землях было собрано: озимых – 110 256 четв., яровых – 201 123 четв., картофеля – 2 764 четв., проса – 314 143 четв. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 71. Л. 28]. В то время как на владельческих землях собрали озимых – 8 845 четв., яровых – 1 204 четв., проса – 10 049 четв. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 71. Л. 28]. Были представлены не только статистические сведения, но и аналитические. В частности, в документе представлен сравнительный анализ урожая отчетного 1883 г. и предыдущего – 1882 г. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 71. Л. 28]. Также показана степень урожайности отдельно по каждому участку и по округу. Так, средняя урожайность по округу озимых составила 5,02, яровых – 6,89, а картофеля – 2,90 [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 71. Л. 28 об.]. На душу населения выходило по 2,33 четв. хлебов [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 71. Л. 28 об.]. Последнее место по показателям земледелия в округе в 1883 г. занимал 1-й участок в силу того, что значительную часть его территории занимали балкарские общества (Балкарское, Безенгийское и Хуламское), основным занятием жителей которых являлось скотоводство. Именно на средства от продажи скота, как отмечалось в отчете, жители этих местностей приобретали хлеб у «плоскостного населения» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 71. Л. 29]. Урожай винограда в 1883 г. существенно уступал прошлогоднему, а урожай овощей и фруктов был в соответствии, с отчетом, посредственным [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 71. Л. 29]. Что касается хлебных запасов, то магазины в 1883 г. находились только в 22 станицах, 1 селении и 2 немецких колониях [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 71. Л. 29 об.].

Спустя десятилетие в годовом отчете начальника Нальчикского округа за 1894 г. деятельность по организации продовольственной политики была отражена в подробных статистических ведомостях о посеве и урожае хлебов, о луговодстве, садоводстве и огородничестве, о виноделии, рыболовстве и пчеловодстве, о скотоводстве и о фабрично-заводской промышленности и торговле. По материалам отчета в округе было собрано 15 698 четв. озимых хлебов и 78 291 четв. яровых хлебов и картофеля. При этом урожайность озимых хлебов составила 3, а яровых – 3 [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 296. Л. 54]. Количество собранных фруктов составило 3 800 пудов, овощей – 1 465,5 тыс. пуд. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 296. Л. 57], винограда – 120 пудов, а меду – 4 830 пуд. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 296. Л. 64]. Количество крупного рогатого скота в округе в отчетный период составило 182 248 гол., а мелкого – 598 384 гол. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 296. Л. 64]. Примечательно, что в ведомости также было зафиксировано количество проданного скота по категориям, которое в среднем составляло 2-3 % от общего поголовья.

В тексте отчета помимо примечаний к ведомостям содержались пояснения к различным аспектам продовольственной ситуации в течении года. Так, окружной начальник пояснил в отчете снижение урожая хлеба снижением цены

и спроса на фоне достаточных запасов урожая прошлого, 1893 г. Он также отметил, что местное население предпочитало возделывать яровые хлеба, особенно просо и кукурузу, а озимые – в основном пшеницу – «лет 7-8 как начали сеять» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 296. Л. 107]. Скотоводство являлось самой важной сельскохозяйственной отраслью в округе: на 100 душ населения приходилось 198 гол. крупного рогатого скота и 650 гол. мелкого [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 296. Л. 110 об.].

Кроме статистических данных в отчетах начальника округа присутствовал и анализ продовольственной ситуации. Так, в отчете начальника округа за 1900 г. анализируется не только сам урожай (наилучший урожай в округе в отчетном году пришелся на картофель и кукурузу), но и сельскохозяйственные практики проживающих в округе народов: местное население сеяло в основном яровые хлеба, а также озимую пшеницу в небольшом количестве. При этом просо и отчасти кукуруза выступали в роли хлеба, а пшеница, остатки проса и кукурузы и другие виды хлебов шли на продажу [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 514. Л. 18 об. – 19].

Со временем органы власти стали уделять внимание развитию не только земледелия и скотоводства, но и садоводства. Так, в отчете начальника округа за 1900 г. было отмечено не только активное развитие скотоводства, которое принесло населению округа 286 430 руб. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 514. Л. 22], но и слабый уровень развития садоводства, принесшего в 1900 г. всего 554 руб., отметив при этом высокое качество фруктов при отсутствии надлежащего ухода за плодовыми деревьями [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 514. Л. 20 об.].

Вероятно, для популяризации этого направления хозяйствования, в следующем, 1901 г., в слоб. Нальчик, в преддверии проведения Кавказской выставки сельского хозяйства и промышленности, устраиваемой в г. Тифлис в 1901 г. по случаю столетия присоединения Грузии к Российской империи и 50-летнего юбилея Императорского Кавказского Общества сельского хозяйства, был организован съезд садоводов. Императорское Российское общество садоводов проводило подобные предварительные съезды сельских хозяев в разных районах Кавказа под руководством садовода А.С. Жуковского. В свою очередь областным правлением в целях улучшения садовой культуры в области и в виду несомненной пользы сельским хозяевам были разосланы по округам циркулярные предписания. Так, 12 мая 1901 г. начальником Нальчикского округа был получен циркуляр об оказании содействия садоводу Жуковскому в устройстве съезда садоводов слоб. Нальчик. Для того, чтобы дать возможность высказать свое мнение большому количеству сельских хозяев округа, рекомендовалось сначала через полицию известить о совещании местных садовладельцев и заинтересованных в садоводстве лиц, а затем передать приглашения на совещание [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 575. Л. 30-30 об.]. Начальник округа отправил начальникам участков предписание об объявлении садоводам о съезде и составлении их поименных списков. Сведения о садоводах предоставили старшина селения Атажукино 2-го Х. Кучмазукин [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 575. Л. 43-44], старшина селения Докшукино князь Докшукин [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 575. Л. 46-46 об.], старшина селения Кременчугско-

Константиновское [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 575. Л. 49] и старшина селения Кошерово [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 575. Л. 50-51]. Старшины других сел рапортовали об отсутствии у них садоводов и садовых хозяйств.

Таблица 1.
Садоводы Нальчикского округа по сведениям старшин селений на 1901 г.
[Авторская]

№	Селение Нальчикского округа	Садоводы
1	Атажукино 2-е	1. Лукман Бечканов 2. Киляр Гедгафов 3. Амирхан Жемухов
2	Докшукинское	1. Генерал-лейтенант Темирхан Шипшев 2. Уздень Магомет Шипшев 3. Уздень Магомет гири Шипшев 4. Уздень Туган Шипшев 5. Уздень Эфенди Махмуд Хавпачев
3	Кременчугско-Константиновское	1. Михаил Саввич Круный 2. Александр Миронов
4	Кошерово	1. Апишао Тхашугоев 2. Бекмурза Кошеровов 3. Дзыра Казаншев 4. Али Казаншев 5. Тута Казаншев 6. Асланбек Напцев 7. Пыту Шипшев 8. Хацу Бекулов

В соответствии с приведенными данными садоводство в Нальчикском округе развивалось преимущественно в предгорных районах и не носило массовый характер, несмотря на усилия со стороны областного и окружного начальства. В дальнейшем процесс развития торгового садоводства также шел медленно, на что указывал в своем отчете за 1903 г. начальник округа, отмечая, что «население преимущественно употребляет фрукты для себя» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 602. Л. 17 об.].

Таким образом, деятельность учреждений власти по организации контроля за состоянием сельского хозяйства и продовольственных запасов включала в себя регулярный мониторинг таких сфер народного хозяйства, как земледелие, скотоводство, промыслы народов, населявших округ, заводская и фабричная промышленность, посев и урожай хлеба, садоводство и огородничество, виноделие, рыболовство и пчеловодство. При этом наибольшее внимание в отчетах и регулярном документообороте уделялось состоянию земледелия, а именно – зерновых культур. Областные и окружные органы управления по запросам различных структур Министерства внутренних дел Российской империи, в том числе Окружного интендантского управления и Губернской контрольной пала-

ты, – осуществляли регулярный контроль за такими аспектами организации производства хлебов, как сроки и объемы посева и сбора зерновых, анализ погодных условий в течение года и за несколько лет. Такое внимание к организации продовольственной политики со стороны имперских властей позволяет сделать вывод о заинтересованности в развитии сельского хозяйства и росте годовых показателей урожайности для обеспечения продовольствием как самих жителей округа, так и для увеличения объемов продажи хлеба для казны на обеспечение действующей армии.

Особенности мониторинга цен на продукты питания в Нальчикском округе в последней трети XIX – начале XX вв.

Еще одной формой деятельности учреждений власти по организации продовольственной политики в Нальчикском округе в изучаемый период выступало осуществление сбора информации о ценах на продовольствие, а также на его логистику, фураж и др.

Этот процесс осуществлялся через еженедельное и ежемесячное составление окружными властями ведомостей справочных цен на провиант, фураж, перевозку товаров и прочее. Цены собирали старшины селений и атаманы станиц, затем начальники участков заполняли табличные ведомости в готовом формуляре, на основании которого начальник округа составлял общую ведомость и направлял ее на утверждение областному начальству, а также в Губернскую контрольную палату и в Окружное интендантское управление Кавказского военного округа.

Институт губернских контрольных палат был создан в качестве составной части системы Государственного контроля в ходе реформы 1864 г. Задачей губернских контрольных палат являлось «наблюдение за правильностью движения и сохранностью денежных и материальных капиталов», а также анализ «выгодности и невыгодности хозяйственных операций, независимо от их законности», т.е. качественная и оперативная проверка присылаемых на ревизию данных [Собченко 2007]. Ревизию отчетности Кавказского военного округа и учреждений гражданского ведомства Закавказского края осуществляла созданная в 1868 г. Закавказская контрольная палата.

Окружное интендантское управление входило в состав Главного интендантского управления Министерства внутренних дел, которое было создано Д.А. Милютиным в результате реформы системы военного управления в 1860-70-х гг. [Полное собрание законов... 1873: 812–817]. Главное интендантское управление отвечало за снабжение войск и военных институций денежным, вещевым, провиантским, фуражным и квартирным довольствием. Эта деятельность осуществлялась через формирование общих планов и смет на постоянные заготовления на основании составляемых Окружными интендантскими управлениями сметных исчислений и частных планов на постоянные заготовления» [Полное собрание законов... 1873: 814].

В свою очередь окружные интендантства при объявлении торгов опирались на данные получаемых ведомостей справочных цен на провиант, фураж, перевозку товаров и проч. Так, в октябре 1889 г. Окружное интендантское

управление отправило в Нальчикский округ предписание о регулярном в течение 1890 г. предоставлении справочных цен, причем каждая ведомость должна была доставляться не позднее 25-го числа того месяца, за который она составлена. К предписанию прилагалось 12 печатных бланков ведомостей для представления в них справочных цен на провиант, фураж, мясо и прочие предметы [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 154. Т. 1. Л. 99]. А в апреле 1892 г. Терское областное правление направило отношение в округ о предоставлении необходимых сведений для осуществления торгов на заготовление провианта для провиантских магазинов и войсковых частей на обозначенный год. В числе прочих сведений были запрошены справочные цены, по которым можно было приобрести интересующие продукты и отдельно – стоимость перевозки до ближайшего провиантского магазина. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 237. Л. 3-3 об.]. На основании предоставляемых цен в дальнейшем происходило утверждение подрядов и назначение предельных цен на заготовление провианта. По этой причине отдельно упоминалась необходимость корректного предоставления местных справочных цен, т.к. их неточность могла повлечь за собой большие переплаты казны при заготовлении, а также замедление успешного хода торгов и устройства системы заготовлений указанным в законе способом [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 237. Л. 4].

Сами ведомости представляли из себя печатный формуляр, в шапку которого вписывали название административной единицы и отчетный период. Далее следовала таблица с готовым списком продуктов с указанием веса, товаров и видов работ, а также категории цен в руб. и коп.: высшая, низшая, сложная и средняя. Завершалась такая ведомость графой о приблизительном определенном количестве продуктов, которые могли быть приобретены для казны, в случае надобности в данной административной единице. Например, в ведомости о ценах на провиант, фураж и проч. в Нальчикском округе за январь 1883 г. указаны такие продукты, как: мука ржаная (четверть указанного веса в 7 пуд. 10 ф. без куля), мука пшеничная (того же веса), рожь (9 пуд. веса без куля), овес (четверть восьмичетвериковой меры без куля), ячмень (той же меры), крупы гречневые, ячневые, овсяные (в ведомости отмечено, что в продаже их не было) и пшеничные (все они измерялись четвертью восьмичетвериковой меры без куля), горох (четверть восьмичетвериковой меры без куля), винный уксус (ведро), мясо свежее (пуд), сало свиное (пуд), сало говяжье (пуд), масло коровье топленое (пуд), вино хлебное 40 % (ведро) [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 6. Т. 1. Л. 61]. Из товаров указаны: сено, солома, солод – все в пудах, дрова трехполенные (сажень), куль рогожный и холщевый четверной мешок. Перемол четверти веса ржи обходился в среднем в 57,5 коп., пшеничная мука стоила 7 руб. 65 коп. за обозначенный вес, ячмень – 5 руб. 10 коп., пшеничные крупы – 7 руб. 65 коп., пуд свежего мяса – 3 руб., топленое коровье масло – 14 руб., хлебное вино – 6 руб. 10 коп. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 6. Т. 1. Л. 61]. За перевозку четверти овса на 100 верст сухим путем надо было заплатить 1 руб. 15 коп., муки – 1 руб. 30 коп., круп – 1 руб. 50 коп. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 6. Т. 1. Л. 61 об.].

Также в январе 1883 г. Нальчикский округ мог продать в казну рожь (9 пуд. веса без куля) – 1 241 четв., мука ржаная (7 пуд. 10 ф. без куля) – 1 570 четв., пшеницы (пуд веса) – 1 642 четв., муки пшеничной (7 пуд. 10 ф. без куля) – 1 957 четв., овес (восьмичетвериковой меры) – 1 575 четв., ячмень (той же меры) – 745 четв., круп гречневых – 2 четв. восьмичетвериковой меры, круп пшеничных – 429 четв. восьмичетвериковой меры [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 6. Т. 1. Л. 61].

В период сбора урожая хлебов ценовая динамика менялась. Так, в ведомости справочных цен в Нальчикском округе за август 1883 г. пшеничная мука стоила 8 руб. 46 коп. за обозначенный вес, ячмень – 4 руб. 75 коп., пшеничные крупы – 8 руб. 32,5 коп., пуд свежего мяса – 3 руб. 40 коп., топленое коровье масло – 14 руб. 75 коп., хлебное вино – 6 руб. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 6. Т. 1. Л. 11]. Перемол четверти веса ржи обходился в среднем в 72,5 коп. За перевозку четверти овса на 100 верст сухим путем надо было заплатить 1 руб. 60 коп., муки – 1 руб. 70 коп., круп - 1 руб. 65 коп. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 6. Т. 1. Л. 11 об.].

Отдельно осуществлялся контроль цен на закупки для врачебных и учебных заведений. Эти данные предоставлялись в виде ведомостей по справочным ценам, существовавшим на разные припасы, продовольственные продукты и друг. материалы, потребные для врачебных и учебных заведений в Нальчикском округе. В таком формуляре ведомости за июль 1889 г. содержался разнообразный ассортимент продуктов питания, среди которых в округе были представлены следующие: булки пшеничные (пуд); вино (ведро) – красное местное; вино среднего достоинства (бутылка) – столовое; вермишель (фунт); ветчина в окороках (фунт); вода в бочке; гумирабик (фунт); горчица столовая (фунт); гусь живой; гвоздика (фунт); картофель (пуд); кофе Мокко (фунт); крахмал (фунт) – пшеничный, картофельный, рисовый; корица (фунт); кукуруза (пуд); лавровый лист (фунт); лимон свежий (десяток); лимонный сок в бутылке (фунт); мука двух сортов (пуд); мед (пуд); масло (пуд) – конопляное, льняное, горчичное, подсолнечное; масло коровье сливочное (фунт); молоко коровье (ведро) – снятое, неснятое, кислый варенец; морковь (фунт); ягоды можжевельника (фунт); миндаль сладкий (фунт); миндаль горький (фунт); малина сушеная (фунт); макароны (фунт); маслины (фунт); огурцы (сотня) – соленые и свежие; перец зернистый (фунт); пиво ординарное хорошее (ведро); пирожное кондитерское (фунт); просо (мера); перец гвоздичный (фунт); рыба тарань (десяток); рыба соленая балык (фунт) – красная и белая; сельдь (десяток) – керченская и простая; сало (пуд) – говяжье, баранье, свиное; сахар не колотый (фунт); сахар колотый (фунт); сухари кондитерские (фунт); солод ржаной (пуд); сметана (фунт); сыр (фунт) – швейцарский и русский; телятина (пуд); творог свежий (фунт); утка живая; фрукты сушеные (фунт) – курага, персик, чернослив, изюм, кишмиш, вишня; чеснок крупный (сотня головок); щавель зеленый свежий (фунт); яйца куриные (сотня) [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 154. Т. 1. Л. 23-27 об.].

В ведомости по среднесправочным ценам на провиант, фураж, дрова, перевозку и проч. предметы, существовавшим в Нальчикском округе за август того же 1889 г. был представлен расширенный ассортимент продуктов и новые

меры веса для хлебных продуктов – мука ржаная и пшеничная, а также рожь и пшеница фасовались двумя объемами: куль 9 пуд. веса с кулем и четв. 7 пуд. 10 ф. без куля [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 154. Т. 1. Л. 90]. Из круп в ведомости были представлены только гречневые и пшеничные. В списке продуктов появилась кукуруза, 1 четв. восьмичетвериковой меры которой стоила 4 руб. 70 коп. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 154. Т. 1. Л. 90]. Свежее мясо делилось на первый и второй сорта с разницей в цене в 20 коп.: первый сорт стоил 2 руб., а второй – 1 руб. 80 коп. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 154. Т. 1. Л. 90]. Также в ведомости появились такие продукты, как нетопленное баранье (4 руб. 45 коп. за пуд); масло постное (8 руб. за пуд); соль мелкая столовая (1 руб. 80 коп. за пуд) и в кусках (40 коп. за пуд); печеный пшеничный хлеб 1-го и 2-го сортов (соответственно за пуд – 1 руб. 60 коп. и 1 руб. 20 коп.); капуста свежая в кочанах (8 руб. за сотню); бурак свежий (90 коп. за сотню); лук головчатый (1 руб. 40 коп. за пуд); чеснок (1 руб. 60 коп. за пуд); быков (пара) – большого роста (80 руб.), среднего (60 руб.) и малого (42 руб. 50 коп.); корова большого роста (32 руб. 50 коп.), среднего (27 руб. 50 коп.) и малого роста (17 руб. 50 коп.); овца старая (6 руб. 75 коп.) и молодая (2 руб. 75 коп.); ягненок (1 руб. 75 коп.) [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 154. Т. 1. Л. 90 об.].

Запрос на справочные цены мог быть направлен не только в плановом порядке – областным правлением, контрольной палатой или интендантским управлением, – но также мог быть адресован к властям Терской области со стороны. Так, в ноябре 1889 г. Терское областное правление спустило в округ предписание по срочному запросу местных справочных цен на продукты, представленные в приложении к поступившему в область отношению. Оно было адресовано в область Начальником 23-й местной бригады с целью сбора информации для дальнейшего ходатайства об увеличении кормовых окладов для довольствия новобранцев, которые должны были проследовать согласно маршруту через область [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 154. Т. 1. Л. 112-112 об.]. Запрос касался следующих продуктов: мясо и говяжье сало, капуста квашенная и свежая, лук репчатый, мука пшеничная, крупы пшенная и гречневая, соль, перец красный, лавровый лист, а также дрова трехполенной меры [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 154. Т. 1. Л. 113].

Ведомость по справочным ценам, существовавшим на разные припасы, продовольственные продукты и друг. материалы, потребные для врачебных и учебных заведений в Нальчикском округе в октябре 1901 г. демонстрировала появление новых продуктов в повседневной торговле округа, таких как: вино кахетинское (ведро) – красное и белое; виноград (пуд); имбирь (фунт); карамель (фунт); козел черный азиатский (штука); крупы манные и перловые (пуд); курица живая и битая; малина сушеная (пуд); сушеные груши, яблоки (фунт); чернослив (фунт); помидоры соленые (ведро) [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 567. Т. 1. Л. 92-95 об.].

Сбор информации о ценах на продукты питания, фураж, а также их логистику, осуществлялся через еженедельное и ежемесячное составление ведомостей справочных цен. Примечательно, что для контроля за закупками продуктов и товаров для врачебных и лечебных учреждений составлялись отдельные

группы ведомостей. Этот процесс совершался в несколько этапов. Сначала действующие цены фиксировались старшинами селений и атаманами станиц. Затем начальники участков заполняли табличные ведомости в готовом формуляре, содержащем в себе широкий ассортимент товаров, не все из которых обязательно были представлены локально. В свою очередь начальник округа на основании формуляров участков составлял общую ведомость и направлял ее на утверждение областному начальству. Также адресатами ведомостей являлись Губернская контрольная палата и в Окружное интендантское управление Кавказского военного округа, которые на основании предоставляемых сведений утверждали подряды на продажу продовольствия для казны и устанавливали предельные цены на заготовление провианта для действующей армии.

Деятельность органов власти и самоуправления в организации работы общественных весов в Нальчикском округе

Регулярный контроль осуществлялся не только над ценами, но и над весом продаваемых товаров силами органов власти и самоуправления через обязательное использование общественных весов. В соответствии с постановлением 1905 г. об устройстве общественных весов в слободах, станицах и селениях Терской области они устанавливались на всех базарах, ярмарках и железнодорожных станциях для обязательной приемки на вес покупаемых торговцами зерновых, молотых, толченых хлебов, масличных, посевных и других семян и иных товаров [Терские ведомости... 1905].

Процесс работы весов обеспечивался местными органами власти. За содержание общественных весов отвечали либо слободские, станичные или сельские общества, либо частные лица, на определенные часы арендовавшие весы у этих обществ за особую плату. Взвешивание на общественных весах могло быть оплачено как покупателем, так и продавцом – в соответствии с их договоренностью. Размер платы за взвешивание продуктов устанавливался общественными приговорами слободских, станичных или сельских обществ и утверждался начальником области, но не мог быть выше 1 коп. с пуда. В базарные и ярмарочные дни общественные весы должны были быть обязательно открыты для взвешивания продуктов и товаров по следующему графику: с 7 утра до 5 вечера с октября по февраль; с 6 утра до 7 вечера в марте и апреле; с 5 утра до 6 вечера с мая по сентябрь [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 656. Л. 3].

Как следует из отзыва Екатеринодарской № 14 Поверочной палатки торговых мер и весов, надзор за используемыми в торговле клейменными мерами и весами осуществляли местные полицейские органы, а за клеймение и проверку оригинальности клейма отвечала сама Поверочная палатка, открытая в Терской области в 1904 г. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 656. Л. 16]. Так же в соответствии с циркуляром начальника области от 26 июня 1906 г. к обязанностям местных полицейских органов относилось следующее: надзор за использованием в торговле и промышленности только тех мер и весов, которые были снабжены надлежащими клеймами; возбуждение судебного преследования и обвинение в суде лиц, у которых обнаруживали незаконные (неклейменные) весы и меры и др. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 656. Л. 21]. Этим же циркуляром

областное начальство предписало атаманам отделов, начальникам округов и Владикавказскому Полицеймейстеру устранить использование незаконных мер и весов и принудить торговцев, особенно крупных, к клеймению уже имеющегося у них оборудования. Достижение максимизации перехода предпринимателей в законное русло должно было осуществляться не только с помощью постоянного наблюдения, но и через опечатывание торгового оборудования и составление протоколов, передаваемых в дальнейшем в суд для привлечения виновных к уголовной ответственности [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 656. Л. 21-21 об.].

Таким образом, в вопросе организации работы общественных весов областные и окружные органы власти и самоуправления разделяли между собой зоны ответственности. Со стороны области – контрольный орган – Екатеринбургская № 14 Поверочная палатка торговых мер и весов, которая отвечала за клеймение весов и проверку оригинальности клейма. Со стороны округа – окружные органы власти и самоуправления, отвечавшие каждый за свой аспект работы общественных весов. Слободские, станичные или сельские общества, либо частные лица, бравшие в аренду у обществ весы, отвечали за их содержание. В ведении местных полицейских властей также находилась система взысканий и уголовного преследования в случае незаконной работы весов, в том числе с целью перевода максимального количества торговцев на законные условия работы. При этом размер стоимости взвешивания продуктов на общественных весах устанавливалась общественными приговорами слободских, станичных или сельских обществ и утверждалась начальником области.

Заключение

В последней трети XIX – начале XX вв. в Нальчикском округе деятельность учреждений власти и самоуправления в сфере продовольственной политики осуществлялась на нескольких уровнях административной иерархии. Функционал окружных органов власти носил организационно-контрольный характер. Это находило отражение прежде всего в формировании регулярной статистической и аналитической базы в виде годовых отчетов начальников округа, включавших в себя материалы о состоянии посевов и урожаев хлебов, о луговодстве, садоводстве и огородничестве, о виноделии, рыболовстве и пчеловодстве, о скотоводстве и о фабрично-заводской промышленности и торговле. Следующей формой деятельности в сфере продовольственной политики являлось осуществление мониторинга цен на продовольствие, на его логистику, фураж и др. с дальнейшим предоставлением ведомостей цен на утверждение областному начальству. Наибольшее внимание в отчетах и регулярном документообороте уделялось состоянию земледелия, а именно – зерновых культур. Областные и окружные органы управления многократно в течение года запрашивали информацию о таких аспектах организации производства хлебов, как сроки и объемы посева и сбора зерновых, анализ погодных условий в течение года и за несколько лет. Активность и регулярность этих действий, а также то, что существенный объем сведений, представленных в отчетах начальников округа и области был посвящен различным аспектам производства и потребления

сельскохозяйственной продукции позволяет говорить о заинтересованности органов власти в развитии сельского хозяйства и улучшении годовых показателей урожайности для обеспечения продовольствием как самих жителей округа, так и для увеличения объемов продажи хлеба для казны на обеспечение действующей армии.

Следует отметить, что органы власти в процессе реализации продовольственной политики контролировали не только процесс производства продуктов питания, но их продажу – системно отслеживались цены на продукты и условия осуществления торговых операций. Сбор сведений о ценах на продукты питания, фураж, а также их логистику, осуществлялся через еженедельное и ежемесячное составление ведомостей справочных цен. Контроль закупок продуктов и товаров для врачебных и лечебных учреждений реализовывался с использованием отдельной группы ведомостей. Этот процесс совершался в несколько этапов: фиксация действующих цен старшинами селений и атаманами станиц; заполнение начальниками участков табличных ведомостей в готовом формуляре, содержавшем в себе широкий ассортимент товаров, не все из которых обязательно были представлены на местных торговых площадках; составление начальником округа общей ведомости на основании формуляров участков и ее отправка на утверждение областному начальству, а также в Губернскую контрольную палату и Окружное интендантское управление Кавказского военного округа – эти органы власти с опорой на полученные справочные цены утверждали подряды на продажу продовольствия для казны и назначали предельные цены на заготовление провианта для действующей армии.

Вопрос организации работы общественных весов находился одновременно в ведении разных уровней власти: областные и окружные органы власти и самоуправления разделяли между собой зоны ответственности. Контрольный областной орган – Екатеринодарская № 14 поверочная палатка торговых мер и весов – отвечала за клеймение весов и проверку оригинальности клейма. Слободские, станичные или сельские общества, либо частные лица, бравшие в аренду у обществ весы, отвечали за их содержание. В ведении местных полицейских властей также находилась система взысканий и уголовного преследования в случае незаконной работы весов, в том числе с целью перевода максимального количества торговцев на законные условия работы. Роль местного самоуправления заключалась в следующем: размер стоимости взвешивания продуктов на общественных весах устанавливалась общественными приговорами слободских, станичных или сельских обществ и утверждалась начальником области.

Таким образом, деятельность учреждений власти и самоуправления в сфере продовольственной политики в Нальчикском округе в последней трети XIX – начале XX вв. носила разнообразный характер от формирования статистической и аналитической отчетности до непосредственного контроля за операциями купли-продажи продуктов питания и входила в ареал ответственности различных по уровням органов власти – от имперских до окружных и локальных учреждений и органов местного самоуправления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абазов 2019 – *Абазов А.Х.* Финансовый аспект административно-территориальных преобразований на северном Кавказе на рубеже 50-х – 60-х гг. XIX в. // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. – 2019. №4-1 (43). – С. 36–42. DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-1-43-36-42.

Ацканов 1967 – *Ацканов М.Х.* Экономические отношения и экономические взгляды в Кабарде и Балкарии (1860-1917 гг.). – Нальчик: Каб.-Балк. книж. изд-во, 1967. – 131 с.

Века совместной истории... 2017 – *Века совместной истории: народы Кабардино-Балкарии в российском цивилизационном процессе (1557–1917 гг.).* – Нальчик: издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. – 544 с.

Дзуганов 2021 – *Дзуганов Т.А.* Предпринимательские практики в слободе Нальчик (вторая половина XIX – начало XX в.) // Электронный журнал «Кавказология». – 2021. – No 3. – С. 82-110. – DOI 10.31143/2542-212X-2021-3-82-110. – EDN HСIOQV.

Дзуганов 2023 – *Дзуганов Т.А.* Очерки истории торговли и предпринимательства в Нальчикском округе. – Нальчик: Принт Центр, 2023. – 196 с.

Жакомыхов 1963 – *Жакомыхов Т.А.* Аграрные отношения в Кабарде и Балкарии (XIX в.) // Ученые записки КБГУ. Серия сельскохозяйственная. – Нальчик, 1963. – Вып. 18. – С. 79-86.

История многовекового содружества... 2007 – *История многовекового содружества.* К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2007. – 736 с.

Казбек 1888 – *Казбек Г.Н.* Военно-статистическое описание Терской области. В 2-х ч. – Тифлис: Отд. ген. штаба Кавказского воен. округа, 1888. – 349 с.

Калмыков 2007 – *Калмыков Ж.А.* Интеграция Кабарды и Балкарии в общероссийскую систему управления (вторая половина XVIII – начало XX века). – Нальчик: Эль-Фа, 2007. – 232 с.

Кумыков 1959 – *Кумыков Т.Х.* Социально-экономические отношения и отмена крепостного права в Кабарде и Балкарии (1800–1869-е гг.). – Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1959. – 172 с.

Кумыков 1965 – *Кумыков Т.Х.* Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изд-во, 1965. – 420 с.

Малявкин 1891 – *Малявкин Г.Ф.* Очерк общинного владения в Кабарде // Терские ведомости. – 1891. – № 86. – 27 октября. – С. 3–4.

Мамбетов 1961 – *Мамбетов Г.Х.* К вопросу о проникновении капиталистических отношений в экономику Кабарды и Балкарии во второй половине XIX – начале XX века // Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии, Вып. 9. – Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, – 1961. – С. 110-148.

Мамбетов 1971 – *Мамбетов Г.Х.* Материальная культура сельского населения Кабардино-Балкарии. – Нальчик: Эльбрус, 1971. – 407 с.

Мужев 1952 – *Мужев И.Ф.* Социально-экономическое развитие Кабарды во второй половине XIX в. (1868–1900 гг.) [Текст] / И. Ф. Мужев // Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института. – Нальчик: Кабардинское книжное издательство, – 1952. Т. VII. – С. 77–113.

ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Т. XXXIX. СПб., 1873, с. 812–817.

Прасолов 2019 – *Прасолов Д.Н.* Съезды доверенных в практиках местного самоуправления кабардинцев и балкарцев во второй половине XIX – начале XX в. – Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2019. – 208 с.

Собченко 2007 – *Собченко Е.Н.* Реформа системы государственной отчетности и образование контрольных палат в 60-х гг. XIX века // Вестник Новгородского государственного университета. – 2007. – № 41. – С. 21-24.

Терские ведомости... – Терские ведомости, № 11, от 8 января 1905 г., Владикавказ, Типограф. Терского Обл. Правл.

УЦГА АС КБР. Ф. И-6 – Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики. Ф. И-6 «Управление Нальчикского округа».

Христианович 1928 – *Христианович В.П.* Сельскохозяйственные районы Кабарды // Труды по естественно-историческому и экономическому обследованию Кабарды, т. 3. – Воронеж: б/и, 1928. – 228 с.

REFERENCES

АБАЗОВ А.КН. *Finansovyy aspekt administrativno-territorial'nykh preobrazovaniy na severnom Kavkaze na rubezhe 50-kh – 60-kh gg. XIX v.* [The financial aspect of administrative-territorial transformations in the Northern Caucasus at the turn of the 50s - 60s. XIX century]. In: Bulletin of the Kabardino-Balkarian Institute for Humanitarian Research. – 2019. – № 4-1 (43). – P. 36–42. DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-1-43-36-42. (In Russ.).

АТСКАНОВ М.КН. *Ekonomicheskiye otnosheniya i ekonomicheskiye vzglyady v Kabarde i Balkarii (1860-1917 gg.).* [Economic relations and economic views in Kabarda and Balkaria (1860-1917)]. – Nalchik: Kab.-Balk. books publishing house, 1967. – 131 p. (In Russ.).

ДЗУГАНОВ Т.А. *Ocherki istorii trgovli i predprinimatel'stva v Nal'chikskom okruge.* [Essays on the history of trade and entrepreneurship in the Nalchik district.]. – Nalchik: Print Center, 2023. – 196 p. (In Russ.).

ДЗУГАНОВ Т.А. *Predprinimatel'skie praktiki v slobode Nal'chik (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.).* [Entrepreneurial practices in the settlement of Nalchik (second half of the XIX - early XX centuries)]. In: Elektronnyi zhurnal "Kavkazologiya". – 2021. – No 3. – P. 82-110. – DOI 10.31143/2542-212X-2021-3-82-110. – EDN HCIOQV. (In Russ.).

Istoriya mnogovekovogo sodruzhestva. K 450-letiyu soyuza i yedineniya narodov Kabardino-Balkarii i Rossii. [The history of a centuries-old commonwealth. To the 450th anniversary of the union and unity of the peoples of Kabardino-Balkaria and Russia]. – Nalchik: M. and V. Kotlyarov Publishing House, 2007. – 736 p. (In Russ.).

КАЛМЫКОВ З.А. *Integratsiya Kabardy i Balkarii v obshcherossiyskuyu sistemu upravleniya (vtoraya polovina XVIII – nachalo XX veka).* [Integration of Kabarda and Balkaria into the all-Russian management system (second half of the 18th – early 20th centuries)]. – Nalchik: El-Fa, 2007. – 232 p. (In Russ.).

КАЗБЕК Г.Н. *Voyenno-statisticheskoye opisaniye Terskoy oblasti. V 2-kh ch.* [Military statistical description of the Terek region. In 2 p.]. – Tiflis: Dep. gene. headquarters of the Caucasian military. Okrug, 1888. – 349 p. (In Russ.).

ХРИСТИАНОВИЧ В.П. *Sel'skokhozyaystvennyye rayony Kabardy. Trudy po yestestvenno-istoricheskomu i ekonomicheskomu obsledovaniyu Kabardy, t.3.* [Agricultural regions of Kabarda. Proceedings on the natural-historical and economic survey of Kabarda, vol.3]. – Voronezh, 1928. – 228 p. (In Russ.).

КУМЫКОВ Т.КН. *Ekonomicheskoye i kul'turnoye razvitiye Kabardy i Balkarii v XIX v.* [Economic and cultural development of Kabarda and Balkaria in the 19th century]. – Nalchik: Kabardino-Balkarian Book Publishing House, 1965. – 420 p. (In Russ.).

КУМЫКОВ Т.КН. *Sotsial'no-ekonomicheskiye otnosheniya i otnemna krepostnogo prava v Kabarde i Balkarii (1800–1869-e gg.)* [Socio-economic relations and the abolition of serfdom in Kabarda and Balkaria (1800-1869)]. – Nal'chik: Kab.-Balk. kn. izd-vo, 1959. – 172 p. (In Russ.).

МАЛЫАВКИН Г.Ф. *Ocherk obshchinnogo vladeniya v Kabarde.* [Essay on communal ownership in Kabarda]. In: Terskie Vedomosti. – 1891. No. 86. October 27. – P. 3–4. (In Russ.).

МАМБЕТОВ Г.КН. *K voprosu o proniknovenii kapitalisticheskikh otnosheniy v ekonomiku Kabardy i Balkarii vo vtoroy polovine XIX – nachale KHKH veka.* [On the issue of the penetration of capitalist relations into the economy of Kabarda and Balkaria in the second half of the 19th - early 20th centuries]. In: Collection of articles on the history of Kabardino-Balkaria, Vol. 9. – Nalchik: Kab.-Balk. book publishing house, 1961. – P. 110-148. (In Russ.).

MAMBETOV G.KH. *Material'naya kul'tura sel'skogo naseleniya Kabardino-Balkarii*. – [Material culture of the rural population of Kabardino-Balkaria]. – Nalchik: Elbrus, 1971. – 407 p. (In Russ.).

MUZHEV I.F. *Sotsial'no-ekonomicheskoye razvitiye Kabardy vo vtoroy polovine XIX v. (1868–1900 gg.)*. [Socio-economic development of Kabarda in the second half of the 19th century. (1868–1900)]. In: Scientific notes of the Kabardian Research Institute. Nalchik: Kabardian Book Publishing House, – 1952. T. VII. – P. 77–113. (In Russ.).

Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii s 1649 g. [Complete collection of laws of the Russian Empire since 1649. T. XXXIX.]. St. Petersburg, 1873. (In Russ.).

PRASOLOV D.N. *S"ezdy doverennykh v praktikakh mestnogo samoupravleniya kabardintsev i balkartsev vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.* [Congresses of Kabardians and Balkars trusted in the practices of local self-government in the second half of the XIX – early XX century]. – Nalchik: Publishing Department of IGI KBNTS RAS, 2019. – 208 p. (In Russ.).

SOBCHENKO E.N. *Reforma sistemy gosudarstvennoy otchetnosti i obrazovaniye kontrol'nykh palat v 60-kh gg. XIX v.* [Reform of the state reporting system and the formation of control chambers in the 60s. XIX century]. In: Bulletin of Novgorod State University. – 2007. – № 41. – Pp. 21-24. (In Russ.).

Terskiye vedomosti [Tersky Gazette], № 11, ot 8 yanvarya 1905 g., Vladikavkaz, Tipograf. Terskogo Obl. Pravl. (In Russ.).

UTSGA AS KBR (*Upravlenie tsentralnogo gosudarsivennogo arkhiva Arkhivnoy sluzhby Kabardino-Balkarskoy Respubliki*) [OCSA AS KBR (Office of the Central State Archive of the Archive Service of the Kabardino-Balkarian Republic)]. F. I-6, «Upravleniye Nal'chikskogo okruga».

Veka sovместnoy istorii: narody Kabardino-Balkarii v rossiyskom tsivilizatsionnom protsesse (1557–1917 gg.). [Centuries of joint history: the peoples of Kabardino-Balkaria in the Russian civilizational process (1557–1917)]. – Nalchik: publishing department of IGI KBSC RAS, – 2017. – 544 p. (In Russ.).

ZHAKOMIKHOV T.A. *Agrarnyye otnosheniya v Kabarde i Balkarii (XIX v.)*. [Agrarian relations in Kabarda and Balkaria (XIX century)]. In: Scientific notes of KBSU. Agricultural series. – Nalchik, 1963. – Issue. 18. – Pp. 79-86. (In Russ.).

Информация об авторе

Е.А. Анищенко – аспирант Научно-образовательного центра.

Information about the author

E.A. Anishchenko – a postgraduate student at the Scientific and Educational Center.

Статья поступила в редакцию 25.09.2024 г.; одобрена после рецензирования 12.12.2024 г.; принята к публикации 27.12.2024 г.

The article was submitted 25.09.2024; approved after reviewing 12.12.2024; accepted for publication 27.12.2024.

Новейшая история

Научная статья

УДК – 94(470.64).085.9

DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-71-86

EDN: HLHGRC

ИСЛАМСКОЕ РЕЛИГИОЗНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ В СОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОДЫ: ТРАНСФОРМАЦИЯ, ДИНАМИКА, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Александра Николаевна Такова

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, sanatakova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8380-6936>

Аннотация. В статье рассмотрены изменения, происходившие в системе исламского религиозного образования Кабардино-Балкарии на протяжении советского и постсоветского периодов. Дается характеристика структуре и особенностям функционировавшей в субрегионе до 1917 г. сети мусульманских школ и училищ. Анализируется политика органов советской власти в отношении мусульманских образовательных учреждений и ее региональная специфика. Делается вывод о том, что в Кабардино-Балкарии разветвленная сеть примечательных школ активно действовала до конца 20-х гг. XX в. Ее практически полная ликвидация связывается с происходившими в конце 20-х – начале 30-х гг. XX в. массовыми крестьянскими волнениями. Акцентируется внимание на ярко присутствовавший в идеологии восставших крестьян религиозный компонент и активную роль в них местного духовенства. Дается характеристика периоду 30–80-х гг. XX в. – времени, когда религиозное образование фактически отсутствовало в структуре религиозной культуры республики. Рассматриваются особенности развития и сложности процесса возрождения системы религиозного образования, имевшие место в постсоветский период. Оценивается современное состояние данной системы, выявляются ее актуальные проблемы.

Ключевые слова: религиозное образование, мечеть, медресе, мектебе, трансформация, Кабардино-Балкария, религиозное возрождение.

Для цитирования: Такова А.Н. Исламское религиозное образование в Кабардино-Балкарии в советский и постсоветский периоды: трансформация, динамика, современное состояние // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 4. – С. 71-86. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-71-86. EDN: HLHGRC.

© Такова А.Н., 2024

Original article

**ISLAMIC RELIGIOUS EDUCATION IN KABARDINO-BALKARIA
IN THE SOVIET AND POST-SOVIET PERIODS:
TRANSFORMATION, DYNAMICS, CURRENT STATE**

Aleksandra N. Takova

Institute of Humanitarian Studies – Branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, sanatakova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8380-6936>

Abstract. The study examines the changes that took place in the system of Islamic religious education in Kabardino-Balkaria during the Soviet and post-Soviet periods. The article describes the structure and features of the network of Muslim schools and colleges that functioned in the sub-region before 1917. The article analyzes the policy of the Soviet authorities in relation to Muslim educational institutions and its regional specifics. It is concluded that in Kabardino-Balkaria, an extensive network of Tibetan schools was active until the end of the 20s of the XX century. Its almost complete elimination is associated with the mass peasant unrest that took place in the late 20s and early 30s of the XX century. Attention is focused on the religious component that was vividly present in the ideology of the rebellious peasants and the active role of the local clergy in them. The characteristic of the period of the 30-80s of the XX century is given – the time when religious education was virtually absent from the structure of the religious culture of the republic. The features of the development and complexity of the process of reviving the system of religious education that took place in the post-Soviet period are considered. The current state of this system is assessed, and its current problems are identified.

Keywords: religious education, mosque, madrasah, mektebe, transformation, Kabardino-Balkaria, religious revival.

For citation: Takova A.N. Islamic religious education in Kabardino-Balkaria in the soviet and post-soviet periods: transformation, dynamics, current state. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 4. – P. 71-86. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-71-86. EDN: HLHGRC.

© Takova A.N., 2024

Религиозное образование – один из важнейших составных элементов религиозной культуры, необходимый для ее эффективного закрепления, поддержания и трансляции. Советский и постсоветский периоды в контексте рассматриваемой проблемы являлись сложным временем, в течение которого система религиозного образования претерпела серию кардинальных изменений, приведших к ее качественной трансформации. Целью настоящего исследования является рассмотрение динамики изменений в данной системе на протяжении советского и постсоветского периодов. Основной массив источников, использованных при написании работы, составляют документы, извлеченные из различных архивохранилищ, большинство из которых впервые вводятся в научный оборот, а также ряд ранее опубликованных материалов. Некоторые аспекты рассматриваемой проблемы исследованы в работах Х.Б. Мамсирова, А.А. Ярлыкапова, А.Х. Мукожева. З.Я. Емтыль, Х.И. Хутуева, Н.М. Емельяновой [Мамсиров 2004; Ярлыкапов 2003; Мукожев 2007; Емтыль 2017; Хутуев 1984; Емельянова 2002] и других авторов. Основными методами исследования являются анализ архивных материалов, дедукция, индукция, микроанализ, социальная психология.

К началу советского периода, как и в большинстве других мусульманских регионов страны, в Нальчикском округе Терской области, куда входили Кабарда и Балкария, фактическим монополистом в деле народного просвещения яв-

лялись религиозные образовательные учреждения. Светские школы здесь были малочисленны, часто работали нестабильно, да и обучение в них было доступно лишь имущей части населения, доля которой в ее общей структуре не была значительной. К примеру, самое крупное и стабильно функционирующее с 1860 г. светское образовательное учреждение – Нальчикскую горскую школу, за 39 выпусков окончило лишь 427 человек, то есть в среднем по 11 человек в год [Адыгская... 2006: 777].

Согласно архивным материалам, по состоянию на начало 1915 г. в Нальчикском округе действовало 97 мусульманских школ. В них обучалось 1354 ученика (сохст), работало 94 учителя [УЦГА АС КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 362. Л. 15]. Вполне вероятно, что данные цифры несколько занижены, так как в субрегионе отсутствовала практика обязательной официальной регистрации подобного рода учреждений. Поэтому нередко они действовали в явочном порядке. Но, как правило, при мечетях, в каждом без исключения населенном пункте официально или неофициально действовали мусульманские школы. «...при каждой мечети, безусловно, находилась и школа», – так пишет по этому поводу исследователь Х.Б. Мамсиров [Мамсиров 2004а: 160].

Большую часть мусульманских образовательных учреждений в субрегионе составляли так называемые мектебе или начальные примечетские школы, иногда обозначаемые в источниках термином «арабские» или собирательным, но не совсем точным – «медресе». Обычно в них на схоластических принципах преподавался арабский язык, основы ислама, иногда также и арифметика. Учителями в них, чаще всего единственными, были сельские муллы. Содержание мектеб осуществлялось исключительно за счет частных пожертвований жителей конкретного населенного пункта. Срок обучения в них формально не регулировался, но, как правило, составлял от нескольких месяцев до 2–3 лет. Важной особенностью данного типа школ была их всеобщность и общедоступность. Давая, по сути, самые элементарные знания, они, для большинства населения являлись фактически единственным местом, где было возможно получить хоть какое-то образование. Также в субрегионе имелось и некоторое количество собственно медресе – мусульманских школ среднего уровня, своего рода духовных училищ. В них поступали уже в основном дети из состоятельных семей. В медресе также преподавался арабский язык, различные богословские дисциплины, а также всеобщая история, философия, иногда астрономия, медицина и другие предметы.

Новым явлением в системе религиозного образования субрегиона начала XX в., которое в постсоветский период было активно исследовано целой плеядой историков, стала деятельность Баксанского мусульманского просветительского центра, возглавляемого А. Дымовым и Н. Цаговым, являвшегося региональным проявлением движения джадидизма. Так, А. Дымов, в 1912 г. в родном с. Кучмазукино открыл на собственные средства начальную общеобразовательную общедоступную (бесплатную) школу для детей односельчан – новометодное медресе. Форма, принципы и методы обучения в нем принципиально отличалось от того, что происходило в типовых религиозных школах. Так, преподавание в нем велось на родном кабардинском

языке, на который специально переводились использовавшиеся в учебном процессе пособия. За основу была взята арабская графика. Помимо изучения религиозных дисциплин, не менее серьезное внимание уделялось светским предметам – географии, естествознанию, истории и др. В процесс обучения внедрялся научный подход. В 1914 г., в свою очередь, Н. Цаговым была открыта Баксанская духовная семинария, действовавшая на схожих с новометодным медресе А. Дымова принципах. В 1917 г. ее работа была перенесена в слободу Нальчик. Данное учебное заведение было ориентировано на выпуск работников шариатских судов, учителей и мулл. Однако в апреле 1918 г., вследствие событий Гражданской войны, ее деятельность была прекращена.

Без сомнения, являясь новым и прогрессивным по своей сути явлением, деятельность Баксанского мусульманского просветительского центра, не привела, однако, к каким-либо видимым сдвигам в системе религиозного образования Кабарды и Балкарии в целом, как это было в некоторых других мусульманских регионах страны. Схожая судьба, впрочем, была у движения джадидизма на всем Северном Кавказе. Детально изучив данный вопрос в рамках всего обозначенного региона, исследователь А.А. Ярлыкапов пришел к справедливому, по нашему мнению, выводу о том, что джадидистское движение здесь потерпело фактически, провал [Ярлыкапов 2003: 18]. В итоге к началу советского периода в Кабарде и Балкарии основу системы образования продолжали составлять действовавшие на схоластических принципах различного рода религиозные школы, главным образом, начальные примечетские мектебе.

Революция 1917 г., знаменовавшая собой резкую смену общественно-политических формаций, способствовала крутым изменениям во всех без исключения сферах жизни субрегиона, в том числе в образовательной. Однако данные изменения не произошли резко. Фактически все первое послереволюционное десятилетие стало временем постепенного реформирования образовательной системы в качественно новую форму. Ее итогом стала ликвидация системы легального религиозного образования.

Считается, что генеральный вектор данному процессу в масштабах всей страны задал известный Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви от 20 января (2 февраля) 1918 г.¹, в соответствии с п. 9 которого не допускалось «...преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях, где осуществлялось преподавание общеобразовательных предметов»². Важно понимать, что в данном документе речь шла не о запрете собственно религиозного обучения, так как указывалось, что в отношении обучения религии частным образом, никаких ограничений нет³. Упор делался на разделение, демаркацию светского и религиозного типов обучения. Ввиду того, что светских образовательных учреждений в субрегионе было мало, положения данного документа возможно было

¹ Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви от 20 января (2 февраля) 1918 г. URL: <http://www.constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5325/> (дата обращения: 29.11.2024).

² Там же

³ Там же

применить в полном объеме лишь к довольно незначительному их числу. Религиозные же школы Кабарды и Балкарии, действовавшие, как об этом было сказано выше, исключительно за счет частных пожертвований, формально под действие данного декрета не попадали. Это обстоятельство позволило им некоторое время функционировать вполне свободно и легально.

Также важно учитывать, что в первые годы после установления в субрегионе советской власти, когда для ее представителей архиважной являлась задача укрепления своих позиций в социуме и достижение морального признания населением как власти законной, выражающей собственно народные интересы, в отношении ряда местных особенностей, даже порой противоречащих базовым идеологическим установкам большевиков, последние руководствовались принципом стратегической терпимости. Это касалось, в том числе, и местной религиозной специфики. Кроме того, в данный период имела место еще и своего рода зависимость представителей большевистской власти от мусульманского духовенства, ставшего, по сути, их стратегическим партнером, а также, одновременно, и проводником их идей в народную среду. Неслучайно даже политические противники большевиков называли пробольшевистски настроенное мусульманское духовенство данного периода «...корнем большевистской агитации» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 25. Оп. 1. Д. 45а. Л. 15.].

Принимая во внимание отмеченные выше факты, становится понятной причина достаточно осторожного подхода молодой советской власти к делу преобразования действовавших здесь социальных институтов, в том числе системы религиозного образования. Кроме того, новая власть не могла сразу предложить жителям субрегиона какую-либо ей альтернативу. Для создания фактически с нуля системы массового народного образования требовалось время и много ресурсов.

Однако, свободное функционирование системы религиозного образования все же не могло продолжаться долго. По мере формирования и укрепления сети советских народных школ, действовавшие мусульманские, превращались, в своего рода, их конкурентов за умы и души людей. Само их наличие становилось фактором, препятствующим унификации социального пространства молодого советского государства, мешающим возвращать новое поколение советских людей – носителей актуальных для текущего исторического момента установок. В широком смысле сама религия стала рассматриваться в качестве некоего консервирующего фактора, препятствующего проведению масштабных модернизационных преобразований, призванных качественно изменить, все еще продолжавшее оставаться традиционным, общество рассматриваемого субрегиона. Этим во многом объясняется выраженный прессинг в отношении религии и связанных с ней институтов, начавший набирать обороты в эти годы. Политика в отношении религиозных образовательных учреждений является лишь одним из его проявлений.

Формирование системы массового народного образования в Кабарде и Балкарии связано с принятием двух важнейших законодательных актов.

Первый – постановление Наркомпроса «О школах национальных меньшинств»¹ от 31 октября 1918 г., предоставил право в национальных регионах создавать школы и осуществлять обучение на родных языках, при условии обязательного изучения русского. Второй – знаменитый Декрет «О ликвидации безграмотности в РСФСР»² от 26 декабря 1919 г., запустил программу «ликбез», по праву считающуюся одним из самых масштабных социальных проектов советского периода. Примерно через год, 24 ноября 1920 г. Терским облисполкомом был принят приказ «О мерах по ликвидации неграмотности среди населения области» [УЦГА АС КБР. Ф. 106. Оп. 1. Д. 2. Л. 2], конкретизировавший общегосударственный документ. В соответствии с ним предписывалось всем гражданам в возрасте от 14 до 30 лет «...обучаться грамоте на родном и русском языках в порядке государственного принуждения в течение 1921–1922 годов» [УЦГА АС КБР. Ф. 106. Оп. 1. Д. 2. Л. 2].

Процесс создания в Кабардино-Балкарии первых советских школ и пунктов ликбез шел непросто и имел свои особенности. Так, по динамике в 1921/22 учебном году в области действовало 65 школ, в 1922/23 гг. – 84, в 1923/24 гг. – 94, в 1924/25 гг. – 126, в 1925/26 гг. – 163 [Культурное строительство... 1980: 75]. За год с ноября 1920 г. по ноябрь 1921 г. в области было открыто 36 ликпунктов [УЦГА АС КБР. Ф. 264. Оп. 1. Д. 19. Л. 13], из них 10 в Нальчике [УЦГА АС КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 4. Л. 75]. К концу 1923 г. их число возросло до 83 [Культурное строительство... 1980: 56]. Еще через год, к концу 1924 г. – до 145 [УЦГА АС КБР. Ф. 16, Оп. 1, Д. 4, Л. 75]. Число обучавшихся в них было порядка 6000 неграмотных и 800 малограмотных, работало 183 учителя [УЦГА АС КБР. Ф. 16, Оп. 1, Д. 4, Л. 75]. К 1925/26 учебному году в области работало 185 ликпунктов и 20 школ для малограмотных [УЦГА АС КБР. Ф. 132. Оп. 1. Д. 223. Л. 27]. Срок обучения в пунктах ликбез до конца 1922 г. составлял 3–4 месяца по 6–8 часов в неделю. С 1922 г. он был увеличен до 7–8 месяцев [Трубилин, Золотухина 2022: 18].

Главная сложность в деле реализации в Кабардино-Балкарии данных образовательных проектов состояла в острой нехватке необходимого числа грамотных людей из числа коренного населения, которых возможно было привлечь к работе в форсировано создающиеся школы и ликпункты. Степень кадрового голода, имевшего место в субрегионе в данный период, хорошо иллюстрируют архивные документы. К примеру, в сентябре 1920 г. в Нальчике были открыты учительские шестимесячные курсы [УЦГА АС КБР. Ф. 264. Оп. 1. Д. 227. Л. 5]. К февралю 1921 г. они дали 27 преподавательских единиц, «...что, в свою очередь, дало возможность открыть 27 школ в Кабарде» [Культурное строительство... 1980: 32].

Другой важной местной особенностью процесса становления и развития системы народного образования являлось то обстоятельство, что значительную часть грамотных людей субрегиона составляли лица, инкорпорированные в си-

¹ Постановление Наркомпроса «О школах национальных меньшинств» от 31 октября 1918 г. URL: <http://www.istmat.org/node/31674> (дата обращения: 29.11.2024).

² Декрет «О ликвидации безграмотности в РСФСР» от 31 октября 1918 г. URL: <http://www.aftershock.news/?q=node/471186&full> (дата обращения: 29.11.2024).

стему религиозного образования или прочие, связанные с религией сферы. В условиях отмеченного выше кадрового голода, новая власть в полном объеме привлекала их к делу развития народного образования. Исследователь З.Я. Емтыль по данному поводу пишет «...к работе в системе светского образования, в компанию по ликвидации неграмотности, широко привлекались действующие и бывшие муллы, а также сохсты – учащиеся религиозных школ» [Емтыль 2017]. В связи с этим неудивительно, что преподавание основ мусульманского вероучения и арабского языка в создававшихся в этот период народных советских школах было довольно распространенным явлением. Усиливало востребованность данной категории лиц еще и то, что до 1924 г. письменность кабардинцев и балкарцев существовала на арабской графической основе. Перевод местных алфавитов на латинскую графику, проведенный в 1924 г., способствовал резкому снижению востребованности духовенства в деле народного просвещения и ожидаемо способствовал исключению из данного процесса части ее представителей, не сумевших вписаться в динамично меняющиеся социально-политические реалии.

Важной особенностью развития системы народного образования Кабардино-Балкарии 20-х гг. XX в. стало ее медленное принятие местным населением. Для большинства жителей субрегиона народные школы были, по сути, явлением чуждым. Ввиду этого они продолжали отдавать детей на обучение в примечетские школы, и, соответственно, материально обеспечивать их функционирование. Обычной для того времени была практика, когда с утра родители вели детей в советскую школу, а после обеда – в мусульманскую [Хутуев 1984: 40].

Учитывая это, важным направлением работы органов власти в 20-е гг. XX в. стало принятие мер по укреплению позиций создающихся народных школ, а также проведение разъяснительной работы, направленной на их популяризацию, с подспудной критикой религиозных. К примеру, Б.Э. Калмыков в декабре 1922 г. во время своего выступления на первом объединенном съезде советов Кабардино-Балкарской АО, говорил о том, что арабские школы «...не только бесполезны, но и вредны» [Документы... 1983: 729], при этом призывал отдавать детей на обучение исключительно в советские школы [Документы... 1983: 729].

Собственно, в 20-е гг. XX в. было издано огромное число разного рода юридических документов, как общегосударственных, так и местных, касаемых системы религиозного образования. Важно иметь ввиду, что ни один из них прямо не запрещал их деятельность. Формально все они были направлены лишь на внесение в их работу четкости и упорядоченности. Однако фактически посредством этих документов создавались своего рода рамки возможного функционирования религиозных образовательных учреждений, которые постепенно сужались. Так, к примеру, в октябре 1922 г. Кабардино-Балкарским обкомом было принято постановление, в котором говорилось, что «...считаясь с отделением церкви от государства и школы от церкви, преподавание мусульманского вероучения допустить где угодно, но не в школе, хотя бы и в неурочное от занятий время» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 14. Л. 72]. В декабре 1924 г. была принята инструкция, в которой отмечалось, что «...преподавание мусульманского вероучения может осуществляться только в

дни, свободные от занятий в советской школе» [ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 3364. Л. 26–27]. Посредством этих документов также вводилось огромное число требований к преподавателям, учащимся и, собственно, к зданиям мечетей, используемым для обучения религии, в том числе к их санитарному и техническому состоянию. Так, к примеру, в соответствии с инструкцией НКВД и Наркомпроса от 25 августа 1925 г., обучать религии разрешалось только в мечетях с разрешения облисполкомов и только лиц, достигших 14-летнего возраста и представивших об этом соответствующий документ [ГАРФ. Ф. 393. Оп. 12. Д. 283. Л. 8–9]. Представителям же духовенства, осуществлявшим преподавательскую деятельность, требовалось также получать на это специальное разрешение. Заявление о выдаче разрешения подавалось в административный орган. В нем указывались данные о преподавателе (социальное, общественное, служебное и имущественное положение, начиная с 1914 г.) и об учащихся, часы преподавания и договор о праве пользоваться мечетью. О всяком изменении необходимо было уведомлять соответствующие органы [Мамсиров 2004b: 35]. Таким образом, вводимые в отношении мусульманских школ многочисленные формальные требования, полностью соответствовать которым априори было практически нереально, давали властям огромное число рычагов по контролю за ними. Закрывать и/или приостановить работу религиозной школы не составляло сложности.

Однако, на деле к закрытию примечетских школ власти, по крайней мере до крестьянских волнений конца 20-х гг. – начала 30-х гг. XX в., прибегали редко. Причины этого, по нашему мнению, связаны главным образом с тем, что в субрегионе большая часть непосредственных исполнителей религиозной политики реально не были заинтересованы как-либо вмешиваться в данную сферу. Возможно, многие из этих лиц сами в недавнем прошлом обучались в тех же самых религиозных школах, кроме того, их мировоззрение вряд ли пока было глубоко секуляризовано и полностью проникнуто идеями чистого большевизма. В связи с этим, в отношении религиозных школ они нередко действовали формально, порой игнорируя или не исполняя в полном объеме спускаемые сверху распоряжения, предписания и инструкции. Так или иначе, но в достижении официальной стратегической цели – ослабления и возможного сокращения числа религиозных школ, они явно не были заинтересованы. Подобные рассуждения, конечно, невозможно подкрепить документально. Однако официальные цифры о действующих в субрегионе к середине 20-х гг. XX в. религиозных школах, позволяют утверждать, что несмотря на наличие огромного числа документов, объективно направленных на создание препон для их деятельности, они продолжали функционировать достаточно широко и активно. Так, по официальным данным, на 1 января 1926 г. в КБАО была зарегистрирована деятельность 10 медресе и около 100 низших мусульманских школ-мектебе, в которых обучалось до 1 тыс. чел. [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 14. Л. 74]. Если сравнить эти цифры с теми, что были приведены в начале работы за 1915 г., становится очевидна если не их тождественность, то, во всяком случае, сопоставимость. Кроме того, в этот же период фиксировалась деятельность довольно крупных учреждений. К примеру, в с. Кызбурун

работало два медресе, в которых обучалось 100 человек, в с. Куркужин – 112 человек, в с. Куба – 120 человек [УЦГА АС КБР. Ф. Р-237. Оп.1. Д. 65. Л. 5] и т.д. Таким образом, к середине 20-х гг. XX в. в Кабардино-Балкарии не произошло значительного сокращения числа религиозных школ, несмотря на наличие обширного юридического инструментария, позволяющего властям это сделать.

Точку в деле ликвидации системы массового религиозного образования в стране обычно связывают с принятием постановления от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях»¹, по сути рамочного документа, с многочисленными поправками и дополнениями регулировавшего процессы в религиозной сфере на протяжении всех последующих советских десятилетий. В нем содержался пункт, по которому запрещалось преподавание каких бы то ни было религиозных вероучений не только в государственных, общественных и воспитательных учебных заведениях, но и в частных². Получается, что с системой религиозного образования было формально покончено за предшествующие 1929 г. три-четыре года.

Действительно, именно этот временной отрезок стал временем, в течение которого действовавшая в Кабардино-Балкарии сеть религиозных школ, фактически была ликвидирована. Связано это было с произошедшими в субрегионе массовыми крестьянскими волнениями, спровоцированными проведением непопулярных хозяйственно-экономических и социокультурных преобразований. Важно, что в них достаточно рельефно проявился религиозный компонент, в частности в качестве альтернативы советской власти, звучали призывы установить власть народа по шариату. Местное духовенство, как наиболее образованная социальная группа, проявила себя в данных выступлениях весьма активно. В связи с этим неудивительно, что подавление крестьянских выступлений привело к арестам и последующему осуждению значительной части лиц, относящихся к данной социальной группе. Так, только в 1928 г. 88 кабардинских и балкарских мусульманских священнослужителей были арестованы и получили различные тюремные сроки [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 115. Л. 46–47]. Те же, кому удалось избежать преследований, стали небезосновательно опасаться за свою дальнейшую судьбу. Часто они не видели для себя иного выхода как публично порвать с религией. Действительно, имеющиеся документы подтверждают факт того, что в конце 20-х гг. XX в. в Кабардино-Балкарии происходил массовый отход служителей культа от своей деятельности. Так, к концу 1928 г. в Кабардино-Балкарии из 307 официально действовавших служителей мусульманского культа, отказались от своей деятельности 153 [УЦГА АС КБР. Ф. И-26. Оп. 3. Д. 93. Л. 40]. А ввиду того, что крестьянские волнения продолжались и в последующие годы, очевидно, что и отход служителей культа от своей деятельности не остановился. Соответственно, все это самым негативным образом отразилось на работе религиозных школ. Заниматься обучением

¹ Постановление «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. URL: [http://www.u.wikisource.org/wiki/\(дата_обращения: 29.11.2024\)](http://www.u.wikisource.org/wiki/(дата_обращения: 29.11.2024)).

² Там же

религии стало просто опасно, да и количество тех, кто мог бы этим заниматься сократилось кратно. В итоге к началу 30-х гг. функционирование религиозных школ в Кабардино-Балкарии фактически сошло на нет.

30–80-е гг. XX в. стали временем, когда религиозная культура Кабардино-Балкарии функционировала без одного из важнейших своих элементов – легальной и упорядоченной системы массового религиозного образования. Корпус имеющихся архивных материалов, правда довольно фрагментарный, позволяет предположить, что некоторые подобию религиозных школ в субрегионе все же продолжали действовать и в последующие годы. Так, к примеру, в справке инструктора отдела пропаганды Кабардинского обкома ВКП(б) за 1947 г. утверждалось, что в с. Верхний Курп Кубинского района республики «...медресе существует, хотя и находится в глубокой конспирации» [УЦДНИ АС КБР. Ф.1. Оп. 1. Д. 1771. Л. 25]. Подобный вывод делался автором по косвенным данным. В частности сообщалось, что «...книга-коран есть у некоторых жителей селения и ее изучают как родители, так и дети... многие ученики начальных классов начинают писать в тетради не слева направо, а с право налево, некоторые хорошо читают арабский алфавит» [УЦДНИ АС КБР. Ф.1. Оп. 1. Д. 1771. Л. 25]. Подобного рода сообщения спорадически появлялись и в последующие годы, что дает основания предположить, что в республике все-таки имела некоторое распространение практика надомного обучения арабскому языку и основам мусульманской религии. На долгие десятилетия именно она стала своего рода заменителем, хоть и неэквивалентным, действующей ранее системы массового религиозного образования.

В целом же, период с начала 30-х до конца 80-х гг. XX в. являлся временем, когда не только была ликвидирована система массового религиозного образования в легальной своей форме, но и фактически отсутствовали возможности для получения профессионального. Как известно, в послевоенные советские десятилетия в стране функционировало лишь два специализированных мусульманских образовательных учреждения – медресе «Мир Араб» в г. Бухара, открытое в 1946 г. и рассчитанное на 60 студентов, и исламский институт имени имама аль-Бухари в г. Ташкент, открытый в 1971 г. на 30 студентов. Лишь трем молодым людям из Кабардино-Балкарии за весь советский период удалось попасть туда на обучение. Произошло это только в конце 70-х гг. XX в.

Подобное положение дел ожидаемо способствовало поступательному снижению как общего уровня религиозной грамотности населения республики, для которого стал обычной нормой религиозный индифферентизм, так и представителей духовенства. Довольно ярко охарактеризовал данную ситуацию исследователь А.Х. Мукожев, отметивший, что к концу советского периода «...читать и писать по-арабски и особенно толковать Коран умели единицы, а готовящиеся в частном порядке муллы получали минимальные знания по обслуживанию похорон и поминок, оформлению брака, совершению намаза, причем необходимые для отправления культа суры Корана заучивались ими наизусть и нередко толковались произвольно. Зачастую служители культа пользовались текстами молитв, написанными на русской графике» [Мукожев 2007: 174]. В связи с этим вполне закономерным стало появление в обрядовой

практике жителей субрегиона импровизаций и искажений, нередко даже противоречащих букве и духу ислама. Неслучайно, в связи с этим, председатель ДУМ Северного Кавказа М.Ч. Геккиев в 1986 г., характеризуя бытующие в республике погребальные ритуалы, назвал их «...выдумками местных эфенди и мулл» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 28. Д. 77. Л. 15].

В конце советского периода в религиозной сфере страны в целом и республики в частности стали происходить изменения, определившие начало процесса, известного как религиозное возрождение. На фоне краха советской идеологической системы и расширяющегося духовного вакуума, все больше людей и, в первую очередь молодежь, стали интересоваться религией, причем появился выраженный социальный заказ на более глубокое и профессиональное ее постижение. В этот период открыто поднимались вопросы строительства мечетей, приобретения религиозной литературы. Ожидаемо актуализировалась и потребность в возрождении системы религиозного образования. Принятие общесоюзного закона «О свободе совести и религиозных организациях»¹ от 1 октября 1990 г. и закона РСФСР «О свободе вероисповеданий»² от 25 октября 1990 г. придали данному процессу динамику.

Необходимость возрождения системы религиозного образования и, прежде всего, формирование профессиональных кадров служителей культа, стало в этот период насущной проблемой. Ее решение в течение многих лет являлось одним из главных направлений деятельности созданного в 1989 г. ДУМ Кабардино-Балкарии. Именно ДУМ республики, начиная с 1991 г., занималось отправкой на обучение в иностранные богословские образовательных учреждения перспективных молодых людей. По сведениям Н.М. Емельяновой, в 1994/95 гг. уже около сотни студентов из Кабардино-Балкарии проходили обучение в Саудовской Аравии, Египте, Сирии, Иордании, Турции [Емельянова 2002]. Однако, как стало очевидно в будущем, процесс обучения за границей этих молодых людей контролировался ДУМ весьма слабо. В результате лишь часть из уехавших в начале 90-х гг. XX в. на учебу молодых людей в итоге получила богословское образование и пополнила ряды служителей культа. Об этом, в частности, заявил в 2003 г. муфтий республики А. Пшихачев, отметивший, что «...из 100 молодых людей, отправленных получать образование за рубежом, действительно получили его только 22» [Мечиев 2003]. Таким образом, расчет на то, что получившие за границей богословское образование молодые люди станут костяком республиканского духовенства и возглавят процесс религиозного возрождения, фактически не оправдался. Проблема нехватки квалифицированных богословов еще долго была для республики острой. К примеру, 2017 г. муфтий КБР Х. Дзасежев отмечал, что «...продолжает сохраняться острая нехватка высококвалифицированных кадров. Наши штаты укомплектованы недостаточно, нам не хватает специалистов, которые на местах непосредственно круглосуточно могли бы работать с людьми»²⁵. Действительно, по состоянию на начало

¹ Закон СССР «О свободе совести и религиозных организациях» от 1 октября 1990 г. URL: <http://www.base.garant.ru/>(дата обращения: 29.11.2024).

² Закон РСФСР «О свободе вероисповеданий» от 25 октября 1990 г. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/>... (дата обращения: 29.11.2024).

2017 г. ситуация с профессиональной подготовкой местного духовенства оставалась сложной. Так, из 138 официально зарегистрированных мулл, высшее религиозное образование имели лишь 23 из них (17 %), незаконченное высшее и среднее специальное – 20 (14 %), начальное религиозное – 86 (64 %), 8 человек (5 %), вообще не имели никакого образования¹.

Работа ДУМ не ограничивалась лишь отправкой заинтересованных лиц на обучение за границу. С начала 90-х гг. XX в. по его инициативе в республике постоянно организовывались разного рода курсы, семинары, проводились летние образовательные лагеря, с учебными курсами приезжали видные иностранные специалисты.

Также с 1993 г. при ДУМ республики начали действовать двухгодичные курсы по подготовке имамов. Именно на их базе позже был создан Кабардино-Балкарский Исламский институт, преобразованный в 2007 г. в Северо-Кавказский исламский университет им. имама Абу Ханифы².

Однако процесс возрождения в субрегионе системы религиозного образования не стал монопольным делом ДУМ. На волне религиозного подъема 90-х гг. XX в., в условиях отсутствия четкой законодательной базы, регулирующей процессы в религиозной сфере, в республике начинают массово открываться представительства разного рода иностранных фондов, благотворительных организации, часть из которых занималась, в том числе, и образовательной деятельностью. Так, к примеру, в Нальчике действовали представительства благотворительной организации «Спасение» (Саудовская Аравия), международной организации «ал-Игаса» (Саудовская Аравия), Всемирной ассамблеи исламской молодежи «ан-Надва», исламской благотворительной организации «Исламик Релиф», отделение Международной исламской организации «Дагуат» (Саудовская Аравия), учебно-компьютерно-лингвистический центр «Минарет» и др. Весьма распространенной в эти годы стала также практика организации пунктов религиозного образования при светских образовательных учреждениях. Всего, в течение 90-е гг. XX в. была зафиксирована деятельность 54 таких пунктов [Мукожев 2008: 210]. В реальности же подобных учреждений было кратно больше, так как далеко не все они как-либо официально регистрировали свою деятельность. Кто, как и чему учил в данных пунктах, сколько жителей республики прошло в них обучение, сказать сложно. Однако учитывая взрывной интерес к религиозному образованию, имевший место в те годы, возможно предположить, что эти цифры были весьма значительны.

Деятельность иностранных миссий и фондов, а также разного рода пунктов религиозного образования нельзя оценить однозначно. Несомненно, внося определенный вклад в дело массового религиозного просвещения, они, однако, часто становились проводниками идей нетрадиционного ислама. Именно этот аспект в итоге стал одним из факторов формирования в субрегионе острого внутррелигиозного конфликта, являвшегося в течение многих лет одним из

¹ Сведения приведены на основе ответа заместителя муфтия КБР Сижажева А.С. на запрос ИГИ КБНЦ РАН от 27 мая 2017 г.

² сведения с официального сайта Северо-Кавказского исламского университета им. имама Абу Ханифы **URL:** <http://www.skiu.ru> (дата обращения: 29.11.2024).

основных факторов дестабилизации общественно-политической обстановки в республике. Его апогеем стали трагические события в городе Нальчике 13 октября 2005 г.

Со второй половины 2000-х гг. светскими и духовными властями Кабардино-Балкарии продолжалась работа по укреплению материальной базы и кадрового состава религиозных образовательных учреждений. Ее главной целью стало создание условий для обеспечения возможностей воспроизводства профессиональных кадров духовенства посредством внутренних образовательных ресурсов. Ключевую роль в достижении данной цели на сегодняшний день играет Северо-Кавказский исламский университет им. имама Абу Ханифы, входящий в число семи исламских университетов, аккредитованных министерством образования РФ. По состоянию на 2023 г. вуз готовит бакалавров по направлениям «Подготовка служителей и религиозного персонала религиозных организаций» (профиль – Исламские науки) и «Теология» (профиль – Исламская теология)¹. Срок очного обучения составляет 4 года, заочного – 5 лет. В учебную программу входят различные религиозные предметы – филология арабского языка, исламское право, хадисоведение и др., а также светские дисциплины: педагогика, психология, логика, информатика социология, этика, история и др. [Ковалевская 2022]. Начиная с 2007 г., университет выпустил более 120 специалистов². Общий контингент обучающихся по состоянию на 2023 г. составлял 137 человек³. При университете часто организуются конкурсы чтецов Корана, знатоков фикха (исламского права) и пр. Также на его базе ежегодно проводятся курсы повышения квалификации для имамов и их помощников с последующей аттестацией. Кроме того, каждые три года в его стенах проходит переаттестация имамов, включающая письменное тестирование и устное собеседование. Проверяются знания основ фикха – мусульманского права, акыйды – вероубеждения, таджуида – свода орфоэпических правил чтения Корана. Данную переаттестацию проходят все имамы независимо от возраста и опыта работы.

Также в течение постсоветского периода в республике была частично восстановлена сеть начальных примечетских (воскресных) школ, учебная деятельность которых контролируется ДУМ. Самая крупная из них – медресе «Нур», действует с 2009 г. при центральной мечети республики. Учителя школ проходят регулярную аттестацию. Однако, повышение качества как профессионального, так и массового религиозного образования в Кабардино-Балкарии не теряет актуальности и продолжает в настоящее время оставаться одним из важнейших направлений деятельности ДУМ республики.

Таким образом, проведенное исследование показало, что система религиозного образования Кабардино-Балкарии в течение советского и постсоветского периодов претерпела серию кардинальных качественных изменений, привед-

¹ сведения извлечены из Отчета о результатах самообследования Северо-Кавказского исламского университета им. имама Абу Ханифы за 2023 г. URL: <http://www.skiu.ru> (дата обращения: 29.11.2024).

² сведения с официального сайта Северо-Кавказского исламского университета им. имама Абу Ханифы URL: <http://www.skiu.ru> (дата обращения: 29.11.2024).

³ сведения извлечены из Отчета о результатах самообследования Северо-Кавказского исламского университета им. имама Абу Ханифы за 2023 г. URL: <http://www.skiu.ru> (дата обращения: 29.11.2024).

ших к ее полной трансформации. По состоянию на начало советского периода она доминировала в деле народного просвещения субрегиона. Общественно значимые масштабы она продолжала сохранять практически до конца 20-х гг. XX в. Однако вследствие происходивших здесь с конца 20-х до начала 30-х гг. XX в. мощных крестьянских волнений, имевших религиозную подоплеку, их функционирование постепенно было свернуто. В течение последующих советских десятилетий в республике система религиозного образования поддерживалась, главным образом, посредством межпоколенной коммуникации и, частично, путем организации некоего подобия надомных кружков по изучению арабского языка и основ религии, деятельность которых строго пресекалась властями. В результате, к концу советского периода уровень религиозных знаний как населения, так и служителей культа был крайне низок. Постсоветский период связан с возрождением системы религиозного образования, который, однако, шел сложно и сопровождался проникновением и определенной популяризацией в республике идей нетрадиционного ислама, что стало одной из главных причин формирования здесь острого внутриисламского конфликта на долгие годы ставшего одним из главных дестабилизирующих факторов развития субрегиона. На сегодняшний день в республике функционирует сеть религиозных образовательных учреждений разных ступеней: начальные примечетские (воскресные) школы, медресе и Северо-Кавказский исламский университет им. имама Абу Ханифы, позволяющая в полном объеме воспроизводить посредством внутренних ресурсов профессиональные кадры священнослужителей и вести работу по массовому религиозному просвещению населения. Однако, проблема повышения профессионализма действующих мулл, а также общего уровня религиозной грамотности населения своей актуальности все еще не утратила.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Адыгская... 2006 – Адыгская (Черкесская) энциклопедия под ред. М.А. Кумахова. – Москва: Фонд им. Б.Х. Акбашева, 2006. – 1247 с.
- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
- Документы... 1983 – *Документы по истории борьбы за Советскую власть и образования автономии Кабардино-Балкарии (1917-1922 гг.)*. – Нальчик: Эльбрус, 1983. – 800 с.
- Емельянова 2002 – *Емельянова Н.М.* Тайное и явное в северокавказском исламе а примере Кабардино-Балкарии и Северной Осетии // *Дарьял*. – 2002. – № 4 (53). – С. 202–225.
- Емтыль 2017 – *Емтыль З.Я.* Опят взаимодействия советской власти и мусульманского духовенства Северного кавказа в культурно-просветительской сфере в начале XX в.) (по материалам адыгских народов) // *Электронный журнал: «Вестник Адыгейского государственного университета»*. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2017. – № 7. Doi: 10.21515/1990-4665-131-095.
- Ковалевская 2022 – *Ковалевская Е.* В КБР прошла масштабная переаттестация имамов // *Российская газета*. – Неделя. – Кубань – Кавказ. – 2022. – № 45 (8693).
- Культурное строительство... 1980 – *Культурное строительство в Кабардино-Балкарии, 1918-1941 гг.* Сборник документов и материалов в двух томах. – Т. 1. – Нальчик: Эльбрус, 1980. – 383 с.
- Мамсиров 2004а – *Мамсиров Х.Б.* Модернизация культур народов Северного Кавказа в 20-е гг. XX века (на материалах Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии). – Нальчик: Эльбрус, 2004. – 328 с.

Мамси́ров 2004b – *Мамси́ров Х.Б.* Советская власть и мусульманская система образования в 20-е гг. XX в. // Известия вузов Северокавказский регион. Общественные науки. – 2004. – № 2. – С. 32 – 38.

Мечиев 2003 – *Мечиев А.* Религиозные объединения поменяли статус // Кабардино-Балкарская правда. – 2003. – 7 февраля.

Мукожев 2007 – *Мукожев А.Х.* Ислам в Кабардино-Балкарии в годы советской власти // Архивы и общество. – 2007. – № 1. – С. 168–176.

Мукожев 2008 – *Мукожев А.Х.* Ислам в Кабардино-Балкарии до и после октября 2005 г. // Исторический вестник. – 2008. – Выпуск VII. – С. 209–229.

Трубилин, Золотухина 2022 – *Трубилин А.Г., Золотухина А.Д.* Ликвидация безграмотности – самый масштабный социальный и образовательный проект в истории России // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 12-5. (75). – С. 16-21.

УЦГА АС КБР – Управление Центрального государственного архива Кабардино-Балкарской Республики.

УЦДНИ АС КБР – Управление Центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики.

Хутуев 1984 – *Хутуев Х.И.* Становление и развитие социалистической культуры Кабардино-Балкарии. – Нальчик: Эльбрус, 1984. – 452 с.

Ярлыкапов 2003 – *Ярлыкапов А.А.* Исламское образование на Северном Кавказе в прошлом и в настоящем // Вестник Евразии. – 2003. – № 2. – С. 5–31.

REFERENCES

Ady`gskaya (Cherkesskaya) e`nciklopediya pod red. M.A. Kumaxova. [The Adyghe (Circassian) Encyclopedia, edited by M.A. Kumakhov]. – Moscow: Fond im. B.X. Akbasheva, 2006. – 1247 p. (In Russ.).

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [The State Archive of the Russian Federation]. (In Russ.).

Dokumenty` po istorii bor`by` za Sovetskuyu vlast` i obrazovaniya avtonomii Kabardino-Balkarii (1917-1922 gg.) [Documents on the history of the struggle for Soviet power and the formation of the autonomy of Kabardino-Balkaria (1917-1922)]. – Nal'chik: El'brus, 1983. – 800 p. (In Russ.).

EMEL`YaNOVA N.M. *Tajnoe i yavnoe v severokavkazskom islame a primere Kabardino-Balkarii i Severnoj Osetii* [The secret and the explicit in North Caucasian Islam and the example of Kabardino-Balkaria and North Ossetia]. In: Dar`yal. – 2002. – № 4 (53). P. 2002 – 225. (In Russ.).

EMTY`L` Z.Ya. *Opyat vzaimodejstviya sovetskoj vlasti i musul`manskogo duxovenstva Severnogo kavkaza v kul`turno-prosvetitel`skoj sfere v nachale XX v.) (po materialam ady`gskix narodov)* [The experience of interaction between the Soviet government and the Muslim clergy of the North Caucasus in the cultural and educational sphere at the beginning of the XX century.) (based on the materials of the Adyghe peoples)] . In: E`lektronny`j zhurnal: «Vestnik Ady`gejskogo gosudarstvennogo universiteta». Seriya: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sociologiya, yurisprudenceiya, politologiya, kul`turologiya. – 2017. – № 7. Doi: 10.21515/1990-4665-131-095. (In Russ.).

KOVALEVSKAYA E. *V KBR proshla masshtabnaya pereattestaciya imamov* [A large-scale recertification of imams took place in the KBR]. In: Rossijskaya gazeta. – Nedelya. – Kuban` – Kavkaz. – 2022. – № 45(8693). (In Russ.).

Kul`turnoe stroitel`stvo v Kabardino-Balkarii, 1918-1941 gg.: Sbornik dokumentov i materialov v dvux tomax [Cultural construction in Kabardino-Balkaria, 1918-1941. Collection of documents and materials in two volumes]. – T. 1. Nal'chik: El'brus, 1980. – 383 p. (In Russ.).

MAMSIROV X.B. *Modernizaciya kul`tur narodov Severnogo Kavkaza v 20-e gg. XX veka (na materialax Ady`gei, Kabardino-Balkarii, Karachaevo-Cherkessii)* [Modernization of the cultures of the peoples of the North Caucasus in the 20s of the XX century (based on the materials of Adygea, Kabardino-Balkaria, Karachay-Cherkessia)]. – Nal'chik: El'brus, 2004. – 328 p. (In Russ.).

MAMSIROV X.B. *Sovetskaya vlast' i musul'manskaya sistema obrazovaniya v 20-e gg. XX v.* [The Soviet government and the Muslim education system in the 20s of the XX century.]. In: *Izvestiya vuzov Severokavkazskij region. Obshhestvenny'e nauki.* – 2004. – № 2. – P. 32 – 38. (In Russ.).

MEChIEV A. *Religiozny'e ob`edineniya pomenyali status* [Religious associations have changed their status]. In: *Kabardino-Balkarskaya pravda.* – 2003. – 7 fevralya. (In Russ.).

MUKOZhEV A.X. *Islam v Kabardino-Balkarii v gody` sovetskoj vlasti* [Islam in Kabardino-Balkaria during the Soviet era]. In: *Arxivny` i obshhestvo.* – 2007. – № 1. – P. 168 – 176. (In Russ.).

MUKOZhEV A.X. *Islam v Kabardino-Balkarii do i posle oktyabrya 2005 g.* [Islam in Kabardino-Balkaria before and after October 2005]. In: *Istoricheskii vestnik.* – 2007. – Vypusk VII. – P. 209 – 229. (In Russ.).

TRUBILIN A.G., ZOLOTUXINA A.D. *Likvidaciya bezgramotnosti – samy`j masshtabny`j social'ny`j i obrazovatel'ny`j proekt v istorii Rossii* [The elimination of illiteracy is the largest social and educational project in the history of Russia]. In: *Mezhdunarodny`j zhurnal gumanitarny`x i estestvenny`x nauk.* – 2022. – № 12 – 5 (75). – P. 16 – 21. (In Russ.).

Upravlenie Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Kabardino-Balkarskoj Respubliki [The Department of the Central State Archive of the Kabardino-Balkarian Republic]. (In Russ.).

Upravlenie Tsentra dokumentatsii noveishei istorii Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoj Respubliki [Department of the Center for Documentation of the Modern History of the Archival Service of the Kabardino-Balkar Republic]. (In Russ.).

XUTUEV X.I. *Stanovlenie i razvitie socialisticheskoj kul'tury` Kabardino-Balkarii* [Formation and development of the socialist culture of Kabardino-Balkaria]. – Nal'chik: El'brus, 1984. – 452 p. (In Russ.).

YaRLY`KAPOV A.A. *Islamskoe obrazovanie na Severnom Kavkaze v proshlom i v nastoyashhem* [Islamic education in the North Caucasus in the past and in the present]. In: *Vestnik Evrazii.* – 2003. – № 2. – P. 5 – 31. (In Russ.).

Информация об авторе

А.Н. Такова – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the author

A.N. Takova – PhD (in History), associate professor.

Статья поступила в редакцию 30.11.2024 г.; одобрена после рецензирования 12.12.2024 г.; принята к публикации 27.12.2024 г.

The article was submitted 30.11.2024; approved after reviewing 12.12.2024; accepted for publication 27.12.2024.

Научная статья
УДК: 94(470.620)''1920/...''
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-87-99
EDN: HRBFJE

ВООРУЖЁННЫЙ ПРОТЕСТ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КУБАНИ И ЧЕРНОМОРЬЯ КАК ФАКТОР РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ БОЛЬШЕВИКОВ В НАЧАЛЕ 1920-х годов

Юрий Асланбиевич Яхутль

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия,
a075ca@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6750-4110>

Аннотация. Активное вооружённое движение сельского населения, охватившее большинство регионов Советской России после завершения Гражданской войны, по основным своим чертам во многом было схоже, а именно: причины восстаний, движущие силы, политические и экономические требования, лозунги, организационное строение отрядов и тактика ведения борьбы. В свою очередь, методы и средства их подавления со стороны большевиков были идентичны – активное применение регулярных частей РККА или отрядов особого назначения. При этом, обращаясь к характеристике бело-зелёного движения на Кубани и Черноморе, мы отмечаем наличие определённых особенностей, обусловленных историческим развитием региона. Первое, это вопрос хозяйственной деятельности, который претерпел значительные изменения в ходе развития капитализма в начале XX в., когда возникли противоречия между расширением земледелия и ростом военных обязанностей казаков как военно-служилого сословия. В период военных потрясений 1914–1920 гг. эти противоречия обострились и сформировали основу противостояния власти и сельского социума на Кубани и Черноморье в результате снижения производительности индивидуальных хозяйств. Второе, это сохранявшиеся в казачьем регионе сильные традиции самоуправления и общинного землевладения, которые не соответствовали идеологическим установкам РКП(б) непосредственного строительства социализма на основе военно-коммунистических методов распределения и потребления. Эти факты послужили основанием для начала повстанческого движения сельского населения Кубани и Черноморья в начале 1920-х гг. и определили его региональные особенности.

Ключевые слова: Кубань и Черноморье, повстанческое движение, сельское население, советы, большевики, военный коммунизм.

Для цитирования: Яхутль Ю.А. Вооружённый протест сельского населения Кубани и Черноморья как фактор регулирования экономической политики большевиков в начале 1920-х годов // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 4. – С. 87-99. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-87-99. EDN: HRBFJE.

© Яхутль Ю.А., 2024

Original article

THE ARMED PROTEST OF THE RURAL POPULATION OF KUBAN AND THE BLACK SEA REGION AS A FACTOR IN REGULATING THE ECONOMIC POLICY OF THE BOLSHEVIKS IN THE EARLY 1920 s.

Yuri A. YakhutlKuban State University, Krasnodar, Russia, a075ca@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-6750-4110>

Abstract. The active armed movement of the rural population, which swept most regions of Soviet Russia after the Civil War ended, was largely similar in its main features, namely: the causes of uprisings, driving forces, political and economic demands, slogans, organizational structure of detachments and tactics of fighting. In turn, the methods and means of their suppression by the Bolsheviks were identical – the active use of regular units of the Red Army or special forces. At the same time, referring to the characteristics of the white-green movement in the Kuban and Chernomor, we note the presence of certain features due to the historical development of the region. The first is the issue of economic activity, which underwent significant changes during the development of capitalism in the early twentieth century, when contradictions arose between the expansion of agriculture and the growth of military duties by the Cossacks as a military service class. During the period of military upheavals of 1914–1920. These contradictions have escalated and formed the basis of the confrontation between the government and rural society in the Kuban and the Black Sea region as a result of a decrease in the productivity of individual farms. The second is the strong traditions of self-government and communal land ownership that persisted in the Cossack region, which did not correspond to the ideological guidelines of the RCP(b) of the direct construction of socialism based on military-communist methods of distribution and consumption. These facts served as the basis for the beginning of the insurgency of the rural population of Kuban and the Black Sea region in the early 1920 s. and we determined its regional peculiarities.

Keywords: Kuban and the Black Sea region, insurgency, rural population, Soviets, Bolsheviks, war communism.

For citation: Yakhutl Y.A. The armed protest of the rural population of Kuban and The Black Sea region as a factor in regulating the economic policy of the bolsheviks in the early 1920 s. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 4. – P. 87-99. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-87-99. EDN: HRBFJE.

© Yakhutl Y.A., 2024

Введение

В статье предпринята попытка научного осмысления характера и типологии повстанческого движения сельского населения Кубани и Черноморья в 1920–1923 гг. Задача – выявить основные причины столь масштабного сопротивления в казачьем регионе, где сельское население в короткий промежуток времени изменило своё отношение к советской власти: от признания и поддержки до активного вооружённого сопротивления.

В ходе исследования использовался сравнительно-исторический метод, что позволило выявить содержание и идеологию казачье-крестьянского повстанческого движения на Кубани и Черноморье в начале 1920-х гг. Историко-описательный метод применялся при изучении содержания различного вида документов партийных, советских органов, а также повстанцев, в которых изложены позиции и оценка событий участников противостояния.

При написании статьи использовались архивные материалы, хранящиеся в фондах Российского государственного архива экономики, Центра документации новейшей истории и Государственного архива Краснодарского края. Видовой и тематический состав архивных фондов разнообразен. Они представлены в основном материалами региональных партийных форумов, отчётами ревкомов,

местных органов власти и штабами частей РККА, участвовавших в подавлении повстанческого движения. Особый научный интерес представляют документы бело-зелёного движения, их программные заявления, листовки и обращения. К исследованию привлечены также опубликованные документы.

Историография темы представлена достаточно большим количеством исследований и берет своё начало с 1920-х гг. Первые попытки были предприняты непосредственными участниками событий – командным составом РККА, пытавшихся оценить содержание и причины сопротивления крестьян. Историки активно исследовали зарождение советских органов, их поддержку со стороны крестьян и казаков, в том числе подавление повстанческого движения. В них авторы, на основе формирующихся новых идеологических принципов, рассматривали движение бело-зелёных как проявление классового противостояния зажиточной части сельского населения [Козаков 1921; Эйдеман 1921; Тухачевский 1926; Буйский 1927].

В 1930–1950-е гг. советские историки не проявляли большого научного интереса к теме и ограничивались доктриной, изложенной в кратком курсе истории ВКП(б) Лишь со второй половине 1950-х гг. отечественные исследователи вернулись к теме крестьянских выступлений в контексте изучения новой экономической политики. Принципиальных изменений в оценке повстанческого движения не произошло и по-прежнему оно было представлено как классовое противостояние в крестьянской среде [Раенко 1939; Генкина 1954; Трифонов 1964]. Со второй половины 1980-х гг. происходит коренная трансформация в оценке этих событий. «Политический бандитизм» приобрёл новые черты, и рассматривался как социальный протест российского крестьянства, в основе которого было отрицание продовольственной и земельной политики большевиков. По мнению историков, действия первичных структур РКП(б) и советских органов на местах, активно использовавших апробированные методы политики военного коммунизма, способствовали росту сопротивления сельского населения. Исследования отличались новыми подходами в оценке повстанческого движения, появились региональные работы. Особенностью этих работ стала их деидеологизация и отход от марксизма как основного методологического инструмента. Возрос научный интерес к изучению характера, содержания, движущих сил и политических лозунгов крестьян и казаков. Расширение источниковой базы, как следствие открытия новых архивных фондов и включения их в научный оборот позволило исследователям беспристрастно и без идеологических ограничений изучать историю повстанческого движения [Яблочкина 2000; Баранов 2005; Черкасов 2006; Кратова 2012; Борисов 2012; Посадский 2018; Телицын 2002]. Иностранные исследователи, как всегда, проявляли большой интерес к истории Советской России, но в своих оценках казачье-крестьянских выступлений придерживались устоявшихся антисоветских взглядов, игнорируя объективные исторические условия переходного периода [Холмс 1993; Грациози 2001; Верт 2006;].

Оценка протестного движения сельского населения казачьего региона в современных исследованиях оценивается как справедливое сопротивление про-

довольственной и земельной политике Советской власти в условиях продолжавшейся политики военного коммунизма.

Объявление РКП(б) весной 1921 г. новых принципов сбора продовольствия не изменило отношение казаков и крестьян Кубани к советской власти, так как методы и средства изъятия хлеба остались неизменными. Большевики предпринимали попытки изменить содержание своей аграрной политики, а казаки и крестьяне продолжали придерживаться устоявшихся лозунгов и требований, ставя под сомнение решения РКП(б). В целом, обращаясь к данной теме и оценке её историографии можно отметить существенный недостаток, а именно отсутствие обобщающего общероссийского научного исследования протестного движения сельского населения на переломном этапе истории страны. Рост региональных научных работ не восполняют отсутствие этого пробела в отечественной историографии, так как большинство исследователей рассматривают лишь отдельные черты повстанческого движения.

В социальной структуре Российской империи и Советской России доминировало крестьянство, составляя более 80 % населения. Следовательно, после прихода к власти коммунистов в 1917 г. будущее политической системы страны было во многом предопределено содержанием аграрной политики. Теперь же, пришло осознание того, что невозможно понять многие вопросы и конфликты, порождённые в ходе современных реформ без пристального исследования истории российского крестьянства и казачества.

Казачье-крестьянский протест на Кубани и Черноморье в начале 1920-х гг.: экономические и социально-политические истоки

Активное противостояние российского крестьянства и казачества Советской власти в начале 1920-х гг. было обусловлено противоречиями в земельном и продовольственном вопросах. Решения II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов о земле в октябре 1917 г. не могли окончательно решить проблему владения или собственности на землю, а политика военного коммунизма, основанная на реквизиционных методах продовольствия лишь обостряла эти противоречия. Предпринятая попытка непосредственного строительства социализма на принципах принуждения и насилия в условиях ограниченных ресурсов и экономического кризиса неминуема вели к конфликту. Кроме того, сельское население страны больше всего пострадало в годы Первой мировой и Гражданской войны. Если весной 1915 г. в действующую армию было мобилизовано 6,3 млн человек, то весной 1917 г. уже 13,5 млн, что составляло 47 % трудоспособного мужского населения. Это привело к изменению демографической ситуации в деревне. Наметился резкий дефицит рабочей силы [Нефедов 2016: 302]. Россия потеряла в Первой мировой войне 3,9 млн пленными, в 3 раза больше, чем Германия, Франция и Англия вместе взятые [Пайпс 2005: 92]. Большая часть из них жители российских деревень и станиц. В последующем это отрицательно сказалось на содержании и результатах хозяйственной деятельности крестьян и казаков. Российское крестьянство за эти годы прошло путь от традиционного образа жизни к революционному, обуслов-

ленный целым рядом экономических, социальных и политических предпосылок [Русское крестьянство и Первая мировая война ...2014: 31].

Юг России в начале XX в. стал одним из ведущих зерновых регионов страны, где основным источником дохода населения было сельское хозяйство с высоким уровнем технической оснащённости. Активную деятельность вели 431 491 хозяйств трудового типа [РГАЭ. Ф. Р-478. Оп. 2. Д. 251. Л. 21]. В регионе сохранялись особые условия землепользования, и земля по-прежнему была главным достоянием. Основная её доля принадлежала казакам, как привилегированному сословию, но размер пая постоянно сокращался из-за прироста населения. На Кубани казачий пай к 1917 г. составлял около 12,5 дес., а если исходить только из удобной земли, то 7,7 дес. [Остапенко 2004: 260, 261]. С учётом же городского населения в 1913 г. в Кубанской области на одного жителя приходилось только 3 дес. земли. Казачество Кубани таким образом, ещё до революции, испытывало недостаток посевных площадей. После завершения эпохи войн и революций аграрный сектор экономики региона оказался в глубоком кризисе: посевные площади сократились вдвое, а урожай – в 5 раз [Ратушняк 1993: 306]. В 1920 г. в регионе смогли собрать лишь 29 млн пуд. зерна, при том, что в довоенный период казачьи и крестьянские хозяйства поставляли на общероссийский рынок до 200 млн пуд. хлеба [Бюллетень...1921: 6, 7]. По признанию самих большевиков край к концу Гражданской войны «был истощён, разорён», а население по отношению к Советской власти было настроено недоверчиво-выжидательно [ГУ МВД по Краснодарскому краю. Информационный центр. Ф. 18. Оп. 1. Д. 4. С. 22, 23]. При этом большевики продолжали активно внедрять социалистические формы производства и потребления, игнорируя возможные последствия нарастающего экономического кризиса. Политические установки и идеологические догмы преобладали над экономической целесообразностью. Например, на основании декрета СНК от 14 мая 1921 г. активно создавали комитеты крестьянской общественной взаимопомощи (ККОВы).

Крестьянские выступления начала 1920-х гг. стали продолжением событий второй половины 1918 г., когда большевики организовали «поход в деревню» за продовольствием, пытаясь ограничить свободу общины в праве распоряжаться своей продукцией и земельным ресурсом. Это вело крестьянский мир России к открытому общенациональному противостоянию. Следовательно, крестьянская война 1918–1923 гг. (противостояние крестьян и большевиков происходило весь период Гражданской войны на подконтрольных территориях СНК РСФСР) с Советской властью имела общие черты, при наличии хронологических отличий и региональных особенностей.

Февральская революция 1917 г. активизировала в регионах российское общество и политические партии. Массовая работа была развёрнута политическими партиями и на Кубани. В качестве комиссара Временного правительства в регион был направлен Бардиж К., который сместил с должности наказного атамана – генерала М. Бабича. По мере разрастания революционного движения на Кубань стекались из различных мест кадеты, монархисты, офицеры и другие социальные, политические группы, отрицавшие идею революционных преобразований. Одновременно в регионе формируются первые институты власти,

ставшие источником местного сепаратизма, выступавшие с лозунгом «самостийности». Так в конце апреля 1917 г. была создана Кубанская Краевая Рада, избравшая членов Войскового правительства. Последующие события были связаны с ходом боевых действий на полях Гражданской войны.

После занятия Кубани частями Добровольческой армии между её руководством и Кубанской Краевой Радой сложился политический компромисс до возможной победы над большевиками. Но у каждой из сторон были свои политические цели: Рада – за создание государственного образования на основе казачьей вольности, а Добровольческая армия – за единую и неделимую Россию. Примером скрытого противостояния стало убийство Н.С. Рябовола – Председателя Кубанской Законодательной Рады. На Кубани господствовали лозунги «демократии, свободы, самостийности», а офицеры Добровольческой армии демонстративно распевали «Боже царя храни» и вели монархическую агитацию. Конфликт временных союзников разрешился разгоном Рады, который положил начало новому этапу взаимоотношений казачества и советской власти. Члены Рады М. Пилюк и П. Савицкий подняли против белых восстание в ст-цах Елизаветинской и Мариьнской. Они были идейными сторонниками «самостийности», вели активную агитационную работу, призывали к борьбе против белой армии и одновременно высказывались за союз с большевиками, но при условии сохранения «самостийности» Кубани. Аналогичный очаг сопротивления возник в ст-це Полтавской, где активную деятельность развили члены Рады Омельченко и Крикун [ГУ МВД России по Краснодарскому краю. Информационный центр. Ф. 18. Оп. 1. Д. 4. Л. 20, 21]. Бывшие члены Рады опубликовали официальное обращение к жителям Кубани в поддержку Советской власти, призывая «тесно сплотиться под революционным знаменем Советской России» [Яхутль 2022: 53]. Они утверждали, что являются сторонниками народной власти – власти Советов [ГАКК. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 171. Л. 126].

После ухода частей Добровольческой армии на территории области началось лихорадочное советское строительство, связанное с выборами в советы и ревкомы. И на этом этапе наметился новый раскол в кубанском обществе: казаки-фронтовики в большинстве вместе с иногородними поддерживали советскую власть, часть казачества выжидала, но были те, кто откровенно высказывался против новой власти [ЦДНИ КК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 18. Л. 74]. Кроме того, в регионе оставались части Добровольческой армии, главным образом из числа офицеров, которые были откровенно настроены антисоветски. Первые выборы в местные советы и ревкомы летом 1920 г. показали ошибки, допущенные неопытными красноармейцами, которым было доверено представлять интересы большевиков. На местах стали проводить «расказачивание», выразившееся «в срывании с казаков папах, кинжалов», а сопротивляющихся объявляли контрреволюционерами [ГУ МВД России по Краснодарскому краю. Информационный центр. Ф. 18. Оп. 1. Д. 4. Л. 9]. Начался бессистемный захват земель, урожая и т.д., что провоцировало часть демобилизованных казаков уходить в отряды бело-зелёных. Попытка провести мобилизацию казаков 1902 года рождения породила новую волну дезертиров, уходящих в леса и горы к повстанцам. Население устало от войны и не желало воевать. Руководители на местах и в

области признавали, что ситуация в станицах и сёлах Кубани напряжённая и во многом зависела от кадрового состава советов и ревкомов. В своих сообщениях из районов инструктора областного ревкома отмечали, что в станицах во власти оказались неподготовленные и не знающие местных условий бывшие красноармейцы, которые стали источником конфликтов при проведении продразвёрстки, «реквизиции хлеба, скота и фуража». «Во многих местах учёты производят лица малокомпетентные с действительной целью учёта и вместо толковых там объяснений, запугивают обывателя тем, что все переписанное богатство уже не есть собственность хозяина и, что владелец не имеет прав без ведома власти даже зарезать свою собственную курицу. На этой почве есть много кривотолков, и по неправильному пониманию учёта на местах истолковывается происхождением коммун, но в искажённом виде и на обывателя производят удручающее впечатление» [ГАКК. Р-158. Оп. 1. Д. 42. Л. 14, 14 об.].

На Кубани появились лже-революционные отряды, чьи действия дискредитировали советскую власть. Они занимались грабежом и насилием.

За первые 5–6 месяцев существования Советской власти на Кубани большевики создали условия для вооружённого конфликта. Например, летом 1920 г. очаги противостояния сформировались в Северском и Абинском районе, угрожая железнодорожному сообщению Краснодар–Новороссийск. Большевики, на разрастающееся сопротивление сельского населения региона, закономерно ответили «красным террором», который включал расстрелы и взятие заложников. К августу большинство районов области были охвачены бело-зелёным движением. Большевики не скрывали, что продолжение сопротивления бело-зелёных может привести к террору, в том числе, в отношении родственников, которых взяли на учёт [ЦДНИ КК. Ф. 1774-р. Оп. 2. Д. 80. Л. 5]. Кубанский ревком готов был предпринять конкретные меры в отношении лиц, ведущих вооружённую борьбу против Советской власти, а именно: всех взрослых мужчин членов семьи ушедших арестовать и заключить в лагеря принудительных работ, а имущество, «как самого изменника, так и его семьи конфисковать» [ГАКК. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 10. Л. 17].

Сопротивление сельских жителей Кубани и силовая реакция на это Советской власти заводила конфликт в политический тупик, где победителем мог выйти только сильнейший. На местах признавали, что беднейшее казачество и крестьянство не поддерживает земельную и продовольственную политику большевиков и активно переходит на сторону бело-зелёных, «наблюдается враждебное отношение пролетарского населения станиц к Рабоче-Крестьянской власти» [ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 32. Л. 338, 338 об.]. Главная причина столь резкого изменения отношения сельского населения Кубани к советской власти произошло из-за активной реализации продразвёрстки, затронувшая хозяйства беднейшей части станицы, в том числе и семьи красноармейцев.

Установление жесткого политического контроля над бывшими офицерами, государственными служащими, членами оппозиционных партий и всех тех, кто считался неблагонадёжным и проживал в период Гражданской войны на территориях подконтрольных белому движению усугубляли противостояние, неминуемо ведя к нарастанию конфликта [ГАКК. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 26. Л. 24. 24

об.] Областной ревком признавал, что «будет расправляться беспощадно вплоть до применения высшей меры наказания и уничтожения целых населённых пунктов» [Яхутль 2022: 77].

Таким образом причиной начала столь масштабного повстанческого движения в одном из ведущих аграрных регионов юга России стали: конфликт в решении земельного и продовольственного вопросов, активное продвижение новых форм местного самоуправления – советов, неоправдавшееся ожидание в вопросе «самостийности», доминирование в советах и ревкомах бывших красноармейцев, вступавших в конфликт с традиционными укладами казачьей повседневности. Больше всего недовольство у казаков вызывала потеря сословных привилегий в землепользовании: «Наши деды проливали кровь за землю, а тут приехали из России и хотят воспользоваться нашей землёй. Воевали за панскую землю, а теперь делят нашу казачью» [ГУ МВД России по Краснодарскому краю. Информационный центр. Ф. 18. Оп. 1. Д. 2. Л. 2]. Обострение сословных противоречий на почве земельного вопроса было всегда в центре идеологического противостояния большевиков с бело-зелёными отрядами.

Сам конфликт на почве землепользования был характерным для всех регионов Советской России, охваченных крестьянскими восстаниями. По мнению известных исследователей, крестьяноведов В. Данилова и Т. Шанина, дефицит земли в России не имел региональных особенностей, а был характерным для всей империи. Кроме того, противостояние крестьян и власти, в том числе и военное, было следствием карательных акций правительства, которые в начале XX в. для Российской империи стали традиционной формой разрешения конфликта [Крестьянское движение 2003: 7,8].

Крестьянство – сельское население вне зависимости от сословности всегда стремилось к локализации и натурализации хозяйственной деятельности, что вело неминуемо к конфликту с государством. Крестьяне и казаки при любом политическом строе всегда активно реагировали на насилие со стороны государства – об этом свидетельствуют многочисленные примеры из российской истории. Но период с 1917 г. до начала 1920-х гг. осложнялся экономическим кризисом, частой сменой политических режимов, большим запасом оружия и маргинализацией общества. Социальный состав бело-зелёных отрядов, позиционировавшихся как крестьянские, на самом деле не всегда имели отношение к сельским жителям. Крестьянский характер отрядов был во многом условным. Протест крестьян и казаков был следствием нарушения их традиционных и, как они считали, справедливых устоев и уклада хозяйственной деятельности. Их требование – восстановление нарушенной справедливости.

Заключение

По сведениям Всероссийской чрезвычайной комиссии в начале 1921 г. 118 уездов из 407, не считая автономные республики, были охвачены крестьянскими волнениями. При этом следует учитывать, что из 131,5 млн. чел., проживавших на территории Советской России, 110,8 млн. чел. были сельскими жителями [Кантор 2005: 245, 246]. Следовательно, массовые крестьянские выступления 1918–1923 гг. требуют объективного исследования в масштабах всей

страны с выявлением региональных особенностей, что позволит определить причины и социальную природу повстанческого движения. В данном исследовании, на примере Кубани и Черноморья, мы пришли к однозначному выводу, что политика военного коммунизма в сфере сбора продовольствия и попыток перераспределения земли в пользу беднейшей части сельского населения станиц и сел региона, привели к вооружённому конфликту. Крестьянские выступления стали логическим продолжением «Смутного времени». Попытка большевиков игнорировать системный кризис, охвативший Советскую Россию, реалии крестьянской самобытности, воли сельского населения ставили под угрозу существование новой модели власти во главе с РКП(б). Это было подтверждено лидером партии в своих выступлениях после принятия новой продовольственной доктрины [Ленин 1921a: 159].

Обратимся к политическому аспекту деятельности бело-зелёных отрядов. Началом активного политического движения на казачьем юге России можно считать события февраля 1917 г. с одновременным осознанием возможности получить некую самостоятельность. Так лозунг «самостийности» – «Кубань для кубанцев», появившись на политической сцене в ходе революционных событий, стал одним из популярных в регионе. Но в последующем, «эсеровская самостийность» [ЦДНИ КК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 111. Л. 5–6], в начале 1920-х гг. выступала лишь обоснованием для вооружённого сопротивления сельского населения Кубани и Черноморья, которое стремилось сохранять традиционные формы хозяйствования и не содержала каких-либо политических целей. В одном из первых своих обращений бело-зелёные выразили своё отношение к этой проблеме следующим образом: «Все пришельцы одинаково для нас ненавистны» [ГАКК. Ф. Р-104. Оп. 1. Д. 673. Л. 14 об]. Кубанцы выражали своё несогласие с доминированием в органах власти бывших красноармейцев, как чужих, не являвшихся коренными жителями, и использовали его как повод для отрицания новых форм землепользования и право распоряжаться произведённым продуктом. Тезис о единой и неделимой России тоже использовался по инерции и не имел под собой социальной основы. Основной причиной возникшего конфликта в течении лета 1920 г. стала продовольственная политика большевиков, а поводом, в большей степени, игнорирование итогов выборов в местные советы и отмена их результатов.

Следует обратиться к В.И. Ленину, который отмечал ошибочность идеи непосредственного перехода к социализму в стране, где доминировало мелкотоварное крестьянское хозяйство [Ленин 1921b: 197, 199]. Большевики признали, но после трагических событий начала 1920-х гг., что система военного коммунизма, активно использовавшаяся в этот период, пришла в прямое столкновение с интересами большинства сельского населения. Большевики не учли частнособственнические мотивы российского крестьянства и казачества. Поэтому трудно согласиться с утверждением о том, что конфликт был вызван только неумелыми действиями местных органов или же засильем иногороднего элемента в органах власти. Эти факты служили лишь побудительным мотивом в конфликте власти и сельского населения, в том числе в казачьем регионе юга России.

Свидетельством спонтанности и неопределённости в реализации аграрной политики РКП(б) служит, в том числе, переход от продрозвёрстки к продналогу, принятый под давлением разрастающегося крестьянского антисоветского движения, на которое следовало бы обратить внимание ещё в годы Гражданской войны.

Подводя итог своих рассуждений о причинах столь трагических событий в истории советского крестьянства следовало отметить, что большевикам необходимо было считаться с их интересами и удовлетворять насущные экономические потребности, особенно в праве распоряжаться произведённой продукцией. В свою очередь, части сельского населения – казачеству, обладавшему привилегированным правом в землепользовании, следовало учитывать законные интересы остальной части жителей сел и станиц в праве пользоваться землёй в соответствии с уже действовавшим советским законодательством.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Баранов 2005 – *Баранов А.В.* Повстанческое движение «бело-зелёных» в казачьих областях Юга России (1920–1924 гг.) // Альманах «Белая гвардия». – № 8. Казачество России в Белом движении. – М.: Посев, 2005. – С. 119–129.

Борисов 2012 – *Борисов Д.А.* Колесниковщина. Антикommунистическое восстание воронежского крестьянства в 1920–1921 гг. – М.: Посев, 2012. – 164 с.

Буйский 1927 – *Буйский А.А.* Красная Армия на внутреннем фронте. Борьба с белогвардейскими восстаниями и бандитизмом. М.–Л.: Отдел военной литературы, 1927. – 95 с.

Бюллетень...1921 – Бюллетень Пятого (Второго) Кубано-Черноморского областного съезда Советов. Краснодар – 1921 – 4 декабря. – № 3. – С. 22.

Верт 2006 – *Верт Н.* История Советского государства. 1900–1991. – М.: Весь мир, 2006. – 559 с.

ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.

Генкина 1954 – *Генкина Э.Б.* Переход Советского государства к новой экономической политике (1921–1922). М.: Госполитиздат, 1954 – 505 с.

ГУ МВД России по Краснодарскому краю. Информационный центр –

Главное Управление Министерства Внутренних Дел России по Краснодарскому краю. Информационный центр. Отдел специальных фондов.

Грациози 2001 – *Грациози А.* Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933. М.: Российская политическая энциклопедия, 2001. – 96 с.

Козаков 1921 – *Козаков А.* Общие причины возникновения бандитизма и крестьянских восстаний // Красная армия. – 1921. – № 9. – С. 21–39.

Кантор 2005 – Кантор Ю. З. Война и мир Тухачевского. – М.: Издательский дом «Огонек»; «Время», 2005. – 576 с.

Кратова 2012 – *Кратова Н.В.* Повстанческое движение на Кубани и в Пятигорье в начале 20-х годов XX века. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. – 254 с.

Крестьянское движение 2003 – *Крестьянское движение* в Тамбовской губернии (1917–1918): документы и материалы / Под ред. В. Данилова и Т. Шанина. М.: РОССПЭН, 2003. – 480 с.

Ленин 1921a – *Ленин В.И.* Новая экономическая политика и задачи политпросветов: Доклад на II Всероссийском съезде политпросветов 17 октября 1921 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. – М.: Политиздат, 1977. – Т. 44. – С. 155–175.

Ленин 1921b – *Ленин В.И.* VI Московская губпартконференция. Доклад о новой экономической политике 29–31 октября 1921 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. – М.: Политиздат, 1977. – Т. 44. – С. 191–220.

Нефедов 2016 – *Нефедов С.А.* Крестьянство и мировая война / Русское крестьянство и Первая мировая война: сборник научных статей / под ред. П.П. Марченя, С.Ю. Разина. – М.: Изд-во Ипполитова, 2016. – 810 с.

Остапенко 2004 – *Остапенко П.И.* Казачьи государственные образования на юге России (февраль 1917 – начало 1920 г.) (историко-правовой анализ): дис. ... д-ра юр. наук. – Краснодар, 2004. – 443 с.

Пайпс 2005 – *Пайпс Р.* Русская революция. Россия под большевиками 1918–1924. Кн. 3. – М.: Захаров, 2005. – 704 с.

Посадский 2018 – *Посадский А.В.* Зелёное движение в Гражданской войне в России. Крестьянский фронт между красными и белыми. 1918–1922 гг. – М.: Центрполиграф, 2018. – 319 с.

Раенко 1939 – *Раенко Я.Н.* Хроника исторических событий на Дону, Кубани и Черноморье. Вып. 1. – Ростов-на-Дону. Ростовское областное книгоиздательство, 1939. – 154 с.

Ратушняк 1993 – *Ратушняк В.Н.* Экономическое освоение Кубани. – Краснодар, 1993. Советская Кубань – 656 с.

РГАЭ – Российский государственный архив экономики.

Русское крестьянство и Первая мировая война 2014 – *Русское крестьянство и Первая мировая война: международный круглый стол* / публ. П.П. Марченко, С.Ю. Разина // Новый исторический вестник. – 2014 – № 2 (40). – С. 8–89.

Телицын 2002 – *Телицын В.Л.* «Бессмысленный и беспощадный»?..: Феномен крестьянского бунта 1917–1921 гг. – М.: Изд-во РГГУ, 2002. – 338 с.

Трифонов 1964 – *Трифонов И.Я.* Классовая и классовая борьба в СССР в начале нэпа (1921–1923 гг.). Часть 1. Борьба с вооружённой кулацкой контрреволюцией. – Л.: Ленинградский университет, 1964. – 311 с.

Тухачевский 1926 – *Тухачевский М.Н.* Борьба с контрреволюционными восстаниями // Война и революция. – 1926 – № 7 // Сайт «Военная литература» URL:https://militera.lib.ru/science/tuhachevsky_mn03/index.html (дата обращения: 09.11.2024).

Холмс 1993 – *Холмс Л.* Социальная история России: 1917–1941. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1993. – 142 с.

ЦДНИ КК – Центр документации новейшей истории Краснодарского края/

Черкасов 2006 – *Черкасов А.А.* Кубано-Черноморское повстанческое движение (1920–1922 гг.): краткая характеристика // Былые годы. Сочи. – 2006. – № 2 (2). – С. 12–20.

Эйдеман 1921 – *Эйдеман Р.П.* Борьба с кулацким повстанчеством и бандитизмом – Харьков. Изд-во Политуправления всех вооружённых сил Украины и Крыма, 1921. – 44 с.

Яблочкина 2000 – *Яблочкина И.В.* Рецидивы Гражданской войны. Антигосударственные вооружённые выступления и повстанческое движение в Советской России. 1921–1925 гг. – М.: Фирма «Хельга», 2000 – 495 с.

Яхутль 2022 – *Яхутль Ю.А.* Кубано-Черноморская область в условиях противостояния власти и сельского населения (1920–1924 гг.). Документы и материалы. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2022. – 436 с.

REFERENCES

BARANOV A.V. *Povstancheskoe dvizhenie «belo-zelenykh» v kazach'ikh oblastiakh Yuga Rossii (1920–1924 gg.)* [The White-Green Insurgency in the Cossack regions of Southern Russia (1920–1924)] IN: Al'manakh «Belaya gvardiya». – № 8. Kazachestvo Rossii v Belom dvizhenii. – Moscow: Posev, 2005. – P. 119–129. (In Russ.).

BORISOV D.A. *Kolesnikovshchina. Antikommunisticheskoe vosstanie voronezhskogo krest'yanstva v 1920–1921 gg.* [Kolesnikovism. The anti-communist uprising of the Voronezh peasantry in 1920–1921.]. – Moscow: Posev, 2012. – 164 p. (In Russ.).

BUIISKII A.A. *Krasnaya Armiya na vnutrennem fronte. Bor'ba s belogvardeiskimi vosstaniyami i banditizmom.* [The Red Army on the home front. The fight against White Guard uprisings and banditry]. – Moscow – Leningrad: Otdel voennoi literatury, 1927. – 95 p. (In Russ.).

Byulleten' Pyatogo (Vtorogo) Kubano-Chernomorskogo oblastnogo s'ezda Sovetov [Bulletin of the Fifth (Second) Kuban-Black Sea Regional Congress of Soviets]. – Krasnodar – 1921 – 4 dekabrnya. – № 3. – P. 22. (In Russ.).

VERT N. *Istoriya Sovetskogo gosudarstva. 1900–1991.* [The history of the Soviet state. 1900–1991.]. – Moscow: Ves' mir, 2006. – 559 p. (In Russ.).

Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraya [State Archive of the Krasnodar Territory]. (In Russ.).

GENKINA E.B. *Perekhod Sovetskogo gosudarstva k novoi ekonomicheskoi politike (1921–1922).* [The transition of the Soviet state to a new economic policy (1921–1922)]. – Moscow: Gospolitizdat, 1954 – 505 p. (In Russ.).

Glavnoe Upravlenie Ministerstva Vnutrennikh Del Rossii po Krasnodarskomu krayu. Informatsionnyi tsentr. Otdel spetsial'nykh fondov. [The Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Krasnodar Territory. Information center. Department of Special Funds] (In Russ.).

GRATSIOZI A. *Velikaya krest'yanskaya voina v SSSR. Bol'sheviki i krest'yane. 1917–1933.* [The Great Peasant War in the USSR. Bolsheviks and peasants. 1917–1933.]. – Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya, 2001. – 96 p. (In Russ.).

KOZAKOV A. *Obshchie prichiny vozniknoveniya banditizma i krest'yanskikh vosstaniy* [Common causes of banditry and peasant uprisings]. IN: *Krasnaya armiya. – 1921. – № 9. – P. 21–39.* (In Russ.).

KANTOR YU. Z. *Voina i mir Tukhachevskogo.* [Tukhachevsky's War and Peace]. – Moscow: Izdatel'skii dom «Ogonek»; «Vremya», 2005. – 576 p. (In Russ.).

KRATOVA N.V. *Povstancheskoe dvizhenie na Kubani i v Pyatigor'e v nachale 20-kh godov XX veka.* [The insurgency in the Kuban and Pyatigorsk in the early 20s of the XX century.]. – Rostov-on-Don: Izd-vo YuNTs RAN, 2012. – 254 p. (In Russ.).

Krest'yanskoe dvizhenie v Tambovskoi gubernii (1917–1918): dokumenty i materialy [Peasant movement in Tambov province (1917–1918): documents and materials] / Edited by V. Danilova i T. Shanina. – Moscow: ROSSPEN, 2003. – 480 p. (In Russ.).

LENIN V.I. *Novaya ekonomicheskaya politika i zadachi politprosvetov: Doklad na II Vserossiiskom s'ezde politprosvetov 17 oktyabrya 1921 g.* [The new economic policy and the tasks of political enlightenment: A report at the II All-Russian Congress of Political Enlightenment on October 17, 1921]. IN: Lenin V.I. *Poln. sobr. soch.* – Moscow: Politizdat, 1977. – V. 44. – P. 155–175. (In Russ.).

LENIN V.I. *VI Moskovskaya gubpartkonferentsiya. Doklad o novoi ekonomicheskoi politike 29–31 oktyabrya 1921 g.* [VI Moscow gubpartconference. Report on the New Economic Policy October 29–31, 1921]. IN: Lenin V.I. *Poln. sobr. soch.* – Moscow: Politizdat, 1977. – V. 44. – P. 191–220. (In Russ.).

NEFEDOV S.A. *Krest'yanstvo i mirovaya voina* [The Peasantry and the World War] / *Russkoe krest'yanstvo i Pervaya mirovaya voina: sbornik nauchnykh statei* / Edited by P.P. Marchenya, S.Yu. Razina. – Moscow: Izd-vo Ippolitova, 2016. – 810 p. (In Russ.).

OSTAPENKO P.I. *Kazach'i gosudarstvennye obrazovaniya na yuge Rossii (fevral' 1917 – nachalo 1920 g.)* [Cossack state formations in the south of Russia (February 1917 – early 1920)] (istoriko-pravovoi analiz): dis. ... d-ra yur. nauk. – Krasnodar, 2004. – 443 p. (In Russ.).

PAIPS R. *Russkaya revolyutsiya. Rossiya pod bol'shevikami 1918–1924.* Kn. 3. [The Russian Revolution. Russia under the Bolsheviks 1918–1924. Book 3.]. – Moscow: Zakharov, 2005. – 704 p. (In Russ.).

POSADSKII A.V. *Zelenoe dvizhenie v Grazhdanskoi voine v Rossii. Krest'yanskii front mezhdru krasnymi i belymi. 1918–1922 gg.* [The Green Movement in the Russian Civil War. The peasant front between the Reds and the Whites. 1918–1922]. – Moscow: Tsentrpoligraf, 2018. – 319 p. (In Russ.).

RAENKO YA.N. *Khronika istoricheskikh sobytii na Donu, Kubani i Chernomor'e. Vyp. 1.* [Chronicle of historical events on the Don, Kuban and the Black Sea region. Issue 1.]. – Rostov-on-Don. Rostovskoe oblastnoe knigoizdatel'stvo, 1939. – 154 p. (In Russ.).

RATUSHNYAK V.N. *Ekonomicheskoe osvoenie Kubani.* [Economic development of the Kuban]. – Krasnodar, 1993. Sovetskaya Kuban' – 656 p. (In Russ.).

Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv ekonomiki [Russian State Archive of Economics]. (In Russ.).

Russkoe krest'yanstvo i Pervaya mirovaya voina: mezhdunarodnyi kruglyi stol [The Russian Peasantry and the First World War: an international round table] / Edited by P.P. Marchenko, S.Yu. Razina IN: *Novyi istoricheskii vestnik.* – 2014 – № 2 (40). – P. 8–89. (In Russ.).

TELITSYN V.L. «*Bessmyslennyi i besposhchadnyi*»?...: *Fenomen krest'yanskogo bunta 1917–1921 gg.* ["Senseless and merciless"?...: The phenomenon of the peasant revolt of 1917–1921.]. – Moscow: Izd-vo RGGU, 2002. – 338 p. (In Russ.).

TRIFONOV I.YA. *Klassovaya i klassovaya bor'ba v SSSR v nachale nepa (1921–1923 gg.). Chast' 1. Bor'ba s vooruzhennoi kulatskoi kontrrevolyutsiei.* [Class and class struggle in the USSR at the beginning of the NEP (1921–1923). Part 1. The struggle against the armed Kulak counterrevolution.]. – Leningrad: Leningradskii universitet, 1964. – 311 p. (In Russ.).

TUKHACHEVSKII M.N. *Bor'ba s kontrrevolyutsionnymi vosstaniyami* [The fight against counter-revolutionary uprisings] IN: *Voina i revolyutsiya.* – 1926 – № 7 // Sait «Voennaya literatura» URL:https://militera.lib.ru/science/tuhachevsky_mn03/index.html (data obrashcheniya: 09.11.2024). (In Russ.).

KHOLMS L. *Sotsial'naya istoriya Rossii: 1917–1941.* [The Social History of Russia: 1917–1941.]. – Rostov-on-Don: Izd-vo Rost. un-ta, 1993. – 142 p. (In Russ.).

Tsentr dokumentatsii noveishei istorii Krasnodarskogo kraia. [Documentation Center of the modern history of the Krasnodar Territory]. (In Russ.).

CHERKASOV A.A. *Kubano-Chernomorskoe povstanchesкое dvizhenie (1920–1922 gg.): kratkaya kharakteristika* [The Kuban-Black Sea Insurgency (1920–1922): a brief description] IN: *Bylye gody.* Sochi. – 2006. – № 2 (2). – P. 12–20. (In Russ.).

EIDEMAN R.P. *Bor'ba s kulatskim povstanchestvom i banditizmom* [The fight against Kulak insurgency and banditry]. – Khar'kov. Izd-vo Politupravleniya vsekh vooruzhennykh sil Ukrainy i Kryma, 1921. – 44 p. (In Russ.).

YABLOCHKINA I.V. *Retsidivy Grazhdanskoi voiny. Antigosudarstvennye vooruzhennye vystupleniya i povstanchesкое dvizhenie v Sovetskoj Rossii. 1921–1925 gg.* [Relapses of the Civil War. Anti-State armed demonstrations and the insurgency in Soviet Russia. 1921–1925]. – Moscow: Firma «Khel'ga», 2000 – 495 p. (In Russ.).

YAKHUTL' YU.A. *Kubano-Chernomorskaya oblast' v usloviyakh protivostoyaniya vlasti i sel'skogo naseleniya (1920–1924 gg.). Dokumenty i materialy.* [Kuban-Black Sea region in the conditions of confrontation between the government and the rural population (1920–1924). Documents and materials]. – Krasnodar: Kubanskii gos. un-t, 2022. – 436 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Ю.А. Яхутль – профессор, доктор исторических наук, доцент

Information about the author

Y.A. Yakhutl – professor, doctor of historical sciences, associate professor

Статья поступила в редакцию 17.11.2024 г.; одобрена после рецензирования 12.12.2024 г.; принята к публикации 27.12.2024 г.

The article was submitted 17.11.2024; approved after reviewing 12.12.2024; accepted for publication 27.12.2024.

Научная статья
УДК 94(471.64)
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-100-110
EDN: IFMURS

АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В КОНТЕКСТЕ ВОВЛЕЧЕНИЯ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В БОЛЬШЕВИСТСКИЕ МОДЕРНИЗАЦИИ 1920-х годов

Наталья Хаджумаровна Дзагурова¹, Марина Сергеевна Гапеева²

¹ Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНИЦ РАН, г. Владикавказ, Россия, dzagurova-natalia@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0006-3024-4622>

² Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова, Владикавказ, Россия, gapeeva.marina.81@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-9440-752X>

Аннотация. В статье рассматриваются методы и формы антирелигиозной политики советского государства по вовлечению народов Северного Кавказа в большевистские модернизации 1920-х годов. Обращение к настоящей теме продиктовано актуальностью исследования истории антирелигиозной политики государства для возможности избегания ошибок в контексте сложного периода трансформаций, который переживает современное многонациональное и поликонфессиональное российское общество. Цель исследования – рассмотреть советскую государственную политику в борьбе с религией на Северном Кавказе и проанализировать использованные методы и формы антирелигиозной пропаганды. Основу исследования составил материал, привлеченный из периодических изданий и архивов Северного Кавказа. Проанализирован комплекс мероприятий, реализуемый государством в исследуемый период для переоценки норм бытия и формирования в общественном сознании социальных представлений, основанных на ликвидации религиозного мышления. Определены трудности в процессе реализации большевистских модернизаций, связанные с разнородностью населения по национальному и религиозному составу и малочисленностью вовлеченных в общественное производство. Сделан вывод, что результаты применения ключевых маркеров антирелигиозной пропаганды привели к ускоренному развитию производительных сил и социальной сферы в национальных областях Северного Кавказа в соответствии с советской идеологией.

Ключевые слова: Северный Кавказ, религия, антирелигиозная политика, большевистские модернизации

Для цитирования: Дзагурова Н.Х., Гапеева М.С. Антирелигиозная политика советского государства в контексте вовлечения народов Северного Кавказа в большевистские модернизации 1920-х годов // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 4. – С. 100-110. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-100-110. EDN: IFMURS.

© Дзагурова Н.Х., Гапеева М.С., 2024

Original article

**THE ANTI-RELIGIOUS POLICY OF THE SOVIET STATE
IN THE CONTEXT OF THE INVOLVEMENT OF THE PEOPLES
OF THE NORTH CAUCASUS
IN THE BOLSHEVIK MODERNIZATION OF THE 1920s.**

Natalia Kh. Dzagurova¹, Marina S. Gapeeva²

¹ The North Ossetian Institute of humanitarian and social studies by. Abayev V. I. of the Federal state budgetary institution of science of the Federal scientific center Vladikavkaz scientific center of RAS, Vladikavkaz, Russia, dzagurova-natalia@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-3024-4622>

² North Ossetian State University named after Kosta Levanovich Khetagurov, Vladikavkaz, Russia, gapeeva.marina.81@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9440-752X>

Abstract. The article examines the methods and forms of the anti-religious policy of the Soviet state to involve the peoples of the North Caucasus in the Bolshevik modernization of the 1920s. The relevance of studying the history of the anti-religious policy of the state in order to avoid mistakes in a difficult period of transformation that is going through modern multinational and multi-confessional Russian society dictates the appeal. The purpose of the study is to examine the Soviet state policy in the fight against religion in the North Caucasus and analyze the methods and forms of anti-religious propaganda used. The research was based on material drawn from periodicals and archives of the North Caucasus. The complex of measures implemented by the state in the period under study to re-evaluate the old norms of existence and the formation of social ideas in the public consciousness based on the elimination of religious thinking is analyzed. The study reveals difficulties in implementing Bolshevik modernizations due to the population's diverse national and religious backgrounds and the limited number of people engaged in social production. The key markers of anti-religious propaganda have been identified, the results of which led to the accelerated development of productive forces and the social sphere in the national regions of the North Caucasus according to Soviet ideology.

Keywords: The North Caucasus, religion, anti-religious politics, Bolshevik modernization.

For citation: Dzagurova N.Kh., Gapeeva M.S. The anti-religious policy of the soviet state in the context of the involvement of the peoples of the North Caucasus in the bolshevik modernization of the 1920s. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 4. – P. 100-110. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-100-110. EDN: IFMURS.

© Dzagurova N.Kh., Gapeeva M.S., 2024

Введение

Цель данной статьи – изучить антирелигиозную советскую политику 1920-х гг., реализуемую для вовлечения народов Северного Кавказа в большевистские модернизации.

Выбор хронологических рамок исследования обусловлен необходимостью охватить период, наиболее показательный для понимания специфики государственной политики большевиков, направленной на трансформацию общественного сознания в целях восприятия новой идеологии.

Методологической основой исследования является метод системного анализа, позволивший рассмотреть антирелигиозную политику советского госу-

дарства в контексте переоценки старых норм бытия и формирования в общественном сознании горцев новых социальных представлений, основанных на ликвидации религиозного мышления.

К исследованию привлечены как деидеологизированные научные публикации авторов по вопросам религиозной политики советского государства на Северном Кавказе постсоветского периода – И.А. Гиоевой [Гиоева 2005], С.И. Сулейманова [Сулейманов 2000], так и исследования советского периода, основанные на воспоминаниях непосредственных участников событий 1920-1930-х гг. на Северном Кавказе – работы Я.Н. Раенко-Туранского [Раенко-Туранский 1927], Н.П. Эфендиева [Эфендиев 1927], П.И. Юсупова [Юсупов 1972], С.Т. Меликова [Меликов 1983], И.М. Персиц [Персиц 1958]. Основу статьи составил привлеченный из периодических изданий и архивов Северного Кавказа материал, позволивший проанализировать методы и формы антирелигиозной политики большевиков.

Результаты исследования

Революция и приход к власти партии большевиков в 1917 г. сформировали вектор модернизационных процессов, направленный на решение вопросов социалистического строительства. Деятельность власти по трансформации общественного сознания в целях восприятия новой идеологии началась с первых же дней ее существования, поскольку развернувшееся социалистическое строительство подразумевало вовлечение в общественное производство колоссального людского ресурса.

Сразу же с момента установления на Северном Кавказе советская власть предпринимала попытки заложить законодательную базу для регулирования взаимоотношений государственных советских структур и религиозных организаций. В 1920-х гг. начинается работа по формированию устойчивого антирелигиозного стереотипа, согласно которому религиозное мышление признавалось вредным и антинаучным. На каждом этапе этого процесса властью ставились новые задачи, но степень их успешной реализации, во многом зависела от законодательной основы, способной обеспечить формирование нового общественного сознания. Декрет СНК РСФСР от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» лишил религиозные организации возможность владения любой собственностью, т.е. в одночасье, они стали не собственниками, а лишь пользователями накопленного имущества [Персиц 1958: 24]. Однако процесс реализации декрета затянулся, а на Северном Кавказе часто сталкивался с ожесточенным сопротивлением и требовал дополнительных усилий.

Приказом Терского областного революционного комитета от 20 апреля 1920 г. преподавание «Закона Божьего» в школах всех ступеней было отменено, а законоучителя освобождены от занимаемых должностей. Несмотря на зафиксированные в принятой в 1918 г. Конституции РСФСР статьи о провозглашении свободы совести и недопустимости оскорблений чувств верующих, сотни священнослужителей, верующих и мирян были подвергнуты жесточайшим репрессиям [Гиоева 2005: 11].

В феврале 1921 г. по указанию ЦИК Горской республики был распущен Епархиальный Совет. Изымались церковные ценности, проходили различные антирелигиозные кампании, часто сопровождаемые неповиновением верующих. Помимо изъятия церковных ценностей, происходили другие различные антирелигиозные кампании, в частности, так называемое обновление икон. В Моздоке даже произошли стихийные уличные беспорядки во время обновления икон в Успенской церкви. Моздокчане, были наиболее привержены религии из всех горожан Кавказа, Д.Б. Сокол, член КПСС, участник гражданской войны вспоминал: «Поражало обилие в таком маленьком городке соборов, церквей и молитвенных домов. Православные обладали двумя Успенскими – старым и новым – соборами, Духошественской, Николаевской и Ильинской-кладбищенской церквами. Армяне-григориане имели два собора – Стефановский и Успенский и ещё кладбищенскую церковь. Была и католическая, да кроме них существовали молитвенные дома: баптистов, евангелистов, субботников – адвентистов седьмого дня, лютеран и других сект. Не было мечети и синагоги. Магометан было мало, а евреев всего несколько семейств, и то некоторые из них – «выкресты»» [Научный архив СОИГСИ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 102. Л. 23].

Изъятие церковных ценностей проходило под лозунгом помощи голодающим беженцам. Дабы не допустить могущие возникнуть протесты прихожан против изъятия, в газету было помещено «Воззвание пастырей Владикавказских церквей к пастве», в котором говорилось, что «изъятые будут только лишние» [Научный архив СОИГСИ. Ф. 22. Оп. 1. Д. 15. Л. 53]. При этом довольно успешную деятельность развели приверженцы сект самого разного толка. Во Владикавказе они имели тесные контакты с заграничными коллегами, именно поэтому в 20-е гг. руководители местных протестантских сект получали от своих «братьев во Христе» – американских миллионеров не только деньги, но и соответствующие «советы». Например, пресвитер владикавказской баптистской общины кулак Сапожников в конце 1920-х годов посетил США официально для участия во Всемирном конгрессе баптистов. Он провёл в Америке много месяцев, собирая пожертвования: крупную сумму ему выделил так называемый «фонд Рокфеллера» для «евангелизации населения на Северном Кавказе» [Власть труда. 1929. 10 апреля. № 82].

Повсеместно происходило закрытие церквей и организация в зданиях различных общественно-массовых учреждений, в том числе развлекательного характера. Несмотря на тактическое наступление на религию, позиции её были довольно сильны. Так, на заседании Агитпропколлегии райкома ВКП (б) в Моздоке в начале 1922 г. указывалось, что «вниманием и симпатией отсталых рабоче-крестьянских масс пользуются в первую очередь православная община, и затем община духовных христиан (молокане)», в качестве причины назывались «тактический подход к рабочим и крестьянам и материальная поддержка» [ЦГА РСФСР-А. Ф. 337. Оп. 1. Д. 3. Л. 50]

В отношении ислама советское руководство в первой половине 1920-х гг. проявляло подчеркнутую благожелательность и терпимость, исходя из установ-

ки привлечения «угнетенных царизмом народов Востока» на сторону мировой социалистической революции. На первых порах, власть пытаясь продемонстрировать лояльность к особенностям горского уклада жизни разрешала горцам управление на основе религиозных норм, так как «среди тёмных и религиозных горских масс влияние Корана и основанного на нём шариата было настолько сильным, что их игнорирование могло бы усилить позиции буржуазных националистов и реакционного мусульманского духовенства, которое всячески старалось внушить горцам, что советская власть не допустит каких-либо учреждений, связанных с их национально-религиозными особенностями» [Юсупов 1972: 124].

На внеочередном заседании членов областной горской секции при Кубчеревком в декабре 1922 г. звучали слова о том, что «Декрет об отделении церкви от государства» не может быть применён к горцам-мусульманам, так как, отделяя церковь от государства, таковая лишается права вмешиваться в государственное строительство, оставляя религию народов, составляющей церковь, неприкосновенной. Применяя декрет к мусульманам путём насильственного запрещения пользоваться шариатом, лишает мусульман самой религии, потому что источник шариата – сам Коран и Сунна». Далее делегаты съезда настоятельно просили «оставить горский народный суд с полным применением шариатских норм» [Раенко-Туранский 1927:112].

Однако, несмотря на проявляемую внешнюю лояльность, государство, пытаясь ослабить влияние ислама, организовало активную антирелигиозную пропаганду. В массовое сознание внедрялись идеи о том, что любая религия играла и может играть только сугубо отрицательную роль в жизни людей, что, с ликвидацией религиозных обществ и уничтожением религиозных убеждений в сознании верующих, общество освободится от суеверий и предрассудков, обретёт новую социалистическую мораль, вместо религиозной [Научный архив СОИГ-СИ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 23. Л. 2].

Атеистическая деятельность требовала определённого такта, осторожности и гибкости, так как речь шла о борьбе против идеологии ислама, пронизавшей все стороны жизни горцев, во многом служившей стержнем, на который нанизывались их общественные и семейные нормы поведения, взаимоотношения. Учитывая это, Северо-Кавказский крайком ВКП(б) до середины двадцатых годов рекомендовал партийным организациям воздерживаться от открытой критики мусульманской религии в гущу масс. Вместе с этим проводилась естественно-научная пропаганда, в ходе которой разъяснялось, отчего происходит смена дня и ночи, почему бывает дождь, град, засуха и др., от чего зависит урожайность сельскохозяйственных культур и т. п. без упоминания о религии [Меликов 1983: 62].

Важным мероприятием партии на пути ослабления влияния идеологии ислама была ликвидация шариатских судов. Учитывая, однако, специфическое положение в районах традиционного распространения ислама, в первые годы советской власти, параллельно с советскими народными судами функционировали и шариатские суды. Шариат – это не только и не столько религиозное и каноническое право, это обобщающий свод законов, включающий в себя

публичное, частное, личное и вещное право; гражданское, уголовное и семейное право и даже санитарии и гигиену. Исходя из этого, мусульманское духовенство ведало не только религиозной стороной, но и всей повседневной жизнью населения Северного Кавказа. «Школа и суд, семейные и имущественные отношения, – всё это в руках духовенства, всё им определяется и им устанавливается» [Эфендиев 1925: 127].

Идеология ислама на Северном Кавказе использовалась и для подстрекательства верующих к борьбе против советской власти. Реакционеры выступали с призывами к верующим, просили отказаться от участия в проводимых органами власти мероприятиях: в организации горкомов, кооперативов, призыва в Красную Армию, строительстве школ, обучении детей в них, а также изгонять коммунистов, навлекая божью кару на верующих, избегать участия в похоронах, когда умирал кто-либо из них. Подстрекали к физическому уничтожению всех, кто не молится [Сулейманов 2000: 38].

На Северном Кавказе (без Дагестана) к началу 1926 г. имелось 1644 мечетей, которые обслуживали 2189 мулл; 20 шейхов и 79 тыс. мюридов, из которых свыше 70 тыс. находились в Чечне и Ингушетии [УЦГА АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 19. Л. 11].

Мечети и другие организации ислама пользовались не только приношениями прихожан, но и обладали значительными земельными угодьями, пожертвованными им с благотворительной целью, движимым и недвижимым имуществом. В Дагестане доход от закята и вакуфов в 1926-27 гг., превысив сумму сельхозналога по республике почти в три раза. В Чечено-Ингушетии и Кабардино-Балкарии этот доход соответственно равнялся 518,3 и 400 тыс. рублей [«Революция и горец». 1929. № 7-8. С. 36.].

Важным религиозным элементом, являющимся с марксистской точки зрения атавизмом, пережитками прошлого, с которыми необходимо было покончить, являлись религиозные праздники. Празднование Пасхи, как правило, совпадало с началом весенне-полевых работ, влекло за собой прогулы, массовое пьянство верующих. Против этих явлений вели непримиримую борьбу. Было решено упорядочить религиозные праздники. Так, протоколом заседания Бюро Дагестанского обкома было установлено для православных два праздника – Рождество и Пасха, для мусульман – по одному дню Курбан байрам и Ураза-байрам, для евреев – Судный день и Пасха. Мусульманские и православные праздники считались нерабочими днями для всего населения в городах, еврейские праздники отмечали только евреи [Научный архив СОИГСИ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 5. Л. 13]. В городе Нальчик, к примеру, проводились читки, беседы на антирелигиозные темы, была организована книжная выставка, на постоянной основе проводились вечера с докладами на тему: «Религия и наука», ставились спектакли-концерты и инсценировки антирелигиозного содержания [«Карахалк». 1928. 12 апреля].

Для того, чтобы дать возможность местному населению принимать активное участие в антирелигиозных мероприятиях, они часто проводились в форме диспутов. Присутствовавшее на диспутах население задавало вопросы, вступало в споры. Иногда активное участие в таких диспутах принимали и представи-

тели духовенства. Диспуты на темы: «Религия и советская власть», «Коммунисты и религия», «Красная армия и религия» проводились во многих сёлах и аулах. В этой работе проявлялась большая осторожность, поскольку религиозное мировоззрение, складывавшееся веками, пустило глубокие корни в сознании горцев.

Секретарь комсомольской ячейки М. Алиев так вспоминал эту борьбу: «Весной 1926 года мне было поручено выявить комсомольцев тюрков и татар, собрать этих ребят и организовать ячейку. У нас собралось человек 30. Открыли клуб, стали вести антирелигиозную, культурно-массовую работу среди этих народностей. Во время празднования Шахсей-Вахсей дело доходило до самоубийств, но после нашей работы молодёжь отошла от этого» [Научный архив СОИГСИ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 109. Л. 18, 19, 21]

Целенаправленной и оперативной антирелигиозной работе мешало и то, что среди членов и кандидатов в члены партии выявлялась тенденция ссылаться на специфические условия, при которых, якобы, невозможно вести антирелигиозную пропаганду.

В 1926 г. была произведена проверка степени религиозности членов партии и комсомольцев. В результате были стали известны факты прямого участия некоторых коммунистов и комсомольцев в соблюдении религиозных обрядов и праздников, факты уклонения от атеистической работы. Областным партийным организациям пришлось решительно противодействовать и вредной теории «непротивленчества», и пассивности в борьбе с религиозной идеологией. Антирелигиозную пропаганду тесно связали со всей системой политического, культурного и школьного образования и воспитания, были сформированы ячейки «безбожников» для ведения активной атеистической работы. С этой целью на заседании Бюро Чеченского обкома ВКП (б) 7 декабря 1926 г. было решено создать агитационно-пропагандистский отдел (АПО) при Чечоргбюро ВКП (б) и антирелигиозную комиссию из людей, хорошо знакомых с местными условиями [ЦГА РСО-А. Ф. 7. Оп. 1. Д. 606. Л. 62]. Комиссия должна была вести антирелигиозную пропаганду, стараясь не вызвать проявления религиозного фанатизма. Основываясь на марксистской идеологии, необходимо было раскрывать социальную сущность религиозного культа, способствовать развитию критического отношения трудящихся к религии и духовенству.

Серьёзным препятствием в антирелигиозной работе являлась нехватка подготовленных пропагандистов атеизма, хорошо знающих местные условия, а также недостаток популярной атеистической литературы об исламе. Поэтому Северо-Кавказский краевой комитет ВКП(б) в помощь национальным областям, начиная с 1925 г., систематически проводил курсы партийного актива, в программе которых были лекции о формах и методах антирелигиозной работы в национальных областях. На таких курсах в городах Ростов-на-Дону и Таганрог ежегодно обучалось около 75 слушателей из состава партийного актива национальных областей, где они получали необходимые методические указания [ЦГА РСО-А. Ф. 7. Оп. 1. Д. 840. Л. 43-44].

К антирелигиозной работе привлекалась и горская молодёжь. Так, например, студенты Ингушского педагогического техникума в 1929 г. провели анти-

религиозную работу в дни праздника «Ураза-байрам». Студенты устанавливали тесную связь с аулами, где проводили антирелигиозные беседы, разъясняли, что ураза приносит вред здоровью, нарушает работоспособность, что, в свою очередь, приносит вред народному хозяйству, указывалось о необходимости «широко развернуть антирелигиозную пропаганду, положив в основу её методы глубокой систематической научной работы, обеспечив помощь профсоюзов в работе ячеек воинствующих безбожников» [ЦГА РСФСР-АЛТАЙ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 236. Л. 13].

Административные меры борьбы с религией и репрессии по отношению к служителям культа способствовали обострению религиозных чувств, а нередко и проявлению фанатизма верующих. В Моздоке в 1925 году милиция арестовала священника, старосту и «ещё одного служителя церкви» как подстрекателей, что вызвало волну людского негодования. «После ареста попа и других народ восстал, собралась масса народа, пошли по центральной улице женщины, по другой улице – мужчины с палками и камнями, шли к тюрьме освобождать священнослужителей, против них были брошены коммунисты, комсомольцы, молодёжь, вооруженные пулемётами, винтовками, был эскадрон милиции. Было приказано стрелять вверх, народ бросился бежать, потом устроили митинг по городу, самолёт разбрасывал листовки, чтобы успокоить народ» – вспоминал участник событий комсомолец К.В. Погибенко [Научный архив СОИГСИ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 102. Л. 23].

Результаты проведенной работы фиксировались в отчётах горсоветов, так в отчете Владикавказского горсовета о состоянии антирелигиозной работы за 1930 г. зафиксировано следующее: «...Антирелигиозных ячеек по городу 48 с 3000 человек. Работа ячеек безбожников выразилась в распространении журнала «Безбожник», в проведении антирелигиозной кампании во время различных религиозных празднований. По клубам и избам-читальням проведено 156 докладов. С 20 декабря 1929 по 25 марта 1930 г. проведены курсы учителей школ по антирелигиозно работе, окончили 70 человек» [ЦГА РСФСР-А. Ф. 56. Оп. 1. Д. 49. Л. 72].

Поддавшись давлению антирелигиозной аргументации и сопровождавших их репрессивных мер, служители религии отказывались от духовного сана. В октябре 1928 года, например, мулла Измаил Након в присутствии многих граждан заявил, что «он отказывается от звания муллы», и дал слово никогда больше не заниматься «одурманиванием людей» [«Карахалк». 1928. 12 апреля]. В 1928 году в Кабардино-Балкарии 72 духовных лица отказались от своего сана [«Революция и горец». 1929. № 10. С. 50]. Таким образом, проводимая пропаганда, направленная на искоренение религии среди народов Северного Кавказа и формирование новой идеологической основы для построения социалистического общества давала свои результаты.

Заключение

К 1927 г. государственно-церковные отношения перешли из ведения Наркомюста в Наркомат внутренних дел, что привело к администрированию и мелочной регламентации религиозных организаций. В условиях широкомас-

штабного наступления на деятельность религиозных организаций разрабатывался первый общесоюзный законопроект о религиозных объединениях, этим законопроектом стало принятое 8 апреля 1929 г. СНК РСФСР постановление «О религиозных объединениях». В духовной жизни советского общества установился идеологический диктат партии.

Северный Кавказ, выделяясь этнорелигиозным многообразием, ставил перед большевиками комплекс проблем, от решения которых зависела успешность вовлечения народов Северного Кавказа в коллективизацию, индустриализацию, и культурное строительство. Разнородность населения по национальному и религиозному составу, малочисленность населения, вовлеченного в производство, создавали трудности в процессе реализации большевистских модернизаций, которые требовали переоценку старых норм бытия и формирования в общественном сознании новых социальных представлений, основанных на ликвидации религиозного мышления.

Реализованные меры привели к тому, что без разрешения соответствующих государственных структур было запрещено проводить собрания верующих, выбирать руководителей религиозных общин, совершать паломничества к святым местам, строить культовые здания, а также заниматься благотворительной деятельностью. Деятельность любых церковных религиозных обществ, ранее приравнивавшихся к существовавшим научным, культурным обществам была запрещена. Верующие лишались прав юридического лица. Эффект от решений в антирелигиозной государственной политике сократил число верующих и быстро вовлекал молодое поколение горцев в атеистические советские реалии, но на бытовом уровне религиозность сохранялась. Тем не менее, результаты проведенной работы во всех национальных областях Северного Кавказа вели к ускоренному развитию производительных сил и социальной сферы в соответствии с советской идеологией.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Научный архив СОИГСИ – Архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований (г. Владикавказ).

Власть труда – Газета «Власть труда».

Гюева 2005 – *Гюева И.А.* История института уполномоченного Совета по делам религий в Северной Осетии. Дисс... канд. ист. н-к. Владикавказ, 2005. – 172 с.

Карахалк – Газета «Карахалк».

Меликов 1983 – *Меликов С.Т.* Из истории борьбы КПСС за преодоление влияния идеологии ислама и укрепление интернациональной дружбы народов Северного Кавказа // О единстве интернационального и атеистического воспитания / Отв. ред. А.Г. Кучиев. – Орджоникидзе: Издательство СОНИИ, 1983. – С. 51-70.

Персиц 1958 – *Персиц И.М.* Отделение церкви от государства и школы от церкви в СССР (1917-1919 гг.). – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. – 198 с.

Раенко-Туранский 1927 – *Раенко-Туранский Я.Н.* Адыге до и после Октября / Под ред. т.т. Борона И., Хуажева М., Цей Д. – Ростов-на-Дону: Крайнациздат, 1927. – 184 с.

Революция и горец – Журнал «Революция и горец».

Сулейманов 2000 – *Сулейманов С.И.* Из истории чекистских органов Дагестана: Документальные очерки истории 1920-1945 гг. – Махачкала: Издательство «Юпитер», 2000. – 208 с.

УЦГА АС КБР – Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (г. Нальчик).

ЦГА РСО-А – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания (г. Владикавказ).

Эфендиев 1925 – *Эфендиев Н.П. (Самурский)*. Дагестан / Н.П. Эфендиев. – М.-Л.: Госиздат, 1925, – 174 с.

Юсупов 1972 – *Юсупов П.И.* О некоторых специфических особенностях национально-государственного строительства народов Северного Кавказа (1920-1937 гг.) // Материалы межвузовской научной конференции «Образование СССР – торжество ленинской национальной политики» / Отв. ред. Арутюнян С.М. – Пятигорск: Пятигорский гос. пед. ин-т иностранных языков, 1972. – С. 118-125.

REFERENCES

Arkhiv Severo-Osetinskogo instituta gumanitarnykh i sotsial'nykh issledovaniy [Archive of the North Ossetian Institute of Humanities and Social Studies] (g. Vladikavkaz). (In Russ.).

Gazeta «Vlast' Truda [The power of labor]». (In Russ.).

GIOEVA I.A. *Istoriya instituta upolnomochennogo Soveta po delam religii v Severnoi Osetii* [The history of the Institute of the Authorized Council for Religious Affairs in North Ossetia]. Diss... kand. ist. n-k. Vladikavkaz, 2005. – 172 p. (In Russ.).

Gazeta «Karakhalk [Karakhalk]». (In Russ.).

MELIKOV S.T. *Iz istorii bor'by KPSS za preodolenie vliyaniya ideologii islama i ukreplenie internatsional'noi druzhby narodov Severnogo Kavkaza* [From the history of the CPSU's struggle to overcome the influence of the ideology of Islam and strengthen the international friendship of the peoples of the North Caucasus]. In: O edinstve interna-tcional'nogo i ateisticheskogo vospitaniya / Отв. ред. А.Г. Кучиев. – Ordzhonikidze: Izda-tel'stvo SONII, 1983. – P. 51-70. (In Russ.).

PERSITS I.M. *Otdelenie tserkvi ot gosudarstva i shkoly ot tserkvi v SSSR (1917-1919 gg.)* [Separation of Church from state and school from Church in the USSR (1917-1919)]. – М.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1958. – 198 p. (In Russ.).

RAENKO-TURANSKII YA.N. *Adyge do i posle Oktyabrya* [Adyge before and after October] / Pod red. t.t. Borona I., Khuazheva M., Tsei D. – Rostov-na-Donu: Krainatsizdat, 1927. – 184 p. (In Russ.).

Zhurnal «Revol'yutsiya i gorets [The Revolution and the Highlander]». (In Russ.).

SULEIMANOV S.I. *Iz istorii chekistskikh organov Dagestana* [From the history of Dagestan's Chekist organs]: Dokumental'nye ocherki istorii 1920-1945 gg. – Makhachkala: Izdatel'stvo «Yupiter», 2000. – 208 p. (In Russ.).

Upravlenie Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki [Department of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic] (g. Nal'chik). (In Russ.).

Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Severnaya Osetiya – Alaniya [Central State Archive of the Republic of North Ossetia – Alania] (g. Vla-dikavkaz). (In Russ.).

EFENDIEV N.P. (SAMURSKII). *Dagestan* [Dagestan] / N.P. Efendiev. – М.-Л.: Gosizdat, 1925, – 174 p. (In Russ.).

YUSUPOV P.I. *O nekotorykh spetsificheskikh osobennostyakh natsional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva narodov Severnogo Kavkaza (1920-1937 gg.)* [On some specific features of the national-state building of the peoples of the North Caucasus (1920-1937)]. In: Materialy mezhvuzovskoi nauchnoi konferentsii «Образование СССР – торжество ленинской национальной политики» / Отв. ред. Арутюнян С.М. – Pyatigorsk: Pyatigorskii gos. ped. in-t ino-strannykh yazykov, 1972. – P. 118-125. (In Russ.).

Информация об авторах

Н.Х. Дзагурова – кандидат исторических наук, доцент.

М.С. Гапеева – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the author

N.H. Dzagurova – PhD (in History), Associate Professor.

M.S. Gapeeva – PhD (in History), Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.11.2024 г.; одобрена после рецензирования 12.12.2024 г.; принята к публикации 27.12.2024 г.

The article was submitted 22.11.2024; approved after reviewing 12.12.2024; accepted for publication 27.12.2024.

Научная статья
УДК 394.014
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-111-126
EDN: DEXWCN

ВКЛАД ГРОЗНЕНСКИХ НЕФТЯНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ В ФОРМИРОВАНИЕ ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ПРОСЛОЙКИ В СТРУКТУРЕ ЧЕЧЕНСКОГО ОБЩЕСТВА (1920-1930-е гг.)

Муслим Махмедгириевич Мурдалов¹, Лема Абдоллаевич Турпалов²

¹ Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, Москва, Россия, 9119193@mail.ru, <http://orcid.org/0009-0007-9256-1532>

² Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова Российской академии наук, Грозный, Россия, turpalov@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2008-039X>

Аннотация. Инициированная большевистской партией в 1920-1930-е годы политика коренизации в национальных регионах предполагала наряду с созданием письменностей, перевода школ и делопроизводства на родные языки также формирование социального слоя пролетариата и инженерно-технических работников из числа коренных жителей. Особенно остро данная проблема стояла в Чечне, хотя на ее территории еще в конце XIX в. сложился мощный нефтепромышленный комплекс. Однако коренные жители в связи ограничениями, связанными с продолжавшейся Кавказской войной, не имели доступ на промыслы и предприятий. Препятствием была также массовая неграмотность горцев, что лишало их возможности обучаться в учебных заведениях России. Политика царской администрации тоже не способствовала распространению образования в регионе. Отставание чеченцев в сфере образования проявилось в период восстановления народного хозяйства после разрушительных революций и гражданской войны. В частности, это относилось к Грозненской нефтепромышленности, которая имела важное значение для экономики всей страны. Между тем реализации программы восстановления затруднялась острым дефицитом квалифицированных кадров: иностранные специалисты покинули страну, уехала также значительная часть инженеров и рабочих, переселенных из российских губерний. Ситуация в области подготовки специалистов из коренных национальностей стала меняться только с установлением советской власти. Большевистская программа коренизации предполагала формирование в национальных регионах прослойки рабочих и инженерно-технических работников, которые стали бы опорой Советской власти в регионе. Созданная в 1920 годы система нефтяных учебных заведений во многом позволила подготовить из числа коренной национальности специалистов, которые позволили изменить этносоциальную структуру Грозного.

Ключевые слова: коренизация, формирование национального рабочего класса и ИТР, Грозненский нефтекомплекс.

Для цитирования: Мурдалов М.М., Турпалов Л.А. Вклад грозненских нефтяных учебных заведений в формирование инженерно-технической прослойки в структуре чеченского общества (1920-1930-е гг.) // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 4. – С. 111-126. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-111-126. EDN: DEXWCN.

Original article

THE CONTRIBUTION OF GROZNY OIL EDUCATIONAL INSTITUTIONS TO THE FORMATION OF AN ENGINEERING AND TECHNICAL STRATUM IN THE STRUCTURE OF CHECHEN SOCIETY (1920-1930S)

Muslim M. Murdalov¹, Lema A. Turpalov²

¹ N.N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, 9119193@mail.ru, <http://orcid.org/0009-0007-9256-1532>

² Kh. Ibragimov Complex institute of the Russian Academy of Sciences, turpalov@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2008-039X>

Abstract. The policy of indigenization in national regions initiated by the Bolshevik Party in the 1920s and 1930s assumed, along with the creation of written languages, the transfer of schools and office work to native languages, the formation of a social stratum of the proletariat and engineering and technical workers from among the indigenous inhabitants. This problem was especially acute in Chechnya, although a powerful oil industry complex had formed on its territory as early as the end of the 18th century. However, due to restrictions associated with the ongoing Caucasian War, the indigenous people did not have access to industries and enterprises. Another obstacle was the mass illiteracy of the highlanders, which deprived them of the opportunity to study in educational institutions in Russia. The policy of the tsarist administration also did not contribute to the spread of education in the region. The lag of the Chechens in the field of education manifested itself during the period of restoration of the national economy after the destructive revolutions and civil war. In particular, this applied to the Grozny oil industry, which was of great importance for the economy of the entire country. Meanwhile, the implementation of the recovery program was hampered by an acute shortage of qualified personnel: foreign specialists left the country, as did a significant portion of engineers and workers resettled from Russian provinces. The situation around training specialists from indigenous nationalities began to change only with the establishment of Soviet power. The Bolshevik program of indigenization assumed the formation of a layer of workers and engineering and technical workers in the national regions, who would become the support of Soviet power in the region. The system of oil educational institutions established in the 1920s made it possible in many respects to train specialists from among the indigenous nationalities, which helped to change the ethno-social structure of Grozny.

Keywords: indigenization, formation of the national working class and engineering and technical workers, Grozny oil complex.

For citation: Murdalov M.M., Turpalov L.A. The contribution of Grozny oil educational institutions to the formation of an engineering and technical stratum in the structure of Chechen society (1920-1930s). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 4. – P. 111-126. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-111-126. EDN: DEXWCN.

© Murdalov M.M., Turpalov L.A., 2024

Введение

В ходе социалистической модернизации национальных окраин России партии большевиков приходилось решать различные проблемы, касающиеся национально-государственного строительства, создания местной промышленности, преодоления культурной отсталости вплоть до ликвидации сплошной

неграмотности. Лидеры большевизма понимали, что от поддержки многочисленных народностей России зависела сама судьба советской власти. Между тем основная социальная опора диктатуры пролетариата – рабочий класс – в большинстве национальных районов России был немногочислен. Инженерно-технические работники из коренных национальностей практически отсутствовали. Поэтому советской власти приходилось решать проблему формирования рабочей и инженерной прослойки в общественной структуре малых народов, преодолевая большие трудности.

Эти процессы в Чечне имели свои особенности. Дело в том, что в окрестностях Грозного, лежащего в центре области, уже во второй половине XIX в. стал складываться крупный нефтепромышленный комплекс. Жители близлежащих чеченских аулов тоже привлекались на промыслы. Конечно, существовали серьезные препятствия, сдерживавшие активность привлечения коренного населения в нефтедобычу и нефтепереработку. К ним можно отнести недавно завершившуюся Кавказскую войну, передачу нефтяных источников, расположенных на землях чеченских сельских общин, в собственность Терского казачьего войска и переселение чеченцев в горы для создания линии казачьих станиц.

Как отмечают исследователи истории развития нефтепромышленности Северного Кавказа К.И. Джафаров и А.К. Джафаров, хотя «литература о нефтяном Грозном весьма объемна, но в его истории еще очень много белых пятен, неизвестных фактов и имен, а некоторые ее страницы нуждаются в переосмыслении, так как в прежние годы часть истории писалась в угоду политической конъюнктуре («целесообразности»)» [Джафаров 2023]. Особенно это касается вклада чеченцев и ингушей в развитие регионального нефтекомплекса. К сожалению, сохранились мало источников, которые позволили бы создать объективную картину этих, порой противоречивых, процессов, что порождает различные мифы типа неспособности горцев освоить инженерные профессии, отрицании ими технического прогресса. Необходимостью восполнения данного пробела объясняется актуальность данного исследования.

В специальной научной литературе эта тема затрагивается только фрагментарно. Предтечей научного осмысления развития Грозненского нефтекомплекса, его политического и экономического значения являются статьи, опубликованные в отраслевых изданиях «Грозненское нефтяное хозяйство» (Грозный, 1922–1924 гг.), «Грозненский нефтяник» (Грозный, 1930–1938). Как правило, в них содержался анализ не столько научный, сколько политический. Такими же идеологическими штампами характеризуются работы, изданные в период сталинского тоталитаризма, Т. Гонты [Гонта 1931], А. Шаблицкого и В. Попова [Шаблицкий 1931]. Однако эти тексты имеют познавательное значение и все еще остаются важными источниками современных научных исследований, посвященных истории Грозненского нефтекомплекса. В частности, благодаря этим публикациям нам удалось установить имена многих первых чеченских нефтяников.

В работах К.И. Джафарова [Джафаров 1999; Джафаров 2023], З.Х. Сулумова [Сулумов 2021], З.А. Захираевой [Захираева 2005], А.А. Даукаева [Даукаев 2023], выполнен комплексный анализ процессов становления и развития до-

бычи и переработки нефти на Северном Кавказе. В этих фундаментальных трудах с опорой на большой фактический материал излагаются узловые вопросы, касающиеся деятельности большевистской партии, Советского государства в нефтяной сфере, достижения нефтяников, проблемы технического роста, место и значение Грозненского нефтекомплекса в экономике страны. Однако в них недостаточно высвечены процессы вовлечения в отрасль национальных кадров, их вклада в ее развитие, нет ясной картины национального состава населения Грозного, коллективов промыслов и предприятий. «...Отдельного внимания заслуживает вопрос о значении Грозненского нефтяного института, – отмечают И.А. Керимов и Л.Ш. Мачукаева, – в формировании слоя технической интеллигенции у горских народов Северного Кавказа, популяризации технического образования и специальностей среди горцев, их постепенном переселении из родовых селений в многонациональный, быстро развивающийся культурный и промышленный центр, каким становился Грозный в 20–30-х гг. прошлого века» [Керимов 2021: 49].

Поэтому говорить о полной разработанности темы преждевременно. Не стал объектом изучения и вопрос о степени ущерба, нанесенного грозненской нефтянке в результате проведенного в 1944 году насильственного переселения чеченцев и ингушей, среди которых были квалифицированные специалисты-нефтяники.

В качестве источников нами использованы публикации в периодической печати, мемуарная литература и архивные документы, некоторые из которых впервые вводятся в научный оборот.

Предметная область исследования охватывает деятельность советских властей по подготовке инженерных кадров из чеченцев и ингушей в промышленное производство, формы и методы проведения политики коренизации кадрового состава предприятий. Нами предпринята попытка выявить как позитивную, так и негативную роль центральных и местных властей в ходе реализации данной программы.

Целью работы является выявление вклада горского населения в развитие грозненской нефтепромышленности, установление имен первых чеченских инженеров-нефтяников.

В методологии использованы принцип историзма, позволяющий выявить взаимосвязь и взаимозависимость общественных процессов, системный подход, а также реконструктивный и биографический методы.

Основные результаты исследования

Большевистская партия в условиях установления советской власти рассматривала задачу создания рабочего класса и специалистов в национальных регионах как приоритетную. Особо остро стоял этот вопрос в Чечне и Ингушетии, хотя в центре области еще в конце XIX в. сложился крупный нефтепромышленный комплекс. Однако в ходе административно-территориального устройства края в период формирования диктатуры пролетариата Чечня и Ингушетия были отделены от Грозного, ставшим отдельным округом. Это затрудняло вовлечение горцев в грозненскую промышленность. Так, в начале периода

восстановления народного хозяйства только 2,5 % рабочих и служащих предприятий Грозного составляли чеченцы [Джамбулатова 1974: 156]. Преодоление этого противоречия стало главной задачей руководства региона. Политика большевистской партии по вовлечению в общественно-политическую жизнь, экономическую сферу, культурную работу представителей национальностей получила название «коренизация». Конечно, она в первую очередь преследовала политические цели: привлечь на сторону советской власти население национальных регионов, создать в их среде преданную идеалам социализма прослойку. Как отмечает М.А. Гутиева: «Для создания руководящих и высококвалифицированных кадров администраторов, инженеров, научной, педагогической и творческой интеллигенции из представителей местных народов предусматривалось широкое привлечение их в систему среднетехнического и высшего образования» [Гутиева 2011: 2]. В Чечне базовой отраслью для реализации данной программы стала нефтяная промышленность.

Первые кадровые рабочие-нефтяники из горцев пополняли ряды пролетариата, как правило, проходя обучение в фабрично-заводских училищах (металлистов, «Стройуч», «Нефтеуч», «Горпромуч») [Захираева 2007: 106], различных краткосрочных курсах или в редких случаях как подмастерья-ученики. В начале 1920-х годов основным учебным заведением, готовящем рабочих для «Грознефти», конечно, стал «Нефтеуч». Именно в его стенах обучались и первые чеченцы-нефтяники, и уже во второй половине 1920-х годов сформировалась национальная прослойка рабочих, которая стала базой для формирования национальной инженерно-технической интеллигенции.

К этому времени в Грозном стала складываться система технического образования. В составе Центрального нефтяного управления («Грознефти») в 1920 г. был создан отдел технических курсов, основной функцией которого была организации подготовки не только квалифицированных рабочих, но и инженерно-технических работников. Отдел за два месяца образовал нефтяной техникум, состоявший из восьми средних и двух высших отделений – для подготовки дипломированных инженеров по горно-нефтяной и нефтехимической специальностям. В должности директора был утвержден приват-доцент Леонид Владимирович Курской. Газета «Горская правда», подчеркивая значение создания техникума для края, писала: «Мысль о своевременности открытия технического учебного заведения в центре нефтяной промышленности для ее обслуживания возникла в 1920 году среди деятелей нефтяного дела по инициативе Л.В. Курского... Жизненность этого учебного заведения обнаружилась немедленно и была доказана как быстрым выполнением состава преподавателей, главным образом из местных деятелей школы и техники, так и началом работ в Техникуме и полным комплектом слушателей» [Горспрофобр 1922].

В 1922 г. на базе техникума был создан Грозненский практический нефтяной институт. «...Дружной работой деятелей института при неизменной моральной и материальной поддержке Нефтеуправления, – сообщила «Горская правда», – создано в результате высшее учебное заведение в Горской республике и закреплено окончательно» [Горспрофобр 1922]. В 1923 г. учебное заведение было реорганизовано снова в техникум с правом выдачи выпускникам ди-

пломов о высшем образовании. 3 июля 1929 г. решением СНК СССР его преобразовали в Грозненский нефтяной институт в статусе вуза союзного значения [ГАРФ. Ф. А-1565. Оп. 10. Д. 162. Л. 36.]. За период с 1920 по 1929 гг. институт окончило около 400 человек [ГАРФ. Ф. А-1565. Оп. 10. Д. 162. Л. 36.]. Обучение проходило в очной и вечерней форме. Как отмечает З.А.Захираева, на первом курсе «3 дня студенты занимались в институте и 3 – работали на предприятиях. Изучение профилирующих дисциплин происходило непосредственно в производственных условиях, там, где работали студенты. Преподавание велось по учебным планам и программам Московской горной академии и на достаточно высоком уровне» [Захираева 2007: 106]. Такие условия были привлекательны для первых рабочих-горцев, которые стали осознавать необходимость овладения специальными знаниями для дальнейшего профессионального роста, стремились стать студентами нефтяного техникума, Грозненского нефтяного института.

Представляет научный интерес малоисследованный историками вопрос о значении Грозненского нефтяного института в обеспечении специалистами в области добычи и переработки нефти всей отрасли страны, но и в привлечении представителей коренной национальности в производство, в формирование национальной технической интеллигенции. Объединение Грозного как отдельного административного округа и Чеченской автономной области в 1929 г. устранило отдельные барьеры, возникавшие при устройстве националов на работу на предприятия Грозного или поступлении в ГНИ и техникумы. В связи с новым статусом города как областного центра Чечни, «Грознефть» приняла рассчитанную на пять лет программу «вовлечения чеченцев в производство. Было намечено довести к 1931 году долю представителей коренной национальности среди рабочих объединения до 13 процентов» [Иголкин 2005: 27]. Однако квалифицированных кадров среди них было мало. В 1928 году в системе треста «Грознефть» работали всего два чеченца-инженера, имеющие высшее образование [Володин 1928]. Однако развивающийся высокими темпами Грозненский нефтепромышленный комплекс нуждался в подготовленных кадрах. Было очевидно, что без привлечения студентов-горцев, решить проблему нехватки специалистов для Грозненского нефтекомплекса невозможно. «Для покрытия потребности «Грознефти» в инженерно-технических силах на 1930–31 год нужно больше 1000 человек, – отмечалось в работе А. Шаблицкого «Возьмем нефтяной перекоп». – Грозненский нефтяной институт может дать только 133 чел.» [Шаблицкий 1931: 67].

Нужно отметить, что невысокий образовательный уровень горцев до конца 1920-х годов сдерживал приток абитуриентов из их числа в средние и высшие учебные заведения. Учитывая тенденцию «к увеличению уровня грамотности среди горцев в 1930 г. руководство вуза приняло решение о расширении подготовки специалистов из числа коренных жителей» [Минцаев и др. 2021: 21]. В июне 1930 г. «рабфак ГНИ был реорганизован и переименован в Чеченский рабфак имени героя Гражданской войны Асланбека Шерипова. В нем обучалось 234 человека, в том числе 24 девушки» [В борьбе за нефть 1931: 20] Представляет интерес опыт ГНИ по переводу преподавания на первых курсах

рабфака на чеченский язык. Для этого необходимо было перевести учебную литературу тоже на чеченский язык. Были организованы две бригады из учащихся-чеченцев старших групп рабфака, которые занялись переводом учебных курсов. Таким образом как слушатели рабфака, так и рабочие промыслов и заводов из местного населения получили техническую литературу на родном языке. Эта инициатива руководства вуза была направлена на вовлечение горской молодежи в обучение нефтяному делу. Нужно отметить, что в профессиональном учебном заведении чеченцы впервые проходили обучение на родном языке. Такого прецедента в истории больше не было. Один из рабфаковцев (набор 1931 г.) – чеченец Баудин Ибрагимович Магомаев – вспоминал: «На рабфаке был очень сильный педагогический коллектив. До сих пор помню преподавателей Гавришевскую, Гриднева, Большакова, Жукова, Жаворонкова и др. У нас были сильная партийная и комсомольская организации. Мы участвовали во всех общественных мероприятиях, тушили пожар в Заводском районе, там же строили дома, а в период летних каникул в аулах ликвидировали неграмотность, вели политико-просветительскую работу» [Иголкин 2005: 15]. Он впоследствии занимал важные посты в промышленности Грозного, стал сотрудником ГНИ. Многие выпускники рабфака занимали руководящие должности на предприятиях грозненского нефтекомплекса.

В системе нефтеобразования Грозного в 1930 г. был открыт новый нефтяной техникум для подготовки специалистов среднего звена для промыслов и заводов. Восьмого апреля 1931 г. 1-й нефтеперегонный завод треста «Грознефть» был преобразован в завод-втуз. Из 244-х принятых первых студентов-рабочих 24 были чеченцы [В борьбе за нефть 1931: 40].

Научно-технический журнал «Грозненский нефтяник» в 1931 году начал также печатать некоторые статьи в переводе на чеченский язык. Эти публикации позволяли повышать мастерство рабочих-националов, плохо владеющих русским языком. Передовик-нефтяник Ахмат Висаитович Виситаев на страницах отраслевого журнала «Грозненский нефтяник» делится своими соображениями о том, как вовлечь горцев в производство. Он считает, что помимо разъяснительной работы нужно обеспечивать их жилплощадью, удовлетворять культурные и социальные потребности [Висаитов 1931: 26]. В другой статье он предлагает: «Особенно энергично техпропы должны развернуть свою работу среди чеченцев... Широкое развитие технической печати на чеченском языке, как брошюрной, так и газетной, а также низовой печати (листовки, плакаты, теxильчевки, стенки т. п.) является также вопросом огромной политической важности» [Висаитов 1932: 39]. Карьера инженера-нефтяника тоже была успешной. В 1931 году его назначили директором управления по труду и кадрам треста «Грознефть». Одновременно являлся помощником управляющего [РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 17. Ед. хр. 845. Л. 2].

Однако назвать удовлетворительной деятельность ГНИ по вовлечению горцев в обучение вряд ли возможно. «Прослойка чеченцев в институте занимает крайне незначительный процент, – констатирует газета «Грозненский рабочий» в 1931 году. – Из 803 студентов только 17 чел. – горцы Северного Кавказа. Чеченцев еще меньше. Увеличение чеченской прослойки в институте надо

форсировать всеми возможными путями, прежде всего – по линии рабфака» [Чечня – нефть 2022: 369].

Учащиеся школы Горпромуча (Городское промышленное училище) на Старых промыслах написали письмо в редакцию северокавказской краевой комсомольской газеты «Большевицкая смена» «...Набор 1930 года в отношении 140 нацменов не выполнен, – сообщают авторы, – ничего в этом направлении не предпринято. Местные и районные организации, райкомы ВКП(б) и ВЛКСМ, облпромком горняков, кроме вынесения длинных резолюций, ничего не сделали. Культмасабота среди учащихся отсутствует, учащиеся от безделья играют в карты» [Шаблицкий 1931: 68]. Канцелярский стиль письма и знание точных данных о состоянии дел в различных учебных заведениях и промыслах Грозного наталкивают на вывод, что оно написано не студентами, подписавшимися как Нохчинский и Летнев (первое в переводе означает «чеченский»), а функционерами органов, проявлявших в то время большевистскую бдительность. По крайней мере, вызывает сомнение объективность, содержащихся в письме выводов и оценок.

Рейдовая бригада Чеченского обкома ВЛКСМ и краевой молодежной газеты «Большевицкая смена» обратила внимание на недостатки в организации привлечения и подготовки горцев в нефтепромышленность. «Сейчас стоит вопрос о вовлечении в производство, а тем более в учебные заведения националов-чеченцев, – говорилось в отчете. – И с этим делом в Грозном, в центре Чечни также неблагополучно. Среди принятых в текущем осеннем наборе было 120 чеченцев. ...Каков результат обучения чеченцев в школах, видно из следующих данных. Начиная с 1926 года по апрель 1930 года в школы фабзауча и стройуча «Грознефти» было принято 240 подростков чеченцев, что составляет 20, 25 процентов всего количества учащихся. За это же время выбыло из школ 82 чеченца, или 35 % всего их количества» [Шаблицкий 1931: 72–74].

По заключению рейдовой бригады, отсеив учащихся-горцев составляет высокий процент. Так, из 40 чеченцев, принятых в 1926 г. в первый класс школы фабзауча № 3, остались и заканчивают школу только 13, при чем некоторые из них тоже заявляли, что работать по специальности не будут. Из принятых в ту же школу в 1929 году 33 ученика осталось только 22 и каков будет результат к концу учебы через два года, неизвестно. В школу горпромуча из 15 переведенных туда учеников-чеченцев осталось только 4, остальные отсеялись. Особенно большая утечка наблюдалась в школе горпромуча Старых промыслов... Причина крылась, по мнению членов рейдовой бригады, в недостаточной воспитательной, культурно-массовой работе с националами [Шаблицкий 1931: 72].

Проблемы с привлечением горцев в промышленность и учебные заведения прежде всего были вызваны объективными причинами (невысокий уровень грамотности сельского населения, патриархальные привычки и т. д.), но в немалой степени субъективными: нежелание некоторых руководителей брать на себя дополнительные хлопоты по обучению не знающих русский язык горцев, бытовая неустроенность. Конечно, определенным барьером на пути формирования единого многонационального сообщества Грозного как столицы Чечни, а с 1934 года Чечено-Ингушетии, являлись предрассудки, связанные с недав-

ним прошлым периода колонизации региона, гражданской войной, не всегда дальновидной национальной политикой сначала царизма, затем большевизма. Преодолеть накопившееся десятилетиями недоверие друг к другу горцев и переселенцев из российских губерний одними большевистскими призывами и лозунгами не представлялось возможным.

Программа вовлечения горцев в обучение нефтяному делу не всегда получала поддержку и специалистов. В заметке, опубликованной в вузовской многотиражке «За пролетарские кадры», студент ГНИ А. Гелисханов делился, с какими предубеждениями отдельных преподавателей относительно способности «националов» осваивать точные науки столкнулись он и его сокурсники из числа горского населения на подкурсах. «Попасть в высшее учебное заведение всегда было моей мечтой..., – пишет он. – Мы имеем неплохо успевающих студентов-националов, сумевших преодолеть всякие трудности, встречающиеся на пути овладения теоретическими знаниями, и конкретные достижения... Измаилова, Гакаева, Халдиева, Юсупова и других...» [Гелисханов 1935]. Гелисханов призывает взять шефство над «националами» подкурсов, всячески оказывать им помощь в работе. Вузовская газета уделяла много внимания вопросам организации учебы студентов-националов, создания для них необходимых бытовых условий. В одной из публикаций издание указывает на необходимость расширения шефства над рабфаком в силу того, что он является основным поставщиком абитуриентов националов для ГНИ [Гладков 1935]. Во многом благодаря пропаганде газеты, все 11 учащихся-выпускников 1935 года национальной группы рабфака приняли решение продолжить учебу на различных факультетах института [Моллаев 1935]. Тема вовлечения горцев в институт была одной из ведущих на страницах многотиражки. В статье «Организуем набор в ГНИ чеченцев и ингушей» газета отмечает, что из 90 слушателей подготовительных курсов, обучающихся с отрывом от производства, только 16 чеченцев, а на заочных – нет ни одного. По утверждению автора, только широкая профориентационная работа позволит привлечь в институт горскую молодежь [Н.М. 1935].

Однако, некоторые преподаватели и сотрудники-управленцы вуза чинили препятствия студентам-националам. Это случаи не оставались вне поля зрения студенческой газеты. Так, в номере от 23 ноября 1934 года была опубликована подборка писем студентов-чеченцев, которые столкнулись в стенах института с пренебрежительным отношением к себе. Студент М. Эдиев рассказал о предвзятости к националам преподавателя физики К.И. Синюхаевой [Эдиев 1934]. Волоките, созданной управленцем Симоновым при выделении комнаты в общежитии нуждающимся студентам, посвящено письмо студента Хаджалиева. Редакция обратила внимание руководства института «на нечуткое отношение к лучшей части студенчества – чеченцам, Симонова, бюрократическим отношением которого вызывается отсев и без того малого количества чеченцев из института» [Хаджалиев 1934]. Между тем на 1-м съезде нефтяных ВТУЗов страны в Грозном в отчете ГНИ подчеркивалось, что все студенты чеченцы обеспечены общежитием с хорошими бытовыми условиями [В борьбе за нефть 1931: 22].

В постановлении Северокавказского крайкома ВКП(б) от 27 апреля 1932 г. «О состоянии Грозненского нефтяного института» руководству вуза предлага-

лось в осенний призыв 1932 года обеспечить набор в институт чеченцев и других горских национальностей в количестве 150 человек [Минцаев и др. 2021: 21]. Реализация этой программы была сопряжена с большими трудностями. Очевидно, что агитационно-разъяснительная работа в среде горского населения велась недостаточно. Руководство вуза признало это в опубликованной в институтской многотиражке статье: «Наряду с укреплением института мы имеем и ряд недостатков в области подготовки специалистов из коренных национальностей Северо-Кавказского края, и особенно из чеченцев и ингушей. Число студентов – чеченцев и ингушей в нашем институте (из 707 ... только 32 человека)» [Организованно проведем набор 1935]. По информации газеты, до 1934 года был выпущен только один инженер-чеченец А.М. Мациев, а в 1935 – три чеченца и ингуша.

Решить проблему вовлечения в институт горцев можно было только улучшив их подготовку в рабфаке. Анализа успеваемости чеченцев-рабфаковцев позволил автору статьи в «Грозненском рабочем» сделать вывод: «На чеченском отделении рабфака успеваемость 91 проц. Этот процент как нельзя лучше подтверждает лживость, абсолютную необоснованность контрреволюционной теории Знаменского, утверждавшего о «прирожденной умственной отсталости» чеченцев. В добавление характеристики успеваемости чеченцев следует сказать, что они гораздо лучше учатся по родному языку...» [Чечня – нефть 2022: 370].

Установить точное количество и имена чеченцев и ингушей, обучавшихся в системе нефтяных учебных заведений Грозного до 1944 года, сложно. Данные о национальном составе студентов ГНИ начала 1930-х гг. показывают, что на рабочем факультете после студентов русской национальности, хотя и с большим численным отставанием (почти в четыре раза) преобладали студенты-чеченцы – 179 человек [Захираева 2005: 127]. Как отмечает З.А. Захираева, далеко не все рабфаковцы впоследствии продолжали учебу в институте, но явное увеличение доли представителей местных народов в составе учащихся ГНИ было свидетельством их растущего интереса к техническим специальностям, к инженерному образованию. За десять лет с 1929 по 1939 годы диплом инженера по различным специальностям в ГНИ получили 16 чеченцев и ингушей [Минцаев и др. 2021: 22].

Первым чеченцем, получившим диплом инженера в ГНИ, был Ахтан Мациевич Мациев, впоследствии крупный организатор нефтяной промышленности в Чечен-Ингушетии. По его стопам пошли Махмуд Мурдаев, Нажмутдин Ампукаев, Ахияд Цомаев, Муса Веджижев, Хусейн Моллаев, Ахмед Мучаев, Саид Гакаев и др.

По информации, опубликованной в газете «Грозненский рабочий», в 1940 г. из 143 студентов, принятых на первый курс, 7 – чеченцы и ингуши, из них две девушки – Чуликова и Эсенбаева. В 1940 г. в числе 55 выпускников горных инженеров и 50 – инженеров-технологов – 11 чеченцев и ингушей [Рясинцева 1940].

Сведения о большинстве первых чеченских инженерах-нефтяниках практически не сохранились. Чтобы установить их имена, показать их вклад в развитие не только грозненского, но союзного нефтекомплекса, нужна кропотливая и долговременная работа в архивах. Так, пока не удалось найти сведения о тру-

довой деятельности упомянутых в газете ГНИ «За пролетарский кадры» студентов-чеченцев Измаилова [1935, 17 мая], Халдиева [1935, 17 мая], Султанова [1934, 12 ноября]. Поиск материалов продолжается.

Первым чеченцем-преподавателем ГНИ стал Ахмад Мимолатович Багаев – выпускник 1930 г. Ленинградского технологического института по специальности инженер-механик. Он в 1931 г. был приглашен на работу в ГНИ. В 1939 г. решением Высшей аттестационной комиссии был утверждён в учёном звании доцента по кафедре «Технология нефтяного машиностроения и металлов», с 1957 по 1969 г. заведовал данной кафедрой [Иголкин 2005: 137].

По выявленным нами архивным документам удалось установить биографию еще одного чеченца-преподавателя ГНИ Султана Магомедовича Кагерманова. Он родился в 1912 г. в Грозном.

В 1926–1930 гг. обучался в ФЗУ металлистов «Грознефти». По окончании работал токарем в производственных подразделениях «Грознефти», а также параллельно учился на подготовительных курсах Грозненского нефтяного института. В 1931 году зачислен на первый курс технологического факультета. Уже в студенческие годы Султан Магомедович проявил интерес к исследовательской работе. Будучи студентом, одновременно работал инженером-референтом ГрозНИИ. Дипломную работу на тему «Вторичная перегонка крекинг-дистиллята» защитил с оценкой «отлично» [РГАЭ. Ф. 8627. Оп. 24. Ед. хр. 82. Л. 9.], 28 апреля 1937 г. присвоена квалификация инженера химико-технолога по переработке нефти. С 3 сентября 1937 по 15 мая 1938 года являлся главным механиком и помощником директора ГрозНИИ. В журнале «Грозненский нефтяник», в номере 10 1937 года, было помещено фото С.М. Кагерманова с подписью: «Инж.-чеченец тов. Кагерманов, выдвинут пом. директора ГрозНИИ». Временно исполнял обязанности директора ГрозНИИ [РГАЭ. Ф. 8627. Оп. 24. Ед. хр. 82. Л. 6.]. С 15 мая 1938 – начальник вакуумной и контактной установки завода № 3 треста «Грознефтепереработка». 4 сентября 1938 был принят ассистентом кафедры нефтезаводской механики ГНИ. В 1940 г. поступил в аспирантуру по специальности «Переработка на бензин полусухих газов» [РГАЭ. Ф. 8627. Оп. 24. Ед. хр. 82. Л. 29.]. Его научным руководителем стал сам ректор и одновременно заведующий кафедрой, доктор технических наук, профессор А. С. Смирнов. В объяснительной записке индивидуального учебного плана аспиранта С.М. Кагерманова научный руководитель отметил: «Тема диссертационной работы «Переработка на бензин полусухих газов» весьма актуальна, т. к. относится к газам Азербайджана, Северокавказских месторождений (Горскнефть, Малгобекнефть и др.). Проблема извлечения газбензина из тощих газов находится в стадии разрешения» [РГАЭ. Ф. 8627. Оп. 24. Ед. хр. 82. Л. 29.]. В сентябре 1942 года Кагерманов был назначен заведующим кафедрой нефтезаводской механики ГНИ.

Таким образом, начиная со второй половины 1930-х годов стала складываться прослойка чеченских и ингушских инженерно-технических работников. Ряды инженеров пополнялись из рабочих. К концу второй пятилетки из 28 244 промышленных рабочих Чечено-Ингушетии 14,6 % составляли чеченцы и ингуши [Дьяченко 1991: 138]. С каждым годом увеличивалось число студентов

коренной национальности в Грозненском нефтяном институте, техникумах, училищах. Соответственно менялся национальный состав пролетариата и инженерно-технического персонала г. Грозного в сторону увеличения в нем доли коренных народов.

Процесс привлечения горской молодежи в вузы был прерван в результате насильственного переселения в 1944 году. Но опыт и знания чеченских и ингушских специалистов нефтяной промышленности все-таки оказались востребованными в ходе освоения нефтяных месторождений в Казахстане. В сентябре 1944 г. Наркомнефть принимает решение о мобилизации спецпереселенцев-нефтяников из различных районов Киргизской и Казахской ССР для работы в «Казнефтекомбинате» г. Гурьева. Около ста семей специалистов, ранее работавших в нефтяной промышленности ЧИАССР, были переселены в район нового нефтяного месторождения.

Итогом реализации политики коренизации явилось то, что к концу периода создания фундамента социализма в Чечено-Ингушетии была сформирована прослойка инженерно-технических работников, хотя и немногочисленная, но достаточно активная. Это позволила вырастить специалистов, которые стали играть видную роль в индустриализации республики, выдвинулись на руководящие должности как на производстве, так и в государственных и общественных учреждениях.

Заключение

Создание национального пролетариата и инженерного корпуса в период социалистической модернизации национальных окраин, позволило, с одной стороны, поднять экономику Чечено-Ингушетии, реформировать социальную структуру горского общества, поднять общественно-политический и культурный уровень чеченцев и ингушей. Рабочие – выходцы из аулов, помогали крестьянам поднимать и отсталое сельское хозяйство. Перевод хозяйства на индустриальную основу было одно из важнейших условий создания экономической базы социализма в автономиях. С другой стороны, привлечение представителей коренной национальности в грозненскую промышленность изменило этническую структуру населения Грозного, ставшего в 1928 году областным центром Чеченской автономной республики, а с 1934-го – Чечено-Ингушской.

Формирование слоя национальных рабочих кадров и специалистов, внимание со стороны регионального руководства, внедрение новой техники, в том числе и отечественного производства, и современных способов нефтедобычи и бурения обеспечили бурный рост нефтяной промышленности Чеченского нефтерайона [Сулумов 2021: 64]. К этому периоду чечено-ингушская нефтяная промышленность заняла одно из ведущих мест в СССР, а по некоторым видам продукции стала единственной.

Ведущую роль в подготовке рабочих-нефтяников и инженерно-технических работников из числа чеченцев и ингушей сыграла система местных нефтяных учебных заведений от рабочих курсов до Грозненского нефтяного института. Можно утверждать, что к началу 1940-х годов в Грозном уже сложилась достаточно значительная прослойка рабочих и инженерно-

технических работников коренной национальности, многие из которых стали настоящими профессионалами, известными на всю страну передовиками производства. Стали даже появляться династии чеченских нефтяников

К сожалению, принудительное переселения всего народа в Среднюю Азию и Казахстан в 1944 г. прервало этот явно прогрессирующий процесс.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

В борьбе за нефть 1931 – *В борьбе за нефть*. 1-й Всесоюзный слет нефтяных ВТУЗов в Грозном. – Баку, 1931. – 364 с.

Висаитов 1931 – *Висаитов А.* Создадим кадры чеченского пролетариата // Грозненский нефтяник. – 1931. – № 6–7. – С. 26.

Висаитов 1932 – *Висаитов А.* Покончить с недооценкой техпропаганды: развернуть работу среди чеченцев // Грозненский нефтяник. – 1932. – № 7–8. – С. 39.

Володин 1928 – *Володин*. Готовятся инженеры, врачи и агрономы чеченцы Грозненский рабочий. – 1928, 26 апреля.

ГАРФ – *Государственный архив Российской Федерации*.

Гелисханов 1935 – *Гелисханов А.* Ленинско-сталинская национальная политика дала мне возможность учиться // За пролетарские кадры. – 1935, 17 мая.

Гладков 1935 – *Гладков*. О шефской работе ГНИ над рабфаком // За пролетарские кадры. – 1935, 19 марта.

Гонта 1931 – *Гонта Т.* Героям Грозного – «Орден Ленина». – М.: Профиздат, 1931. – 120 с.

Горспрофобр 1922 – *Горспрофобр*. О Грозненском нефтяном практическом институте // Горская правда. – 1922, 16 июля.

Грозненский нефтяной 2021 – *Грозненский нефтяной технический университет имени академика М.Д. Миллионщикова (1920–2020)* / М.Ш. Минцаев, (отв. Ред.), И.Г. Гайрабеков, Б.А. Григорьев, Ш.Ш. Заурбеков, Ш.К. Идилов, И.А. Ибрагимов, Д.С. Курумов, Л. Ш. Мачукаева, С.-А.Ю. Муртазаев, Р.Р. Салгириев, С.-Э.А. Хасиев. – Грозный, 2021. – 228 с.

Гутиева, М. А. Политика коренизации кадров и особенности ее реализации на Северном Кавказе в 1920-1930-е гг / М. А. Гутиева // Гуманитарные и социальные науки. – 2011. – № 1. – С. 2–7.

Даукаев 2023 – *Даукаев А.А.* Нефтегазовая отрасль Чеченской Республики: история и современность (к 130-летию промышленной добычи нефти) // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Естеств. науки. – 2023. – № 3. – С. 93–99.

Джамбулатова 1974 – *Джамбулатова З.К.* Культурное строительство в Советской Чечено-Ингушетии (1920–1940 годы). – Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1974. – 233 с.

Джафаров 1999 – *Джафаров К. И.* История техники и технологии нефтяного дела на Северном Кавказе: дисс. ... д-ра техн. наук. – М., 1999. – 415 с.

Джафаров 2023 – *Джафаров К.И., Джафаров А.К.* О грозненском нефтяном деле. Грозненской нефтяной промышленности 130 лет (1893–2023 гг.). – 2023. // Электронный ресурс. Режим доступа: https://neftegas.info/articles/article/72_29.03.2024_3:27 (Дата обращения 01.10.2024 г.)

Дьяченко 1991 – *Дьяченко Л.Н.* Исторический опыт подготовки национальных кадров рабочего класса в Северной Осетии и Чечено-Ингушетии // Проблемы Отечественной истории. – М., 1991. – Вып. 1. – С. 134–154.

Захираева 2005 – *Захираева З.А.* Техническое оснащение и кадровое обеспечение нефтегазовой промышленности СССР в 1920-1930-е гг. (на материалах Чечни и Ингушетии): дис. канд. ист. наук. – Пятигорск, 2008. – 175 с.

Захираева 2007 – *Захираева З.А.* Грозненская школа нефтяников и ее роль в восстановлении и развитии Грозненского нефтеносного района (1920 - начало 1940-х гг.): социалисти-

ческое строительство, «Коренизация кадров» и репрессии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2007. – № 3. – С. 106.

Иголкин 2005 – *Иголкин А.А.* Нефтяная политика СССР в 1928-1940-м годах. – Москва: ИЦ Ин-та рос. истории РАН, 2005. – 261 с.

Керимов 2021 – *Керимов И.А., Мачукаева Л.Ш.* Роль Грозненского нефтяного института в реализации политики коренизации кадров нефтяной промышленности Северного Кавказа (1920 – начало 40-х гг.) // Вестник Академии наук Чеченской Республики. – 2021. № 2 (53). – С 48–55.

Костецкий 1941 – *Костецкий И.* Кадры командиров нефтяной промышленности // Грозненский рабочий. – 1941, 30 мая.

Моллаев 1935 – *Моллаев Х.* Организованно пойдем в ГНИ // За пролетарские кадры. – 1935, 19 марта.

Н.М. 1935 – *Н.М.* Организуем набор в ГНИ чеченцев и ингушей // За пролетарские кадры. – 1935, 8 марта.

Организованно проведем набор 1935 – *Организованно проведем набор студентов в 1935 г. Б/а.* // За пролетарские кадры. – 1935, 8 марта.

РГАЭ – *Российский государственный архив экономики.*

Рясинцева 1940 – *Рясинцева Н.* Начало учебного года в вузах // Грозненский рабочий. – 1940, 5 сентября.

Скорыходов 1937 – *Скорыходов А.В.* Грозненская нефтяная промышленность к XX годовщине Октября // Грозненский нефтяник. – 1937. – № 10. – С. 5–15.

Стерч-Кертычка 1931 – *Стерч-Кертычка – первый рабочий город горной Чечни. Б/а.* // Грозненский нефтяник. – 1931. – № 4–5. – С. 114.

Сулумов 2021 – *Сулумов З.Х.* Становление и развитие нефтяной промышленности Чечни (XIX-XX вв.): монография. – Грозный: ЧГПУ; Махачкала: АЛЕФ, 2021. – 166 с.

Хаджалиев 1934 – *Хаджалиев.* Помогите остаться на учебе (Письмо студента-чеченца) // За пролетарские кадры. – 1934, 23 ноября.

Чамров 1931 – *Чамров Ф.* Победа нефтяников – победа генеральной линии партии // Грозненский нефтяник. – 1931. – № 6–7. – С. 6–10.

Чечня – нефть 2022 – *Чечня – нефть: История нефтяной промышленности. 1920–1930-е годы /* Сост Д. Мурдалов. – Ridero, 2022. – 548 с.

Шаблицкий 1931 – *Шаблицкий А., Попов В.* Возьмем нефтяной перекоп: Поход за черное золото Грозненского комсомола (К XI съезду ВЛКСМ). – Ростов-на-Дону; Северный Кавказ, 1931. – 140 с.

Эдиев 1934 – *Эдиев М.* Вам «неуд» (Письмо студента-чеченца) // За пролетарские кадры. – 1934, 23 ноября.

REFERENCES

V bor'be za neft'. 1-y Vsesoyuznyy slet neftyanykh VTUZov v Groznom [In the fight for oil. 1st All-Union meeting of oil higher technical educational institutions in Grozny]. – Baku, 1931. – 364 p. (In Russ.).

VISAITOV A. *Sozdadim kadry chechenskogo proletariata* [Let us create a cadre of the Chechen proletariat]. In: *Groznenskiy neftyanyk*. – 1931. – № 6–7. – P. 26. (In Russ.).

Groznenskiy neftyanyy tekhnicheskyy universitet imeni akademika M.D. Millionshchikova (1920-2020) [Grozny Petroleum Technical University named after Academician M.D. Millionshchikov (1920-2020)] / M.SH. Mintsayev, (Otv. red.), I.G. Gayrabekov, B.A. Grigor'yev, SH.SH. Zaurbekov, SH.K. Idilov, I.A. Ibragimov, D.S. Kurumov, L.SH. Machukayeva, S.-A.YU. Murtazaev, R.R. Salgiriyev, S.-Ye.A. Khasiyev. – Grozny, 2021. – 228 p. (In Russ.).

GLADKOV. *O shefskoy rabote GNI nad rabfakom* [On the patronage work of the State Scientific Inspectorate over the workers' faculty]. In: *Za proletarskiye kadry*. – 1935, March 19. (In Russ.).

GONTA T. *Geroyam Groznogo – «Orden Lenina»* [To the Heroes of Grozny - "Medal of Lenin"]. – Moscow: Profizdat, 1931. – 120 c. (In Russ.).

O Groznenskom neftyanom prakticheskom institute [About the Grozny Oil Practical Institute] No author // *Gorskaya pravda*. – 1922, July 16. (In Russ.).

GUTIEVA M. A. *Politika korenizatsii kadrov i osobennosti yeye realizatsii na Severnom Kavkaze v 1920-1930-ye gg* [Policy of Korenization of Personnel and Features of its Implementation in the North Caucasus in 1920-1930s]. In: *Humanities and Social Sciences*. – 2011. – № 1. – Pp. 2-7.

DAUKAYEV A.A. *Neftegazovaya otrasl' Chechenskoj Respubliki: istoriya i sovremennost' (k 130-letiyu promyshlennoj dobychi nefti)* [Oil and gas industry of the Chechen Republic: history and modernity (on the 130th anniversary of industrial oil production)]. In: *Izv. vuzov. Sev.-Kavk. region. Yestestv. nauki*. – 2023. – № 3. – P. 93–99. (In Russ.).

DZHAMBULATOVA Z.K. *Kul'turnoye stroitel'stvo v Sovetskoj Checheno-Ingushetii (1920–1940 gody)* [Cultural construction in Soviet Chechen-Ingushetia (1920–1940)]. – Grozny: Chech.-Ing. kn. izd-vo, 1974. – 233 p. (In Russ.).

DZHAFAROV K.I. *Istoriya tekhniki i tekhnologii neftyanogo dela na Severnom Kavkaze* [History of engineering and technology of oil business in the North Caucasus]: Diss. ... d-ra tekhn. nauk. Moscow, 1999. – 415 p. (In Russ.).

DZHAFAROV K.I., DZHAFAROV A.K. *O groznenskom neftyanom dele. Groznenskoj neftyanoy promyshlennosti 130 let (1893–2023 gg.)* [About the Grozny oil business. Grozny oil industry is 130 years old (1893–2023)]. – 2023. <https://neftegas.info/articles/article/72> 29.03.2024 3:27. (In Russ.).

D'YACHENKO L.N. *Istoricheskiy opyt podgotovki natsional'nykh kadrov rabocheho klassa v Severnoy Osetii i Checheno-Ingushetii* [Historical experience of training national cadres of the working class in North Ossetia and Checheno-Ingushetia] / *Problemy Otechestvennoy istorii*. – Moscow, 1991. – Issue 1. – P. 134–154. (In Russ.).

ZAKHIRAYEVA Z.A. *Tekhnicheskoye osnashcheniye i kadrovoye obespecheniye neftegazovoy promyshlennosti SSSR v 1920-1930-ye gg. (na materialakh Chechni i Ingushetii)* [Technical equipment and personnel support of the oil and gas industry of the USSR in the 1920s-1930s (based on materials from Chechnya and Ingushetia)]: dissertation of a candidate of historical sciences. – Pyatigorsk, 2008. – 175 p. (In Russ.).

ZAKHIRAYEVA Z.A. *Groznenskaya shkola neftyanikov i yeye rol' v vosstanovlenii i razvitii Groznenskogo neftenosnogo rayona (1920 - nachalo 1940-kh gg.): sotsialisticheskoye stroitel'stvo, «Korenizatsiya kadrov» i repressii* [Grozny school of oil workers and its role in the restoration and development of the Grozny oil region (1920 - early 1940s): socialist construction, "Indigenization of personnel" and repressions]. In: *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii*. – 2007. – № 3. – P. 106. (In Russ.).

IGOLKIN A.A. *Neftyanaya politika SSSR v 1928-1940-m godakh* [Oil policy of the USSR in 1928-1940.]. - Moskva: Informatsionnyy tsentr instituta rossiyskoj istorii RAN, 2005. –261 p. (In Russ.).

KERIMOV I.A., MACHUKAYEVA L.SH. *Rol' Groznenskogo neftyanogo instituta v realizatsii politiki korenizatsii kadrov neftyanoy promyshlennosti Severnogo Kavkaza (1920 – nachalo 40-kh gg.)* [The role of the Grozny Oil Institute in the implementation of the policy of indigenization of personnel in the oil industry of the North Caucasus (1920 - early 40s)]. In: *Vestnik Akademii nauk Chechenskoj Respubliki*. – 2021. № 2 (53). – P. 48-55. (In Russ.).

KOSTETSKIY I. *Kadry komandirov neftyanoy promyshlennosti* [Cadres of commanders of the oil industry]. In: *Groznenskiy rabochiy*. – 1941, May 30. (In Russ.).

MOLLAYEV KH. *Organizovanno poydem v GNI* [We will enter the Grozny Oil Institute in an organized manner]. In: *Za proletarskiye kadry*. – 1935, March 19.

N.M. *Organizuyem nabor v GNI chechentsev i ingushey* [We organize recruitment of Chechens and Ingush to the Grozny Oil Institute]. In: *Za proletarskiye kadry*. – 1935, March 8. (In Russ.).

Organizovanno provedem nabor studentov v 1935 g. [We will conduct an organized recruitment of students in 1935]. No author. // *Za proletarskiye kadry*. – 1935, March 8. (In Russ.).

Russian State Archive of Economics.

RYASINTSEVA N. *Nachalo uchebnogo goda v vuzakh* [Beginning of the academic year in universities]. In: *Groznenskiy rabochiy*. – 1940, September 5. (In Russ.).

SKOROKHODOV A.V. *Groznenskaya neftyanaya promyshlennost' k XX godovshchine Oktyabrya* [Grozny oil industry to the 20th anniversary of October]. In: *Groznenskiy neftyanik*. – 1937. – № 10. – P. 5–15. (In Russ.).

Sterch-Kertychka – pervyy rabochiy gorod gornoy Chechni. No author. [Sterc-Kertichka – the first working town of mountainous Chechnya]. In: *Groznenskiy neftyanik*. – 1931. – № 4–5. – P. 114. (In Russ.).

SULUMOV Z.KH. *Stanovleniye i razvitiye neftyanoy promyshlennosti Chechni (XIX-XX vv.)* [Formation and development of the oil industry in Chechnya (19th-20th centuries)]: monograph. – Grozny: CHGPU; Makhachkala: ALEF, 2021. – 166 p.

KHADZHALIYEV. *Pomogite ostat'sya na uchebe (Pis'mo studenta-chechentsa)* [Help me stay in school (Letter from a Chechen student)]. In: *Za proletarskiye kadry*. – 1934, November 23. (In Russ.).

CHAMROV F. *Pobeda neftyanikov – pobeda general'noy linii partii* [Victory of the oil workers is a victory of the general line of the party]. In: *Groznenskiy neftyanik*. – 1931. – № 6–7. – P. 6–10. (In Chechen).

Chechnya – neft': Istoriya neftyanoy promyshlennosti. 1920–1930-ye gody [Chechnya – Oil: History of the Oil Industry. 1920–1930s] / Comp. D. Murdalov. – Ridero, 2022. – 548 p. (In Russ.).

SHABLITSKIY A., POPOV V. *Voz'mem neftyanoy perekop: Pokhod za chernoye zoloto Groznenskogo komsomola (K XI s"yezdu VLKSM)* [Let's take the oil dig: The Grozny Komsomol's campaign for black gold (To the 11th Congress of the Komsomol)]. – Rostov-na-Donu; Severnyy Kavkaz, 1931. – 140 p. (In Russ.).

EDIYEV M. *Vam «neud» (Pis'mo studenta-chechentsa)* [You get a “fail” (Letter from a Chechen student)]. In: *Za proletarskiye kadry*. – 1934, November 23. (In Russ.).

Информация об авторах

М.М. Мурдалов – соискатель.

Л.А. Турпалов – доктор филологических наук, доцент.

Information about the authors

M.M. Murdalov – applicant.

L.A. Turpalov – Doctor of Philological Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.09.2024 г.; одобрена после рецензирования 12.12.2024 г.; принята к публикации 27.12.2024 г.

The article was submitted 25.09.2024; approved after reviewing 12.12.2024; accepted for publication 27.12.2024.

Научная статья
УДК 94(47).084.8
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-127-138
EDN: JLTNMJ

ОБРАЗ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В КОЛЛАБОРАЦИОНИСТСКОЙ ПРЕССЕ НА ОККУПИРОВАННЫХ СОВЕТСКИХ ТЕРРИТОРИЯХ (1942-1943 ГГ.)

Азамат Амурович Татаров

Кабардино-Балкарский государственный университет им Х.М. Бербекова,
Россия, Нальчик, traveller9090@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3626-3913>

Аннотация. В статье изучаются данные коллаборационистских (прогерманских) газет на оккупированных советских территориях, отражающие военные действия, историческую и экономическую проблематику в контексте Северного Кавказа. Летом и осенью 1942 г. идея захвата вермахтом богатого ресурсами региона на юге СССР служила мощным инструментом нацистской пропаганды для убеждения советских граждан в неизбежности победы Германии. Газеты сообщали о взятии городов и стратегических позиций, потерях советских войск, природных и экономических ресурсов, «освободительной миссии» вермахта для народов Кавказа, наступлении нового этапа в его истории. Однако зимой 1943 г. поспешное отступление немцев с Северного Кавказа осталось практически незамеченным в газетных рубриках. В результате этот участок фронта был выведен из ресурсного поля нацистской пропаганды.

Ключевые слова: Северный Кавказ, коллаборационистские газеты, военные действия, экономика, история.

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ. Проект № 23-28-00326 «Великая Отечественная война: боевые действия, тыл, власть, социум. Региональный аспект: на материалах Северного Кавказа».

Для цитирования: Татаров А.А. Образ Северного Кавказа в коллаборационистской прессе на оккупированных советских территориях (1942-1943 гг.) // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 4. – С. 127-138. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-127-138. EDN: JLTNMJ.

© Татаров А.А., 2024

Original article

THE NORTH CAUCASUS AS AN IMAGE IN COLLABORATIONIST PRESS OF THE OCCUPIED SOVIET TERRITORIES (1942-1943)

Azamat A. Tatarov

Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik,
Russia, traveller9090@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3626-3913>

Abstract. The paper examines data from pro-German newspapers in the occupied Soviet territories reflecting military operations, historical and economic issues in the context of the North Caucasus. In the summer and fall of 1942, the idea of the Wehrmacht capturing a resource-rich re-

gion in a south part of the USSR served as a powerful tool for Nazi propaganda to convince Soviet citizens of the inevitability of Germany's victory. Newspapers reported on the capture of cities and positions, losses of Soviet troops, natural and economic resources, the Wehrmacht's liberation mission for the peoples of the Caucasus, and the beginning of a new stage in its history. However, in the winter of 1943, the hasty retreat of the Germans from the North Caucasus went virtually unnoticed in reports. Consequently, Nazi propaganda ignored this sector of the front.

Keywords: North Caucasus, collaborationist newspapers, military actions, economy, history.

Acknowledgements and funding: The study was carried out with the financial support of the Russian National Fund. Project No. 23-28-00326 "The Great Patriotic War: military operations, rear, government, society. The regional aspect: based on the materials of the North Caucasus."

For citation: Tatarov A.A. The North Caucasus as an image in collaborationist press of the occupied soviet territories (1942-1943). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 4. – P. 127-138. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-127-138. EDN: JLTNMJ.

© Tatarov A.A., 2024

Введение

В 1941-1944 гг. в подконтрольной нацистской Германии части СССР выпускалось более 260 коллаборационистских газет и журналов преимущественно на русском языке [Грибков, Молчанов 2007: 143]. Несмотря на то, что мы лишены возможности оценить восприятие советским населением материалов прогерманской прессы, изучение последней позволяет глубже реконструировать и понять структуру, направления, динамику нацистской пропаганды касаясь широкого круга вопросов.

В советской историографии существовали политико-идеологические ограничения, которые не позволяли историкам проводить специальные исследования по анализу текстов коллаборационистской прессы, которая издавалась на оккупированных нацистами советских территориях и была нацелена на антисоветскую пропаганду. После распада СССР в отечественной науке наблюдается активная интеграция данного типа исторических источников в исследовательское пространство.

Российские историки концентрируются на нескольких направлениях. Одни из них обращаются к раскрытию общих характеристик периодической печати на оккупированных советских территориях [Грибков, Молчанов 2007; Грибков 2016; Рубанова 2015]. На другом направлении материалы прессы изучаются в рамках проблемы нацистской пропаганды на отдельных территориях [Доронина 2012; Ковалев 1993; Нечай 2016]. Ряд авторов обращается к структурно-контекстному анализу отдельных коллаборационистских газет [Романько 2019; Терешина 2013].

Наконец, на одном из новейших направлений развиваются исследования, нацеленные на анализ определённых тем на материалах одной или нескольких газет: антисемитизм, образ территориального пространства, религиозно-этнический фактор, история церкви [Асташкин 2014; Ковалев, Кулик 2020; Ковалев, Кулик 2022; Ковалев, Феферман 2020; Терешина 2015].

Последняя исследовательская модель может считаться недооцененной. Несмотря на определенную географическую локализацию – судя по некоторым данным, газеты охватывали определённую оккупированную область и не покидали ее пределы [Романько 2011: 108] – вся коллаборационистская пресса подчинялась общим правилам и рекомендациям, определяемым в Германии. Военные сводки, один из наиболее ключевых элементов пропаганды, переводились на русский язык из немецких газет, а адаптированные тексты и авторские статьи имели немало общих черт. Это открывает ряд преимуществ. Имея различную массовость тиража и сохранность подшивки номеров, газеты компенсируют друг друга, если речь идёт об отдельной концептуальной единице пропаганды. В случае динамичного события, например, военной операции, возникает перспектива проследить его хронологию на основе взаимного дополнения текстов.

Тема данной статьи обращена к некоторым из аспектов проблемной единицы «Северный Кавказ» – боевые действия, а также представленные в газетах в меньшей степени темы «экономика» и «история». Актуальность изучения проблемы сопряжена с сегодняшними тенденциями в информационном пространстве и задачей сохранения памяти о Великой Отечественной войне. Цель исследования – на основе метода тематического анализа выявить пропагандистский образ Северного Кавказа на материалах русскоязычных коллаборационистских газет. Хронологические рамки, июль 1942 – февраль 1943 гг., учитывают наиболее интенсивный этап исследуемой тематической пропаганды. Эмпирическая база охватывает коллаборационистскую печать различных оккупированных советских территорий. Для демонстрации использованы номера газет «Пятигорское эхо» (с декабря 1942 г. – «Кавказский вестник»), «Речь» (Орел), «За Родину» (Псков), «Северное слово» (Ревель) и «Новый путь» (Борисов).

Ключевые военные действия

Военные сводки, которые зачастую являлись переводом сообщений германского военного командования, являются наиболее схожим по содержанию элементом различных газет. Другое сходство состоит в том, что основные всплески активности пропаганды были связаны с успехами немецко-фашистских войск на Северном Кавказе (взятие населенных и опорных пунктов). В таких случаях информация часто подавалась с небольшими изменениями текста в нескольких статьях на первой и других страницах номеров для максимального эффекта воздействия на читателя.

В первые две недели битвы за Кавказ наступление войск немецко-фашистских войск было практически непрерывным. Захват важных объектов, особенно городов, сопровождался выходом статей с кратким описанием хронологии. Так, 26 июля 1942 г. на передовице газете «Речь» сообщалось о падении Ростова-на-Дону: «Германские сухопутные войска, отряды СС и словацкие соединения, блестяще поддержанные авиацией, прорвали по всему фронту сильно и глубоко расчлененные оборонительные позиции противника под Ростовом и после ожесточенных боев взяли штурмом этот город» [Ростов пал 1942: 1].

Первые успехи под Ростовом, Новочеркасском и Батайском тесно связывались с применением германской техники: «Сильные атаки нашей авиации сыг-

рали особую роль в подавлении вражеского сопротивления южнее Ростова. Днем и ночью... продолжались воздушные атаки против коммуникаций, переправ и военно-воздушных баз большевиков» [Дальнейшее 1942: 1].

Подобная лексика использовалась на фоне продвижения линии фронта в сторону Кубани и Терека. Наиболее насыщенные информацией газетные выпуски, посвященные боевым действиям на Кавказе, пришлось на август 1942 г. Достаточно взглянуть на названия статей на передовице издания «Речь» – «Стремительное продвижение германских войск на юге. Ворошиловск и Кропоткин взяты германскими войсками» (1942. 7 августа), «Грандиозные успехи германских и союзных войск на Кубани и Кавказе. Взяты города: Армавир, Ейск, Тихорецк, Краснодар, Майкоп, Пятигорск, Славянская» (1942. 14 августа), «Германскими войсками занят главный город Калмыкии¹ – Элиста. Черноморское побережье Кавказа под ударами германской авиации» (1942. 16 августа).

Символическим ресурсом, который активно использовался пропагандой для демонстрации начальных успехов вермахта, стала экспедиция немецких горнострелковых частей на Эльбрус. Об этом сообщалось в газете «Речь»: «21 августа в 11 часов дня одна германская высокогорная альпийская часть водрузила на Эльбрусе (5630²), самой высокой вершине Кавказского хребта, имперский военный флаг» [От Верховного 1942: 1].

В статье издания «Новый путь» говорилось: «На Кавказе германские войска, продолжая свое наступление, действуют уже в высокогорной зоне. Непреступные кавказские горы, в которых рассчитывали укрыться отступившие с Северного Кавказа советские войска, были преодолены германскими горными войсками... На высочайшей вершине Кавказа – Эльбрусе – среди вечных снегов уже гордо реет германское знамя, водруженное баварскими горными стрелками» [Под Сталинградом 1942: 1]. Стратегического значения контроль над массивом Эльбруса не имел, так как немецкие горнострелковые части не смогли выйти в тыл советской 37-й армии через Баксанское ущелье.

С другой стороны, пресса конструировала образ обреченности черноморских портов. В газете «Северное слово» перечислялись потери советского флота в районе Анапы, Новороссийска и Туапсе с 1 по 21 августа 1942 г.: «1 истребитель, 22 каботажных судна, 1 транспорт в 4000 брт.³, 12 торговых пароходов в 16700 брт., ... три баржи», а также десятки других поврежденных объектов [Решительная 1942: 2]. Названия статей звучали с опережающим эффектом. Так, несмотря на то что Новороссийск не был захвачен полностью, в газете «Речь» вышла статья «Новороссийск пал» (1942. 9 сентября).

В сентябре–октябре 1942 г. военные сводки газет регулярно освещали бои на Тереке и его притоках. На первые страницы газет попадали сведения о взятии населенных пунктов в Кабардино-Балкарии и в Северной Осетии (Терек,

¹ К августу 1942 г. в планах Германии было создание так называемого рейхскомиссариата Кавказ в который включалась и Калмыкия.

² Современные данные – 5642 м. В середине XX в. считалось, что триангуляционная точка западного пика Эльбруса составляет 5630 м. Немецкая экспедиция не смогла установить флаг на самой высокой позиции с первого раза, 21 августа. Миссия была достигнута 7 сентября 1942 г.

³ Брутто-регистрационные тонны, показывающие вместимость судна.

Дейское, Пришибская, Владимировский, Эльхотово, Верхний Курп и др.). Захват Малгобека «частями армии и войск СС в важном нефтяном районе был осуществлен «несмотря на неблагоприятную погоду в трудных условиях местности» [На Кавказе 1942: 1].

Захват Нальчика немецко-румынскими войсками 28 октября 1942 г., отмечалось в газете «За Родину», привел к тому, что оборонявшиеся силы «были окружены и уничтожены» [Приступом 1942: 1]. 1 ноября 1942 г. в «Пятигорское эхо» сообщалось: Взятием города Нальчика показаны очередные большие успехи новых немецких наступательных операций. После уничтожения нескольких дивизий южнее Баксана предстала вторая котловина, у подножия высоких гор Кавказа, в которой нашла на время убежище значительная вражеская армия. Уничтожение ее, отошедшей в лесные массивы, уже началось» [Сообщение 1942: 1]. Однако, в действительности части 37-й армии, оборонявшей Кабардино-Балкарию, смогли вовремя эвакуироваться через Баксанское и Черекское ущелья, а в январе 1943 г. сыграть ведущую роль в освобождении республики.

Осенью 1942 г., в отличие от августа, нацистская пропаганда испытывала дефицит ресурсов, который рос вместе с неспособностью немецко-фашистских войск прорваться к Грозному и Баку. Поэтому приближение линии фронта к Орджоникидзе (ныне – Владикавказ) в первых числах ноября 1942 г. вызвало в прессе заметное оживление. В газете «Северное слово» отмечалось, что Германия продолжает «успешные атаки в районе Военно-Осетинской и Военно-Грузинской дорог» [Успешные 1942: 3], хотя уже 6 ноября войска немецкой 1-й танковой армии начали отступление, так и не сумев приблизиться к ключевым коммуникациям между Северной Осетией и Грузией. В дальнейшем в газетах приводились сообщения о том, к северо-востоку от Моздока немцы сдерживают наступающие советские войска.

На левом фланге советской обороны ситуация радикально не менялась после неудачных попыток немецко-румынских войск овладеть Туапсе в сентябре-октябре 1942 г. Тем не менее, в газете «Пятигорское эхо» 1 ноября 1942 г. отмечалось, что советские войска уже не справляются с трудными условиями боев и несут «чрезвычайные потери». С улучшением погоды «немецкая авиация успешно продолжала свой налет на порт Туапсе и на передвижение советских судов вдоль Черноморского побережья» [Сообщение 1942: 1].

С середины ноября 1942 г. в газетах приводились все более краткие данные о боях за позиции под Туапсе, на р. Терек и ее притоках. В текстах просматривается снижение плотности сообщений, которые носили все более общий и менее динамичный характер. Периодически приводились потери наступающих советских войска. В газете «Северное слово» 11 декабря 1942 г. сообщалось: «В продолжающихся боях на участке Терека одним германским танковым корпусом за последнюю неделю взято 6.570 пленных, захвачено или уничтожено 46 броневых машин, 94 орудия и много разного оружия» [Контрнаступление 1942: 2].

Следующий год сулил войскам Германии и ее союзников катастрофу под Сталинградом и спешное отступление кавказской группировки войска к Таманскому полуострову. Начался сложный этап для нацистской пропаганды. В ян-

варе-феврале 1943 г. нередко применялась формула о численном преимуществе советских войск на Кавказе и их «громадных потерях» в ходе наступления. В газете «Северное слово» район Терека исчезает из военных сводок с 15 января. При этом не давалось комментариев о том, какие основные позиции были потеряны немецко-фашистскими войсками. Спустя почти две недели появляется пояснение: «В порядке планомерного сокращения и выпрямления южной части фронта бои перенесены с Северного Кавказа в район реки Кубань» [Бои 1943: 2]. Основной акцент внимания перемещается на его северо-запад и область «между Кавказом и Доном». Несмотря на состоявшееся еще 12 февраля освобождение главного города Кубани, спустя неделю в газете «Речь» сообщалось, что «в районе Краснодара неприятельские атаки повсюду не имели успеха» [Тяжелые 1943: 1].

Экономика

С взятием городов и переходом военных действий в те или иные регионы Северного Кавказа в коллаборационистской прессе появлялись статьи, описывавшие экономические блага, которые завоевывались вместе с территориями Германией и одновременно терялись Советским Союзом. 26 июля в газете «Речь» вышла статья «Ростов», в которой были отмечены стратегическая важность речного порта с большой пропускной способностью и потеря советской властью контроля над нефтепроводом из Северного Кавказа в Донбасс [Ростов 1942: 1].

В газете «Речь» Краснодар назывался крупным центром военной, металлургической, нефтяной, пищевой промышленности. Взятие майкопского нефтяного района стало «невозместимой утратой» для СССР, а Пятигорск сулил Германии доступ к целебным минеральным источникам, санаториям, сельскохозяйственным ресурсам, кондитерской промышленности и т.д. [Как были 1942: 4].

На страницах газеты «Северное слово» нашлось место обзору экономических благ, захваченных на рубеже октября–ноября 1942 г. территорий Кабардино-Балкарии, и близлежащих горных ущелий – курортный потенциал и пищевая промышленность Нальчика, вольфрамомолибденовые месторождения в Тырныаузе. Отмечалось, что советская экономика отныне лишается ценных ресурсов [Нальчик 1942: 2].

Еще более подробная статья о Кабардино-Балкарии вышла в газете «Кавказский вестник». Здесь отмечалось, что «[п]рирода щедро одарила недра Кабардино-Балкарии разнообразными... полезными ископаемыми», которые «представляют в ряде случаев большую ценность в смысле практического использования». Среди ресурсов выделялись с описанием их свойств железохромоникелевые руды, полиметаллические месторождения (в особенности вольфрам и молибден), каменный уголь [Кабардино-Балкария 1942: 2].

Летом–осенью 1942 г. выходило множество материалов, предвосхищавших скорый переход экономического потенциала всего Кавказа под немецкий контроль. К примеру, в газете «Северное слово» статья «Поверхность и климат Кавказа» (1942. 29 августа) знакомит читателя с температурными показателями,

особенностями горной системы и дорожными путями, «Нефть» рассказывает о колоссальных запасах советской нефти в районе Майкопа, Баку и Грозного (1942. 1 сентября), «Новороссийск и Батум» выделяет значение черноморских портов в транспортировке нефти (1942. 1 сентября) и т.д.

Наиболее обстоятельно промышленность и сельское хозяйство Северного Кавказа отражены в местной коллаборационистской прессе. При этом нацистская пропаганда придерживалась принципа критики советской экономической политики. Так, в газете «Пятигорское эхо» отмечалось, что «система организации пищевой политики, несмотря на ее рентабельность, большевиками была забракована» [Больше внимания 1942: 1]. Также материалы подробно раскрывали вопросы о потенциале разных отраслей. Например, в «Кавказском вестнике» подробно описывалось производство сыра в Карачае, Черкесии и Кабардино-Балкарии [Сыроваренная 1942: 3].

В августе 1942 г. немецко-фашистские войска взяли под контроль майкопские нефтяные месторождения, заблаговременно разрушенные советской властью. Осеннее наступление не позволило захватить Грозненский район. Таким образом, наиболее важный ресурс Северного Кавказа, нефть, оказался практически недоступным для Германии, и, следовательно, непригодным сюжетом для пропаганды. В сентябре 1942 г. последним захваченным на Кавказе нефтяным участком стала область в районе Малгобека в Чечено-Ингушетии. В газете «Пятигорское эхо» описывалась мрачная картина: «Заржавленные, приготовленные для прокладки нефтяные трубы, длинные толстые буровые башни, буровые сооружения совершенно разрушены» [Малгобек 1942: 3]. Однако, полностью захватить малгобекские нефтяные промыслы противник в ходе осенних боёв 1942 г. так и не смог, и их восточная часть осталась за советскими войсками).

История

В период наступления немецко-фашистских войск на южном направлении летом-осенью 1942 г. в коллаборационистской прессе публиковались сведения в целом по Кавказу и его отдельным регионам и населенным пунктам, в которых затрагивались проблемы демографии, национального состава, а также истории. В качестве иллюстрации можно привести статью «Три эпохи Кавказа» в одном из сентябрьских номеров газеты «Северное слово». Выделялись три ключевые точки «совершенно особенной» истории – покорение Кавказа (1770 г.), порабощение Кавказа (1920 г.), освобождение Кавказа (1942 г.). По первой эпохе давался краткий обзор Кавказской войны, завершение которой связывалось с пленением имама Шамиля в 1859 г. Подчеркивалось, что горцы «отстаивали свои родные аулы, священные мечети». Следующему этапу предшествовало образование в регионе «новых государств, сметенных большевиками после расправы с белым движением», а сопутствовали ему репрессии, существенные при помощи «жестоких опричников» С. Орджоникидзе, С. Кирова и Л. Берия. Третья эпоха «освобождения всех народов от ненавистного коммунистического ига» началась в 1942 г. с «освобождением» Кубани и предгорных территорий и возвращением к «патриархальным, освященным веками обычаям гостеприимства», свободе религии и быта [Три эпохи 1942: 8].

Выводы

Описывая военные действия, авторы текстов коллаборационистских газет использовали различные приемы для демонстрации успеха и стойкости немецко-фашистских войск: сведения о взятии опорных пунктов на передовице, численные показатели советских потерь в людях и технике, акцент на лишении Советского Союза контроля над важнейшими коммуникациями. В период стабилизации фронта в ноябре–декабре 1942 г. военные сводки стали практически неинформативными, давая общие сведения о прохождении боев на различных участках фронта. Зимой 1943 г. газетная пропаганда была вынуждена перестроиться и обосновывать «плановность» отступления немецко-фашистских войск.

Заметной рубрикой различных газет стало описание природных богатств и хозяйственного значения Кавказа как на территориях уже оккупированных, так и на тех, которые оставались в советском тылу. Преследовалась цель продемонстрировать текущие и будущие ресурсные приобретения Германии на Кавказе и убедить читателей в безнадежности сопротивления советского государства на фоне экономических потерь.

Упоминания о кавказской истории носили ярко выраженный антисоветский характер. При этом 1942 г. служил маркером «освобождения» и возвращения народов Кавказа к прежним традициям.

В целом проведенное исследование показало, что нацистская пропаганда активно использовала концептуально-географический образ Кавказа. Этот образ не являлся целостным, но служил обоснованию «неизбежности» победы вермахта. Материалы коллаборационистской прессы открывают перед историками другие разнообразные возможности тематического анализа военной пропаганды Германии в годы Великой Отечественной войны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Асташкин 2014 – *Асташкин Д.Ю.* Антисемитская пропаганда на оккупированной территории Ленинградской области (по материалам газеты «За Родину» 1942-1943 гг.) // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – 2014. – № 83 (2). – С. 9-12.

Бои 1943 – *Бои* продолжаются с неослабевающей жесточенностью // Северное слово. – 1943. – 27 января. – № 10 (102). – С. 2.

Больше внимания 1942 – *Больше внимания* промышленности // Пятигорское эхо. – 1942. – 20 сентября. – № 29. – С. 1.

Грибков 2016 – *Грибков И.В.* Газеты на оккупированной территории СССР на русском языке в период Великой Отечественной войны (1941-1944 гг.): источниковедческое исследование: дис. ... канд. истор. наук. – М., 2016. – 262 с.

Дальнейшее 1942 – *Дальнейшее* развитие операции на южном фронте // Речь. – 1942. – 31 июля. – № 90 (120). – С. 1.

Доронина 2012 – *Доронина Н.В.* Нацистская пропаганда на оккупированных территориях Ставрополя и Кубани в 1942-1943 гг.: цели, особенности, крах. – Пятигорск: ПГЛУ, 2012. – 150 с.

Кабардино-Балкария 1942 – *Кабардино-Балкария.* Минеральные богатства // Кавказский вестник. – 1942. – 13 декабря. – № 88. – С. 2.

Как были 1942 – *Как были* взяты Краснодар, Майкоп и Пятигорск // Речь. – 1942. – 21 августа. – № 98 (128). – С. 4.

Ковалев 1993 – *Ковалев Б.Н.* Антифашистская борьба: анализ пропагандистского противостояния, 1941-1944 гг.: на материалах временно оккупированной территории Северо-Запада РСФСР: дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 1993. – 196 с.

Ковалев, Кулик 2020 – *Ковалёв Б.Н., Кулик С.В.* Образ Белоруссии на страницах русской коллаборационистской прессы на Северо-Западе России (1942-1944 гг.) // Вопросы истории. – 2020. – № 10-2. – С. 31-41.

Ковалев, Кулик 2022 – *Ковалев Б.Н., Кулик С.В.* Иранская проблема в нацистской пропаганде на оккупированной территории Северо-Запада России (1942-1943 гг.) // *Oriental Studies*. – 2022. – Т. 15. – № 2. – С. 280-291.

Ковалев, Феферман 2020 – *Ковалев Б.Н., Феферман К.М.* Исламский и тюркский факторы в нацистской пропаганде на оккупированной территории России (1941-1944 годы) // *Новейшая история России*. – 2020. – Т. 10. – № 2. – С. 348-365.

Контрнаступление 1942 – *Контрнаступление* немецких войск // *Северное слово*. – 1942. – 11 декабря. – № 85. – С. 2.

Малгобек 1942 – *Малгобек* // *Пятигорское эхо*. – 1942. – 6 ноября. – № 59. – С. 3.

Грибков, Молчанов 2007 – *Грибков И.В., Молчанов Л.А.* Русские газеты на оккупированной советской территории (1941-1944 гг.) // *Новый исторический вестник*. – 2007. – № 16. – С. 143-144.

На Кавказе 1942 – *На Кавказе* взят Малгобек // *За Родину*. – 1942. – 9 октября. – № 26. – С. 1.

Нальчик 1942 – *Нальчик* // *Северное слово*. – 1942. – 1 ноября. – № 68. – С. 2.

Нечай 2016 – *Нечай Е.Н.* Коллаборационистская печать на Дону в период Великой Отечественной войны (1941-1943 гг.): особенности функционирования: дис. ... канд. филолог. наук. – Ростов-на-Дону, 2016. – 164 с.

От Верховного 1942 – *От Верховного* Командования Германской Армии // *Речь*. – 1942. – 28 августа. – № 101 (131). – С. 1.

Под Сталинградом 1942 – *Под Сталинградом* и на горах Кавказа // *Новый путь*. – 1942. – 30 августа. – № 15. – С. 1.

Приступом 1942 – *Приступом* взят Нальчик // *За Родину*. – 1942. – 31 октября. – № 45. – С. 1.

Решительная 1942 – *Решительная* борьба на фронте Кавказ – Волга // *Северное слово*. – 1942. – 25 августа. – № 40. – С. 2.

Романько 2011 – *Романько О.В.* Крым под пятой Гитлера. Немецкая оккупационная политика в Крыму (1941-1944). – М.: Вече, 2011. – 432 с.

Романько 2019 – *Романько О.В.* Военный коллаборационизм и нацистская печатная пропаганда на территории Крыма в 1941-1944 гг. (по материалам газеты «Голос Крыма») // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения*. – 2019. – Т. 24. – № 1. – С. 130-139.

Ростов 1942 – *Ростов* // *Речь*. – 1942. – 26 июля. – № 88 (118). – С. 1.

Ростов пал 1942 – *Ростов пал!* // *Речь*. – 1942. – 26 июля. – № 88 (118). – С. 1.

Рубанова 2015 – *Рубанова Т.Д.* Войны газетная строка: особенности функционирования периодической печати на временно оккупированной территории в годы Великой Отечественной войны // *Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств*. – 2015. – № 2 (42). – С. 7-22.

Сообщение 1942 – *Сообщение* о положении на Северном Кавказе // *Пятигорское эхо*. – 1942. – 1 ноября. – № 57. – С. 1.

Сыроваренная 1942 – *Сыроваренная* промышленность // *Кавказский вестник*. – 1942. – 13 декабря. – № 88. – С. 3.

Терешина 2013 – *Терешина О.В.* Коллаборационистская псковская газета «За Родину!» (1942-1944 гг.) // *Отечественные архивы*. – 2013. – № 6. – С. 50-60.

Терешина 2015 – *Терешина О.В.* Газета «Речь» как источник по истории русской православной церкви на оккупированной территории в годы Великой Отечественной войны // Вестник РУДН, серия История России. – 2015. – № 2. – С. 35-46.

Три эпохи 1942 – *Три эпохи Кавказа* // Северное слово. – 1942. – 12 сентября. – № 48. – С. 8.

Тяжелые 1943 – *Тяжелые оборонительные бои продолжаются* // За Родину. – 1943. – 20 февраля. – № 42 (137). – С. 1.

Успешные 1942 – *Успешные атаки на Кавказе* // Северное слово. – 1942. – 6 ноября. – № 70. – С. 3.

REFERENCES

ASTASHKIN D.YU. *Antisemitskaya propaganda na okkupirovannoi territorii Leningradskoi oblasti (po materialam gazety «Za Rodinu» 1942-1943 gg.)* [Anti-Semitic propaganda in the occupied territory of the Leningrad region (based on the materials of the newspaper "For the Motherland" 1942-1943)]. IN: *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Yaroslava Mudrogo*. – 2014. – No. 83 (2). – P. 9-12. (In Russ.).

Boi prodolzhayutsya s neoslabevayushchei ozhestochennost'yu [The fighting continues with unabated ferocity]. IN: *Severnoe slovo*. – 1943. – 27 January. – No. 10 (102). – P. 2. (In Russ.).

Bol'she vnimaniya promyshlennosti [More attention to industry]. IN: *Pyatigorskoe ekho*. – 1942. – 20 September. – No. 29. – P. 1. (In Russ.).

GRIBKOV I.V. *Gazety na okkupirovannoi territorii SSSR na russkom yazyke v period Velikoi Otechestvennoi voiny (1941-1944 gg.): istochnikovedcheskoe issledovanie* [Newspapers in the occupied territory of the USSR in Russian during the Great Patriotic War (1941-1944): source study]. – Thesis of the Candidate Dissertation in History. Moscow, 2016. – 262 p. (In Russ.).

GRIBKOV I.V., MOLCHANOV L.A. *Russkie gazety na okkupirovannoi sovetskoj territorii (1941-1944 gg.)* [Russian newspapers in the occupied Soviet territory (1941-1944)]. IN: *Novyi istoricheskii vestnik*. – 2007. – No. 16. – P. 143-144. (In Russ.).

Dal'neishee razvitie operatsii na yuzhnom fronte [Further development of the operation on the southern front]. IN: *Rech'*. – 1942. – 31 July. – No. 90 (120). – P. 1. (In Russ.).

DORONINA N.V. *Natsistskaya propaganda na okkupirovannykh territoriyakh Stavropol'ya i Kubani v 1942-1943 gg.: tseli, osobennosti, krakh* [Nazi propaganda in the occupied territories of Stavropol and Kuban in 1942-1943: goals, features, collapse]. – Pyatigorsk: Pyatigorsk State Linguistic University, 2012. – 150 p. (In Russ.).

Kabardino-Balkariya. Mineral'nye bogatstva [Kabardino-Balkaria. Mineral wealth]. IN: *Kavkazskii vestnik*. – 1942. – 13 December. – No. 88. – P. 2. (In Russ.).

Kak byli vzyaty Krasnodar, Maikop i Pyatigorsk [How Krasnodar, Maikop and Pyatigorsk were taken]. IN: *Rech'*. – 1942. – 21 August. – No. 98 (128). – P. 4. (In Russ.).

KOVALEV B.N. *Antifashistskaya bor'ba: analiz propagandistskogo protivostoyaniya, 1941-1944 gg.: na materialakh vremennno okkupirovannoi territorii Severo-Zapada RSFSR* [Anti-fascist struggle: analysis of propaganda confrontation, 1941-1944: based on materials from the temporarily occupied territory of the North-West of the RSFSR]. Thesis of the Candidate Dissertation in History. – Saint Petersburg, 1993. – 196 p. (In Russ.).

KOVALEV B.N., FEFERMAN K.M. *Islamskii i tyurkskii faktory v natsistskoj propagande na okkupirovannoi territorii Rossii (1941-1944 gody)* [Islamic and Turkic Factors in Nazi Propaganda in the Occupied Territory of Russia (1941-1944)]. IN: *Noveishaya istoriya Rossii*. – 2020. – Vol. 10. – No. 2. – P. 348-365. (In Russ.).

KOVALEV B.N., KULIK S.V. *Iranskaya problema v natsistskoj propagande na okkupirovannoi territorii Severo-Zapada Rossii (1942-1943 gg.)* [The Iranian problem in Nazi propaganda in the occupied territory of North-West Russia (1942-1943)]. IN: *Oriental Studies*. – 2022. – Vol. 15. – No. 2. – P. 280-291. (In Russ.).

KOVALEV B.N., KULIK S.V. *Obraz Belorussii na stranitsakh russkoi kollaboratsionistской pressy na Severo-Zapade Rossii (1942-1944 gg.)* [The image of Belarus on the pages of the Rus-

sian collaborationist press in North–West Russia (1942–1944)]. IN: *Voprosy istorii*. – 2020. – No. 10-2. – P. 31-41. (In Russ.).

Kontrnastuplenie nemetskikh voisk [Counteroffensive of German troops]. IN: *Severnoe slovo*. – 1942. – 11 December. – No. 85. – P. 2. (In Russ.).

Malgobek [Malgobek]. IN: *Pyatigorskoe ekho*. – 1942. – 6 November. – No. 59. – P. 3. (In Russ.).

Na Kavkaze vzyat Malgobek [Malgobek taken in the Caucasus]. IN: *Za Rodinu*. – 1942. – 9 October. – No. 26. – P. 1. (In Russ.).

Nal'chik [Nalchik]. IN: *Severnoe slovo*. – 1942. – 1 November. – No. 68. – P. 2. (In Russ.).

NECHAI E.N. *Kollaboratsionistskaya pechat' na Donu v period Velikoi Otechestvennoi voiny (1941-1943 gg.): osobennosti funktsionirovaniya* [Collaborationist press in the Don region during the Great Patriotic War (1941-1943): features of functioning]. Thesis of the Candidate Dissertation in Philology. – Rostov-on-Don, 2016. – 164 p. (In Russ.).

Ot Verkhovnogo Komandovaniya Germanskoi Armii [From the Supreme Command of the German Army]. IN: *Rech'*. 1942. 28 August. No. 101 (131). P. 1. (In Russ.).

Pod Stalingradom i na gorakh Kavkaza [Near Stalingrad and in the Caucasus Mountains]. IN: *Novyi put'*. – 1942. – 30 August. – No. 15. – P. 1. (In Russ.).

Pristupom vzyat Nal'chik [Nalchik taken by storm]. IN: *Za Rodinu*. – 1942. – 31 October. – No. 45. – P. 1. (In Russ.).

Reshitel'naya bor'ba na fronte Kavkaz – Volga [Decisive struggle on the Caucasus – Volga front]. IN: *Severnoe slovo*. – 1942. – 25 August. – No. 40. – P. 2. (In Russ.).

ROMAN'KO O.V. *Krym pod pyatoi Gitlera. Nemetskaya okkupatsionnaya politika v Krymu (1941–1944)* [Crimea under Hitler's Heel. German Occupation Policy in Crimea (1941–1944)]. – Moscow: Veche, 2011. – 432 p. (In Russ.).

ROMAN'KO O.V. *Voennyi kollaboratsionizm i natsistskaya pechatnaya propaganda na territorii Kryma v 1941-1944 gg. (po materialam gazety «Golos Kryma»)* [Military collaborationism and Nazi printed propaganda on the territory of Crimea in 1941–1944 (based on the materials of the newspaper "Voice of Crimea")]. IN: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Series 4, History. Regional Studies. International Relations*. – 2019. – Vol. 24. – No. 1. – P. 130-139. (In Russ.).

Rostov [Rostov-on-Don]. IN: *Rech'*. – 1942. – 26 July. – No. 88 (118). – P. 1. (In Russ.).

Rostov pal! [Rostov has fallen!]. IN: *Rech'*. – 1942. – 26 July. – No. 88 (118). – P. 1. (In Russ.).

RUBANOVA T.D. *Voiny gazetnaya stroka: osobennosti funktsionirovaniya periodicheskoi pechati na vremennno okkupirovannoi territorii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [War newspaper line: features of the functioning of the periodical press in the temporarily occupied territory during the Great Patriotic War]. IN: *Vestnik Chelyabinskoi gosudarstvennoi akademii kul'tury i iskusstv*. 2015. No 2 (42). – P. 7-22. (In Russ.).

Soobshchenie o polozhenii na Severnom Kavkaze [Report on the situation in the North Caucasus]. IN: *Pyatigorskoe ekho*. – 1942. – 1 November. – No. 57. – P. 1. (In Russ.).

Syrovarennaya promyshlennost' [Cheese–making industry]. IN: *Kavkazskii vestnik*. – 1942. – 13 December. – No. 88. – P. 3. (In Russ.).

TERESHINA O.V. *Gazeta «Rech'» kak istochnik po istorii russkoi pravoslavnoi tserkvi na okkupirovannoi territorii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [The Rech Newspaper as a Source on the History of the Russian Orthodox Church in the Occupied Territory during the Great Patriotic War]. IN: *Vestnik RUDN, History of Russia Series*. – 2015. – No. 2. – P. 35-46. (In Russ.).

TERESHINA O.V. *Kollaboratsionistskaya pskovskaya gazeta «Za Rodinu!» (1942-1944 gg.)* [Collaborationist Pskov newspaper "For the Motherland!" (1942-1944)]. IN: *Otechestvennye arkhivy*. – 2013. – No. 6. – P. 50-60. (In Russ.).

Tri epokhi Kavkaza [Three eras of the Caucasus]. IN: *Severnoe slovo*. – 1942. – 12 September. – No. 48. – P. 8. (In Russ.).

Tyazhelye oboronitel'nye boi prodolzhayutsya [Heavy defensive battles continue]. IN: *Za Rodinu.* – 1943. – 20 February. – No. 42 (137). – P. 1. (In Russ.).

Uspeshnye ataki na Kavkaze [Successful attacks in the Caucasus]. IN: *Severnoe slovo.* – 1942. – 6 November. – No. 70. – P. 3. (In Russ.).

Информация об авторе

А.А. Татаров – кандидат исторических наук.

Information about the author

A.A. Tatarov – PhD (in History).

Статья поступила в редакцию 23.10.2024 г.; одобрена после рецензирования 12.12.2024 г.; принята к публикации 27.12.2024 г.

The article was submitted 23.10.2024; approved after reviewing 12.12.2024; accepted for publication 27.12.2024.

Научная статья
УДК 94(470.66)
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-139-159
EDN: KICMKD

ЧЕЧЕНСКАЯ РЕСПУБЛИКА В 1992 ГОДУ (ПО МАТЕРИАЛАМ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ПЕЧАТИ)

Денис Васильевич Тумаков^{1,2}

¹ Ярославский государственный медицинский университет, Ярославль, Россия, denistumakov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8569-7246>

² Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова, Ярославль, Россия

Аннотация. В данной статье проанализированы материалы центральной периодической печати 1992 года, посвященные взаимоотношениям федерального Центра и Чеченской республики в первый год после провозглашения последней независимости. Анализируются типичные по содержанию публикации из наиболее авторитетных и популярных российских средств массовой информации начала 1990-х гг., независимо от их политических воззрений. Наибольший интерес вызывает визит в Грозный осенью 1992 года большой группы представителей крупнейших электронных и печатных масс-медиа. Предметом интереса столичных журналистов были трудности переговорного процесса Москвы и Грозного, сложная криминальная обстановка в регионе, попытки российских силовых структур противостоять чеченскому криминалу, расстановка политических сил внутри Чечни, формирование ее вооруженных сил. Немаловажную роль в восприятии республики в России играли частые интервью генерала-президента Д.М. Дудаева московским газетам и журналам. В прессе нередко упоминались и другие важные фигуры данного режима – М. Темишев, М. Удугов и Х. Ахмадов. Сделан вывод о противоречивости публикаций российской периодики на чеченскую тему. С одной стороны, журналисты признавали незаконность прихода к власти сепаратистов и не скрывали ряда негативных последствий этого события. С другой стороны, они убеждали читателей в том, что любая силовая акция Центра в Чечне может вызвать большую войну на Кавказе, а потому призывали власти к переговорам с Грозным и не протестовали даже против признания независимости самопровозглашенной республики.

Ключевые слова: постсоветский период, сепаратисты, Чечня, Россия, журналисты, средства массовой информации, вооруженные силы

Для цитирования: Тумаков Д.В. Чеченская Республика в 1992 году (по материалам федеральной печати) // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 4. – С. 139-159. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-139-159. EDN: KICMKD.

© Тумаков Д.В., 2024

Original article

**CHECHEN REPUBLIC IN 1992
(BASED ON THE MATERIALS OF THE FEDERAL PERIODICALS)**

Denis V. Tumakov^{1,2}¹ Yaroslavl State Medical University Yaroslavl, Russia, denistu-makov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8569-7246>² Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia

Abstract. This article analyzes the materials of the central periodical press of 1992, devoted to the relationship between the federal Center and the Chechen Republic in the first year after the proclamation of the last independence. The article analyzes publications typical of content from the most authoritative and popular Russian mass media of the early 1990s, regardless of their political views. Of the greatest interest is the visit to Grozny in the autumn of 1992 by a large group of representatives of the largest electronic and print media, organized and paid for by the Government of Chechnya. The subject of interest of the capital's journalists was the difficulties of the negotiation process between Moscow and Grozny, the difficult criminal situation in the republic, the attempts of Russian law enforcement agencies to resist Chechen crime, the alignment of political forces inside Chechnya, and the formation of its armed forces. Frequent interviews with General-President D.M. Dudaev played an important role in the perception of the republic in Russia Moscow newspapers and magazines. The press frequently cited other important figures of this regime – M. Temishev, M. Udugov and H. Akhmadov. The conclusion is made about the inconsistency of publications of Russian periodicals on the Chechen topic. On the one hand, the journalists recognized the illegality of the separatists' coming to power and did not hide several negative consequences of this event. On the other hand, they convinced readers that any violent action by the Center in Chechnya could cause a major war in the Caucasus, and therefore called on the authorities to negotiate with Grozny and did not even protest against the recognition of the independence of the self-proclaimed republic.

Keywords: post-Soviet period, separatists, Chechnya, Russia, journalists, mass media, armed forces

For citation: Tumakov D.V. Chechen Republic in 1992 (based on the materials of the federal periodicals). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 4. – P. 139-159. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-139-159. EDN: KICMKD.

© Tumakov D.V., 2024

Введение

Следствием распада Советского Союза стало дальнейшее обострение межнациональных отношений в ряде стран СНГ. Одними из самых резонансных «горячих точек» постсоветского пространства в 1990-е гг. стали Северный Кавказ и молодые государства Закавказья. Неудивительно, что опрос, проведённый Всероссийским центром изучения общественного мнения в конце 1992 года, показал, что продолжавшиеся вооружённые конфликты на Кавказе вызывали чувство разочарования у примерно трети граждан РФ [Левада 1993]. Некоторым журналистам и обозревателям провинциальных СМИ регион в это время уже представлялся зоной сплошных военных действий [Кудрин 1992; Татарченков 1992], в то время как единственным союзником России в регионе считалась Армения [Тумаков 2024: 53-65].

Начиная с осени 1991 года на Северном Кавказе существовала de-facto независимая Чеченская Республика. Хотя приход ее лидеров к власти во многом стал возможен благодаря поддержке российских властей, в 1992 году сам по себе факт ее существования воспринимался как реальная угроза территориальной целостности государства и вызывал опасение со стороны официальных

лиц. Летом того же года первый заместитель председателя Верховного Совета С.А. Филатов в интервью столичному еженедельнику «Аргументы и факты» заявил, что из всех национальных регионов страны «фактически проблема только с Чечней» [Угланов 1992]. Схожие настроения выражали и военные. На круглом столе в редакции центрального печатного издания Министерства обороны газеты «Красная звезда» заместитель начальника Главного управления Генерального штаба Вооруженных Сил РФ генерал-лейтенант А.Я. Гулько прямо утверждал, что «вопрос о целостности России... сегодня вовсе не абстрактный», а «ключевой и острейший вопрос нашей национальной безопасности» [Интересы России 1992]. В начале 1990-х гг. в республике одновременно сосуществовали правящая власть во главе с отставным генералом Д.М. Дудаевым, провозглашавшая курс на независимость от России, а также оппозиционные группы, настроенные пророссийски. В этом контексте в статье под определение «сепаратистского» подпадает именно дудаевский режим.

В последние десятилетия чеченский кризис неоднократно становился объектом изучения ряда отечественных [Асташкин 2005; Бугай 2006; Малашенко, Тренин 2002; Ляховский 2006; Тишков 2001; Тумаков 2017] и зарубежных [Ливен 2019] исследователей. Тем не менее в их работах речь в большей степени затрагивает военные действия 1994-1996 гг., в то время как непростым событиям начала 1990-х гг. уделяется меньшее внимание. В этой связи важнейшим источником являются материалы крупнейших федеральных масс-медиа. В 1992 году публикации о положении в Чечне регулярно выходили на страницах изданий различной политической направленности – как в официальных («Красная звезда», «Российская газета»), так и в демократических («Известия», «Московские новости») или даже консервативно-монархических («Русский вестник») СМИ. Предметом внимания журналистов стали статус Чеченской Республики, ее взаимоотношения с Центром, политические взгляды лидеров Чечни, различные аспекты ее жизни, а также положение русскоязычного населения. Различался и тип публикаций – от больших репортажей до небольших заметок. Об обстановке в Чечне глазами посещавших республику в 1992 году представителей крупнейших СМИ и пойдет речь в данной публикации.

Обсуждение

В течение первого года после прихода к власти в Грозном режима Д.М. Дудаева Чеченская республика вызывала у большинства столичных журналистов заметный интерес и противоречивые эмоции. Весьма информативными для исследователей следует признать те публикации, что вышли в основных центральных изданиях осенью 1992 года, вскоре после визита в Чеченскую республику группы из 60 журналистов, представлявших крупнейшие телеканалы и печатные издания России, стран СНГ и дальнего зарубежья [Чкаников 1992; Целмс 1992: 26]. Один из участников этой поездки, корреспондент журнала «Огонёк» Г.М. Целмс, утверждал, что для нее сепаратистский режим при поддержке деловых кругов на четверо суток абонировал самолёт Ту-134 [Целмс 1992: 26]. Принимающая сторона стремилась создать благоприятные условия для столичных репортеров, поселив их на бывших государственных дачах или

санаториях и обеспечив лучшим питанием. По территории Чечни представители центральных СМИ перемещались на комфортабельных автобусах, предоставленных местными властями. Позднее Целмс вспоминал, что приём со стороны правящего в Грозном режима, несмотря на его формально резко антисоветский характер, очень сильно напомнил ему «номенклатурное гостеприимство сладкой эпохи застоя» [Целмс 1992: 26]. По неофициальным данным, организация и осуществление данной акции обошлись бюджету Чечни в 5 млн. рублей [Целмс 1992: 26]. Если учесть, что подобные визиты в те годы обычно организовывали главы молодых государств постсоветского пространства (Азербайджан, Узбекистан, Молдова и др.), можно сделать вполне однозначный вывод, что дудаевский режим стремился позиционировать себя именно в этом качестве.

Вопрос о статусе Чечни действительно чаще всего рассматривался в центральных СМИ. Любопытно, что в то время идея предоставления независимости непризнанной республике отнюдь не воспринималась московскими журналистами, независимо от их политических взглядов, как абсурдная или преступная. Так, осенью 1992 года постоянный автор радикально-националистической газеты «Русский вестник», бывший советский диссидент А.М. Иванов утверждал, что федеральным властям «необходимо признать независимость Чеченской Республики», а также осуждал их «активную подрывную деятельность» против нее, призывая Центр не «пугать чеченцев», а вступить с ними в настоящий диалог [Иванов 1992]. В защиту данного тезиса он приводил следующие аргументы. Во-первых, бывшая Чечено-Ингушетия была одной из тех 6 из 16 российских автономий, где доля автохтонного населения превышала половину от общей численности. Во-вторых, Чечня граничила на юге с независимой Грузией, то есть не была полностью окружена российской территорией. В-третьих, А.М. Иванов напоминал читателям «Русского вестника» о длительных традициях вооруженной борьбы чеченцев за независимость [Иванов 1992]. Весьма примечательно, что последний аргумент в воспоминаниях воспроизвел и первый президент России Б.Н. Ельцин: «чеченцы очень гордятся тем, как долго и как часто они воевали с большой Россией: в XIX веке – с царем, в гражданскую – с белыми генералами, после войны – с чекистами» [Ельцин 2000: 64].

Если монархическое издание для обоснования предоставления кавказской республике независимости прибегало к столь развернутой аргументации, то одна из наиболее популярных газет страны «Комсомольская правда» спустя год после свержения в Грозном законной власти просто констатировала сам факт существования на Северном Кавказе «суверенного государства Чечня». Обозреватель О. Шаповалов упоминал о наличии у правящего режима в Грозном ряда государственных символов и признаков – герба, флага, вооруженных сил, парламента и конституции, а также охарактеризовал амбиции правительства Д.М. Дудаева словами о «чеченском братишке, прытком и норовистом», который буквально воспринял известные слова Б.Н. Ельцина о суверенитете и «отделился одним из первых» [Шаповалов 1992]. Журналист анализировал драматические события в Грозном в начале 1990-х гг., для чего вспоминал и бытовавшую в советский период псевдоисторическую концепцию о «добровольном вхождении» Чечено-

Ингушетии в состав Российской империи в последней четверти XVIII века, и установку в Грозном памятника проконсулу Кавказа генералу А.П. Ермолову, встретившую оппозиционность чеченского общества. Из этого Шаповалов делал вывод о том, что «Чечню... нужно попытаться понять» [Шаповалов 1992]. Он исключал вероятность силовой операции демократической России против дудаевского режима и предлагал федеральному руководству сделать акцент на торгово-экономических связях с Чечней (по образцу связей мятежной республики со Ставропольским краем) и взаимодействии с ней по линии правоохранительных органов. Затем на встречах парламентских делегаций Чечни и Центра должны были быть подняты вопросы о границах и иные политические аспекты двусторонних взаимоотношений [Шаповалов 1992].

На страницах российской демократической периодики Чечня также представляла уже не в качестве одного из регионов страны, а в роли фактически отдельного государства. К примеру, в публикации Н.М. Пачегиной в «Независимой газете» речь шла о «российско-чеченской границе, отделяющей независимую Чеченскую Республику от Дагестана», а возможное начало военных действий между Центром и мятежным регионом приравнивалось к «международному конфликту» [Пачегина 1992]. Интересно, что сама по себе идея предоставления независимости Чечне в то время не казалась маргинальной и некоторым представителям российской политической элиты. Например, первый губернатор новой России, глава администрации Краснодарского края В.Н. Дьяконов, в беседе со специальным корреспондентом популярного столичного еженедельника «Аргументы и факты» высказал мнение о том, что «раз (чеченцы – *Авт.*) хотят жить отдельно, то и пусть» [Савичев 1992]. Данную позицию он объяснял тем, что дудаевская Чечня – это «одна головная боль» для России, поскольку с ней «тесно связаны многочисленные банковские аферы, спекуляция продуктами, торговля оружием и прочие преступления» [Савичев 1992]. В то же время, полагал глава администрации Краснодарского края, предоставление самопровозглашенной республике независимости позволило бы установить с ней государственные границы и наладить обмен переселенцами [Савичев 1992].

Напротив, корреспонденты общественно-политического издания «Новое время» А.П. Дубнов и Г.Е. Ковальская, побывавшие в Чечне весной 1992 года, критиковали как официальный курс вице-президента А.В. Руцкого на жесткую конфронтацию с Грозным, так и идею скорейшего предоставления республике независимости. По их мнению, подобные шаги в ближайшем будущем могут привести Россию к потере крупнейшего центра нефтепереработки и к негативным переменам в жизни русского и русскоязычного населения Чечни, а в конечном итоге – к оживлению исламского фундаментализма на Кавказе и даже к полной утрате контроля Москвы над ним [Дубнов, Ковальская 1992: 25]. Полностью признавая нелегитимность прихода к власти в Чечне в 1991 году правительства Д.М. Дудаева [Дубнов, Ковальская 1992: 23], московские журналисты разделяли позицию группы экспертов Верховного Совета РФ, предлагавшим российским властям признать сам факт провозглашения Чеченской республики и ее реально существующее руководство, а также повременить с признанием че-

ченской государственности, но при этом не затягивать с началом переговорного процесса между Центром и мятежным регионом [Дубнов, Ковальская 1992: 25].

При посещении Чечни корреспонденты крупнейших столичных масс-медиа активно взаимодействовали с основными лидерами самопровозглашенной республики. Как писал тот же представитель «Русского вестника» А.М. Иванов, 23 октября 1992 года он и его коллеги присутствовали на пресс-конференции председателя чеченского парламента Х.С. Ахмадова, попытавшегося представить им собственное видение сложной обстановки на Северном Кавказе. Со слов спикера, в Чечне после драматических событий 1991 года был установлен режим смешанной, парламентско-президентской формы правления. Стремясь опровергнуть сложившийся стереотип о всевластии президента Д.М. Дудаева, Ахмадов уверял, что парламент имеет право отрешить того от должности, если за данное решение проголосуют две трети депутатов. Более того, глава законодательной власти Чечни даже утверждал, что осуждает постоянные угрозы генерала-президента в адрес России, а также выступает против присутствия в Грозном свергнутого президента Грузии З.К. Гамсахурдиа [Иванов 1992]. Тем самым в общении с корреспондентами федеральных масс-медиа Х.С. Ахмадов пытался позиционировать себя как сравнительно умеренного и более склонного к компромиссу по сравнению с Д.М. Дудаевым политика.

Отметим, что власти Чечни через центральные СМИ пытались продемонстрировать Москве дружелюбие и некоторую готовность к компромиссу. В этих попытках они даже находили понимание у российских журналистов тех лет. Например, находившийся в оппозиции к правительству России радикальный националист А.М. Иванов в своей публикации из Грозного охотно цитировал выдержки из газеты «Ичкерия». На страницах этого издания известный в прошлом журналист ряда центральных изданий, советник президента непризнанной Чечни М. Темишев, охарактеризованный А.М. Ивановым как «главный идеолог сепаратистского режима», выражал скорбь «по рассыпающейся на глазах России» и называл ее «и моей родиной» [Иванов 1992]. В силу этого он считал для себя «убийственной» саму мысль об установлении государственной границы с РФ и полагал «надежное укрытие и единственный способ сохранения своей расы (чеченцев – *Авт.*) в братской, могущественной и свободной России» [Иванов 1992]. Весьма примечательно, что будущее своей родной республики и народа М. Темишев видел «не в России, а с Россией», то есть Чечня должна была стать «органической частью Российского содружества» и вести диалог с Москвой на равных. Идею М. Темишева о едином финансово-экономическом, культурном и военном пространстве с Россией в беседе со столичными журналистами публично поддерживали генерал-президент Д.М. Дудаев и его «министр информации и печати» М.С. Удугов [Иванов 1992; Чкаников 1992; Петров, Пителев 1992; Целмс 1992: 27].

Рассчитывая на диалог с федеральным Центром, лидеры чеченских сепаратистов одновременно предъявляли Москве обвинение в поддержке на Северном Кавказе бывшей советско-партийной номенклатуры – по их мнению, отжившей, коррумпированной и далекой от народных интересов прослойки [Иванов 1992]. В то же время Д.М. Дудаев и его окружение отказывались считать себя

мятежниками, позиционируя себя как по-настоящему законное правительство республики. Предметами гордости для них были принятая в марте того же года конституция Чечни – первая на постсоветском пространстве, а также высокий уровень прав и свобод населения. В частности, Дудаев заявил российским журналистам, что «у нас такая свобода печати, которая никому не снилась». В подтверждение своих слов он продемонстрировал иностранным корреспондентам подшивку чеченской оппозиционной периодики, где содержалась критика в его адрес [Иванов 1992]. Одновременно генерал отвергал и сложившийся стереотип о себе как об антирусски настроенном националисте – на пресс-конференции в одном из высокогорных санаториев Чечни он утверждал, что дома русскоязычного населения республики будут охраняться так же тщательно, как жилища чеченцев [Чкаников 1992].

Публичные высказывания президента Чечни, отставного генерал-майора Советской Армии Д.М. Дудаева, считавшегося в тот период одним из главных ньюсмейкеров кавказской политики и поэтому достаточно часто дававшего интервью основным российским периодическим изданиям, стали еще одним популярным «чеченским сюжетом» 1992 года. В основной массе они были весьма резки по отношению к различным аспектам политики федерального Центра. К примеру, в интервью популярному столичному еженедельнику «Аргументы и факты» непризнанный президент Чечни крайне отрицательно оценивал деятельность своего земляка Р.И. Хасбулатова на посту председателя Верховного Совета России, обвинив спикера российского парламента в осуществлении негативной политики по отношению к республике [Саргин 1992]. При этом Дудаев заметил, что лично не был знаком с Хасбулатовым, так как вживую видел его всего лишь раз в жизни [Саргин 1992]. Примерно в то же время в интервью «Комсомольской правде» отставной генерал-майор Советской Армии допустил ещё более резкие высказывания в адрес России. В частности, он утверждал о том, что «если безопасности чеченского народа и его государству будет что-либо угрожать со стороны России... мы пойдём на самые крайние меры», под которыми Дудаев понимал газават – священную войну «до последнего чеченца» [Фролов 1992а; Чкаников 1992].

В том же интервью он поделился и собственными соображениями касательно расстановки сил на российском политическом Олимпе постсоветского периода. По мнению лидера самопровозглашённой республики, организаторы неудавшейся попытки военного переворота в Москве в августе 1991 года якобы готовили четвёртый в течение 300 лет геноцид чеченского народа. Каких-либо весомых доказательств в пользу этого утверждения он не приводил [Фролов 1992а]. Напротив, бывшему президенту СССР М.С. Горбачёву Дудаев давал преимущественно положительные оценки, назвав «величайшим реформатором», политическая программа которого вызывала уважение за отказ от тоталитаризма, а неудачный исход его правления чеченский лидер объяснял исключительно тем, что настоящие преобразования так и не были начаты [Фролов 1992а].

Учитывая крайне сложные личные взаимоотношения Горбачёва и российского президента Б.Н. Ельцина, такие публичные заявления со стороны генерала могли расцениваться в Кремле негативно. Из правящей российской элиты

умеренно-позитивной оценки из уст Д.М. Дудаева удостоился лишь государственный секретарь Г.Э. Бурбулис. Фактический глава Чечни выражал искреннее сожаление о распаде Советского Союза и выступал за его воссоздание, но одновременно с гордостью подчеркивал демонстративный отказ Чечни от подписания Федеративного договора в Москве 31 марта 1992 года или охарактеризовал СНГ как мертворожденное дитя [Иванов 1992; Чкаников 1992; Фролов 1992b]. В реальности же Д.М. Дудаев в письме на имя Б.Н. Ельцина от 10 июля 1992 года охарактеризовал ситуацию в отношениях Москвы и Грозного как «не нормальную», признав ряд взаимных ошибок в первые месяцы после распада СССР, и предложил сблизить позиции. В частности, генерал настаивал на признании прав Чечни на самостоятельное определение собственных экспортных квот на нефть и лицензирование, а также соглашался оплачивать транзитные тарифы по взаимосогласованному размеру [Эпоха Ельцина 2001: 588; Бугай 2006: 97-98; Тумаков 2017: 79].

Противоречивость взглядов руководства чеченских сепаратистов на многие вопросы отмечали также журналисты столичного еженедельника «Новое время» А.П. Дубнов и Г.Е. Ковальская. Они утверждали, что, несмотря на регулярные декларации о независимости республики, Чечня вовсе не стремилась к подлинной самостоятельности от России в экономических или внешнеполитических вопросах. Провозглашая декоммунизацию чеченского общества как одну из главных задач эпохи, Д.М. Дудаев и его окружение из популистских соображений сохраняли государственную монополию в экономике и отказывались от либеральных реформ. Так, грозненские власти в течение длительного времени искусственно поддерживали цену на хлеб на уровне 80 копеек за кг и наотрез отказывались от передачи промышленных предприятий или земельных угодий в частную собственность [Дубнов, Ковальская 1992: 24-25]. Третьим противоречием во взглядах чеченского руководства корреспонденты «Нового времени» считали тот факт, что, декларируя приверженность идее межнационального мира в республике, республиканские власти постоянно позиционировали фигуру Д.М. Дудаева как именно чеченского, а не общегражданского лидера [Дубнов, Ковальская 1992: 24-25].

В целом же республиканская печать, как сообщал упоминавшийся выше журналист «Огонька» Г.М. Целмс, создавала весьма негативный образ России. Сторонники Д.М. Дудаева видели в ней агрессора и через прессу стремились убедить собственный народ в неизбежности прямого военного столкновения в ближайшем будущем. Например, чеченские СМИ регулярно помещали стихотворные и прозаические сочинения местных авторов, зло высмеивавшие военнослужащих федеральных сил. Солдаты ВВ МВД в этих литературных опусах изображались тренированными гигантами, но «с явно односторонним выражением лица, позволяющим на пальцах сосчитать, сколько у них в голове извилин» [Целмс 1992: 27]. Один из местных поэтов, имя которого корреспондент «Комсомольской правды» С. Фролов упоминать не стал, называл всех россиян «имперскими русскими троглодитами» и обращался к ним с предупреждением: «тем, кто придет в Чечню с кинжалом, распорем брюхо острым жалом» [Фролов 1992b]. Другой чеченский публицист сетовал на частую автоматную

стрельбу на национальных свадьбах и советовал экономить патроны для скорой войны с Россией, которую, подражая знаменитому писателю Д. Оруэллу, назвал «большим братом». Грозненские карикатуристы изображали вице-президента России А.В. Руцкого в виде вампира, жадно облизывающегося при виде нефтяных вышек самопровозглашенной республики [Фролов 1992b].

Постепенно политические амбиции лидеров сепаратистского режима Чечни начали затрагивать не только собственную республику, но и весь регион в целом. Так, на заседании круглого стола «Кавказский дом» осенью 1992 года в Грозном президент непризнанной республики заявил о решимости народов Кавказа самостоятельно управлять процессами в регионе и утверждал, что именно здесь возникнет новая цивилизация, которая «не будет ориентироваться ни на Москву, ни на Европу». Первым шагом к этому, по его мнению, должно было стать создание в ближайшем будущем конфедерации кавказских государств, что предполагало явное нарушение территориальной целостности России [Бутурлинов 1992]. Аналогичные призывы звучали и из уст ближайших союзников лидера чеченских сепаратистов. Например, по итогу работы чрезвычайного съезда Конфедерации горских народов Кавказа в Грозном также был принят документ с призывом к главам национальных республик региона «де-нонсировать российский федеративный договор, как несоответствующий национальным интересам народов Северного Кавказа» [Князьков 1992].

Позднее российский вице-премьер Г.С. Хиза на встрече с директорами промышленных предприятий в Майкопе был вынужден осудить эти заявления и заявил о единстве и неделимости страны. Тем не менее очевидно, что в данной ситуации Центру пришлось экстренно реагировать на публичные выступления сепаратистов. Неудивительно, что в начале 1993 года обозреватель еженедельной газеты «Московские новости», поддерживавшей курс на рыночные реформы и демократизацию общественно-политической жизни в стране, открыто признавал, что политика de-facto независимой, непризнанной Чечни была «направлена против интересов России» на Кавказе [Орлов 1993].

Столичные газеты и журналы часто писали о различных негативных моментах из чеченской повседневности. Главными из них считались тотальное вооружение населения и, как прямое следствие этого, заметное ухудшение криминогенной обстановки. Так, к примеру, А.М. Алешкин – специальный корреспондент «Российской газеты» (в тот период печатного издания Верховного Совета страны) по Северному Кавказу – весной 1992 года писал о весьма беспокойной обстановке в Чечне. В частности, он отмечал панические настроения жителей непризнанной республики в связи с подъёмом преступности, выделяя рост всех видов правонарушений (убийства, изнасилования, грабежи, похищения людей), а также вооруженные стычки мафиозных кланов. В качестве красноречивого примера Алешкин приводил факт, когда отбивать вооруженного нарушителя правил дорожного движения С. Вараева у милиции прибыли его односельчане на двух БМП [Алешкин 1992a]. Не менее одиозно выглядел и пример из другой статьи того же автора, вышедшей спустя примерно месяц. Со ссылкой на независимую грозненскую газету «Импульс» Алешкин писал, что

на автовокзале столицы республики появилось объявление о продаже пушки и двух снарядов к ней без указания конкретной цены [Алешкин 1992b].

Даже внутренние помещения правительственных зданий в Грозном весной 1992 года остро напомнили журналисту «Российской газеты» здание Смольного института в Петрограде в октябрьские дни 1917 года: «грязь, захламленность, коридоры полны небритых, уставших, до зубов вооруженных людей» [Алешкин 1992a]. На улицах чеченской столицы постоянно митинговали сотни граждан [Алешкин 1992a]. Представители либерального журнала «Новое время» А.П. Дубнов и Г.Е. Ковальская, побывавшие в Чеченской республике примерно в это же время, также упоминали о возрастании криминальных отклонений, включая убийства по почве ревности. Столичные корреспонденты передавали, что по Грозному даже циркулируют слухи об исчезновении детей и женщин, а на улицах участилась стрельба и потому существует риск случайной гибели. Причиной столь безрадостного положения дел, по их мнению, стала свободная продажа оружия в Чечне – пистолет Макарова на грозненском базаре стоил 70 тысяч рублей, а автомат Калашникова – 100 тысяч [Дубнов, Ковальская 1992: 23]. В то же время Дубнов и Ковальская не были настроены сверхкритично по отношению к массовому вооружению чеченцев, так как полагали, что религиозность народа, поддержание авторитета старейшин и мулл в обществе, а также старинные традиции кровной мести и сравнительно малое употребление алкоголя помогали сохранить управляемость ситуации. Так, священнослужители могли пресечь в зародыше любые массовые беспорядки лучше милиции, поэтому генерал Д.М. Дудаев предпочитал подобные методы «тотально коррумпированным органам правопорядка» [Дубнов, Ковальская 1992: 23].

Осенью того же года уже на страницах популярного в нашей стране в те годы издания «Огонёк» вышла небольшая статья о посещении Грозного российскими и зарубежными журналистами. Шоком для читателей могло стать упоминание об открытой торговле гранатометами, стрелковым вооружением и боеприпасами на обычном городском рынке. Как утверждали корреспонденты «Огонька», их коллега по этой поездке американский журналист М. Доббс, представлявший газету *The Washington Post*, предположил, что даже итальянский город Палермо – признанный центр печально известной сицилийской мафии – не идёт ни в какое сравнение со столицей Чечни в данном аспекте [Чугунова, Штейнбок 1992: 7]. Усиливало криминальное восприятие самопровозглашённой республики описание находившегося в президентской приёмной личного охранника Д.М. Дудаева – человека, занятого манипуляциями с ножом и получавшего удовольствие от звука выкидного лезвия [Чугунова, Штейнбок 1992: 7]. Криминальная слава непризнанной Чечни быстро и неукоснительно утвердилась на постсоветском пространстве. В этой связи примечательно, что некий гражданин А. Былевский из города Запорожье в телефонной беседе с министром внутренних дел России генерал-полковником В.Ф. Ериным, состоявшейся в редакции «Комсомольской правды» накануне Дня милиции, охарактеризовал небольшую северокавказскую республику как «убежище-отстойник для уголовников». Причину для столь резкой оценки читатель популярной столичной газеты увидел в том, что приехать в Грозный и «быть уверенным, что

его там не тронут» мог любой человек, совершивший на родине тяжкое преступление [«Мы потребовали» 1992].

Чуть позднее другой побывавший в Грозном корреспондент «Огонька» Г.М. Целмс, со ссылкой не только на собственные впечатления, но и на свидетельства местных жителей различных политических взглядов, также признавал рост преступности в мятежной Чечне. В частности, жители Грозного осенью 1992 года были вынуждены признать, что в вечернее время обычным гражданам лучше было не покидать жилищ из-за вполне конкретной угрозы нападения на них со стороны криминальных элементов. Это обстоятельство весьма точно подчеркивали слова одного из собеседников Целмса о том, что «в Чечне с оружием благодать» [Целмс 1992: 27]. Нелицеприятная картина представала и при описании журналистом «Огонька» улиц столицы республики: «грязь везде, хлам, телефоны-автоматы без трубок, набитые битком автобусы» [Целмс 1992: 27]. В этом отношении, как писал столичный корреспондент, Грозный ничуть не отличался от Москвы первых постсоветских лет в лучшую сторону [Целмс 1992: 27].

О том, что чеченский криминал реально угрожает ближайшим соседям непризнанной республики и требует принятия экстренных мер со стороны центральных властей, свидетельствовал и материал газеты «Известия», всего лишь годом ранее выражавшей симпатии пришедшему к власти в Грозном сепаратистскому режиму. Журналист Н. Гритчин сообщал, что в пограничном с Чечней Курском районе Ставропольского края участились грабежи, разбойные нападения, угоны скота и личного транспорта жителей, и приводил статистику районного отдела внутренних дел, согласно которой за январь-август 1992 года чеченцы совершили четверть от раскрытых уголовных преступлений в районе [Гритчин 1992]. Для сравнения, в этот период лишь каждый пятнадцатый житель Курского района был чеченцем по национальности [Гритчин 1992]. С целью воспрепятствовать незаконному перевозу оружия и боеприпасов, а также безлицензионному вывозу товаров с 10 сентября по всему периметру административной границы Чечни с Дагестаном, Северной Осетией и Ставропольским краем был установлен жесткий контроль провоза грузов. Его осуществлением занимались не только силы милиции или ОМОНа, но и военнослужащие Внутренних войск (ВВ) МВД России. В частности, для охраны административной границы с Чечней в Курский район прибыли милиционеры из многих российских регионов и бойцы полка ВВ из Санкт-Петербурга, после чего на основных дорогах Ставропольского края были оборудованы дополнительные контрольно-пропускные пункты (КПП), усиленные бронетехникой.

Как писал Гритчин, в это время мобильные группы МВД курсировали по песчаным дорогам в Ногайской степи, изымая холодное и огнестрельное оружие, боевые гранаты. По его сведениям, местное население видело в российских военных реальную защиту от вылазок чеченских бандитов, а потому относилось к ним с радушием и надеждой. Крестьяне угощали солдат и офицеров дынями, арбузами или орехами. В свою очередь, те нередко подвозили местных жителей до ближайшей автобусной обстановки на бронетехнике или для развлечения катали на ней же детей. Районные власти взяли на себя размещение

войск, благоустройство мест их дислокации, оборудование КПП, а также продовольственное обеспечение военнослужащих ВВ МВД РФ. Несмотря на это, корреспондент «Известий» утверждал, что ряд неназванных им местных экспертов подвергают сомнению целесообразность размещения военных на границе с таким тревожным регионом, как Чечня. Причиной их скепсиса Н. Гритчин полагал постоянный риск перехода локальных пограничных стычек в полномасштабные боевые действия [Гритчин 1992]. Кроме того, как заметил журналист, работники ставропольской ГАИ весьма часто пропускали чеченские автомашины без номеров по знакомству, после чего аналогичным образом стали вести себя и российские военные [Гритчин 1992]. Таким образом, борьба с чеченскими криминальными группами быстро стала приобретать откровенно формальный характер.

Несколько иное впечатление у российских масс-медиа осталось в конце октября того же года после посещения административной границы непризнанной Чечни и Дагестана. Журналисты столичных изданий «Независимой газеты» и «Комсомольской правды» Н.М. Пачегина и С. Фролов писали, что ее закрывали десять постов, на которых находились военнослужащие срочной службы из отдельной мотострелковой дивизии особого назначения имени Ф.Э. Дзержинского [Пачегина 1992; Фролов 1992b]. В статье Н.М. Пачегиной на примере КПП № 4, располагавшегося между чеченским селением Азамат-Юрт и дагестанским райцентром Бабаюрт, приводились многочисленные бытовые подробности несения ими службы на Кавказе. Так, с дагестанской стороны границы располагались окопы сложного профиля, ряды колючей проволоки, а на КПП присутствовали бытовые помещения и полевые кухни. Все они были усилены бронетехникой, вкопанной в землю. Согласно описанию журналистки, быт российских военных был спартанским: туалет и душ в месте их дислокации отсутствовали, а дежурство для гарнизона из 20 бойцов продолжалось в течение двух суток. При этом жалованье обычных солдат не превышало 6 тысяч рублей и его с трудом хватало на приобретение сигарет [Пачегина 1992].

В публикации «Независимой газеты» был подробно охарактеризован и функционал военных: охрана периметра административной границы с самопровозглашенной Чечней, а также досмотр личного и государственного автотранспорта на предмет наличия грузов без лицензионных документов. Как утверждала автор статьи в авторитетном столичном издании, таких полномочий у военнослужащих ВВ МВД не было [Пачегина 1992]. Несколько иная с юридической точки зрения ситуация складывалась на дислоцированном у райцентра Кизляр, на мосту через реку Терек КПП № 6, где службу несли также дагестанские милиционеры, по законодательству имевшие право изымать запрещенные к ввозу и вывозу из республики грузы. Как упоминал журналист «Комсомолки», российские солдаты несли постовую службу в бронежилетах и с полной выкладкой [Фролов 1992b]. Фактически подобная картинка наглядно иллюстрировала близкую к военной обстановку на Северном Кавказе.

Еще один участник визита журналистов в мятежную Чечню, уже упомянутый выше член редколлегии «Русского вестника» А.М. Иванов, описывал такие же посты федеральных силовых структур и местных сил правопорядка на пути

из Владикавказа [Иванов 1992]. В его публикации внимание читателей акцентировалось на слабости укреплений российских военных на административной границе с непризнанной республикой: «стоит времянка, окруженная недонатакнутой проволокой и окопами, в один из которых зарылся БТР, а в другом залег солдат с автоматом» [Иванов 1992]. Также солдаты пытались укрепить позиции автомобильными шинами, укладывая их друг на друга, а один из бойцов с пулеметом сидел на крыше поста ГАИ. Блокаду самопровозглашенной республики Иванов считал в целом неэффективной, поскольку федеральные войска контролировали только основные автомобильные магистрали, где без энтузиазма досматривали проезжавший транспорт из Чечни, в то время как местные жители могли воспользоваться хорошо известными им окольными тропами. В результате этого пресечь контрабанду оружия и боеприпасов или поток добровольцев из национальных республик в воюющую Абхазию российские силовые структуры не смогли [Иванов 1992].

Выводы А.М. Иванова полностью подтверждали также журналисты «Труда» [Чкаников 1992], «Комсомольской правды» [Фролов 1992b] и журнала «Огонек» [Целмс 1992: 27]. В частности, в публикации Г.М. Целмса содержалось утверждение об отсутствии у российских военнослужащих на границе мятежной Чечни какого бы то ни было специального оборудования, позволявшего «просветить» кузов досматриваемой автомашины. В силу технической слабости подразделения ВВ МВД России в Дагестане смогли изъять всего лишь одну единицу стрелкового оружия за месяц [Целмс 1992: 27]. Герой публикации Н.М. Пачегиной, командир одного из КПП на дагестанской границе лейтенант дивизии особого назначения С. Морозов, утверждал, что даже у вооруженных чеченцев практически всегда имелись официальные документы, подписанные теми или иными государственными организациями из Грозного. В итоге военные были вынуждены возвращать табельное оружие их владельцам. Ни разу не были обнаружены ими и наркотики [Пачегина 1992]. Таким образом, независимо от собственных политических пристрастий, практически все столичные корреспонденты, посетившие осенью 1992 года Северный Кавказ, скептически оценивали эффективность действий федеральных сил против криминальных групп и политики Центра в регионе в целом.

В той же газетной статье как российские военные, так и чеченские сепаратисты, противостоявшие друг другу на границе, по разным причинам выражали явное недовольство сложившейся обстановкой. Силовикам был непонятен смысл их пребывания в Дагестане, так как режим чрезвычайного положения в республике отсутствовал, а наличие многочисленных и неконтролируемых «тайных троп» превращало пребывание войск в фикцию. В свою очередь, некий командир «взвода спецназа» из селения Азамат-Юрт Гудермесского района Чечни А. Джумаев выражал сильное недоумение, почему передовые КПП российских войск находятся в непосредственной близости от границы, а не в 5 км от нее, как того требовали соглашения военных и районной администрации. С чеченской стороны службу на административной границе в этом районе несли лишь два бойца спецназа – т.н. «президентские береты» [Чкаников 1992]. Досмотр личного автотранспорта жителей Чечни со стороны российских военных

тоже вызывал неприязнь у представителей сепаратистского режима, так как, по их мнению, существовал постоянный риск перерастания бытового конфликта в настоящие боевые действия [Пачегина 1992]. Серьезными отличиями обстановки в Дагестане от ситуации в Ставропольском крае в это время были сильное раздражение местных жителей от военного присутствия вблизи пограничных населенных пунктов и их подчас весьма откровенные симпатии мятежной Чечне. В частности, журналист «Огонька» Г.М. Целмс приводил свидетельство одного из дагестанских крестьян: «С чеченцами мы братья. И уж коли, не дай Аллах, случится война, конечно же, будем вместе» [Целмс 1992: 26].

Важное место в публикациях российских СМИ из Чечни тех лет занимали статьи, повествовавшие об активных попытках сепаратистского режима создать собственные вооружённые силы. Так, журналист «Комсомольской правды» С. Фролов, посетивший в Грозном место дислокации горно-пехотного батальона армии непризнанной республики, отметил, что на воротах военного городка место советской пятиконечной звезды заняло изображение одинокого волка [Фролов 1992b]. Батальоном командовал бывший прапорщик Советской Армии Х. Асхабов, получивший при дудаевском режиме воинское звание лейтенанта. В интервью столичной газете он заявил, что в «чеченскую армию» осуществляется призыв не только вайнахов, но добровольцев всех национальностей, включая русских, белорусов и даже терских казаков. Потенциальным военным противником Чечни была объявлена Россия, причем Асхабов утверждал, что «если придется, мы готовы сражаться до конца!». При этом качество боевой подготовки этой «армии» столичные визитеры в целом оценивали низко. Само описание военного городка, данное журналистом «Комсомолки», выдавало его явный скепсис по данному поводу. С его слов, в чеченской казарме коллективный намаз бойцов и голос муллы из репродуктора соседствовал с лозунгами бывшей Советской Армии. В качестве важной отличительной черты «вооруженных сил» самопровозглашенной республики журналист отмечал полное отсутствие дисциплины и порядка. С его слов чеченские солдаты были «одеты во что Бог послал», в военном городке наблюдались запустение, обшарпанная техника и горы хлама. Батальон не был полностью укомплектован личным составом [Фролов 1992b].

В другом военном городке Грозного С. Фролов встретил лишь пожилого милиционера-охранника, рассказавшего ему о том, что на вверенном ему объекте за последние десять дней были отражены две попытки массового грабежа. О том, насколько серьезными и крупными были эти атаки, свидетельствуют следующие слова чеченского стража правопорядка: «соберутся тысяч несколько всякой шпаны и такое тут устраивали» [Фролов 1992b]. Тем не менее боевая техника, автомобили и радиостанции в бывшей советской воинской части постепенно приходили в негодность: 13 из 30 грузовиков «ЗИЛ-131» уже были превращены в «чистый металлолом» [Фролов 1992b]. Однако корреспондент «Комсомольской правды» старался не преувеличивать масштаб хаоса в армии непризнанной Чечни, так как сам обнаружил на его территории военного городка в Грозном 8 зенитных пушек и 10 миномётов, находившихся в хорошем состоянии [Фролов 1992b].

Похожая статья вышла в те дни и в «Красной звезде». Очевидной целью визита военных журналистов А. Петрова и И. Питалева в Грозный являлось отслеживание процесса формирования чеченских «вооруженных сил». Поначалу они не встретили теплого приема ни у председателя чеченского парламента Х.С. Ахмадова, ни у «начальника Главного штаба» непризнанной республики генерал-лейтенанта авиации В.М. Шахабова, после чего самостоятельно дошли до ближайшего военного городка на проспекте Победы (ныне – проспект В.В. Путина) в Грозном. Как писали корреспонденты «Красной звезды», в советский период там располагались окружной учебный центр и учебная танковая дивизия. Теперь же журналисты «Красной звезды» легко проникли внутрь через пролом в стене, несмотря на то что КПП городка был заперт. Описание самого военного объекта в газете практически не отличалось от того, что было дано в «Комсомолке»: мусор, разбитые фонари, неубранные асфальтовые дорожки, изрешеченные пулями дорожные знаки были составной частью печальной повседневности бывшего военного объекта Советской Армии [Петров, Питалев 1992].

Чеченские солдаты никак не реагировали на появление посторонних людей на территории воинской части и даже указали им дорогу к зданию штаба, где журналисты лишь на последнем этаже встретили дневального. Интересно, несмотря на непростые взаимоотношения федерального Центра и непризнанной Чечни, заместитель начальника «Главного штаба» республики, бывший полковник Советской Армии А.С. Мацаев весьма доброжелательно пообщался с репортерами «Красной звезды», разрешив им не только свободное посещение части, но и фотосъемку на ее территории. В интервью он честно признавал очевидные вещи: налеты бандитов на объекты бывшей Советской Армии в Грозном в поисках оружия стали обыденностью, причем в некоторых случаях они сопровождались поджогами казарм. Поскольку чеченские военные не могли оградить воинскую часть от подобных нападений, на казарме специально для грабителей были вынуждены повесить табличку с характерной надписью «Оружия нет!». Регулярная армия Чечни страдала от острого дефицита личного состава: из призванных весной 1992 года 800 человек из-за массового дезертирства к осени остались лишь 200. Причинами бегства военнослужащих стали тяжелые бытовые условия, недостаток питания и обмундирования. Не хватало также кадровых офицеров и специалистов с академическим образованием, готовить которых на территории самой Чечни было негде и некому [Петров, Питалев 1992]. В беседе с московскими журналистами А.С. Мацаев вынужден был посетовать на неспособность непризнанного Чеченского государства защитить создаваемую армию от произвола мафиозных группировок [Петров, Питалев 1992].

Иначе расставил акценты сам генерал Д.М. Дудаев, лично общавшийся с представителями крупнейших российских масс-медиа после возвращения из поездки в Великобританию в октябре 1992 года. Лидер сепаратистского режима в Грозном был вынужден признать, что создаваемая им армия пока переживает не лучшие дни, поэтому при возможной в будущем войне против федеральных войск он в большей степени надеется на «газават до последнего чеченца» и сам готов погибнуть в бою [Чкаников 1992]. При этом бывший советский военачальник декларировал и конкретные меры по укреплению боеспособности воору-

женных сил Чеченской Республики: для ликвидации дефицита офицерских кадров Дудаев планировал открыть военный лицей в Грозном, в то время как за рубежом в это время уже завершали обучение 24 пилота из Чечни. Более того, он пообещал российским журналистам, что в ближайшем будущем «у чеченских летчиков будет все необходимое для того, чтобы надежно защищать небо родины. А покупать оружие будем там, где нам выгодно» [Петров, Питалев 1992].

На страницах ведущих центральных масс-медиа в 1992 году были представлены не только власти в Грозном, но и чеченская оппозиция. Из публикаций столичной печати следовало, что далеко не все жители республики являются сторонниками дудаевского режима. Еще весной собственный корреспондент «Российской газеты» А.М. Алешкин в небольшой заметке описывал непростую судьбу старейшего печатного издания Северного Кавказа газеты «Голос Чечено-Ингушетии». Оставаясь независимым масс-медиа, после прихода к власти правительства Д.М. Дудаева она фактически играла роль трибуны, то есть публиковала как его сторонников, так и противников. В силу этого газета была лишена материальной поддержки со стороны органов власти и испытывала постоянное силовое давление, вплоть до появления в коридорах редакции вооруженных дудаевских гвардейцев [Алешкин 1992b]. Данный факт полностью опровергал заявления генерала-президента о торжестве свободы слова в самопровозглашенной республике.

В свою очередь, спустя примерно полгода журналист «Огонька» Г.М. Целмс констатировал, что в Чечне существует оппозиция дудаевскому режиму и даже вполне легально критикует его за падение уровня жизни населения, рост коррупции в органах власти, невнимание к социальной сфере и диктаторские методы управления [Целмс 1992: 27]. Как писал корреспондент, даже спустя год после фактического отделения республики от России противники чеченских властей имели возможность свободно выступать с программными речами в драматическом театре Грозного и не становились после этого жертвами репрессий [Целмс 1992: 27]. Вероятно, последнее обстоятельство объяснялось тем, что генерал Д.М. Дудаев не воспринимал своих оппонентов всерьез – в интервью «Комсомольской правде» в те же дни он заявил, что желал бы видеть в таком качестве «интеллектуалов со своей программой», а не властолюбцев, желавших «в период приватизации прикарманить побольше народного добра» [Фролов 1992b].

Чеченские оппозиционеры, с которыми довелось общаться столичным журналистам, нередко критиковали политику Москвы в регионе. Многие из них были уверены в тайном сговоре дудаевского режима с федеральными властями, поскольку ряд действий России, формально направленных против самопровозглашенного президента, фактически приводил лишь к усилению его политических позиций [Целмс 1992: 27]. Например, следствием неудачной попытки российского президента Б.Н. Ельцина ввести режим чрезвычайного положения в Чечено-Ингушетии 7 ноября 1991 года или провалившейся вооруженной акции противников Д.М. Дудаева в Грозном 31 марта 1992 года стали заметный рост популярности в республике фигуры президента и полная дискредитация оппозиции. Как замечали А.П. Дубнов и Г.Е. Ковальская, с именем генерала чечен-

цы связывали идеи независимости и противостояния «российскому имперскому центру» [Дубнов, Ковальская 1992: 23]. В силу этого дудаевская пропаганда объясняла все негативные моменты в жизни Чечни «рукой Москвы», то есть федеральных силовых структур в союзе с бывшей республиканской партноменклатурой, свергнутой в результате массовых акций протеста лета-осени 1991 года. Некоторые жители Грозного, встреченные журналистами «Нового времени» на улицах, были искренне уверены, что вооруженная оппозиция желала не просто свергнуть власть Д.М. Дудаева, но и подписать Федеративный договор с Центром от имени бывшей Чечено-Ингушетии [Дубнов, Ковальская 1992: 22]. Специальный корреспондент «Российской газеты» по Северному Кавказу А.М. Алешкин передавал мнение участников продудаевского митинга в центре города, говоривших о том, что «Чечня – не Грузия. В Чечне грузинский вариант не пройдет» [Алешкин 1992а]. Под последним явно понималось силовое свержение первого президента независимой Грузии З.К. Гамсахурдия в ходе переворота в Тбилиси на рубеже 1991-1992 гг.

Заключение

Из процитированных в публикации газетных источников следует, что в 1992 году многие аспекты жизни самопровозглашенной Чеченской Республики вызывали неподдельный интерес в основных столичных изданиях. В Грозный ездили как корреспонденты газет и журналов, поддерживавших курс правительства на рыночные преобразования в экономике и демократизацию политической жизни, так и представители оппозиционной печати. Их статьи выходили в рубрике «На ближнем пограничье» [Фролов 1992b], что подчеркивало неопределенный статус Чечни того времени, а выводы журналистов касательно жизни в непризнанной республике отличались противоречивостью. С одной стороны, федеральные СМИ считали дудаевский режим в Грозном в целом крепким и устойчивым, а шансы местной оппозиции на успех воспринимались ими скептически. В силу этого СМИ выступали за признание Центром статус-кво в регионе. С другой стороны, московская пресса не могла не замечать общего ухудшения экономической и криминогенной обстановки в Чечне в это время, а также приводила конкретные примеры враждебного отношения правившего в Грозном режима политике России на Северном Кавказе. Дудаевский режим оценивался как вполне вероятный военный противник.

Этому во многом способствовала непростая обстановка на административных рубежах Чечни, ставшая предметом серьезного внимания центральных СМИ осенью 1992 года. Боеспособность создававшихся дудаевским режимом чеченских вооруженных формирований оценивалась столичной печатью как крайне сомнительная, но при этом любая возможная силовая акция Центра с целью восстановления территориальной целостности государства воспринималась в масс-медиа любой политической направленности как катастрофа регионального масштаба. Весьма однозначную оценку дал корреспондент Г.М. Целмс в журнале «Огонек»: «война с Чечней – это война со всем Северным Кавказом», в то время как «мир с Чечней –... мир на всем Северном Кавказе» [Целмс 1992: 26]. Более того, российские масс-медиа осуждали любые жесткие невоенные действия

Москвы, полагая, что экономическая или воздушная блокада Чечни лишь поспособствуют консолидации населения Чеченской Республики вокруг фигуры генерала Д.М. Дудаева и, тем самым, лишь усилят его позиции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Алешкин 1992а – *Алешкин А.* Попытка переворота в Чечне: загнанный волк непредсказуем // Российская газета. – 1992. – 24 апреля.
- Алешкин 1992б – *Алешкин А.* Кинжалом землю не вспашешь // Российская газета. – 1992. – 29 мая.
- Асташкин 2005 – *Асташкин Н.С.* По волчьему следу. Хроники чеченских войн. – М.: Вече, 2005. – 416 с.
- Бугай 2006 – *Бугай Н.Ф.* Чеченская республика: конфронтация, стабильность, мир. – М.: ИРИ РАН, 2006. – 476 с.
- Бутурлинов 1992 – *Бутурлинов И.* О чем шумит Терек // Гудок. – 1992. – 2 октября.
- Гритчин 1992 – *Гритчин Н.* Ставрополье закрывает границу с трудным соседом // Известия. – 1992. – 18 сентября.
- Дубнов, Ковальская 1992 – *Дубнов А., Ковальская Г.* С Россией или без?.. // Новое время. – 1992. – № 20. – С. 22-25.
- Ельцин 2000 – *Ельцин Б.Н.* Президентский марафон. Размышления, воспоминания, впечатления. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2000. – 428 с.
- Иванов 1992 – *Иванов А.* Вид на Россию из Чечни // Русский вестник. – 1992. – № 41-44.
- Интересы России 1992 – *Интересы России: безопасность, политика, экономика.* «Круглый стол» в редакции «Красной звезды» // Красная звезда. – 1992. – 10 октября.
- Князьков 1992 – *Князьков С.* КГНК меняет название. И стремится расширить границы своего влияния // Красная звезда. – 1992. – 6 октября.
- Кудрин 1992 – *Кудрин Н.* Мы ждем перемен // Золотое кольцо. – 1992. – 20 ноября.
- Левада 1993 – *Левада Ю.* Критический баланс «внеочередного» года // Московские новости. – 1993. – 3 января.
- Ливен 2019 – *Ливен А.* Чечня: трагедия российской мощи. Первая чеченская война. – М.: Университет Дмитрия Пожарского. Русский фонд содействия образованию и науке, 2019. – 560 с.
- Ляховский 2006 – *Ляховский А.А.* Зачарованные свободой: Тайны кавказских войн: Информация. Анализ. Выводы. – М.: Детектив-Пресс, 2006. – 640 с.
- Малашенко, Тренин 2002 – *Малашенко А.В., Тренин Д.А.* Время Юга: Россия в Чечне, Чечня в России. – М.: Гендальф, 2002. – 267 с.
- «Мы потребовали» 1992 – «Мы потребовали разоружить министров и префектов». В канун праздника российской милиции министр внутренних дел РФ Виктор Ерин ответил на вопросы читателей // Комсомольская правда. – 1992. – 7 ноября.
- Орлов 1993 – *Орлов В.* «Кнут и пряник» нового федерализма // Московские новости. – 1993. – 10 января.
- Пачегина 1992 – *Пачегина Н.* Граница, которая никому не нужна. Тем более что по обе стороны ее нищета // Независимая газета. – 1992. – 30 октября.
- Петров, Питалев 1992 – *Петров А., Питалев И.* «Оружия нет!». Такую предупредительную надпись мы увидели на одной из казарм в Грозном // Красная звезда. – 1992. – 12 ноября.
- Савичев 1992 – *Савичев В.* На краю державы. Не оступиться бы // Аргументы и факты. – 1992. – № 42.
- Саргин 1992 – *Саргин А.* «Алло, у аппарата Джохар Дудаев» // Аргументы и факты. – 1992. – № 40.
- Татарченков 1992 – *Татарченков О.* «Я вернусь, мама» // Золотое кольцо. – 1992. – 27 ноября.

- Тишков 2001 – *Тишков В.А.* Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны. – М.: Наука, 2001. – 552 с.
- Тумаков 2017 – *Тумаков Д.В.* Горячая точка новой России: чеченский кризис 1991-1996гг. в оценках российского общества. – Ярославль: Аверс Плюс, 2017. – 740 с.
- Тумаков 2024 – *Тумаков Д.В.* Восприятие Республики Армения в российской прессе // Россия и Армения: история и современность. Сборник научных статей. – Ярославль: Филигрань, 2024. – С. 53-65.
- Угланов 1992 – *Угланов А.* «Спокойно, друзья, спокойно!» // Аргументы и факты. – 1992. – № 24.
- Фролов 1992а – *Фролов С.* Прямая речь генерала Дудаева // Комсомольская правда. – 1992. – 28 октября.
- Фролов 1992б – *Фролов С.* Одинокий волк под одинокой луной // Комсомольская правда. – 1992. – 4 ноября.
- Целмс 1992 – *Целмс Г.* Россия – Чечня: ни войны, ни мира... // Огонек. – 1992. – № 47-49. – С. 26-27.
- Чкаников 1992 – *Чкаников М.* Грозные сигналы из Грозного // Труд. – 1992. – 27 октября.
- Чугунова, Штейнбок 1992 – *Чугунова Н., Штейнбок М.* Кавказский круг // Огонек. – 1992. – № 42-43. – С. 6-7.
- Шаповалов 1992 – *Шаповалов О.* Чечня многоствольная. Год назад в России случилась еще одна октябрьская революция // Комсомольская правда. – 1992. – 28 октября.
- Эпоха Ельцина 2001 – *Эпоха Ельцина: Очерки политической истории.* – М.: «Вагриус», 2001. – 816 с.

REFERENCES:

- ALYOSHKIN A. *Popytka perevorota v Chechne: zagnannyj volk nepredskazuem* [Coups attempt in Chechnya: a hunted wolf is unpredictable]. In: *Rossiskaya gazeta*. – 1992. – April 24. (In Russ.).
- ALYOSHKIN A. *Kinzhalom zemlyu ne vspashesh* [You can't plow the land with a dagger]. In: *Rossiskaya gazeta*. – 1992. – May 29. (In Russ.).
- ASTASHKIN N.S. *Po volchemu sledu. Hroniki chechenskih vojn* [On the Wolf's trail: chronicles of the Chechen Wars] - Moscow: Veche, 2005. – 416 p. (In Russ.).
- BUGAY N.F. *Chechenskaja respublika: konfrontacija, stabilnost, mir* [The Chechen Republic: confrontation, stability, peace]. - Moscow: IRI RAN, 2006. – 476 p. (In Russ.).
- BUTURLINOV I. *O chem shumit Terek* [What is the Terek noisy about?]. In: *Gudok*. – 1992. – October 2. (In Russ.).
- GRITCHIN N. *Stavropolie zakryvaet granitsu s trudnym sosedom* [Stavropol Territory closes the border with a difficult neighbor]. In: *Izvestia*. – 1992. – September 18. (In Russ.).
- DUBNOV A., KOVALSKAYA G. *S Rossiej ili bez?..* [With or without Russia?..]. In: *Novoje vremya*. – 1992. - № 20. – P. 22-25. (In Russ.).
- YELTSIN B.N. *Prezidentskiy marafon. Razmyshlenia, vospominania, vpechatlenia* [Presidential maraphon. Reflections, memories, impressions]. – Moscow: OOO Izdatelstvo ACT, 2000. – 428 p. (In Russ.).
- IVANOV A. *Vid na Rossiju iz Chechni* [View of Russia from Chechnya]. In: *Russkij vestnik*. – 1992. – № 41-44. (In Russ.).
- Interesy Rossii: bezopasnost, politika, economica. «Krugly stol» v redakcii «Krasnoj zvezdy»* [Russia's interests: security, politics, economy. Round table in the editorial office of Krasnaya Zvezda]. In: *Krasnaya Zvezda*. – 1992. – October 10. (In Russ.).
- KNYAZKOV S. *KGNK menyaet nazvanije. I stremitsya rashirit granitsy svoego vliyanija* [KGNK is changing its name. And it seeks to expand the boundaries of its influence]. In: *Krasnaya Zvezda*. – 1992. – October 6. (In Russ.).
- KUDRIN N. *My zhdyom peremen* [We are waiting for changes]. In: *Zolotoye koltso*. – 1992. - November 20. (In Russ.).

LEVADA J. *Kriticheskij balans «vneochednogo» goda* [Critical balance of the «extraordinary» year]. In: Moskovskije novosti. – 1993. – January 3. (In Russ.).

LIVEN A. *Chechnya: tragedija rossijskoj moschi. Pervaja chechenskaja vojna* [Chechnya: the tragedy of Russian power. The First Chechen War]. - Moscow: Dmitry Pozharsky University, 2019. – 560 p. (In Russ.).

LYAKHOVSKY A.A. *Zacharovannyje svobodoj: Tajny kavkazskih vojn: Informacija. Analiz. Vывody* [Enchanted Freedoms: Secrets of the Caucasian Wars: Information. Analysis. Conclusions]. - Moscow: Detectiv-Press, 2006. – 640 p. (In Russ.).

MALASHENKO A.V., TRENIN D.A. *Vremya Juga: Rossiya v Checne, Chechnya v Rossii* [Time of the South: Russia in Chechnya, Chechnya in Russia]. – Moscow: Gendalf, 2002. – 267 p. (In Russ.).

«*My potrebovali razoruzhit ministrov i prefektov*». *V kanun prazdnika rossijskoj ministr vnutrennih del RF Viktor Erin otvetil na voprosy chitatelej* [We demanded that the ministers and prefects be disarmed. On the eve of the Russian police holiday, the Minister of Internal Affairs of the Russian Federation Viktor Yerin answered reader's questions]. In: Komsomolskaya pravda. – 1992. – November 7. (In Russ.).

ORLOV V. «*Knut i pryantik*» *novogo federalizma* [The carrot and stick of the new federalism]. In: Moskovskije novosti. – 1993. – January 10. (In Russ.).

PACHEGINA N. *Granitsa kotoraya nikomu ne nuzhna. Tem bolee chto po obe storony ee nishcheta* [A border that no one needs. Moreover, there is poverty on both sides of it]. In: Nezavisimaya gazeta. – 1992. – October 30. (In Russ.).

PETROV A., PITALEV I. «*Oruzhija net!*». *Takuju predupreditelnuju nadpis my uvideli na odnoj iz kazarm v Groznom* [There are no weapons! We saw such a warning inscription on one of the barracks in Grozny]. In: Krasnaya Zvezda. – 1992. – November 12. (In Russ.).

SAVICHEV V. *Na kraju derzhavy. Ne ostupitsya by* [On the edge of the state. I wouldh't stumble]. In: Argumenty i facty. – 1992. – № 42. (In Russ.).

SARGIN A. «*Allo, u apparata Dzhokhar Dudaev*» [Hello Dzhokhar Dudaev at the apparatus]. In: Argumenty i facty. – 1992. – № 40. (In Russ.).

TATARCHENKOV O. «*Ya vernus, mama*» [“I'll be back, mom”]. In: Zolotoye koltso. – 1992. - November 27. (In Russ.).

TISHKOV V.A. *Obschestvo v vooryzhennom konflikte. Etnografija chechenskoj vojny* [Society in armed conflict. Ethnography of the Chechen War]. – Moscow: Nauka, 2001. – 552 p. (In Russ.).

TUMAKOV D.V. *Goryachaya tochka novoj Rossii: chechenskij krizis 1991-1996gg. v otsenkah rossijskogo obschestva* [Hot spot of the new Russia: the Chechen crisis of 1991-1996 in the Assessments of Russian Society]. – Yaroslavl: Avers plus, 2017. – 740 p. (In Russ.).

TUMAKOV D.V. *Vospriyatije Respubliki Armenija v rossijskoj presse* [Perception of the Republic of Armenia in the Russian press]. In: Rossiya i Armenija: sbornik nauchnyh statej. Yaroslavl: Filigran, 2024. – P. 53-65. (In Russ.).

UGLANOV A. «*Spokojno, druzya, spokojno!*» [«Calm down, friends, calm down!»]. In: Argumenty i facty. – 1992. – № 40. (In Russ.).

FROLOV S. N: *Pryamaya rech generala Dudaeva* [Quote from General Dudaev] Komsomolskaya pravda. – 1992. – October 28. (In Russ.).

FROLOV S. *Odinokij vorf pod odinokoj lounoy*. [Lone wolf under a lonely moon]. In: Komsomolskaya pravda. – 1992. – November 4. (In Russ.).

TSELMIS G. *Rossija – Chechnya: ni vojny, ni mira...* [Russia – Chechnya: no war, no peace]. In: Ogonyok. – 1992. - № 47-49. – P. 26-27. (In Russ.).

CHKANIKOV M. *Groznyje signaly iz Groznogo* [Formidable signals from Grozny]. In: Trud. – 1992. – October 27. (In Russ.).

CHUGUNOVA N., SHTEINBOK M. *Kavkazskij krug* [Caucasian Circle]. In: Ogonyok. – 1992. - № 42-43. – P. 6-7. (In Russ.).

ШАРОВАЛОВ О. *Chechnya mnogostvolnaya. God nazad v Rossii sluchilas eshe odna oktyabrskaya revoliucija* [Chechnya is multi-stemmed. A year ago, another October revolution took place in Russia]. In: Komsomolskaya pravda. – 1992. – October 28. (In Russ.).

Epoha Yeltsina: Ocherki politicheskoy istorii [The Yeltsin Era: Essays on Political history]. - Moscow: Vagrius, 2001. – 816 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Д.В. Тумаков – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the authors

D.V. Tumakov – PhD (in History).

Статья поступила в редакцию 27.09.2024 г.; одобрена после рецензирования 12.12.2024 г.; принята к публикации 27.12.2024 г.

The article was submitted 27.09.2024; approved after reviewing 12.12.2024; accepted for publication 27.12.2024.

Научная статья
УДК 94(470.64)+332.1
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-160-173
EDN: LUKZPE

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 90-Х ГОДОВ XX ВЕКА

Марина Викторовна Жанокова

Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия, s.marisabel@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8043-0531>

Аннотация. С середины 90-х гг. XX в. властные структуры Кабардино-Балкарской Республики активизировали внешнеэкономическую деятельность, которая выступила в качестве механизма преодоления экономического кризиса. Позитивными результатами деятельности властных структур КБР в данном направлении стали: создание Министерства внешних связей КБР; воссоздание в его составе управления внешнеэкономических связей; заключение межгосударственных договоров с Правительством Республики Абхазия, Правительством Турецкой Республики и Правительством Республики Туркменистан. Стали развиваться экономические связи КБР со странами СНГ. Происходил рост количества совместных российско-иностраннх компаний, зарегистрированных в КБР. Были подписаны контракты с крупными компаниями Италии, Кипра, Канады, Франции и Китая. Тем не менее, успехи деятельности совместных предприятий в КБР во 2-й половине 90-х гг. XX в. оказались незначительными, что было обусловлено жесткой федеральной налоговой и кредитной политикой, затруднявшей развитие производственной деятельности, падением курса рубля и военным конфликтом в Чечне, который послужил причиной существенного снижения инвестиционной привлекательности КБР и всего Северного Кавказа на международном уровне.

Ключевые слова: внешнеэкономическая деятельность, иностранные предприятия, инвестиции, Кабардино-Балкарская Республика, кризисный период, военный конфликт

Для цитирования: Жанокова М.В. Внешнеэкономическая деятельность Кабардино-Балкарской Республики во второй половине 90-х годов XX века // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 4. – С. 160-173. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-160-173. EDN: LUKZPE.

© Жанокова М.В., 2024

Original article

FOREIGN ECONOMIC ACTIVITY OF THE KABARDINO-BALKARIAN REPUBLIC IN THE SECOND HALF OF THE 90S OF THE XX CENTURY

Marina V. Zhanokova

Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, s.marisabel@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8043-0531>

Abstract. Since the mid-90s of the twentieth century, the authorities of the Kabardino-Balkarian Republic have increased overseas economic activity as a means of overcoming the economic crisis. The positive results of the activities of the authorities of the Kabardino-Balkarian Republic in this area were: the establishment of the Ministry of Foreign Relations of the Kabardino-Balkarian Republic; the re-establishment of the Department of Foreign Economic Relations within it; the conclusion of interstate agreements with the Government of the Republic of Abkhazia, the Government of the Republic of Turkey and the Government of the Republic of Turkmenistan. Economic ties between the Kabardino-Balkarian Republic and the Commonwealth of Independent States began to develop. The number of joint Russian-foreign companies registered in the Kabardino-Balkarian Republic grew. Contracts were signed with large companies from Italy, Cyprus, Canada, France and China. Nevertheless, the success of joint ventures in the Kabardino-Balkarian Republic in the second half of the 1990s turned out to be insignificant, which was due to the strict federal tax and credit policies that hampered the development of production activities, the fall of the ruble exchange rate and the military conflict in Chechnya, which caused a significant decrease in the investment attractiveness of the Kabardino-Balkarian Republic and the entire North Caucasus at the international level.

Keywords: foreign economic activity, foreign enterprises, investments, Kabardino-Balkarian Republic, crisis period, military conflict

For citation: Zhanokova M.V. Foreign economic activity of the Kabardino-Balkarian Republic in the second half of the 90s of the XX century. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 4. – P. 160-173. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-160-173. EDN: LUKZPE.

© Zhanokova M.V., 2024

Введение

Актуальность исследования. Во второй половине 90-х гг. XX в. Правительство Кабардино-Балкарской Республики в сложной социально-политической и экономически нестабильной ситуации осуществляло деятельность по расширению международного сотрудничества и укреплению прежних связей с иностранными партнерами. Развитие межрегионального и внешнеэкономического сотрудничества является одним из актуальных направлений деятельности властных структур КБР и в современный период. В этой связи изучение опыта внешнеэкономической деятельности Кабардино-Балкарской Республики в указанный период имеет важное значение в научно-теоретическом и практическом отношениях.

Цель работы – исследование внешнеэкономической деятельности Кабардино-Балкарии во второй половине 90-х гг. XX в.

Степень научной разработанности темы. Опыт и проблемы внешнеэкономической деятельности Кабардино-Балкарии во второй половине 90-х гг. XX в. ранее не становились предметом специального научного исследования.

Источниковая база работы. Настоящая статья подготовлена на основе анализа архивных документов и материалов Управления Центрального государственного архива Архивной службы КБР (УЦГА АС КБР, г. Нальчик), материалов периодической печати и сведений информантов.

Основная часть

С середины 90-х гг. XX в. властные структуры Кабардино-Балкарской Республики активизировали внешнеэкономическую деятельность, которая выступила в качестве адаптивного механизма преодоления экономического кризиса на локальном уровне. Основные цель и задачи, которыми руководствовалось Правительство КБР в процессе развития деловых и торгово-экономических связей со странами ближнего и дальнего зарубежья, были направлены: на повышение конкурентоспособности республики в рамках международного и внутри российского экономического пространства; увеличение валового внутреннего продукта – благосостояния республики; обеспечение доступа к инновационным технологиям и уникальным ресурсам, способствующим прогрессу во всех сферах народного хозяйства; снижение социальной напряженности в обществе за счет роста уровня и качества жизни населения республики; плавный переход республики на рельсы рыночной экономики; повышение делового имиджа республики на международном уровне.

Факторами, способствующими достижению поставленных цели и задач в анализируемом периоде, были: накопленный практический опыт работы с представителями ряда государств в первой половине 1990-х гг.; сформировавшийся промышленно-производственный, сельскохозяйственный и трудовой потенциал республики; благоприятные природно-климатические и ресурсные возможности; реформы, проводимые в сфере совершенствования налогового, таможенного, финансового законодательства страны, предоставление республике определенной «свободы» со стороны Правительства РФ в обеспечении двусторонних связей с субъектами других государств и др.

В начале 1995 г. Президент Республики В.М. Коков подписал Указ о преобразовании Министерства иностранных дел КБР в Министерство внешних связей КБР [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 4. Л. 3]. В 1997 г. Постановлением Кабинета министров КБР было утверждено Положение о Министерстве внешних связей КБР.

Основной функцией Министерства внешних связей КБР в качестве органа республиканской исполнительной власти была разработка и реализация политики республики в сфере межрегионального, международного и внешнеэкономического сотрудничества с другими регионами страны и странами ближнего и дальнего зарубежья в соответствии с курсом и ориентирами выбранными страной в данном направлении. Министерство обладало полномочиями сотрудничества со странами мира и иностранными организациями в соответствии с законодательством РФ и ее конституционными нормами.

В 1995 г. Правительством КБР была продолжена работа по поиску иностранных инвесторов, однако она была осложнена политическими событиями – военным конфликтом в Чеченской Республике, который резко ухудшил инвестиционный климат в регионе. Длительная реорганизация МИД и Комитета внешних экономических связей КБР (КВЭС КБР, создан в 1993 г.) также негативно сказались на результатах работы в сфере внешнеэкономического сотрудничества. Фактическая часть контактов с зарубежными партнерами была прервана.

В 1995 г. были и положительные результаты; вновь созданное управление ВЭС в составе МВС КБР в короткое время наладило планомерную работу во внешнеэкономической деятельности республики.

После подписания в 1995 г. Правительством России и Правительствами стран Содружества независимых государств ряда Соглашений об основных принципах торгово-экономического сотрудничества, Указа Президента России Б.Н. Ельцина от 14.09.1995 г. № 940 «Об утверждении стратегического курса РФ с государствами – участниками Содружества Независимых Государств» [Указ... 1995b] и ряда других нормативно-правовых актов, направленных на регулирование вопросов международных и внешнеэкономических связей, Правительство КБР предприняло попытку установления долговременного и стабильного сотрудничества с отдельными странами СНГ путем разработки и подписания ряда соглашений о сотрудничестве в различных областях.

В мае 1995 г. Правительство КБР и Правительство Республики Абхазия в рамках подписанного межгосударственного Договора о дружбе и сотрудничестве и в целях содействия всесторонним взаимоотношениям в различных сферах, подписали ряд двусторонних соглашений в области торгово-экономического сотрудничества, науки и образования, здравоохранения, информации, культуры, транспорта, а также между Министерствами Внутренних дел и Соглашение об обмене Полномочными Представительствами [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 21. Л. 5]. В соответствии с Соглашением о торгово-экономическом сотрудничестве КБР брала на себя ответственность по поставке важнейших видов продукции производственного и технического назначения и товаров народного потребления в Республику Абхазия в больших объемах [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 21. Л. 99].

На основании Распоряжения Правительства с фирмой «СВ Engineering S.r.l.» (Италия) был подписан контракт от 17.05.1996 г. на общую сумму 5,75 млн долларов США на поставку для АО «Нальмас б.ч.з.» (г. Нальчик, КБР) технологического оборудования для добычи и переработки природного облицовочного камня [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 59. Л. 148]. На указанный контракт распространялась гарантия Правительства РФ, выданная на привлекаемые кредитные средства в соответствии с подписанным межправительственным соглашением. Закупаемое оборудование было необходимо для оснащения второй очереди камнеобрабатывающего комбината и вывода комбината на проектную мощность для создания конкурентоспособного и импортозамещающего производства в области переработки природного облицовочного камня. Однако реализация контракта на деле сопровождалась несвоевременностью и неполнотой выполняемых обязательств иностранной стороной, что нанесло значительный ущерб экономике республики и самому предприятию, так как стройка относилась к особо важным строительным объектам. Были «заморожены» вложенные ранее средства, а завод и карьер не были запущены в эксплуатацию.

В целях развития и расширения разносторонних деловых отношений, обеспечения оперативного решения возникающих вопросов, в конце 1995 г. между акционерным обществом «АГРОПРОМСНАБ» (КБР) и компанией «Дэйзи Интернэшнл» (Республика Кипр), занимающейся строительством про-

мышленных объектов, был подписан Протокол о сотрудничестве [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 22. Л. 3]. Каждая из сторон обязалась выделить помещение, открыть и содержать представительство своей компании на территории другого государства, обеспечивая все финансовые расходы, содержание персонала и решая возникающие проблемы. Были определены следующие основные направления сотрудничества компаний:

- ✓ совместное производство;
- ✓ содействие привлечению иностранных инвестиций в экономику КБР в сфере промышленности, строительства и торговли (проведение совместных ярмарок и выставок для кипрских инвесторов, привлеченных компанией «Дэйзи Интернэшнл» на территории КБР);
- ✓ развитие туризма, транспортно-логистического сотрудничества и строительство отелей.

В данном сотрудничестве Правительство КБР выступило гарантом защиты имущественных, визовых и иных интересов компании «Дэйзи Интернэшнл» на территории КБР, содействуя подписанию Протокола о деловом партнерстве.

В июле 1995 г. было подписано соглашение между Правительством КБР и кипрской фирмой «Униинтерко» по разработке горнорудных месторождений в КБР. Несмотря на экономическую привлекательность данной сделки для Кабардино-Балкарской стороны, Правительством РФ была высказана озабоченность и «недовольство» относительно правомерности отдельных пунктов делового сотрудничества между указанной кипрской фирмой и Правительством КБР, в частности [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 22. Л. 12,13]:

- ✓ отсутствие процедуры согласования и предварительной экспертизы данного Договора с Министерством иностранных дел РФ и с Министерством внешних связей РФ, а при необходимости и с другими федеральными органами, несмотря на то, что соглашения, заключенные между субъектами РФ и иностранными компаниями, не считались международными договорами и не налагали международно-правовых обязательств на Россию;
- ✓ отсутствие ссылки в Договоре на законодательство РФ при разработке залежей золота и серебра;
- ✓ организация международного авиасообщения между Кипром и КБР, которое выходило за пределы компетенции Республики;
- ✓ открытие Представительства КБР в Республике Кипр;
- ✓ возможность выступить КБР в качестве гаранта защиты иностранных инвестиций и др.

По результатам визита делегации Турецкого агентства международного сотрудничества (ТИСА) при МИД Турции в августе 1995 г., Министерством внешних связей КБР был разработан Протокол по экономическому, научному и техническому сотрудничеству между Правительством КБР и Правительством Турецкой Республики, который был подписан в ноябре того же года [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 22. Л. 95].

Развитию взаимовыгодных экономических отношений со странами ближнего и дальнего зарубежья в этот период способствовало участие ученых и студентов вузов КБР в научно-техническом сотрудничестве в форме стажировок

(США, Сирия), обмена студентами (Шотландия, США, Сирия, Турция), деловых связей (Китай, Сирия) в соответствии с подписанными ранее договоренностями [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 20. Л. 15].

По итогам 1995 г. следует отметить рост количества совместных российско-иностраннх компаний, зарегистрированных в КБР. По данным государственной статистики, количество компаний с иностранным капиталом в КБР составило 58, из них действовало 21 предприятие, было произведено продукции и оказано услуг на сумму 6,93 млрд руб. [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1241. Оп. 1. Д. 30. Л. 69].

Значимым событием конца 1995 г. можно назвать подписание Постановления Правительства РФ от 18.12.1995 г. № 1244 «О стабилизации и развитии экономики КБР и создании на ее территории свободных экономических зон» [Постановление... 1995], в соответствии с которым планировалось реализовать в КБР ряд мер, направленных в перспективе на положительные трансформации во внешнеэкономическом сотрудничестве (рис. 1).

Рис. 1 – Основные пункты Постановления Правительства РФ от 18.12.1995 г. № 1244 «О стабилизации и развитии экономики КБР и создании на ее территории свободных экономических зон» [Постановление... 1995].

Подписание Указа Президента РФ от 22.03.1995 г. № 300 «О свободной экономической зоне «Кабардино-Балкария» [Указ... 1995а: 1125] предоставляло ряд льгот и преференций иностранным компаниям на территории республики.

С 1996 г. в КБР активно развивались экономические связи со странами СНГ. Между Правительством КБР и Правительством Республики Туркменистан, опираясь на возможности промышленного и производственного потенциала, были подписаны соглашения о торгово-экономическом и научно-техническом сотрудничестве [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 21. Л. 146], руководствуясь при осуществлении двусторонних связей признанными принципами и нормами международного права, а также законодательствами обоих государств. Основными целями сотрудничества было налаживание взаимовыгодных отношений между республиками на длительной основе:

- ✓ содействие развитию торгово-экономического сотрудничества в областях, представляющих взаимный интерес;
- ✓ создание совместных предприятий и установление между ними взаимовыгодных связей;
- ✓ создание благоприятных условий для притока инвестиций для обеих сторон;
- ✓ информирование об изменениях нормативно-правового характера в законодательствах обеих республик, способных повлиять на выполнение своих обязательств в сфере торгово-экономического сотрудничества и т.д. [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 21. Л. 229].

В феврале 1996 г. по приглашению Квебекского отделения Ассоциации «Канада-Россия» была организована поездка в г. Монреаль (Канада) делегации КБР в составе министра внешних связей КБР, главы администрации Терского района и директора Терского завода алмазного инструмента [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 30. Л. 28]. Результатом поездки стало подписание ряда договоренностей о сотрудничестве между сторонами.

С 1997 г. основные усилия Министерства внешних связей КБР были направлены на решение задач, поставленных Президентом КБР. Для совершенствования работы по привлечению иностранных инвестиций была проведена структурная перестройка аппарата Министерства – создана служба регистрации совместных предприятий и предприятий – нерезидентов КБР [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 4. Л. 37].

Совместно с АО «Каббалкэнерго» были проведены систематические переговоры с Президентом итальянской компании «Brunelli Engineering» Доменико Пиколло-Брунелли. В результате переговоров и посещения места строительства каскада гидроэлектростанций было достигнуто соглашение между двумя сторонами и подписаны протоколы о техническом сотрудничестве с АО «Каббалкэнерго» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 4. Л. 39].

По итогам длительных переговоров был подписан протокол с фирмой «Elbrus Technologies» по созданию цифровых средств телекоммуникаций на Юге России и в Северо-Кавказском регионе [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 4. Л. 39].

Велась постоянная работа с итальянским соучредителем фирмы «Налвес» Дж. Пицци по улучшению состояния дел на предприятии и привлечению дополнительных инвестиций. Параллельно было достигнуто соглашение о привлечении им инвестиций итальянского банка для развития малого бизнеса в

Республике и подписан соответствующий протокол [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 4. Л. 39].

В рамках реализации Программы «Стабилизация и развитие экономики КБР» было поставлено оборудование для производства фармацевтических препаратов по германскому кредиту на предприятие НЗПП на сумму 40 млн долларов США и оборудования картонной фабрики, упаковочного производства для создания минеральной и экологически чистой воды по французскому кредиту на сумму свыше 60 млн долларов США [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 4. Л. 40].

В завершающей стадии находился контракт между Правительством КБР и германскими фирмами на строительство стекольного завода стоимостью 70 млн долларов США по германскому кредиту.

Осуществлялись запуск российско-французского проекта «Экодом», открытие магазина на территории КБР совместно с французской компанией «Домаксель». Магазин представлял собой маркетинговый центр, в который были реально привлечены финансовые и материальные ресурсы иностранных соучредителей [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 19. Л. 40].

Иностранные инвестиции в размере 1471,2 млн руб. были направлены в виде вноса в уставный фонд СП «Синема», которое осуществляло свою деятельность в сфере культуры и искусства.

На просьбу по открытию Представительства Министерства иностранных дел РФ в КБР был получен отказ, который обосновывался отсутствием финансирования, связанного с содержанием регионального аппарата [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 30. Л. 34]. В то же время, учитывая необходимость отправления процедур Представительства Министерства иностранных дел РФ на территории Республики, с Министерством иностранных дел РФ был согласован, как временный вариант, вопрос выполнения функций Представительства Министерства иностранных дел РФ в КБР Министерством внешних связей КБР на договорной основе.

Венгерский концерн «Dunaholding Plc» и Правительство КБР подписали ряд соглашений о сотрудничестве. Правительство КБР оказывало некоторую помощь и содействовало развитию сотрудничества между Венгрией и КБР в этот период. Правительство КБР было готово предоставить концерну «Dunaholding Plc» благоустроенное помещение и квалифицированный персонал (для создания аптеки), а также выступить гарантом безопасности любых форм сотрудничества на основе долгосрочных и взаимных интересов [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 30. Л. 40].

В 1998 г. в КБР начало свою работу российско-американское предприятие «Кассия» по выпуску разнообразных ювелирных изделий [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 19. Л. 41].

Начало также работу совместное российско-германское предприятие «Эльзо-Нальчик» по производству электротехнических изделий высокого качества по германской технологии.

Впервые удалось привлечь банковские средства для инвестиций в реальный сектор экономики под гарантии Правительства КБР. Международный бан-

ковский альянс «ДрезнерБанк – ВВП» предоставил кредит на 5 млн долларов США для организации в КБР высокоэффективного производства медной катанки из медного лома по итальянской технологии, не имеющей аналогов в России [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 19. Л. 42].

В результате долевого финансирования были привлечены средства частных инвесторов и установлено оборудование для осветления соков и розлива в пакеты «ТетраПак» на предприятии «Интерсок КВЯ», что позволило перерабатывать большую часть плодоовощной продукции, производимой в КБР [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 19. Л. 42].

Было создано совместное российско-кипрское предприятие «Ростра Кавказ Трейдинг», взнос в уставный капитал со стороны иностранного партнера составлял 100 тыс. долларов США, осуществлялась подборка необходимого оборудования и технических средств, прорабатывались вопросы предоставления кредита совместному предприятию [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 19. Л. 53].

Привлеченные в пищевую промышленность кредитные ресурсы в размере 22779 тыс. руб. были вложены в производство безалкогольных напитков, в частности, минеральной воды – ОАО «Минеральные воды».

Из Турции было направлено в пищевую промышленность 420 тыс. долларов США и 7,3 тыс. руб. прямых инвестиции в строительную организацию ООО СП «Кардиф».

Начиная с 1998 г. в архивных документах чаще прослеживается информация о возникновении ряда разногласий между иностранными и российскими компаниями, осуществлявшими совместную деятельность на территории КБР. Рассмотрим несколько примеров.

На территории КБР было зарегистрировано совместное российско-китайское предприятие «Этсонг-БГК Лтд» по производству сигарет с уставным капиталом 2 млн долларов США, из которых 1 млн долларов США вносит российская сторона. Однако, годом позже выяснилось, что российская сторона полностью выполнила свои договоренности по контракту, а китайская сторона – компания «Этсонг», которая должна была поставить оборудование на сумму 1 млн долларов США в счет полного обеспечения вклада в уставный капитал, выполнила свои обязательства частично (600 млн долларов США), срывая таким образом ранее достигнутые договоренности [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 59. Л. 177].

Еще один пример. Российская компания «Седьмое небо», созданная на территории КБР и осуществлявшая сотрудничество с венгерской компанией «КАСТЕЛЛУМ», не выполнила свое платежное обязательство полностью до конца срока расчета. В связи с этим Торговым представительством Венгерской Республики в Москве было направлено письмо в Министерство внешних связей КБР с просьбой решить данный вопрос на уровне исполнительной власти КБР в связи с ранее предоставленными гарантиями со стороны Правительства КБР, связанными с выполнением контракта [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 59. Л. 19].

Ответное письмо было отправлено Министерством внешних связей КБР торговому директору фирмы «КАСТЕЛЛУМ» в марте 1999 г. В нем утверждалось, что в связи с невыполнением фирмой «КАСТЕЛЛУМ» своих договорных

обязательств по отдельным пунктам заключенного договора, Министерство внешних связей КБР не обязано выполнять перед ней взятые на себя обязательства [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 59. Л. 26]. Следовательно, просьба Торгового Представительства Венгерской Республики в Москве относительно компании «КАСТЕЛЛУМ» не была удовлетворена.

Перечисленные примеры в дальнейшем негативно отражались на репутации КБР в качестве бизнес-партнера, снижая ее инвестиционную привлекательность на внешнем рынке, так как иностранные партнеры не всегда оценивали и представляли складывавшуюся ситуацию объективно, выражая мнение о некомпетентности и не легитимности действий представителей КБР.

Еще одно негативное явление 1998 г. – это «падение» курса национальной валюты и один из самых тяжелых в истории России экономический кризис. Толчок к возникновению кризиса дали два внешних фактора: резкое снижение мировых цен на товары топливно-энергетического комплекса (основной статьи российского экспорта) и вспыхнувший в середине 1997 г. кризис в Юго-Восточной Азии, обваливший курсы национальных валют Малайзии, Индонезии, Бангладеш, Бирмы и Таиланда. Для стабилизации ситуации Правительство РФ и ЦБ РФ предприняли чрезвычайные меры. 17 августа 1998 г. был объявлен технический дефолт по основным видам государственных долговых обязательств. Одновременно было объявлено об отказе от удержания стабильного курса рубля по отношению к доллару, до этого искусственно поддерживавшегося (в сторону завышения) массивными интервенциями Центробанка России.

Последствия кризиса серьёзно повлияли на развитие экономики страны в целом. Шок, который испытала экономика страны из-за ослабления рубля, а также изменения в экономической политике Правительства и ЦБ, последовавшие после смены их руководства, оказали в дальнейшем как положительное, так и негативное влияние на все сферы жизнедеятельности общества, в том числе и на внешнеэкономическое направление.

Дезинтеграционные процессы предыдущих лет привели к нарушению производственно-хозяйственных связей между странами СНГ. С целью их восстановления КБР предприняла ряд попыток по заключению договоров и соглашений с некоторыми странами СНГ, в том числе и с Узбекистаном. В январе 1999 г. Правительство КБР предприняло попытку по установлению взаимовыгодного сотрудничества между КБР и Навоийской областью Республики Узбекистан в различных сферах деятельности [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 59. Л. 5].

В феврале 1999 г. велись переговоры со Словацкой фирмой «Словакофарма» по созданию на территории КБР коммерческой организации с иностранным участием в виде общества с ограниченной ответственностью. Для этого Правительство КБР намеревалось предоставить помещение в центре г. Нальчика для открытия аптеки [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 59. Л. 10].

В 1999 г. ООО СП «Диметра», осуществлявшему свою деятельность в пищевой промышленности, был предоставлен кредит Правительством Кипра под гарантии Правительства РФ в размере 1483124 тыс. руб.

В октябре 1999 г. состоялось совещание по вопросам совместной работы с российско-итальянской фирмой ООО «Оазис», зарегистрированной на территории КБР, в связи с несвоевременным выполнением российской стороной взятых на се-

бя обязательств перед иностранными партнерами, по результатам которого были приняты следующие решения [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 59. Л. 154]:

- ✓ российская сторона должна была в срок до 3-х месяцев выполнить обязательства по возвращению кредитных средств итальянской стороне;
- ✓ в случае невыполнения обязательств доля итальянской стороны в компании ООО «Оазис» должна была быть передана компании ООО «Налвес», и ООО «Налвес» должно было стать соучредителем ООО «Оазис», при этом устанавливались новые отношения по финансово-экономическому контролю за деятельностью ООО «Оазис» новым учредителем;
- ✓ при частичном возмещении долга итальянской стороне компания ООО «Оазис» может обратиться к итальянской стороне с предложением пролонгации долга.

Сложившаяся ситуация негативно повлияла в перспективе на реализацию других запланированных совместно Правительством РФ и итальянской стороной в лице Дж. Пицци и Банка Медиакредито Централe инвестиционных проектов, в том числе: опытного хозяйства по выращиванию табака, по организации производства фильтров для сигарет, по строительству кожевенного завода и обувной фабрики на территории КБР. Данные проекты не были реализованы на территории КБР в тех масштабах, в которых они были запланированы.

В то же время, анализ результатов работы совместных предприятий в КБР в рассматриваемый период свидетельствует о незначительных успехах в развитии внешнеэкономической деятельности. Единицы из общего количества совместных российско-иностраннх компаний занимались производственной деятельностью. Большинство из них переключались на торгово-посреднические и импортные операции. Причина столь низкой активности совместных компаний заключалась в жесткой федеральной налоговой и кредитной политике, затруднявшей развитие производственной деятельности. Несмотря на некоторую «свободу», законодательно предоставляемую регионам по налаживанию внешнеэкономического сотрудничества с другими государствами, на практике, происходило установление Правительством РФ «жесткого» протокола действий в процессе заключения соглашений о деловом сотрудничестве. Требовалось согласование каждого действия с министерствами и ведомствами федерального масштаба. Каждый проект соглашений должен был пройти предварительную экспертизу и получить одобрение на федеральном уровне, что значительно «тормозило» результативность в целом деятельности Правительства КБР и отдельных региональных коммерческих компаний в данном вопросе. Правительство РФ не было настроено на активизацию международного торгово-экономического взаимодействия КБР с представителями других государств. Процедуры «экспертизы», как правило, носили длительный характер и на момент подписания, сделки могли быть уже не актуальными.

Многочисленные визиты иностранных делегаций в Кабардино-Балкарии в данном периоде носили, как правило, ознакомительный характер – маркетинговое изучение потенциала и возможностей республики. Иностраннне инвесторы высказывались относительно объективных, сложившихся трудностей ведения бизнеса, в целом в РФ и, в частности в КБР, к числу которых можно отнести:

1. Кризис экономики России и банковского сектора.
2. Социально-политическая напряженность в Северо-Кавказском регионе.
3. Отсутствие реальных налоговых льгот и преференций для совместного производства продукции (услуг).
4. Декларативный характер инвестиционного законодательства.
5. Отсутствие четкой системы гарантий охраны иностранной собственности на территории РФ [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1241. Оп. 1. Д. 30. Л. 69].

Фактором, значительно ухудшившим социально-политическую ситуацию в Северо-Кавказском регионе, и в частности в Кабардино-Балкарии, стал военный конфликт в Чеченской Республике, начавшийся в декабре 1994 г. и обострившийся в 1999 г. Конфликт в Чечне негативно отразился на внешнеэкономической сфере, так как иностранные партнеры в связи с территориальной близостью КБР и ЧР опасались инвестировать средства в регион и привлекать иностранных специалистов к деятельности создаваемых совместных предприятий, несмотря на гарантии безопасности, предоставляемые им Правительством КБР. Осложнение социально-политической ситуации в Северо-Кавказском регионе существенно подорвало возможности развития российско-иностраннх компаний в КБР в среднесрочной перспективе.

Последние зарубежные капиталовложения были осуществлены в 2000 г. и представлены тремя странами-инвесторами: Италией, инвестировавшей 221,5 тыс. долларов США, Беларусью – 466,9 тыс. руб. и Украиной – 168,4 тыс. руб. Все вложения были осуществлены в предприятие легкой промышленности ООО СП «Налвес» в виде вкладов в уставный капитал.

Начиная с 2001 г. инвестиции в КБР перестали поступать.

В 2002 г. произошла ликвидация Министерства внешних связей КБР.

Заключение

С середины 90-х годов XX века властные структуры КБР активизировали внешнеэкономическую деятельность, которая выступила в качестве адаптивного механизма преодоления экономического кризиса на локальном уровне. Основные цель и задачи, которыми руководствовалось Правительство КБР в процессе обеспечения деловых и торгово-экономических связей со странами ближнего и дальнего зарубежья, были направлены на: повышение конкурентоспособности республики в рамках международного и внутри российского экономического пространства; увеличение валового внутреннего продукта – благосостояния республики; обеспечение доступа к инновационным технологиям и уникальным ресурсам, способствующим прогрессу во всех сферах народного хозяйства; снижение социальной напряженности в обществе за счет роста уровня и качества жизни населения региона; переход республики на рельсы рыночной экономики; повышение делового имиджа республики на международном уровне.

Позитивными результатами деятельности властных структур КБР в исследуемом периоде стали: создание Министерства внешних связей КБР; воссоздание в его составе управления внешнеэкономических связей; заключение межгосударственных договоров с Правительством Республики Абхазия, Правитель-

ством Турецкой Республики и Правительством Республики Туркменистан. Стали развиваться экономические связи КБР со странами СНГ. Происходил рост количества совместных российско-иностранных компаний, зарегистрированных в КБР. Были подписаны контракты с крупными компаниями Италии, Кипра, Канады, Франции и Китая.

Вместе с тем успехи в развитии внешнеэкономической деятельности Кабардино-Балкарии во 2-й половине 90-х гг. XX в. оказались незначительными. Единицы из общего количества совместных российско-иностранных компаний занимались производственной деятельностью. Большинство совместных компаний переключались на торгово-посреднические и импортные операции. Причина низкой активности совместных компаний заключалась в жесткой федеральной налоговой и кредитной политике, затруднявшей развитие производственной деятельности.

Многочисленные визиты иностранных делегаций в республике носили преимущественно ознакомительный характер – маркетинговое изучение потенциала и возможностей КБР. Иностранные инвесторы высказывали опасения относительно трудностей ведения бизнеса, в целом в РФ и, в частности в КБР.

Факторами, значительно осложнившими внешнеэкономическую деятельность Правительства КБР, стали падение курса рубля в 1998 г. и военный конфликт в Чечне, который послужил причиной существенного снижения инвестиционной привлекательности КБР и всего Северного Кавказа на международном уровне.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Постановление... 1995 – Постановление Правительства РФ от 18.12.1995 г. № 1244 «О стабилизации и развитии экономики КБР и создании на ее территории свободных экономических зон» // Электронный ресурс. Режим доступа: URL: <https://www.lawmix.ru/zakonodatelstvo/1376808> (дата обращения: 20.05.2024 г.).

Указ... 1995а – Указ Президента РФ от 22.03.1995 г. № 300 «О свободной экономической зоне «Кабардино-Балкария» // Собрание законодательства РФ. – 1995 г. № 13, Ст. 1125.

Указ... 1995b – Указ Президента России Б.Н. Ельцина от 14.09.1995 г. № 940 «Об утверждении стратегического курса РФ с государствами – участниками Содружества Независимых государств» // Электронный ресурс. Режим доступа: URL: <https://bazanpa.ru/prezident-rf-ukaz-n940-ot14091995-h2735> (дата обращения: 22.05.2024 г.).

УЦГА АС КБР – Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики.

REFERENCES

Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 18.12.1995 g. № 1244 «O stabilizatsii i razvitii ekonomiki KBR i sozdanii na ee territorii svobodnykh ekonomicheskikh zon» [Decree of the Government of the Russian Federation dated 12/18/1995 No. 1244 "On Stabilization and Development of the economy of the CBD and the creation of free economic zones on its territory"]. In: Elektronnyi resurs. Rezhim dostupa: URL: <https://www.lawmix.ru/zakonodatelstvo/1376808> (data ob-rashcheniya: 20.05.2024 g.). (In Russ.).

Ukaz Prezidenta RF ot 22.03.1995 g. № 300 «O svobodnoi ekonomicheskoi zone «Kabar-dino-Balkariya» [Decree of the President of the Russian Federation dated 03/22/1995 No. 300 "On

the Kabardino-Balkaria Free Economic Zone"]. In: Sobranie zakonodatel'stva RF. – 1995 g. № 13, St. 1125. (In Russ.).

Ukaz Prezidenta Rossii B.N. El'tsina ot 14.09.1995 g. № 940 «Ob utverzhdenii strategicheskogo kursa RF s gosudarstvami – uchastnikami Sodruzhestva Nezavisimyykh gosudarstv» [Decree of the President of Russia B.N. Yeltsin dated 09/14/1995 No. 940 "On approval of the strategic course of the Russian Federation with the Member States of the Commonwealth of Independent States"]. In: Elektronnyi resurs. Rezhim dostupa: URL: <https://bazanpa.ru/prezident-rf-ukaz-n940-ot14091995-h2735> (data obrashcheniya: 22.05.2024 g.). (In Russ.).

Upravlenie Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Arkhivnoi sluzhby KabardinoBalkarskoi Respubliki [Department of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkar Republic] (In Russ.).

Информация об авторе

М.В. Жаноква – кандидат экономических наук.

Information about the author

M.V. Zhanokova – PhD (in Economy).

Статья поступила в редакцию 25.09.2024 г.; одобрена после рецензирования 12.12.2024 г.; принята к публикации 27.12.2024 г.

The article was submitted 25.09.2024; approved after reviewing 12.12.2024; accepted for publication 27.12.2024.

Научная статья
УДК 39+316 (470.64)
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-174-189
EDN: MCQZRW

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ
В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ
ЭТНИЧЕСКИХ ДИАСПОР
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
(по результатам экспертного опроса)**

Анзор Викторovich Кушхабиев¹, Хаким Камилевич Геграев²

^{1,2} Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук,
Нальчик, Россия

¹ anzor-vk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4618-2148>

² gegra70@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8470-1530>

Аннотация. По мнению преобладающей части экспертов, большинство общественных объединений этнических диаспор (далее – ОО диаспор) КБР осуществляют деятельность по сохранению своих этнических культур и принимают участие в культурных мероприятиях республики. Деятельность ОО диаспор КБР способствует сохранению их этнических культур: этнического самосознания, родных языков, народных обычаев и традиций, а также укреплению дружбы с другими народами республики. По мнению преобладающей части экспертов, их организациям следует активизировать обучение детей родным языкам, проведение этнических праздников, развитие связей с этнической/исторической родиной и соплеменниками, проживающими в других регионах России и других странах, а также участие в культурных мероприятиях республики.

Среди проблем, наиболее актуальных в деятельности ОО этнических диаспор КБР, все эксперты указали проблему финансирования и проблему привлечения молодежи к участию в мероприятиях организаций. Среди проблем в республике, которые в наибольшей степени беспокоят представителей этнических диаспор, эксперты зафиксировали экономические и экологические проблемы, а также межнациональные и межконфессиональные отношения. В то же время большинство экспертов от всех ОО считают, что их диаспоры не испытывают никаких сложностей в общении с представителями других народов КБР. Это свидетельствует о том, что доминирующие в численном отношении народы КБР и, прежде всего, титульные, проявляют высокий уровень толерантности по отношению к этническим диаспорам.

Ключевые слова: Кабардино-Балкарская Республика, этнические диаспоры, общественные объединения, экспертный опрос, современный период.

Для цитирования: Кушхабиев А.В., Геграев Х.К. Основные направления и проблемы в деятельности общественных объединений этнических диаспор Кабардино-Балкарской Республики (по результатам экспертного опроса) // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 4. – С. 174-189. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-174-189. EDN: MCQZRW.

© Кушхабиев А.В., Геграев Х.К., 2024

Original article

**MAIN DIRECTIONS AND PROBLEMS IN THE ACTIVITIES
OF PUBLIC ORGANIZATIONS OF ETHNIC DIASPORAS
OF THE KABARDINO-BALKARIAN REPUBLIC
(based on the results of an expert survey)**

Anzor V. Kushkhabiev¹, Khakim K. Gegraev²

^{1,2} Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
Nalchik, Russia

¹ anzor-vk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4618-2148>

² gegra70@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8470-1530>

Abstract. According to the majority of experts, the majority of public organizations of the KBR diasporas are involved in preserving their ethnic cultures and take part in the cultural events of the republic. The activities of public organizations of the KBR diasporas contribute to the preservation of their ethnic cultures: ethnic self-awareness, native languages, folk customs and traditions, as well as strengthening friendship with other peoples of the republic. According to the majority of experts, their organizations should intensify teaching children their native languages, holding ethnic holidays, developing ties with the ethnic/historical homeland and brethren living in other regions of Russia and other countries, as well as participating in cultural events of the republic.

Among the problems that are most actual in the activities of public organizations of the KBR ethnic diasporas, all experts indicated the problem of financing and the problem of attracting young people to participate in the events of organizations. Among the problems in the republic that are of greatest concern to representatives of ethnic diasporas, the experts recorded economic and environmental problems, as well as interethnic and interfaith relations. At the same time, most experts from all public organizations believe that their diasporas do not experience any difficulties in communicating with representatives of other peoples of the KBR. This indicates that the numerically dominant peoples of the KBR, and especially the titular ones, show a high level of tolerance towards ethnic diasporas.

Key words: Kabardino-Balkarian Republic, ethnic diasporas, public organizations, expert survey, modern period.

For citation: Kushkhabiev A.V., Gegraev Kh.K. Main directions and problems in the activities of public organizations of ethnic diasporas of the Kabardino-Balkarian Republic (based on the results of an expert survey). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 4. – P. 174-189. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-174-189. EDN: MCQZRW.

© Kushkhabiev A.V., Gegraev Kh.K., 2024

Введение

Кабардино-Балкарская Республика является одним из самых полиэтничных регионов Российской Федерации. В ней проживают представители более 100 народов мира, наиболее многочисленные из которых в период перестройки (1985-1991) и постсоветский период образовали свои диаспоры и учредили общественные объединения (ОО) – национально-культурные центры (НКЦ) и др. Органы государственной власти и некоторые ОО республики осуществляют деятельность по поддержанию межнационального мира, регулярно проводят массовые мероприятия, способствующие укреплению дружбы народов. Вместе с тем, в Кабардино-Балкарии есть и ряд факторов, способствующих обострению социально-политической ситуации: высокая плотность (свыше 72 чел. на кв км;

реально около 140 чел. на 1 кв км) и низкий уровень жизни населения; рост численности мигрантов из других стран и регионов РФ; некоторые противоречия между общественными объединениями титульных народов (земельные споры и др.). В этой связи, выявление основных проблем в деятельности общественных объединений этнических диаспор КБР в современный период имеет важное значение в научно-теоретическом и практическом отношениях.

В настоящее время 12 национально-культурных центров и 6 общественных организаций входят в Кабардино-Балкарский общественный фонд культуры им. В.Х. Ворокова (КБОФК), начавший свою работу в г. Нальчике в 1987 г. Цель всех ОО – сохранение этнической культуры и религии своих диаспор. Они проводят культурные мероприятия: отмечают свои национальные праздники, юбилеи и др. Среди задач всех ОО – укрепление дружбы между народами. ОО регулярно принимают участие в мероприятиях республиканского и городского масштаба – фестивалях, концертах, конкурсах, взаимодействуют с органами государственной власти КБР [Кабардино-Балкарский... 2015]. Председатель КБОФК – Л.М. Макоева.

Основные направления деятельности некоторых общественных объединений этнических диаспор Кабардино-Балкарии рассматривались в работах С.А. Даниловой [Данилова 1999], М.Х. Гуговой [Гугова 2002], Р.Х. Тазиева [Тазиев 2014], С.И. Аккиевой [Аккиева 2016] и др. В частности, в диссертационной работе С.А. Даниловой представлена краткая история горско-еврейской диаспоры в Кабардино-Балкарии, а также культурного центра горских евреев «Товуши». В диссертационной работе М.Х. Гуговой представлено краткое описание деятельности еврейского центра «Товуши», осетинского центра «Ныхас» и других общественных организаций в конце XX в. В данной работе отмечено, что общественные объединения этнических диаспор КБР выполняют функции культурных автономий, давших толчок духовному возрождению, развитию языка, лучших традиций и обычаев [Гугова 2002: 70, 71]. В работе Р.Х. Тазиева представлена история создания и основные направления практической деятельности общественных объединений некоторых этнических диаспор Кабардино-Балкарии: горско-еврейской, осетинской, немецкой, армянской, греческой, корейской и турецко-месхетинской. В монографии С.И. Аккиевой рассматриваются вопросы расселения турок-месхетинцев в КБР, их демографического и этнокультурного развития, деятельности их общественных объединений [Аккиева 2016].

Основным источником при подготовке настоящей статьи стали результаты экспертного опроса, проведенного Центром социально-политических исследований КБНЦ РАН в 2024 г. в Кабардино-Балкарии, с целью выявления мнений экспертов об основных проблемах в деятельности общественных объединений этнических диаспор Кабардино-Балкарской Республики [Кушхабиев, Геграев 2024]. В задачи опроса входило выявление мнений экспертов по следующим вопросам: о направлениях деятельности, которые следует активизировать ОО этнических диаспор; о значении деятельности ОО в сохранении элементов этнической культуры диаспор КБР; о значении деятельности ОО этнических диаспор в укреплении дружбы с другими народами КБР; о наиболее актуальных проблемах в деятельности ОО этнических диаспор; об отношении молодежи

этнических диаспор к своим культурным традициям; о наличии/отсутствии сложностей в отношениях представителей этнических диаспор с другими народами КБР; о поддержке, необходимой ОО этнических диаспор; о проблемах в Кабардино-Балкарии, которые в наибольшей степени беспокоят представителей этнических диаспор.

Объектом исследования являются 10 общественных объединений, в основном – наиболее многочисленных этнических диаспор Кабардино-Балкарии: Азербайджанский НКЦ «Азери», Армянский НКЦ «Ахбюр», Белорусское ОД «За единение – «Сябры», Грузинский НКЦ «Риони», Еврейский ОНЦ «Товуши», НКЦ «Дагестан», Осетинский НКЦ «Ныхас», Татарский НКЦ «Туган-Тел», Турецко-месхетинский НКЦ «Ватан», Украинский НКЦ «Днипро».

При проведении опроса использовался метод квотной выборки – по 10 экспертов от каждого общественного объединения. Выборка рассчитана по признакам: возраст, пол, национальность, родной язык, образование с указанием ученой степени, специальность, сфера деятельности, место рождения. Следует отметить, в целом, высокий квалификационный уровень экспертов. Высшее образование у всех экспертов ОД «За единение – «Сябры», у 9 экспертов ОНЦ «Товуши», у 8 экспертов НКЦ «Ныхас», у 6 экспертов НКЦ «Дагестан», у 5 экспертов НКЦ «Ватан». Среди экспертов НКЦ «Азери» 1 доктор наук. Два кандидата наук среди экспертов НКЦ «Дагестан» и по одному среди экспертов НКЦ «Ныхас» и НКЦ «Ватан».

Указанные экспертами данные об этнической принадлежности и родном языке в определенной степени свидетельствуют о сохранности их этнической идентичности. Все эксперты от НКЦ «Азери», НКЦ «Ахбюр», НКЦ «Риони», ОНЦ «Товуши», НКЦ «Дагестан», НКЦ «Ныхас», НКЦ «Ватан», НКЦ «Днипро», 9 экспертов НКЦ «Туган-Тел» и 8 экспертов ОД «За единение – «Сябры» указали свою национальную принадлежность, что показывает сохранность их этнической идентичности. Следует отметить и неоднородный этнический состав экспертов некоторых общественных объединений. Среди экспертов НКЦ «Азери» 7 экспертов – азербайджанцы и 3 – талыши. Среди экспертов ОД «За единение – «Сябры» 8 экспертов – белорусы, 1 – черкес и 1 указал свою национальность как россиянин. Эксперты от НКЦ «Дагестан» указали следующий национальный состав: 6 экспертов – лакцы; 2 эксперта – кумыки; 1 эксперт – лезгинка; 1 эксперт – даргинец. Участие талышей в деятельности НКЦ «Азери» и представителей разных дагестанских народов в деятельности НКЦ «Дагестан» демонстрирует превалирование ценности географического фактора их происхождения над этническим.

Более сложной является языковая ситуация, показанная экспертами. Языки своих этносов в качестве родных указали все эксперты НКЦ «Ахбюр», НКЦ «Дагестан», НКЦ «Ныхас» и НКЦ «Ватан». От НКЦ «Азери» 5 экспертов указали в качестве родного языка азербайджанский, 3 – талышский, 2 – азербайджанский и русский. От ОНЦ «Товуши» 8 экспертов указали джуури (горско-еврейский), 2 эксперта – еврейский и русский языки. Данные, зафиксированные представителями указанных организаций, свидетельствуют о сохранности родных языков в среде их диаспор.

От НКЦ «Риони» 6 экспертов указали в качестве родных языков грузинский и русский, 3 эксперта – грузинский язык, 1 эксперт – русский язык. От ОД «За единение – «Сябры» 4 эксперта указали белорусский и русский языки, 3 – русский язык, 1 – кабардино-черкесский язык. От НКЦ «Туган-Тел» 4 эксперта указали татарский язык, 3 – кабардино-черкесский язык, 1 – кабардино-черкесский и татарский языки, 1 – русский язык. От НКЦ «Днипро» 5 экспертов указали русский и украинский языки, 4 – украинский и 1 – русский язык. Данные свидетельствуют о переходе немалой части представителей диаспор указанных организаций на русский язык.

Место рождения, зафиксированное экспертами, показывает периоды миграций в Кабардино-Балкарию представителей разных этнических диаспор. Кабардино-Балкарию как место своего рождения указали все эксперты от НКЦ «Риони», НКЦ «Туган-Тел» и ОНЦ «Товуши», 7 экспертов НКЦ «Ныхас» (3 эксперта – РСО-А), 4 эксперта НКЦ «Ватан», 3 эксперта НКЦ «Дагестан», 2 эксперта НКЦ «Ахбюр», 2 эксперта ОД «За единение – «Сябры». Местом рождения свою этническую родину (мигранты 1-го поколения) указали: все эксперты от НКЦ «Днипро» (Украина), 9 экспертов НКЦ «Азери» (Азербайджан, 1 эксперт – РФ), 8 экспертов НКЦ «Ахбюр» (Армения), 7 экспертов ОД «За единение – «Сябры» (Белоруссия, 1 эксперт – СССР), 6 экспертов НКЦ «Дагестан» (Дагестан, 1 эксперт – г. Москва). 4 эксперта НКЦ «Ватан» указали Узбекистан, 2 эксперта – Казахстан.

При обработке анкет был выявлен незначительный процент зависимости мнений экспертов от их принадлежности к половозрастным и социально-профессиональным группам.

Основная часть

Переселение групп и отдельных семей народов из других регионов страны, а затем и из других стран на территорию Кабардино-Балкарии происходило в разные эпохи и по разным причинам. Значительно различается и численность образованных ими диаспор в Кабардино-Балкарии, от нескольких десятков до двух десятков тыс. человек. Представители этнических диаспор заняты в разных отраслях экономики. В то же время у некоторых диаспор наблюдается специализация в тех или иных сферах – в строительстве, сельском хозяйстве, коммерции и др.

Азербайджанская диаспора в Кабардино-Балкарии стала формироваться в начале 1970-х гг. В этот период многие азербайджанские семьи приезжали в г. Нальчик на отдых, а со временем стали переселяться в районы республики. В настоящее время численность азербайджанцев в КБР составляет около 2 тыс. человек. Среди азербайджанского населения республики есть бизнесмены, юристы, врачи, преподаватели, рабочие и др. В 2003 г. представители азербайджанской диаспоры КБР учредили в г. Нальчике НКЦ «Азери» с отделениями в городах республики: в Прохладном, Майском, Баксане и Нарткале. Руководитель центра – А.А. Дадашев [Азербайджанский... 2015: 20, 21; Азербайджанцы... 2019].

Армянская диаспора. По данным Всесоюзной переписи 1926 г., на территории Кабардино-Балкарии проживало 255 человек армян. Армянская диаспора

в Кабардино-Балкарии образовалась в начале 1988 г. после трагических событий – землетрясения в Армении. По данным НКЦ «Ахбюр», в настоящее время в Кабардино-Балкарии проживает около 11,5 тысяч армян, из них в г. Нальчике – свыше 4,5 тыс. чел., в г. Прохладном – 2,8 тыс. чел., в г. Майском – 1,6 чел. Остальные проживают в разных населенных пунктах республики. Преобладающая часть армянской диаспоры КБР занята в сфере строительства. Среди них также есть предприниматели, педагоги, инженеры, сотрудники правоохранительных органов, врачи, работники сельского хозяйства, студенты и др. В 1988 г. в г. Нальчике был создан НКЦ «Ахбюр» («Родник»). В 2001 г. на базе этого центра было создано Кабардино-Балкарское региональное отделение Союза армян России (КБРОСАР) «Ахбюр». С 2014 г. организацию возглавляет А.Э. Погосян. В Прохладненском муниципальном районе действует отделение КБРОСАР «Ахбюр» – ПОСАР [Богачёва 2018; Региональное... 2024; Тазиев 2014: 140-146].

Белорусская диаспора. Белорусы переселялись в Кабардино-Балкарию в советскую эпоху. В настоящее время численность белорусов в республике составляет около 300 человек. Белорусское ОД «За единение – «Сябры» было создано в г. Нальчике в январе 2003 г., а в 2007 г. зарегистрировано как юридическое лицо. Руководитель организации – П.Ф. Сидорук. Белорусское ОД «За единение – «Сябры» сотрудничает с Федеральной национальной культурной автономией «Белорусы России» [Кабардино-Балкарское... 2015; Кабардино-Балкарское... 2019].

Горско-еврейская диаспора. Первые семьи горских евреев – выходцы из Дербента, Махачкалы, Хасавюрта и Грозного поселились на правом берегу р. Нальчика напротив крепости в 1825 г. В 1847 г. возле крепости Нальчик поселились ещё 245 чел. горских евреев, которые до 1831 г. проживали в Дагестане в ауле Эндери, затем в селении кабардинского князя Бековича-Черкасского, с 1846 г. – в Моздоке. В последующие годы численность евреев в Нальчике возрастала. Горские евреи занимались ремеслами (кожевенники, сапожники), меновой торговлей и др. По официальным документам досоветского периода район компактного расселения горских евреев назывался Горско-Еврейская колония. Жители г. Нальчика его стали называть «Еврейская колонка». По данным Всесоюзных переписей, численность горских евреев на территории Кабардино-Балкарии составляла: в 1926 г. – 1871 чел., в 1989 г. – 4904 чел. В начале 1990-х гг., после распада СССР, большинство горских евреев, живших в г. Нальчике, эмигрировало в Израиль, США, Канаду и Австралию. В 2021 г. численность горских евреев в КБР составляла 734 человека.

Еврейский общественно-политический культурный центр «Товуши» («Свет») (ЕОПКЦ) был создан в 1988 г. в г. Нальчике и официально зарегистрирован в 1991 г. Министерством юстиции КБССР как самостоятельная организация. Председатель «Товуши» – Б.М. Шубаев. Следует отметить, что в Кабардино-Балкарии никогда не было проявлений антисемитизма. Горско-еврейская диаспора всегда получала поддержку от властных структур и народов республики. В 1997 г. все структуры диаспоры, кроме молитвенного дома,

были объединены в еврейскую национально-культурную автономию КБР [Евреи 2019; Данилова 1999: 137, 149, 150; Тазиев 2014: 107-123].

Грузинская диаспора. Грузины на территории Кабардино-Балкарии проживают с конца XIX в. По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г., в Кабардино-Балкарии проживало 621 чел. грузин. В настоящее время численность грузинского населения в КБР составляет около 2 тыс. человек. В 1988 г. в Нальчике был учрежден Грузинский НКЦ «Риони». Руководитель центра – С.В. Кавлашвили [Грузинский... 2015; Грузинский... 2019].

Дагестанская диаспора. Представители народов Дагестана стали переселяться в Кабардино-Балкарию, в основном, во 2-й половине XIX в. (мусульманские проповедники, кожевники, оружейники, каменотесы и др.). По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г., численность дагестанцев в КБАО составляла свыше 3,5 тыс. чел. В настоящее время в КБР, в г. Нальчике и других городах и районах республики проживает около 20 тыс. дагестанцев. НКЦ «Дагестан» был создан в г. Нальчике в 2000 г. Руководитель центра – И.Г. Сурхайханов [Национально-культурный... 2015; Национально-культурный... 2019].

Осетинская диаспора. По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г., в КБАО проживало около 4 тыс. осетин. В настоящее время численность осетин в КБР составляет свыше 15 тыс. человек. Осетинский НКЦ «Ныхас» был учрежден в г. Нальчике в 1991 г. При содействии «Ныхас» многие девушки и юноши поступили в вузы КБР и РСО-А на льготных условиях. Председатель организации – В.С. Кебеков [Осетинский... 2015; Тазиев 2014: 123-128].

Татарская диаспора. Отдельные семьи татар стали селиться на территории Кабардино-Балкарии еще в эпоху царской России. Группы татарского населения стали переселяться в КБАО в середине 1920-х гг. из Поволжья. По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г., численность татар в КБАО составляла 449 человек. В современный период в районах КБР проживает свыше 1,5 тыс. татар. В 2000 г. в г. Нальчике был создан Татарский НКЦ «Туган-Тел». В 2003 г. была открыта татарская воскресная школа. В настоящее время центр возглавляет И.У. Мананов [Татарский 2015; Татарский... 2019].

Турецко-мехетинская диаспора. Турки-мехетинцы начали прибывать из Грузии, Азербайджана и Средней Азии в Кабардино-Балкарию еще в 1970-1980-х гг. В последующие годы они компактно поселились в селениях Морзох, Шитхала, Нартан, Курское, Опытное, в г. Нальчике и г. Нарткале. В начале 2000-х гг. большие группы турок-мехетинцев стали неконтролируемо прибывать в КБР. Многие из турок-мехетинцев были вынуждены уехать из Краснодарского и Ставропольского краев по этносоциальным причинам. В настоящее время численность турок-мехетинцев в КБР составляет свыше 20 тыс. человек. Основная масса их занята в сферах сельского хозяйства, коммерческой деятельности и др. В 2007 г. в г. Нальчике был создан НКЦ мехетинских турок «Ватан ёлунда». Руководитель центра – И.Н. Пашалиев [Табаксоев 2017: 90; Аккиева 2016: 71-73].

Украинская диаспора. Первые группы украинцев стали селиться на территории современной Кабардино-Балкарии в последней четверти XVIII в. Они поселились в слободах Прохладной (основана в 1784 г.) и Пришибской (основана в 1838 г.). В середине XIX в. несколько тысяч украинских крестьян были посе-

лены на Северном Кавказе и зачислены в Терское казачье войско. Переселенцы из Украины проживали в семи казачьих станицах на территории Кабардино-Балкарии. По данным Всесоюзной переписи 1926 г., в КБАО проживало 17213 украинцев. В настоящее время численность украинцев в КБР составляет 1461 чел. Украинский НКЦ «Днипро» был создан в г. Нальчике в 2002 г. Руководитель центра – С.И. Харенко [Украинский... 2015; Украинский... 2019].

Анализ данных, полученных в процессе проведения экспертного опроса, показал следующие результаты.

Основные направления деятельности общественных объединений этнических диаспор Кабардино-Балкарии. По данному вопросу эксперты указали следующее. Большинство ОО этнических диаспор: НКЦ «Ахбюр», НКЦ «Риони», НКЦ «Дагестан», НКЦ «Ныхас», НКЦ «Туган-Тел», НКЦ «Ватан», ОНЦ «Товуши» осуществляет обучение детей родному языку. Все ОО этнических диаспор, за исключением НКЦ «Туган-Тел», отмечают свои этнические праздники и в разной степени принимают участие в культурных мероприятиях республики (концерты, выставки и др.). Хотя в прежние годы «Туган-Тел» проводил праздник «Сабантуй». Большинство ОО этнических диаспор, за исключением НКЦ «Днипро», НКЦ «Туган-Тел» и НКЦ «Риони», поддерживают связи с этнической/исторической родиной. Большая часть ОО этнических диаспор («Азери», «Ахбюр», «За единение – Сябры», «Риони», «Товуши», «Ватан») поддерживает связи с соплеменниками, проживающими в других регионах России и других странах. Один эксперт ОД «За единение – «Сябры» указал, что их организация также осуществляет чествование и поддержку ветеранов Великой Отечественной войны, и восстановление имен павших в ней. Один эксперт ОНЦ «Товуши» отметил, что их организация осуществляет также консультативную деятельность.

Степень влияния деятельности общественных объединений диаспор Кабардино-Балкарии на сохранение их этнических культур. По мнению экспертов от всех 10 ОО, деятельность их организаций способствует сохранению этнических культур их диаспор и, прежде всего, сохранению этнического самосознания. По мнению преобладающей части ОО («Азери», «Ахбюр», «Риони», «Товуши», «Ныхас», «Ватан», «Днипро»), деятельность их организаций способствует сохранению родных языков. Большинство экспертов, за исключением экспертов от «Туган-Тел», считают, что деятельность их организаций способствует сохранению народных обычаев и традиций. По одному эксперту от НКЦ «Азери» и НКЦ «Дагестан» считают, что деятельность их организаций не влияет на сохранение этнических культур их диаспор.

Направления деятельности общественных объединений этнических диаспор Кабардино-Балкарии, которые следует активизировать. Эксперты от всех 10 общественных объединений указали, что считают необходимым активизировать обучение детей своим родным языкам. За исключением экспертов от НКЦ «Ватан», эксперты всех ОО считают, что следует активизировать проведение культурных мероприятий (концерты, выставки и др.). По мнению преобладающей части экспертов («Азери», «Ахбюр», «За единение – Сябры», «Риони», «Туган-Тел», «Товуши», «Дагестан», «Ныхас», «Днипро»), следует

активизировать проведение совместных культурных мероприятий с общественными организациями других народов КБР. Эксперты от всех ОО, за исключением экспертов от «Туган-Тел», считают необходимым активизировать связи с этнической/исторической родиной. По мнению экспертов большинства ОО, за исключением экспертов от «Туган-Тел», «За единение – Сябры», «Ныхас» и «Днипро», следует активизировать связи с соплеменниками, проживающими в других регионах России и других странах. Один эксперт «За единение – Сябры» отметил, что нужно уделить внимание пропаганде исторических ценностей народов РФ.

Влияние деятельности общественных объединений этнических диаспор Кабардино-Балкарии на укрепление дружбы с другими народами республики. За исключением экспертов от НКЦ «Туган-Тел», эксперты от всех ОО считают, что деятельность их организаций способствует укреплению дружбы с другими народами в значительной степени. В то же время эксперты НКЦ «Ахбюр» – 100 %, ОД «За единение – Сябры» – 30 %, ОНЦ «Товуши» – 20 %, НКЦ «Дагестан» – 20 %, НКЦ «Днипро» – 20 % считают, что деятельность их организаций способствует укреплению дружбы с другими народами в незначительной степени. Эксперты от НКЦ «Туган-Тел» – 60 %, ОНЦ «Товуши» – 20 %, НКЦ «Дагестан» – 20 % считают, что деятельность их организаций не влияет на отношения их диаспор с другими народами КБР. Полученные ответы свидетельствуют о противоречивой и критической оценке деятельности указанных организаций по данному вопросу.

Сферы, в которых общественные объединения этнических диаспор Кабардино-Балкарии поддерживают связи с этнической/исторической родиной. По данному вопросу эксперты от всех 10 организаций указали сферу культуры. Сферу образования отметили эксперты: НКЦ «Ахбюр» – 100 %, НКЦ «Риони» – 30 %, ОНЦ «Товуши» – 30 %, НКЦ «Ныхас» – 30 %, НКЦ «Ватан» (с Турцией) – 70 %. Сферу туризма указали эксперты: НКЦ «Ахбюр» – 100 %, ОД «За единение – Сябры» – 10 %, НКЦ «Риони» – 10 %, ОНЦ «Товуши» – 40 %, НКЦ «Дагестан» – 40 %, НКЦ «Ватан» (с Турцией) – 30 %. В то же время эксперты ОД «За единение – Сябры» – 10 %, ОНЦ «Товуши» – 20 %, НКЦ «Туган-Тел» – 80 %, НКЦ «Днипро» – 90 % сообщили, что их организации не поддерживают никаких связей с исторической/этнической родиной. Четыре эксперта НКЦ «Риони» отметили, что общаются с родственниками, живущими в Грузии.

Отношение молодежи этнических диаспор Кабардино-Балкарии к своим этническим обычаям и традициям. По мнению экспертов от НКЦ «Азери» – 70 %, НКЦ «Ахбюр» – 70 %, НКЦ «Риони» – 30 %, ОНЦ «Товуши» – 90 % и НКЦ «Ватан» – 100 %, молодежь их диаспор свято почитает и соблюдает свои этнические обычаи и традиции. Эксперты от НКЦ «Азери» – 10 %, НКЦ «Ахбюр» – 100 %, ОД «За единение – Сябры» – 30 %, НКЦ «Риони» – 80 %, ОНЦ «Товуши» – 10 %, НКЦ «Дагестан» – 30 %, НКЦ «Ныхас» – 10 %, НКЦ «Днипро» – 70 %, считают, что этнические обычаи и традиции молодежью чаще соблюдаются, чем не соблюдаются. Эксперты от НКЦ «Азери» – 20 %, ОД «За единение – Сябры» – 70 %, НКЦ «Дагестан» – 70 %, НКЦ «Туган-Тел» – 50 %, НКЦ «Днипро» – 20 %, считают, что этнические обычаи и традиции мо-

лодежью чаще не соблюдаются. По мнению пяти экспертов от НКЦ «Туган-Тел» и одного эксперта от НКЦ «Днипро», молодежь их диаспор совсем не соблюдает этнические обычаи и традиции. Полученные противоречивые данные свидетельствуют о том, что молодежь этнических диаспор КБР в разной степени почитает и соблюдает свои обычаи и традиции.

Проблемы, наиболее актуальные для общественных объединений этнических диаспор Кабардино-Балкарии. По данному вопросу эксперты от всех ОО указали проблему финансирования и проблему привлечения молодежи к участию в мероприятиях организации. Следует отметить, что данные проблемы являются актуальными для всех общественных объединений республики. Один эксперт «Товуши» указал «безопасность», другой эксперт «Товуши» – «отсутствие желаний взаимодействовать, создавать совместные проекты и площадки представителей молодежи разных народов и вероисповеданий».

Структуры, от которых общественные объединения этнических диаспор Кабардино-Балкарии предпочитают получать поддержку. За исключением экспертов от НКЦ «Ныхас», эксперты всех ОО указали, что им необходима поддержка от органов государственной власти РФ и от органов государственной власти КБР. За исключением экспертов от ОНЦ «Товуши», эксперты от всех ОО считают, что им необходима поддержка от органов государственной власти этнической/исторической родины. Два эксперта от ОД «За единение – Сябры» и по одному эксперту от ОНЦ «Товуши» и НКЦ «Дагестан» считают, что их организациям поддержка не нужна.

Проблемы в Кабардино-Балкарии, которые в наибольшей степени беспокоят представителей этнических диаспор. По данному вопросу были получены разные мнения экспертов. Экономические проблемы указали эксперты: НКЦ «Азери» – 100 %, НКЦ «Ахбюр» – 10 %, ОД «За единение – «Сябры» – 30 %, НКЦ «Риони» – 80 %, ОНЦ «Товуши» – 30 %, НКЦ «Дагестан» – 40 %, НКЦ «Ныхас» – 90 %, НКЦ «Туган-Тел» – 40 %, НКЦ «Днипро» – 60 %. Межнациональные отношения отметили эксперты: НКЦ «Риони» – 10 %, ОНЦ «Товуши» – 70 %, НКЦ «Дагестан» – 40 %, НКЦ «Ватан» – 90 %; НКЦ «Днипро» – 60 %. Межконфессиональные отношения указали эксперты: НКЦ «Ахбюр» – 100 %, ОД «За единение – «Сябры» – 20 %, ОНЦ «Товуши» – 70 %, НКЦ «Ватан» – 90 %, НКЦ «Днипро» – 10 %. Данные ответы свидетельствуют о росте в республике межнациональных и межконфессиональных противоречий, но эксперты не предоставили более подробной информации по данному вопросу.

Эксперты от «Азери» – 60 %, «За единение – Сябры» – 30 %, «Риони» – 40 %, «Дагестан» – 20 %, «Ныхас» – 20 %, «Днипро» – 70 %; «Туган-Тел» – 50 % сообщили, что их беспокоят проблемы экологии. Шесть экспертов НКЦ «Ахбюр», по одному эксперту НКЦ «Туган-Тел», ОНЦ «Товуши», НКЦ «Ныхас» и НКЦ «Дагестан» сообщили, что нет проблем.

Три эксперта ОД «За единение – Сябры» указали, что в г. Нальчике нет мест для отдыха пожилых людей и детей. Эксперт «Товуши» указал «необразованность молодежи, бескультурье, утеря традиционных кавказских ценностей».

Наличие/отсутствие сложностей в общении этнических диаспор Кабардино-Балкарии с другими народами республики. Большинство экспертов от

всех 10 общественных объединений сообщили, что их диаспоры не испытывают никаких сложностей в общении с представителями других народов КБР. Наибольшую озабоченность высказали эксперты «Товуши». Они сообщили следующее: «испытывают сложности в общении с радикально настроенными»; «со своей стороны не показываем, по отношению к нам бывает»; «происходят разного рода конфликты на почве национальности»; «мы не испытываем, но, к сожалению, ощущаем сложности в общении по отношению к нам»; «вынужденно держимся обособленно»; «невозможность взаимодействия даже в отношении рабочих вопросов, когда речь заходит о национальности, отказывают и в услугах и в работе»; «отсутствие терпимости и лояльности, особенно у молодежи».

Один эксперт НКЦ «Дагестан» – юрист, кандидат наук в возрасте 41-50 лет указал, что испытывает сложности в общении с представителями всех других народов КБР.

Полученные ответы свидетельствуют о том, что доминирующие в численном отношении народы КБР и, прежде всего титульные, проявляют высокий уровень толерантности по отношению к этническим диаспорам. Сообщения экспертов ОНЦ «Товуши» о проявлениях нетерпимости и о межнациональных конфликтах вызывают необходимость проведения специального исследования. Следует отметить, что в этнических культурах кабардинцев, балкарцев и казаков нет этнической нетерпимости. С другой стороны, в последнее время представители коренных народов республики на бытовом уровне высказывают опасения относительного быстрого роста численности этнических диаспор, что со временем может привести к межнациональной напряженности и конфликтам. В целом мнения экспертов свидетельствуют о возрастании актуальности данной проблемы.

Выводы

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

Большинство общественных объединений диаспор Кабардино-Балкарии осуществляют деятельность по сохранению своих этнических культур. Общественное движение «За единение – «Сябры» также осуществляет чествование и поддержку ветеранов Великой Отечественной войны и восстановление имен павших в ней.

По мнению экспертов от всех ОО, деятельность их организаций способствует сохранению этнических культур их диаспор: этнического самосознания, родных языков, народных обычаев и традиций. Отдельные эксперты считают, что деятельность их организаций не влияет на сохранение этнических культур их диаспор.

По мнению преобладающей части экспертов, их организациям следует активизировать обучение детей родным языкам, проведение этнических праздников, развитие связей с этнической/исторической родиной и соплеменниками, проживающими в других регионах России и других странах, а также участие в культурных мероприятиях республики.

Противоречивые мнения зафиксировали эксперты по вопросу о влиянии деятельности их организаций на укрепление дружбы с другими народами респуб-

лики. Эксперты преобладающей части ОО считают, что деятельность их организаций способствует укреплению дружбы с другими народами республики в значительной степени. Меньшая часть экспертов считает, что деятельность их организаций не влияет на отношения их диаспор с другими народами республики.

Из числа сфер, в которых ОО этнических диаспор поддерживают связи с этнической/исторической родиной, эксперты от всех организаций указали сферу культуры, в меньшей степени – сферы образования и туризма. В то же время эксперты ОД «За единение – Сябры», ОНЦ «Товуши», НКЦ «Туган-Тел», НКЦ «Днипро» сообщили, что их организации не поддерживают никаких связей с исторической/этнической родиной. Четыре эксперта НКЦ «Риони» отметили, что общаются с родственниками, живущими в Грузии.

В суждениях экспертов об отношении молодежи диаспор КБР к своим этническим обычаям и традициям проявились противоречия. Полученные данные свидетельствуют о том, что молодежь диаспор КБР в разной степени почитает и соблюдает свои этнические обычаи и традиции.

Из числа проблем, наиболее актуальных для организаций этнических диаспор КБР, эксперты от всех ОО указали проблему финансирования и проблему привлечения молодежи к участию в мероприятиях организации, что, в целом, характерно для всех ОО республики.

Эксперты большинства ОО считают, что им необходима поддержка от органов государственной власти КБР, РФ и от органов государственной власти этнической/исторической родины.

Разные мнения зафиксировали эксперты относительно проблем в Кабардино-Балкарии, которые в наибольшей степени беспокоят представителей этнических диаспор. Эксперты 9 организаций указали экономические проблемы, эксперты 7 организаций – межнациональные и межконфессиональные отношения. Данные ответы также свидетельствуют о росте в республике межнациональных и межконфессиональных противоречий. Преобладающая часть экспертов отметила проблемы экологии.

По мнению большинства экспертов от всех 10 общественных объединений, их диаспоры не испытывают сложностей в общении с представителями других народов республики. Это свидетельствует о том, что доминирующие в численном отношении народы КБР и, прежде всего, титульные, проявляют высокий уровень толерантности по отношению к этническим диаспорам. По мнению преобладающей части экспертов «Товуши», представители горско-еврейской диаспоры испытывают сложности в общении с радикально настроенными группами населения, что свидетельствует о возрастании актуальности данной проблемы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Азербайджанский... 2015 – *Азербайджанский* национально-культурный центр «Азери» // Кабардино-Балкария – дом дружбы народов. Этнобюллетень. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015. – С. 20, 21.

Азербайджанцы... 2019 – *Азербайджанцы* // Электронная энциклопедия «Многоголосая культура народов Кабардино-Балкарии». Сайт Государственной национальной библиотеки

КБР им. Т.К. Мальбахова [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--90aae3anv.xn--p1ai/wp-content/uploads/proects/culture/ethnos/azerbajjanis/overview.html> (дата обращения: 12.10.2024).

Акиева 2016 – *Акиева С.И.* Турки-месхетинцы в КБР: демографическое и этнокультурное развитие. – Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2016. – 92 с.

Богачёва 2018 – *Богачёва И.* Кабардино-Балкарское региональное отделение общероссийской организации Союза армян России «Ахбюр» // Кабардино-Балкарская правда. – 2018.08.11. – № 135 (24927). – С. 3.

Грузинский... 2015 – *Грузинский* национально-культурный центр «Риони» // Кабардино-Балкария – дом дружбы народов. Этнобюллетень. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015. – С. 28, 29.

Грузинский... 2019 – *Грузинский* национально-культурный центр «Риони» // Многоголосая культура народов Кабардино-Балкарии. Сайт Государственной национальной библиотеки им. Т.К. Мальбахова [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--90aae3anv.xn--p1ai/wp-content/uploads/proects/culture/ethnos/georgians/organization.html> (дата обращения: 14.09.2024).

Гугова 2002 – *Гугова М.Х.* Общественно-политические движения Кабардино-Балкарской Республики (II половина 80 – середина 90-х гг. XX века). Дисс ... канд. истор. наук. – Нальчик: КБИГИ, 2002. – 154 с.

Данилова 1999 – *Данилова С.А.* Проблемы самоидентификации горских евреев КБР в период демократизации общества в новой России. Дисс ... канд. истор. наук. – Нальчик, 1999. – 191 с.

Евреи 2019 – *Евреи* // Электронная энциклопедия «Многоголосая культура народов Кабардино-Балкарии». Сайт Государственной национальной библиотеки КБР им. Т.К. Мальбахова [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--90aae3anv.xn--p1ai/wp-content/uploads/proects/culture/ethnos/jews/organization.html> (дата обращения: 18.09.2024).

Кабардино-Балкарский... 2015 – *Кабардино-Балкарский* общественный фонд культуры // Кабардино-Балкария – дом дружбы народов. Этнобюллетень. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015. – С. 6, 7.

Кабардино-Балкарское... 2015 – *Кабардино-Балкарское* общественное движение «За единение – «Сябры» // Кабардино-Балкария – дом дружбы народов. Этнобюллетень. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015. – С. 50, 51.

Кабардино-Балкарское... 2019 – *Кабардино-Балкарское* общественное движение «За единение – «Сябры» // Многоголосая культура народов Кабардино-Балкарии. Сайт Государственной национальной библиотеки им. Т.К. Мальбахова [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--90aae3anv.xn--p1ai/wp-content/uploads/proects/culture/ethnos/belarussians/organization.html> (дата обращения: 29.10.2024).

Кушхабиев, Геграев 2024 – *Кушхабиев А.В., Геграев Х.К.* Аналитический отчет о результатах экспертного отчета «Основные направления и проблемы в деятельности общественных объединений этнических диаспор Кабардино-Балкарской Республики». – Нальчик: КБНЦ РАН, 2024. – 28 с.

Национально-культурный... 2015 – *Национально-культурный* центр «Дагестан» // Кабардино-Балкария – дом дружбы народов. Этнобюллетень. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015. – С. 30, 31.

Национально-культурный... 2019 – *Национально-культурный* центр «Дагестан» // Электронная энциклопедия «Многоголосая культура народов Кабардино-Балкарии». Сайт Государственной национальной библиотеки КБР им. Т.К. Мальбахова [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--90aae3anv.xn--p1ai/wp-content/uploads/proects/culture/ethnos/daghestan/organization.html> (дата обращения: 26.09.2024).

Осетинский... 2015 – *Осетинский* национально-культурный центр «Ныхас» // Кабардино-Балкария – дом дружбы народов. Этнобюллетень. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015. – С. 41-43.

Региональное... 2024 – *Региональное* отделение Союза армян России «Ахбюр» (Кабардино-Балкарская Республика) // Сайт Энциклопедии фонда «Хайазг» [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.hayazg.info> (дата обращения: 19.09.2024).

Табаксоев 2017 – *Табаксоев И.А.* Демографические и миграционные процессы в Кабардино-Балкарской Республике вначале XXI в. // Актуальные проблемы социально-политического и этнокультурного развития современной Кабардино-Балкарии. – Нальчик: КБНЦ РАН, 2017. – С. 70-95.

Тазиев 2014 – *Тазиев Р.Х.* Общественно-политические объединения в Кабардино-Балкарии в 1985-2000 гг. – Нальчик: Принт Центр, 2014. – 356 с.

Татарский 2015 – *Татарский* национально-культурный центр «Туган-Тел» // Кабардино-Балкария – дом дружбы народов. Этнобюллетень. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015. – С. 52, 53.

Татарский... 2019 – Татарский национально-культурный центр «Туган-Тел» // Многоголосая культура народов Кабардино-Балкарии. Сайт Государственной национальной библиотеки им. Т.К. Мальбахова [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--90aae3anv.xn--p1ai/wp-content/uploads/proects/culture/ethnos/tatars/organization.html> (дата обращения: 18.09.2024).

Украинский... 2015 – *Украинский* национально-культурный центр «Днипро» // Кабардино-Балкария – дом дружбы народов. Этнобюллетень. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015. – С. 32, 33.

Украинский... 2019 – *Украинский* национально-культурный центр «Днипро» // Многоголосая культура народов Кабардино-Балкарии. Сайт Государственной национальной библиотеки им. Т.К. Мальбахова [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--90aae3anv.xn--p1ai/wp-content/uploads/proects/culture/ethnos/ukrainians/organization.html> (дата обращения: 17.09.2024).

REFERENCES

Azerbaidzhanskii natsional'no-kul'turnyi tsentr «Azeri» [Azerbaijani National Cultural Center “Azeri”]. IN: *Kabardino-Balkariya – dom druzhby narodov. Ehtnobyulleten'.* – Nal'chik: ООО «Pechatnyi dvor», 2015. – P. 20, 21. (In Russ.)

Azerbaidzhantsy [Azerbaijanis]. IN: *Ehlektronnaya ehntsiklopediya «Mnogogolosaya kul'tura narodov Kabardino-Balkarii». Sait Gosudarstvennoi natsional'noi biblioteki KBR im. T.K. Mal'bakhova* [Electronic Encyclopedia “The Multi-Voiced Culture of the Peoples of Kabardino-Balkaria”. Website of the State National Library of the Kabardino-Balkarian Republic named after T.K. Malbakhov] [Electronic resource]. URL: <https://xn--90aae3anv.xn--p1ai/wp-content/uploads/proects/culture/ethnos/azerbaijanis/overview.html> (date of access: 10/12/2024). (In Russ.)

AKKIEVA S.I. *Turki-mesketintsy v KBR: demograficheskoe i ehtnokul'turnoe razvitie* [Meskhetian Turks in the Kabardino-Balkarian Republic: demographic and ethnocultural development]. – Nal'chik: Publishing department of the IGI KBNTS RAS, 2016. – 92 p. (In Russ.)

BOGACHEVA I. *Kabardino-Balkarskoe regional'noe otdelenie obshcherossiiskoi organizatsii Soyuza armyan Rossii «Akhbyur»* [Kabardino-Balkarian regional branch of the all-Russian organization of the Union of Armenians of Russia “Akhbyur”]. IN: *Kabardino-Balkarskaya pravda.* – 2018 – № 135 (24927). November 08th. – P. 3. (In Russ.)

Gruzinskii natsional'no-kul'turnyi tsentr «Rioni» [Georgian national-cultural center “Rioni”]. IN: *Kabardino-Balkariya – dom druzhby narodov. Ehtnobyulleten'.* – Nal'chik: ООО «Pechatnyi dvor», 2015. – P. 28, 29. (In Russ.)

Gruzinskii natsional'no-kul'turnyi tsentr «Rioni» [Georgian national-cultural center “Rioni”]. IN: *Mnogogolosaya kul'tura narodov Kabardino-Balkarii. Sait Gosudarstvennoi natsional'noi biblioteki im. T.K. Mal'bakhova* [Electronic resource]. URL: <https://xn--90aae3anv.xn--p1ai/wp-content/uploads/proects/culture/ethnos/georgians/organization.html> (date of access: 09/14/2024). (In Russ.)

GUGOVA M.KH. *Obshchestvenno-politicheskie dvizheniya Kabardino-Balkarskoi Respubliki (II polovina 80 – seredina 90-kh gg. XX veka). Diss ... kand. istor. nauk* [Public and political movements of the Kabardino-Balkarian Republic (second half of the 80s – mid-90s of the XX century). Diss... Cand. of History]. – Nal'chik: KBIGI, 2002. – 154 p. (In Russ.)

DANILOVA S.A. *Problemy samoidentifikatsii gorskikh evreev KBR v period demokratizatsii obshchestva v novoi Rossii. Diss ... kand. istor. nauk* [Problems of self-identification of the Mountain Jews of the KBR during the period of democratization of society in the new Russia. Diss... Cand. of History]. – Nal'chik, 1999. – 191 p. (In Russ.)

Evrei [Jews]. IN: *Ehlektronnaya ehntsiklopediya «Mnogogolosaya kul'tura narodov Kabardino-Balkarii»*. Sait Gosudarstvennoi natsional'noi biblioteki KBR im. T.K. Mal'bakhova [Electronic encyclopedia "The Multi-voice Culture of the Peoples of Kabardino-Balkaria". Website of the State National Library of the KBR named after T.K. Malbakhov] [Electronic resource]. URL: <https://xn--90aae3anv.xn--p1ai/wp-content/uploads/proects/culture/ethnos/jews/organization.html> (date of access: 09/18/2024). (In Russ.)

Kabardino-Balkarskii obshchestvennyi fond kul'tury [Kabardino-Balkarian Public Cultural Foundation]. IN: *Kabardino-Balkariya – dom druzhby narodov. Ehtnobyulleten'*. – Nal'chik: OOO «Pechatnyi dvor», 2015. – P. 6, 7. (In Russ.)

Kabardino-Balkarskoe obshchestvennoe dvizhenie «Za edinenie – «Syabry» [Kabardino-Balkarian public movement "For Unity – "Syabry"]. IN: *Kabardino-Balkariya – dom druzhby narodov. Ehtnobyulleten'*. – Nal'chik: OOO «Pechatnyi dvor», 2015. – P. 50, 51. (In Russ.)

Kabardino-Balkarskoe obshchestvennoe dvizhenie «Za edinenie – «Syabry» [Kabardino-Balkarian public movement "For Unity – "Syabry"]. IN: *Mnogogolosaya kul'tura narodov Kabardino-Balkarii. Sait Gosudarstvennoi natsional'noi biblioteki im. T.K. Mal'bakhova* [Electronic resource]. URL: <https://xn--90aae3anv.xn--p1ai/wp-content/uploads/proects/culture/ethnos/belarusians/organization.html> (date of access: 10/29/2024). (In Russ.)

KUSHKHABIEV A.V., GEGRAEV KH.K. *Analiticheskii otchet o rezul'tatakh ehkspertnogo otcheta «Osnovnye napravleniya i problemy v deyatel'nosti obshchestvennykh ob"edinenii ehnikheskikh diaspor Kabardino-Balkarskoi Respubliki»* [Analytical report on the results of the expert survey "Main directions and problems in the activities of public associations of ethnic diasporas of the Kabardino-Balkarian Republic"]. – Nal'chik: KBNTS RAS, 2024. – 28 p. (In Russ.)

Natsional'no-kul'turnyi tsentr «Dagestan» [National-cultural center "Dagestan"]. IN: *Kabardino-Balkariya – dom druzhby narodov. Ehtnobyulleten'*. – Nal'chik: OOO «Pechatnyi dvor», 2015. – P. 30, 31. (In Russ.)

Natsional'no-kul'turnyi tsentr «Dagestan» [National-cultural center "Dagestan"]. IN: *Ehlektronnaya ehntsiklopediya «Mnogogolosaya kul'tura narodov Kabardino-Balkarii»*. Sait Gosudarstvennoi natsional'noi biblioteki KBR im. T.K. Mal'bakhova [Electronic resource]. URL: <https://xn--90aae3anv.xn--p1ai/wp-content/uploads/proects/culture/ethnos/daghestan/organization.html> (date of access: 09/26/2024). (In Russ.)

Osetinskii natsional'no-kul'turnyi tsentr «Nykhas» [Ossetian national-cultural center "Nykhas"]. IN: *Kabardino-Balkariya – dom druzhby narodov. Ehtnobyulleten'*. – Nal'chik: OOO «Pechatnyi dvor», 2015. – P. 41-43. (In Russ.)

Regional'noe otdelenie Soyuza armyan Rossii «Akhbyur» (Kabardino-Balkarskaya Respublika) [Regional branch of the Union of Armenians of Russia "Akhbyur" (Kabardino-Balkarian Republic)]. IN: *Sait Ehntsiklopedii fonda «Khaiazg»* [Electronic resource]. URL: <http://ru.hayazg.info> (date of access: 09/19/2024). (In Russ.)

TABAКСOEV I.A. *Demograficheskie i migratsionnye protsessy v Kabardino-Balkarskoi Respublike vnachale XXI v.* [Demographic and migration processes in the Kabardino-Balkarian Republic at the beginning of the 21st century]. IN: *Aktual'nye problemy sotsial'no-politicheskogo i ehtnokul'turnogo razvitiya sovremennoi Kabardino-Balkarii*. – Nal'chik: KBNTS RAS, 2017. – P. 70-95. (In Russ.)

TAZIEV R.KH. *Obshchestvenno-politicheskie ob"edineniya v Kabardino-Balkarii v 1985-2000 gg.* [Social and political associations in Kabardino-Balkaria in 1985-2000]. – Nal'chik: Print Tsentr, 2014. – 356 p. (In Russ.)

Tatarskii natsional'no-kul'turnyi tsentr «Tugan-Tel» [Tatar national and cultural center "Tugan-Tel"]. IN: *Kabardino-Balkariya – dom druzhby narodov. Ehtnobyulleten'.* – Nal'chik: OOO «Pechatnyi dvor», 2015. – P. 52, 53. (In Russ.)

Tatarskii natsional'no-kul'turnyi tsentr «Tugan-Tel» [Tatar national cultural center "Tugan-Tel"]. IN: *Mnogogolosaya kul'tura narodov Kabardino-Balkarii. Sait Gosudarstvennoi natsional'noi biblioteki im. T.K. Mal'bakhova* [Elektronnyi resurs]. URL: <https://xn--90aae3anv.xn--p1ai/wp-content/uploads/proects/culture/ethnos/tatars/organization.html> (date of access: 09/18/2024). (In Russ.)

Ukrainskii natsional'no-kul'turnyi tsentr «Dnipro» [Ukrainian national cultural center "Dnipro"]. IN: *Kabardino-Balkariya – dom druzhby narodov. Ehtnobyulleten'.* – Nal'chik: OOO «Pechatnyi dvor», 2015. – P. 32, 33. (In Russ.)

Ukrainskii natsional'no-kul'turnyi tsentr «Dnipro» [Ukrainian National Cultural Center "Dnipro"]. IN: *Mnogogolosaya kul'tura narodov Kabardino-Balkarii. Sait Gosudarstvennoi natsional'noi biblioteki im. T.K. Mal'bakhova* [Electronic resource]. URL: <https://xn--90aae3anv.xn--p1ai/wp-content/uploads/proects/culture/ethnos/ukrainians/organization.html> (date of access: 09/17/2024). (In Russ.)

Сведения об авторах.

А.В. Кушхабиев – доктор исторических наук, доцент.

Х.К. Геграев – кандидат исторических наук, доцент.

About the authors.

A.V. Kushkhabiev – Doctor of Sciences (History), Associate Professor.

Kh.K. Gegraev – PhD (in History), Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.11.2024 г.; одобрена после рецензирования 12.12.2024 г.; принята к публикации 27.12.2024 г.

The article was submitted 29.11.2024; approved after reviewing 12.12.2024; accepted for publication 27.12.2024.

Этнология, антропология и этнография

Научная статья

УДК 39+94(470.6)

DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-190-205

EDN: DIGMES

ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР И ЭТНОГЕНЕЗ АБХАЗО-АДЫГОВ

Лина Хизировна Гучапшева¹, Владимир Александрович Фоменко²

¹ Кабардино-Балкарский научный центр РАН, Нальчик, Россия, mamhegova.lina@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-6279-4746>

² Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, fva2005@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7994-7106>

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы этнической интерпретации археологических культур. Анализируется статус понятия «археологическая культура» и вопрос соотношения археологических культур и этнических общностей на основе как устоявшихся теоретических подходов, так и современных. Исследуется система древних культур Центрального и Западного Кавказа наиболее адекватно отражающая этническую карту эпохи раннего бронзового века. Проблемы этногенеза и ранних этапов этнической истории абхазо-адыгов рассматриваются в тесной связи с археологическими культурами: майкопская и дольменная. Затрагиваются вопросы этнической атрибуции археологических культур, подчеркивается, что генезис и история абхазо-адыгов имеет глубокие корни, уходящие не только в эпоху бронзы, но и в более ранние эпохи. Анализируются различные подходы и направления, раскрывающие особенности происхождения и развития майкопской и дольменной культур, акцентируется внимание на наличие большого количества научно-фактического материала, свидетельствующего о генетическом и этнокультурном родстве носителей культур ранней и средней бронзы с протоабхазским этническим массивом.

Ключевые слова: Северный Кавказ; эпоха бронзы; абхазо-адыгский этнический массив; этногенез; археологическая культура; майкопская культура, дольменная культура; этногенетические исследования; этногенетическая преемственность; интерпретация археологических традиций.

Для цитирования: Гучапшева Л.Х., Фоменко В.А. Проблема этнической интерпретации археологических культур и этногенез абхазо-адыгов // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 4. – С. 190-205. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-190-205. EDN: DIGMES.

© Гучапшева Л.Х., Фоменко В.А., 2024

Original article

THE PROBLEM OF ETHNIC INTERPRETATION OF ARCHAEOLOGICAL CULTURES AND ETHNOGENESIS OF ABKHAZ-ADIGES

Lina Kh. Guchapsheva¹, Vladimir A. Fomenko²

¹ Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, mamhegova.lina@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-6279-4746>

² Institute of humanitarian researches – branch of FSBSE «Federal Scientific Center ‘Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences’», Nalchik, Russia, fva2005@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7994-7106>

Abstract. The article considers the problems of ethnic interpretation of archaeological cultures. The status of the concept of “archaeological culture” and the issue of the relationship between archaeological cultures and ethnic communities are analyzed because of both established theoretical approaches and modern ones. The system of ancient cultures of the Central and Western Caucasus is studied, which most adequately reflects the ethnic map of the Early Bronze Age. The problems of ethnogenesis and early stages of the ethnic history of the Abkhaz-Adyghe are considered in close connection with the archaeological cultures: Maikop and dolmen. This study addresses the issues of attributing archaeological cultures to specific ethnic groups, highlighting the deep roots of Abkhaz-Adyghe genesis and history, tracing them back not only to the Bronze Age but also to preceding eras. Various approaches and directions are analyzed, revealing the features of the origin and development of the Maikop and dolmen cultures, attention is focused on the presence of a large amount of scientific and factual material indicating the genetic and ethnocultural relationship of the bearers of the Early and Middle Bronze Age cultures with the proto-Abkhaz ethnic massif.

Keywords: North Caucasus, Bronze Age, Abkhaz-Adyghe ethnic massif, ethnogenesis, archaeological culture, Maikop culture, dolmen culture, ethnogenetic research, ethnogenetic continuity, interpretation of archaeological traditions.

For citation: Guchapsheva L.Kh., Fomenko V.A. The problem of ethnic interpretation of archaeological cultures and the ethnogenesis of the Abkhaz-Adygs. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 4. – P. 190-205. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-190-205. EDN: DIGMES.

© Guchapsheva L.Kh., Fomenko V.A., 2024

Введение

Одним из дискуссионных вопросов целого ряда наук (археологии, истории, этнологии, лингвистики, антропологии) является установление связи бытовых и погребальных археологических памятников с более поздними и ныне существующими этносами и их культурами. Несмотря на то, что эта проблема обозначилась в науке давно, она не теряет своей актуальности и в наши дни. Острую полемику в научных кругах вызывает сама возможность прямолинейного или косвенного обращения к имеющимся источникам (в первую очередь, археологическим) с целью обоснования гипотез этногенеза и дальнейшего реконструирования ранней этнической истории народов. Многие отечественные исследователи, занимавшиеся комплексным изучением вопросов этногенеза, затрагивали эту тему: одни, развивая теорию тождественности, другие, высказываясь отрицательно. Среди них следует отметить работы В.В. Седова [Седов 1976], Е.Е. Кузьминой [Кузьмина 1976], А.П. Смирнова [Смирнов 1964], И.С. Каменецкого [Каменецкий 1970], Л.С. Клейна [Клейн 2013], Ю.В. Бромлей [Бромлей 1983], С.А. Арутюнова [Арутюнов; Хазанов 1979] и др.

Большой интерес, в контексте нашего исследования, представляют работы кавказоведов: Р.Ж. Бетрозова [Бетрозов 1990; Бетрозов 1991; Бетрозов 1998],

Е.И. Крупнова [Крупнов 1951], В.И. Марковина [1974; 1978], Б.Х. Бгажнокова [Бгажноков 2011: 5-13; Бгажноков 2020: 7-14], Р.М. Дагужиева [Дагужиев 2004], А.В. Сивера [Сивер 2014: 246-250], Н.Г. Ловпаче [Ловпаче 2019: 75-83] и других, которые рассматривают древние археологические культуры Центрального и Северо-Западного Кавказа в неразрывной связи с длительным процессом формирования современных этносов абхазо-адыгов.

Цель данной статьи – провести системный анализ подходов и точек зрения, по-разному определяющих этничность, над-, внеэтничность археологических культур с опорой на северокавказский эмпирический материал, рассмотреть и подтвердить теоретические и практические основания этнической интерпретации археологических культур на примере этногенетической преемственности археологических памятников ранней и средней бронзы на Северном Кавказе в контексте этнического формирования абхазо-адыгов.

Задачи исследования: выявить специфику восприятия археологической культуры, как неотъемлемых этапов этногенеза и ранних этапов развития этноса, рассмотреть онтологизм, эпистемиологизм, как важные подходы к пониманию этнического содержания древних археологических культур.

Актуальность данной темы объясняется тем, что исследование вопроса и основных подходов этнической интерпретации ряда археологических культур в тесной связи с этногенезом абхазо-адыгских народов раскрывает особенности и возможные пути формирования этноса и становится теоретической основой для подтверждения или же опровержения конкретных гипотез и концепций.

Объектом изучения являются теоретические и практические основания взаимосвязи археологической культуры и этноса, этногенез абхазо-адыгов и вопрос этногенетической преемственности археологических культур ранней и средней бронзы на территории Центрального и Западного Кавказа.

Предметом исследования являются памятники майкопской и дольменной археологических культур, а также дополнительные источники абхазо-адыгского этногенеза (археологические артефакты, данные лингвистики, антропологии и этнологии).

Проблема связи археологической культуры и этноса (подходы и интерпретации)

Специалисты по различным этапам древней истории при рассмотрении истоков этноса обычно приходят к понятию «археологическая культура». Наиболее распространенным и используемым в наши дни остается понимание археологической культуры как совокупности древних или средневековых памятников (стоянок, поселений, могильников и т.д.), имеющих общие черты, хронологию и связанные с одной территорией [Каменецкий 1970: 20-21].

В свою очередь, вопрос о соотношении этничности, надэтничности и внеэтничности археологической культуры вызывает в научной среде ожесточенные споры и имеет разные подходы. Можно выделить две основные направления онтологизма, которые формировались в рамках примордиализма и эпистемиологизма, которые впитали в себя идеи конструктивизма. Последователи первого направления полагают, что система археологических культур отражает эт-

ническую историю, а приверженцы второй позиции убеждены в том, что соотносить археологическую культуру и этнос неправомерно в силу, того, что археологическая культура является интеллектуальной абстракцией.

Для того, чтобы иметь наиболее полную картину рассмотрим эти направления в порядке их возникновения и развития в отечественной науке.

Приравнивание отдельных археологических культур к определенным этническим образованиям начало проявляться в трудах английского исследователя древностей Г. Чайлда, который утверждал, что археологический артефакт является основным маркером археологической культуры. Останки и археологические артефакты (сосуды, орудия, погребальный обряд, типы домостроительства), писал он, в своей совокупности и являются материальным выражением того, что можно назвать народом или этносом [Childe 1956: 154].

В отечественной историографии советского периода, данная концепция была воспринята весьма положительно и стала довольно популярной, поскольку, на государственном уровне разрабатывались проблемы, связанные с древнейшей историей и этногенезом малочисленных народов, населяющих советские республики. Начиная с 1950-х гг. историки и археологи вплотную были заняты подготовкой изданий по истории отдельных республик, где одной из важнейших тем, требующих серьезного исследования и разъяснения была проблема этногенеза и раннего этнического развития народов, которые до этого времени были мало изучены.

Подходом Гордона Чайлда руководствовался, например, отечественный археолог и историк А.П. Смирнов, который считал, что археологическая культура – это памятники, близкие по хронологии, найденные на одной территории, характеризующиеся особыми чертами культуры, как материальной так и духовной, и, потому соответствующие этносам и территориям распространения языков [Смирнов 1964: 3-5].

Довольно прямолинейное отождествление археологической культуры с этносом также проводили археологи В.В. Седов и Е.Е. Кузьмина. В.В. Седов, в частности, отмечал, что: «...археологические культуры, если они выделены на основе достаточных фактов, как правило, этничны» [Седов 1976: 82]. Е.Е. Кузьмина, ссылаясь на мнения археологов и этнографов, утверждала, что за культурой всегда стоит конкретный этнос или племена, за археологической общностью – союз родственных племен [Кузьмина 1976: 27].

Данную научную традицию разделили не все исследователи. Ведущие этнологи С.А. Арутюнов и А.М. Хазанов на страницах журнала «Советская этнография» представили иное видение проблемы. По утверждению авторов:

«...археологическая культура представляет собой совокупность лишь некоторых компонентов локальной культуры, причем в неполном, фрагментарном виде. Эти локальные культуры, имеющие определенное место во времени и пространстве, по своей структуре, принадлежат к различным и разнотипным, человеческим общностям, коллективам, группам, как этническим, так и не этническим» [Арутюнов, Хазанов 1979: 80].

Позднее в науке появилось утверждение, что нет полного совпадения археологических культур с языками и этносами, и у каждой археологической традиции много корней, уходящих в разные стороны и нет границ совпадений этнических общностей с языковыми [Клейн 2013: 17].

С точки зрения конструктивизма рассматривает вопрос известный отечественный этнолог В.А. Тишков в статье «От этноса к этничности и после». Он отмечает, что представители многих дисциплин (археологии, социологии, психологии и генетики) вместе с антропологами, пытаются преодолеть слабости теорий этноса и этногенеза, построив междисциплинарные мосты. Этнос, по мнению автора, является социальным конструктом и в объективной реальности он не встречается, как изначально заданная категория. Автор не отрицает исторический характер этносов, но насчет «глубины» этого характера у него остаются определенные сомнения, что требует отдельного рассмотрения [Тишков 2016: 7-8].

Непреодолимые, качественные различия между живой и давно «умершей» культурой отмечает исследователь В.А. Шнирельман. По его наблюдениям:

«...вторая гораздо менее системна, или, иными словами, ее “системность” имеет совершенно иной характер, чем у первой, а ее облик гораздо более случаен, хотя бы в силу разной степени сохранности разных остатков, а порой и разной степени их привязанности к археологическому слою» [Шнирельман 1993: 3].

В наши дни все более распространяется мнение, что археологическая культура является категорией аналитического характера [Крадин 2009: 10]. Многие современные ученые с сомнением относятся к непосредственной связи областей существования древней материальной культуры с этническими общностями. Соответственно, определение и выделение археологических культур, а также их соотношение с населением дописьменной эпохи является ныне менее конкретным и четким.

В этой ситуации важным является высказанное недавно мнение историка А.Х. Борова:

«...археологическая культура в строгом смысле является формальным, классификационным понятием, нельзя говорить о ее совпадении с социальной общностью. Правоммерно рассматривать археологическую культуру как научную конструкцию, соотносимую с социальной общностью. Социальные общности в археологии обычно отождествляются с этносом, но есть ещё и этно-социальный организм, и социальный организм, и группы, принадлежащие к одному хозяйственно-культурному типу. Таким образом, всегда существует хотя бы несколько потенциальных возможностей интерпретации конкретной археологической культуры. Общий вывод из этих положений заключается в том, что этноязыковая атрибуция археологических культур должна осуществляться с большой осторожностью» [Боров 2023: 18-19].

Вышеназванные взгляды археологов, этнологов и историков вполне аргументированы и убедительны, но все же, остается не совсем понятным, каким образом должна проводиться реконструкция древней этнической истории народа, без сопоставления археологических культур и этносов, учитывая, что мы имеем дело с огромными периодами прошлого и обширными территориями.

Систематизация археологических материалов в этом плане в определенную последовательность развития археологических культур, является, на сегодняшний день, чуть ли не единственным способом выделения и классификации эволюции этнокультурных особенностей населения древнейших периодов. Исследователи аргументируют невозможность сопоставления археологических культур и этносов, исходя из того, что существует огромный культурно-исторический разрыв между современными этносами и носителями древнейших археологических культур, акцентируя внимание на то, что основные этнические показатели, как язык, культура, территориальные границы и религия все время меняются и подвергаются трансформации. Несмотря на убедительность этих положений, следует отметить, что этнические общности, в силу определенных условий, как внешних, так и внутренних, имеют разную степень и скорость этих изменений. Несомненно, есть народы, у которых этнические показатели полностью или частично стерты, в результате тесных взаимодействий с другими культурно-историческими общностями, где влияние инородных элементов перекрывает этническую индивидуальность. Но не следует забывать и о народах, которые, несмотря на многие культурно-исторические обстоятельства и действие времени, сохранили свое «этническое лицо», обладающие четкими, ясными и сугубо отличительными признаками, позволяющими связывать, соотносить и находить общие черты с древними этническими пластами.

Нет сомнений в том, что вопросы этнической атрибуции сложны и требуют комплексного подхода. Выявить преемственность погребально-поминальных обрядов, которые всегда были подвержены конфессионально детерминированным изменениям, и сопоставить ее с одним или группой этносов – трудоемкая задача. Типолого-хронологические классификации и формализованные методы, применяемые в археологии, представляют нам в основном внешнее значение ряда элементов культуры и не позволяют увидеть их внутреннее содержание. Но из этого не следует вывод, что поиски в данном направлении не являются перспективными. Напротив, необходимо сосредоточить усилия на решении проблемы, детально интерпретировать имеющиеся находки и раскрыть малоизученные стороны этногенеза и ранней этнической истории народа.

***Культуры ранней и средней бронзы (майкопская, дольменная):
преемственность и взаимосвязь археологических традиций и этноса
(абхазо-адыгов)***

Касаясь темы происхождения абхазо-адыгов, исследователи, в первую очередь, обращаются к археологическим источникам и конкретным археологическим культурам эпохи ранней и средней бронзы: майкопской и дольменной. Известно, что эти культуры длительно сосуществовали и последовательно развивались, а также были теснейшим образом (генетически) связаны.

Тематике связей этих культур эпохи ранней и средней бронзы с древним абхазо-адыгским этническим массивом посвящены работы Е.И. Крупнова, В.И. Марковина, Р.Ж. Бетрозова, Н.Г. Ловпаче, Б.Х. Бгажнокова, В.А. Фоменко и др.

Отечественные ученые, используя данные филологии, антропологии, археологии, этнологии и других наук, убедительно показали, что материальная и духовная культура абхазо-адыгов имеет глубокие истоки и вполне отождествима с наиболее древними и известными культурами Северного Кавказа. Майкопская и дольменная культуры имели тесные связи и испытывали взаимовлияние с жителями ряда исторических областей регионов Ближнего Востока.

В 1951 г. известный советский археолог Е.И. Крупнов впервые использовал название «майкопская культура» для систематизации совокупности найденных к тому времени памятников и артефактов, и им же впервые была высказана мысль о возможном единстве древнейших культур Северного Кавказа. На основании тщательного анализа археологических источников, данных этнографии и языкознания он пришел к выводу, что культура адыгов сложилась на базе майкопской культуры [Крупнов 1951: 49].

Данный вопрос детально анализировался в работах археолога и историка Р.Ж. Бетрозова. Учитывая разнообразные источники и данные ряда наук (филологии, антропологии, археологии, этнологии), исследователь пришел к очень интересным и убедительным выводам. Эти обобщения были изданы в виде статей и нескольких монографий. Среди них можно выделить наиболее солидные и научно значимые труды: «Происхождение и этнокультурные связи адыгов» [Бетрозов 1991] и «Адыги: возникновение и развитие этноса» [Бетрозов 1998]. В этих работах автор пытался ответить на очень важный и сложный вопрос: «устанавливается ли генетическая преемственность между археологическими культурами эпохи камня, бронзы и раннего железа на территории исторического проживания адыгов и их связь с этнографическими данными и с культурой современных абхазо-адыгов?». [Бетрозов 1998: 61]. По мнению Руслана Жамалдиновича, все предположения о прошлом характере майкопской культуры имеют мало оснований, поскольку не доказываются ни археологическими, ни лингвистическими, ни тем более этногеографическими материалами. Несмотря на то, что прослеживается переднеазиатское воздействие в некоторых категориях вещей, массовый поселенческий материал, согласно убеждению автора, сохраняет местный, кавказский облик [Бетрозов 1998: 80].

Действительно многие положения, высказанные исследователем, говорят о том, что сходство культур не всегда означает этническое родство народов, а может быть результатом заимствований или диффузионных процессов. К тому же многие компоненты майкопской культуры, свидетельствуют о ее местном происхождении, например, наличие значительного архаичного пласта (более бедного) наряду с пышностью и богатством отдельных классических комплексов. Такое парадоксальное сочетание, на наш взгляд, может говорить об одном, что майкопская культура уходит корнями в еще более глубокую древность и связана с энеолитическим населением Кавказа. Преемственность культур в данном случае, более чем прослеживается.

Еще одним аргументом, в пользу того, что майкопская культура имела местную основу происхождения, является наличие курганного обряда погребения, важнейшего идентифицирующего маркера культуры, который не был свойственен многим народам и культурам, с которыми хотят связать данную

погребально-поминальную традицию. Но удивительно, что данный тип захоронения совершенно отчетливо сохраняется и прослеживается у адыгов в последующее историческое время, в частности, на позднесредневековых курганных могильниках, которые во множестве выявлены по всей территории расселения адыгов, в том числе в Кабардино-Балкарии.

В подтверждение данной мысли, можно привести позицию современного исследователя майкопской культуры С.Н. Кореневского о связи происхождения носителей майкопской культуры с адыгским этносом. Несмотря на скептическую оценку вероятности точной и однозначной этнической атрибуции древних майкопцев, ученый заметил, что по отношению к другим гипотезам (семитского, индоевропейского, тюркского) происхождения данной культуры, адыго-абхазскую версию можно считать, с точки зрения науки, менее уязвимой и полагает, что эта гипотеза больше соответствует исторической правде [Кореневский 2004: 97].

Что касается культуры дольменов, Р.Ж. Бетрозов не сомневался в ее взаимосвязи и родстве с майкопской культурой. Об их общих генетических истоках свидетельствуют, в первую очередь, памятники смешанного типа, сочетающие в себе признаки обеих культур, это и дольмены под курганными насыпями (могильник Клады у ст. Новосвободной), и мегалитические сооружения в курганах, раскопанных близ с. Кишпек и др. [Бетрозов 1998: 105].

Впервые о взаимосвязи майкопской культуры с дольменами высказался историк и археолог А.М. Тальгрэн. Он объединил основное погребение Майкопского кургана с дольменными погребениями у ст. Царской (Новосвободной) в «группу больших курганов» и многие исследователи потом начали рассматривать майкопские памятники, как близкие новосвободненским в хронологическом, а позднее и в культурном отношении [Tallgren 1911: 88-91].

Исследователи, не согласные с кавказским происхождением майкопской и новосвободненской культур также высказывали свое мнение. Отечественные археологи В.А. Сафронов, Н.А. Николаева искали истоки культуры майкопских и новосвободненских древностей далеко за пределами Северного Кавказа, в районе Тель-Хуейра в Сирии. Они предположили, что носителями данных культурных традиций были семитоязычные народы [Сафронов 1989: 219-22]. Другой исследователь А.Д. Резепкин считает, что строители дольменов у станции Новосвободной пришли из Центрально-Европейского региона, и, следовательно, являются индоевропейцами [Резепкин 1989: 22].

Однако эти предположения не получили развития, поскольку научное сообщество, критически оценило результаты этих исследований, посчитав, что они не имеют под собой достаточных оснований и доказательств. Так известный российский ученый-хеттолог А.С. Касьян опроверг данные положения В.А. Сафронова и Н.А. Николаевой. Он пишет, что

«...майкопцы вряд ли могли быть семитоговорящими, поскольку нет никаких указаний, что в конце V – начале IV тыс. до н.э. семитские племена продвинулись так далеко на север, а металлургическая терминология не реконструируется для прасемитского и других афроазиатских языков. Также майкопцев затруднительно соотнести с индоевропейцами, так как

нет доказательств даже гипотетического культурного доминирования индоевропейцев в Анатолии в период ранней и средней бронзы»¹.

Проблема происхождения, хронологии и расселения носителей майкопской культуры, а также их связи с прото-абхазо-адыгами на протяжении ряда эпох анализировалась в работах российского этнолога Б.Х. Бгажнокова: «Преемственность этнического развития протоабхазо-адыгского населения» и «Майкопская культура и проблемы древнейшей истории адыгов» [Бгажноков 2011: 5-13]. Основываясь на современных данных и разработках археологов, Б.Х. Бгажноков дополнил аргументацию предположения о наличии домайкопской эпохи эволюции культуры местного населения. Концентрация бытовых и погребальных памятников древних майкопцев на Северном Кавказе, а также устойчивый и длительный характер их развития, по мнению Барасби Хачимовича, содержит в себе историческую информацию, которая определенно связана с этногенезом абхазо-адыгов [Бгажноков 2011: 5-11].

В другой статье Б.Х. Бгажноков уже конкретнее рассмотрел проблему этногенеза адыгов в контексте преемственности археологических культур и отметил, что

«... свидетельством о преемственности этнокультурных связей и этнического развития адыгов являются данные археологических культур начиная с эпохи медно-каменного века (энеолит) и затем бронзового и железного веков». Взаимосвязь и хронологическая последовательность археологических традиций строилась автором, следующим образом: дарквети-мешоковская, майкопская, дольменная, новосвободненская культура, а затем в начале железного века – кобанская» [Бгажноков 2020: 11].

Вопрос, связанный с индоевропейцами, как строителями дольменов на Кавказе, имел неоднозначную оценку со стороны Б.Х. Бгажнокова. Он не отрицал возможности того, что какая-то группа племен из Центральной Европы на рубеже V и IV тыс. до н.э. могла переселиться на Среднюю Кубань и стать импульсом для формирования новосвободненской культурной традиции. Однако автор заметил, что способ погребения в каменных мегалитических конструкциях типа дольменов не связан стопроцентно с языковой группой и конкретным этносом и встречается во многих регионах Европы и Азии. Далее исследователь пояснял, что:

«...если индоевропейцы участвовали в инициации практики захоронения в подкурган-ных гробницах дольменного типа, то лишь под сильным влиянием майкопской культуры, о чем свидетельствуют богатый вещевой материал и инвентарь новосвободненских поселений и погребений – практически целиком майкопского типа» [Бгажноков 2020: 12-13].

Таким образом, выделялась и подчеркивалась гипотеза о том, что древние индоевропейские племена находились под значительным культурным влиянием местного кавказоязычного населения (протоабхазо-адыгов).

¹ Касьян А.С. Майкопская культура, ее происхождение и языковая идентификация: взгляд лингвиста. [2017] [Электронный ресурс] // Генофонд рф. сайт. URL http://генофонд.рф/?page_id=28165

Советский и российский археолог В.И. Марковин, много лет посвятивший изучению дольменов, в своей монографии «Дольмены Западного Кавказа» связывал происхождение дольменов Северо-Западного Кавказа со Средиземноморьем и вместе с тем утверждал, что строителями дольменов были предки абхазо-адыгов [Марковин 1974; Марковин 1978: 321-323].

Позиция Владимира Ивановича указывает на участие в формировании абхазо-адыгского этноса пришлых элементов (определенных групп населения с Пиренейского полуострова) с одной стороны, и вместе с тем признает автохтонность абхазо-адыгов с другой. Если такое взаимодействие произошло, то отголоски этого события, хоть каким-то образом должны были сохраниться в культуре и языке абхазо-адыгов, чего мы не можем сказать, так как нет ни доказательств, ни аргументов в пользу этой версии.

Р.М. Дагужиев провел монографическое исследование истории культурных традиций абхазо-адыгов с IV тыс. до н. э. до Нового времени. Согласно его мнению, формирование и развитие основы праабхазо-адыгского общества связано с взаимодействием ряда культур племен и народов с IV тыс. до н.э. по начало I тыс. н.э. В итоге разнообразного и длительного инокультурного влияния праабхазо-адыги не утратили своего физического и языкового ядра. При этом они существенно повлияли на окружающие народы и культуры. Однако Р.М. Дагужиев говорит также о слиянии культур земледельцев Древней Анатолии с постнеолитическим населением Западного Кавказа в эпоху энеолита и бронзы через местные археологические культуры. Р.М. Дагужиев, кроме того, допускает значительную вероятность бытования в II-I тыс. до н.э. единого массива праабхазо-адыгов в Анатолии и на черноморском побережье Кавказа [Дагужиев 2004: 22-23].

Наличие и разнообразие взглядов и суждений относительно происхождения и этногенетических связей абхазо-адыгов и древних культур Кавказа (майкопской, дольменной) не позволяют считать, что эта проблема разрешена, поскольку в ходе исследований обнаруживается много спорных и противоречивых фактов. Но, абсолютно очевидным является то, что попытки увести корни древних культурных традиций далеко от региона их бытования и эволюции не заканчиваются успехом. Существующих аргументов в пользу миграционного происхождения майкопской и дольменной культур на сегодняшний день недостаточно. Напротив, мы становимся свидетелями того, как современная наука открывает все больше фактов, обосновывающих глубокую укорененность, генетическую преемственность и непосредственную связь этих культур с формированием абхазо-адыгского этноса.

Так в 2019 г. международный научный коллектив из Института естествознания имени М. Планка, Германского археологического института, а также Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург) пришел к заключению, что носители майкопской и дольменной культур были родственными этносами. Участник этого проекта, археолог В.А. Трифонов подтвердил, что ученые нашли общие генетические признаки у представителей

майкопской и дольменной культур¹. Данное исследование является заметным шагом на пути к реконструкции древней истории, как абхазо-адыгского этноса, так и других народов региона.

Также существуют и этнологические параллели. Они, по аргументированному мнению археолога из города Майкопа Н.Г. Ловпаче, повествуют о единстве культурных традиций древних майкопцев и создателей дольменов с абхазо-адыгами. Н.Г. Ловпаче, кроме прочего, обратил внимание на значительное сходство сохранившихся циновок, как элемента похоронно-поминальных обрядов, прослеженных в подкурганых погребениях, с изделиями традиционных народных промыслов адыгов (черкесов) – плетеными из болотной травы циновками. У города Тимашевска в Прикубанье в майкопских захоронениях были зафиксированы остатки циновок («пІуабл»), найденных под усопшими. Форма циновок, их орнамент, техника изготовления тождественны изделиям нынешних черкесов [Ловпаче 2019: 82].

Из современных работ, посвященных проблемам ранней этнической истории абхазо-адыгской общности, подтверждающих и развивающих тезис о неразрывной и родственной связи абхазо-адыгского этнического массива с древним населением, оставившим майкопскую и дольменную культуры, следует отметить также исследования С.Х. Хотко [Хотко 2021] и Л.А. Нагоевой [Нагоева 2022].

О неразрывной связи адыгской культуры с дольменами говорят не только сугубо научные факты, но и различные предания, мифы и поверья абхазо-адыгов. Дольмены почитали и считали могилами далеких предков, проводили в местах погребения определенные ритуалы, в языке адыгов сохранилось и название дольменов «испыунэ», что в переводе означает «дом карлика».

Согласно предположению, ранее опубликованному одним из авторов настоящей статьи, вполне возможно, в будущем, обнаружение классических подкурганых дольменов эпохи бронзы на территории современной Кабардино-Балкарии [Фоменко 2017: 493-495]. Гораздо более поздние дольменовидные мегалитические черты наземных надгробных построек-чещанэ также являются аргументом в пользу того, что практика сооружения дольменообразных конструкций распространялась и сохранялась среди адыгского населения в течение многих веков, вне зависимости от того на какой территории они находились.

Таким образом, наши наблюдения, а также проведенный анализ фактов и аргументов, высказанных рядом ученых, достаточно полно характеризуют ключевые вопросы связей и взаимовлияния носителей майкопской и дольменной культур. Это позволяет говорить об их этнической близости и непосредственном участии в генезисе абхазо-адыгских племен и народов. Рассматривать названные культуры эпохи бронзы Западного и Центрального Кавказа отдельно от автохтонных этносов (абхазо-адыгов), которые тысячелетиями населяли эти земли и участвовали в формировании объективной исторической реальности

¹ Археологи и генетики установили, что на Кавказе в эпоху бронзы культурное разнообразие превосходило генетическое [2019] [Электронный ресурс] // ИИМК РАН: сайт. URL <https://www.old.archeo.ru/press-relizy/arheologi-i-genetiki-ustanovili-cto-na-kavkaze-v-epohu-bronzy-kulturnoe-raznoobrazie-prevoshodilo-geneticheskoe>

невозможно. Ареал распространения и особенности концентрации памятников майкопской и дольменной культур полностью совпадает с естественным экзистенциальным пространством абхазо-адыгов, который на протяжении веков фиксировался различными авторами, начиная с эпохи античности.

Различия в погребально-поминальных традициях, скорее всего, связаны с духовными (ментально-мировоззренческими) трансформациями, а не с миграциями и сменой этноса на данной территории. Хронологически последовательный ряд археологических культур мог в течении тысячелетий меняться без смены местного населения. Этническая общность как развивающаяся система под влиянием внешних и внутренних факторов испытывала хозяйственные, социальные, демографические и другие трансформационные перемены. Таким образом, менялась погребальная обрядность и материальная культура при сохранении стабильности этнического ядра. Наглядным примером данного феномена, на наш взгляд, и является преемственность двух культурных традиций на Кавказе – майкопской и дольменной, имеющих как общие черты, так и различия.

Заключение

Подводя итоги нашего исследования, следует отметить, что, да, действительно проблема этничности археологической культуры на современном этапе развития науки остается еще трудноразрешимой задачей. Это вызвано как существованием кардинально противоположных теоретических суждений, так и трудностью определения четких этнических признаков, которые обладали бы статическими характеристиками, напротив, мы чаще всего, сталкиваясь с этносами, наблюдаем постоянно развивающуюся и видоизменяющуюся систему. Но, существуют определенные исключения, когда многие этнические признаки, сложившиеся в глубокой древности, в более или менее сохранном виде доходят до наших дней. Причиной этому могут быть наличие определенных установок развития и существования внутри самого этноса, которые отличаются определенной закрытостью, традиционностью, приверженностью к сохранению своего этнического ядра и индивидуальных особенностей вне зависимости от внешних влияний и культурно-исторических процессов. В таком случае, на основании имеющихся фактов (археологических, лингвистических, антропологических, этнологических и др.) проведение параллелей и выявление общих черт и взаимосвязей между древними культурами и современными народами позволяют раскрывать многие стороны раннего этнического формирования.

Факт этнической преемственности археологических культур эпохи бронзы Западного и Центрального Кавказа с протоабхазо-адыгами, вполне удостоверяется результатами исследований археологов, этнологов и генетиков. Из-за отсутствия общепризнанных критериев и механизмов выделения ареалов различных культур, определение или соотнесение этноса с конкретной археологической культурой становится задачей весьма сложной для разрешения. Но вместе с тем, когда в культурных комплексах древних обществ и современных народов обнаруживается множество схожих черт и совпадений, которые подтверждаются данными различных наук, это явно указывает на наличие общих этнокуль-

турных и генетических корней. Именно такая картина и складывается, когда мы говорим о том, что абхазо-адыги являются потомками носителей культур Северного Кавказа эпохи бронзы.

Конечно, при всем разнообразии работ наших предшественников, существует еще множество невыясненных вопросов и сложных препятствий при разрешении проблем этногенеза абхазо-адыгов. Однако, искать корни этноса следует там, где из глубины веков прослеживается его развитие, рассматривать этногенез адыгов вне Кавказа и в отрыве от объективных исторических реалий, вне связи с древними культурами чревато появлением ложных и ничем не обоснованных суждений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Childe 1956 – *Childe.G. Piecing Together the Past. (The Interpretation of Archaeological Data).* – London: Routledge and Kegan Pau, 1956. – 186 p. (на англ. яз.).

Tallgren 1911 – *Tallgren A. Die Kupfer und Bronzezeit in Nord und Ost-Suomen // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja.* – Helsinki, 1911. – pp. 88-91 (на англ. яз.).

Арутюнов, Хазанов 1979 – *Арутюнов С.А., Хазанов А.М.* Проблема археологических критериев этнической специфики // Советская этнография. – 1979. – № 6. – С. 79-89.

Бгажноков 2011 – *Бгажноков Б.Х.* Майкопская культура и проблемы древнейшей истории адыгов // Известия КБНЦ РАН. – 2011. – № 4. – С. 5-15.

Бгажноков 2020 – *Бгажноков Б.Х.* Преемственность этнического развития протоабхазо-адыгского населения // Археология и этнология Северного Кавказа. – 2020. – № 10. – С. 7-14.

Бетрозов 1990 – *Бетрозов Р.Ж.* Адыги: Истоки этноса. – Нальчик: «Эльбрус», 1990. – 133 с.

Бетрозов 1991 – *Бетрозов Р.Ж.* Происхождение и этнокультурные связи адыгов. – Нальчик: «Нарт», 1991. – 168 с.

Бетрозов 1998 – *Бетрозов Р.Ж.* Адыги: возникновение и развитие этноса. – Нальчик: «Эльбрус», 1998. – 279 с.

Боров 2023 – *Боров А.Х.* Этногенез и регионогенез в становлении исторической Кабардино-Балкарии // Электронный журнал "Кавказология". – 2023. – № 3. – С. 14-75.

Дагужиев 2004 – *Дагужиев Р.М.* Исторический опыт формирования и развития абазо-адыгского историко-культурного типа (IV тыс. до н. э. - 60-е гг. XIX в.) // Автореф. ... дисс. канд. истор. наук. – Пятигорск, 2004. – 24 с.

Каменецкий 1970 – *Каменецкий И.С.* Археологическая культура – ее определение и интерпретация // Советская археология. – 1970. – № 2. – С. 18-36.

Клейн 2013 – *Клейн Л.С.* Этногенез и археология. Теоретические исследования. – Санкт-Петербург: Евразия, 2013. – 528 с.

Корневский 2004 – *Корневский С.Н.* Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. – Москва: Наука, 2004. – 246 с.

Крадин 2009 – *Крадин Н.Н.* Археологические культуры и этнические общности // Теория и практика археологических исследований. – 2009. – №5. – С. 9-19.

Крупнов 1951 – *Крупнов Е.И.* Древнейший период в истории Кабарды // Сборник статей по истории Кабарды. Вып. 1. Нальчик: Кабард. кн. изд-во, 1951. – 190 с.

Кузьмина 1976 – *Кузьмина Е.Е.* Историзм археологии: методологические проблемы. – Москва: Изд-во Ак. Наук СССР, 1976. – 60 с.

Ловпаче 2019 – *Ловпаче Н.Г.* Майкопская культура и адыги // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева, 2019. – № 19(43). – С. 75-83.

Марковин 1974 – *Марковин В.И.* Дольменная культура и вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгов. – Нальчик; Эльбрус, 1974. – 56 с.

- Марковин 1978 – *Марковин В.И.* Дольмены Западного Кавказа – Москва: Изд-во Наука, 1978. – 328 с.
- Нагоева 2022 – *Нагоева Л.Н.* Специфика раннего этапа культурогенеза абхазо-адыгов // Дисс. канд. культ. наук – Спб., 2022. – 139 с.
- Резепкин 1989 – *Резепкин А.Д.* Северо-Западный Кавказ в эпоху ранней бронзы. автореф. дисс... канд. ист. наук. – Ленинград: 1989 – 24 с.
- Сафронов 1989 – *Сафронов В.А.* Индоевропейские прародины. – Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1989. – 399 с.
- Смирнов 1964 – *Смирнов А.П.* К вопросу об археологической культуре // Советская археология. – 1964 – № 4. – С. 3-10.
- Седов 1976 – *Седов В.В.* Ранний период славянского этногенеза. – Москва: Наука, 1976. – 157 с.
- Сивер 2014 – *Сивер А.В.* Вопросы раннего этногенеза адыгов // Теория и практика общественного развития. – Краснодар: Издательский дом «Хорс», 2014. – Вып. 16. – 246-250.
- Тишков 2015 – *Тишков В.А.* От этноса к этничности и после // Этнографическое обозрение. – 2016 – № 5. – С. 5-23.
- Фоменко 2017 – *Фоменко В.А.* Западнокавказская культура строителей дольменов // Современные научные исследования и разработки. – 2017. – № 9(17). – С. 492-495.
- Хотко 2021 – *Хотко С.Х.* Адыги. Этногенез, историческая этнография, политическая история. – Майкоп, 2021 – 638 с.
- Шнирельман 1993 – *Шнирельман В.А.* Археологическая культура и социальная реальность. – Екатеринбург: УрО РАН, 1993. – 39 с.

REFERENCES

- CHILDE G. *Piecing Together the Past.* – London: Routledge and Kegan Pau, 1956. – 186 p.
- TALLGREN A.D. *Kupfer und Bronzezeit in Nord und Ost-Schweden* // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Helsinki, 1911. – P. 88-91
- ARUTYUNOV S.A., XAZANOV A.M. *Problema arxeologicheskix kriteriev e`tnicheskoy specifiki* [The problem of archaeological criteria of ethnic specificity]. In: Sovetskaya e`tnografiya. – 1979. – № 6. – P. 79-89. (In Russ.).
- BGAZHNOKOV B.X. *Majkopskaya kul`tura i problemy` drevnejshej istori iady`gov* [Mai-kop culture and problems of the ancient history of the Circassians]. In: Izvestiya KBNC RAN. – 2011. – № 4. – P. 5-15. (In Russ.).
- BGAZHNOKOV B.X. *Preemstvennost` e`tnicheskogo razvitiya protoabxazo-ady`gskogo naseleniya.* [Continuity of ethnic development of the proto-Abkhaz-Adyghe population]. In: Arxeologiya i e`tnologiya Severnogo Kavkaza. – 2020. – № 10. – P. 5-15. (In Russ.).
- BETROZOV R.Zh. *Ady`gi: Istokie`tnosa* [Adygi: The Origins of the ethnos.]. – Nal`chik: «E`l`brus», 1990. – 133 p. (In Russ.).
- BETROZOV R.Zh. *Proiskhozhdenie i etnokulturnye svyazi adygov* [Origin and ethnocultural connections of the Circassians]. – Nalchik: «NarT», 1991. – 168 p. (In Russ.).
- BETROZOV R.Zh. *Ady`gi: vzniknovenie i razvitie e`tnosa* [Adygi: the emergence and development of an ethnic group]. – Nal`chik: «E`l`brus», 1998. – 279 p. (In Russ.).
- BOROV A.X. *E`tnogenez i regionogenez v stanovlenii istoricheskoy Kabardino-Balkarii* [Ethnogenesis and regionogenesis in the formation of historical Kabardino-Balkaria]. In: E`lektronny`j zhurnal "Kavkazologiya". – 2023. – № 3. – P. 14-75. (In Russ.).
- DAGUZHIEV R.M. *Istoricheskij opyt formirovaniya i razvitiya abazo-ady`gskogo istoriko-kul`turnogo tipa (IV ty`s. do n. e. – 60-e gg. XIX v.)* [Historical experience of the formation and development of the Abazo-Adyghe historical and cultural type (IV millennium BC – 60s of the XIX century)] // Avtoref. ... diss. kand. istor. nauk. – Pyatigorsk, 2004. – 24 p. (In Russ.).
- KAS`YAN A.S. *Majkopskaya kul`tura, ee proisxozhdenie i yazy`kovaya identifikaciya: vzglyad lingvista.* [Maykop culture, its origin and linguistic identification: a linguist's view]

[Elektronnyj resurs]// Genofond rf. sajt. URL http://genofond.rf/?page_id=28165 (data obrasheniya 13.09. 2024). (In Russ.).

KAMENECZKIY I.S. *Arxeologicheskayakul'tura – opredelenie i interpretaciya* [Archaeological culture – its definition and interpretation]. In: *Sovetskaya arxeologiya*. – 1970. – № 2. – P. 18-36. (In Russ.).

KLEJN L.S. *Etnogenez i arxeologiya. Teoreticheskie issledovaniya*. [Ethnogenesis and archeology] – Sankt-Peterburg: Evraziya, 2013. – 528 p. (In Russ.).

KORENEVSKIY S.N. *Drevnejshie zemledel'cy i skotovody` Predkavkaz`ya* [The most ancient farmers and cattle breeders of the Pre-Caucasus]. – Moskva: Nauka, 2004. – 246 p. (In Russ.).

KRADIN N.N. *Arxeologicheskiekul'tury` i etnicheskie obshhnosti* [Archaeological cultures and ethnic communities]. In: *Teoriya i praktika arxeologicheskix issledovanij*. – 2009. – № 5. – P. 9-19. (In Russ.).

KRUPNOV E.I. *Drevnejshij period v istorii Kabardy`* [The earliest period in the history of Kabarda]. In: *Sbornik statej po istorii Kabardy`*. – Vy`p. 1. – Na`chik: Kabard. kn. izd-vo, 1951. – 190 p. (In Russ.).

KUZ`MINA E.E. *Istorizm arxeologii: metodologicheskie problem* [Historicism of archeology: methodological problems] – Moskva: Izd-vo Ak. Nauk SSSR. 1976. – 60 p. (In Russ.).

LOVPACHE N. G. *Majkopskaya kul'tura i ady`gi* [Maikop culture and the Adygs]. In: *Vestnik nauki Ady`gejskogo respublikanskogo instituta gumanitarny`x issledovanij imeni T.M. Kerasheva*. – 2019. – № 19(43). – P. 75-83. (In Russ.).

MARKOVIN V.I. *Dol'mennaya kul'tura i voprosy` rannego etnogeneza abxazo-ady`gov*. [Dolmen culture and questions of early ethnogenesis of the Abkhaz-Adyghe]. – Na`chik; E`l`brus, 1974. – 56 p. (In Russ.).

MARKOVIN V.I. *Dol'meny` Zapadnogo Kavkaza* [Dolmens of the Western Caucasus]. – Moskva: Izd-vo Nauka, 1978. – 328 p. (In Russ.).

NAGOEVA L.N. *Specifika rannego etapa kul'turogeneza abhazo-adygov* [Specifics of the early stage of cultural genesis of the Abkhaz-Adygs] // *Diss. kand. kul't. nauk – Spb*, 2022. – 139 p. (In Russ.).

REZEPKIN A.D. *Severo-Zapadny`j Kavkaz v e`poxu rannej bronzy`* [North-Western Caucasus in the Early Bronze Age] avtoref. diss...kand. ist. nauk. – Leningrad: 1989 – 24 p. (In Russ.).

SAFRONOV V.A. *Indoevropskie prarodiny*. [Indo-European homelands] – Gor`kij: Volgo-Vyatskoe knizhnoe izdatel`stvo. 1989 – 399 p. (In Russ.).

SMIRNOV A.P. *K voprosu ob arxeologicheskoy kul'ture* [On the question of archaeological culture]. In: *Sovetskaya arxeologiya*. – 1964. – № 4. – P. 3-10. (In Russ.).

SEDOV V.V. *Rannij period slavyanskogo etnogeneza*. [Early period of Slavic ethnogenesis.] – Moskva: Nauka, 1976. – 157 p. (In Russ.).

SIVER A.V. *Voprosy` rannego etnogeneza ady`gov* [Questions of the early ethnogenesis of the Adyghe] // *Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya*. – Krasnodar: Izdatel`skij dom «Xors», 2014. – Vy`p. 16. – P. 246-250. (In Russ.).

TISHKOV V.A. *Ot etnosa k etnichnosti i posle* // [From ethnos to ethnicity and after] In: *Etnograficheskoe obozrenie*. – 2016 – № 5. – P. 5-23. (In Russ.).

FOMENKO V.A. *Zapadnokavkazskaya kul'tura stroitelej dol'menov* [West Caucasian culture of dolmen builders]. In: *Sovremenny`e nauchny`e issledovaniya i razrabotki*. – 2017. – № 9 (17). – P. 492-495. (In Russ.).

HOTKO S.H. *Adygi. Etnogenez, istoricheskaya etnografiya, politicheskaya istoriya* [Ethnogenesis, historical ethnography, political history]– Majkop, 2021 – 638 p. (In Russ.).

SHNIRELMAN V.A. *Arheologicheskaya kul'tura i social'naya real'nost'* [Archaeological culture and social reality] – Ekaterinburg: UrO RAN, 1993. – 39 p. (In Russ.).

Сведения об авторах.

Л.Х. Гучапшева – соискатель.

В.А. Фоменко – кандидат исторических наук, доцент

About the authors.

L.H. Guchapsheva – candidate.

V.A. Fomenko – PhD (in History), Associate Professor

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.10.2024 г.; одобрена после рецензирования 12.12.2024 г.; принята к публикации 27.12.2024 г.

The article was submitted 15.10.2024; approved after reviewing 12.12.2024; accepted for publication 27.12.2024.

Научная статья
УДК 94(394)
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-206-226
EDN: MNPZYQ

ИЗ ИСТОРИИ СЕЛЕНИЯ ГВИЛЕТИ

Светлана Исмаиловна Аккиева¹, Лейла Гирихановна Гагиева²

^{1,2} Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия.

¹ asisma@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8586-7460>

² leilagagi@yandex.ru

Аннотация: Настоящая статья посвящена истории селения Гвилети, которое расположено у подножья горы Казбек в современном Казбекском муниципалитете Грузии. В статье представлены различные данные об обстоятельствах и времени основания селения, на основе комплекса источников показан этнический состав жителей и его изменение на протяжении XIX – начала XX вв., выявлены причины этих изменений. Основное внимание в статье уделено анализу демографических показателей XIX в. на основе данных государственной статистики (камеральных описаний, списков жителей, переписей). Проведен анализ естественного движения населения, представлены статистические данные о численности населения, поломом и возрастном составе жителей. В статье дана характеристика экономического положения населения и формы занятия и отмечено, что численность населения была связана с фондом свободной сельскохозяйственной земли. В статье представлен религиозный состав населения и его изменение, отмечены факторы, определившие миграцию жителей Гвилети.

Ключевые слова: Гвилети, Грузия, Ингушетия, кистины, ингуши, Казбек, Военно-Грузинская дорога.

Для цитирования: Аккиева С.И., Гагиева Л.Г. Из истории селения Гвилети // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 4. – С. 206-226. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-206-226. EDN: MNPZYQ.

© Аккиева С.И., Гагиева Л.Г., 2024

Original article

FROM THE HISTORY OF THE VILLAGE OF GVILETI

Svetlana I. Akkueva¹, Lejla G. Gagieva²

^{1,2} Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia.

¹ asisma@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8586-7460>

² leilagagi@yandex.ru

Abstract. This article is devoted to the history of the village of Gvileti, located at the foot of Mount Kazbek in the modern Kazbek municipality of Georgia. The article offers numerous data on the circumstances and period of the village's founding. Based on a set of sources, the ethnic composition of the people and their changes during the nineteenth and early twentieth centuries are demon-

strated, as well as the causes of these changes. The article focuses on the analysis of demographic indicators of the nineteenth century based on government statistics (desk descriptions, lists of residents, censuses). The natural mobility of the people is examined, and statistical data on the population, gender, and age composition of the inhabitants are presented. The article describes the economic situation of the population and the form of occupation and notes that the population was associated with the fund of free agricultural land. The article presents the religious composition of the population and its change, the factors that determined the migration of residents of Gvileti are noted.

Keywords: Gvileti, Georgia, Ingushetia, Kistiny, Ingushi, Kazbek, Georgian Military Road.

For citation: Akkiewa S.I., Gagieva L.G. From the history of the village of Gvileti. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 4. – P. 206-226. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-206-226. EDN: MNPZYQ.

© Akkiewa S.I., Gagieva L.G., 2024

Введение

Ингушское селение Гвилети, основанное в середине XVI в. у входа в Дарьяльское ущелье, впервые упомянуто в русских источниках в 1589 г. под названием Чербашев кабак, по имени старшины селения Чербыжа (инг. Чѳербыж), родоначальника фамилии Чербижевых [Белокуров 1889]. Представители этой фамилии продолжали числиться как Чербашевы в государственных переписях и документах XIX в. [ЦГАРГ. Ф. 254. Оп. 3. Д. 2279].

Написание названия селения имеет большую вариативность. Так, в различной литературе и документах XVIII и XIX вв. можно встретить такие названия как Гилате, Гвелети, Гвилеты, Гулеты, Голеты, Галат, Гумлеты.

В 1885 г. исследователь Н.К. Никифоров в работе «Экономический быт государственных крестьян Душетского уезда Тифлисской Губернии» пишет о населении Гвилети: «...кистины, или ингуши, образовали с. Гвилети почти у самого подножья Девдоракского ледника горы Казбека» [Никифоров 1887: 4].

История основания этого селения Чербыжем и четырьмя его кузенами, Газак (инг. Газака), Ози, Доасхо и Котагом (инг. Котаг), выходцами из селений Эрзи и Ольгетти в горной Ингушетии, описана во многих фольклорных преданиях ингушей, к которым обращались в своих работах Б. Далгат [Далгат 1901], А. Генко [Генко 1930] и др.

Чербыж является героем героико-эпической песни (илли) «Мехканан» («Мать страны»), действие которой разворачивается в 1562 г. [История Ингушетии... 2013]. Песня была записана В. Козьминым в селе Гвилети со слов слепого старца Пацци из Галгая и опубликована им же на русском языке в газете «Кавказ» в 1895 г. [Козьмин 1894; Козьмин 1895]. В ней рассказывается о подорожке Чербыже, жившем в плоскостном селении в районе современного Ачалукского района Ингушетии, который возвращается в родовые башни в Эрзи после разрушения селения «ногайскими ордами».

Мы приводим в этой работе небольшой отрывок перевода Козьмина:

*«...Народ наш в то время богатый,
живущий в долине Доксольджи (Большая Сунжа – прим. Л.Г. Гагиевой)
размножился быстро до гор Ачалукских и жил бы доселе,
если б не Дьявол, которому стало досадно,*

*что людям привольно живется...
И вот потому то, однажды, ночью порою
Ногайские орды с толпой кабардинцев напали на наши селенья,
Жители коих все спали спокойно.
Резня началась повсюду,
И кровь обогрела долину,
Пожары везде запылали.
Прадеды наши...гибли все в яростной битве.
Кто уцелел, так бежал прямо в горы...
Туда же дополз и Чербаж безбородый (юный – прим. Л.Г. Гагиевой) –
Предок гулетцев, израненный страшно,
который лечился травой и ею же питался,
пока не зажили все раны...» [Козьмин 1895: 2].*

Дальнейшие события происходят через «лет тридцать». Чербаж обзавелся семьей и обосновался в селении Ольгетти близ Эрзи. Трое старших сыновей приносят ему весть о том, что «*рать кабардинцев*» во главе с князем Асахметом, бывшим в войске ногайцев, напавших на плоскостное селение, в котором некогда жил Чербаж, направляется через горные тропы к грузинским границам. Чербаж разбивает отряд Асахмета, о чем узнает грузинский царь Еркл (*ингушское произношение имени Ираклий. Является нарицательным словом для обозначения правителей Грузии в ингушском фольклоре. Прим. Л.Г. Гагиевой*). Еркл отдает ему «*в вечное потомственное владение часть земли в долине Терека, от Циклаури до Гири-Эка (Дарьяльский Теречный мост) и всю северо-восточную область Бешлоам-корта (горы Казбек) нераздельно с долинами рек Кабахи, Амилашки и Чач, а также ущелье Ахкуре*» [Козьмин 1908: 2]:

*«...Вот оно царское слово:
«Владей же ты этим ущельем вовеки,
Башню построй и живи на здоровье.
Людей, если нужно,
Скажи только слово,
И к тебе притекут поселенцы толпами.
Как только выстроишь крепость-
Храбрых галгайцев в ней посели,
И веди им блюсти над дорогой,
Той, что проходит с юга на север,
Чтобы ни конный, ни пеший
Не шел бы без спроса
И враг бы не смел
Преступить чрез границу.
С купцов, с торговцев караванных
Будешь взимать проходное-
Десятую долю с каждого вьюка...» [Козьмин 1895: 3].*

Так был выстроен «аул Гулеты, впоследствии во время присоединения Грузии к Российским владениям, вошедший в число селений Душетского уезда, ибо и тогда, как теперь, границею Грузии считался Дарьял» [Козьмин 1908:2].

В судебных документах 1891 г. по восстановлению прав собственности жителей Гвилети территория селения обозначалась в следующих пределах: «**В** – река Терек и полотно Военно-Грузинской дороги; **Ю** – каменный вал, отделяющий Гвилети от селения Цади (Цдо – прим. Г.Л.); **З** – ледник горы Бешлякорт и прилегающая к ним бесплодная земля; **С** – каменный мост Военно-Грузинской дороги, предгорье Ларского хребта и пустопорожня казённая земля» [По иску...].

О давности взаимоотношений гвилетцев с грузинским царством говорит и письмо от 14 мая 1733 г. царю Вахтангу VI горной провинции Хеви, в котором имеются подписи троих представителей селения Гвилети: Квелетс Озишвили Авчас (инг. Ози-наькъан), Сакалс Кодикишвилс (инг. Котаг-наькъан), Кхутишвилс Анбунионис (инг. Хучи-наькъан) [Документы по взаимоотношениям... 1968].

Население

Все жители селения были представителями одного ингушского рода Гилатхой.

«Тейп Гилатхой состоит из потомков первопоселенцев с. Гвилети – Газакха, Доасхо, Котага, Ози и Чербыжа, давших начало следующим фамилиям: Газиковых, Досхоевых, Котиковых, Озиевых, Чербижеевых, от которых позже образовались новые: Бачаевы, Бузуртановы, Газиковы, Гезгиевы, Зариевы, Хучиевы, Куркиевы, Арциевы, Пошевы, Кариевы, Тутаевы, Мальсаговы (семья Досхоева Джабраила), Иналовы, Алиевы (семья Чербижева Салмана Хусеновича).

Члены этих фамилии в настоящее время поддерживают между собой тесные родственные отношения. Их объединяет общность происхождения, все они считают себя кровными братьями. Браки внутри рода не допускаются, несмотря на то, что род многочисленный» [Газиков 2015: 19-20].

Подробные данные о численности, естественном движении и экономическом быте населения Гвилети начинают появляться лишь во второй половине XIX в. и на раннем этапе пестрили неточностями в части численности населения, прав собственности и прочего [Никифоров 2015].

Один из первых документов, в которых упоминаются жители селения после присоединения Грузии к России, приводит в своем труде «Гилате. Сборник документов» исследователь Б.Д. Газиков. В 1802 г. душетский исправник общал в рапорте о «5 дворах бежавших жителей сел. Голеты в Кистинию (в Кистинское (позже Мецхальское) общество Ингушетии – прим. Л.Г. Гагиевой)» [Газиков 2015: 23].

Первая перепись населения с. Гвилети содержится в «Камеральном описании по Хевскому ущелью» 1831 г. [Камеральное описание... 1831]. Следующие переписи составлялись в 1860, 1873 и 1886 гг., что позволяет в наиболее полной мере проследить демографические процессы и тенденции в селении. Перепись 1886 г. так же важна тем, что в 1888 г. государство упраздняет селение Гвилети, а жителей переселяют в Ахалцихский и Ахалхалакский уезды Тифлисской Губернии [Список обывателям...]. Таким образом, перепись 1886 г. становится последней переписью ингушских жителей селения.

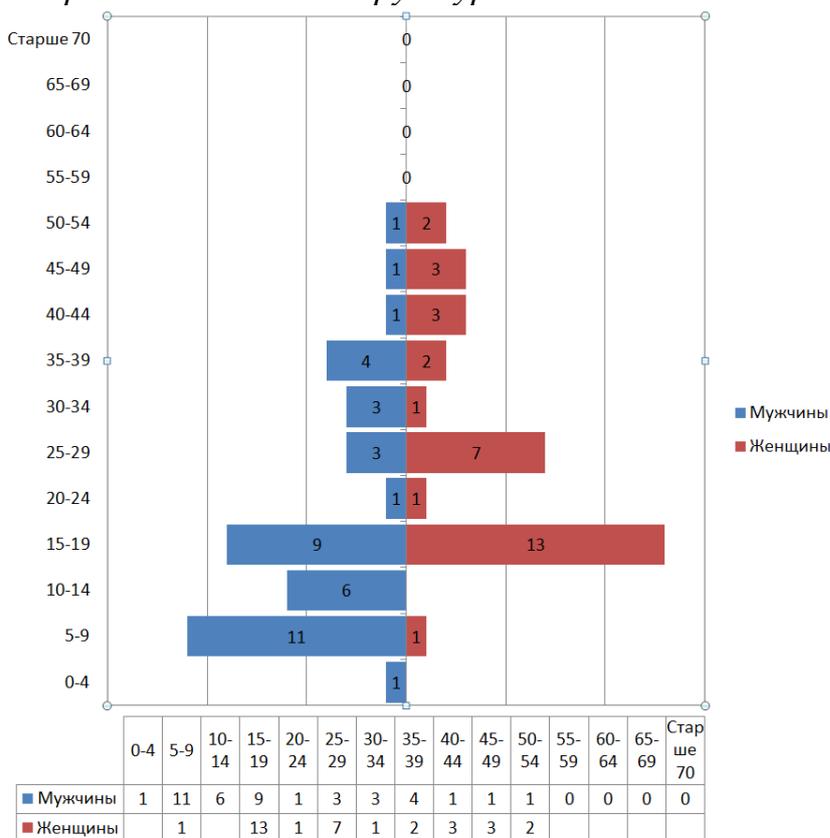
Подробные данные о естественном движении населения, производственных силах и экономике Гвилети в сравнении со всем населением Душетского уезда даются в труде Н.К. Никифорова [Никифоров 1887].

По данным первого камерального описания 1831 г. в Гвилети, относившемся к Управлению Горскими народами на Военно-Грузинской дороге, существовал 21 дым кистинцев (ингушей) в количестве 85 человек (52 мужчины и 33 женщины).

«Жители сего селения исповедуют веру христианскую. Жизнь ведут оседлую. Занимаются хлебопашеством и овцеводством. Подати никакой не платят, но отбывают повинность, которая состоит в переноске по горам почты и других казенных бумаг, когда между Казбеком, Дарьялом и Ларсом преграждается сообщение от снежных обвалов или разлития рек Терека» [Камеральное описание... 1831].

При этом на момент составления описания 11 душ мужского пола в возрасте от 10 до 49 лет числились умершими, а два дыма Кариевых (*Кари-наькъан*) и Котиковых (*Котаг-наькъан*) количеством 7 человек – переселившиеся во Владикавказский округ.

Рисунок 1
Возрастно-половая структура с. Гвилети в 1831 г.

* Гистограмма составлена на основе данных ЦГАРГ. Ф. 254. Оп. 1. Д. 1245. Л. 3. без учета числившихся погибшими на момент переписи.

По данным переписи 1860 г. в Гвилети числится 40 дымов, населенных также исключительно представителями фамилии Гилатхой, в которых проживало

263 человека (132 мужчины и 131 женщина). При этом в графе вероисповедания уже указывается «магометанство»: «*Все жители Кистинцы. Вера магометанская*» [Камеральное описание...1860 // Газиков 2015: 23].

В 1873 г. численность населения Гвилети составляла 291 человек (164 мужчины и 127 женщин). Количество дымов – 42 [Камеральный список... 1873]. Н.К. Никифоров, ссылаясь на перепись 1873 г., в своих расчетах естественного движения отталкивается от иных данных: 303 человека (169 мужчин и 134 женщины), количество дымов – 50 [Никифоров 1887]. Нам не удалось выяснить, является ли это элементарной ошибкой или же автор пользовался какими-то промежуточными или уточненными данными.

В 1886 г. были проведены всеобщие переписи в Тифлисской Губернии и Терской области. В переписи по Душетскому уезду Тифлисской губернии кроме данных о национальности и возрасте мужской части населения, давались сравнительные данные с переписью 1873 г. и отметки о выселении дымов за пределы уезда. Так, в ней содержится информация о 6 семьях, выселившихся во Владикавказский округ Терской области до 1873 г.: [Посемейный список Душетского уезда... 1886]. В числе переселившихся в с. Кантышево находились 2 дыма Кариевых и Котиковых; в с. Насыр-корт – 1 дым Газиковых (Газакхнакъбан); в с. Кескем – 2 дыма Газиковых; в с. Долаково – 1 дым Кариевых. Общее число переселившихся составляло 22 человека мужского пола в возрасте от 3 до 43 лет. Данные о количестве и возрасте женщин в переселившихся семьях в переписи отсутствуют.

Указанные семьи, за исключением одной семьи Кариевых, фиксируются в посемейных списках Владикавказского округа Терской области 1886 г. (Таб. 1)

Таблица 1. Гвилетские жители, переселившиеся во Владикавказский округ Терской области до 1873 г.

№ в переписи	Количество дымов	Имя	Селение	Число душ	
				Муж	Жен
45/158	1	Кариев Мочкъ Конаглов	Кантышево	5	5
202/150 203/150	2	Орцхоев Чора Орцхоев Джамбот	Насыр-Корт	2 2	3 1
243/114	1	Бачаев Черко	Кескем	4	7
24/18 27/20 28/21	3	Кариев Хусули Бибиев Кариев Махти Бибиев Кариев Пати Бибиев	Долаково	3 5 2	3 4 1
317/331	1	Палиев Поацо	Экажево	2	4

*Таблица составлена основе данных РГБУЦГА. Ф. 30, Оп. 1. Д. 68.; Ф. 30. Оп. 1. Д. 101.; Ф. 30. Оп. 1. Д. 107.; Ф. 30. Оп. 1. Д. 63.; Ф. 30. Оп. 1. Д. 103. с учетом прироста. По данным Б.Д. Газикова «Гилате. Сборник документов» [Газиков 2015].

В некоторых документах указывается о временном характере проживания гвилетских семейств или об отсутствии у них оседлости в том или ином селении Владикавказского округа, что указывает не на окончательное переселение, но на элементарный абсентизм, *«то есть отсутствие с места родины, который наблюдался более среди горцев, страдающих в действительности, если не полным малоземельем, то, во всяком случае, большим недостатком пахотной земли»* [Опись имуществу... Инал Котикова; Никифоров 1887: 10].

По данным Посемейных списков Душетского уезда за 1886 г. в Гвилети числилось 345 человек: 198 мужчин и 147 женщин. Количество дымов – 57 [ЦГАРГ. Ф. 254. Оп. 3. Д. 1798]. В переписи продолжают учитываться указанные в числе переселившихся дымы, при этом мужская часть данных семейств так же фигурирует в общем количестве населения в отличие от женской, что объясняет большую разницу в цифре мужчин и женщин.

В переписи 1886 г. имеются данные о переселениях еще 7 семейств, произошедших с 1880 по 1882 гг. Так же, как и в первом случае, мужская часть семейств продолжает числиться в переписи, в отличие от женской. В селение Редант переселилось 3 семьи Кариевых, Озиевых (Ози-накъбан) и Котиковых, в с. Кескем – 2 семьи Котиковых и Газиковых, в с. Сурхахи – 1 семья Кариевых, в с. Кантышево – 1 семья Кариевых.

Так как эти семьи не прослеживаются в переписях по Владикавказскому округу, то здесь, скорее всего, имел место абсентизм. Так, Инал Котиков с семейством, по данным переписи, числится переселившимся в селение Балта. А в рапорте № 7843 от 12 декабря 1885 г. на имя Тифлисского губернатора прилагается опись имущества *«временнопроживающего в с. Балтинском Гвилетского жителя Инала Котикова»* [Опись имуществу... Инал Котикова]. Газахов Мочкъ, числившийся переселившимся в Кескем, так же считался в этом селении *«временнопроживающим»* [Опись имуществу... Мачоко Газахова]. Тем не менее, отсутствие у переписчиков точной информации о возрасте мужчин, именах и количестве женской половины семейств говорит о том, что семейства эти действительно не проживали в Гвилети в течение предшествовавших переписи 5-6 лет.

Н.К. Никифоров в сравнительной таблице естественного движения Душетского уезда, составленной в 1885 г., указывает на 334 жителя в Гвилети: 176 мужчин и 156 женщин [Никифоров 1887]. Количество дымов – 51. Цифра эта получена путем вычета 6 дымов, переселившихся до 1873 г. Количество женщин выведено путем процентного соотношения количества М/Ж в официальной переписи за вычетом числившихся среди переселившихся дымов мужчин.

Естественное движение населения с Гвилети с 1873 г по 1886 г.

Селения Душетского уезда, население которых составляли грузины, хевсуры, пшавы, мохевцы, гудомакары, армяне, мтиулетцы, осетины и ингуши

(кестины), в очерке Н.К. Никифорова условно разделялись на три района согласно физического расположения и типа хозяйственной деятельности населения: низменный (земледельческо-садовый), предгорный (земледельческо-скотоводный) и горный (скотоводно-земледельческий) районы [Никифоров 1887]. К последнему было отнесено 65 % всех селений уезда.

Образ жизни ингушей, осетин и армян во многом отличался от остального населения уезда и имел «много характерных племенных особенностей» [Никифоров 1887: 5], которые так же отличали их и друг от друга.

Все население уезда исповедовало православие, кроме армян, принадлежавших к армяно-григорианской церкви, осетин, в труднодоступных горных селениях которых наряду с православием практиковались «вполне языческие обряды» [Никифоров 1887: 4] и ингушей-мусульман суннитского толка. Собственно, ингушское селение Гвилети числилось единственным мусульманским селением во всех 219 селениях уезда.

Естественное движение фактического населения Гвилети с 1873 по 1886 гг. выглядит следующим образом (Табл. 2):

Таблица 2. Естественное движение фактического населения с. Гвилети (1873-1886 гг.)

Год	Количество дымов	Мужчин	Женщин	Всего
1873	36	142	127	269
1886	44	152	145	297
Прирост: в числах	8	10	18	28
в процентах	22,22 %	7,04 %	14,17 %	10,40 %

*Таблица составлена на основе выводов, сделанных из данных ЦГАРГ. Ф. 254. Оп. 3. Д. 229. Л. 173.; Ф. 254. Оп. 3. Д. 1798 [Камеральный список... 1873; Посемейный список Душетского уезда... 1886].

Увеличение числа дымов в Гвилети происходило за счет разделения общего имущества семей между взрослыми братьями практически сразу после женитьбы («бо баьнна») при жизни отца семейства, т. н. *посемейным разделом*, при котором, по народному праву ингушей, младший сын продолжал жить с родителями и получал во владение дом после смерти отца, в отличие от законов большинства населения Душетского уезда, у которых это право передавалось старшему сыну. При этом Н.К. Никифоров отмечал особенность такого типа раздела в уезде:

«В Душетском уезде семейные разделы при жизни главы семьи, отца-домохозяина, встречаются, впрочем, довольно редко и наблюдаются лишь в селения, расположенных вблизи военно-грузинской дороги... В глуши, в диких ущельях, удаленных от городов и оживленной военно-грузинской дороги, члены семейств живут, обыкновенно, в мире, и нам случа-

лось нередко встречать поистине патриархальные семьи, состоящие из 25-40 человек, принадлежащих к трем поколениям» [Никифоров 1887: 24-25].

Количество дымов в с. Гвилети за указанный период увеличилось на 15 (41,66 %), из них посемейным разделом – 93,33 % (68,42 % процента от общего числа молодоженов). С учетом выселившихся к 1886 г. во Владикавказский округ 7 молодых семей, фактическое количество дымов составляло 44 (22,22 %). Прирост дымов по данным переписей составлял 35,71 %. Для сравнения, самый большой процент увеличения количества дымов в Душетском уезде после ингушей, по данным Н.К. Никифорова, показывали осетинские селения – 10,90 % [Никифоров 1887].

Прирост постоянного населения Гвилети составил 7,04 %, в т. ч. мужского – 7,4 %, женского – 14,17 %.

Примечательно, что Н.К. Никифоров, обладая неверными исходными данными по количеству жителей Гвилети в 1873 г. и приблизительными данными по количеству женского населения в 1886 г., в своем расчете цифры прироста женского населения пришел к результату близкому к наиболее реальному – 16,42 %. Так, по его данным во всем Душетском уезде преобладал прирост мужского населения над женским, особенно среди хевсур (на 80,77 %) и гудамарцев (на 94,74 %) [Никифоров 1887].

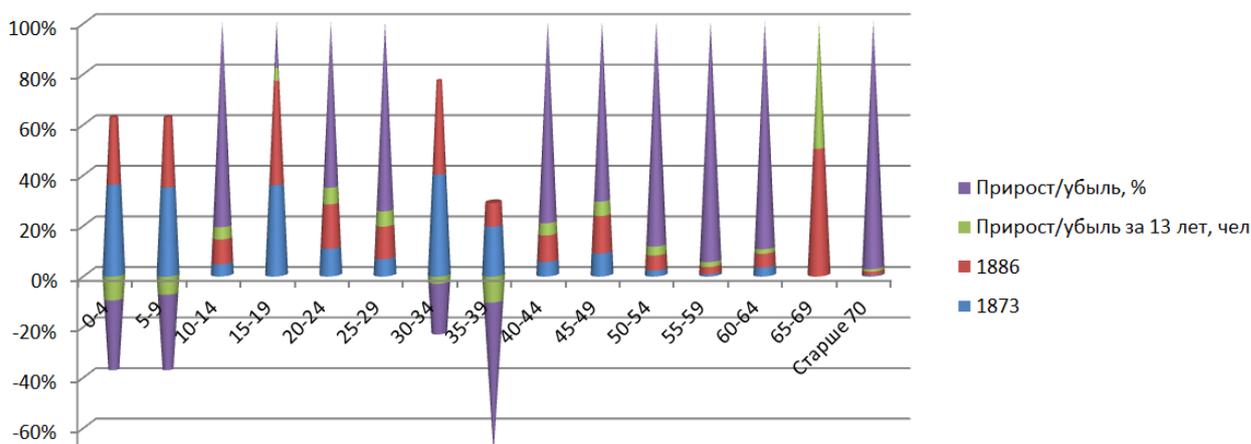
Коэффициент прироста населения в Гвилети составлял 6 %, общий коэффициент рождаемости – 16 %, общий коэффициент смертности – 10 %. На каждые 100 человек жителей селения приходилось 16 рождений и 6 смертей. Таким образом, коэффициент жизненных сил (коэффициент Покровского) в селении составлял 1,66 на одного умершего. Коэффициент экономического воспроизводства населения равнялся 0,2.

Очевидно, что за 26 лет статистических наблюдений (1860-1886 гг.), среднее число постоянных жителей Гвилети равнялось 274,5. Растущее население переселялось во Владикавказский округ.

Как было отмечено выше, первое известное нам упоминание о селении Гвилети в государственных документах эпохи Российской Империи сообщало о «5 дворах бежавших в Кистинию» в 1802 г. [Газиков 2015: 23], в переписи 1831 г. упоминаются две семьи Кариевых, так же перебравшихся в Ингушетию [Камеральное описание... 1831]. С 1860 по 1886 гг. в Ингушевский округ и, позднее, во Владикавказский округ Терской области переселилось 12 семейств.

Миграция населения Гвилети прослеживается косвенно и в данных официальной статистики (Рис. 2), которая все еще продолжала содержать в себе количество переселившихся мужчин. Так, существенный недостаток мужского населения наблюдается в возрастных группах 35–39 лет (-52,94 %), 30–34 года (-7,14 %), 5–9 лет (-12,50 %) и 0–4 лет (-13,79 % при неизменном коэффициенте рождаемости постоянно населения). Вероятно, сюда входит значительное число отделившиеся («бо баьнна») семей, главы которых уже обладали достаточным капиталом для приобретения земельных участков и основания хозяйств в селениях Владикавказского округа, но были упущены по тем или иным причинам переписчиками с 1860 по 1886 гг.

Рисунок 2. Возрастная структура мужского населения с. Гвилети в 1873-1886 гг.

*Гистограмма составлена на основе данных ЦГАРГ. Ф. 254. Оп. 3. Д. 229. Л. 173.; Ф. 254. Оп. 3. Д. 1798 [Камеральный список... 1873; Посемейный список Душетского уезда... 1886].

Такая тенденция была общей для всего Душетского уезда, из которого за все время статистических наблюдений выселилось, по приблизительным данным, 120 дымов (430 мужчин и 360 женщин).

«Места, в которые переселялись крестьяне Душетского уезда, зависели, в большинстве случаев от национальности переселенцев; так, хевсуры и пшавы переходят к родичам своим в Тионетский уезд; грузины – в Кахетию, в уезды Горийский, Сигнахский и Телавский; осетины и другие горцы – в Терскую область, а армяне – в города Тифлис и Владикавказ для занятия торговлей. Всего более со времени камерального описания выселились из Аранисского сельского общества (21 дым) и затем из общества Квавилисского (19 дымов), Цропавского (17 дымов), Дидебаанткарского (16 дымов), Кайшаурского (12 дымов), Ананурского (12 дымов) и Чортальского (9 дымов)» [Никифоров 1887: 8-9].

По аналогии с точностью учета переселившихся ингушских семей из Гвилети, можно предположить, что это далеко не полные цифры.

В числе охваченных переписью 1864 г. в Ингушевском округе Терской области бывших гвилетских жителей находилось 121 человек (22 дыма) (Таб. 3):

Таблица 3. Выходцы из с. Гвилети в Посемейных списках Ингушевского округа Терской области 1863-1864 гг.

№ Листа дела	Количество дымов	Селение	Число душ	
			Муж	Жен
Л:1 об; 4	6	Базоркино	17	26
Л:13 об; 28 об; 36; 38	6	Насыр-Корт	14	14

Л:56;57;58 об	3	Кантышево	10	4
Л:60 об	3	Долаково	7	9
Л:80	1	Эрзи	1	
Л:62 об	3	аул Э. Мальсагова	9	10
Итого:	22		58	63

* Таблица составлена на основе данных РГБУЦГА. Ф. 262. Оп. 1. Д. 77. Извлечение из работы Б. Д. Газикова [Газиков 2015: 52].

В переписи 1886 г. Владикавказского округа Терской Области – 272 человека (55 дымов) (Таб. 4):

Таблица 4. Выходцы из с. Гвилети в Посемейных списках Владикавказского округа Терской области 1886 г.

№ пп	Количество дымов	Селение	Число душ	
			Муж	Жен
213-216;396-398;403-406;	14	Базоркино	42	37
126-128;130-132;202;203;563	9	Насыр-Корт	25	19
117;118;158;218;361-363;253;295;296	10	Кантышево	22	16
13;24;26-28;76;167;173	8	Долаково	22	12
11	1	Эрзи	3	5
33	1	Барах	1	2
149	1	Плиевское	2	4
507;581	2	Сурхахи	5	5
124;173;174;195;243;260-262	8	Кескем	23	21
317	1	Экажевское	2	4
Итого:	55		147	125

* Таблица составлена на основе данных РГБУЦГА. Ф. 30. Оп. 1. д. 68.; Ф. 30. Оп. 1. Д. 103.; Ф. 30. Оп. 1. Д. 63.; Ф. 30. Оп. 1. Д. 61.; Ф. 30. Оп. 1. Д. 107.; Ф. 30. Оп. 1. Д. 101.; Ф. 30. Оп. 1. Д. 111.; Ф. 30. Оп. 1. Д. 102. Л. 36 об. 37.; Ф. 30. Оп. 1. Д. 97. Л. 112 об. –113.; Ф. 30. Оп. 1. Д. 98. Л. 232 об.– 233. [Посемейные списки... 2009а; Посемейные списки... 2009b; Посемейные списки... 2014; Посемейные списки... 2020а; Посемейные списки... 2020b; Посемейные списки... 2023].

Основными видами хозяйственной деятельности крестьян Душетского уезда было земледелие и скотоводство, которое напрямую зависело от количества пахотной и выгонной земли.

Ввиду географических особенностей местности, лишь $\frac{1}{4}$ всего земельного надела Душетского уезда была занята пахотными землями, из которых свыше 10 дес. на дым приходилось лишь в 63 % селений, 47 % имело меньше 10 дес. на дым. 25 % земельных наделов всех типов в горном и предгорном районах уезда не было пригодно для сельскохозяйственного использования совершенно. Так, селение Байдара не имело пахотной земли вообще, *«а селение Гвилеты, лежащее у подножья Девдоракского ледника, располагает лишь 10 десятинами пахотных и покосных угодий на 49 дымов...»* [Никифоров 1887: 18].

При этом посевы страдали как от распространенных везде природных эксцессов, так и от присущих лишь высокогорным районам – ржавчина почвы, сходы селей, снос чернозема ветрами и потрава дикими животными. Таким образом, земледелие не покрывало самые необходимые хозяйственные нужды семей почти половины уезда.

«Местные жители сеют кукурузу, ячмень, картофель. Высота распространения сельскохозяйственных растений зависит не только от местных климатических условий, качества почвы, но, сверх того, имеют еще влияние на распространение посевов более или менее удобные места, а так как восточный склон горы почти везде представляет крутые подъемы и узкие ущелья, то местные жители занимают небольшую полосу для обработки полей при подошве горы, ограниченную с одной стороны р. Терек, а с другой высокими и крутыми отрогами... По скудности урожая горцы нередко покупают муку на хлеб во Владикавказе» [Муромцев 1872: 145-158].

Это заметка из труда П. Муромцева, который занимался изучением сельскохозяйственных культур восточного склона Казбека в 1872 г., за год до переписи 1873 г. В 1885 г., так же за год до следующей переписи, Н.К. Никифоров сообщает точно о таком же положении в плане хозяйственного довольства – селения Гвилеты, Степанцминда, Сно и Сиони жили круглый год покупным хлебом и кукурузой, который приобретался в городах Тбилиси и Владикавказе [Никифоров 1887].

В горных и предгорных районах уезда основой хозяйственной деятельности являлось скотоводство. Зимний выпас скота обходился очень дорого – нехватка земли в районах, где снег выпадал рано из-за близости гор и ледников, заставляла крестьян перегонять скот за зимовку в Терскую и Дагестанские области, где они арендовали земли у крупных землевладельцев-горцев и казаков с 1 сентября по 10 апреля за плату от 5 до 12 рублей с каждой сотни голов скота. Шоссейный сбор за перегон по Военно-грузинской дороге и сбор в пользу г. Владикавказ так же вставал в круглую сумму [Никифоров 1887: 40]. Такая же картина наблюдалась и в 1872 г.:

«Вообще они мало едят говядины, но преимущественно баранину и дичь своей охоты. Скот у них вообще мелкий, но молочный. Аулы Гергеты (селение мохевцев – прим. Л.Г. Гагиевой) и Гулеты, расположенные на подошве отрогов Казбека, занимают его окраины на во-

сточном склоне, пользуясь с одной стороны пастбищами до высоты 7500 футов и более по направлению ледника Орцвери, а с другой до 8000 футов и более, между каменной областью средней части Казбека и горою Арчи-Корт (черная гора, местное название) («Габрж-Корт»-инг. Черная вершина. Прим. Л. Г.), терпят в недостатке корма, если продолжительна зима, потому что удобные пастбищные места открываются лишь постепенно на разных высотах» [Муромцев 1872: 145-158].

В свою очередь, гвилетские жители, имевшие в своем распоряжении свободные выгонные земли, сдавали их в аренду жителям соседних селений Гергеты, Степанцминда, Цдо и др. Продукты животноводства – шерсть, кожа, сыр продавались перекупщикам на рынках Тифлиса и Владикавказа и употреблялись на собственные нужды.

«Пряжа из овечьей шерсти составляет домашнее занятие женщин, вырабатывающих из нее толстые одеяла, которые они окрашивают в малиновый и коричневый цвет, преимущественно последний, употребляя для этого окрашивающий сок из корней местных растений» [Муромцев 1872: 145-158].

Здесь идет речь о сугубо женском ингушском искусстве ковроделия из войлока («истинг» – от инг. «истий», замужние или женщины среднего возраста).

Другими статьями доходов жителей были работы на Военно-грузинском тракте – дорожные работы, укладка мостов, перевозка грузов, торговля предметами первой необходимости для туристов (продукты питания, обувь хулчи для хождения по скалам) и др.

С конца XIX в. начинаются туристические восхождения на гору Бешлоам (Казбек) по Девдоракской тропе. Неизменными проводниками всех горвосходителей были жители Гвилети Бузуртанов (Газиков) Цхьогол и его сыновья Муса, Яни, Исакх и Инаркъ. Одни из самых известных кавказских скалолазов, официальных проводников Русского горного общества, сопроводившие на вершину горы альпинистов со всей Европы и России, начиная с англичанина Дугласа Фрешфильда, считающегося первым европейцем, взошедшим на Казбек, и заканчивая первыми советскими экспедициями [Титов 1938]. Они же построили на горе Барт-Корт (инг. «Вершина согласия») известный привал для альпинистов под эгидой РГО, *Ермоловскую хижину* [фон Мекк 1904].

Туризм приносил существенный доход жителям селения. Так, по воспоминаниям европейских альпинистов, дома и убранство гвилетцев свидетельствовало о достаточно хорошем материальном положении [Sash 1924].

Тем не менее, в этой отрасли было задействовано не все население, а лишь непосредственно занятые в ней семьи.

Возвращаясь к причинам миграции, мы приведем характерный отрывок из статьи в газете «Герские ведомости» о семье Джанхота Котикова:

«...старший брат Джанхот, еще живя в Гулетах, печаловался на скудность в горах земли и на необходимость постоянно ездить на Назрановскую плоскость для возделывания кукурузы. Затем это надоело ему, и он при содействии двух своих младших братьев, Муты и Дашлуко, стал копить деньги, зарабатываемые на Военно-Грузинской дороге мелкими подрядами. Когда он заметил, что денег достаточно, то купил себе 40 десятин в том именно месте, где теперь

раскинулся поселок Гадабори. Поставив на новом месте сакли, братья Котыговы вместе с женами и детьми переселились на плоскость...» [К-н Вл. В Гадаборше 1911].

На качество жизни в Душетском уезде влияло и общее государственное обустройство уезда. К примеру, в уезде совершенно отсутствовали школы – наиболее состоятельные жители вынуждены были отправлять детей в школы-интернаты Душета, Тифлиса и Владикавказа. Данных о наличии или отсутствии в селениях больниц и медицинских пунктов не имеется. При этом государственные налоги, собираемые с населения, оплачивались им *«как оказалось при исследовании, своевременно и безнедоимочно»* [Никифоров 1887: 67]. Большая часть средств от налоговых сборов уходила на обеспечение функционирования сельских правлений, церквей и милиции. Содержание последней считалось главной статьей бюджета уезда.

В 1888 г. селение Гвилети было упразднено решением администрацией Тифлисской Губернии, а население переселено в Ахалцихский и Ахалхалакский уезды без права селиться в других местах, что фактически означало ссылку [Список обывателям...]. Одним из первых государственных документов, указывающих на давность идеи о выселении гвилетцев, является письмо 1881 г. да Душетского уездного начальника Тифлисской губернии правителю канцелярии начальника Терской области А. Свистунова, в котором последнему высылается перепись жителей Гвилети 1873 г. [Переписка...]. С этого времени население Гвилети находится под постоянным полицейским прессом, приводившим к злоупотреблению должностными полномочиями со стороны органов власти, против чего активно выступала общественность Тифлисской губернии. Так, газета «Дроеба» писала в 1883 г.:

«Дело администрации и полиции принимать меры по отношению к кому-либо, только после совершения лицом преступления, и никто не имеет права подозревать кого-либо в преступлениях, а Беридзе (пристав с. Гвилети – прим. Л. Г. Гагиевой) не пускает гвилетцев даже на дорожные работы. Мы надеемся, что эта статья поможет разоблачению Беридзе, он будет наказан по всей строгости и справедливость восторжествует» [Шинаури 1883: 2].

В 1885 г. было совершено нападение на почтовую карету группой в составе 6 человек, 2-е из которых были жителями с. Гвилети, впоследствии казненные, и житель Аргунского округа Терской области, в прошлом земский стражник, избежавший наказания. Событие это освещалось в губернской прессе очень широко. По совокупности обстоятельств, жители губернии и независимые журналисты называли это спланированной полицейской операцией. В газете «Новое обозрение» колумнист писал о нападении на почту так:

«Урожай вина, чума на рогатом скоте и искусственное подорожание цен на мясо здешним мясником монополистом, все это мелочи в сравнении с тем большим событием, каковым считается здесь разграбление почты и каковое до сих пор составляет у нас злобу дня. В самом деле, прислушиваясь повнимательнее ко всему, что здесь говорят, невольно придешь к заключению, что схваченные кистины Душетского уезда – только слепое, жалкое орудие какой-то чуждой воли...» [Новое обозрение 1885].

Действительно, итогом нашумевшего в уезде судебного процесса стало Высочайшее решение об упразднении селения Гвилети и ссылки всех его жителей.

В контексте нашего исследования примечательно, что официально озвученной причиной такого решения стали выводы о малоземельи из работы Никифорова Н. К. «Экономический быт государственных крестьян Душетского уезда Тифлисской Губернии», которые были процитированы практически буквально:

«Основанием к выселению гвилетцев и упразднению самого селения Гвелеты послужили расположение этого селения на Военно-Грузинской дороге и местные экономические условия, сводящиеся к тому, что на 49 дымов Гвилетцев приходится всего 10 десятин пахотной земли, а все остальное голые и бесплотные скалы и сделанный из этого администрацией края вывод, что все преступления, какие до того имели место по линии Военно-Грузинской дороги, несомненно дело их рук» [По иску...].

Единственной семьей, которой было позволено остаться на месте жительства, стала семья профессиональных проводников на Казбек Бузуртановых, ввиду государственной необходимости в них для развития туристической отрасли и наблюдения за обвалами на ВГД.

Через многочисленные судебные иски к казне и прошения в 1906-1907 гг. гвилетцы начинают выселяться из Ахалцихского и Ахалхалакского уездов, но, без права возвращаться в с. Гвилети. По воспоминаниям очевидцев, негласно им было разрешено селиться количеством не более 2-3 семей в населенных пунктах Владикавказского округа Терской области. Таким образом, они расселились в селах Балта, Чми, Редант, Яндиево, Гадаборшево, Базоркино, Верхние Ачалуки, Долаково, Яндаре, Длинная долина, Насыр-Корт [Газигов 2015: 29].

В 1938 г. А. Титов в очерке «Казбек», пишет:

«Населенных пунктов в Дарьяле два: Дарьяльский пост, в котором живут несколько мохевцев, и сел. Гвилети, населенное ингушами, выходцами из соседней Ингушетии» [Титов 1938: 148].

В 1977 г. грузинский историк В. Итонишвили в работе «Топонимия Хеви» писал об оставшемся ингушском населении Гвилети:

«Сейчас из этого рода (рода Бузуртановых – прим. Л. Г.) остались только два дыма: Якуб сын Инаркѡа Бузуртанова и Гири сын Магомеда Бузуртанова. Большую часть жителей составляют мохевы, переселившиеся в 1944 году из сел Цдо и Казбеги, до 15 дымов» [Итонишвили 1971].

Последним ингушским жителем селения был Якуб Бузуртанов, переселившийся в Республику Ингушетия в 1992 г. [Ялхороева 1999].

Заключение

Представленные статистические и публицистические данные позволяют сделать достаточно определенные выводы в части обозримой истории Гвилети. Так, этнический состав селения не менялся со времени его первого упоминания в письменных источниках в 1589 г. и до сталинской депортации ингушей 1944

г. [Белокуров 1889; Итонишвили 1971]. В связи с датой первого письменного упоминания Гвилети (Черебашева кабака) важно отметить хронологическое совпадение ингушских фольклорных данных о его возникновении, которые содержат достаточно точное описание событий и их участников, названия различных местностей, что позволило ученым установить связь между устным преданием и задокументированными событиями того периода на Северном Кавказе [История Ингушетии... 2013].

Государственная перепись позволила проследить изменение религиозных воззрений одних и тех же жителей селения. В период между 1831 и 1860 гг. ингуши из Гвилети переходят из Христианства в Ислам [Камеральное описание...1831; Камеральное описание...1860]. Приблизительно в это же время происходило окончательное укрепление мусульманских позиций и в самой Ингушетии, в которой, согласно обширных археологических и исторических данных, в Средневековье было распространено Христианство.

Основным видом хозяйственной деятельности жителей селения, так же как и всего Душетского уезда, было скотоводство и в меньшей степени земледелие, что обусловлено исключительно природными особенностями местности и, самое главное, недостатком пригодной для сельского хозяйства земли вообще и в особенности земли пахатной. Это естественное положение дел приводило к тому, что на протяжении всего статистического периода средняя количественная цифра постоянного населения оставалась практически неизменной.

На фоне этого привычного для сельскохозяйственных районов юга России рода занятий, довольно интересна история Гвилети как одного из центров альпинизма и скалолазания России и раннего СССР. Сюда стекалось огромное количество туристов и звезд горвосхождений со всего мира, которые покоряли гору Бешлоам, Казбек, с помощью ингушских проводников. Благодаря чему это небольшое село на Военно-грузинской дороге и ее жители часто упоминались в российской и европейской публицистике тех лет.

Изменение этнического состава селения Гвилети происходит искусственным образом в результате государственной политики царской России и СССР. После насильственного выселения ингушей из селения в 1888 г. в нем еще продолжали жить некоторые семьи на правах единственных жителей [Титов 1938: 148]. Смена этнической принадлежности жителей селения происходит лишь после депортации ингушей в Казахстан в 1944 г., когда оно было заселено грузинами-мохевцами [Итонишвили 1971].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Белокуров 1889 – *Белокуров С.А.* Сношения России с Кавказом. Вып. 1. 1578–1613 гг. – М., 1889. – С. 127-154.

Газигов 2015 – *Газигов Б.Д.* Гилате. Сборник материалов. – Нальчик: Тетраграф, 2015. – С. 19-52.

Генко 1930 – *Генко А.Н.* Из культурного прошлого ингушей // Записки коллегии востоковедов. Т. 5. – Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1930. – С. 681-761.

Далгат 1901 – *Далгат Б. К.* Страничка из северо-кавказского богатырского эпоса. Сказания о нартах, великанах, людоедах и героях, записанные со слов стариков ингушей в 1892 г. // Этнографическое обозрение. – М.: т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1901. – № 1. – С. 35-85.

Документы по взаимоотношениям 1968 – *Документы по взаимоотношениям* Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. / АН Груз. ССР. Гос. музей Грузии им. акад. С.Н. Джанашиа; сост. В.Н. Гамрекели. – Тбилиси: Мецниереба, 1968. – 335 с.

История Ингушетии... 2013 – *История Ингушетии*. ГалгГайчен истори: коллективная монография / под ред. Кодзоева Н.Д. 4-е изд. – Ростов н/Д.: Южный издательский дом, 2013. – 600 с.

Итонишвили 1971 – *Итонишвили В.* Хевис тьопьонимикья [Топонимия Хеви]. – Тбилиси: Мецниереба, 1971. – 31 с.

Камеральное описание...1860 – Камеральное *описание* Горского окружного уезда хевского участка с. Гвилеты. 1860 г. // ЦГАРГ. Ф. 254. Оп. 2. Д. 235. Л. 88.

Камеральное описание...1831 – Камеральное *описание* по Управлению Горскими народами на Военно-Грузинской дороге. 1 сентября 1831 г. по 16 февраля 1832г. // ЦГАРГ. Ф. 254. Оп. 1. Д. 1245. Л. 3.

Камеральный список...1873 – *Камеральный список* сел. Гвилеты Степанцминдского общества Душетского уезда Тифлисской губернии. Составлен в 1873 г. // ЦГАРГ. Ф. 254. Оп. 3. Д. 229, Л. 173.

К-н Вл. В Гадаборше 1911 – *К-н Вл. В Гадаборше* у ингушей // Терские ведомости. – 1911. – № 250.

Козьмин 1894 – *Козьмин В.* Гулетовцы // Кавказ. – 1894. – № 151.

Козьмин 1895 – *Козьмин В.* Махкинан // Кавказ. – 1895. – № 98.

Козьмин 1908 – *Козьмин В.* Гулетское пепелище // Терские ведомости. – 1908. – №169.

Муромцев 1872 – *Муромцев П.* Опыт физического очерка восточного склона Казбека в сельскохозяйственном отношении // Записки КОСХ. – 1872. – № 4. – С.145-158.

Никифоров 1887 – *Никифоров Н.К.* Экономический быт государственных крестьян Душетского уезда Тифлисской Губернии // Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края. – Т. 5. – Ч. 2. – Тифлис: Типографии Михельсона, 1887. – С. 3-158.

Новое обозрение 1885 – *Новое обозрение*. – 1885. – 26 сентября. – Душет. – С. 2

Опись имуществу...Инал Котикова – *Опись имуществу* временнопроживающего в сел. Балтинском Гвилетовского жителя Инал Котикова. Составлена 19октября 1885 г // ЦГАРГ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 103.

Опись имуществу... Мачоко Газахова – *Опись имуществу*, арестованному у временнопроживающего с сел. Кескем 6 участка Владикавказского округа Мачоко Газахова // ЦГАРГ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2153. Л. 68-68 об, 69-69 об.

Переписка... – *Переписка с Начальником* Душетского уезда о переселении жителей сел. Гвилет Душетского уезда с настоящего места жительства. // РГБУЦГА. Ф. 12. Оп. 2. Д. 481. Л. 2.

По иску... – *По иску* поверенного бывшего жителя сел. Гвилеты Озиева А. к казне о праве собственности на земли, принадлежавшие бывшим гвилетцам // ЦГАРГ. Ф. 244. Оп. 6. Д. 836.

Посемейные списки... 2009а – *Посемейные списки* населенных пунктов Владикавказского округа Терской области 1886 года. Сборник документов. Т. 1 / Государственная архивная служба Республики Ингушетия; сост. Т. Х. Муталиев. – Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2009. – 531 с.

Посемейные списки... 2009b – *Посемейные списки* населенных пунктов Владикавказского округа Терской области 1886 года. Сборник документов. Т. 2 / Государственная архивная служба Республики Ингушетия; сост. Т. Х. Муталиев. – Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2009. – 561 с.

Посемейные списки... 2015 – *Посемейные списки* населенных пунктов Владикавказского округа Терской области 1886 года. Сборник документов. Т. 3 / Государственная архивная служба Республики Ингушетия; сост. Т. Х. Муталиев. – Ростов н/Д.: Южный издательский дом, 2015. – 390 с.

Istoriya Ingushetii. Gialgiaichen istori [The history of Ingushetia. Gialgiaichen istori: a collective monograph]: kollektivnaya monografiya / pod red. Kod-zoeva N.D. 4-e izd. – Rostov n/D.: Yuzhnyi izdatel'skii dom, 2013. – 600 p. (In Russ.).

ITONISHVILI V. *Khevis t"op"onimik"a* [Toponimiya Khevi] [Heavy's toponymy]. – Tbilisi: Metsniereba, 1971. – 31 p. (In Russ.).

K-N VL. *V Gadaborshe u ingushei* [In Gadabor among the Ingush]. In: *Terskie vedomosti*. – 1911. – № 250. (In Russ.).

Kameral'noe opisanie po Upravleniyu Gorskimi narodami na Voенno-Gruzinskoj doroge. Uchitano 1 sentyabrya 1831 g. po 16 fevralya 1832g. [A desk description of the Management of the Mountain peoples on the Georgian Military Road. It was taken into account on September 1, 1831 to February 16, 1832]. In: *TsGARG. F. 254. Op. 1. D. 1245. L. 3.* (In Russ.).

Kameral'nyi spisok sel. Gvilety Stepantsmindskogo obshchestva Dushetskogo uezda Tiflisskoj gubernii. Sostavlenn v 1873 g. [The Cameral list of villages. The gwilets of the Stepantsminda Society of the Dusheti district of the Tiflis province. It was compiled in 1873]. In: *TsGARG. F. 254. Op. 3. D. 229, L. 173.* (In Russ.).

Kameral'noe opisanie Gorskogo okruzhnogo uezda khevskogo uchastka s. Gvilety. 1860 g. [A cameral description of the Gorsky district district of the Khevsky section of the village of Gvilety. 1860]. In: *TsGARG. F. 254. Op. 2. D. 235. L. 88.* (In Russ.).

Kameral'noe opisanie po Upravleniyu Gorskimi narodami na Voенno-Gruzinskoj doroge. Uchitano 1 sentyabrya 1831 g. po 16 fevralya 1832g. [A desk description of the Management of the Mountain peoples on the Georgian Military Road. Counted from September 1, 1831 to February 16, 1832.]. In: *TsGARG. F. 254. Op. 1. D. 1245. – L. 3.* (In Russ.).

KOZ'MIN V. *Guletovtzy* [Guletovtzy]. In: *Kavkaz*. – 1884. – № 151. (In Russ.).

KOZ'MIN V. *Makhkinan* [Makhkinan]. In: *Kavkaz*. – 1885. – № 98. (In Russ.).

KOZ'MIN V. *Guletskoe pepelishche* [Gulet ashes]. In: *Terskie vedomosti*. – 1908. – № 169. (In Russ.).

MUROMTSEV P. *Opyt fizicheskogo ocherka vostochnogo sklona Kazbeka v sel'skokhozyaystvennom otnoshenii* [The experience of a physical sketch of the eastern slope of Kazbek in agricultural terms]. In: *Zapiski KOSKh*. – 1872. – № 4. – P. 145-158. (In Russ.).

NIKIFOROV N.K. *Ekonomicheskii byt gosudarstvennykh krest'yan Dushetskogo uezda Tiflisskoj Gubernii* [The economic life of the state peasants of the Dusheti district of the Tiflis Governorate]. In: *Materialy dlya izucheniya ekonomicheskogo byta gosudarstvennykh krest'yan Zakavkazskogo kraja*. – T. 5. – Ch. 2. – Tiflis: Tipografii Mikhel'sona, 1887. – P. 3-158. (In Russ.).

Opis' imushchestvu vremennoprozhivayushchego v sel. Baltinskom Gviletovskogo zhitelya Inal Kotikova. Sostavlena 19oktyabrya 1885 g [An inventory of the property of a temporary resident in villages. Baltinsky Gwiletovsky resident Inal Kotikov. Compiled on October 19, 1885]. In: *TsGARG. F. 30. Op. 1. D. 103.* (In Russ.).

Opis' imushchestvu, arestovannomu u vremennoprozhivayushchego s sel. Keskem 6 uchastka Vladikavkazskogo okruga Machoko Gazakhova [An inventory of property seized from a temporary resident from villages. Keskem of the 6th section of the Vladikavkaz district Machoko Gazakhova]. In: *TsGARG. F. 17. Op. 1. D. 2153. L. 68-68 ob, 69-69 ob.* (In Russ.).

Perepiska s Nachal'nikom Dushetskogo uezda o pereselenii zhitelei sel. Gvilet Dushetskogo uezda s nastoyashchego mesta zhitel'stva [Correspondence with the Head of the Dusheti district about the resettlement of villagers. Gwileth of Dusheti county from the present place of residence]. In: *RGBUTsGA. F. 12. Op. 2. D. 481. L. 2.* (In Russ.).

Po isku poverennogo byvshego zhitelya sel. Gvilety Ozieva A. k kazne o prave sobstvennosti na zemli, prinadlezhavshie byvshim gviletsam [According to the claim of the attorney of the former resident of the villages. Gvilety Ozieva A. to the treasury on the right of ownership of the lands belonging to the former Gwilets]. In: *TsGARG. F. 244. Op. 6. D. 836.* (In Russ.).

Posemeinye spiski naseleennykh punktov Vladikavkazskogo okruga Terskoj oblasti 1886 goda. Sbornik dokumentov [Family lists of settlements of the Vladikavkaz district of the Tersk region in 1886. Collection of documents]. T. 1 / Gosudarstvennaya arkhivnaya sluzhba Respubliki In-

gushetiya; sost. T. Kh. Mutaliev. – Nal'chik: GP KBR «Respublikanskii poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g.», 2009. – 531 p. (In Russ.).

Posemeinye spiski naseleennykh punktov Vladikavkazskogo okruga Terskoi oblasti 1886 goda. Sbornik dokumentov [Family lists of settlements of the Vladikavkaz district of the Tersk region in 1886. Collection of documents]. Т. 2 / Gosudarstvennaya arkhivnaya sluzhba Respubliki Ingushetiya; sost. T. Kh. Mutaliev. – Nal'chik: GP KBR «Respublikanskii poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g.», 2009. – 561 p. (In Russ.).

Posemeinye spiski naseleennykh punktov Vladikavkazskogo okruga Terskoi oblasti 1886 goda. Sbornik dokumentov [Family lists of settlements of the Vladikavkaz district of the Tersk region in 1886. Collection of documents]. Т. 3 / Gosudarstvennaya arkhivnaya sluzhba Respubliki Ingushetiya; sost. T. Kh. Mutaliev. – Rostov n/D.: Yuzhnyi izdatel'skii dom, 2015. – 390 p. (In Russ.).

Posemeinye spiski naseleennykh punktov Vladikavkazskogo okruga Terskoi oblasti 1886 goda. Sbornik dokumentov [Family lists of settlements of the Vladikavkaz district of the Tersk region in 1886. Collection of documents]. Т. 4 / Gosudarstvennaya arkhivnaya sluzhba Respubliki Ingushetiya; sost. T. Kh. Mutaliev. – Rostov n/D.: Yuzhnyi izdatel'skii dom, 2020. – 333 p. (In Russ.).

Posemeinye spiski naseleennykh punktov Vladikavkazskogo okruga Terskoi oblasti 1886 goda. Sbornik dokumentov [Family lists of settlements of the Vladikavkaz district of the Tersk region in 1886. Collection of documents]. Т. 5 / Gosudarstvennaya arkhivnaya sluzhba Respubliki Ingushetiya; sost. T. Kh. Mutaliev. – Rostov n/D.: Yuzhnyi izdatel'skii dom, 2020. – 346 p. (In Russ.).

Posemeinye spiski naseleennykh punktov Vladikavkazskogo okruga Terskoi oblasti 1886 goda. Sbornik dokumentov [Family lists of settlements of the Vladikavkaz district of the Tersk region in 1886. Collection of documents]. Т. 8 / Gosudarstvennaya arkhivnaya sluzhba Respubliki Ingushetiya; sost. T. Kh. Mutaliev. Rostov n/D.: Yuzhnyi izdatel'skii dom, 2023. – 358 p. (In Russ.).

Posemeinyi spisok Dushetskogo uezda za 1886g. s. Gvilyety [The family list of Dusheti county for 1886 in the village of Gvilyety]. In: TsGARG. F. 254. Op. 3. D. 1798. (In Russ.).

Spisok obyvateliam uprazdnennogo sela Gvilyety Dushetskogo uezda, perechislennym v Akhalkalaskii uezd [List of inhabitants of the abolished village of Gvilyety, Dusheti county, listed in Akhalkalaki county]. In: TsGARG. F. 254. Op. 3. D. 2279. (In Russ.).

ТИТОВ А. *Kazbek* [Kazbek]. – М.: Fizkul'tura i sport, 1938. – 148 p. (In Russ.).

FON MEKK A.K. *Kazbek i Ermolovskaya khizhina* [Kazbek and Ermolovskaya hut]. In: *Ezhegodnik RGO*. – 1904. – III. (In Russ.).

Shinauri kronika [Shinauri chronica]. In: *Droeba. gaz.* – 1883. – 7 iyulya. – P. 2. (In Russ.).

YALKHOROEVA M. *Umenie dostoino zhit' sredi lyudei* [The ability to live with dignity among people]. In: *Serdalo. gaz.* – 1999. – № 16. (In Russ.).

SASH H., MIKULEC W. *Vom Roten Moskau auf den Weissen Kasbek*. – B., 1924. (in German).

Информация об авторах

С.И. Аккиева – доктор исторических наук.

Л.Г. Гагиева – аспирант.

Information about the author

S.I. Akkueva – Doctor of Science (History).

L.G. Gagieva – graduate student.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.11.2024 г.; одобрена после рецензирования 12.12.2024 г.; принята к публикации 27.12.2024 г.

The article was submitted 22.11.2024; approved after reviewing 12.12.2024; accepted for publication 27.12.2024.

Научная статья
УДК 39
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-227-237
EDN: NDHВНК

УМЫКАНИЕ НЕВЕСТ У ОСЕТИН В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ И СОВРЕМЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЯХ

Тамара Тамерлановна Дауева

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований
им. В.И. Абаева ВШЦ РАН, Владикавказ, Россия, tdaueva@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-8178-1889>

Аннотация. Статья посвящена исследованию похищения женщин среди осетинского этноса. Основными источниками исследования выступили результаты этнографической экспедиции 2022, 2023 гг. на территории Северной Осетии, материалы – наблюдения автора, а также результаты экспедиции 2015 года в Турции среди осетинской диаспоры. Используя эмпирический метод исследования, в статье анализируются комментарии – обоснования на вопрос при интервьюировании: «Является ли похищение девушек национальной традицией осетин?». Несомненно, тема актуальна, что обусловлено популярностью умыкания на сегодняшний день. Цель исследования – провести ретроспективный анализ причин умыкания на базе источникового материала, а также рассмотреть реакцию традиционной культуры, веками сохранявшейся у этноса, на изменение социальной почвы. Особое место в исследовании занимает сопоставление поведенческих форм брачующихся, их родителей в прошлом и в настоящее время при умыкании. Делаются выводы о том, что на сегодняшний день, во-первых, умыкание носит фиктивный характер, во-вторых, причина использования такой формы не столько экономическая, а скорее, следствие семейно-бытовых факторов. Одним из ключевых последствий популяризации умыкания автор считает постепенную утрату традиционных обрядов и ритуалов, свойственных традиционной свадебной культуре осетин.

Ключевые слова: осетины; свадебная обрядность; умыкание девушки; формы заключения брака, сватовство; брак; обычай.

Для цитирования: Дауева Т.Т. Умыкание невест у осетин в исторической ретроспективе и современных трансформациях // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 4. – С. 227-237. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-227-237. EDN: NDHВНК.

© Дауева Т.Т., 2024

Original article

BRIDE KIDNAPPING FROM THE OSSETIANS IN HISTORICAL RETRO-PERSPECTIVE AND MODERN TRANSFORMATIONS

Tamara T. Daueva

The North Ossetian Institute of humanitarian and social studies by. Abayev V. I.
of the Federal state budgetary institution of science of the Federal scientific center
Vladikavkaz scientific center of RAS, Vladikavkaz, Russia, tdaueva@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-8178-1889>

Abstract. This article looks at the stealing of women among the Ossetian ethnic group. The study's major sources were the results of the ethnographic expedition in 2022-2023 on the territory of North Ossetia, the author's observation materials, and the findings of the 2015 expedition in Turkey among the Ossetian diaspora. Using an empirical research approach, the essay examines the remarks - reasons for the interview question: "Is the abduction of girls a national tradition of Ossetians?". Undoubtedly, the issue is timely, owing to the prevalence of theft today. The study's goal is to undertake a retrospective investigation of the reasons for theft using source material, as well as to evaluate how traditional culture, which has been perpetuated by the ethnos for ages, reacts to changes in the social soil. The comparison of the couple's and their parents' behavioral forms in the past and present during the abduction takes up a significant portion of the research. The conclusion is formed that, today, theft is fictional, and that the reason for choosing such a form is not so much economic, but rather a result of family and household issues. The author believes that one of the most significant implications of the popularization of theft is the progressive loss of traditional rites and rituals unique to Ossetians' traditional wedding culture.

Keywords: Ossetians, wedding rituals, bride price, abduction of a girl, forms of marriage, marriage, custom, traditions, matchmaking.

For citation: Daueva T.T. Bride kidnapping from the Ossetians in historical retro-perspective and modern transformations. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 4. – P. 227-237. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-227-237. EDN: NDHВНК.

© Daueva T.T., 2024

Введение

Особое место в исследованиях этнографов отводится наблюдениям за современной обрядовой культурой. Используя материалы быта с привлечением различных исторических свидетельств, этнографы всесторонне изучают обрядовую культуру современности. Анализ происходящего через призму прошлого помогает раскрыть суть действительности и объясняет сложные явления современной жизни этноса.

На основе собранного нами полевого этнографического материала с использованием историко-сравнительного, системного, ретроспективного методов, исследуется традиционная и современная проблема умыкания невест. Кроме интервьюирования информантов применялся метод непосредственного наблюдения. Новизна исследования заключается в том, что, во-первых, статья базируется на новейших материалах полевых исследований, во-вторых, проводится сравнительный анализ факторов, провоцирующих умыкание в прошлом и настоящем.

Интересующая нас форма заключения брака путем умыкания невесты – в научной литературе как объект исследования не нашел отражения. Однако, есть материалы, в которых содержится фрагментарная фиксация нашей проблемы. Исследователи, например этнограф Кокиев С. В. затрагивает вопрос увода в статье «Калым у осетин» как следствие неподъемного размера калыма [Кокиев 1987]. В заметках периодической печати конца XIX - начала XX в. авторами которых были общественные деятели Х. Уруймагов, Г. Цаголов, А. Гатуев, А. Гассиев проходил острый общественный дискурс и призыв общественности на борьбу с некоторыми обычаями, например, умыканием [Уруймагов 1900; Цаголов 1898; Гатуев 1881; Гассиев 1981]. Оно характеризовалось как «вредный

обычай» или «отрицательное явление в жизни» и считалось следствием высокого размера калыма, а также следствием выбора партнера родителями и принуждения к замужеству дочерей. Отрывочные сведения об умыкании в осетинском обществе содержат работы современных исследователей З.В. Кануковой, А.Х. Хадиковой, И.Т. Марзоева, Т.Т. Дауевой [Канукова 2018; Хадикова 2022; Марзоев 2024; Дауева 2017; Дауева 2022].

Существует достаточно много материалов и исследований, в которых похищение женщин на Кавказе считается конфликтогенным фактором. Исследователи и общественные деятели представляют различные положения для урегулирования этого вопроса. Мы решили исследовать данный вопрос на территории Северной Осетии, среди осетинского этноса. Интересно, что сегодня многие признают умыкание элементом свадебной традиции, а также используют как форму заключения брака.

В настоящее время в Осетии принято заключать брак несколькими способами, наиболее популярными из которых являются традиционная свадьба с помощью посредничества сватов между семьями, а также с помощью умыкания девушки, т.е. невесты. Умыкание – форма заключения брака, при которой похищают девушку.

Умыкание девушек в Осетии в XIX – XX в.

Интерес к данной проблематике вызван пояснениями, которые давали информанты во время сбора полевого этнографического материала по вопросу умыкания девушек с целью вступления в брак. ‘Это был обычай, почему нет. Оба моих сына украли своих жен. Не вижу ничего предосудительного’ [ПМА 2023]. Примечательно, что данное мнение принадлежит 60-летнему мужчине. Согласно имеющимся этнографическим источникам, умыкание невесты считалось нарушением брачно-семейных норм и влекло за собой межфамильные конфликты. Чтобы разобраться в этом вопросе, мы проанализировали архивные материалы. Исследование судебных разбирательств по причине умыкания девушек в период с 1872 года по 1919 год позволяет сделать некоторые выводы [ЦГА РСО-Алания. Ф. 113, 120]. Во-первых, умыкание носило формальный, т.е. фиктивный и насильственный характер.

К фиктивному умыканию прибегали в некоторых случаях. Причиной могло быть несогласие родителей невесты на брак, высокий размер калыма, сословное неравенство или то обстоятельство, что девушка была засватана за другого.

Исследование судебных материалов объясняет причины происшедших похищений в процессе заключения брака.

1. Семья девушки обращала внимание на условия жизни жениха, на родovitость фамилии и на его возможность быстрой уплаты калыма. Отсутствие одного из условий приводило к отказу в заключении брачного союза.

2. В случае если один из претендентов на руку девушки был из другого осетинского поселения, а второй являлся односельчанином, то предпочтение отдавалось последнему.

3. Если несколько парней сватали одну и ту же девушку, то один из них, опасаясь выбора не в его пользу, решался на умыкание, хотя зажиточные женихи в таких случаях могли предложить семье невесты двойной калым.

4. Если у девушки были старшие незамужние сестры, то какой бы калым парень ни предлагал, он всегда получал отказ, так как младшая сестра не могла выйти замуж до тех пор, пока не выйдут старшие, – еще одна причина умыкания девушки. На сегодняшний день данное требование сохранилось, однако категорического запрета нет. В случаях, если младшая сестра выходит замуж раньше, старшим сестрам полагаются подарки [Даева 2017: 182-186].

Умыкание считалось преступлением, что, как правило, влекло за собой наказание. Анализ норм обычного права позволяет сделать вывод, что похитивший девушку обязывался выплатить калым родителям и жениться на украденной девушке. В случае отказа родителей девушки или ее самой дело передавалось во Владикавказский окружной суд [ЦГА РСО-Алания. Ф. 280. Оп. 1]. Последствия умыкания были достаточно серьезными для похищенной девушки, в некоторых случаях это лишало ее возможности выйти замуж за другого, кроме своего похитителя, по понятным причинам.

Похищение девушек в настоящее время: процесс, поведенческие установки, примирение сторон

Решение об умыкании принимают сами молодые, жених ставит в известность своих родителей, так как им нужно подготовиться – накрыть торжественный стол, пригласить родственников и соседей. Девушка, будущая невеста, в большинстве случаев не знает дату похищения. Обычно заранее при разговоре парень говорит ей о намерении жениться, и молодые могут выбрать форму вступления в брак, исходя из своих семейных финансовых ситуаций.

Социальные сети содержат большое количество примеров умыкания, по большей части оформленных театрализованных представлений. Сценарий один и не имеет каких-либо особенностей – друзья парня подбегают к девушке, обрачивают в бурку и несут ее в машину. Обычно умыкание происходит после свадьбы, вечеринки, либо просто в торговом центре. Затем едут в дом жениха, где их ждет женская сторона – мать жениха, родственницы, соседки. В доме жениха накрывают праздничный стол, за который приглашаются все гости и молятся за будущее счастье молодых. «Невесту» заводят в дом, подводят к украшенному в свадебном стиле месту – правый угол комнаты, куда к ней подходят и поздравляют. Все действие – от подготовки друзей к умыканию – снимается на видео и выставляется в социальных сетях на публичных страницах.

Стоит отметить, что такие «представления» по большей части подвергаются критике, что показывает отношение общества к умыканию невест. Комментаторы напоминают, что это не характерная для этноса традиция, особо акцентируя внимание на неуважительном отношении к девушке. Интерпретация касается и женского поведения в процессе, по большей части умычка могла не состояться по причине сопротивления и крика о помощи девушки. Такое поведение в первую очередь свидетельствовало о том, что девушка не в сговоре с парнем о похищении. Во-вторых, активное поведение показывало нежелание вступить в брак путем умычки. Видеоролики демонстрируют довольно скромное и спокойное поведение девушки.

Как только девушка оказывается в доме жениха, обычно первым делом оповещают ее семью о том, что их дочь похищена, и сообщают ее местонахождение. Те вечером присылают несколько человек, так называемых ‘ла́бурджытá’ (*осет.*), среди которых бывают родственники, родные братья и сестры, соседи, в обязанность которых входит узнать, хочет ли остаться в этой семье девушка, желает ли она выйти замуж за укравшего ее парня. Все время от похищения до ее согласия остаться она пребывает в окружении тех друзей жениха, кто ее украл. Конечно, поведение ‘ла́бурджытá’ на сегодняшний день отличается от того, которое засвидетельствовано 10-15 лет назад. Люди, которые приезжали за девушкой, действительно устраивали ссору и пытались забрать девушку, так как умыканием нанесли позор семье. Некоторые похищения и сегодня заканчиваются возвращением девушки в родительский дом с требованием сделать все согласно традиционной форме заключения брака. Данная инициатива обычно исходит от родителей невесты, которые объясняют делегатам свои пожелания в отношении формы заключения брака, могут настоять на традиционной форме заключения брака и требовать возвращения девушки домой. Родители девушки едут только в исключительных случаях – когда им известно, что умыкание было насильственным. Данное действие также имеет свои поведенческие установки, – обычно родители не заходят в дом жениха, а ждут на улице, когда отправленные в дом делегаты поговорят с их дочерью и выведут ее. В случае отказа самой девушки от брака она обычно ждет делегатов своей семьи и с ними возвращается домой. ‘Мой муж украл меня перед выпускными экзаменами в институте. Я решила уйти, так как боялась, что не смогу подготовиться к ним в предсвадебной суете, да и статус невесты требует много обязательств в быту. Он обиделся, был сердит, говорил, что стыдно ему перед родственниками. Через год мы поженились по обычаю’ [ПМА 2023].

Нами было выявлено несколько случаев насильственного умыкания, которое происходит по одной причине – кража девушки, которая общается с другим молодым человеком, либо кража девушки, поссорившейся со своим молодым человеком. Подобное похищение в большинстве случаев не заканчивается браком, обычно девушка отрицательно отвечает на желание остаться и уходит с делегатами домой.

Полевой материал экспедиции 2015 г. среди осетин, переехавших в Турцию, выявил следующее. В настоящее время умыкание не встречается среди осетин, в принципе, и с традиционной свадьбой мало общего. Обрядность интерпретировалась, вобрав мусульманские и турецкие обычаи и традиции. Однако информанты помнят, что были похищения девушек среди самой осетинской диаспоры. ‘Подобный поступок не приветствовался общиной и никогда не заканчивался браком. Стыдно же’ [ПМА 2023]. Житель Анкары, осетин Гукаев Бекир, 1937 г.р., хорошо помнит, как некий Козырев похитил его сестру. Ее забрали домой, а его отправили в тюрьму на 2 месяца. ‘Когда он отбыл срок, мои родители передали через делегатов, чтобы прислал сватов и женился на сестре. Так и случилось. Сейчас у них трое детей, живут в Анкаре’ [ПМА 2015]. Все опрошенные информанты утверждали, что нет такого обычая среди нас и не

было. Затруднительно сказать, имело ли место умыкание и насколько было характерно для переселенцев.

Роль жениха, как и в предыдущие годы, остается довольно бездейственной. В самом действе похищения в большинстве случаев он не принимает участия, на время приезда делегатов со стороны девушки он обычно отсиживается в комнате, либо отсутствует в доме. На роль похитителей обычно жених выбирает своих друзей – от 4 человек, достаточно активных, которые не только умыкнут девушку и доставят в указанное место, но и в случае агрессивно настроенных делегатов смогут отстоять свою позицию и удержать девушку.

Как правило, женщины в похищении не участвуют. Роль матери жениха и взрослых женщин – теток, соседок, сводится к тому, чтобы «пригласить» невесту в дом, попросить ее выйти из машины. Единственное, подруга невесты может быть в курсе предстоящего события, сопровождать ее в общественном месте на момент кражи. Однако, как говорят информанты: ‘девушки – подружки не надежные помощники в похищении. Они сразу выдают будущей невесте план. В таком случае невеста обычно отказывается от умычки, говорит, что не хочет и т.д. Наилучший вариант, который нас не подводил, это когда после свидания парень сообщает нам их место нахождения, мы подъезжаем и забираем ее. А жених сам добирается до дому в отдельной машине’ [ПМА 2023]. Важная роль у женщин – делегатов. Обычно это представительницы нескольких поколений – тетя или две, соседка, младшие или старшие сестры похищенной, невестка брата. Мужчины – делегаты при входе в дом обычно общаются с мужчинами, с похитителями, тогда как женская сторона нацелена на общение с невестой, на ее желание и настрой соглашаться на брак.

Характерно, что просить прощения также направляются делегаты – мужчины. В этом обычае есть полное сходство со сватовством, которым сопровождается традиционная свадьба. Имеется в виду и количество делегированных мужчин, количество встречающих мужчин, молитвы, а также обязательный компонент – вынесение ритуальных трех пирогов для ‘фидыд’ (*осет.*) – ‘согласие, примирение’. Как и в случае традиционного сватовства, после произношения этой молитвы семьи считаются породнившимися.

Умыкание, как правило, происходит вечером. Информанты объясняют это тем, что если невеста уйдет, то не все об этом узнают, так как это все-таки стыд для семьи жениха. Еще одно возможное объяснение – умыкание все-таки незаконное действие [ПМА 2023].

Чтобы придать умычке более торжественный характер, на сегодняшний день принято украшать угол невесты в доме, место, куда подводят девушку. Во время свадьбы свадебная арка – обязательный атрибут как в доме невесты, так и в доме жениха. Немного скромнее выглядит арка при умыкании, но присутствует как элемент свадебного торжества.

Необходимая составляющая обряда – одевание невесте белой косынки на голову – символ невесты. Данная атрибутика была характерна для всех невест ранее, на сегодняшний день почти половина семей не считает нужным одевание платка на невесту. Обычно его накидывают на голову девушке после ее согла-

сия остаться и ухода делегатов ее семьи. Данная миссия возлагается на женщину, которая счастлива в браке и имеет детей.

В случае отказа девушки выходить замуж родственники жениха бывают озабочены тем, чтобы уговорить девушку не писать заявление о похищении в органы полиции, не придавать огласке случившееся умыкание. С просьбами обычно обращается женская часть семьи несостоявшегося жениха. 'Из нашего селения (Чермен) еще ни одну украденную девушку не забрали', – хвастается 50-летний житель [ПМА 2022].

Причины похищений девушек в настоящее время

В настоящее время под воздействием различных социальных факторов умыкание обрело устойчивое положение как альтернативная форма вступления в брачный союз. Так, очень часто даже когда не существует никаких препятствий к браку ни со стороны невесты, ни со стороны родителей, похищение все-таки происходит. Достаточно интересен вопрос актуализации данной формы и причин, приведших к всплеску похищений невест в настоящее время. На сегодняшний день мы сталкиваемся с некой интерпретацией, которой не свойственны классические причины умыкания. Этнографический материал позволяет выделить два вида умыкания, существующих в Осетии на сегодняшний день. Во-первых, умыкание с целью сокращения свадебных расходов, во-вторых, умыкание – соразмерное обряду сватовства, которое после предполагает свадебное торжество. Одна из причин последнего – это попытка молодых показать свою самостоятельность, удальство в решении такого важного вопроса, как заключение брака. Единственное объяснение, которое нам кажется правильным, это существенное ослабление родительского авторитета. Коротко объясним, что в традиционном представлении заключение брачного союза и сопутствующих процедур предсвадебной обрядности (сватовство, выбор даты торжества и т.д.) существенную роль играют родители брачующихся и старшие родственники. Отметим, что право выбора партнера зависит от самих молодых. Даже в случае несогласия родителей на брак они не имеют значительного авторитета для воспрепятствования нежеланному союзу. Как указывает материал, нежелание родителей – не повод украсть невесту.

'Бабушка сильно заболела. В случае ее смерти пришлось бы отложить свадьбу, пока не закончатся все траурные мероприятия (1 год). Решил украсть свою девушку. Ее родителям пришлось согласиться. Свадьбу, к сожалению, сыграть не удалось' [ПМА 2023].

Сложно выделить одну причину, по которой умыкание настолько популярно среди осетин. Основной причиной по-прежнему остается сокращение большей части свадебных традиций с целью избежать материальных расходов. А их бывает не мало. Такое желание в большинстве случаев исходит от брачующихся. Родители и родственники обычно выступают за сокращение свадебных формальностей, количества гостей (средняя осетинская свадьба обычно насчитывает 450-500 человек в доме и жениха и невесты) [Хадикова 2018: 178]. Но обязательным условием родственники ставят «добровольный» вывод невесты из родительского дома в дом мужа с сопутствующими молитвами и ритуалами.

Интервьюируемые молодые причиной похищения указывают экономическую. Заключение традиционного брака обходится якобы дороже, чем умыканием. Мы провели экономический анализ, и по нашим подсчетам особой финансовой экономии все-таки не получается. Во-первых, опускается прием сватов, но после похищения родители девушки принимают делегатов, извиняющихся за умычку, так называемые ‘хатыр курджыта’ (*осет.*). Оба мероприятия подразумевают угощение с принятыми молитвенными пирогами и жертвенным животным (бараном). Данные события весьма схожи и несут одинаковый финансовый расход. Новацией в свадебной обрядности стал так называемый ‘сиахсы цыд’ (*осет.*) – визит жениха, уже мужа в дом к родителям девушки. В случае традиционной свадьбы данный обряд обычно имеет место вечером в день свадьбы. Когда забирают невесту, к ее родителям приезжает жених с группой друзей, знакомится, садится за торжественный стол. В случае умыкания данному визиту выделяется один из субботних дней и приглашается довольно большое количество гостей породнившихся сторон. Как объясняют информанты, это мероприятие как возмещение того, что в доме невесты не было свадебного торжества. Иногда количество приглашенных гостей достигает 100 человек. Из наших подсчетов следует, что маленькую свадьбу без умыкания семьи могли сыграть, во-всяком случае, экономически они не сэкономили. Единственное, что отсутствует на свадебном торжестве после умыкания – это свадебное платье невесты.

Конечно, расходы на традиционную свадьбу значительные. Однако обрядовые новации, проводимые после умыкания, финансовой экономии нет. Весь комплекс расходов несколько интерпретировался и сохранился. Например, вместо свадьбы родители девушки делают многочисленный ‘сиахсы цыд’, также отправляют приданое, со своей стороны жених делает существенный подарок теще и т.д. Несомненно, каждый случай транслирует материальное состояние двух семей.

Несколько информантов причину выбора формы похищения объяснили тем, что заключение традиционной формы брака – слишком долгий процесс. В течение месяца проходит процедура сватовства, на котором старшие члены семей выбирают дату проведения свадебного торжества. Обычно это через 2-3 месяца, в зависимости от того, как попросит семья девушки, чтобы успеть все подготовить. ‘Я украл свою жену после второго сватовства. Ее родители требовали сыграть свадьбу через год, якобы так принято в традиции. Наши сваты не стали с ними спорить. Я был очень сердит на такое решение и в первые же выходные выкрал ее после работы. Вообще я считаю, что сватовство – формальность, и нет в нем необходимости’ [ПМА 2023].

‘Я украл свою жену, так как мы встречались два года. Была зима, старшие не разрешили бы сыграть свадьбу в такой холод. Во-вторых, не хотел, чтобы родня невесты тратилась на свадьбу. Вот и украл ее в январе, а через неделю сыграли свадьбу у нас дома’ [ПМА 2023].

‘Крадут, чтобы сэкономить. Сейчас сложное время. Если дочь украли, то свадьбу играть не нужно. Да и сторона парня может не сыграть. Украл же’ [ПМА 2023].

‘Месяц назад украл свою девушку. Свадьбу сыграть наши семьи могли, но некоторые мои друзья, братья сейчас на Специальной военной операции. Ну какая свадьба, когда они на войне!’ [ПМА 2023]. Следует указать, что СВО действительно стала одной из причин, по которой многие в Осетии не празднуют свадебные, либо иные торжества.

Неспособность малоимущих семей финансировать дорогостоящий свадебный ритуал подталкивает их членов к заключению брачного альянса с помощью имитации похищения невесты, что может привести к исчезновению сватовства как традиционной составляющей свадебного обряда [Хадикова 2023: 38].

Немного трансформировался и сам термин ‘скъæфт’ (*осет.*) – умыкание. Интервьюируемые, парень, 27 лет; девушка, 34 года, использовали данный термин вместо ‘курын’ (*осет.*). Последнее содержит смысловую нагрузку – ‘жениться традиционным способом’. Информанты термин ‘скъæфт’ (*осет.*) объясняют следующими понятиями – заключение брачного союза, заключение брака без свадебного торжества.

Практика похищения невест оказалась настолько «живучей», что существует до настоящего времени. Она интерпретируется, модернизируется, обосновывается новыми причинами и идет параллельно традиционному свадебному обычаю.

Заключение

Таким образом, анализ полевого материала дает основание полагать, что на сегодняшний день причина умыкания девушек не только экономическая. Сложные явления современной жизни вносят коррективы в культуру и традиционные нормы народа. Умыкание, как не характерное ранее явление, трансформировавшись, вобрав в себя элементы свадебной обрядности, постепенно обретает статус «традиционного». Данное исследование выявило постепенное снижение ритуально-обрядового значения свадебной картины осетин.

Несмотря на внедрение некоторых составляющих свадебной обрядности, постепенно происходит искажение или исчезновение их функций и символики.

Однако как профилактическую меру для предотвращения или снижения количества умыканий можно использовать просветительскую работу с молодежью, в первую очередь объясняя им традиционный этико-мировоззренческий комплекс, регулирующий быт социума, в том числе смысловую обрядность свадьбы.

Современное умыкание носит фиктивный характер, с каждым годом все больше внедряясь в жизнь. Анализ источников дает четкое пояснение – умыкание не являлось традицией заключения брака, однако на сегодняшний день постепенно обретает статус обычая, обрастая поведенческими установками, системой запретов и ритуальными характеристиками.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Гассиев 1981 – *Гассиев А.* Нечто о положении женщины у горцев-мусульман // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. – Цхинвали, 1981. – Кн.1. – С. 219-224.

Гатуев 1881 – *Гатуев А.* Об искоренении суеверных и разорительных обычаев в Осетии // Терские ведомости. – 1881. – № 36.

- Дауева 2017 – *Дауева Т.Т.* Конфликты и миротворческие практики в осетинском обществе (конец XVIII – начало XX в). – Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2017. – 226 с.
- Дауева 2022 – *Дауева Т.Т.* Konkubinat в системе семейных отношений осетин в конце XVIII - XIX в. // *Известия СОИГСИ.* – 2022. – № 46 (85). – С. 18-27.
- Канукова 2018 – *Канукова З.В.* Традиция в современном осетинском обществе. Владикавказ, 2018. – 150 с.
- Кокиев 1987 – *Кокиев С.В.* Калым у осетин // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах – Цхинвали: Ирystон, 1987. – Кн. 3. – С. 317- 319.
- Марзоев 2024 – *Марзоев И.Б.Т.* Привилегированные фамилии Цимитинского общества Северной Осетии в документах и материалах XIX века // *Известия СОИГСИ.* – 2024. – № 52 (91). – С. 18-29.
- ПМА 2015 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Турцию в 2015 г.
- ПМА 2022 – Полевые материалы автора. Экспедиция в с. Чермен, р. Северная Осетия-Алания в 2022 г.
- ПМА 2023 – Полевые материалы автора. Экспедиция в п. Мизур, ст. Змейская, г. Владикавказ р. Северная Осетия- Алания в 2023 г.
- Уруймагов 1900 – *Уруймагов Х.* Еще о калыме у осетин // *Казбек.* – 1900. – № 712.
- Хадикова 2018 – *Хадикова А.Х.* Миротворческие традиции в этническом наследии осетин // *Известия СОИГСИ.* – 2018. – № 27 (66). – С. 174–182.
- Хадикова 2022 – *Хадикова А.Х.* Историко-антропологический анализ концепции личности в этнической культуре осетин: архаический аспект // *Kavkaz-Forum.* – 2022. – № 12 (19). – С. 96-106.
- Хадикова 2023 – *Хадикова А.Х.* Этническая личность в этнокультурном пространстве осетинского этноса: историко-ретроспективный аспект проблемы // *Вестник Владикавказского научного центра.* – 2023. – Т. 23. – №2. – С. 25-42.
- Цаголов 1898 – *Цаголов Г.* Она бежала // *Казбек.* – 1898. – № 341.
- ЦГА РСО-АЛАНИЯ – *Центральный государственный архив республики Северная Осетия-Алания.*

REFERENCES

- GASSIEV A. *Nehto o polozhenii zhenshchiny u gorcev-musul'man* [Something about the position of women among the Muslim mountaineers]. In: *Periodicheskaya pechat' Kavkaza ob Osetii i osetinah.* Ckhinvali, 1981. Kn.1. P. 219-224. (In Russ.).
- GATUEV A. *Ob iskorenanii suevernykh i razoritel'nykh obychaev v Osetii* [On the eradication of superstitious and ruinous customs in Ossetia]. In: *Terskie vedomosti.* 1881. № 36. (In Russ.).
- DAUEVA T.T. *Konflikty i mirotvorcheskie praktiki v osetinskom obshchestve (konec XVIII – nachalo XX v.)* [Conflicts and peacekeeping practices in the Ossetian society, (the end of XVIII – beginning of XX century)]. – Vladikavkaz: SOIGSI VNTs RAN, 2017. – 226 p. (In Russ.).
- DAUEVA T.T. *Konkubinat v sisteme semeinykh otnoshenii osetin v kontse XVIII - XIX v* [Concubinage in the system of family relations of the Ossetians in the late 18th - 19th centuries]. In: *Izvestiya SOIGSI,* 2022, no. 46 (85), pp. 18-27. (In Russ.).
- KANUKOVA Z.V. *Traditsiya v sovremennom osetinskom obshchestve* [Tradition in modern Ossetian society]. Vladikavkaz, 2018. 150 p. (In Russ.).
- KOKIEV S. V. *Kalym u osetin* [Kalym among Ossetians]. In: *Periodicheskaya pechat' Kavkaza ob Osetii i osetinah.* Ckhinvali, Iryston, 1987. Kn. 3. S. 317- 319.
- MARZOEV I.B.T. *Privilegirovannyye familii Tsimitinskogo obshchestva Severnoi Osetii v dokumentakh i materialakh XIX veka* [Privileged surnames of the Tsimitino society of North Ossetia in documents and materials of the 19th century]. In: *Izvestiya SOIGSI.* 2024, no. 52 (91). Pp. 18-29. (In Russ.).
- Field materials of Author. Expedition in Chermen village, The North Ossetia – Alaniya republic. 2022. (In Russ.).

Field materials of Author. Expedition in Mizur village, Zmeiskaya village, Vladikavkaz The North Ossetia – Alaniya republic. 2023. (In Russ.).

Field materials of Author. Expedition in Turkey, 2015. (In Russ.).

URUJMAGOV H. *Eshche o kalyme u osetin* [More about kalym among Ossetians]. In: *Kazbek*. 1900. № 712. (In Russ.).

KHADIKOVA A. KH. *Mirotvorcheskie tradicii v etnicheskom nasledii osetin* [Peacekeeping traditions in the ethnic heritage of Ossetians]. In: *Izvestiya SOIGSI*. – 2018. – 27 (66). – P. 174-182. (In Russ.).

KHADIKOVA A. KH. *Etnicheskaya lichnost' v etnokul'turnom prostranstve osetinskogo etnosa: istoriko-retrospektivnyj aspekt problemy* [Ethnic personality in the ethnocultural space of the Ossetian ethnic group: historical and retrospective aspect of the problem]. In: *Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo centra*. – 2023. – Т. 23. – № 2. – P. 25-42. (In Russ.).

KHADIKOVA A. KH. *Istoriko-antropologicheskii analiz kontseptsii lichnosti v etnicheskoj kul'ture osetin: arkhaischeskii aspekt* [Historical and anthropological analysis of the concept of personality in the ethnic culture of the Ossetians: archaic aspect]. In: *Kavkaz-Forum*. 2022, no. 12 (19), pp. 96-106. (In Russ.).

TSAGOLOV G. *Ona bezhala* [She run off]. In: *Kazbek*. 1898. № 341. (In Russ.).

Central'nyj gosudarstvennyj arhiv respublik Severnaya Osetiya-Alaniya [Central State Archive of the Republic of North Ossetia-Alania]. (In Russ.).

Информация об авторе

Т.Т. Даева – кандидат исторических наук.

Information about the author

T.T. Daeva – a PhD (in History).

Статья поступила в редакцию 25.09.2024 г.; одобрена после рецензирования 12.12.2024 г.; принята к публикации 27.12.2024 г.

The article was submitted 25.09.2024; approved after reviewing 12.12.2024; accepted for publication 27.12.2024.

Научная статья
УДК 929.5
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-238-253
EDN: OBKVDI

КАРАЖАЕВЫ (МАТЕРИАЛЫ К РОДОСЛОВИЮ)

Ислам-Бек Темурканович Марзоев

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований
им. В.И. Абаева ВНЦ РАН, Владикавказ, Россия, soigsi@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-8881-9066>

Аннотация. Вопросы, связанные с генеалогией фамилий, в настоящее время вызывают активный общественный интерес. Предлагаемое историко-генеалогическое исследование посвящено одной из привилегированных фамилий Дигорского общества Северной Осетии – Каражаевым.

Целью данного исследования является комплексное изучение вопроса о происхождении данной фамилии, так как до сих пор не существует определенного единого мнения относительно появления княжеского рода Каражаевых в Осетии. Между тем большой интерес представляют социальные и родственные связи представителей Каражаевых с аристократией соседних осетинских обществ и других кавказских народов: кабардинцев и балкарцев.

Объектом исследования является фамилия Каражаевых – одна из семи фамилий дигорских баделят – потомков Бадели.

Исследование проводилось с привлечением данных путешественников и исследователей XVIII–XIX вв. В статье представлены сведения из выявленных архивных документов XIX в. и опубликованных источников, касающиеся вопросов происхождения фамилии Каражаевых, исторических судеб представителей этой фамилии в XIX – начале XX вв., в эпоху революционных преобразований в России и на Кавказе. В результате в научный оборот введены материалы не опубликованных архивных документов, таких как документы «Комитета, учрежденного при Военно-Осетинском округе для разбора поземельных и личных прав туземцев этого округа», посемейные списки начала XIX в. и др.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о тесных этнокультурных связях Каражаевых с соседними кавказскими народами. Анализ архивных документов и опубликованных источников демонстрирует высокий сословный и социальный статус фамилии Каражаевых, а также их вклад в развитие социально-политических и культурных связей народов Кавказа и России, являющимся мощным позитивным потенциалом для стабилизации добрососедских отношений.

Ключевые слова: Северный Кавказ, осетины, аристократия, феодализм, генеалогия, гражданская война.

Для цитирования: Марзоев И.-Б.Т. Каражаевы (материалы к родословию) // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 4. – С. 238-253. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-238-253. EDN: OBKVDI.

© Марзоев И.-Б.Т., 2024

Original article

THE KARAZHAEVS (MATERIALS FOR THE GENEALOGY)**Islam-Bek T. Marzoev**V.I. Abaev North Ossetian Institute of Humanities and Social Studies VNC RAS, Vladikavkaz, Russia, soigsi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8881-9066>

Abstract. Issues related to the genealogy of surnames currently arouse active public interest. This historical and genealogical study focuses on the Karazhaev surname, a prominent surname within North Ossetia's Digor society.

This study comprehensively examines the origins of the Karazhaev surname, as the princely family's appearance in Ossetia remains unclear. Meanwhile, of great interest are the social and family ties of the Karazhaev representatives with the aristocracy of neighboring Ossetian societies and other Caucasian peoples: Kabardians and Balkars.

The object of the study is the Karazhaev surname - one of the seven surnames of the Digor Badelates - descendants of Badeli.

The study was conducted with the involvement of data from travelers and researchers of the 18th-19th centuries. The article presents information from the identified archival documents of the 19th century and published sources concerning the origin of the Karazhaev family name, the historical destinies of the representatives of this family in the 19th – early 20th centuries, during the era of revolutionary transformations in Russia and the Caucasus. As a result, materials from unpublished archival documents have been introduced into scientific circulation, such as documents from the “Committee established under the Military Ossetian District for the analysis of land and personal rights of the natives of this district”, family lists from the early 19th century, etc. The conducted research allows us to conclude that the Karazhaevs had close ethnocultural ties with neighboring Caucasian peoples. An analysis of archival documents and published sources show the high class and social status of the Karazhaev family, as well as their contribution to the development of socio-political and cultural ties between the peoples of the Caucasus and Russia, which is a powerful positive potential for stabilizing good-neighborly relations.

Keywords: North Caucasus, Ossetians, aristocracy, feudalism, genealogy, civil war.

For citation: Marzoev I.-B.T. The Karazhaevs (materials for the genealogy). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 4. – P. 238-253. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-238-253. EDN: OBKVDI.

© Marzoev I.-B.T., 2024

Каражаевы являются осетинской княжеской фамилией, восходящей к Бадели – родоначальнику привилегированного сословия Дигорского общества Северной Осетии.

Бадели считается предком трех фамилий: Абисаловых, Тугановых и Кубатиевых. Позже к его потомкам примкнули такие фамилии, как Битуевы, Кабановы, Каражаевы и Чегемовы, образовав политический союз влиятельных родов. В документах XIX в. эти фамилии также возводили свое происхождение к Бадели. Однако есть предание, согласно которому Битуевы и Каражаевы являлись потомками дочерей Бадели.

Другое предание о происхождении фамилии Каражаевых было зафиксировано собирателем фольклора Махарбеком Сафар-Алиевичем Тугановым. В нем говорится о братьях Байсат-Хане и Бадели-Хане, которые восстали против своего старшего брата, покушались на его жизнь, но неудачно и оба были изгнаны

решением народного суда из пределов Венгрии (Маджара – И.М.) на Северный Кавказ. И таким образом Бадели попал в Дигорию. Это предание интересно тем, что в нем объясняется происхождение всех семи фамилий баделят: Абисал, Туган и Кубади – это сыновья Бадели. Карадзау – зять, пришедший из Грузии и происходивший из княжеской фамилии Караджау. Кабан и Чегем также именуются зятьями, а Битуевы происходят уже от Каражаевых [НА СОИГСИ. Ф. Фольклор. Оп. 1. Д. 665: 24–25].

Современная наука вносит свои коррективы в исследование происхождения того или иного рода. Согласно проведенному в Осетии и Балкарии ДНК-тестированию, гемо-код Каражаевых полностью совпадает с гемо-кодом некоторых балкарских княжеских родов Чегемского общества, что предполагает их родственную связь. Это говорит о том, что предок Каражаевых мог прибыть в Осетию с Запада, из Балкарии.

Каражаевы заняли достойное место в ряду привилегированных родов Дигорского общества Северной Осетии. Сведения о представителях фамилии встречаются в документах российского государства с середины XVIII в. В числе фамилий, с которыми породнились Каражаевы, значатся дигорские баделята¹ Абисаловы, Кабановы, Кубатиевы, Тугановы и Чегемовы, дигорские царгасата² Карабугаевы, Кантемировы, Комеховы и Таймазовы, тагаурские алдары³ Дударовы, Жантыевы, Тулатовы и Шанаевыми, алагирские узданы⁴ Карсановы, куртатинские таубии⁵ Есиевы, балкарские таубии⁶ Абаевы и Келеметовы, кабардинские тлекотлешы⁷ Анзоровы, и др.

В «Отзыве осетинских и ингушских старшин о работе игумена Григория в качестве миссионера в Северо-Кавказской комиссии» (1766–1783 гг.) упоминаются «Дигорского уезда князь Бадели з Карожаов (Каражаев – И.М.)», «оного же уезду князь Афай Туганов», «того же уезду князь Кази Абисалимов (Абисалов – И.М.)» [Известия СОНИИ: 87–88].

Фамильные владения баделят располагались в Тапан-Дигории и Уаллагкоме, в последующем они основали несколько селений и на равнине. Феодальным владением Каражаевых в Дигорском ущелье Северной Осетии являлся аул Камат. На предгорной равнине им принадлежали аулы Кет и Каражаево (Хазнидон). Землю под эти аулы в количестве восьмисот десятин Каражаевы приобрели у кабардинцев Анзоровых за двадцать душ мужского пола с позволения князей Малой Кабарды Тау-Султановых [ЦГА РСО–Алания. Ф. 291. Оп. 1. Д. 9: 153–154].

Селение Хазнидон было описано офицером Русской армии Леонтием Штедером, который во время пребывания на Кавказе в конце XVIII в. составил «Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние мест-

¹ Баделята – союз аристократических фамилий Дигорского общества Северной Осетии.

² Царгасата – союз аристократических фамилий Дигорского общества Северной Осетии.

³ Тагаурские алдары – союз аристократических фамилий Тагаурского общества Северной Осетии.

⁴ Алагирские узданы – союз аристократических фамилий Алагирского общества Северной Осетии.

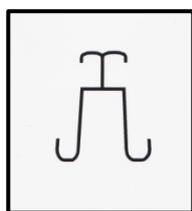
⁵ Куртатинские таубии – союз аристократических фамилий Куртатинского общества Северной Осетии.

⁶ Таубии – горские князья, привилегированное сословие в Балкарских обществах.

⁷ Тлекотлешы – знатные уздени 1-й степени, привилегированное сословие в Кабарде.

ности Кавказа, предпринятого в 1781 году». Он писал: «большое селение в 24 верстах от Кубати, лежит между крутым и высоким берегом Уруга и берегом Харсин, которая течет юго-запада и около этого местечка впадает в Уруг. Местечко имеет удобное и хорошее местоположение, деревянные строения, сады, поля, особенно хороши пастбища и здешний табак, который горцы считают наилучшим» [НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 58 «б»: 17–18].

В документах «Комитета для разбора личных и поземельных прав горцев Военно-Осетинского округа» за 1859 г. фамилия Каражаевых была представлена одной семьей: майора Ислама Каражаева. Вместе с ним были указаны его сыновья от первого брака: Калицук (23-х лет) и Биаслан (21-го года), и от второго брака: Асланбек (15-ти лет), Кубади (11-ти лет), Адиль-Гирей (7-ми лет) и Аслан-Гирей (3-х лет). На заявлении стоит резолюция Комитета: «*Признаны. Достойны*» [ЦГА РСО–Алания. Ф. 291. Оп. 1. Д. 11: 80–81].

Тамга дигорских баделят Каражаевых

Ислам приходился родоначальнику фамилии потомком в восьмом поколении: Карадзау – Бурнац – Денгиз – Кургок – Сафар-Али – Бурнац – Мисирбий – Ислам.

Первое упоминание фамилии Каражаевых в документальных источниках связано с именем Сафар-Али Кургоковича – известного общественного и политического деятеля Осетии первой четверти XVIII в. Вместе с кабардинским князем Асланбеком Кайтукиным в 1715 г. он выступил в качестве свидетеля при определении границ владений балкарского таубия Исмаила Урусбиева. Сафар-Али Каражаев состоял в составе третейского суда, в который также входили кабардинский князь Аслан-Бек сын Батумар-султана Кайтукин, сванетский князь Отар Дадешкелиани, кумыкский Агалар-хан и др., который 26 декабря 1715 г. разрешал спор о границах земель народов балкарских обществ с одной стороны и владений крымского хана, занятых Кабардой, – с другой [Лавров 1968: 50].

Сафар-Али Кургокович Каражаев был женат на дочери кабардинского знатного узденя Гуаше Каголкиной. Умер Сафар-Али Каражаев в 1737 г. Эта дата указана на деревянной надмогильной доске, найденной на кладбище с. Хазнидон в могильнике, неизвестно кому принадлежащем, и прочитанной муллой Кочкионовым. Надпись на арабском языке гласила: «Здесь похоронен Уллу Сафар Али Караджаев. Умер 1737 г.» [Алборов 2005: 79].

У селения Хазнидон располагается уникальный ансамбль мавзолеев с эпитафиями на турецком и арабском языках, являющимися родовыми усыпальницами Каражаевых.

Надпись на одном из них гласит: «Погребенный, умерший, перешедший из этого мира в загробный Ахмед-хан, сын Сафар-Али, сына Караджава. Да простит Бог того, кто его оплачет!». Указана дата его смерти – 1166 год хиджры

[Лавров 1962: 107–112]. Ахмед-хан Сафар-Алиевич Каражаев родился 8 ноября 1752 г. и умер 28 октября 1853 г. В другом склепе захоронен Мухаммед, сын Кургока Каражаева.

Героем народных песен является Мисирбий Бурнацевич Каражаев. Его имя упоминается в песне «Мисирбий зар», записанной 11 января 1921 г. Губади Дзагуровым со слов сказителя Татархана Туганова. Он являлся аталыком балкарского таубия Шаулоха Айдаболова [Алборов 2005: 79, 88]. Был женат на дочери царгасата Залихан Текаевне Карабугаевой. Погиб М. Каражаев в 1837 г. во время набега в Алагирское ущелье Северной Осетии [Песни народов... 1976: 360].

Многие представители фамилии баделят Каражаевых служили в Русской императорской армии. Хорунжий Горско-Казачьего полка Мисост Давлетукович Каражаев (род. 6 ноября 1829 г.) [НА СОИГСИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 277. Тетр. 21: 8]. Состоял в браке с Леска Крым-Султановной Дударовой (род. 10 ноября 1847 г.). Брак был бездетным.

Известным представителем фамилии был подполковник Ислам Мисирбиевич Каражаев (род. в 1808 г.) [ЦГА РСО–Алания. Ф. 11. Оп. 52. Д. 762: 60 об.]. Чин майора получил по милиции.

Об Исламе Каражаеве имеется информация в «Списке штаб и обер офицерам из азиатцев ведомства начальника Центра Кавказской линии, числящимся и не числящимся по кавалерии, не занимающих никаких должностей, но получающих содержание от казны, а также вдовам, получающим пенсии» за 1846 г.: «из дигорских старшин, проживающий в Дигории, имеет орден Св. Станислава III ст. (27 июня 1839 г.). За усердие и преданность правительству, награжден чином прапорщика 8 декабря 1838 г., о чем объявлено в приказе Военного министра 1838 г. № 119 за сражение против горцев, чином подпоручика – 31 октября 1839 г., о чем объявлено в приказе Военного министра № 89 от 31 октября 1839 г. за отличие против горцев, чином поручика – 8 февраля 1842 г., о чем объявлено в приказе Военного министра № 19 от 8 февраля 1842 г. за отличие, оказанное при отражении в Кабарду вторжения Шамиля, чином штабс-капитана – в 1846 г. Являлся депутатом от Дигорского общества во время путешествия государя императора по Кавказу в 1837 г. По кавалерии не состоит. Усерден, ведет себя безукоризненно и правительству предан» [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 417: 76 об.–77].

И. Каражаев был назначен приставом Дигорских народов [Скитский 1972: 47]. Являлся депутатом в «Комитете, учрежденном для разбора личных и поземельных прав жителей Военно-Осетинского округа».

Исламом Каражаевым, в числе депутатов от Дигорского общества Осетии и Балкарских обществ, в первой половине XIX в. было подписано прошение российскому императору, с просьбой «оставить их при желаемом ими вероисповедании; дозволить им беспрепятственно пользоваться теми землями, коими до того времени пользовались; дозволить им производить разбирательство дел по древним обычаям; оставить родовые преимущества и звания тем, которые таковыми с незапамятных времен пользовались; повелеть возвратить к своему семейству балкарца Алибека Абаева, отданного 8 лет назад в солдаты» [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 17: 264].

Согласно «Семейному списку дигорским народам с означением в каком ауле кто заведует и сколько в какой деревне старшин, число дворов с различением могущих семейств и немогущих и названия деревням и какой аул за чьим аманатом состоит» за 12 июня 1847 г., в деревне штабс-капитана Ислама Каражаева, состоящими за ним значилось тридцать пять семей, в том числе старшины: Ислам Каражаев и Барасбий Майрамсаов (Найфонов – И.М.) [Мамхегов 2009: 61]. 21 марта 1849 г. в числе выборных от дигорских баделят майор И. Каражаев давал объяснения Комиссии, учрежденной для разбора прав дигорских старшин с простым народом [Скитский 1972: 57].

В 1850 г. в числе дигорских чиновников и старшин капитан Каражаев, получивший чин по милиции, был представлен Цесаревичу Александру Николаевичу (будущему императору Александру II), посетившему Кавказскую линию, в том числе и крепость Владикавказ. Это явствует из «Списка Дигорским чиновникам и старшинам, которые имеют быть представлены на встречу Его Высочеству Наследнику Александру Николаевичу», поданного 6 августа 1850 г. приставом Дигорских народов князем Амiredжиби в Управление центра Кавказской линии [УЦГА АС КБР. Ф. 16. Оп. 2. Д. 124: 5].

16 февраля 1853 г. он был назначен вместо Аслан-Мурзы Туганова (который на тот момент был болен) в число медиаторов по делу между фамилиями Кундуховой, Дударовой и Казбековой. 15 июня 1853 г. начальника Владикавказского военного округа генерал-майор барон Вревский обратился к начальнику Центра Кавказской Линии генерал-майору Грамотину: «В последствие отношений моих от № 16 февраля сего года, № 148 и 191, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство приказать выкомандировать во вверенное мне управление к 27 числу сего месяца назначенных медиаторов вверенного Вам управления: майора Иналука Кубатиева и капитана Ислама Каражаева, по делу между фамилиями Кундуховой, Дударовой и Казбековой, по поводу взятого Кундуховым калыма с остальных двух фамилий. О последующем не оставьте меня уведомить» [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 1365: 22, 173–174].

24 мая 1857 г. майор Ислам Каражаев обратился с докладной запиской к командующему войсками Левого крыла Кавказской линии генерал-лейтенанту Евдокимову о необходимости материального вознаграждения за конфискованные у него 3760 десятин земли, в которой говорилось: «С давнего времени предки мои, и я пользовался землею 3760 десятин, находящихся в Дигории. В 1855 г. по распоряжению высшего начальства таковая от меня отбрана в казну, на которой ныне поселен Вольно-Магометанский аул без всякого меня за землю вознаграждения, в действительности же оно, что земля мне принадлежала, могут быть свидетелями бадилат Бекмурза Кубатиев, штабс-ротмистр Бахта Кубатиев и бадилат Камбулат Кабанов, которые с дозволения моего помещались с подвластными своими на выше означенной земле с уплатою мне ежегодной подати. Вследствие чего прибегая под милостивое покровительство Вашего Превосходительства всепокорнейшее прошу не оставить ходатайствовать у высшего начальства о вознаграждении меня денежным вспомоществованием за отобранная у меня 3760 десятин земли. На что и буду ожидать милостивой резолюции Вашего Превосходительства» [ЦГА РСО–Алания. Ф. 254. Оп. 1. Д. 5: 7–7 об.].

В числе двенадцати представителей дигорских баделят им подписан акт за № 389 от 18 декабря 1857 г., свидетельствующий о том, что «Тагаурского племени фамилии Кануковы, Тхостовы, Туганаевы, Шанаевы, Мамсуровы и Алда-товы считались всегда в прежнее время алдарами, что готовы подтвердить присягою». Этот документ, был подписан и утвержден приложением печати исправляющим должность Дигорского, Балкарского и других горских народов пристава штабс-капитана Масловского и направлен в Комитет, учрежденный для разбора личных и поземельных прав туземных жителей Левого Крыла Кавказской Линии [ЦГА РСО–Алания. Ф. 254. Оп. 1. Д. 6: 11–12 об.].

Его имя фигурирует в докладе православного духовенства, обеспокоенного автономистическими стремлениями осетинской знати, Главнокомандующему Кавказской армией, где о нем сказано: «Бывший пристав дигорский майор Караджаев в присутствии жителей 3-х аулов: Дунта, Галиат и Камунта во время прихода той же горной партии сказал, что русским туда не следует заходить» [Скитский 1972: 27–28].

Подал в «Комитет для разбора личных и поземельных прав горцев Военно-Осетинского округа» родословную своей ветви. В 1859 г. Комитет признал привилегированное происхождение майора И. Каражаева [ЦГА РСО–Алания. Ф. 291. Оп. 1. Д. 11: 80–81]. Вместе с сыновьями майор Ислам Каражаев значится в «Списке семействам Дигорских Бадила-т и Царгасат, призанных в Алдарском достоинстве по разбору Комитета и народного удостоверения как Депутатов от всех классов Дигорского общества, так и по показаниям соседних племен» за 1859 г. При этом депутаты, избранные от Дигорского общества, показали: «Что в Списке сем значатся действительно те только фамилии, с их детьми, которые при разборе родословных росписей признаны нами, как по потомственному происхождению, так равно и по поведению и уважению их в обществе, вполне достойными в том. Вместо своеручных подписей, за неграмотством нашим, прилагаем именные печати или же, за неимением оных, свои перстные знаки:

Бадила-ты: подполковник Иналук Кубатиев */печать/*, майор Ислам Каражаев */печать/*, капитан Аслан-Гирей Туганов */печать/*, капитан Абисал Абисалов */печать/*, подпоручик Мимбулат Кубатиев */печать/*.

Царгасаты: подпоручик Цопан Карабугаев */печать/*, уздень Батырби Кантемиров */перстный знак/*, Марзакул Таймазов */перстный знак/*, старшина Джамбулат Карабугаев */перстный знак/*.

Гагуаты: прапорщик Соза Кобегкаев */перстный знак/*, Хамурза Кабанов */перстный знак/* и др.

При разборе родословных и при подписи Депутатов присутствовали:

председатель Комитета полковник Кундухов */подпись/*, помощник Председателя майор Карякин */подпись/*, член Комитета поручик Корнеев */подпись/*, письмоводитель дел Комитета подпоручик Михайловский */подпись/* [ЦГА РСО–Алания. Ф. 291. Оп. 1. Д. 10: 25–29 об.].

6 февраля 1860 г. в составе депутации от Дигорского общества в Комитете Военно-Осетинского округа, учрежденного для разбора личных и поземельных прав туземцев, давал объяснения «относительно фамилии алдар Дударовых и

права их на владение Редантскою землею». Присяжные давали показания относительно владения Дударовыми земель в Ларсе, Чми, Балте и Реданте. Они отвечали, что им не известно, на каком основании Дударовы владеют этими землями, и кому эти земли принадлежали прежде. Но утвердительно заявили, что «и сами лично и понаслышке от наших предков» знают, что «Дударовы заняли эти земли еще далеко до прихода сюда Русских». К документу приложили свои именные печати или перстные знаки от баделят: подполковник И. Кубатиев, майор И. Каражаев, капитаны: А.-Г. Туганов и А. Абисалов, подпоручик М. Кубатиев; от царгасат: подпоручик Ц. Карабугаев и М. Таймазов; от черного народу: Д. Дзираев; христианин: З. Цоков; от гагуат: Х. Кабанов. Переводчик поручик Исса Мальсагов, который по неграмотству вместо подписи приложил свою именную печать /печать/. С подлинным верно. Делопроизводитель Панков /подпись/ [ЦГА РСО–Алания. Ф. 224. Оп. 1. Д. 42: 12 об.–13].

В «Списке членам бадилатских, царгасатских и гагуатских фамилий Дигорского общества» от 28 июня 1860 г, сказано, что майор Ислам Каражаев и его сыновья «по происхождению и поведению признаны со стороны депутатов от народа достойными» [ЦГА РСО–Алания. Ф. 291. Оп. 1. Д. 30: 18–27 об.]. Упоминается он и в «Списке штаб, обер-офицеров и юнкеров Военно-Осетинского округа» от 27 сентября 1860 г. [ЦГА РСО–Алания. Ф. 291. Оп. 1. Д. 30: 54–66.].

Имя Ислама Каражаева значится в «Определении Народного суда Владикавказского округа по претензии Тагаурских Алдар подпоручика Эльжаруко Хаджи и Алмахсита Дударовых на неправильное завещание родным братом отца /ныне умершим/ Наурузом Дударовым всего своего имущества второй жене своей Бердикон и кавдасардам Урицу и Бицыко», состоявшемся в 27 день ноября 1861 года. Обстоятельство, изложенное в предписании г. Командующего войсками Терской области к начальнику округа от 7 июля того года за № 1547 передано на обсуждение Народному суду. Имел ли право умерший Науруз Дударов располагать своим достоянием по завещанию или нет. Народный суд, рассматривая это дело и принимая в соображение, что отец настоящих претендентов брат умершего Науруза, Мамсыр Дударов, также умерший, более 40 лет жил совершенно отдельно от брата своего, сыновья которого, Эльжаруко Хаджи и Алмахсит Дударовы, наследовали имение отца своего и жили также отдельно и независимо от Науруза. И когда сей последний в 1849 году делал завещание имения второй жене своей Бердикон и кавдасардам братьям ее, Урицу и Бицко, то племянники его об этом не могли не знать, так как завещание делал при многих свидетелях, но претензии своей не объявляли, чувствуя, что Науруз Дударов вправе был располагать имением по своему усмотрению, но настоящую претензию объявили уже после смерти Науруза Дударова, а потому, сообразно всего вышеизложенного и народным обычаям, суд находит, что умерший Науруз Дударов всегда был вправе располагать своим достоянием по завещанию и что претензия племянников его, поручика Эльжаруко Хаджи и Алмахсита Дударовых, несправедлива. Депутаты: юнкер Петр Хетагуров /печать/, юнкер Дудар Доцоев /печать/, юнкер Альты Мальсагов /печать/, прапорщик Бадек Гусов /печать/, подпоручик Беслан Тулатов /печать/, капитан Гака Кусов

/печать/, майор Жукаев /подпись/, майор Ислам Каражаев /печать/. Председатель суда полковник /подпись/ [ЦГА РСО–Алания. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1685: 9–10].

В «Имянном списке туземцам мужескаго пола Осетинскаго округа, составленном Комиссиею по определению прав личных и поземельных того округа» от 30 июля 1863 г. в ауле Караджаев Дигорского общества указан подполковник Ислам Караджаев с сыновьями: корнетом Кильчуком, Бясланом, Асланбеком, Кубати, Аслангиреем и Адильгиреем [ГИАГ. Ф. 254. Оп. 2. Д. 343: 86 об.].

Избран доверенным от Дигорского общества Северной Осетии для подписания «Приговора осетинского народа», который 12 апреля 1864 г., был составлен начальником Военно-Осетинского округа, полковником М. Кундуховым [Приговор... 2011: 25]. Согласно «Списку землевладельцев Терской области» по Владикавказскому округу за 1904 г. за наследниками умершего подполковника Ислама Каражаева значилось 1028 десятин земли [ЦГА РСО–Алания. Ф. 11. Оп. 52. Д. 762: 60 об.]. Первой его женой была Гошемайхо Касаевна Кубатиева, второй – Минат Казиевна Туганова.

Калищук Исламович Каражаев (род. в 1836 г.), штабс-ротмистр Русской императорской армии, службу начал в Кабардинском пехотном полку. 4 февраля 1850 г. начал в службу в Лейб-гвардии Кавказско-Горском полуэскадронн оруженосцем. В звании юнкера с 12 декабря 1852 г. [Кармов, Айдаболова 2002: 47].

В числе двенадцати представителей дигорских баделят им подписан акт за № 389 от 18 декабря 1857 г., свидетельствующий о том, что «Тагаурского племени фамилии Кануковы, Тхостовы, Туганаевы, Шанаевы, Мамсуровы и Алдаевы считались всегда в прежнее время алдарами, что готовы подтвердить присягою». Этот документ, был подписан и утвержден приложением печати исправляющим должность Дигорского, Балкарского и других горских народов пристава штабс-капитана Масловского и направлен в «Комитет, учрежденный для разбора личных и поземельных прав туземных жителей Левого Крыла Кавказской Линии» [ЦГА РСО–Алания. Ф. 254. Оп. 1. Д. 6: 11–12 об.]. За выслугу лет 11 марта 1854 г. произведен в корнеты с состоянием по кавалерии. В «Списке штаб, обер-офицеров и юнкеров Военно-Осетинского округа» от 27 сентября 1860 г. значится в чине подпоручика [ЦГА РСО–Алания. Ф. 291. Оп. 1. Д. 30: 54–66]. По распоряжению начальства 1 мая 1861 г. прикомандирован к Терскому Конно-Иррегулярному полку. Согласно «Списку гг. штаб и обер офицерам Чеченского и Владикавказского округов, командируемым для несения службы в Чеченский и Осетинский дивизионы Конно-Иррегулярного полка» за 1861 г. корнет Калищук Каражаев являлся субалтерн-офицером Осетинского дивизиона [ЦГА РСО–Алания. Ф. 53. Оп. 1. Д. 460: 119 об.]. 15 июля 1863 г. за отличие против горцев в зимней экспедиции 1861 г. награжден орденом Св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость» [НА СОИГСИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 276. Тетр. 8: 83–84]. В «Посемейном списке Дигорского участка» за 1864 г., в ауле Каражаева значится К. Каражаев, в собственности которого имелось четыре души женского пола кавдасардов, а также три души холопов [ЦГА РСО–Алания. Ф. 262. Оп. 1. Д. 77: 143 об.]. Чин поручика получил 24 февраля 1866 г. [ЦГА РСО–Алания. Ф. 262. Оп. 1. Д. 23: 293]. Согласно «Списку кумиакам и кумиачкам Дигорского общества Осетинского округа с обозначением имен и

фамилий их владельцев» за 1867 г. в ауле Каражаева у Калицука Каражаева значились: кумиачка Хани, 30 лет, дочери ее: Хаиркыз, 17 лет, Ельмуслан, 16 лет. Кумиачка Фатума, 20 лет. [ЦГА РСО–Алания. Ф. 12. Оп. 6. Д. 189: 4]. В «Ведомости о численности лошадей табунного коневодства в Осетинском округе» за апрель 1870 г. значится и поручик Калицук Каражаев. Указано, что в его табуне насчитывалось 20 голов, зимовавших на собственной земле Каражаевых [ЦГА РСО–Алания. Ф. 12. Оп. 6. Д. 925: 41 об.]. По сведениям 1899 г. ему принадлежала лесная поляна Ачити-ардоза, расположенная недалеко от селения Магометановского, а также 1000 дес. своей земли [Материалы... 1950: 52]. Был женат на Госамайхо Дударовой (род. в 1830 г.), дочери подпоручика Тау-Султана Дударова [ЦГА РСО–Алания. Ф. 54. Оп. 10. Д. 189: 91].

Фердауз Исламовна Каражаева (род. в 1855 г.), была замужем за балкарским таубием Хан-Гиреем Джумай-Хаджиевичем Келеметовым, участником Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., служившего в рядах Кабардино-Кумыкского иррегулярного полка. Ее единственный сын Исмаил окончил Горскую школу в г. Нальчике. В августе 1914 г. он стал всадником Кабардинского Конного полка, в составе которого ушел на фронт Первой мировой войны. 2-го июля 1915 г. в бою у деревни Шупарки, в Приднестровье, командир взвода 4-й сотни прапорщик И.Х. Келеметов погиб. Ему было 29 лет. Командованием Кабардинского конного полка и полковым муллой Алиханом Шогеновым тело убитого И. Келеметова было отправлено для погребения на родину в сопровождении офицера и двух всадников. В письме к матери И. Келеметова – Фердауз, исполнявший обязанности командующего Кабардинского полка подполковник Г.А. Бертрэн писал: «Госпоже Келеметовой. Сын Ваш, прапорщик вверенного мне полка, Измаил Келеметов, находясь в рядах 4-й сотни, в бою у деревни Шупарки 2 июля сего года пал смертью храбрых, сраженный дерзким врагом. Память о дорогом товарище прапорщике Келеметове никогда не умрет в полковой семье. Честь Вам за то, что Вы сумели воспитать горячо преданного царю и Родине сына». Потеряв единственного сына и оставшись совсем одинокой, Фердауз Исламовна решила покинуть Балкарию и вернуться в Осетию. Прапорщик Русской Императорской армии балкарский таубий И.Х. Келеметов был похоронен на осетинской земле в с. Каражаево (ныне с. Хазнидон). По приказу временно командующего полком полковника Бековича-Черкасского, награды погибшего офицера – Георгиевский крест III ст., орден Св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость» и темляк были вручены матери Фердауз Исламовне Каражаевой [Опрышко 1999: 164–165].

Биаслан Исламович Каражаев (род. в 1838 г.), первой его женой была Дзыхи Куцукова, второй – Делетказ Хазбиевна Кубатиева. В 1888 г. выступил свидетелем по делу о краже лошадей у чегемца Кайсына Мамашева жителем с. Магометановского 3-го участка Владикавказского округа Хаджи-Мурзой Макоевым. Вместе с ним в деле участвовали его племянник Кубади Абисалов, Магомет-Мурза Айдаболов и Таукан Балкаруков [УЦГА АС КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1679: 12].

Хуза Исламовна Каражаева, была замужем за Уважуко Кургоковичем Дударовым (род. в 1839 г.). Дети: Дженардыко (род. в 1872 г.), Кызмыда (род. в 1875 г.), Ахмет (род. в 1882 г.).

Дана Исламовна Каражаева, была замужем за Хаджи-Муссой Хадохчиновичем Кубатиевым. Дети: Хаджи-Умар (род. в 1856 г.), Касполат (род. в 1858 г.), Паца и Хан-Гирей.

Гуасахуз Исламовна Каражаева (род. в 1840 г.), была замужем за Измаилом Анзоровичем Комеховым (род. в 1828 г.). Дети: Нагьо (род. в 1855 г.), Биаслан (род. в 1861 г.), Али-Мурза (род. в 1866 г.), Амирхан (род. в 1878 г.).

Асланбек Исламович Каражаев (род. в 1844 г.), в «Именном списке воспитанников Кабардинской школы» от 30 апреля 1851 г. значится Дигорского племени Аслан-Бек Каражаев, 8 лет [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 1152: 14–14 об.]. С разрешения инспектора Кабардинской школы поручика Масловского от 6 сентября 1851 г. воспитанник Аслан-Бек Каражаев был отпущен на каникулярное время в домовый отпуск в аул Каражаева [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 1152: 41–41 об.].

В «Списке юнкерам, урядникам и всадникам, назначенным на службу в дивизион Терского Конно-Иррегулярного полка» за 1861 г. указан всадник 1-й сотни Осетинского дивизиона Асланбек Исламович Каражаев [ЦГА РСО–Алания. Ф. 53. Оп. 1. Д. 432: 77]. В «Посемейном списке Дигорского участка» 1864 года есть запись о проживающем в ауле Каражаева А.И. Каражаеве, имеющего кавдасардов одну душу мужского пола и три души женского, а также 10 душ холопов [ЦГА РСО–Алания. Ф. 262. Оп. 1. Д. 77: 143 об.]. Согласно «Списку кумиакам и кумиачкам Дигорского общества Осетинского округа с обозначением имен и фамилий их владельцев» за 1867 г. в ауле Каражаева у Асланбека Каражаева значились: кумиачка Дзахирет, 30 лет, сын ее Майрам, 3 лет, дочь Госохо, 5 лет; кумиачка Бале, 12 лет [ЦГА РСО–Алания. Ф. 12. Оп. 6. Д. 189: 4]. В «Ведомости о численности лошадей табунного коневодства в Осетинском округе» за апрель 1870 г. значится и Асланбек Каражаев. Указано, что в его табуне насчитывалось 60 голов, зимовавших на собственной земле Каражаевых [ЦГА РСО–Алания. Ф. 12. Оп. 6. Д. 925: 41 об.]. В первом браке состоял с дочерью дигорского баделята Абисалова, во втором – с Госакыз Тау-Султановной Дударовой. От первого брака сын Хан-Гирей.

Кубади Исламович Каражаев (род. в 1848 г.), по обычаю аталычества до 14 лет воспитывался в Кабарде, благодаря чему в совершенстве владел кабардинским языком. Сам же являлся аталыком малокабардинского узденя Хаджи-Магомета Белгорокова [УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1735: 3]. Согласно данным «Списка землевладельцев Владикавказского округа за 1909–1910 гг.» владел 228 дес. земли [ЦГА РСО–Алания. Ф. 24. Оп.1. Д. 242: 7]. В первом браке был женат на Аминат Ильясовне Дударовой, во втором – на Меретхан Мажиевне Карабугаевой.

Адиль-Гирей Исламович Каражаев (род. в 1852 г.), был расстрелян большевиками в 1918 г.

Диссагет (Хуре) Исламовна Каражаева (ум. 2 сентября 1875 г.), была замужем за хорунжием Горского-Моздокского конного полка ТКВ Асланбеком Дударовичем Мистуловым (род. в 1842 г.). Дети: Эльмурза (род. в 1869 г., генерал-майор), Аслан-Мурза и Кошерхан. Похоронена на кладбище в ст. Чернойрской.

Аслан-Гирей Исламович Каражаев (род. в 1856 г.), воспитывался у аталыков Абаевых. Состоял советником в штабах добровольческих отрядов Заурбека Даутокова-Серебрякова и Мудара Анзорова [НА СОИГСИ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 21: 10]. В первом браке состоял с Каллой Мажиевной Карабугаевой, во втором – с Крым-Хан Мурзабековной Чегемовой. В 1918 г. был расстрелян большевиками.

Фаризат Исламовна Каражаева, вышла замуж за Ильяса Темир-Болатовича Кубатиева (род. в 1850 г.). Дети: Омар (род. в 1894 г.), Паше (род. в 1894 г.), Темир-Болат (род. в 1896 г.), Хамида (род. в 1897 г.), Алихан (род. в 1899 г.), Рахимат (род. в 1904 г.). В 1920 г. эмигрировала с детьми в Турцию.

Ажа Исламовна Каражаева, была выдана замуж в Балкарию за Тогу Ахшыкуловича Аликаева. Дети: Айшат, Аминат, Ибрагим, Догатбий, Тахир и Рамазан.

Ислам (Габули) Калицукович Каражаев (род. в 1878 г.), первым браком был женат на N Кубатиевой (дочь Хадизат), во втором браке состоял с Фатимат Сосланбековной Кубатиевой (сын Шамиль).

Хамисат Калицуковна Каражаева (род. в 1880 г.), была замужем за кабардинским знатным узденем поручиком Пшимахо Исмаиловичем Анзоровым (род. в 1870 г.). Дети: Алихан (род. в 1896 г.), Фатимат (род. в 1908 г.), Фаризат (род. в 1912 г.). П.И. Анзоров участвовал в Первой мировой войне в составе 18-го драгунского Северского короля Датского Христиана IX полка. Награжден медалью «За храбрость» IV ст., Георгиевскими крестами I, II, III и IV ст., став полным Георгиевским кавалером. Служил в Кабардинском конном полку Кавказского конного корпуса. В Гражданскую войну произведен в поручики 1-го Кабардинского конного полка Кабардинской конной дивизии. С 1920 г. в эмиграции [Казаков 2006: 4–44]. Согласно списку недвижимых имуществ г. Владикавказ за 1910 г., Хамисат Анзорова имела дом стоимостью 15 тыс. руб. [ЦГА РСО–Алания. Ф. 224. Оп. 1. Д. 280: 39].

Куцук Калицукович Каражаев (род. в 1881 г.), состоял в браке с Дзебо Денгизовной Кантемировой (род. в 1886 г.).

Губата Биаслановна Каражаева, состояла в браке с Сафаром Хадохчикоевичем Карабугаевым. Брак был бездетным. Воспитала двоих сыновей мужа, Салахатдина и Мурата, от первого его брака с Кошерхан Наршаовной Шанаевой.

Готти Биаслановна Каражаева, состояла в браке с Казбеком Бицкоевичем Арбиевым (род. в 1869 г.). Дети: Камал, Ципа (род. в 1927 г.), Гамет (род. в 1932 г.).

Бек-Мурза Биасланович Каражаев (род. в 1866 г. – ум. в 1930 г.), был женат на дочери дигорского баделята Абисалова.

Шамиль (Атцын) Биасланович Каражаев, прапорщик милиции с 5 августа 1878 г. (приказ по Округу № 44971). Высочайшим приказом от 1 октября 1879 г. утвержден в чине. В годы гражданской войны эмигрировал в Европу [НА СОИГСИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 277. Тетр. 21: 14].

Залина Биаслановна Каражаева, была похищена Ельмарзой Баскаевым из аула Ксурт. Фамилии помирились, был определен размер калыма. Но вскоре Залина, не выдержав суровых условий жизни в горах, умерла. Похоронена в с. Хазнидон. История похищения ее Баскаевым описана в книге В.П. Баскаева «Дорога, мощенная слезами» [Баскаев 2012: 153].

Хан-Гирей Асланбекович Каражаев (род. в 1865 г.), был женат на Паца Татархановне Жантиевой.

Шахбика Асланбековна Каражаева (род. в 1870 г.), была замужем за известным деятелем осетинской культуры второй половины XIX в., этнографом, кавказоведом, адвокатом Джантемиром Текаевичем Шанаевым (род. в 1851 г. – ум. в 1928 г.). Дочь Аза.

Магомет Асланбекович Каражаев (род. в 1871 г.), был женат на Муслимат Кубадиевне Дзайнуковой-Кубатиевой (род. в 1875 г.). Тройкой при ОГПУ СКК 28 апреля 1930 г. уроженец с. Хазнидон М.А. Каражаев был приговорен к расстрелу [Книга памяти... 1999: 141].

Амурхан Асланбекович Каражаев (род. в 1879 г. – ум. в 1957 г.), был женат на Духури Бекировне Таймазовой (род. в 1888 г. – ум. в 1980 г.).

Хаджи-Мурат Асланбекович Каражаев (род. в 1881 г.), высшее образование получил в Санкт-Петербурге. Состоял в браке с Залдузхан Иналуковной Текаевой-Карабугаевой (род. в 1886 г. – ум. в 1956 г.). Брак был бездетным.

Даухан Асланбековна Каражаева (род. в 1883 г.), не была замужем.

Дыхури Кубадиевна Каражаева (род. в 1872 г.), состояла в браке с Дженардыко Тотразовичем Шанаевым (род. в 1864 г.).

Батырбек Кубадиевич Каражаев (род. в 1874 г. – ум. в 1921 г.), с его именем связана печальная история: ему засватали дочь кабардинского дворянина Хаджи-Мурзы Кожокова – Хадизат. Уже был уплачен калым, и когда до свадьбы осталась одна неделя, засватанную невесту украл Асланбек Бегаевич Корнаев. На такое кровное оскорбление Кожоковы ответили по обычаю – убили своего обидчика! Но девушку Корнаевы не отдали, а выдали ее за старшего брата Асланбека – Алихана, которого заставили вернуться из Франции, где у того уже была жена и двое дочерей. Батырбек Каражаев так и не женился [НА СОИГСИ. Ф. 33. Оп. 1. Д. 273 «а»: 111]. Стал жертвой террора на Тереке, устроенного советской властью – Владикавказским революционным трибуналом приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение в 1921 г.

Гошелла Кубадиевна Каражаева (род. в 1876 г.), была замужем за Тазретом Иналуковичем Кабановым (род. в 1882 г.). Дети: Мурат (род. в 1908 г.), Бдишка (род. в 1910 г.), Даухан (род. в 1913 г.), Бекирби (род. в 1921 г.),

Калла Кубадиевна Каражаева (род. в 1878 г.), была замужем за Мурзакулом Цопановичем Карабугаевым (род. в 1865 г.). Дети: Сафар, Даухан, Эльберд, Энвер, Тамара (род. в 1896 г.).

Куку Кубадиевна Каражаева (род. в 1888 г.), была замужем за Бесланом Мурзабековичем Кубатиевым (род. в 1881 г.). Дети: Хаджи-Мурат и Джамболат.

Айшат Кубадиевна Каражаева (род. в 1890 г.), была замужем за Умаром Гацаловым. Брак был бездетным.

Шамкыз Кубадиевна Каражаева (род. в 1893 г.), была замужем за Кайсыном Сабаз-Гиреевичем Таказовым (род. в 1885 г.). Дети: Казбек, Эльбрус, Рая, Тамара, Фуза, Роза.

Крым Кубадиевич Каражаев (род. в 1898 г.), не был женат.

Сафар Кубадиевич Каражаев (род. в 1900 г.), не был женат.

Ганчи Кубадиевна Каражаева (род. в 1902 г.), была замужем за Умарбеком Кабалоевым.

Умар Кубадиевич Каражаев (род. в 1904 г.), был женат на Абидат Дедикиевне Адаевой (род. в 1905 г.).

Тита Аслан-Гиреевна Каражаева (род. в 1889 г.), была замужем за Сафаром Мурзабековичем Кубатиевым (род. в 1882 г.). Дети: Магомет (род. в 1927 г.), Эмма (род. в 1934 г.), Тазрет (род. в 1929 г.). Умерла Т.А. Каражаева в 1977 г. и похоронена в г. Пятигорск.

Мусса Аслан-Гиреевич Каражаев (род. в 1906 г.).

Фатимат Аслан-Гиреевна Каражаева, была замужем за Темболатом Муссаевичем Кабалоевым. В 1928 г. его лишили избирательных прав, как женатого на дворянке [УЦГА АС КБР. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 18: 100].

Магомет Аслан-Гиреевич Каражаев (род. в 1904 г.), состоял в браке с Фатимой Базукоевной Карсановой.

Бурнац Аслан-Гиреевич Каражаев (погиб в 1919 г.), прапорщик, служил во втором эскадроне Первого Осетинского полка [НА СОИГСИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 277. Тетр. 21: 9]. Окончил Владикавказский кадетский корпус. Во время гражданской войны был зверски убит большевиками при набеге на «штаб белых» в с. Магометановском, где производили мобилизацию молодежи в добровольческую армию [Temirbolat Kubat 2005: 72].

Залихан (Гигка) Аслан-Гиреевна Каражаева (род. в 1914 г.), состояла в браке с Азамат-Гиреем Аслан-Мурзаевичем Тулатовым (род. в 1896 г.). Дочери: Елизавета (род. в 1937 г.) и Аза (род. в 1939 г.).

Обратившись к надписям на мавзолеях Каражаевых, исследованных Л.И. Лавровым, удалось определить место в родословном древе двух погребенных. Это Ахмед-хан Сафар-Алиевич Каражаев и брат его отца Мухаммед Кургокович. Приведенные Л.И. Лавровым эпитафии являются памятником мусульманской культуры и свидетельствуют о распространении ислама в этой части Осетии в XVIII в., а также о наличии письменности среди осетин на арабском и турецком языках [Алборов 2005: 107–112].

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о тесных этнокультурных связях Каражаевых с соседними кавказскими народами. Анализ архивных документов и опубликованных источников демонстрирует высокий социальный и социальный статус фамилии Каражаевых, а также их вклад в развитие социально-политических и культурных связей народов Кавказа и России, являющимся мощным позитивным потенциалом для стабилизации добрососедских отношений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Temirbolat Kubat 2005 – *Temirbolat Kubat*. Muhacirin hicrandir ömrünün yarisi. Ankara, Kafdav, 2005. – 367 с. (на турецком языке).

Алборов 2005 – *Алборов Б.А.* Некоторые вопросы осетинской филологии. – Владикавказ: ИПШ им. В.А. Гассиева, 2005. – 412 с.

Архив ИГИ КБНЦ РАН – Архив института гуманитарных исследований – филиала Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук.

Баскаев 2012 – *Баскаев В.П.* Дорога, мощенная слезами. – Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В.А. Гассиева, 2012. – 197 с.

ГИАГ – Государственный исторический архив Грузии.

Известия СОНИИ – *Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института*. Т. 6. – Орджоникидзе, 1934. – 345 с.

Казаков 2006 – *Казаков А.В.* Адыги (черкесы) на российской военной службе. Воеводы и офицеры. Середина XVI – начало XX в. – Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., Эль-Фа, 2006. – 405 с.

Кармов, Айдаболова 2002 – *Кармов Р.К., Айдаболова М.И.* Лейб-гвардии Кавказско-горский полуэскадрон. Страницы истории. – Прохладный: б/и, 2002. – 77 с.

Книга памяти... 1999 – Книга памяти жертв политических репрессий РСО-Алания. Т. I. – Владикавказ: РИПП им. В.А. Гассиева, 1999. – 384 с.

Лавров 1962 – *Лавров Л.И.* Хазнидонские надписи // Известия СОНИИ. Т. XXIII. Выпуск I (Языкознание). – Орджоникидзе, 1962. – С. 107–112.

Лавров 1968 – *Лавров Л.И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа. XVIII–XX вв. – Ч. 2. – М.: Наука, 1968. – 242 с.

Мамхегов 2009 – *Мамхегов А.Б.* Первая перепись Дигорского народа. Живущие на плоскости // Архивы и общество. – № 9. – 2009. – С. 57–60.

Материалы... 1950 – Материалы по истории Осетии: Сборник документов, относящихся к периоду от 1868 до 1904 г. – Дзауджикау: б/и: 1950. – Т. III. – 349 с.

НА СОИГСИ – *Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований*. Ф. Фольклор. Оп. 1. Д. 665.

Опрышко 1999 – *Опрышко О.Л.* Кавказская конная дивизия. 1914–1917. Возвращение из забвения... – Нальчик: Эльбрус, 1999. – 465 с.

Песни народов... 1976 – Песни народов Северного Кавказа. – Ленинград: Советский писатель, 1976. – 560 с.

Приговор... 2011 – Приговор осетинского народа. Владикавказ: ИП им. В. Гассиева, 2011. – 25 с.

Скитский 1972 – *Скитский Б.В.* Очерки истории горских народов. – Орджоникидзе: б/и, 1972. – 379 с.

УЦГА АС КБР – Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики.

ЦГА РСО-Алания – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания.

REFERENCES

TEMIRBOLAT KUBAT. *Muhacirin hicrandir ömrünün yarisi* [Half of the hijrandir life of the muhajir]. – Ankara, Kafdav, 2005. – 367 p. (in Turkish).

ALBOROV B.A. *Nekotorye voprosy osetinskoj filologii* [Some questions of Ossetian philology]. – Vladikavkaz: IPP im. V.A. Gassieva, 2005. – 412 p. (In Russ.).

Arkhiv instituta gumanitarnykh issledovaniy – filiala Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra Rossijskoj akademii nauk [Archive of the Institute of Humanitarian Studies, a branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.]. (In Russ.).

BASKAEV V.P. *Doroga, moshchennaya slezami* [A road paved with tears]. – Vladikavkaz: Izdatel'sko-poligraficheskoe predpriyatie im. V.A. Gassieva, 2012. – 197 p. (In Russ.).

Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Gruzii [The State Historical Archive of Georgia]. (In Russ.).

Izvestiya Severo-Osetinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta [Proceedings of the North Ossetian Scientific Research Institute]. Т. 6. – Ordzhonikidze, 1934. – 345 p. (In Russ.).

KAZAKOV A.V. *Adygi (cherkesy) na rossijskoj voennoj sluzhbe. Voevody i ofitsery. Seredina XVI – nachalo XX v* [Adygs (Circassians) in the Russian military service. Commanders and officers. The middle of the XVI – the beginning of the XX century.]. – Nal'chik: Republikanskii poligrafkombinat im. Revo-lyutsii 1905 g., El'-Fa, 2006. – 405 p. (In Russ.).

KARMOV R.K., AIDABOLOVA M.I. *Leib-gvardii Kavkazsko-gorskii polueskadron. Stranitsy istorii* [The Caucasian Mountain half-squadron of the Life Guards. Pages of history]. – Prokhladnyi: b/i, 2002. – 77 p. (In Russ.).

Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressii RSO-Alaniya [The Book of memory of the victims of political repression of the Republic of North Ossetia-Alania]. T. I. – Vladikavkaz: RIPP im. V.A. Gassieva, 1999. – 384 p. (In Russ.).

LAVROV L.I. *Khaznidonskie nadpisi* [The Khaznidonian inscriptions]. In: Izvestiya SONII. T. XXIII. Vypusk I (Yazyko-znanie). – Ordzhonikidze, 1962. – P. 107–112. (In Russ.).

LAVROV L.I. *Epigraficheskie pamyatniki Severnogo Kavkaza. XVIII–XX vv.* [Epigraphic monuments of the North Caucasus. XVIII–XX centuries]. – Ch. 2. – M.: Nauka, 1968. – 242 p. (In Russ.).

MAMKHEGOV A.B. *Pervaya perepis' Digorskogo naroda. Zhivushchie na ploskosti* [The first census of the Digor people. Living on the plane]. In: Arkhivy i obshchestvo. – № 9. – 2009. – P. 57–60. (In Russ.).

Materialy po istorii Osetii: Sbornik dokumentov, odnosyashchikhsya k periodu ot 1868 do 1904 g. [Materials on the history of Ossetia: A collection of documents relating to the period from 1868 to 1904]. – Dzauzhikau: b/i: 1950. – T. III. – 349 p. (In Russ.).

Nauchnyi arkhiv Severo-Osetinskogo instituta gumanitarnykh i sotsial'nykh issle-dovaniy [Scientific Archive of the North Ossetian Institute of Humanities and Social Sciences]. (In Russ.).

OPRYSHKO O.L. *Kavkazskaya konnaya diviziya. 1914–1917. Vozvrashchenie iz zabveniya...* [The Caucasian Cavalry Division. 1914–1917. Return from oblivion...]. – Nal'chik: El'brus, 1999. – 465 p. (In Russ.).

Pesni narodov Severnogo Kavkaza [Songs of the peoples of the North Caucasus]. – Leningrad: Sovetskii pisatel', 1976. – 560 p. (In Russ.).

Prigovor osetinskogo Naroda [The verdict of the Ossetian people]. Vladikavkaz: IP im. V. Gassieva, 2011. – 25 p. (In Russ.).

SKITSKII B.V. *Ocherki istorii gorskikh narodov* [Essays on the history of the mountain peoples]. – Ordzhonikidze: b/i, 1972. – 379 p. (In Russ.).

Upravlenie Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki [Department of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkar Republic.]. (In Russ.).

Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Severnaya Osetiya – Alaniya [The Central State Archive of the Republic of North Ossetia – Alania]. (In Russ.).

Информация об авторе

И.-Б.Т. Марзоев – доктор исторических наук.

Information about the author

I.-B.T. Marzoev – doctor of Sciences (History).

Статья поступила в редакцию 02.11.2024 г.; одобрена после рецензирования 12.12.2024 г.; принята к публикации 27.12.2024 г.

The article was submitted 02.11.2024; approved after reviewing 12.12.2024; accepted for publication 27.12.2024.

Научная статья
УДК 17.022.1+39
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-254-266
EDN: ASWXSI

АБАЗИНЫ В XXI ВЕКЕ: ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕЛИГИОЗНЫХ ПРАКТИК

Макка Султан-Гиреевна Албогачиева

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия, albmac@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9746-1820>

Аннотация. В статье дается характеристика современных религиозных процессов и связанных с ними культурно-бытовых практик абазинского народа, который в своем духовном развитии прошел три этапа – языческий, христианский и мусульманский. Каждый период привнес в духовную культуру абазин свой культурный код, который на протяжении всего периода остается в обществе, и даже пришедшие на смену монотеистические религии не полностью смогли вытеснить его из жизни народа.

Изложение материала, характеризующего современные религиозные и бытовые практики, предваряет справка по истории традиционных верований и утверждения мировых религий среди абазин. Подобная информация позволяет оценить динамику соответствующих трансформаций и лучше понять современные процессы, происходящие в абазинском обществе, где в синкретической форме сосуществуют древние верования и мусульманские нормы. Все это, вместе взятое, вызывает напряжение в обществе, так как старшее поколение, привыкшее жить в этой парадигме, не готово соглашаться с новыми, ортодоксальными исламскими течениями, возникшими в последние десятилетия в абазинском обществе. Это противостояние постепенно приводит к разобщенности в обществе и медленно, но неуклонно продолжает процесс уничтожения национальных традиций, не соответствующих нормам ортодоксального ислама. Таковы неутешительные прогнозы, к которым приходит автор в результате проведенного исследования.

Ключевые слова: абазины, религия, ислам, язычество, христианство, традиции, общество.

Благодарности и финансирование: Статья подготовлена в рамках работы по проекту «Коренные малочисленные народы: обновление этничности» по Программе научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности, 2023–2025 гг. (рук. А.В. Головнёв).

Для цитирования: Албогачиева М.С.-Г. Абазины в XXI веке: этнографические аспекты религиозных практик // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 4. – С. 254-266. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-254-266. EDN: ASWXSI.

© Албогачиева М.С.-Г., 2024

Original article

**THE ABAZINS IN THE XXI CENTURY:
ETHNOGRAPHIC ASPECTS OF RELIGIOUS PRACTICES**

Makka S.-G. Albogachieva

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia, albmac@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9746-1820>

Abstract. The article describes modern religious processes and related cultural and everyday practices of the Abazin people, who in their spiritual development went through three stages - pagan, Christian and Muslim. Each period brought its own cultural code to the spiritual culture of the Abazin, which remains in society throughout the period, and even the monotheistic religions that replaced it were not completely able to oust it from the life of the people.

A reference to the history of traditional beliefs and statements of world religions among the Abazins preceded the presentation of the material characterizing modern religious and everyday practices

Such information allows us to assess the dynamics of the relevant transformations and better understand the modern processes taking place in Abazin society, where ancient beliefs and Muslim norms coexist in a syncretic form. All this, taken together, causes tension in society, since the older generation, accustomed to living in this paradigm, is not ready to agree with the new, orthodox Islamic movements that have arisen in recent decades in Abazin society. This confrontation gradually leads to disunity in society and slowly but steadily continues the destruction process of national traditions that do not correspond to the norms of orthodox Islam. These are the disappointing predictions that the author comes to as a result of the study.

Keywords: abazins, religion, Islam, paganism, Christianity, traditions, society.

Acknowledgements and funding: The article was prepared as part of the work on the project "Indigenous Minorities and financing: The article was prepared as part of the work on the project "Indigenous peoples: updating ethnicity" under the Program of scientific research related to the study of the ethnocultural diversity of Russian society and aimed at strengthening the all-Russian identity, 2023-2025. (A.V. Golovnev).

For citation: Albogachieva M.S.-G. The Abazins in the XXI century: ethnographic aspects of religious practices. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 4. – P. 254-266. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-254-266. EDN: ASWXSI.

© Albogachieva M.S.-G., 2024

Введение

Абазины (самоназвание: абаза, ашхаруа, ашхарцы, тапанта) – коренной малочисленный народ, проживающий в Карачаево-Черкесии, в Ставропольском крае, а также за рубежом – в Турции, Египте, Сирии, Иордании, Ливане, странах Европы и Америки [Албогачиева 2021а: 91]. По результатам переписи 2021 г., численность абазин на территории Российской Федерации составляет 41 793 человека [Головнёв и др. 2022: 10].

Абсолютное большинство абазин считает себя людьми верующими. По вероисповеданию абазины – мусульмане-сунниты ханафитского мазхаба. Однако некоторые языческие практики сохранились в быту абазин и в настоящее время. Это является следствием весьма позднего – в XVIII–XIX вв. – окончательного утверждения ислама среди основной части абазинского народа.

Абазины в своем духовном развитии прошли три религиозных этапа – языческий, христианский и мусульманский. Причем, как отмечено выше, неко-

торые языческие представления и практики отчасти сохраняют свою жизнеспособность и в настоящее время. Как справедливо отмечает Ф. Куначева, «современные верования являют собой причудливую смесь домонотеистических и монотеистических религиозных представлений, и связано это с рядом объективных факторов, таких как советская культура с ее атеистической идеологией, а также проживание в полиэтничной среде внесли свою специфику в процесс трансляции верований» [Куначева 2002: 28]. Безусловно, указанный период и условия проживания сыграли свою роль в этом вопросе, но многовековой период культа языческих богов не мог не оставить свой след в духовной культуре абазинского народа.

Для языческого периода было характерно наличие множества богов, которым абазины поклонялись в зависимости от их принадлежности в различные периоды жизни, возглавлял абазинский пантеон Анцва (или Анча-Анчва), вошедший в себя черты древних грозовых и охотничьих божеств, богини-матери (Анчва – буквально «мать»).

«В мифологии абазин Солнце и Луна – космогонические божества, созданные верховным абхазо-абазинским богом Анча (Анчва, буквально «мать»). В языке абазин, абхазов, как и у адыгов, сохранились клятвы – обращения к Солнцу и Луне как к божествам: «*ари зымару*» (клянусь этим Солнцем); «*ари зымзу*» (клянусь этой Луной); «*амара аныс*» (именем Солнца клянусь); «*амыз аныс*» (именем Луны клянусь)» [Кунижева 1989: 62].

В языческий период и флора, и фауна, и дни недели, и определенные числа, и разные цвета играли важную роль в жизни народа. Нужно отметить, что в народе до настоящего времени сохранились различные поверья и запреты анимистического, фетишистского и магического характера.

Значительную роль в формировании религиозных воззрений абазин сыграла и христианская религия. На территории их проживания в разные исторические периоды действовали и православные, и католические священники, распространявшие в этом регионе свое влияние.

«По византийским (VIII–X вв.) и грузинским (XI в.) источникам, первыми проповедниками христианства среди абазин были апостолы Андрей Первозванный и Симон Кананит. По преданию, крещение абазгов, армян, грузин и алан приписывают святому Григорию (начало IV в.). По свидетельствам же русских летописей, в последней четверти XI в. абазинские мастера-иконописцы принимали участие в росписи собора Киево-Печерской Лавры» [Экзекова 2022: 127].

В последующий период распространением христианской религии продолжили заниматься миссионеры из Грузии, России и даже из Шотландии. В начале XIX в. между Железноводском и Пятигорском, у подножия г. Бештау, между реками Кума и Подкумок, была основана шотландская колония Каррас (ныне – поселок Иноземцево), миссия Эдинбургского миссионерского общества [Албогачиева 2011: 12]. Миссионерам был выделен участок, площадью в 6000 десятин, их освободили от всех личных и земельных налогов и платежей на тридцать лет, по истечении которых миссионеры должны были ежегодно платить пятнадцать копеек за каждую десятину пригодной для возделывания земли. Зе-

мельный налог был единственным налогом миссионеров [Албогачиева 2021b: 46]. Они навеки освобождались от военной и гражданской службы, а помещения миссии никогда не должны были использоваться для постоя солдат. Колонисты тоже освобождались от военной и гражданской службы [Албогачиева 2021b: 46]. Любому свободному горцу было разрешено принять христианское вероисповедание и стать членом колонии. Кроме того, миссия добилась согласия правительства выкупать у горцев невольников и по истечении нескольких лет, сделав их христианами, даровать им вольную. Что примечательно, Россия никогда ранее не даровала такие привилегии и льготы иностранным колонистам [Албогачиева 2021b: 46]. Их деятельность распространялась на абазин, осетин, кабардинцев, татар, кубачинцев, черкесов, башкир, ингушей и на другие народы Кавказа [Албогачиева 2011: 10].

«Шотландские миссионеры, будучи евангелистами, своей главной целью полагали распространение христианства. Они были идеалистично убеждены в том, что это самая правильная вера на всем белом свете. Кроме этого, у них была еще одна задача – обучить коренных жителей ремеслам и привить им трудолюбие» [Краснокутская 2000: 114].

Несмотря на большие усилия, прилагаемые миссионерами, местное общество тяготело к своим прежним верованиям, где пантеон богов занимал лидирующие позиции. Общество не было готово отказаться от своих прежних религиозных взглядов. Многие исследователи отмечали, что религия абазин представляет собой смесь христианства, ислама с пантеизмом. «Думаю, что народонаселение берега на протяжении от Анапы до Гагр включает в себе столько же приверженцев старой веры (языческо-христианской), сколько и мусульманской» [Услар 1869: 58]. В обществе наблюдался религиозный синкретизм.

Работа, проведенная по христианизации региона, не принесла желаемых результатов, так как священники не знали языка народа, и не могли донести до них основы христианской религии. Поэтому абазинцы не смогли проникнуть в основы христианской веры, а обряды и ритуалы, принятые ими в период принятия новой религии, стали со временем забываться.

Точные данные относительно сведений, касающихся принятия ислама абазинцами, отсутствуют. Предположительно это произошло в XVII–XVIII вв. При этом известно, «что часть абазин-ашхарцев приняла ислам не ранее второй половины XIX в.» [Экзекова 2022: 128]. Проникновение ислама в основном шло с Крыма и из Турции. Так же известно, что некоторая часть абазин приняла ислам от народов Дагестана, в частности от наиба Шамиля Мухаммед-Амина, шамилевского наиба, который распространил свое влияние на Северо-Западном Кавказе [Карачаевцы 2014: 49]. С указанного периода все абазинское общество стало полностью исламизировано. Медленно, но неуклонно в обществе стали укореняться нормы ислама и начала появляться своя мусульманская элита. Бларамберг писал: «Они исповедуют ислам и имеют мулл, которые улаживают (разбирают) их споры по законам шариата» [Бларамберг 1999: 128].

Ф. Куначева, посвятившая теме религиозных верований свое диссертационное исследование, отмечает, что «в отличие от христианства ислам укореняется (хоть и в результате

длительного процесса) среди горцев Северного Кавказа, в том числе у абазин. Повлияла на этот процесс Кавказская война, во время которой мусульманство становится идеологией горцев, хотя идеи мюридизма не получили должного распространения. Становление абазин как этнической общности завершается именно на этом этапе: ислам становится одной (если не самой главной) из идентичностей, конструирующей эту общность» [Куначева 2002 :68].

В то же время в какой-то степени меняется весь культурный уклад жизни (изменение в похоронном обряде и других обрядах жизненного цикла и т.д.) [Куначева 2002 :65]. В населенных пунктах, где жили абазины, начали строить мечети и мусульманские школы, в которых на начальном этапе обучали только мальчиков. Женщины не имели такой свободы передвижения, и обучение исламским нормам было прерогативой их братьев, мужей, сыновей. Обучение женщин было исключительно домашним. В абазинском обществе помнят имена исламских просветителей, сделавших все возможное для укрепления ислама в регионе. Это Исхак Эфендий Абуков, Зелимхан и Умар Мекеровы, Тотлустан Табулов и др. Паша Исмелевич Биджев, был религиозным деятелем, служил муэдзином, один из его сыновей Бемырза, продолжив дело отца, стал известным и уважаемым в ауле Кубина эфенди¹. Будучи хорошо образованными и глубоко верующими людьми, они смогли поставить обучение основам ислама на высокий уровень и укрепить позиции ислама в абазинском обществе.

«Знатоки ислама занимали важное место в социальной иерархии и являлись частью местной элиты. Ислам стал неотъемлемой частью сознания народов Карачаево-Черкесии. В то же время исламское право не вытеснило до конца систему адатов и сосуществовало параллельно с традиционными регулятивными системами. Исламские концепции государственного устройства и вовсе не получили заметного распространения у народов Карачая и Черкесии.

Установление в регионе советской власти вначале не ухудшило жизнь мусульман. Пытаясь заручиться поддержкой местного населения в условиях неутраченного гражданского противостояния, большевики на первых порах старались не затрагивать религиозных чувств верующих» [Кратова 2021: 115].

Советская власть всячески поддерживала местное духовенство. Открывались мечети и даже шариатские суды, но уже в 1930-х гг. началась активная борьба с мусульманским духовенством и религией в целом, мечети закрывались, духовных лиц репрессировали. Ислам остался только в семейной обрядности абазин. Однако после Великой Отечественной войны произошли некоторые послабления в религиозной жизни мусульман региона.

«В аулах Псыж и Икон-Халк мусульманские общины были зарегистрированы в 1945 г.; в аулах Абаза-Хабль, Бесленей, Эркин-Юрт, Эрсакон, Инжи-Чишхо, Новокувинском (это религиозное общество объединяло верующих трех аулов – Вако-Жиле, Старокувинский, Новокувинский) – в 1946 году; в ауле Хумара – в 1947 году» [Кратова 2021: 121].

А «в 1957 году в Карачаево-Черкесском автономном округе действовало уже 15 мечетей: в аулах Псыж, Кара-Паго, Бесленей, Инжи-Чишхо, Эрсакон, Вако-Жиле, Новокувинск,

¹ Айсанова Л. Исмель Биджев: политик, строитель и покоритель вершин // Сайт Всемирного абхазо-абазинского конгресса. URL: <https://abaza.org/ismel-bidzhev-politik-stroitel-i-pokoritel-vershin> (дата обращения 12.02.24)

Эркин-Халк, Эркин-Юрт, Икон-Халк, Апсуа, Абаза-Хабль, Адыге-Хабль, Красный Восток, Хумара» [Кратова 2021: 121].

В 1982 г. в КЧАО действовало уже 19 мечетей, а в 1989-м – 26 официальных мечетей [Кратова 2012:124]. Стали открыто проводиться собрания мусульманского духовенства, обсуждаться важные для верующих вопросы. «В 1990 г. было образовано самостоятельное Духовное управление мусульман Карачаево-Черкесии и Ставропольского края во главе с муфтием Исмаилом Бердиевым» [Лункин, Филатов 2018: 264]. «И. Бердиев, предпринял тогда решительные действия, направленные на укрепление присутствия всех горских народов в управлении ДУМом» [Лункин, Филатов 2018: 264]. Будучи умным и стратегически мыслящим человеком, муфтий И. Бердиев пригласил в свою команду в качестве заместителей кадия представителей четырех титульных наций, исповедующих ислам, представляющих интересы карачаевцев, черкесов, ногайцев и абазин.

В это период активно стало меняться мировоззрение людей. Часть населения, которая в атеистический период не выполняла столпы ислама, стала вникать в основы ислама. Это привело к массовому изменению сознания людей. Бывшие комсомольцы, коммунисты и просто рядовые люди стали изучать нормы ислама. Так, об этом периоде вспоминает кадий абазинских мусульманских религиозных обществ, имам общества № 3 города Черкесска Иналь-хаджи Хамзетович Хубиев:

«Односельчане стали активно интересоваться религией, собираться в мечетях. Житель соседнего аула Эльбурган Али Меремкулов стал одним из первых продвигать ислам в родной народ. Он открыл первые курсы чтенцов Корана, которые я стал посещать вместе с другими аульчанами. Именно Али, который был очень образованным и интересным человеком, стал моим первым учителем и проводником на пути к мусульманской вере»¹.

В настоящее время основы религии, чтение Корана, да и в целом мусульманское образование можно получить как в мусульманских институтах нашей страны, так и за рубежом. Часть молодых людей, неудовлетворенная уровнем своих знаний, полученных в мусульманских учебных заведениях региона, уезжает в арабские страны для углубленного изучения ислама. Большая часть тех, кто поехал получить исламское образование за рубежом, после возвращения на Родину, начинает считать, что местный вариант ислама не соответствует каноническим нормам, и делает все возможное для борьбы с местными традициями. Здесь же нужно отметить, что часть абазин, покинувших свою историческую Родину в середине XIX в., придерживается тех же взглядов, что и те, кто приехал, получив исламское образование за рубежом.

Старшее поколение всячески сопротивляется этим нововведениям, однако это не дает ощутимых результатов. Это связано с тем, что молодежь больше подвержена влиянию новых исламистов и становится на их позицию. Из-за это-

¹ Айсанова Л. Имам Иналь Хубиев : следовал за дедом, и внуки последуют за мной // Сайт Всемирного абхазо-абазинского конгресса. URL: <https://abaza.org/imam-inal-khubiev-sledoval-za-dedom-i-vnuki-posleduyut-za-mnoy> (дата обращения 13.09.24)

го в обществе идет постепенный раскол между старшим и младшим поколением на основе религиозно-обрядовых практик, сохранившихся в данном обществе. Большая часть споров возникает относительно похоронно-поминальных обрядов, укоренившихся в данном обществе еще с XIX в. Часть молодежи рассматривает их как вероотступничество и постепенно пытается вытеснить из жизни местного общества. Они хоронят своих близких и родных без учета их духовного завещания, считая обряды предыдущего периода неуместными в обществе правоверных мусульман.

Похоронно-поминальная обрядность абазин

Похоронная обрядность абазин, проживающих в Карачаево-Черкесии, имеет некоторые локальные отличия. Так, например, в Красном Востоке все три дня после похорон гостей, приехавших выразить соболезнование, кормят обрядовой выпечкой. Эту миссию берут на себя ближайшие соседи и родственники. Тем самым они оказывают помощь семье, где произошла утрата, и сами уповают на милость Аллаха за свой труд. В остальных аулах, где проживают абазинцы, принято три первых дня не разводить огонь в печи и не готовить пищу ни у себя, ни у соседей. На третий день приходит эфенди и объявляет, что похороны окончены. Нужно закрыть ворота и переходить к обычной жизни. На четвертый день жарят и раздают круглые лакумы, треугольники и лепешки в виде зонтика. Считается в народе, что такая форма лепешек защищает умершего от слез близких. Дополнительно ко всем этим яствам покупаются различные кондитерские изделия, фрукты, минеральная вода и т.д. Затем выпечку укладывают в отдельный пакет, кондитерские изделия – в другой и все вместе складывают в большой пакет, в который по желанию и возможностям хозяев дома докладывают фрукты, минеральную воду и другие яства и раздают соседям и гостям, пришедшим соболезновать.

Айшат Хамидовна Дзыба, кандидат филологических наук, заведующая отделом фольклора народов КЧР, рассказывает:

«В прежние времена не было столько упаковочных средств, и поэтому женщины во время похорон укладывали все съедобное в большие тазы – в одном лакумы, треугольники и круглые пирожки, а в маленький тазик укладывали все, что можно купить в магазине – печенье, пряники, конфеты. С этими большими тазиками женщины проходили по улице и раздавали всем, кого встретят на своем пути, эти угощения. В абазинском обществе издавна существовала взаимовыручка и помощь нуждающимся. Ни одно горе и ни один праздник не обходится без раздачи милостыни и кормления гостей» [ПМА 2024].

На похоронах и поминках всегда присутствует национальная пища, которую с большой любовью и заботой готовят абазинские женщины.

Праздники

В абазинском обществе широко отмечают религиозные праздники. Абазинцы самыми значимыми считают праздники Ураза-байрам и Курбан-байрам. Праздник Ураза-байрам завершает очень важный для мусульман месяц Рамадан, когда все мусульмане весь световой день соблюдают пост, при этом повто-

ряют слова: «Я вознамерился поститься в месяц Рамадан от утренней зари до заката солнца единственно ради Аллаха!» [Албогачиева 2016: 143]. В мусульманских странах его наступление отмечают по-разному, это может быть выстрел, фейерверк, вынос флага и т.д. Абазины его начало объявляют в мечети. После месячного поста наступает праздник Ураза-байрам, который отмечают на протяжении трех дней. В республике президент издает указ об освобождении от работы на время праздника разговения (*çhid*), люди ходят друг к другу в гости с подарками. Мужчины на рассвете идут в мечеть, делают утренний намаз, после чего идут на кладбища, чтобы почтить молитву над могилами близких и родственников [Камбачокова 2007: 240]. После возвращения в первую очередь посещают старых и больных родственников и соседей и только потом начинают поздравлять всех остальных. В эти дни принято дарить подарки, но в отличие от соседних регионов, где традиционно всех мужчин, пришедших на праздник, одаривают носовыми платками и носками, абазины не дарят подарки без разбора всем, а только избирательно – в зависимости от степени родства или дружбы, что посчитают нужным, по своим финансовым возможностям. Женщины также посещают своих родственников и соседей и делают разные подношения – духи, мыло, ночные рубашки, косметику и др. Все зависит от степени родства, дружбы и возможностей дарителя.

Курбан-байрам (*къвырман*) отмечается через 70 дней после праздника Ураза-байрам, в 10-й день месяца Зуль-хиджа в память жертвоприношения пророка Ибрахима. Праздничные мероприятия начинаются с утренней молитвы. Также в этот день принято (но не является обязательным) совершать жертвоприношение, время которого наступает после того, как солнце поднимется 10 Зуль-хиджа (первый день жертвоприношения).

После молитвы до захода солнца 13 дня Зуль-хиджа продолжается праздник Курбан-Байрам, разрешающий закалывание. Существуют определенные правила, которые должны быть соблюдены для принесения в жертву животного: верблюд не моложе пяти лет, бык, коза, не моложе одного года и овца не моложе семи месяцев. Жертвенное животное не должно иметь видимых недостатков.

Из того, что принесено в жертву, можно оставить себе 1/3 часть или даже половину туши, но достойнее всего оставить себе только небольшую часть туши, чтобы быть участником «бараката». По традиции треть мяса жертвенного животного используется для приготовления праздничной трапезы, остальное раздается бедным и неимущим.

К Курбан-Байраму приурочено ежегодное паломничество в Мекку – хадж, который должен по возможности совершить хотя бы раз в жизни каждый мусульманин. Абазины, как и многие мусульмане во всем мире, совершают хадж не только за себя, но и за своих близких. Также паломники раздают милостыню и по возможности привозят подарки родным, близким, знакомым [Дакохова-Харатокова, Архагов 2021: 97]. Число желающих совершить хадж растет год от года, несмотря на высокую цену путевки.

После возвращения из хаджа паломников пышно встречают в семье, на работе. А сам хаджа одаривает по возможности своих близких и знакомых четками, ковриками для намаза, водой Замзам и различными сувенирами.

После завершения праздника Курбан-Байрам, через месяц, наступает праздник Ашура.

«В этот день готовят специальный обрядовый суп из семи сортов сельскохозяйственных культур – дробленой кукурузы, пшеницы, ячменя, риса, фасоли, пшена с добавлением различных специй и кусочков мяса. Специально для приготовления этого супа хозяйки откладывают кусочки жертвенного мяса. Всех приходящих в дом гостей угощают этим супом. В прошлые времена угощали всех соседей. Женщины пытались приготовить вкуснее и слаще, чем у соседок, и прикладывали массу усилий и фантазии, чтобы суп оказался самым вкусным. Однако уже последние годы эта практика стала изживать себя из жизни абазинского общества. Это связано со многими причинами – от нежелания трудиться до влияния «новых» мусульман, которые из рассказов старших знают, что в доисламский период данное ритуальное блюдо готовили в марте и было оно связано с сельскохозяйственным календарем» [ПМА 2023].

Безусловно, традиционная пища абазин отражает ее национальные особенности, отразившиеся не только на технологии приготовления пищи, но и в подборе пищевых продуктов, особенно после принятия ислама. Длительные этнокультурные контакты абазин наложили свой отпечаток на праздничную и повседневную пищу. Но на современном этапе многие пищевые предпочтения бывшие у старшего поколения постепенно выходят из употребления, на смену новым.

Религия в средствах массовой информации

В последние годы большую работу по пропаганде религиозных ценностей проводят средства массовой информации: газеты, радио и телевидение Карачаево-Черкесии. Развитие информационных технологий и интернета способствует распространению религиозных знаний и укреплению духовных ценностей среди молодежи. Интерактивные платформы предлагают возможности для общения и обсуждения актуальных тем, интересующих верующих. Пользователи получают возможность обмениваться мнениями, задавать вопросы и получать подробные разъяснения по сложным богословским вопросам. Это способствует более глубокому пониманию основ ислама и укреплению веры.

Есть множество социальных сетей, где имамы мечетей ведут проповеди и нравоучения для подрастающего поколения. Активное участие местных религиозных лидеров в создании и поддержке интернет-ресурсов позволяет значительно расширить аудиторию. За счет использования социальных сетей, таких как «ВКонтакте», проповеди и лекции становятся доступными с любой точки мира.

Благодаря многочисленным передачам по религиозной тематике на национальных языках: «Мир ислама» (на абазинском языке), «Азан» (на карачаевском языке), «Человек и религия» (на ногайском языке), «Минарет» (на черкесском языке), у слушателей расширяются знания по исламу. Фирма «Экран» транслирует еженедельную передачу «Дорога к истине».

«В 2008 г. Исламским институтом начат выпуск газеты «Мусульманин», а также ведется подготовка к изданию ежемесячного исламского бюллетеня. Популярным средством распространения знаний об исламе в молодежной среде республики следует признать Интернет. В качестве примера можно привести карачаево-балкарский сайт elbrusoid.org. Исламская тема активно разрабатывается на национальных сайтах и форумах абазин (abazashhta.com), ногайцев (noghay.ru, interkavkaz.info, kavakazweb.net) и черкесов (adygi.ru, elot.ru). С 2007 г. начал работать сайт «Ислам в Карачаево-Черкесии» (karachay.mou.su). Это достаточно крупный проект, претендующий на всестороннее освещение жизни исламской уммы республики» [Кратов, Кратова 2009: 50].

Таким образом, роль средств массовой информации и интернет-ресурсов в пропаганде религиозных ценностей в Карачаево-Черкесии продолжает расти. Это проявляется в их всё более интенсивной интеграции в повседневную жизнь верующих, что способствует не только личному духовному росту каждого индивида, но и укреплению исламской общины в целом. С другой стороны, важно отметить и вызовы, связанные с такой открытостью и доступностью информации. Поток данных требует критического восприятия и умения отсеивать достоверные источники от тех, что могут быть искажены или содержать непроверенную информацию. Для этого необходимо развивать медиаграмотность среди пользователей и обеспечивать их качественными и проверенными материалами.

Заключение

Религиозная идентичность в жизни абазинского народа всегда имела огромное значение. С окончательным принятием ислам в конце XIX в. нормы шариата прочно вошли в жизненный уклад абазин, став неотъемлемой частью их ментальности и важной составляющей религиозной идентичности. Вместе с тем нужно отметить, что религия всегда была зависима от политических процессов, происходивших в стране, поэтому степень воздействия ислама и объем выполняемых им различных функций существенно менялись. В дореволюционный период шло укрепление норм ислама, началось строительство мечетей, медресе, сформировалась своя мусульманская элита, регулировались общественные отношения, зарождалась письменность на основе арабской графики. В первые годы после установления советской власти ислам был союзником новой власти. Однако в 30-х годах XX в. тоталитарный режим укрепил свои позиции и уже не нуждался в дополнительной идейной поддержке местного общества, начался процесс вытеснения ислама из всех сфер жизнедеятельности общества. В последующий период религия стала семейным уделом, она существовала только в некоторых обрядах жизненного цикла, преимущественно в похоронно-поминальной обрядности. В 90-х XX в. годах началось «потепление» в отношении религии как полноценного и дееспособного социального института. Начали строиться новые и восстанавливаться старые мечети, создавались примечетские школы, был открыт Исламский институт, осуществлявший подготовку и переподготовку кадров мусульманского духовенства. В последние десятилетия в обществе, в среде молодых мусульман, исламские нормы стали превалировать над национальными. Это противостояние постепенно привело к

разобщенности, и медленно, но неуклонно продолжается процесс уничтожения национальных традиций, не соответствующих нормам ортодоксального ислама. Мусульманское духовенство абазинского общества делает все возможное, чтобы минимизировать возникшее противостояние между традиционным и ортодоксальным исламом. Новые вызовы, встающие сегодня перед мусульманской уммой абазинского общества, являются очень чувствительными, именно поэтому для их решения необходим глубокий, вдумчивый подход и, безусловно, долговременная и кропотливая работа всего общества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Албогачиева 2011 – *Албогачиева М.С.-Г.* Влияние христианства на ингушское общество в исторической ретроспективе // Христианство на Северном Кавказе: история и современность. – М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2011. – С. 7–29.

Албогачиева 2016 – *Албогачиева М.С.-Г.* Рамадан и Ураза-байрам в Ингушетии // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. Выпуск 16. – СПб.: МАЭ РАН, 2016. – С. 143–162.

Албогачиева 2021 – *Албогачиева М.С.-Г.* Абазинский язык: история и современность // Уральский исторический вестник. – 2021. – № 2(71). – С. 90–98.

Албогачиева 2021b – *Албогачиева М.С.-Г.* Ислам в социальной жизни ингушей: история, практики, институции (XVIII – начало XXI в.). Дисс. д-ра ист. н-к – СПб., 2021. – 436 с.

Бларамберг 1999 – *Бларамберг И.* Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. – Нальчик: Эль-фа, 1999. – С. 128–130.

Головнёв и др. 2022 – *Головнёв А.В., Албогачиева М.С.-Г., Белоруссова С.Ю., Беляева-Сачук В.А., Кисер Т.С., Первалова Е.В.* Коренные малочисленные народы России: этнокультурные проекции. – СПб.: МАЭ РАН, 2022. – 200 с.

Дакохова-Харатокова, Архагов 2021 – *Дакохова-Харатокова М.Г., Архагов М.Ш.* Абазинский этикет. 2-е издание – Черкесск: б/и, 2021. – 192 с.

Камбачокова 2007 – *Камбачокова М.Ю.* К вопросу о религиозных обрядах и верованиях абазин // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, 2007. – № 43-1. – С. 138–141.

Карачаевцы 2014 – *Карачаевцы. Балкарцы.* – М.: Наука, 2014. – 815 с.

Коренные малочисленные... 2022 – Коренные малочисленные народы России: этнокультурные проекции / А.В. Головнев, М.С.-Г. Албогачиева, С.Ю. Белоруссова [и др.]; Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. – Санкт-Петербург: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2022. – 200 с.

Краснокутская 2000 – *Краснокутская Л.И.* Из истории шотландской колонии Каррас // История Северного Кавказа с древнейших времен по настоящее время. – Пятигорск, 2000. – С. 111–114.

Кратов, Кратова 2009 – *Кратов Е., Кратова Н.* Ислам в Карачаево-Черкесской Республике // Россия и мусульманский мир. – 2009. – № 10. – С. 39–66.

Кратова 2021 – *Кратова Н.В.* Ислам на территории Карачаево-Черкесии в советский период // Ислам в современном мире. – 2021. – №4. – С. 114–130.

Куначева 2002 – *Куначева Ф.Г.* Эволюция религиозных воззрений абазин. Дисс. ... канд. исторических наук. – Карачаевск, 2002. – С. 215.

Кунижева 1989 – *Кунижева Л.З.* Календарь и календарная обрядность абазин // Календарь и календарная обрядность народов Карачаево-Черкесии. – Черкесск, 1989. – С. 57–91.

Лункин, Филатов 2018 – *Лункин Р.Н., Филатов С.Б.* Ислам в Карачаево-Черкесии: традиции и межнациональный диалог // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2018. – № 1. – С. 261–267.

ПМА 2023 – Абазинский район Карачаево-Черкесии.

ПМА 2024 – Абазинский и Адыго-Хабльский районы Карачаево-Черкесии.

Услар 1869 – Услар П.К. Начало христианства в Закавказье и на Кавказе // Сборник сведений о кавказских горцах. – Тифлис, 1869. Вып. II. – С. 581.

Экзекова 2022 – Экзекова М.Н. Лингво-исторический анализ религиозных воззрений абазин: религиозная идентичность в условиях глокализации // Социально-гуманитарные знания. – 2022. – № 5. – С. 126–129.

REFERENCES

ALBOGACHIEVA M. *Vliyanie khristianstva na ingushskoe obshchestvo v istoricheskoi retrospektive* [The influence of Christianity on Ingush society in historical retrospect]. In: *Khristianstvo na Severnom Kavkaze: istoriya i sovremennost'*. – M.: In-stitut etnologii i antropologii im. N.N. Miklukho-Maklaya RAN, 2011. – P. 7–29. (In Russ.).

ALBOGACHIEVA M. *Ramadan i Uraza-bairam v Ingushetii* [Ramadan and Eid al-Adha in Ingushetia]. In: *Materialy polevykh issle-dovaniy MAE RAN. Vypusk 16.* – SPb.: MAE RAN, 2016. – P. 143–162. (In Russ.).

ALBOGACHIEVA M. *Abazinskii yazyk: istoriya i sovremennost'* [The Abaza language: history and modernity]. In: *Ural'skii istoriche-skii vestnik.* – 2021. – № 2(71). – P. 90–98. (In Russ.).

ALBOGACHIEVA M.C.-G. *Islam v sotsial'noi zhizni ingushei: istoriya, praktiki, institu-tsii (XVIII – nachalo XXI v.)* [Islam in the social life of the Ingush: History, Practices, Institutions (XVIII – early XXI centuries)]. Diss. d-ra ist. n-k – SPb., 2021. – 436 p. (In Russ.).

BLARAMBERG I. *Istoricheskoe, topograficheskoe, statisticheskoe, etnograficheskoe i voen-noe opisanie Kavkaza* [Historical, topographical, statistical, ethnographic and military description of the Caucasus]. – Nal'chik: El'-fa, 1999. – P. 128–130. (In Russ.).

GOLOVNEV A., ALBOGACHIEVA M., BELORUSSOVA S., BELYAEVA-SACHUK V., KISSER T., PEREVALOVA E. *Korenny'e malochislenny'e narody` Rossii: e`tnokul`turny`e proekcii* [Indigenous peoples of Russia: ethnocultural projections.]. – SPb.: MAE` RAN, 2022. – 200 p. (In Russ.).

DAKOKHOVA-KHARATOKOVA M.G., ARKHAGOV M.SH. *Abazinskii etiket* [Abaza etiquette]. 2-e izdanie – Cherkessk: b/i, 2021. – 192 p. (In Russ.).

KAMBACHOKOVA M.YU. *K voprosu o religioznykh obryadakh i verovaniyakh abazin* [On the issue of religious rites and beliefs of Abaza]. In: *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*, 2007. – № 43-1. – P. 138–141. (In Russ.).

Karachaevtsy. Balkartsy [Karachai people. Balkars]. – M.: Nauka, 2014. – 815 p. (In Russ.).

Korennye malochislennyye narody Rossii: etnokul'turnyye proektsii [Indigenous peoples of Russia: ethnocultural projections] / A.V. Golovnev, M.S.-G. Albogachieva, S.Yu. Belorussova [i dr.]; Muzei antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) RAN. – Sankt-Peterburg: Muzei antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) RAN, 2022. – 200 p. (In Russ.).

KRASNOKUTSKAYA L.I. *Iz istorii shotlandskoi kolonii Karras* [From the history of the Scottish colony of Karras]. In: *Istoriya Severnogo Kavkaza s drevneishikh vremen po nastoyashchee vremya.* – Pyatigorsk, 2000. – P. 111–114. (In Russ.).

KRATOV E., KRATOVA N. *Islam v Karachaevo-Cherkesskoi Respublike* [Islam in the Karachay-Cherkess Republic]. In: *Rossiya i musul'manskii mir.* – 2009. – №. 10, – P. 39–66. (In Russ.).

KRATOVA N.V. *Islam na territorii Karachaevo-Cherkessii v sovetskii period* [Islam in the territory of Karachay-Cherkessia during the Soviet period]. In: *Islam v sovremennom mire.* – 2021. – №4. – P. 114–130. (In Russ.).

KUNACHEVA F.G. *Evolyuetsiya religioznykh vozzrenii abazin* [The evolution of Abaza religious beliefs]. Diss. ... kand. istoriche-skikh nauk. – Karachaevsk, 2002. – P. 215. (In Russ.).

KUNIZHEVA L.Z. *Kalendar' i kalendarnaya obryadnost' abazin* [Calendar and calendar rites of Abaza]. In: *Kalendar' i kalen-darnaya obryadnost' narodov Karachaevo-Cherkessii.* – Cherkessk, 1989. – P. 57–91. (In Russ.).

LUNKIN R.N., FILATOV S.B. *Islam v Karachaevo-Cherkessii: traditsii i mezhnatsional'nyi dialog* [Islam in Karachay-Cherkessia: Traditions and Interethnic dialogue]. In: Nauchno-analiticheskii vestnik Instituta Evropy RAN. – 2018. – № 1. – P. 261–267. (In Russ.).

Polevye materialy avtora [The author's field materials] 2023 – Abazinskii raion Karachaevo-Cherkessii.

Polevye materialy avtora [The author's field materials] 2024 – Abazinskii i Adygo-Khabl'skii raiony Karachaevo-Cherkessii.

USLAR P.K. *Nachalo khristianstva v Zakavkaz'e i na Kavkaze* [The beginning of Christianity in Transcaucasia and the Caucasus]. In: Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh. –Tiflis, 1869. Вып. II. – P. 581. (In Russ.).

EKZEKOVA M.N. *Lingvo-istoricheskii analiz religioznykh vozzrenii abazin: religioznaya identichnost' v usloviyakh globalizatsii* [Linguistic and historical analysis of Abaza Religious beliefs: religious identity in the context of globalization]. In: Sotsial'no-gumanitarnye znaniya. – 2022. – № 5. – P. 126–129. (In Russ.).

Информация об авторе

М.С.-Г. Албогачиева – доктор исторических наук.

Information about the author

M.S.-G. Albogachieva – Doctor of Sciences (History).

Статья поступила в редакцию 26.10.2024 г.; одобрена после рецензирования 12.12.2024 г.; принята к публикации 27.12.2024 г.

The article was submitted 26.10.2024; approved after reviewing 12.12.2024; accepted for publication 27.12.2024.

ФИЛОЛОГИЯ

Языки народов Российской Федерации **(языки народов Северного Кавказа)**

Научная статья

УДК 821-35

DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-267-288

EDN: PLXJLX

ПОЛИЛОГИИ В СИСТЕМЕ ЦИКЛИЧЕСКИХ СТРУКТУР (ЭПИЧЕСКИЕ СЕРИИ И РОМАННЫЕ ЦИКЛЫ)

Асият Даутовна Атабиева

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского
научного центра РАН, Нальчик, Россия, bolatovaatabieva@mail.ru,
<http://orcid.org/0000-0003-2384-6108>

Аннотация. Цель данного исследования – анализ «неожанровой парадигмы» балкарской прозы, преимущественно полилогических форм (эпических серий и романских циклов). В работе рассматриваются принципы циклизации серийных произведений эпического жанра, способы структурирования политекстовых образований. Соответственно, в преамбуле статьи представлен обзор художественного явления, называемого полилогиями, разъяснены функционально-конструктивные особенности романов, входящих в их состав. В целом научная новизна исследования заключается в цикловедческом разборе произведений отдельных авторов на предмет повторного обращения к однажды затронутой проблеме. Важными акцентами контекстуального анализа видятся вопросы соотношения уже «готовой» художественной целостности (коими являются отдельные романы) и постепенно формирующейся, усложненной матрицы романного цикла (ансамблевое единство из нескольких самостоятельных книг). Подобные формы, безусловно, представляют собой «открытое множество», основанное на единой авторской концепции. Произведения из эпических серий могут функционировать автономно, вместе с тем совокупная трактовка идейного наполнения текстов привносит дополнительные ракурсы в осмысление их содержания, разъясняет исходный замысел писателя, образуя контекстную связность частей многомерной структуры. Благодаря такому подходу происходит сближение несколько смежных произведений (на интуитивном и мыслительном уровнях), в которых улавливается смысловая сопричастность друг к другу. Устойчивыми чертами полилогических форм обозначены: наличие «предтекста», а в ряде случаев – рефранных сюжетных линий, кочующих героев, централизующей проблематики, открытой фабулы, создающей эффект прерванности и незавершенности повествования, контекстно-концептуальная взаимодополняемость. В приводимых примерах отслеживаются развернутость обобщающей проблематики, стилистические дублеты, содержательная перспектива с возможностью расширения и дополнения, многоярусность структуры, варьирование способов формирования внутритекстовой целокупности. Стратегия выстраивания работы обусловлена спецификой выдвинутых задач.

Ключевые слова: циклические структуры, полилогические формы, эпические серии, романские циклы, неожанровая парадигма.

Для цитирования: Атабиева А.Д. Полилогии в системе циклических структур (эпические серии и романские циклы) // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 4. – С. 267-288. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-267-288. EDN: PLXJLX.

© Атабиева А.Д., 2024

Original article

POLYLOGIES IN THE SYSTEM OF CYCLIC STRUCTURES (EPIC SERIES AND NOVEL CYCLES)

Asiyat D. Atabieva

Institute for Humanitarian Studies – branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the RAS, Nalchik, Russia, bolatovaatabieva@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-2384-6108>

Abstract. The goal of this research is to examine the "neo-genre paradigm" of Balkarian literature, particularly polylogical forms (epic series and novel cycles). The study discusses the principles of cyclization of serial works of the epic genre, methods of constructing polytextual formations. Accordingly, the preamble of the article provides an overview of the artistic phenomenon called polylogies, explains the functional and constructive features of the novels that make up them. In general, the scientific novelty of the study lies in the cyclological analysis of the works of individual authors for the purpose of revisiting the problem once touched upon. Important accents of contextual analysis are the issues of the relationship between the already "ready-made" artistic integrity (which are individual novels) and the gradually forming, complicated matrix of the novel cycle (an ensemble unity of several independent books). Such forms, of course, represent an "open set" based on a single author's concept. Works from epic series can function autonomously, at the same time, the combined interpretation of the ideological content of texts introduces additional perspectives in the meaning of their content, clarifies the original intention of the writer, forming a contextual coherence of parts of a multidimensional structure. Thanks to this approach, several related works come together (on an intuitive and mental level), in which semantic involvement with each other is captured. Stable features of polylogical forms are indicated by the presence of a "preface", and in some cases – refrained storylines, wandering characters, centralizing issues, an open plot that creates the effect of interruption and incompleteness of the narrative, contextual and conceptual complementarity. In the examples given, the unfoldment of generalizing issues, stylistic doublets, a meaningful perspective with the possibility of expansion and addition, a multi-layered structure, and varying ways of forming an intra-textual totality are monitored. The strategy of building work is determined by the specifics of the tasks put forward.

Keywords: cyclic structures, polylogical forms, epic series, novel cycles, non-genre paradigm.

For citation: Atabieva A.D. Polylogies in the system of cyclic structures (epic series and novel cycles). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 4. – P. 267-288. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-267-288. EDN: PLXJLX.

© Atabieva A.D., 2024

Появление в балкарской эпической прозе дифференцированных полилогических форм – свидетельство эволюции историзма мышления национальных писателей, подтверждение высокого эстетического уровня литературы. Интерес к созданию романских циклов (в том числе дилогий, трилогий, эпопейных по-

вестований) продиктован актуальными тенденциями художественной словесности в определенные периоды. Закономерно, что эпический «цикл стал важнейшим членом нежанровой парадигмы рубежа XIX–XX веков» [Бардыкова 2010: 20]. Наличие масштабных произведений серийного характера – результат расширения рамок романного жанра. Эпическое воссоздание значимых исторических событий зачастую зависит от того, насколько точно художникам удастся постичь их противоречивую природу. Жизненный материал дает авторам возможность воплотить прогрессивные художественные идеи. Полилогии – суть те же повествовательные циклы, образующиеся путем объединения текстов крупной жанровой формы. «Цикл и роман образуют не просто единство, а скорее синтез, в котором роман может быть рассмотрен как элемент цикла, что не противоречит особенностям цикла как сверхжанрового образования» [Нестерова 2012: 21].

Серийные романские модели рассматриваются в литературоведческой науке как виды полилогий, характеризующиеся циклическим структурированием частей (книг). В контексте таких произведений историческое время и проблематика пересекаются, получая дальнейшее развертывание. «Полилогическая форма, подчиненная сюжету, фабуле, персонажу, нашла воплощение преимущественно в прозе» [Баланчук 2010: 12]. Базисным в формировании структуры любого цикла является принцип взаимодополняемости, ключевым в поэтике эпического цикла видится лейтмотив либо образы, выполняющие подобную функцию. Лейтмотив может быть «пространственным, ситуационным, сопряженным и с темой, и с идеей произведения, способствующим его целостности» [Бардыкова 2010: 17]. В этой связи необходимо подчеркнуть, что в широком контексте балкарских романов особая роль отведена лейтмотиву исторической памяти. Такие мотивы-доминанты выстраивают архитектурный остов серийного эпического повествования. Сквозные формально-смысловые комплексы, повторяющиеся сюжетные мотивы, герои, эпизоды образуют идейное ядро нескольких связанных текстов, что позволяет сохранить логику причин и следствий, мотивированность действий главных персонажей. Наблюдаются идейный параллелизм, спаянность смысловых и фактурных элементов полилогической структуры, определяются содержательные переклички.

В эпических сериях нередко может происходить последующее внедрение узлового сюжета из повести в роман (данное явление будет рассмотрено на конкретных примерах из национальной литературы). Очевидно, что «С этим тесно связан вопрос об антологическом статусе литературного произведения в аспекте его специфической принадлежности к категории жанра и литературного рода» [Дарвин 1996: 3]. Исследователи отмечают метажанровую специфику и интегративную способность эпического цикла. «Жанровые интенции произведений-частей не «истребляются» в составе большого контекста издания, но созидают новое качество многоуровневой структуры, «соизмеряются с доминирующим метажанровым смыслом» [Мирошникова 2011: 109]. Таким образом, части эпического цикла связаны между собой по принципу симметрии и синергии. В отдельных произведениях возможна «смена идейно-тематических центров» (О.Е. Баланчук), что придает романам в составе полилогической целост-

ности относительную самостоятельность. Тем не менее, идейный замысел автора полностью раскрывается в совокупности нескольких произведений. «Связь книги с такими явлениями, как цикл и полилогии, не вызывает сомнения, так как обе формы в большей степени реализуются именно посредством книжного (издательского) оформления» [Баланчук 2010: 12], чему способствует и пространственно-временная организация эпических текстов. Произведение, прилегающее к эпическому циклу, функционирует как отдельно, так и органично вписываясь в заданную автором целостность. Связь между частями базируется на первоначальном замысле художника. Все это в итоге обуславливает специфику комплектации текстового материала.

В эпических циклах определяется такая жанрово-видовая дифференциация, как семейная хроника, когда смысловая общность нескольких произведений обнаруживается в системе сквозных персонажей, связанных кровным родством. В полилогических структурах подобного рода отмечается дневниковость повествования. Изображаемые писателем события выстраиваются в хронологическую последовательность так, чтобы образы главных героев были представлены в развитии на фоне меняющейся социально-политической и исторической действительности (такая модель используется главным образом в многочастных эпических повествованиях – дилогиях, трилогиях и т.д.). Иначе говоря, части полилогий составляют единое целое и с идейной точки зрения, и в плане целостности развертывания сюжета, и на образно-тематическом уровне.

Значимыми вопросами в изучении полилогических структур являются поэтика диалогической формы и специфика ее бытования. Исследователем О.Е. Баланчук предложено классифицировать дилогии по истории их создания, степени завершенности «превозэлементов» (серийные повествования «открытого» и «закрытого» типа), в зависимости от принципов текстовой организации (том, книга), статуса доминирующего героя в обеих частях и жанрово-видовой принадлежности. Согласно предложенной схеме, в составе дилогии предполагается функционирование «предтекста». В качестве такового могут выступать повесть либо роман. В диалогической структуре происходит одновременное уравнивание и соподчинение произведений, поэтому попытка разъединения текстов приводит к ослаблению их фабульного единства.

Части полилогической формы необходимо рассматривать как композиционно завершенные произведения, образующие вместе целостный «текст», широкий «контекст» и «интертекст», между которыми существует не только мотивная или содержательная, но и нередко образная связь. Каждая последующая книга способствует дальнейшему расширению заданной проблематики и раскрытию единой авторской концепции. Поэтика полилогий усложняется наличием в них разветвленных сюжетных линий и ассоциативных мифоэпических ярусов.

Потенциальные возможности циклической структуры способствуют созидательному освоению действительности, так как позволяют представить целостную картину всех видимых ракурсов реальности, подчиняясь воплощению глобального содержания через индивидуальное мировидение автора. Тексты-сегменты взаимодействуют по принципу синергии, значительно дополняя выраженную в каждом из них информацию, и все это переплавляется в единое

ценностное содержание. Речь идет о таком типе художественной целостности, в основе которого «лежит условно-антиномическая концепция личности (циклическое событие), реализуемая в контекстуальных взаимодействиях произведений по функциональным принципам «интеграции и сегрегации (В. Киселев)» [Пивоварова 2018: 42]. Под данное определение подпадают прозаические серии. Нас в большей степени интересуют романские циклы, характеризующиеся эпически широким воплощением исторической действительности, в которых прослеживается закономерный переход к усложнению композиции. Существует также пласт художественных произведений, в которых наблюдается смешение формообразующих признаков (романы-эпопеи).

В эпическом творчестве карачаево-балкарских писателей тяготение к аккумуляции смыслов, синергии информативных пластов приводит к трансформации жанрово-видовых признаков романа, к выработке особой художественной формы – эпического цикла. В этом плане интересно будет рассмотреть основные принципы структурирования произведений в эпических сериях, крупных повествовательных образцах, основывающихся на циклическом принципе объединения частей-книг. Имеются в виду многосубъектные произведения с последовательно разворачивающимся повествованием, основанные на смысловых пересечениях текстовых составляющих. При таком подходе история отдельно взятой семьи, к примеру, предстает в каждом последующем произведении в дополненной новыми подробностями, сюжетно-тематическими линиями форме. В содержании полилогий писатели стремятся отразить эпохальное сознание своих современников.

Крупноформатный «цикл возникает на пересечении разнонаправленных жанров, когда осознается их взаимосвязь, обусловленная общностью предмета. <...> Такое соединение <...> предполагает также совмещение разных типов повествования» [Шрага 2009: 5]. Маркером серийной прозы служит «открытый» тип текста, незавершенный финал. Писателям требуется время для продумывания стратегии дальнейшего раскрытия актуальной проблематики. Такая творческая пауза необходима для полноценной реализации идейного замысла. Эпическая полнота в полилогиях достигается за счет расширения рамок повествования, что, естественно, влечет за собой выход за пределы художественного пространства отдельного романа, подразумевая включение дополнительных мотивов, привнесение новых сюжетных линий и фокусировку на определенной проблематике. Может показаться, что подобное строение серийных произведений не позволяет достичь максимально тесного единства контекста, но способно перерастать в многотомный цикл романов.

Обращение к таким формам продиктовано потребностью в фиксации значимых перемен в общественной жизни и в психологии главных героев. Доминирующий в предтексте сквозной персонаж в следующей книге может отойти на второй план, следовательно, меняется и его статус. Точно так же части полилогий могут быть дифференцированы на две или три книги, либо оставаться в общем книжном формате, как это происходит с романом-эпопеей (таким образом, сложная многоуровневая структура остается устойчивой и неизменной).

На определенном этапе творческой эволюции региональные писатели смогли развить панорамное мышление настолько, что обрели способность к объективации жизненных реалий при видимой хронотопической удаленности таковых, сохраняя в равновесных частях эпического цикла взаимосвязь социально-общественных событий, соотнесенность фактов истории с судьбами действующих персонажей.

Писателей, освоивших циклический принцип текстопостроения в крупных прозаических формах, немного, и это сложившиеся мастера художественного слова. Творчески дозрев до создания серийных текстов, объединенных общей идейной составляющей, они находятся в поиске нестандартных решений в транслировании эпических картин. В полилогических структурах, созданных национальными прозаиками во второй половине XX и начала XXI веков, доминируют историческая, социально-политическая, духовно-нравственная проблематики. В серийных произведениях балкарской прозы получают полновесное отражение революционные преобразования, процесс коллективизации, колхозного строительства, реалии военного времени и тема депортации. События, ставшие предметом осмысления в романах, естественно, предопределяли максимальную усложненность повествовательной конструкции. Накапливая информацию с разных источников и размышляя на заданную тему, прозаики стремились осветить переломные этапы этнической истории, выстраивая хронику революционного прошлого, военных лет, послевоенных десятилетий, выселенческого периода и современной действительности. Так в полилогиях достигалось полномасштабное отражение той проблематики, что мыслилась актуальной на момент их создания.

Балкарская проза второй половины XX века, ввиду выраженной эпичности, обращена к судьбоносным событиям, связанным с жизнью народа. Критикой отмечается, в частности, что «конец 60-х годов вошел в историю развития прозы балкарцев как особый период, когда многие писатели начинают ориентироваться на преодоление однопланового изображения жизни, на создание таких произведений, которые бы вписывались в контекст художественных общесоюзных исканий. В этом плане обозначенный период является началом качественно новых эстетических контактов балкарской литературы с духовными ценностями других народов в целенаправленном использовании их литературных традиций» [Толгуров 2010: 195].

Подспудно ориентируясь на общемировые аналоги, испытывая потребность в относительно мобильном жанре или форме, которые позволят вместить масштабы индивидуальных мировоззренческих интересов, писатели использовали наиболее эффективные методы эпической трансляции событий. Национальная литература, развивающаяся в русле реалистических тенденций в изображении мира и человека, закономерно включается в процесс переосмысления новой действительности на очередном витке истории государства, раскрывая причины и следствия происходящих преобразований, сущность анализируемых эпох.

Значительное место в эпических произведениях национальных писателей, безусловно, занимает история. Авторы сознательно разбавляют хронологию событий, сочетая в сюжетике повестей и романов прошлое и настоящее в попытке

восстановить прерванную связь времен, проследить эволюцию личности персонажей. Время действия в полилогиях закономерно «мигрирует» в иные текстовые пространства, так чтобы ценностное содержание повествования раскрывалось непрерывно и поэтапно. Противоречивость взаимосвязей человеческих судеб и бытия в целом получает должное отражение в творчестве ведущих балкарских писателей (З.Х. Толгурова, А.М. Теппеева). Несмотря на внешне сложную структурно-содержательную организацию художественных произведений (в особенности такого важного момента, как труднодостижимость концептуального плана), нельзя не отметить полноту реализации и обоснованность выбора конкретной проблематики. Герои балкарских романов нередко имеют реальных прототипов, создавая ощущение, что отдельные образы списаны с личности самих писателей. Таков художник Зекерия – общий герой повести «Тёгюлген минчакъла» («Рассыпавшиеся бусы») и романа «Акъ жыйрыкъ» («Белое платье») З. Толгурова. Аналогично представлен Баязир в одноименном романе А. Теппеева (одна из трех книг мифопоэтической серии).

Философичность и аллегоричность – определяющие черты прозы З. Толгурова. Писатель активно генерирует в своем творчестве прогрессивные идеи. Авторской манере свойственна детализированность описаний, скрытая ирония, драматизм и глубинный психологизм, комплекс выводимых ассоциаций и символов. Первое произведение («Рассыпавшиеся бусы») выступает в качестве предтекста или первоэлемента (т.е. фабула повести несколько позже реализована в широком контексте романа), «Белое платье» – более развернутое, целостное и завершенное повествование на заданную тему. Толгуровым использована циклическая модель, когда в композицию романа интегрирован централизующий сюжет о судьбах художника Зекерии и его возлюбленной Аскерхан. В данном случае «вторичный (последующий) текст – это не просто продолжение ранее созданного единичного произведения, это текст, в рамках которого происходит окончательная реализация предтекста как в сюжетно-композиционном, так и идейно-тематическом аспектах» [Баланчук 2012: 378]. Автором использованы возможности повествовательного цикла с намерением глубже и основательнее показать процесс самоопределения личности, ее нравственных поисков, выявить факторы, мотивирующие и обуславливающие поступки героев. Фабула, весь композиционный строй, локус внимания автора центрированы на теме любви и противоречивых взаимоотношениях основных персонажей. Эта сюжетная линия из первого произведения плавно перетекает в содержательные рамки более крупного эпического повествования в дополнение к иным параллельно развивающимся линиям (аналогичная схема развития рефренного сюжета наблюдается в повести А. Теппеева «Солнце не заходит» и романе «Мост Сират», тексты которых соотносимы содержательно, композиционно и на уровне образных ассоциаций).

Тяготение к эпической циклизации ярко проявилось в творчестве А. Теппеева. Проза автора характеризуется рефренностью сюжетики и образной системы. Таков, к примеру, метафорический образ аула Жамауат, кочующий из текста в текст, который служит знаковым образом, скрепляющим воедино несколько самостоятельных повествований. Упоминание о нем обнаруживается еще в ранней

повести писателя «Тузлу гюттю» («Пересоленный чурек») и получает дальнейшую реализацию в содержании трех последующих произведений: «Азатлыкь» («Воля»), «Ташыуул» («Тяжелые жернова»), «Сыйрат кёпюр» («Мост Сират»). В вышеперечисленных романах в различном ракурсе, под новым углом зрения, в удаленных временных плоскостях изображается местность, на авансцене которой раскрываются драматические изломы этнической истории. Узловые моменты продолжающейся эпической саги об ауле Жамауат, скрепляют три автономных текста. Такая композитная структура, как раз, – пример несоблюдения хронологии описываемых событий, поскольку для писателя последовательность не суть важна. Первый роман охватывает военную эпоху, следующий обращен к более раннему историческому периоду – гражданской войне, в третьей же части нашли отражение трагические события выселения.

Итак, роман «Воля» охватывает историко-революционные преобразования на Кавказе, в «Тяжелых жерновах» описываются годы оккупации во время Великой Отечественной войны, в романе «Мост Сират» повествуется о депортации (последний становится кульминацией оформленных ранее размышлений автора о судьбе нации, в нем подытоживается выведенная красной линией идея отрицания любого насилия). Тексты объединяет общегуманистическая проблематика, сквозной мотив исторической памяти, мысль об ответственности человека за будущее народа. Многомерное художественное зрение автора фокусно отражает человеческие судьбы на фоне значимых эпохальных событий. Писателем кропотливо, по крупицам собраны и подведены под единую смысловую доминанту перипетии народной жизни. В эпической прозе А. Теппеева неизменными остаются трагическое мироощущение, интерес к исторической проблематике. Драматического накала достигает иллюстрация человеческих судеб, эпохальность и масштабность авторской мысли служат подтверждением творческой зрелости балкарского прозаика.

Исходя из сформировавшегося образного ряда и мотивных сближений, можно соотнести также содержание повести «Кюн батмайды» («Солнце не заходит») с романом «Мост Сират». В обозначенных текстах присутствует дублируемый образ старца Хамзата – воплощение национального характера, художественный слепок типических черт горца. Более того, в обоих произведениях воспроизводится символический эпизод похода главного героя и его внука в Тагылы кьол (Родниковую долину).

А. Теппеева часто называют продолжателем традиций М. Шолохова. Это заметно как в выстраивании художественной конструкции романов, так и на ценностном уровне его произведений. Личности теппеевских героев представлены в их «общественно-исторической обусловленности» [Толгуров 2010: 199]. В центре внимания художника этические, социальные и мировоззренческие категории, необходимость духовного выбора. По «шкале нравственности», предложенной писателем, персонажи находятся на различных уровнях духовного развития, каждый из них, сталкиваясь с диалектикой бытия, выражает индивидуальное отношение к окружающей действительности. Кто-то нравственно деградирует вследствие определенных жизненных ситуаций, чей-то путь характеризуется духовным прозрением, осознанием ценностей нравственно-этического

порядка, иные и вовсе возвышаются над своим временем. «Решая проблему диалектической взаимосвязи прошлого и настоящего, национального, народного и общечеловеческого, автор романа «Воля» в эпицентр своего повествования выдвигает людей с разным отношением к исторической памяти, к формам народного сознания. С одной стороны, он показывает разрушающее, деградирующее начало национального, если оно замкнуто в себе, не включено в процесс исторического движения. <...> Но не менее опасна и другая крайность: оторванность от позитивного, духовного, что накоплено предками, отсутствие исторической памяти (Кочар, Карча, Оюс)» [Толгуров 2010: 200].

Мифо-фольклорная эстетика определяется в содержании повести «Солнце не заходит» (в едином художественном поле находят отражение раздумья героев о судьбе народа, есть отсылки к древним сказаниям, транслируются архаические мифы, песни, легенды). Эпическое пространство и личностное сознание расширяются, чему способствуют мифопоэтическая образность, психологическая мотивировка человеческих поступков. Намеченные в произведении образы старца Хамзата и его внука Музафара, рефранный сюжет о Родниковой долине органично встроены в повествовательное пространство романа-эпопеи «Мост Сират», раскрыты во всей философской глубине. В произведениях проступают общие мотивы о необходимости сохранения этнических корней, единстве человека и природы, подтверждая тем самым тяготение А. Теппеева к циклическому воспроизведению однажды осмысленной темы для более полной ее раскрытия. В большей степени это проявляется в реализации темы памяти прошлого и опыта предшественников. Такова животворящая энергия, сосредоточенная в обереге Хамзата из горсти родной земли.

Роман-эпопея «Мост Сират» стал важным этапом в творчестве балкарского прозаика. Сфокусированность на духовно-нравственной составляющей человеческого бытия, стремление отследить процесс раскрытия личностных качеств героев в переломные моменты этнической истории выводят автора на качественно новый уровень художественных обобщений, раз за разом реализующихся в последующих творениях. При условии соблюдения множественности ракурсов преподнесения эпического материала, автором достигается полифония содержания, сохраняется связующая нить времен, происходит укрупнение проблематики, усиление психологизма и трагической тональности повествования.

Дистанцируясь от идеологического контекста, стоит подчеркнуть не менее ценную в практическом отношении способность писателя синтезировать в эпическом пространстве множественность смыслов, разветвленную систему полноценно оформленных образов, несовместимые, казалось бы, эпохи и тенденции времени. В прозе автора обрисованы неоднозначные, противоречивые, сомневающиеся или убежденные в непреложности следуемым истинам герои. Не лишённые реалистической достоверности, они иллюстрируют множество граней человеческой души.

В творчестве А. Теппеева сконцентрирован внушительный по охвату материал, художественный конфликт его романов и повестей обосновывается действительностью изображаемых эпох. Герои отмеченных произведений характе-

ризируются четкой гражданской и жизненной позицией, индивидуальным мировоззрением. В поисках истины они проходят все стадии личностной эволюции, при этом автор не исключает ошибок, преград и трудностей, преодолевая которые, в итоге осознают собственные заблуждения, приходят к переосмыслению себя и окружающего мира с точки зрения нравственно-этических категорий. Люди, вовлеченные в исторический процесс (в ход истории), неминуемо сталкиваются с ситуацией выбора. Это необходимое условие для того, чтобы проявились свойственные той или иной личности качества характера. Цельность в восприятии действительности, предопределенность истории, взаимообусловленный характер жизненных обстоятельств – все это находит отражение в прозе балкарского писателя.

Значимыми в оценке эстетической впечатляемости представленных текстов являются стремление художников к постижению человеческой психологии, познанию мира и исторического прошлого народа, обличение явных противоречий общества, что придает произведениям классиков национальной литературы подчеркнуто эпопейный характер. Вышеперечисленные моменты переплавлены писателями в незыблемые первоосновы жизни в исследуемых эпических сериях и романских циклах.

Самодостаточность отдельных частей прозаического цикла может проявляться как в содержательном компоненте, так и в плане выражения. Иногда различия обнаруживаются в жанрово-видовом отношении (повесть плюс роман), отмечается несоразмерность частей в объеме и масштабе отражения первичной идеи. В конструкции повествовательных циклов целесообразно учитывать принадлежность произведений к определенному жанру. Авторская циклизация в целом допускает объединение разножанровых произведений в повествовательную целостность, она проистекает из ориентированности текстов на раскрытие единой проблематики, интерпретацию общих мотивов и идей. Сближение может происходить на основе субъекта повествования, выражаться в художественной концепции романов, воспринимаясь вне контекста в сопрягаемом идейном поле.

Как известно, в заглавиях политекстовых конструкций может содержаться авторская установка на восприятие представленных произведений как частей целого. Наличие заглавий подчеркивает запрограммированность повествовательного цикла. Более того, в завершении книги писатель фокусирует читательское восприятие на ожидание продолжения, прочерчивая внутреннюю логику эпического действия. Так могут складываться многотомные романские циклы и эпические серии. В образовавшемся циклическом единстве главенствует принцип контекстных отношений между частями полилогий. Такие серийные повествования создавались на протяжении десятилетий в процессе эпической циклизации. Исходя из структурных признаков, большинство из них могут быть охарактеризованы как «циклические романы», поскольку в завершенном виде представляют собой ансамблевое единство из нескольких самостоятельных книг.

Одним из первопроходцев на пути создания полилогических форм стал балкарский прозаик З. Толгуров. В своем творчестве писатель не раз прибегал к

возможностям художественной циклизации, наметив в форме эпической серии равноценные социально-исторические романы «Жетегейле» («Большая медведица» – 1982), «Кёк гелеу» («Голубой типчак» – 1993), «Акь жыйрыкъ» («Белое платье» – 2005). Это сгенерированное автором циклическое единство. В целом любой художник наделен полномочием на «самостоятельное ранжирование доминантных и периферийных принципов конструирования художественного целого» [Пономарева 2014: 102]. Публикация романа «Большая медведица» явилась знаковым событием национальной литературы. Социально-политическая острота произведения не теряет актуальности и в наши дни, поскольку в нем анализируются факторы, обусловившие социальные, идеологические и межличностные конфликты.

Эпическая серия балкарского прозаика обстоятельно проанализирована в диссертации Ж. Гутаевой «Романы З. Толгурова: единство художественной системы, национальная специфика, поэтика» [Гутаева 2012]. В работе дается оценка концептуально сопрягаемым художественным полотнам с точки зрения жанрово-стилевой специфики, архитектоники, идейно-композиционных особенностей, образной парадигмы и методов реализации хронотопа. В диссертации выявлены внутрижанровая типология и историко-культурный контекст рассматриваемых произведений.

Выявляя жанровую природу романов З. Толгурова, автором четко проговаривается определение текстов как частей трилогии. Вместе с тем убедительной аргументации в пользу данного вывода не приведено. Мнение исследователя допустимо рассматривать как рабочую гипотезу, однако, если придерживаться терминологической точности, можно оспорить высказанное утверждение. В «целях теоретической корректности» следует прибегнуть к верификации их структуры и возможных содержательных, образных параллелей. Такая импровизированная полилогическая форма относительно условна, поскольку не основана на соподчинении (хотелось бы сакцентировать внимание на этом слове) текстов в содержательном плане, линейной связности частей / книг и наличествующих сквозных персонажах, как в принципе заложено в поэтике диалогий и трилогий. Взаимобусловленность между текстами отсутствует, событийный ряд едва ли можно назвать единым. В романах, безусловно, намечены контекстуальные переклички, но их единство остается номинальным ввиду того, что художественная целостность произведений окончательно не преобразована до уровня полноценной трилогии. Мы частично разделяем выводы исследователя относительно того, что в конструктивном плане романы З. Толгурова составляют эпическую серию (это пример «несобранного» авторского цикла). В организованном писателем контексте автономные произведения примыкают к повествовательному циклу, исходя из последовательности отражения исторических эпох и в соответствии с идейной доминантой.

Следует учесть, что тенденция к соотнесению трех указанных романов изначально задана заголовком первой книги. Подзаголовки, как известно, подтверждают взаимосвязь одного текста с другим (к примеру, так произошло с «Петербургскими повестями» Н. Гоголя). Они «не только расширяют и углубляют содержание цикла, но и указывают на конструктивную роль цитаты в ор-

ганизованном ансамбле» [Фоменко 1990: 24]. Заявленная писателем позиция может служить циклообразующим фактором, так как заглавию отведена функция формальной скрепы. В заголовках толгуровских романов довольно ясно прочитываются и символические обобщения. Это своего рода ключевые слова к концептуологии эпических повествований, по которым читатель может догадаться о возможных значениях. В этой связи, опять же, уместна отсылка к размышлениям И.В. Фоменко о том, что «антологизм заголовка» играет роль «сборной цитаты» [Фоменко 1990: 24]. По мнению ученого, «заглавие оказывается структурной основой книги, которая развертывается в модель мира» [Фоменко 1990: 26].

Принимая во внимание высказанные аргументы, есть основание полагать, что романы З. Толгурова образуют эпический цикл или серию, скрепленную авторской концепцией. В данном случае гипотетически допустимо признание цикличности романских повествований, исходя из соблюденной писателем хронологии событий эпохального значения. Герои произведений вовлечены в «водоворот истории», художником осмыслены значимые периоды этнического прошлого, т.е. история страны, народа, семьи и отдельной личности отражена поэтапно. Вместе с тем каждое повествование самодостаточно, представляя собой абсолютную целостность благодаря завершенности сюжетных линий.

Повествуя о судьбах отдельных людей, прозаик объективизирует историю, которая подается не только как свершившийся факт, но результат осознанных действий, как следствие ошибок и просчетов власти. Для автора довольно значим субъективный фактор, мотивация отдельной личности, гражданская позиция героев, их нравственно-этическая ориентированность. Данное обстоятельство дает персонажам романов З. Толгурова возможность проявить свой духовный потенциал, иллюстрирует степень осмысленности ими собственных действий, показать органичность развития личности либо выявить ее социально-нравственную ущербность. Результатом такого требовательного отношения к творчеству становится весомое ценностное содержание произведений и значительные художественные обобщения.

Емкая философская проблематика мотивирует выбор сложной структуры, имеющей логическое продолжение в последующих текстах, позволяя вдумчиво осмыслить тему. Укрупненная модель реальности вырисовывается в комплексе этих взаимодействующих частей. Соотношение категорий пространства и времени в романах зачастую неравноценно, своеобразно реализован и принцип конструктивной организации текста. В итоге в рамках образующегося эпического цикла все книги равнозначны. «Романы Толгурова в этом смысле находятся на передовом краю эволюции повествовательных жанров вообще, являя собой – в структурном, философско-концептуальном и образном планах – наиболее развитые примеры большой прозаической формы» [Толгуров 2003: 350].

В ходе исследования структурно-содержательных особенностей анализируемых художественных полотен определяются эффективные механизмы, посредством которых писателем раскрываются причинно-следственные связи социально-политических явлений. В романах «Большая медведица», «Голубой типчак» и «Белое платье» история определенно получает «философское, психо-

логическое, нравственное осмысление с позиций мироощущения отдельной личности – носителя чувств, эмоций, миропонимания своего народа» [Пономарева 2014: 106]. Благодаря сложным композиционным решениям, автором представлен широкий срез нескольких эпох. Произведения З. Толгурова полномасштабно раскрывают события исторического значения, их характеризуют эпохальность, народность, объективная оценка прошлого.

Очевидно, что в серии романов балкарского прозаика история «выступает полновластным демиургом, организующим сюжет, мотивирующим характеры» [Гутаева 2012: 13]. Все три книги объединяются лейтмотивом исторической памяти, социально-политической проблематикой, хроникальностью сюжетных линий, прогрессивным развитием авторской мысли. На цикличность сложившейся структуры указывает и единая хронотопическая модель произведений, совмещение в их художественном пространстве последовательной смены архаики и современности в «попытке заглянуть в первоисток бытия своего народа» [Тхагазитов 2006: 7]. Писатель отходит от идеологической регламентированности в трактовке истории, что характерно для абсолютного большинства литературных произведений в прошлом. В прозе З. Толгурова взаимопроникают элементы семейной хроники (жизнь и противостояние двух поколений горских семей в «гендерном выражении»), историко-философского романа и автобиографической прозы [Гутаева 2012: 11].

Концептуальное ядро импровизированного романного цикла составляет ценностная парадигма национального сознания. Немаловажными в постижении образно-символического контекста рассматриваемых произведений видятся афористичность и семиотическое богатство языка. В полилогии пунктирно выведена мысль о необходимости сохранения крепости и нерушимости семейных связей, индивидуальной ответственности каждого за будущее рода. Писателю важно было обозначить специфику национального сознания в образах главных героев, показать весомость родового мышления. Материал толгуровских произведений иллюстрирует «общенародный масштаб» процесса разрушения семейных уз, общинных связей, отрыва героев от этнических корней, и, как следствие – постепенной нравственной деградации (на примере романских героинь Айшат и Аскерхан). В этом плане неопределима роль символических обобщений – это и полноводная *река*, теряющая себя, вливаясь в море («Большая медведица»); и *дерево* с отсеченными корнями, лишенное поддержки родной земли («Голубой типчак»); и *белое платье* как символ духовной чистоты и осознанного отказа героини от духовных ценностей семьи («Белое платье»).

В обозначенных романах особая функция отведена мифологемам: лейтмотивные образы созвездия Большой медведицы (Жетегейле), дерева, голубой травы (типчак), олицетворяющей идеологический прессинг; символические параллели с судьбой народа на примере скакуна Алакёза, выступающего в качестве гуманистического идеала, волчицы Гажай; голубя и райской птицы; великанов-эмегенов, противостоящих нартам. Отмеченные элементы «являются своего рода мифопоэтической «декорацией» ко всей романной панораме» [Гутаева 2012: 16]. В контексте «Голубого типчака» дерево увязывается с мотивом оторванности от своих корней, утраты идентичности. В «Белом платье» тот же образ присутству-

ет как аналогия со священным деревом Раубазы (в текст романа внедрен эпизод, когда на ветвь груши садится голубь – неприкаянная душа женщины, разъединенной со своим ребенком и трагически погибшей во время ссылки), возвещая надежду народа «на духовное возрождение» [Гутаева 2012: 18].

Однако вернемся к теме. Изначально «Большая медведица» задумывалась как первая книга дилогии, о чем свидетельствует наличие заглавия (Биринчи китап – Первая книга). Таким образом, в художественном тексте имплицитно содержится намек на возможное продолжение. Хотя в последующих двух текстах подобных заглавий не обнаруживается. Далее, используя необычные конструктивные ходы, писатель подвергает текстовый массив романов перегруппировке, чтобы достичь намеченной цели. Подчиняясь эпическому размаху собственного замысла, З. Толгуров создает «мегакомпозицию», разрабатывает «хроникальный принцип исследования истории» (В. Соболенко), благодаря которому панорамная картина нескольких эпох получает всеохватность в трех романах. Глубокое понимание исторических закономерностей определяет своеобразие всего эпического творчества писателя.

Произведение «Большая медведица» объединило в себе основополагающие черты романной формы и эпопеи, поэтому в толковании художественного текста узловыми будут принцип историзма и категория народности. Обязательными условиями эпохальности, как известно, являются энциклопедический охват народной жизни, раскрытие личности героя в сопряжении с историей этноса, вовлеченность отдельного человека в процесс смены форм общественного устройства, выявление социальных противоречий, борьбы полярных мировоззрений и т.д. Все это способствует протяженности повествования во времени и пространстве, вбирая огромный исторический интервал. Автор берет курс на отражение психологических трансформаций и искажений в сознании главных героев в условиях стихийно меняющейся социально-политической ситуации (на примере Нуха и Казака). Писатель стремится показать истинную подоплеку происходящих событий, иллюстрируя трагические судьбы людей, втянутых в идеологические реформы. Так читатель получает возможность просмотреть человеческие биографии в режиме реального времени. «Действительность в произведении подается в авторской интерпретации. З. Толгуров берется решить в своем романе довольно сложную задачу: проследить духовное развитие характеров, многоаспектно раскрывая факты исторического значения в ракурсе межличностных отношений» [Болатова (Атабиева) 2019: 145]. Использование романной техники и ресурсов эпопейного повествования благоприятствует осмысленной подаче действительных картин.

Историческая хроника с привлечением подтверждающих документов, архивных данных, панорам сражений, массы деталей и подробностей создает необходимый повествовательный фон. Этот эффект усиливается активным внедрением идиоматических выражений, фразеологических оборотов, диалектизмов, пословиц и поговорок, щедро рассыпанных по всему тексту. Писатель сохраняет этническую специфику преимущественно через речевые контрасты, обороты, языковые особенности, которые являются прямым указанием на социальное положение персонажей, либо используются для обозначения антагани-

стических сил. Не менее важным в передаче этнического колорита видится и бытописание сельской жизни. В языке романа задействованы эпическое и лирическое начала, особым функционалом наделена монологическая речь, способствующая конкретизации образов, да и сама идейная основа книги прочитывается в пространственных размышлениях героев.

XX век явился эпохой тяжелых испытаний для народа и всей страны, люди оказались втянуты в процесс революционных преобразований, попав в тиски двух войн (Первой мировой и гражданской). В изображении самой войны художника интересует непосредственное восприятие включенных в этот процесс людей. Крушение привычного патриархального уклада жизни привело к растерянности народа, внутреннему неприятию и сомнениям. Общество разделилось на два непримиримых лагеря, враждующие стороны перетягивали в свои ряды как можно больше последователей, и лишь немногие были способны идти своим путем. В формате повествования «Большой медведицы» З. Толгурова такой личностью является Казак, выступающий в роли «творца истории». Судьба персонажа тесно переплетена с судьбой балкарского народа в пору исторических катаклизмов. «Установка на постоянно ищущего героя» является необходимым качеством романа-эпопеи [Соболенко 1986: 98]. Казак – герой ищущий, порой заблуждающийся, но осознающий собственные ошибки и неизменно стремящийся к постижению истины. В этом собирательном образе писатель ярко и емко сумел отразить национальный характер, продемонстрировать сложный процесс духовного становления и самоидентификации личности. Автору романа удалось срисовать «топографию души» своих героев в «точечных» психологических реакциях, состояниях фрустрации, обманутых ожиданий и потери ориентиров. В произведении получили отражение наиболее острые социально-нравственные, этические аспекты взаимоотношений людей, затрагивая сферы идеологических, мировоззренческих, межличностных коммуникаций.

Следующий роман З. Толгурова «Голубой типчак» также может претендовать на эпичность. Народная история получает в нем реалистически достоверное отражение через семейную хронику (образы Халимат, ее сестер и сына Крыма). Сложные взаимоотношения главной героини с сестрой Айшат обуславливают неразрешимый внутрисемейный конфликт. Писателем осуждается бездуховность человека, действия которого мотивированы исключительно жадностью собственного обогащения. «Через весь роман сквозной линией проходит тема отсеченных корней, безродности. «Человек не живет без корней, как и дерево» – эта мысль неоднозначно звучит в тексте и в подтексте произведения, находя подтверждение в поступках и судьбах героев» [Гутаева 2012: 12]. Особенно отчетливо эта линия проявляется на примере мальчика Крыма, увезенного в Россию офицером Кравцовым, выросшего вдали от родины и близких людей.

В структурно-смысловом оформлении романа «Голубой типчак» применены принцип двоemiрия и философско-мифологическая интерпретация действительности. В контекст произведения внедряются атрибуты мифического сознания. «Писатель моделирует новую художественную реальность в единстве вымысла и исторической подлинности. Эта модель становится средством постижения законов мироздания, способом осмысления нравственно-этических и со-

циальных противоречий современной действительности в условно-аллегорической подаче» [Болатова (Атабиева) 2019: 71].

В эпической прозе З. Толгурова ход истории осмыслен с точки зрения духовно-нравственных категорий. Романы балкарского прозаика можно назвать развернутыми комментариями к историческим реалиям XX века, содержащими некоторую категоричность авторских оценок в отношении событий прошлого и современности. Неотъемлемой частью эпических повествований становится мифологический параллелизм. Наблюдается «эстетически плодотворное сочетание традиций мифологического сознания с развитым современным художественным сознанием» [Тхагазитов 2006: 203].

Философская концепция «Белого платья» полемична ввиду того, что в ее содержании происходит пересмотр сложившихся стереотипов и представлений о характере реалистического повествования. «Неоднозначный характер событий переломной эпохи 1990-х транслируется путем реконструкции эпоса» [Болатова (Атабиева) 2019: 71]. Вживление архаического сюжета происходит посредством синхронного повествования, отвечающего задачам многоаспектности содержания. Глубоко продуманная архитектура художественного текста позволила поэтапно отразить в событийной части романа внушительный пласт этнической истории. Перед читателем проносятся этапы насаждения идеалов революции, коллективизации, перипетии гражданской и Великой Отечественной войн, годы депортации, постепенного возрождения народа, периода перестройки и крушения прежних институтов власти. «Сюда же вписаны микроистории человеческих драм и трагедий» [Гутаева 2012: 17]. Обстоятельства жизни двух противоборствующих кланов позволяют читателю получить представление о жизненных принципах героев и об их понимании счастья. Осознание тщетности предпринимаемых попыток в его достижении усиливает драматизм человеческих судеб.

В структуре романного повествования доминирующее положение получают «мысль семейная» и «мысль историческая» (В. Соболенко). «Белое платье» – это семейно-бытовой эпос, в котором раскрывается особая атмосфера человеческих взаимоотношений, специфика национального сознания, антагонизм двух семейно-родовых традиций. Многолетнее противостояние, неразрешимость социальных противоречий демонстрируется в оппозициях Чиппо – Мисирхан, Шамгун – Зайнаф, Чапай – Аскерхан. Целостность семьи, как единения людей, нарушается. Неразвитое, инфантильное сознание подводит персонажей к пропасти (этот мотив укрупненно подан в образе главной героини Аскерхан). Следует подчеркнуть и значимость родового сознания (в кабардинской литературе характерным примером, подтверждающим высказанную мысль, служит роман Х. Теунова «Род Шогемоковых»). Одной из центральных в прозе З. Толгурова является идея универсальности человеческих проблем. Волнующие его вопросы касаются морали, духовности, нравственного выбора и подразумевают принятие решений в сложных социальных ситуациях, но не в привычной описательной манере, а в процессе внутренней борьбы человека, противостояния суровой реальности.

Эпические рамки «Белого платья» вбирают этнокультурный пласт, в повествовании получают отражение эсхатологические мотивы, формируется онтологический контекст. «Концептуальной приметой романа» (Ж. Гутаева) является осознанное мифотворчество, в произведении параллельно современной действительности обрисован мир языческих божеств, мифических великанов и нартов-богатырей. Так раскрывается специфика мифологического мировидения, иллюстрируется «цикличность общечеловеческой и национальной истории, по спиралевидной траектории, возвращающей людям «старые проблемы» и нравственные ошибки» [Гутаева 2012: 19], деактуализирующиеся программы поведения, которые требуют проработки в настоящем моменте. Данным обстоятельством объясняются периодические отсылки в прошлое, служащие напоминанием. Диалогичность структуры текста оказывается действенным средством, позволяющим героям романа выразить собственное отношение к происходящему.

Надо сказать, в эпическом наследии З. Толгурова четко прослеживается опора на национальные традиции, отражение совокупности этнического опыта. В содержании романа «Белое платье» преобладают мотивы личностного становления, раскрывается природа человека и общества, свойственные эпопейной традиции. Автор стремится отразить «мировоззренческие позиции героев, в основе которых лежит укорененность человека в семейных обычаях, нравах, в среде обитания, в способности психологически воспринять традицию родного очага и нести ее на уровне духовных ценностей» [Крутов 2006: 16]. Заметна тенденция писателя к преодолению инерции устаревших представлений о художественном конфликте, создав глубоко новаторское произведение – роман-шифр, связанный единой темой, с многомерным охватом реалий времени и жизненного уклада героев. Художник отражает онтологическую проблематику, ориентируясь на «соотнесение доли индивидуальной и родовой основы сознания личности» [Крутов 2006: 11]. Примечательно, что в романе получает раскрытие архетип хаоса, как зеркальное отражение событий политического переворота 1990-х годов. В целом роман З. Толгурова «Белое платье» – яркий пример плодотворного взаимодействия триады «миф – литература – художественный текст» [Тхагазитов 2006: 188].

Творчество балкарского прозаика наметило границы современного социально-исторического романа, в котором общественные противоречия изобличаются путем метафоризации содержания через авторскую мифологию. Художником умело создаются цепочки лейтмотивов, которые служат своеобразными «сигналами» для возникновения определенных ассоциаций в читательском восприятии. Это образы-лейтмотивы природы (звезда, река, дерево и т.д.) вкупе с мыслями-рассуждениями ведущих персонажей (Нуха и Казака, Халимат / Хаблы и Айшат, Зекерии и Аскерхан) создают широкий контекст той социальной среды, в которой герои вынуждены находиться. В текстах романов содержится максимум философских сентенций, ремарок, отступлений, ведущих к осознанию единой концепции через диалоги и монологи действующих лиц. Так в формате эпического цикла происходит воссоединение авторских размышлений о времени, истории и человеке в них.

В эволюции романного цикла ощутимую роль сыграли творческие наработки и достижения балкарского писателя А. Теппеева. Итогом нацеленности автора на полномасштабное отражение исторической действительности стали художественные полотна, созданные им в разное время (эпическая серия повествований, состоящая из трех автономных книг). В них заметны пантеистические моменты, ориентированность на переосмысление ранее затронутой темы. Так, в мифоэпическом цикле романов – «Ас-Тах», «Баязир», «Алтын Хардар» («Золотой Хардар») обыграна современная действительность в сопряжении с далеким прошлым, которое мыслится писателем лучшим временем, когда героическое превалировало в человеке. Мифологический контекст произведений обуславливает многоуровневость их композиции. «Инвариантная модель» циклической структуры романов способствовала аккумуляции колоссального объема информации с сопутствующим выявлением характера изображаемых эпох, исторических ситуаций, принципов обустройства социальных отношений, особенностей жизненного уклада, специфики менталитета, т.е. всего того, что принято называть национальной картиной мира. Чаще всего под такую классификацию подпадают романы «мозаичного типа» со специфическим выстраиванием внутритекстового единства.

Развернутое изображение способствует соотнесению различных эпох, выявлению наиболее значимого, узлового содержания, определению переломных этапов этнической истории. Изображаемые писателем события формируют определенную последовательность: эпические тексты, выстраиваемые по хронологии событий, вырисовывают жизнь народа на протяжении столетий. Завершают эту временную последовательность современные жизнеописания героев («Баязир»). Галерею персонажей составляют люди различных социальных групп и возрастов с особенностями мировосприятия.

Романы составляют художественное единство по общности на уровне проблематики и мифологической системы образов, целостности концепции и пространственно-временного структурирования. Циклическая организация взаимодополняющих друг друга произведений создается посредством монтажного сцепления, отдельные части мифоэпической серии характеризуются сменой идейно-тематического фокуса. К примеру, в романе «Баязир» сцена перехода персонажа из современной действительности в жизнь прошлую играет ключевую роль в разъяснении последующего развития эпических событий, в понимании авторского замысла, постижении нравственных основ во взаимоотношениях поколений. Ситуации, описываемые в тексте, образуют «новую бытийную нишу».

Примечательным является и то, что анализ многомерной структуры романного цикла А. Теппеева позволяет постичь специфику мировоззрения писателя, в полной мере раскрыть внутренний мир представленных персонажей, понять логику их действий, уловить связь между ощущениями героев и авторским восприятием. В содержании эпических повествований сильны мифо-фольклорные и социально-философские мотивы, что дает возможность классифицировать их как «философско-аллегорические романы». В них воплощено движение языческой истории этноса в индивидуальном прочтении. Поликультурный пласт, мотивы древних легенд, сказаний, мифов получают новое дыха-

ние и так же органично вписываются в контекст современности. Яркие портреты теппеевских героев несут определенную идейно-эстетическую нагрузку. Писатель отходит от муссируемых прежде типовых образов, создаваемых в соответствии с идеологическими стереотипами, для него важна этническая составляющая в оценке характеров, национальная основа их мировидения.

Произведения А. Теппеева являются подтверждением самобытного прошлого народа, тесно переплетенного с историей других этносов. Герои отмеченных романов (Аркес, Баязир, Добуллу) исповедуют собственную систему ценностей, являются носителями исконно национальных черт. Благодаря таким параллелям происходит процесс самоидентификации, создается «духовное пространство этнического существования балкарцев» [Габаева, Теппеев 2010: 684]. Анализируемые произведения представляют собой хронотопический цикл повествований о далеком прошлом этноса. Не следует забывать, что «народное мировосприятие» мыслится «как один из национально своеобразных, социально и исторически детерминированных типов художественного сознания» [Тхагазитов 2006: 190]. Они воспринимаются как признание абсолютного пиетета отшлифованного веками этнического (мифологического) сознания, утверждением мысли о важности сохранения генетической (родовой) памяти. Информация о древней истории считывается в совокупности определяющих черт и признаков каждой представленной языческой эпохи. Здесь также реализован характерный для писателя прием умолчания. Философский и социальный планы произведений, формирующих импровизированную серию, подаются в сопряжении. Каждый действующий персонаж в упомянутых текстах является порождением времени и среды, он волен выражать свою мировоззренческую позицию, будучи вовлеченным в непрерывное течение времени, в ход самой истории. Индивидуальное духовно-ценностное восприятие диктует героям А. Теппеева определенную модель поведения и мотивирует на дальнейшее развитие. Смутное время требует от них активных действий, решительности, самоопределения в вопросах нравственно-этического, социально-общественного порядка. Ремарки, закадровое присутствие автора, индивидуальная концепция писателя укрепляют в определенном мнении относительно событийного плана, ориентируют на верное истолкование исторических эпизодов и адекватную оценку архаических (равно языческих) явлений.

В контексте произведений позднего периода творчества А. Теппеева возникает ряд тематических линий, свидетельствующих о значительных изменениях в художественном мире писателя. Романы «Ас-Тах», «Баязир», «Золотой Хардар» стоят особняком в литературном наследии автора, демонстрируя новые тенденции в творческом стиле. Комментируя замысел писателя, оценивая художественный уровень мифопоэтической серии, а также круг затронутых в ней проблем, следует указать на соразмерность соотношения фактического материала и художественного вымысла. Произведения созданы на основе древних мифологических представлений, поэтому изобилуют аллюзиями и фольклорными реминисценциями, важную роль в раскрытии концептуального смысла играют как языческие мотивы, так и символическая образность.

Вышеприведенные образцы повествовательных циклов и эпических серий отдельных авторов свидетельствуют о том, что модификации романной формы в балкарской эпической прозе достаточно разнообразны и представлены во множестве вариаций. Анализ материала национальной литературы в заявленном аспекте иллюстрирует нацеленность писателей на раскрытие актуальных тем своего времени посредством полилогий. «Цикл романов – это авторский контекст нового типа, воспринимающийся как история духовного становления личности» [Атабиева 2023: 229].

Подытоживая идейно-смысловой, структурно-содержательный анализ текстового материала балкарских романов, наиболее показательных в ракурсе исследуемого вопроса, можно аргументированно относить произведения отмеченных прозаиков к полилогическим структурам, синтезировавшим в себе основополагающие признаки соответствующего жанра. Они позволяют примерно отследить процесс становления этой крупномасштабной эпической формы в национальной литературе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Атабиева 2023 – *Атабиева А.Д.* Циклические структуры в карачаево-балкарской литературе. – Нальчик: Принт-Центр, 2023. – 248 с.

Бардыкова 2010 – *Бардыкова И.В.* «В поисках утраченного времени» М. Пруста как циклическое единство // Научные ведомости. Серия: Гуманитарные науки. – 2010. – № 24 (95). – Вып. 8. – С. 12–21.

Баланчук 2010 – *Баланчук О.Е.* Диалогия в русском литературном процессе: генезис и эволюция // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2010. – № 2 (Т. 1). – С. 7–16.

Баланчук 2012 – *Баланчук О.Е.* Эпическая диалогия XIX века: специфика бытования // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. – 2012. – № 3 (1). – С. 376–380.

Болатова (Атабиева) 2019 – *Болатова (Атабиева) А.Д.* Принцип художественной условности в карачаево-балкарской литературе. – Нальчик: Принт Центр, 2019. – 264 с.

Габаева, Теппеев 2010 – *Габаева А., Теппеев А.* Алим Теппеев // Очерки истории балкарской литературы. – Нальчик: Респ. полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2010. – С. 663–684.

Гутаева 2012 – *Гутаева Ж.Ж.* Романы З. Толгурова: единство художественной системы, национальная специфика, поэтика: дис. ... канд. филол. наук. – Нальчик, 2012. – 174 с.

Дарвин 1996 – *Дарвин М.Н.* Циклизация в лирике. Исторические пути и художественные формы: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Екатеринбург, 1996. – 43 с.

Крутов 2006 – *Крутов Ю.И.* Генезис и трансформации эпических жанровых признаков в прозе XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2006. – 26 с.

Нестерова 2012 – *Нестерова С.В.* Циклическое текстопостроение в малой эпической прозе: дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2012. – 190 с.

Мирошникова 2011 – *Мирошникова О.В.* Стихотворение и цикл в архитектонике лирической книги // Филология и человек. – 2011. – № 3. – С. 108–116.

Пивоварова 2018 – *Пивоварова Е.Л.* Принцип циклизации как эксперимент в прозе в начале XX в.: к постановке вопроса // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2018. – № 1. – С. 40–43.

Пономарева 2014 – *Пономарева Е.В.* Циклизация и серийность малой прозы как явление литературного процесса XX–XXI вв. // Литературоведческий журнал. – 2014. – № 1. – С. 100–118.

Соболенко 1986 – *Соболенко В.* Жанр романа-эпопеи (Опыт сравнительного анализа «Войны и мира» Л.Н. Толстого и «Тихого Дона» М. Шолохова). – М.: Художественная литература, 1986. – 205 с.

Толгуров 2010 – *Толгуров З.Х.* Балкарская литература 60–70-х годов // Очерки истории балкарской литературы. – Нальчик: Респ. полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2010. – С. 183–204.

Толгуров 2003 – *Толгуров Т.З.* Зейтун Толгуров // Биобиблиографический словарь «Писатели Кабардино-Балкарии XIX – конец 80-х гг. XX в.». – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2003. – С. 346–351.

Тхагазитов 2006 – *Тхагазитов Ю.М.* Эволюция художественного сознания адыгов (опыт теоретической истории: эпос, литература, роман). 2-е изд-е, перераб. и доп. – Нальчик: Эльбрус, 2006. – 280 с.

Фоменко 1990 – *Фоменко И.В.* Поэтика лирического цикла: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1990. – 32 с.

Шрага 2009 – *Шрага Е.А.* Прозаическая циклизация и ее роль в русском литературном процессе 1820-30-х гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2009. – 23 с.

REFERENCES

ATABIEVA A.D. Ciklicheskie struktury` v karachaevo-balkarskoj literature [Cyclic structures in Karachay-Balkar literature]. – Nal`chik: Print-Centr, 2023. – 248p. (In Russ.).

BARDY`KOVA I.V. «V poiskax utrachennoogo vremeni» M. Prusta kak ciklichesкое edinstvo ["In Search of Lost Time" by M. Proust as a cyclical unity]. In: Nauchny`e vedomosti. Seriya: Gumanitarny`e nauki. – 2010. – № 24 (95). (In Russ.).

BALANCHUK O.E. Dilogiya v russkom literaturnom processe: genezis i e`volyuciya [Dilogy in the Russian Literary Process: genesis and Evolution]. In: Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. – 2010. (In Russ.).

BALANCHUK O.E. E`pichesкая dilogiya XIX veka: specifika by`tovaniya [The epic dilogy of the XIX century: the specifics of existence]. In: Vestnik Nizhegorodskogo unstituta im. N.I. Lobachevskogo. – 2012. (In Russ.).

BOLATOVA (ATABIEVA) A.D. Princip xudozhestvennoj uslovnosti v karachaevo-balkarskoj literature [The principle of artistic convention in Karachay-Balkar literature.]. – Nal`chik: Print Centr, 2019. – 264 p. (In Russ.).

GABAEVA A., TEPPEEV A. Alim Teppeev [Alim Teppeev]. In: Oчерки istorii balkarskoj literatury`. – Nal`chik: Resp. poligrafkombinat im. Revolyucii 1905 g., 2010. – P. 663–684. (In Russ.).

GUTAEVA Zh.Zh. Romany` Z. Tolgurova: edinstvo xudozhestvennoj sistemy`, nacional`naya specifika, poe`tika [The novels of Z. Tolgurova: the unity of the artistic system, national specifics, poetics]: dis. ... kand. filol. nauk. Nal`chik, 2012. – 174 p. (In Russ.).

DARVIN M.N. Ciklizaciya v lirike. Istoricheskie puti i xudozhestvenny`e formy` [Cyclization in the lyrics. Historical paths and artistic forms]: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Ekaterinburg, 1996. – 43 p. (In Russ.).

KRUTOV Yu.I. Genezis i transformacii e`popejny`x zhanrov`x priznakov v proze XX v. [Genesis and transformations of epic genre features in the prose of the XX century]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2006. – 26 p. (In Russ.).

NESTEROVA S.V. Ciklichesкое tekstopostroenie v maloj e`picheskoj proze [Cyclic text construction in small epic prose]: dis. ... kand. filol. nauk. Tver`, 2012. – 190 p. (In Russ.).

MIROSHNIKOVA O.V. Stixotvorenie i cikl v arxitektonike liricheskoj knigi [A poem and a cycle in the architectonics of a lyric book]. In: Filologiya i chelovek. – 2011. – № 3. – P. 108–116. (In Russ.).

PIVOVAROVA E.L. Princip ciklizacii kak e`ksperiment v proze v nachale XX v.: k postanovke voprosa [The principle of cyclization as an experiment in prose at the beginning of the 20th century: to raise the question]. In: Vestnik VGU. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika. – 2018. – № 1. – P. 40–43. (In Russ.).

PONOMAREVA E.V. Ciklizaciya i serijnost` maloj prozy` kak yavlenie literaturnogo processa XX–XXI vv. [Cyclization and serialization of small prose as a phenomenon of the literary

process of the XX–XXI centuries]. In: Literaturovedcheskij zhurnal. – 2014. – № 1. – P. 100–118. (In Russ.).

SOBOLENKO V. Zhanr romana-e`popei (Opy`t sravnitel`nogo analiza «Vojny` i mira L.N. Tolstogo i «Tixogo Dona» M. Sholoxova) [The genre of the epic novel (The experience of comparative analysis of "War and Peace by L.N. Tolstoy and "The Quiet Don" by M. Sholokhov)]. – M.: Xudozhestvennaya literatura, 1986. – 205p. (In Russ.).

TOLGUROV Z.X. Balkarskaya literatura 60–70-x godov [Balkarian literature of the 60-70's]. In: Ocherki istorii balkarskoj literatury`. – Nal`chik: Resp. poligrafkombinat im. Revolyucii 1905 g., 2010. P. 183–204. (In Russ.).

TOLGUROV T.Z. Zejtun Tolgurov [Zeitun Tolgurov]. In: Biobibliograficheskij slovar` «Pisateli Kabardino-Balkarii XIX – konec 80-x gg. XX v.» – Nal`chik: Izdatel`skij centr «E`l`-Fa, 2003. – P. 346–351. (In Russ.).

ТКНГАЗИТОВ Ю.М. E`volyuciya xudozhestvennogo soznaniya ady`gov (opy`t teoreticheskoy istorii: e`pos, literatura, roman) [The evolution of the artistic consciousness of the Adygs (the experience of theoretical history: epic, literature, novel)]. – Nal`chik: E`l`brus, 2006. – 2-e izd-e, pererab. i dop. – 280 p. (In Russ.).

FOMENKO I.V. Poe`tika liricheskogo cikla [The poetics of the lyrical cycle]: avtoref. dis. ...d-ra filol. nauk. M., 1990. – 32 p. (In Russ.).

SHRAGA E.A. Prozaicheskaya ciklizaciya i ee rol` v russkom literaturnom processe 1820-30-x gg. [Prose cyclization and its role in the Russian literary process of the 1820s and 30 years.]: avtoref. dis. ...kand. filol. nauk. SPb., 2009. – 23 p. (In Russ.).

Информация об авторе

А.Д. Атабиева – кандидат филологических наук.

Information about the author

A.D. Atabieva – PhD (in Philology), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 07.11.2024 г.; одобрена после рецензирования 12.12.2024 г.; принята к публикации 27.12.2024 г.

The article was submitted 07.11.2024 y.; approved after reviewing 12.12.2024 y.; accepted for publication 27.12.2024 y.

Научная статья
УДК 821.35
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-289-301
EDN: QKRLIX

«ДОМ» И «МИР»¹ В СОЗНАНИИ ГЕРОЯ ПОВЕСТИ И. КАПАЕВА «САЛАМ, МИХАИЛ АНДРЕЕВИЧ!»

Насипхан Хусиновна Суюнова^{1,2}

¹ Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета» институт гуманитарных исследований имени Х.Х. Хапсирокова, Черкесск, Россия, soyunen@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5242-9261>

² Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева, Карачаевск, Россия.

Аннотация. В статье исследуется опыт художественного осмысления проблемы взаимосвязи Дома и Мира в сознании еще одной ипостаси сквозного героя (Карамова) ряда произведений И. Капаева. Отмечается, что тема выбора героем с «потрясенным сознанием» способа взаимодействия с Миром является лейтмотивной в прозе И. Капаева, и судьба каждого из его Карамовых представляет собой вариант ее реализации.

Встреча с Миром героя анализируемой повести, аульского механизатора Мухтара Карамова, произошла во время его первого в жизни выезда из Дома – поездки по путевке на ялтинский курорт. Безбрежное море, многолюдная набережная – метафора этого мира. Он также персонифицирован в образе Ивана Харитоновича Калягина, донецкого шахтера, соседа Карамова по номеру. Герой, поначалу подавленный великолепием, многообразием открывшейся перед ним не очень понятной действительности, восхищенный личностными качествами Ивана Харитоновича, избирает бесконфликтный способ взаимодействия с этим миром: копирует модели поведения его обитателей, называет себя более органичным для него именем Михаил Андреевич, пытается механически перенести его порядки в свою домашнюю жизнь. Однако конфликт укореняется в сознании Карамова. Писатель сосредоточивает внимание на причинах внутренней неудовлетворенности героя, оказавшегося однажды между Домом и Миром, и видит ее в более развитой, чем у земляков, индивидуальности. Мухтар Карамов испытывает подлинный интерес к большому миру, но также и потребность в равноправном, сохраняющем его собственные ценности, диалоге с ним. Долгая игра героя на свирели во дворе своего дома в открытом финале повести символизирует непростой характер его рефлексии.

В качестве материала для анализа в статье использован текст исследуемой повести на языке оригинала. Для цитирования привлечен переводной текст на русском языке.

Ключевые слова: Дом, Мир, герой-личность, модель мира, индивидуальность героя, диалог, рефлексия.

Для цитирования: Суюнова Н.Х. «Дом» и «мир» в сознании героя повести И. Капаева «Салам, Михаил Андреевич!» // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 4. – С. 289-301. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-289-301. EDN: QKRLIX.

© Суюнова Н.Х., 2024

¹ «Дом и Мир» – концепты, вынесенные в заголовок монографии К.К. Султанова / Султанов К.К. От Дома к Миру: этнонациональная идентичность в литературе и межкультурный диалог. – М.: Наука, 2007. – 301 с.

Original article

«HOME» AND «WORLD» IN THE CONSCIOUSNESS OF THE HERO OF I. KAPAEV'S STORY «SALAM, MIKHAIL ANDREEVICH!»**Nasipkhan Kh. Suyunova**^{1,2}

¹ Karachay-Cherkessian "Badge of Honor" Institute for Humanitarian Research named after Kh.Khapsirokov, Cherkessk, Russia, soyunen@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5242-9261>

² U.D.Aliev Karachay-Cherkessian State University, Karachaevsk, Russia.

Abstract. The article analyses the experience of artistic comprehension of the relationship between “Home” and “World” in the consciousness of another one incarnation of the cross-cutting hero (Karamov) through several works of I. Kapaev. It is noted that the theme of choice of the way of interaction with the World by a hero with a “shocked consciousness”, represents leitmotiv in I. Kapaev’s prose, and the fate of each of his Karamovs appears as a variant of its realization.

The hero of the analyzed story, Mukhtar Karamov, an agricultural machinery operator, encounters the World” at his departure from “Home”, first in his life - during a trip to the Yalta resort. The boundless sea, crowded embankments represent here a metaphor for this World. This World is also personified in the image of Ivan Kharitonovich Kalyagin, a Donetsk miner, Karamov’s roommate. The hero, at first overwhelmed by the splendor and diversity of the not very clear reality that opened before him, admiring Ivan Kharitonovich’s personal qualities, chooses a conflict-free way of interacting with this world: he copies the behavior patterns of its inhabitants, calls himself Mikhail Andreyevich, a more organic name for him, and tries to mechanically transfer its patterns into his home life. However, the conflict takes root in Karamov’s consciousness. The writer focuses on the reasons for the inner dissatisfaction of the hero, who once found himself between Home and the World, and sees this dissatisfaction in a more developed individuality than that of his fellow countrymen. Mukhtar Karamov feels a genuine interest in the big world, but also the need to dialog with it, equally preserving his own values. The hero’s long playing of the whistle in the courtyard of his house in the open finale of the story symbolizes the uneasy nature of his reflection.

As material for analysis, the article uses the source language text of the analyzed story. The text translated into Russian is used for quoting.

Keywords: Home, World, hero-personality, model of the world, hero’s individuality, dialog, reflection.

For citation: Suyunova N.Kh. «Home» and «world» in the consciousness of the hero of I. Kapaev’s story «Salam, Mikhail Andreevich!». IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 4. – P. 289-301. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-289-301. EDN: QKRLIX.

© Suyunova N.Kh., 2024

Среди произведений ногайского писателя Исы Капаева (род. в 1949 г.), увидевших свет в 70-80-е годы прошлого столетия, примечательна повесть «Салам, Михаил Андреевич!», представляющая собой историю одной из ипостасей сквозного героя по фамилии Карамов ряда повестей и романов писателя. Впервые повесть была опубликована на русском языке в журнале «Знамя» в 1982 году [Капаев 1982]. На ногайском языке она увидела свет спустя два года в Черкесске, в составе одноименного сборника рассказов и повестей Капаева

[Капаев 1984]. Затем последовали и другие ее публикации на русском и ногайском языках [Капаев 1985; Капаев 2011].

Диалектику эволюции сознания своего героя alter ego И. Капаев последовательно начал проследивать в более ранних повестях: «Куржун, в котором спрятано детство» [Суюнова 2024: 215-226], «Сказание о Сынтаслы», продолжил в последующих произведениях – повести «Синие снега» [Суюнова 2023: 354-371], в романах «Вокзал» и «Книга отражений».

Содержательно отличен, но одинаково сложен, тем самым и интересен опыт встречи и формы взаимодействия с большим миром каждого из Карамовых. Открытые ими истины, усвоенные уроки, сформированные убеждения художественно полноценно и психологически достоверно осмыслены писателем в перечисленном ряду его произведений. Наряду с диалектикой четко «становящегося ряда» (Бахтин) личностной эволюции героев «Сказания о Сынтаслы» и «Вокзала», в последующих произведениях И. Капаева («Салам, Михаил Андреевич!», «Синие снега», «Книга отражений») мы видим не только то, «кто есть герой, и «что есть черты действительности для его самосознания» [Бахтин 2024: 77], но также и взаимоотношения идентичностей, без их «какой-либо попытки «отмены» друг друга» [Султанов 2019: 143].

Итак, для исследования в качестве одной из версий встречи капаевского героя с Миром, осмысления им на фоне новых впечатлений происходящего в Доме, последовавших за этим важных трансформаций в его сознании избрана повесть «Салам, Михаил Андреевич!» При этом наиболее эффективными, адекватными целям и задачам настоящей статьи представляются герменевтический, семиотический и психологический методы анализа текста.

Поскольку повесть «Салам, Михаил Андреевич!» не исследовалась специально, ее материал включался лишь в обзорную часть квалификационной работы и отдельные публикации [Суюнова 1999; Караева 2019: 310-312], актуальность предложенной в статье научной интерпретации данного произведения очевидна.

Цель исследования – осмысление одного из проявлений влияния постмодерна на многонациональную литературу 70-80-х гг. XX века, когда объектом авторского внимания преимущественно становился внутренний мир, сознание героя-личности. Написанная именно в этот период повесть И. Капаева и есть история героя-личности с «потрясенным сознанием», в котором он (Мухтар Карамов) пытался совместить ценности Дома и Мира.

Анализ судеб Тенгиза («Сказание о Сынтаслы») и Истэма («Вокзал»), первых из капаевских Карамовых – молодых людей, увлеченных творчеством, показывает, что при различных исходных данных (Тенгиз рос в ауле, в национальной среде, а Истэм – на «перепутье», между аулом и городом), оба идентичным образом ищут себя во времени. Они (каждый на своем уровне), будучи в начале жизненного пути, пытаются интегрироваться в хронотоп большого мира через примирение национального и универсального в своей картине мира, то есть, добиваясь их органического единства.

Несколько иной предстает природа драмы и попытка ее разрешения в сознании главного героя следующей повести И. Капаева «Салам, Михаил Андре-

евич!»). Мухтар Алим-гиреевич Карамов – еще одна ипостась сквозного героя Капаева. Драма его сознания, потрясенного открывшимся перед ним в буквальном смысле пространством большого мира – в центре повести, и художественный поиск писателя здесь не менее напряжен, чем в его предыдущих произведениях.

В социально-психологическом плане Мухтар Карамов противоположен Тенгизу и Истэму, молодым людям с выраженной творческой натурой, психологически еще не созревшим, находящимся в самом начале взрослого периода жизни, только создающим семьи (Истэм – и вовсе молодой интеллигент со столичным образованием). Мухтар – механизатор, отец четверых детей, человек зрелый, сложившийся, с устоявшимся укладом жизни и ясным мировоззрением, за плечами которого тяжелое детство и юность. Однако его природе также не чуждо творческое восприятие мира. Именно оно в основе той впечатлительности, которую проявил Мухтар при первой встрече с большим миром, символизированным в образе бескрайнего моря, открывшегося перед его взором в первый день его курортного отдыха в Ялте.

Творческое начало в герое, способность тонко чувствовать обозначены автором в его увлечениях. Одно из них – столярное дело. В летнем сарае аульского дома Мухтара «аккуратно развешаны стамески, рубанки, пилы, ножовки»¹, он «гладит руками доски», «вдыхает сладковатый запах стружки», от всего этого «у него улучшается настроение». «Он любит мастерить детворе всякие пу-стяковины: деревянные арбы, мельницы, пистолеты, сабли, глиняных лошадей, собак, свистки...». Кроме того, Мухтар «никогда не расставался со своим *сыбызгы*²». «Стоит ему заиграть, как уходят мрачные мысли, светлеет на душе, словно в непогоду выглянуло из-за туч солнце, а в жару набежал прохладный степной ветерок». Еще мальчишкой-подпаском он «впитывал заунывные, тревожащие кровь старинные ногайские напевы...», от этого «было хорошо, мирно, уютно» на душе.

Впечатлительность, рассудительность, умение ценить простые человеческие радости, способность к сопереживанию выработаны и укоренены в характере Мухтара как его, возможно, и нетипичная реакция на тяжелые эмоциональные и физические испытания, пережитые им в детстве: смерть отца, страшный голод, предательство близких, отказавших мальчику с умирающей матерью на руках, в куске хлеба. В ту страшную пору он не только не озлобился на мир, но даже смог познать, благодаря добрым людям, светлую сторону жизни, испытать другие эмоции – счастье облегчения тягот с помощью тети Шайдат и усыновившего его аульчанина Огурлы. Свой долг перед ними впоследствии Мухтар исполнил на уровне сыновнего.

Карамов встретил свою будущую жену Ольмесхан еще совсем молодым и сразу влюбился. Создали семью, вместе строили дом, обустроивали быт и хозяйство, также вместе, стойко пережив страшное горе – смерть новорожденных детей-первенцев – мальчика и девочки, растили родившихся после четверых

¹ Здесь и далее цит. по тексту: *Капаев И.С.* Салам, Михаил Андреевич! / *Капаев И.* Гармонистка. – М.: Современник, 1985. – С. 3-61.

² *Сыбызгы* – ног. «свирель»

детей. «В глазах аульчан Мухтар и Ольмесхан были единым понятием – семьей Карамовых».

Вполне обычный, заурядный, однако любящий свое дело, «знающий девяноста девять болезней трактора», Мухтар прослыл среди *ямагата*¹ блюстителем его норм, степенным человеком, с устойчивым характером. Однако внешние проявления традиционной патриархальной суровости сочетались в нем с недемонстрируемой нежностью к Ольмесхан и к детям, со способностью к рефлексии. То есть его внутренний мир был сложнее и богаче того представления, которое может сложиться о нем. Порой он впадал в «необъяснимое унынье», и «жизнь начинала казаться пустой, неинтересной, хотелось, чтобы в ней произошло что-то неожиданное, но что именно – Мухтар и сам не знал».

Это «что-то» в его жизни случилось, когда по настоянию семьи и товарищей по работе, он согласился поехать по выделенной ему путевке на черноморский курорт.

До первой такой обстоятельной встречи с большим миром (с месячным погружением в ритм и суть его жизни) все свои годы Мухтар прожил в родном ауле, в замкнутом пространстве национального мира. И. Капаев реалистично описывает повседневность, быт Карамовых, воспитание детей, взаимоотношения, подчиненные семейной стратегии «жить не хуже других». И это есть предисловие к своего рода творческому эксперименту писателя, решившего попробовать столкнуться с реалиями большого мира именно такой тип личности из среды своих соплеменников. Наблюдения за реакцией сознания такого укорененного в своей среде героя на внешний вызов и легли в основу повести.

Выход в большой мир (поездка в Ялту на отдых) заставил Мухтара по-иному взглянуть на свою привычную, каждодневную жизнь, почувствовать постепенное ее наполнение тем, чего, как он чувствовал, ранее недоставало, он по-новому стал ощущать и осознавать себя в ней. Персонификация писателем двух миров: национального – в образе Мухтара и универсального – в образе Ивана Харитоновича Калягина, его соседа по комнате, структурирует в дальнейшем пространство повести. Знакомство и месяц жизни Мухтара, прошедший в компании Ивана Харитоновича, являют читателю представленную в авторском осмыслении диалектику взаимодействия этих двух систем мировосприятия – Дома и Мира. Впрочем, «притирка» с этим новым у Мухтара началась с момента первых впечатлений от него, еще до появления Ивана Харитоновича в сюжете повести. Так, герой не сразу смог принять «многолюдье города, пеструю праздную толпу», справиться с новыми эмоциями: «нанервничался, пока искал дом отдыха», «оробел от казенной чистоты, от светлых покрывал» в «маленькой на двух человек комнате», «не осмелился разобрать постель, не знал, можно ли днем спать», «посидел на краешке стула, не решаясь распаковать чемодан...». Но настоящее потрясение он почувствовал на набережной: подойдя поближе к парапету, «чуть было не вскрикнул от восторга и изумления». Похожие чувства испытал автобиографический герой ранней повести И. Капаева «Куржун, в котором спрятано детство», когда с высокого холма взору

¹ *Ямагат* – ног. «общество»

маленького мальчика вдруг открылась панорама родного аула: «Я оглянулся и замер...». Тогда высокое небо, сливавшееся с очертаниями далеких гор, манило его: «А что там, за небом?» Похожим было ощущение Тенгиза («Сказание о Сынтаслы») с его страстью к созерцанию бескрайнего звездного неба. Ощущение того, что спустя много лет, тот же герой И. Капаева (в образе Мухтара) вновь стоит, теперь уже перед новыми далями – безбрежной гладью морского пространства, вполне осязаемо: «Оно было беспредельно и, теряясь вдали, сливалось с небом, отчего казалось, что этот зеленовато-серый простор, переходящий в голубое небо, поднимается ввысь, нависает над землей и нет ему конца... Мухтар много раз видел море по телевизору и знал, что это... огромный водоем... с границами ... И все же казалось невероятным, что где-то там, вдали, есть предел этой величественной, полной затаенной мощи, стихии..., он ощутил всю огромность пространства...», при виде теплохода с туристами, «представил города, народы, страны, разделенные-объединенные морями и океанами». Конечно, герой «и раньше знал, что мир велик, что в нем множество людей и государств, но знания эти ничего не добавляли к пониманию им, Мухтаром, себя и своего места в жизни. Сейчас же пришло чувство необъяснимого единства, сопричастности и общности, слитности с окружающим: и с морем, и с небом, и с кипарисами..., пришло чувство, что он, Мухтар, частичка и часть некоего единства, в котором все взаимосвязано и взаимозависимо. Это потрясло Мухтара». И это потрясение от осенившего на берегу открытия ввергло его в мучительную рефлексию, соответствующим образом повлияло на самоощущение: он почувствовал себя незначительным, подавленным открывшимся великолепием. Но при всем этом, мир продолжил манить его к себе, и Мухтару даже показалось реальным стать его частью, он ведь уже здесь, уже живет в нем. Инстинктивно герой определяет способ взаимодействия с ним – бесконфликтный, предусматривающий полное принятие его законов.

Встреча Мухтара с новым миром и начало непосредственного взаимодействия с ним, начавшись с панорамы безбрежного моря, далее символизированы в сцене его знакомства со своим соседом по комнате – донецким шахтером Иваном Харитоновичем. «Бодро вошедший крепыш в серо-стальном костюме, ярко-красном галстуке», с «дорогим желтым чемоданчиком», окончательно смутил Мухтара Карамова, подавил в нем остатки уверенности. Пожимая руку соседа, он, неожиданно даже для самого себя, представляется ему Михаилом Андреевичем, посчитав, что его собственное имя неорганично для этого мира. Он стал даже на нем настаивать, когда Иван Харитонович уже запомнил было его настоящее имя, найдя его интересным. «Пожить с русским именем» – это было решение Мухтара, поскольку еще дома, видя, как некоторые из его земляков, выезжающих за пределы аула, называли себя русскими именами, тоже хотел, чтобы к нему хоть раз обратились по имени Михаил. Таким образом, Мухтар Алим-гиреевич, механизатор из ногайского аула, становится ялтинским курортником Михаилом Андреевичем.

Назваться своим именем – значит уметь отстаивать то, что стоит за ним. Мухтар оказался не готов к этому. Никогда он не смотрел на свою жизнь и на себя со стороны, с отдаления, не задумывался над тем, может ли хоть что-то из

нее заинтересовать других, живущих вне его мира. Более всего он осознал это после выразительного рассказа о себе словоохотливого соседа Ивана Харитоновича: «еще мальчишкой воевал, попал в плен, бежал, был партизаном во Франции; после войны пять лет рубал уголек, ... уже лет тридцать – диспетчером, лет пятнадцать отдыхаю в Ялте...». Мухтар, слушая это, стал осознавать свою ограниченность, ощутил себя скучным, неинтересным и оттого – подавленным. «Было обидно, что он не может так вот просто и понятно – рассказать Ивану Харитоновичу о своей жизни хлебороба: стеснялся чего-то, не знал, как начать, как закончить».

Завсегдатай ялтинского курорта, знавший о городе все, Иван Харитонович весь месяц пробыл гидом Мухтара, только открывавшего для себя новую реальность. Первое, что ощутил потихоньку осваивавшийся Мухтар – это «веселое недоумение», с которым оглядывали прохожие его каракулеву шапку, хромовые сапоги, китель и галифе. Впервые задумавшийся о своем внешнем виде Мухтар, с «легкой завистью глядя на молодо выглядевшего Ивана Харитоновича», решил, что «завтра же купит светлый пиджак и светлые штаны, и шляпу купит». Только после такого преображения Мухтар стал «смело смотреть в глаза прохожим; радовался, что ничем не отличается от других отдыхающих». За этим для героя последовали другие, более впечатляющие открытия, среди которых – частые поездки в Ливадию, любимое место Ивана Харитоновича, где Мухтар, «подражая другу, тоже, сделав глубокомысленное лицо, стоял перед часами» на Солнечной тропе. Он «оглядывал окрестности из беседки», но «не видел в прогулках по тропе ничего интересного». Так, изо дня в день, «покорно отправляясь с другом в Ливадию, становился все более унылым». Ему больше нравилась набережная, с красивыми зданиями, катерами и теплоходами, поскольку здесь ему было ясно, чем восторгаться. «Оглушающе ошеломляющее» впечатление Солнечная тропа произвела на Мухтара только после того, как Иван Харитонович сказал о том, что она Царская, что Дворец – летняя резиденция монархов, что в этом же Дворце проходила Ялтинская конференция. «И ты, Михаил Андреевич, ходишь там, где когда-то разрешалось бывать только особам царствующей фамилии!». «Раньше он (царь. – Н.С.) здесь ходил, а теперь я, тракторист Мухтар Карамов!» Это ощущение было достаточным основанием, чтобы начать видеть смысл в поездках в Ливадию.

Дальнейшее взаимодействие с большим миром готовило новые испытания для Мухтара. Первым из них стал пляж, с его купающейся и загорающей публикой, где он «ни за что на свете не осмелился бы оголиться» перед таким количеством людей. «Так и не научил я тебя отдыхать. Уедешь ни разу не испулавшись, не позагорав», – сетовал Иван Харитонович. Мухтар чувствовал, что не надо бы ему ходить на пляж, надоедливо, «как тень», за другом. Но море – метафора большого мира в повести – «манило, притягивало к себе, и Мухтар не мог устоять, хотя было ему среди загорающих неудобно». В такие моменты он не думал о доме, о семье, поскольку психологически соотнести, совместить в сознании свой домашний образ жизни с вновь обретаемым опытом он был пока не в состоянии. Впечатления были глубоки настолько, что буквально переворачивали сознание Мухтара.

Еще бóльшим испытанием для него явился вечер в «постыдном месте», на веранде ресторана «Сочи», который, в ответ на явные намеки женщин-соседок, организовал Иван Харитонович. «Мухтар, ссутулившись, на краешке стула, осмотрелся украдкой. Он впервые попал в ресторан, хотя побывать в таком заведении подмывало давно – слишком уж красочно описывали свои застолья товарищи по работе, когда возвращались из города...». Герой «не находил никакого удовольствия в выпивке», а «вкрадчивый, булькающий смех и легкое прикосновение Марии Алексеевны» его не тронули, напротив, он «испуганно поднял взгляд, невольно упавший в вырез ее голубого платья». От яркого канкана «его бросало в жар и пот», «он хотел отвернуться от танцовщиц, закрыть глаза, но побоялся, что его поднимут на смех – ведь все смотрят с удовольствием». Дома, если «показывали подобное безобразие по телевизору, Мухтар выключал его...». В итоге он буквально вырвался из этой компании, «чуть ли не прибежав в дом отдыха, рухнул на кровать». Ему приснились сразу шесть лягушек, в реальной жизни вызывавшие в нем брезгливость, но в этот раз во сне почему-то его «охватила какая-то сладкая истома».

Теплое прощание с Иваном Харитоновичем, символизирующее прощание с открытым для себя миром, было искренним. Мухтару «грустно, тяжело, больно» далось это расставание. Он надеялся, что этот опыт его общения продолжится: «Приезжай ко мне. Будешь самым желанным гостем. Отца своего не помню, тебя, как отца, приму», – просил он Ивана Харитоновича.

Мухтар – укорененный в «почву» человек, с незыблемым укладом жизни, устоявшимся мировоззрением, и месяц, проведенный вне своего Дома – слишком малый срок, чтобы он кардинально повлиял на его жизнь. Относительно быстро герой возвращается к своему привычному бытию. Ему в этом «помогла» реакция домочадцев на его преобразование в момент их долгожданной встречи. «Что с тобой, женщина?» – воскликнул Мухтар вместо заготовленных ласковых слов, увидев «недоуменно-растерянное лицо Ольмесхан, замершей с открытым ртом при виде мужа». Здесь же – «остолбеневший» сын Мурат, назвавший его «пизоном», «настороженные, испуганные» дочери. Несмотря на это, в первые дни после курорта герой продолжил отстаивать новообретенный опыт, пытался перенести его в свой быт, откорректировать семейные порядки. «Отныне будем каждый день есть борщ», «привез я тебе материал, сшей платье, только обязательно по-городскому» – это первые «инструкции» Мухтара для Ольмесхан. Также, на следующий день, «не обращая внимания на осуждающие взгляды жены, надел ялтинский костюм, повязал галстук и отправился в контору... Аульчане... долго смотрели вслед, цокали языками». Ольмесхан, прожившая весь месяц в страхе и тревоге, видя плохие сны, «готовилась встретить Мухтара больного, несчастного...». Увидев «живого и невредимого», была счастлива, и, проявив мудрость, не стала спорить с мужем, несмотря на подозрения, что у того «с головой не в порядке: уж очень срамно одет, и речи какие-то непонятные, требования несуразные».

Попытка такого наивно-механического перенесения героем заимствованной модели жизни на собственное бытие, соединения привычного, размеренного порядка с новым, не до конца понятным, но продолжающим притягивать, не

привела к плодотворному компромиссу. Мухтар, к радости жены, «прекратив чудить», возвращается к своей обычной одежде, папахе, отдает курортный костюм и шляпу сыну, больше «не настаивает на борще». Таким образом, внешнее проявление, видимая сторона внутреннего конфликта преодолевается: герой смиряется, становится вновь «как все».

Сложнее было с дисгармонией в глубинах сознания Мухтара, смущенного и растревоженного ялтинским отдыхом. Герой все больше, пытаясь преодолеть свое ощущение внутреннего разлада, предавался размышлениям. Он продолжал искать единство в переплетении традиционных (национальных) и современных (универсальных) теперь уже духовных ценностей, но также не мог совместить и уравновесить их. Поскольку для этого требуется более высокий уровень и качество духовной работы, интуитивно, в поисках опоры, отчаявшийся Мухтар обращается в мыслях к Ивану Харитоновичу. В своего рода исповеди-самоанализе он пытается понять причину неудовлетворенности внешне благополучной собственной жизнью Дома, причину не отпускающей его притягательности Мира. «Ох, какой я скучный! И нелюдимый, замкнутый... Сиротой рос, о куске хлеба думал, работал, работал и ничего другого не видел. Работал, молчал и думал... У нас считают, что я счастливый человек, всем доволен, все у меня в порядке: четверых детей ращу, семья крепкая, дружная, в совхозе почет и уважение – и ошибаются. Чего-то не хватает, что-то не дает мне покоя... Приехал бы, поговорили бы, помог бы, может, разобраться, объяснил бы, отчего так тоскливо бывает иногда». Мухтару, терзаемому мыслями, приснился в ту ночь отец, образ которого он мог себе представить только по фото с рамки на стене. Во сне Мухтар не мог окликнуть, остановить уходящего отца, а тот обернулся, чтобы строго и требовательно посмотреть на сына. Значит, что-то Мухтар делает не так, если образ отца, символизирующий дух предков (*аруак*), им недоволен?

Потрясенному сознанию Мухтара, переросшему первый уровень человеческих потребностей (еда, жилье, одежда, источник дохода) явно недостаточно того, чем он вынужден жить теперь. В Ялте «месяц был как целая жизнь, а тут – целая жизнь как месяц: дом, аул, работа, аул, дом». «Опять один день не отличишь от другого. Сегодня – то же, что вчера, вчера – то же, что позавчера. Скука! От таких мыслей ему казалось, что все вокруг приобретает тоскливо-желтый оттенок: желтели белые стены дома, зелень листьев, лица собеседников и даже всегда голубое небо над аулом». Мухтар инстинктивно хочет выйти из круга бесплодной обыденности, ищет более возвышенный смысл в своем существовании, другие дали (метафорический образ моря). Теперь он особенно «мрачнеет» и раздражается от «проблем» Ольмесхан: «неплохо бы купить для Али машину после армии, чем мы хуже других?», «брюки для Мурата в тридцать рублей обошлись», «джинсы для Али – в двести, сапоги – в шестьдесят, все парни аула носят такие, а чем Али хуже?». «Не жизнь, а соревнование», – вздыхал Мухтар, хотя ничего не имел против того, чтобы у его детей все это было, но и «не собирался копить, экономя на еде, подрабатывать на стороне за шальные деньги или торговать на рынке... » ради всего этого. Не хотел, чтобы такой круговорот бесконечных, малозначащих проблем и дел затягивал его, за-

полнял содержание отпущенного ему срока. Он «впервые задумался о времени, о том, что оно может стремительно мчаться, но может и еле заметно ползти». Все зависит от значительности наполняющих его событий.

И. Капаев вновь, как и в предыдущих произведениях («Сказание о Сынтаслы», «Вокзал»), актуализирует проблему времени: циклического и линейного. Вновь герой, вырвавшись однажды из движения по кругу, на короткое время вступает на путь саморазвития («самоосуществления»), разомкнувшись в хронотоп универсального. В отличие от Тенгиза и Истэма, он остается на нем всего месяц (больше, чем Тенгиз, но гораздо меньше, чем Истэм).

Внутреннее ощущение Мухтаром своей «скучности, замкнутости», ограниченности – результат отрицания им самоценности, цельности собственной личности. Это, в свою очередь, проистекает от непосвященности в собственную духовно - культурную традицию, равноценную любой, ведь разное по содержанию и масштабу не означает разное по уровню качества.

У Мухтара Карамова следствием самоотрицания поначалу стало его решение о безоговорочном принятии порядков мира, «краешек которого ему удалось подсмотреть на курорте». Но дальше попытки адаптации в нем, путем копирования его внешних признаков (одежда, еда), дело не пошло. Растревоженное сознание героя было не в состоянии «переварить» новое, сделать его своей органической частью, так как не выдерживало требуемый для этого интеллектуальный уровень. Ведь диалектика взаимодействия миров только в том случае дает органическое единство, когда есть баланс уровней интегрирующих их акторов.

Мухтар, не способный к самостоятельному преодолению внутреннего разлада, отказавшись от глубокомысленных терзаний, вновь апробирует готовую модель, найдя ее теперь уже внутри своего социума. Как-то же связаны с этим прекрасным и интересным миром его обычные земляки, не обременяющие себя излишней рефлексивностью: причем, многие связаны «прочно и постоянно – у некоторых дети учатся в городах, у некоторых там есть родственники и друзья, аульчане принимают гостей из дальних мест, сами уезжают в гости в те неведомые края и возвращаются оттуда счастливыми; получают письма и отвечают на них», русскими именами называются, в ресторанах оставляют много денег... Почему-то «только он, Мухтар, никого не ждет в гости, никуда не ездит...». Чтобы уподобиться тем землякам, их глазами посмотреть на то, что волнует и притягивает его самого, он, подражая им, создает для себя социальную маску, персону, у которой уже и имя есть – Михаил Андреевич. Теперь она, персона, будет играть социальную роль, демонстрировать свою дружественную связь, пусть пока только одну, в большом интересном мире. Поверить в состоятельность такой затеи, оценить ее по достоинству, по мнению Мухтара, должны все, начиная с его домочадцев.

Отчаявшись получить настоящее подтверждение собственных связей с Миром – письмо от своего курортного друга, Мухтар пишет его самому себе (Михаилу Андреевичу) от имени Ивана Харитоновича, чтобы огласить его в присутствии удивленных домочадцев. Степень желания Мухтара иметь такое признание подчеркивает проявленная им изобретательность. Написав письмо, начинающееся: «Салам, Михаил Андреевич!», он едет в районный почтамт,

просит его русского служащего переписать написанный им текст своей рукой и отправить на свой аульский адрес. Благо, что заметивший районный штемпель на «письме из Донецка» аульский почтальон немой Апас не сможет публично уличить Мухтара в подлоге. О «письме из Донецка» Мухтар задумал рассказать и своему преуспевающему ныне другу детства Парисбию, который, как никто другой, по достоинству должен был «оценить событие». В образе Парисбия (в универсальном мире – Бориса Семеновича), предприимчивого человека с «Волгой», домом с коврами-хрусталем, с обширными «полезными» связями, веселого, хлебосольного, собиравшего у себя исключительно нужных ему людей, имевшего переписку с людьми из разных городов, угадывается та самая модель, которую теперь копирует Мухтар. Порой, слушая читаемые другом вслух письма, приходящие издалека, Мухтар завидовал, «такие они были теплые, искренние, с пожеланиями... Ему все нестерпимей хотелось тоже получать такие письма, пусть только и от одного...». При этом герой вовсе не завидовал статусу друга детства, напротив, «на него давили» его «Волга», дом... Мухтар просто хотел получать такие же письма, как он. При этом он искренне не понимал, зачем всем этим людям нужен такой человек, как Парисбий, внутренне пустой, бессодержательный...

Ничего, кроме разочарования, от своей затеи Мухтар не испытал. Домочадцы, за обедом, едва дослушав письмо, отреагировали несколькими репликами и, оставшись равнодушны, переключились на свои дела. Больше всего его удручало то, что «сыновья, не такие темные, как мать, Али – десятилетку кончил, да и Мурат – неглупый парень», не могут порадоваться с отцом.

Даже Парисбий, на которого была особая надежда, встретив друга заносчивыми речами о своих успехах, «сдерживая зевоту, вяло, отрывочно разговаривал с ним», а прочитав письмо, оценил только содержащееся в нем упоминание о себе, попросил адресок Ивана Харитоновича, «в гости зайти» в Донецке, а узнав, что он шахтер, и вовсе потерял интерес ко всей истории. «Ничего им не интересно», – горько заключил Мухтар, думая о реакции домочадцев (равнодушной) и Парисбия (прагматичной) на такое событие в своей жизни.

Уже вторая по счету модель взаимодействия героя с Миром обнаруживает свою несостоятельность. Она не принесла ему ожидаемого удовлетворения и душевной радости не только потому, что изначально была основана на фальши (письмо самому себе). Мухтара терзало осознание того, что даже такой экзотический способ, изобретенный им, не помог ему получить то самое признание, каким запросто, без всяких хитростей, наслаждались на глазах у героя его обычные земляки.

В финале повести – не теряющий надежду Мухтар Карамов. «А как было бы отлично, если бы мы хоть изредка переключались: «Салам, Михаил Андреевич! – Здравствуй, Ян Харитон улы!» – восклицает он и берет в руки свирель, которая еще долго, почти до ночи, источала его «задумчивую гортанную мелодию».

Открытый финал повести оставляет в размышлении не только читателя, но и самого героя, и это символизировано в долго звучащей задумчивой мелодии.

Таким образом, анализ повести И. Капаева «Салам, Михаил Андреевич!» показал, что писатель, задавшийся целью осмыслить характер эволюции созна-

ния иного, чем герои его ранних повестей, типа личности своего соплеменника, уже состоявшегося, более укорененного в почву, ориентирует читателя-сотворца его произведений на неординарные выводы.

Столь очевидная внутренняя неудовлетворенность Мухтара Карамова, оказавшегося однажды между Домом и Миром, есть порождение его более развитой, чем у земляков, индивидуальности, его творческого мировосприятия, а также изначально жившего в глубине его сознания и проявившегося в короткий период ялтинского отпуска подлинного интереса к многообразию мира. Драматизм «потрясенного сознания» героя имеет причиной то, что от контактов с большим миром ему нужно гораздо больше, чем его землякам. Он испытывает потребность в диалоге с ним, причем в таком, чтобы «не переставать быть самим собой, открывая в себе душевную предрасположенность к теплой диалогической общительности» [Султанов 2019: 145], чтобы не подвергать ломке важное, стержневое в нем самом. В то же время он осознает свою неготовность к такому взаимодействию, ввиду недостаточной осведомленности в собственной традиции («ни имя, ни обычай свой» на необходимом уровне он не может сказать¹, почему и называет себя Михаилом Андреевичем).

Поиск реального выхода героя с «диалогическим мышлением» из долгих и пока бесплодных раздумий делегирован И. Капаевым уже следующим ипостасям его Карамова, личностям с более высоким уровнем самосознания, – Айдару и Кобеку Карамовым – главным героям повести «*Кокь карлар*» («Синие снега») и романа-притчи «*Суйлдер*» («Книга отражений»).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Бахтин 2024 – Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Издательство АСТ, 2024. – 448 с.

Капаев 1982 – Капаев И.С. Салам, Михаил Андреевич! Повесть // Знамя. – М, 1982. – № 7.

Капаев 1984 – Капаев И.С. Салам, Михаил Андреевич! Повесть/лер эм хабарлар. – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1984. (на ног. яз.).

Капаев 1985 – Капаев И.С. Салам, Михаил Андреевич! / Капаев И. Гармонистка. – М.: Современник, 1985. – С. 3-61.

Капаев 2011 – Капаев И.С. Салам, Михаил Андреевич! / Капаев И. Собрание сочинений в 4-х ТТ., Т.2. М.: Голос-Пресс, 2011 г. – С. 165–255. (на ног. языке).

Караева 2019 – Караева З.Б. Тексты и смыслы в творчестве Исы Капаева // Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему (Сборник материалов III -й международной научно-практической конференции 2-6 октября 2019 г.). – Черкесск, КЧИГИ, КЧГУ, 2019. – С. 310-312.

Султанов 2007 – Султанов К.К. От Дома к Миру: этнонациональная идентичность в литературе и межкультурный диалог; Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН. – М: Наука, 2007. – 301 с.

Султанов 2019 – Султанов К.К. Угол преломления. Литература и идентичность: коммуникативный аспект. – М., ИМЛИ РАН, 2019. – 352 с.

Суюнова 1999 – Суюнова Н. Х. И жизнь продлится. Художественный мир Исы Капаева. – Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 1999. – 152 с.

Суюнова 2023 – Суюнова Н.Х. Тема творчества и образ художника в повести Исы Капаева «Синие снега» // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 3. – С. 354-371. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-354-371. EDN: QOQMZK.

¹ «Если вы люди, имеющие обычаи, то скажите свой обычай, если вы люди, имеющие имя, то скажите свое имя» (Золотая книга монгольских летописей) – эпиграф к роману И. Капаева «Вокзал».

Суюнова 2024 – Суюнова Н.Х. Образ детства в сознании автобиографического героя повести И. Капаева «Куржын» («Куржун, в котором спрятано детство») // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 1. – С. 215-226. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-215-226 EDN: NSCFUK.

REFERENCES

- BAKHTIN M.M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's Poetics]. – М.: Izatel'stvo AST, 2024. – 448 p. (In Russ.).
- КАРАЕВ I.S. *Salam, Mikhail Andreevich! Povest'* [Salaam, Mikhail Andreevich!]. In: *Znamya*. – М., 1982. – № 7. (In Russ.).
- КАРАЕВ I.S. *Salam, Mikhail Andreevich! Povest'ler em khabarlar* [Salaam, Mikhail Andreevich! The story of em khabarlar]. – Cherkessk: Kara-chaevo-Cherkesskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1984. (in the Nogai language).
- КАРАЕВ I.S. *Salam, Mikhail Andreevich!* [Salaam, Mikhail Andreevich!]. In: Капаев I. *Garmonistka*. – М.: Sovremen-nik, 1985. – P. 3-61. (In Russ.).
- КАРАЕВ I.S. *Salam, Mikhail Andreevich!* [Salaam, Mikhail Andreevich!]. In: Капаев I. *Sobranie sochinenii v 4-kh TT., T.2*. М.: Golos-Press, 2011 g. – P. 165–255. (in the Nogai language).
- КАРАЕВА Z.B. *Teksty i smysly v tvorchestve Isy Kapaeva* [Texts and meanings in the work of Isa Kapaev]. In: *Nogaitsy: XXI vek. Istoriya. Yazyk. Kul'tura. Ot istokov – k gryadushchemu* (Sbornik materialov III -i mezhdunarod-noi nauchno-prakticheskoi konferentsii 2-6 oktyabrya 2019 g.). – Cherkessk, KChIGI, KChGU, 2019. – P. 310-312. (In Russ.).
- SULTANOV K.K. *Ot Doma k Miru: etnonatsional'naya identichnost' v literature i mezhkul'turnyi dialog* [From Home to the World: Ethnonational identity in literature and intercultural dialogue]; Institut mirovoi literatury im. A. M. Gor'kogo RAN. – М.: Nauka, 2007. – 301 p. (In Russ.).
- SULTANOV K.K. *Ugol prelomleniya. Literatura i identichnost': kommunikativnyi aspekt* [The angle of refraction. Literature and identity: a communicative aspect]. – М., IMLI RAN, 2019. – 352 p. (In Russ.).
- SUYUNOVA N.Kh. *I zhizn' prodlitsya. Khudozhestvennyi mir Isy Kapaeva* [And life will last. The art world of Isa Kapaev]. – Stavropol': Stavropol'servishkola, 1999. – 152 p. (In Russ.).
- SUYUNOVA N.Kh. *Tema tvorchestva i obraz khudozhnika v povesti Isy Kapaeva «Sinie snega»* [The theme of creativity and the image of the artist in Isa Kapaev's story "Blue Snows"]. In: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2023. – № 3. – P. 354-371. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-354-371. EDN: QOQMZK. (In Russ.).
- SUYUNOVA N.Kh. *Obraz detstva v soznanii avtobiograficheskogo geroya povesti I. Kapaeva «Kurzhyn» («Kurzhun, v kotorom spryatano detstvo»)* [The image of childhood in the mind of the autobiographical hero of I. Kapaev's story "Kurzhyn" ("Kurzhun, in which childhood is hidden")]. In: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2024. – № 1. – P. 215-226. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-215-226 EDN: NSCFUK. (In Russ.).

Информация об авторе

Н.Х. Суюнова – доктор филологических наук, доцент.

Information about the author

N.H. Suyunova – Doctor of Philology, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 30.09.2024 г.; одобрена после рецензирования 12.12.2024 г.; принята к публикации 27.12.2024 г.

The article was submitted 30.09.2024; approved after reviewing 12.12.2024; accepted for publication 27.12.2024.

Научная статья
УДК 811.512.142
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-302-317
EDN: SIUORZ

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПРОЗЫ ЗЕЙТУНА ТОЛГУРОВА (Часть 1)

Тахир Зейтунович Толгуров¹, Юрий Мухамедович Тхагазитов²,
Фатима Таулановна Узденова³

¹ Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия, kangaur64@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6208-9678>

^{2,3} Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия

² <https://orcid.org/0000-0001-5566-9156>

³ uzdenova_kbigi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5378-9514>

Аннотация. Статья (часть 1) посвящена исследованию одной из актуальных проблем современного литературоведения Северного Кавказа – степени соответствия национальных литератур (в данном случае – балкарской) параметрам и типологическим признакам новописьменных систем в их взаимодействии с общим контекстом советской художественной словесности. Основной теоретический посыл исследования – наличие в современных региональных литературах двух автономных линий эволюционного развития, отвечающих требованиям доктрины соцреализма и параметрам аутентичного эстетического сознания народов региона. Как считают авторы исследования, творчество З.Х. Толгурова являет собой весьма иллюстративный образец формирования в недрах идеологически обусловленного литературного мышления индивидуальных, интерпретаций картины окружающего мира, причем происходит это на уровнях подсознательной рефлексии, в сфере пространственно-временных отношений. В работе (в ее первой, представленной части) доказывается, что резкий скачок в архитектурной сложности произведений З.Х. Толгурова, наблюдаемый в его творчестве конца 60-х – первой половины 70-х гг. XX в., обусловлен обращением писателя к фольклорным образцам и не зависит от «донорного» влияния русской советской литературы. Это, в свою очередь, в корне меняет маркеры и институциональные признаки таких концептуально значимых понятий, как «ускоренное развитие» и «новописьменные литературы», являющиеся на сегодняшний день основополагающими для литературоведения народов Северного Кавказа.

Ключевые слова: балкарская литература, ускоренное развитие, новописьменные литературы, эволюция, эстетическое сознание, отстраненный наблюдатель, нарратив, рефлексия, хронотоп.

Для цитирования: Толгуров Т.З., Тхагазитов Ю.М., Узденова Ф.Т. Пространственно-временные представления прозы Зейтуна Толгурова (Часть 1) // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 4. – С. 302-317. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-302-317. EDN: SIUORZ.

© Толгуров Т.З., Тхагазитов Ю.М., Узденова Ф.Т., 2024

Original article

SPATIOTEMPORAL REPRESENTATIONS OF ZEYTUN TOLGUROV'S PROSE (Part 1)

Takhir Z. Tolgurov¹, Yuri M. Tkhagazitov², Fatima T. Uzdenova³

¹ Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academ of Sciences, Nalchik, Russia, kangaur64@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6208-9678>

^{2,3} Institute of Humanitarian Researches – branch of Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences;

² <https://orcid.org/0000-0001-5566-9156>

³ uzdenova_kbigi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5378-9514>

Abstract. The article (Part 1) examines one of the most pressing issues in modern literary criticism in the North Caucasus: the degree to which national literatures (in this case, Balkar) conform to the parameters and typological features of newly written systems in their interaction with the larger context of Soviet literature. The main theoretical premise of the study is the presence in modern regional literatures of two autonomous lines of evolutionary development that meet the requirements of the doctrine of socialist realism and the parameters of the authentic aesthetic consciousness of the peoples of the region. According to the authors of the work, Z.Kh. Tolgurova's work is a very illustrative example of the formation in the depths of ideologically determined literary thinking of individual, ethnically determined interpretations of the picture of the surrounding world, and this happens at the levels of subconscious reflection, in the sphere of spatiotemporal relationships. The work (in its first, presented part) proves that a sharp jump in the architectural complexity of the works of Z.Kh. Tolgurov, observed in his work of the late 60s - the first half of the 70s, is due to the writer's appeal to folklore samples and does not depend on the donor influence of Russian Soviet literature. This, in turn, radically changes the markers and institutional features of such conceptually significant concepts as "accelerated development" and "newly written literature", which are, today, fundamental for literary studies of the peoples of the North Caucasus.

Keywords: Balkar literature, accelerated development, newly written literature, evolution, aesthetic consciousness, detached observer, narrative, reflection, chronotope.

For citation: Tolgurov T., Tkhagazitov Yu., Uzdenova F.T. Spatiotemporal representations of Zeytun Tolgurov's prose (Part 1). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 4. – P. 302-317. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-302-317. EDN: SIUORZ.

© Tolgurov T., Tkhagazitov Yu., Uzdenova F.T., 2024

История балкарской художественной словесности не выбивается из типологического ряда литератур народов Северного Кавказа, до недавнего времени относимых к разряду новописьменных без каких-либо оговорок и исключений. Это деление было впервые предложено Алексеем Толстым [Толстой 1961: 556–557] и в общих чертах сохранялось вплоть до развала Советского Союза, оказавшись вполне функциональным даже в работах конца 80-х гг. XX в. [Гусейнов 1988: 59].

Необязательное выделение в классификационных рядах литератур тех народов, которые пережили депортацию, никоим образом не нарушало общую монолитность дискурса новописьменных литератур – в том или ином их классе. По большому счету, даже разрушение канонического здания парадигмы ускоренного развития литератур, возведенной благодаря трудам Г.Д. Гачева, про-

изошедшее после публикаций работ Г. Гамзатова [Гамзатов 2000], ничего не изменило в оценке истории словесности тех этносов, которые вошли в культурно-цивилизационное поле России не ранее XIX в.

В целом рассмотрение литератур, прошедших форсированное, ускоренное развитие, было достаточно корректным – как в рамках гипотез Г. Гачева, так и в контексте ортодоксальной доктрины социалистического реализма. Особенно показательна четкость хронологизации, принятой в трудах советских ученых и фиксирующей этапы развития бесписьменных до октября 1917 г. народов. К слову, З.Х. Толгуров – сам крупный ученый и знаток литератур Северного Кавказа – вполне однозначно определял три стадии развития советских литератур региона: довоенные годы, 40–60-е гг. XX в. и период после начала 70-х гг. XX в., называемый им «современным» [Толгуров 1991].

И в этой системе координат общие эволюционные движения новописьменных литератур, в том числе балкарской, вполне точно вписывались в принятые мировым литературоведением гипотезы и устоявшиеся определения, касавшиеся различных маркеров прогресса той или иной национальной словесности. Словно доказывая правоту Эрнста Геккеля в его версии онто- и филогенеза, балкарские писатели начинали свой творческий путь с простейших образных архитектур и сюжетных конструкций, постепенно, по мере профессионального роста, переходя ко все более и более изощренным построениям.

Это касалось национальных писателей первого поколения – Берта Гуртуева, Омара Этезова, Салиха Хочуева, их последователей, авторов второй волны балкарской прозы, таких как Максим Геттуев, Жанакаит Залиханов. Еще более очевидно проявилось в текстах 50–60-х гг. XX в. у таких художников, как Б. Гуляев, Ж. Токумаев, у наиболее заметных представителей последней объемной генерации литераторов – Эльдара Гуртуева, Алима Теппеева, Хасана Шаваева. Общий абрис поступательного движения национальной литературы балкарского народа безусловно подтверждал общие положения теории ускоренного развития, которая, в своей опрощенной интерпретации, долгое время не подвергалась сомнению и лишь пополнялась и уточнялась на основе анализа периферийных литературных систем. Лишь в последние три десятилетия появились исследования, отмеченные более внимательным прочтением положений теории Гачева: «В теории ускоренного развития литератур заложена идея биологического возраста. Уподобляя смену творческих методов (классицизм > сентиментализм > романтизм > реализм) раннему детству, юношеству и зрелости человека, теоретики соцреализма делали парадоксальные выводы» [Родионов 2014: 155]. Впрочем, в работах – даже критически подходящих к элементам теории социалистического реализма – основной упор делается, опять-таки, на предопределенности идеологического порядка. Мысль о том, что подобные схемы развития могли иметь внутренние причины и быть неизбежными, как это и утверждалось Дмитрием Грачевым, чаще всего отмечается или игнорируется: «... Наступает советская эпоха и происходит невиданное чудо: ранее «отсталые» народы и их «недозрелые» культуры оказываются на самой высокой ступени развития человечества. Такая предубежденность осталась, к сожалению, и в сознании большинства современных соотечественников» [Родионов 2014: 155].

Классическая хрестоматийная схема форсированного развития новописанных литератур, как уже говорилось, достаточно полно и точно охватывает процессы, протекающие в таковых, и обрисованный в многочисленных теоретических работах алгоритм постепенного восхождения ко все более и более совершенным формам вполне корректен в подавляющем большинстве случаев. Но существуют уникальные явления – те самые исключения, подтверждающие правило, либо указывающие на существование альтернативных закономерностей в процессе изменений культурной среды.

В границах общепринятых понятий о схемах развития нарративных навыков и образного мышления художника существует некая модель, подразумевающая постепенное усложнение семантики как описываемого образа, так и архитектоники предлагаемого читателю повествования. Концептуально значимые высказывания по этому поводу, в принципе, сомнению не подлежат, ибо сводятся к очевидной мысли об усложнении эстетического представления и все большем и большем насыщении его единицами, усиливающими суггестивную мощь повествования.

В ряду последних важное место занимает центральный объект эстетического описания и идентификации, представляемый реципиенту в единственном или множественном числе образ (образы) действующего героя (актант), обеспечивающий саспенс-эффект всего текста или его значимого эпизода, эскортируемый целым комплексом свойств и функциональных черт: достоверность поведения, мотивация, эмоции и реакции на окружающее. В этом достаточно узком векторе эстетической состоятельности текста важнейшей компонентой образа считается его психологический портрет. Как правило, он рассматривается в виде самостоятельной величины, хотя, конечно же, характеризуется неразрывной связью с общей конструкцией нарратива и хроно-пространственными локациями текста, точнее – всего произведения в его целостности.

Убедительность и жизненная достоверность героя, система его взаимоотношений с автором справедливо считаются показателем профессионального мастерства прозаика. Точнее, речь, естественно, идет о степени одаренности писателя, о его умении воспроизвести фабульный эпизод в таком сюжетном обрамлении, чтобы художественная убедительность образа не вызывала сомнений (в идеале): «...Автор должен находиться на границе создаваемого им мира как активный творец его, ибо вторжение его в этот мир разрушает его эстетическую устойчивость. Позицию автора по отношению к изображенному миру мы всегда можем определить по тому, как изображена наружность, дает ли он цельный трансгredientный образ ее, насколько живы, существенны и упорны границы, насколько тесно герой вплетается в окружающий мир, насколько полно, искренне и эмоционально напряженно разрешение и завершение, насколько спокойно и пластично действие, насколько живы души героев (или это только дурные потуги духа своими силами обратить себя в душу). Только при соблюдении всех этих условий эстетический мир устойчив и довлеет себе, совпадает с самим собою в нашем активном художественном видении его» [Бахтин 1979: 166].

Однако приход к подобному состоянию творческого процесса – это далеко не единовременный акт. Соотнося мужание и рост мастерства отдельно взятого писателя и эволюции литературного сообщества в целом, Г. Гачев указывал, что движение к зрелости художественного мышления – явление этапное, начинающееся, как и любая художественная словесность, с рассудочных установок и затем насыщающаяся компонентами и атрибутикой реальных объектов и процессов: «...Рассудочная персонификация перерастает далее в более живое олицетворение (типа аллегории), где чувственный образ пусть и подчинен абстрактной идее, но уже начинает играть определенную роль... Это отражало концентрацию интереса не только на том только, что высказывается, но и кем, а отсюда – и как. Идея здесь уже является не оголенной... Мать трепещет и волнуется за судьбу своих детей; сын – молод, горяч и неразумен; а мудрый воспитатель успокаивает обоих, разъясняя все сложные вопросы... Так рождается живая эмоциональная атмосфера действия» [Гачев 1989: 259]. Это же утверждение, фактически дублируется у Р. Барта: «Первоначально персонаж был простым агентом действия и не обладал ничем, кроме имени; позднее он обрел психологическую плоть, превратился в индивида, в «личность», короче – в самостоятельное «существо», конструирующееся до и независимо от совершаемых им поступков; избавившись от подчиненной по отношению к сюжетному действию роли, персонажи стали воплощать психологическую субстанцию; в этом отношении они поддавались классификации» [Барт 1987: 406].

Основная мысль всех аналитических построений, касающихся явления обогащения художественного образа, обогащения и верификации его взаимодействий с окружающими в повествовательном пространстве – во-первых, соответствие уровня сложности и полихромности эстетического представления той или иной стадии прогресса литературной системы, во-вторых – соответствие определенному пункту эволюционного трека самого автора. И это, казалось бы, непреложная истина.

Так, пытаясь проследить историю прозаических жанров Европы, логично начать с рыцарских и плутовских романов, если, конечно, оставить за пределами нашего рассмотрения «Декамерон» и родственные ему типологически сходные циклы новелл, подобные опытам Маргариты Наваррской. Герои подобных произведений вообще не имеют ресурса изменчивости и адаптации к тем или иным условиям, фактически это застывшие маски, олицетворяющие достаточно ограниченный набор неких человеческих качеств. Это в полной мере относится к персонажам цикла рыцарей круглого стола, к череде проходимцев и жуликов, описанных в плутовских романах. Основная особенность образов ранней европейской прозы, вне зависимости от ее национальной принадлежности – их однозначность и неизменность, закономерно проистекающая из субстратной семантики персонажа. Герой – практически никогда не человек, а только олицетворение той или иной ипостаси человеческих страстей и устремлений. Он не является совокупностью реальных черт психологического плана, а всего лишь иллюстрирует пороки и достоинства, персонифицирует элементы господствующей и общепринятой этико-эстетической парадигмы, в конечном итоге вос-

ходя к условно-конвенциональным воплощениям духовных категорий готического искусства и, шире – христианского мировоззрения в целом.

Даже Ренессанс с его тотальным стремлением к реабилитации и переоценке человеческой личности во всех ее проявлениях не сразу изменил положение дел. Возрожденческая реформа коснулась, прежде всего, тематики литературного произведения, его базовой онтологической философии, изображаемого объективного мира. Иначе говоря, вопрос стоял о том, что именно должно быть зафиксировано в художественном тексте и какие функции он должен выполнять в новой системе ценностей, но вот как это отражается, на какой структурной глубине схватываются нужные идентификационные точки – эта практика оказалась достаточно инерционной. Характер эстетических представлений долгое время определялся содержанием стабильных клише, свойственных профессиональному взгляду на мир с присущей таковому стандартизации образов. Разнообразие и содержание – прежде всего психологическое – последних долгое время оставались в рудиментарном состоянии, никак не обогащаясь реальным жизненным материалом, что было не раз описано исследователями: «...рассказчики у Маргариты выписаны с несравненно большим тщанием, нежели персонажи рассказываемых ими новелл. Это уже не более или менее условные «силуэты», как у Боккаччо, но всегда – носители той или иной нравственно-интеллектуальной точки зрения...» [Андреев, Козлова, Косиков 1987: 100].

А вот замечание В.Б. Шкловского – по этому же свойству ранней прозы, но со смысловым нюансом, особенно интересующим нас: «Было время, когда в литературном произведении людей не интересовали герои... ...В «1001 ночи», в новеллах «Декамерона» молодые царевичи, купцы, рыцари не имеют собственного лица. Пришло время, и по сложным историческим обстоятельствам в литературных произведениях появился тип, интерес к вырисовке человеческой личности. Стали интересоваться уже не только действием, но и повествователем. Еще позднее появился психологический роман с подробной разработкой психологии действующих лиц» [Шкловский 1927: 50].

Как видим, мировое литературоведение полагает характер эволюции художественного мышления как минимум комплексным и поступательно последовательным: по мере развития интерпретаций действующего героя он обогащается психологическими чертами, соответствующей мотивацией поступков, реакциями на внешние воздействия. Параллельно с этим трансформации подвергается нарратив текста, он усложняется, переходит в двух- трех- и более сложные объемы, включающие в себя все большее и большее количество пространственно-временных ареалов. Сама значимость описываемых персонажей на фоне все более заметной активности авторского голоса и повышении степени постоянного вмешательства нарратора в происходящие события говорят о многом.

Итак, повествователь, архитектоника, образ. Все эти три основные компоненты нарративной ткани находятся в необратимом процессе усложнения и модернизации. Так, во всяком случае, дело представляется в литературоведческой теории, и, в принципе, видится очевидным при более-менее подробном рассмотрении истории литературы любого культурного ареала.

Новописьменные литературы не являются исключением – ни в целом, ни региональные кавказские, ни конкретно балкарская. Де-факто, во всем объеме литературоведческих работ, посвященных балкарской словесности, прослеживается стремление выстроить простейшую градационную шкалу – от фольклорных образцов до произведений современных писателей. При этом точкой отсчета – естественно точкой отсчета, отмеченной низким эстетическим качеством, – декларируется фольклор карачаевцев и балкарцев: «...излишне рьяное следование канонам народной поэтики со стороны некоторых авторов шло во вред произведениям, приводило их к фарсовости, неправдоподобности (например, при характеристике отрицательных персонажей). Позднее (конец 30-х – 40-е гг. XX в.) обращение к фольклору в основном стало более сознательным, делались первые шаги к преодолению фольклорных клише, черно-белой схемы изображения действительности и персонажей, односложности характеров, к углублению психологизма» [Гулиева 2015: 139].

Трудно упрекать периферийное литературоведение в том, что оно полностью поддерживает тренды федерального уровня, гипотезы ученых, признанных мировым сообществом. Тем более, как уже говорилось, в целом эволюционная картина новописьменных литератур выстроена вполне корректно и аргументирована текстовыми материалами. Собственно, в балкарской прозе практически весь корпус произведений идеально вписывается в картину развития новописьменных литератур, развития так называемого форсированного, присутствующего народам всего региона. И, однако, по крайней мере в одной траектории эволюционного движения национальной словесности умозрительные теоретические выкладки требуют серьезных поправок и вмешательства – как аномальные с точки зрения среднестатистических модернизационных проявлений.

Когда в 1966 г. Зейтун Толгуров опубликовал свою небольшую повесть «Айбуташ» («Медвежий камень»), за его плечами уже был опыт прозаика, более того – писатель успел, невзирая на свой молодой возраст, заработать себе имя, и национальный читатель уже принял его. Он совершенно очевидно представлял третью волну балкарских авторов, стоявших на плечах своих старших товарищей, совершенствуя и расширяя тот набор тематики, сюжетов, концепций, идей, который был сформирован до войны и в первое постдепортационное десятилетие.

Великолепное чувство слога, отсутствие несвязных эпизодов и фрагментов описания, идеологическая сдержанность без обширных и категоричных выходов на характеризацию описываемых ситуаций и героев обеспечили успех и признание прозы З. Толгурова у национального читателя. Но повторимся – первые рассказы и первая повесть писателя оставались, по своим изобразительным и содержательным характеристикам, в русле литературы социалистического реализма с ярко выраженным оттенком некоей местечковости, периферийности. Сам автор, понятно, ощущал несовершенства своих первых вещей, и ни одна из них в дальнейшем не попала в изданные им книги, лишь повесть «Ханифа» воплотилась в радиопостановке и, кстати, заслужила безоговорочное одобрение критики и слушателей.

Тем не менее сам прозаик не был доволен собственными текстами, и, скорее всего, его тяготила необходимость сдерживаться в оценках и описаниях. Это был весьма мощный фактор – учет ожиданий идеологического толка, во многом ограничивавший даже маститых писателей из крупных союзных центров и полностью довлеющий на литературной и культурной периферии, какой в те времена была Кабардино-Балкария. Быть может, именно желание обрести большую степень творческой свободы первоначально и обусловило формирование в идиостиле З. Толгурова явление, достаточно распространенное в мировой литературе, но совершенно новое в балкарской – прием отстраненного описания.

Оговоримся сразу – как эволюционный маркер, равно как атрибут хронологической сложности текста, как показатель его нарративной прогрессивности и совершенства отстраненный наблюдатель «Медвежьего камня» рассматриваться не может. Повесть З. Толгурова – типичное произведение социалистического реализма со всеми присущими системными недостатками, вплоть до простого однолинейного сюжета и без альтернативных характеристик героев положительных и отрицательных. Можно добавить, что автор не чурался клишированных описаний, обязательных атрибутов конфликтного противостояния, выработанных еще в литературе 30-х гг. XX в. В ряде моментов он даже чрезмерен в демонстрации собственных предпочтений, доходя в построении сюжета до совершенно фантастических и тенденциозных моментов, таких как, например, убийство немецким солдатом маленького мальчика, убийство беспричинное, имеющее только одну цель – подчеркнуть окончательным, фатальным способом нечеловеческую сущность врага.

Сцена, в которой немец издевательски, поманив ребенка шоколадом, стреляет в него из автомата, поражает своей неправдоподобностью и какой-то нарочитой наивностью, более всего напоминающей кошмары из детского фольклора современности. Трудно предполагать, что З. Толгуров обладал творческим мышлением столь низкого уровня – в его предыдущих произведениях ничего подобного не замечалось. Среди недостатков нарратива повести наблюдаются даже совершенно необъяснимые моменты потери последовательности изложения – элемент вполне обычный в балкарских текстах 30-х гг. XX в., но никак не присущий произведениям, написанным с учетом сорокалетнего опыта молодой литературы. Они не столь заметны, как у того же С. Хочуева, не реализуются в виде разрывов и провалов сюжетной линии, но тем не менее свидетельствуют об эволюционном статусе рассматриваемого текста, в котором приобретают форму ситуативного противоречия фрагмента, например: «...Мустафира не особо беспокоило то, что и немецким солдатам, и Аубекиру придется умереть. Он вдруг почувствовал жалость к Аубекиру (курсив наш – Т.Т., Ю.Т., Ф.У.). Что ни говори, он отец Зулихат. Кто хочет, чтобы Зулихат осталась сиротой?» (Подстрочный перевод здесь и далее наш – Т.Т., Ф.У.) [Толгуров 1966: 41–42].

Еще одной чертой нарративной архаики можно считать постоянный уход автора – естественно, при повествовании от лица того или иного героя – в настоящее время. Действия «сейчас и здесь» – довольно заметный элемент про-

зы первого этапа становления национальной литературы – не только балкарской. В попытке уйти от монотонного изложения от лица единого повествователя авторы довольно часто пытаются повысить саспенс-эффект от переживания героя в конструкциях текущего настоящего действия, перевоплощаясь в персонаж не столько психологически, сколько пытаюсь войти с ним в некую хронологическую синхронию: «...Мустафир какое-то время смотрел вслед за унесшими Мусоса. Потом подошел к ограде и привалился к ней. Из его глаз не уходили Абубекир и немцы. «А Алимчик? Как они его убили? Как же отомстить за него? – Мустафир глубоко задумался. – Вот он догоняет немцев и отнимает автомат у одного из них. Кричит «Хальт!». Солдаты, бросая автоматы, поднимают руки. «Мусос, я пришел тебя освободить, не медли!» Мустафир быстро освобождает (развязывает) руки партизана. А солдаты скулят, пытаюсь разжалобить Мустафира: Мустафир, не убивай нас, пожалей, не убивай!» [Толгуров 1966: 6–7].

Что же получается? З. Толгуров не разрабатывает прогрессивные нарративные техники, не старается быть убедительным в психологическом анализе своих героев, не совершенствует сюжетное строение произведения; его отстраненный наблюдатель – мальчик Мустафир не доносит до читателя альтернативную идеологическую точку зрения на происходящие события, в этом смысле он дублирует взгляд и интерпретации автора, временами подавая их в такой форме, что речь может идти о гипертрофированно-пародийном освещении факта. И уж, конечно, никакая двойственность оценок отстраненному наблюдателю повести «Медвежий камень» не свойственна. Возникает закономерный вопрос: какова причина введения в повествовательную ткань того самого отстраненного наблюдателя, который выполняет роль центрального персонажа? В данном случае мы говорим о причине с точки зрения генезиса явления отстранения – что именно послужило механизмом встраивания в нарратив дополнительной точки наблюдения, воплощенной в образе Мустафира?

Ответ возможно найти в самих фрагментах, связанных со сменой точки наблюдения, сменой точки повествовательной когниции, то есть в эпизодах развертки ситуаций в координатах героя-мальчика: «...Вот сейчас, сейчас... Но как Мустафир скажет Зулихат о том, что в смерти ее отца принимал участие и он? Эх, черт, если бы он был отцом другого человека – Мустафир так похвастался бы произошедшим! А теперь что? Мальчик в глубокой задумчивости искал ответы – разные ответы. Но в голову ему идет только одно: Аубекир многих сделал сиротами и в дальнейшем скольких сделает такими? Мустафир жалеет его. Так нельзя. Совсем недавно он сам ходил размышляя, как убить Аубекира... А теперь, когда дошло до дела... Брось-брось, Мустафир, оказывается, слишком мягкосердечен. А разве партизану можно быть таким?.. Мустафир посмотрел на Ахмата с Мусосом» [Толгуров 1966: 42].

Возможно по-разному трактовать высказываемые позиции главного героя, и все они будут вероятностными, однако бесспорным видится одно – автор не может и не желает изображать ребенка, полностью подчиненного политической догме в наивной опрошеный форме. И пусть Мустафир пытается донести до читателя иную идеологически правильную точку зрения – она не аргументиро-

вана, ему просто жаль человека, вне зависимости от его поведения. Мир мальчика Мустафира отличен от мира, в котором живут и действуют Мусос Ахмат, Аубекир, немецкие солдаты, партизаны – все остальные герои повести. И в этом его личном пространстве действуют и доминируют другие законы, не поддающиеся формализации, не имеющие объяснения и опирающиеся на самые глубинные и простые ценности, зафиксированные в памяти человечества в таких сокровенных категориях, как душа, милосердие, сердце, прощение – категории, не имеющие ничего общего с абстрактным рациональным знанием и разумом.

Самое же главное – как и в чем они воплощены. Это не выверенные гипотезы и даже не обыденная мудрость человека, это просто эмоции ребенка, сбивчивые, противоречивые, но именно они определяют индивидуальный топос главного героя и одновременно задают альтернативное пространство-время повести «Медвежий камень». Перед нами – не до конца сформировавшийся, имеющий размытые границы, нечеткий, но все-таки хронотоп. Та вторая, третья и более реальность, в которой оценка происходящих событий выглядит по-другому, по крайней мере – в потенциале.

Не преодоление довлеющей идеологии привлекало З. Толгурова, а возможность комплексного взгляда и многосторонней аксиологической позиции, выраженной в тексте. Это было первичным и пришло к писателю не из донорной литературы соцреализма, а оказалось наследием фольклорного происхождения. Сами нарративные эпизоды отстраненного характера свидетельствуют об их инокультурном, несоветском происхождении; это, как уже указывалось, сама семантика отстраненного нарратива, моменты изменения нормального эмотивного тона, гипертрофия определенных элементов сопереживания. Все это вполне четко укладывается в стандарт детского восприятия и задается самим фактом введения в повествование героя-ребенка, оставляя, однако, открытым вопрос об этиологической базе подобного ухода в сложное – в данном случае – бинарное – архитектурное строение текста.

Вполне вероятно, что основанием и образцом рефлексии в границах многопространственного мира стал для прозаика образец топологического строения эпоса «Нарты». Это один из немногих сводов, события которого реализованы в нескольких пространственно-временных измерениях: от стандартного для эпического мышления вертикального ярусного строения до мира обитания дьяволов и чертей, до топосов реализации сна, до ареалов, не знающих течения времени и так далее. Оснований для утверждения хорошего знания Толгуровым балкарского фольклора достаточно. Во-первых, будучи круглым сиротой, он воспитывался своим старшим двоюродным братом Азизом Кудаевым, глубоко и основательно знавшим национальный фольклор во всех его проявлениях – от фамильных изустных преданий до эпоса. Во-вторых, писатель был хорошо знаком с Хамзатом Жаникаевым, признаваемым специалистами в качестве исполнителя песенных текстов – традиционных и экспромтов. Известно, что в период с 1968 по 1974 г. Зейтун Толгуров часто приезжал в Булунгу к Х. Жаникаеву – своему близкому родственнику, каждый раз задерживаясь у Хамзата на несколько дней.

Главное же основание для вывода о родстве пространственно-временного континуума повести «Медвежий камень» и эпических сказаний карачаево-балкарского народа – сам текст произведения. Хотя советская литература была, в принципе, хорошо знакома с образом ребенка-героя, ребенка-воина, для национальной словесности это была явная новация. И утверждать уверенно о ее начальном истоке достаточно трудно. С другой стороны, решение этого вопроса может послужить веским аргументом для нового подхода и понимания сути эволюционного развития балкарской художественной литературы в качестве новописьменной.

В момент выхода в свет повести «Медвежий камень» советская литература лишь осваивала такое жанровое подразделение, как произведение средней и крупной формы, посвященное детям. Идеологический кризис еще не был проявлен настолько, чтобы для купирования его требовалось литературное воплощение эталонных прототипов для подростков. В этом смысле советская культурная пропаганда имела в своем активе достаточно ограниченное количество текстов, тем более – текстов с центральным образом ребенка-героя. Перечисление будет очень коротким – фактически единственными произведениями, посвященными малолетнему бойцу, оказались на тот момент повести Л. Кассиля, М. Поляновского, А. Гайдара, В. Катаева, Л. Воронковой, Е. Ильиной.

К изданию «Медвежьего камня» З. Толгуров уже был остепененным кандидатом филологических наук, причем именно по русской советской литературе. Вероятнее всего он знал текст повести Кассиля и Поляновского, однако разница модальных портретов Мустафира и Володи Дубинина слишком очевидна и бросается в глаза настолько, что мысль о каком-либо влиянии в данном случае выглядит весьма сомнительной. Игнорируя моменты несовершенства, изъязыны нарративной манеры молодого художника, можно сказать, что его герой – это, прежде всего, рефлектирующая личность, созерцатель и мечтатель, в отличие от персонажа «Улицы младшего сына», чья среда и стихия – динамичный экшн.

В то же время намеченный в карачаево-балкарской версии «Нартиады» [Нарты 1994] архетип мальчика-воина – уточним, именно намеченный, – конечно, принимает активное участие в делах взрослых, но его поле, в первую очередь, реализация ресурсов морально-этического плана. Например, маленький Сосурук безусловно смел и силен, однако в битвы не вмешивается. Зато завершает их своим участием, завершает как действующий агент этического характера. В моментах же, требующих силовых действий, дети-нарты должны появляться, проходя предварительную инициацию, – либо в форме прямого неподчинения матери, принуждения ее к тем или иным действиям, либо в виде сакрального обретения силы взрослого воина-богатыря, обзаводясь скакуном и оружием.

Особым моментом нарратива молодого З. Толгурова оказались упомянутые уже безальтернативные характеристики отрицательных героев. Да, они во многом зависят от идеологической позиции персонажа, но в то же время представляют собой абсолютно ясные и безапелляционные отсылки к эпическим текстам карачаево-балкарского народа: «...Аубекир, измазав свои толстые губы в жире, доел куриную ногу, дотягивается до второй и зубами-кетменями плю-

щит кость. А жирную куриную грудь он подвигает к офицеру» [Толгуров 1966: 14] – эпизод показательный. Дело в том, что в карачаево-балкарской живой речи слово «кетмень» практически отсутствует. Будучи понятным всем носителям языка, оно, практически, вытеснено из обихода другим термином «чага» (мотыга, тьяпка) [Карачаево-балкарско-русский словарь 1989: 720] в виду того простого обстоятельства, что «кетмень» – это инструмент с укрупненной рабочей поверхностью, малофункциональный в условиях гор. Существующее предположение о включении этой лексемы в состав карачаево-балкарского языка в период депортации выглядит вполне правдоподобным.

Случаи употребления слова «кетмень» в художественных текстах крайне редки, быть может, его применение в повести З. Толгурова уникально. В любом случае, сравнение зубов персонажа с кетменями не может быть результатом освоенной национальной традиции. Зато в нартском эпосе это уподобление есть: «...Фук... догадается о предстоящей смертельной схватке // И тогда его зубы-кетмени начнут высекать огонь» [Как Ёрюзбек сражался на небе с Фуком 1994: 312]. Примечательно то, что как использование сравнения «зубы-кетмени» в повести З. Толгурова уникально для национальных художественных текстов, также уникально оно и в карачаево-балкарском эпосе и встречается только в указанном – «Как Ёрюзбек сражался на небе с Фуком».

Можно предполагать, что писатель верно оценил свой первый опыт применения альтернативного пространственно-временного континуума в виде образцов наивного мировосприятия и мироощущения маленького мальчика и учел все недоработки и изъяны своей попытки. Вероятнее всего, необходимость встраивать иное пространство-время с иной системой оценок окружающего в уже привычную и набившую оскомину структуру идеологической атрибутации окружающего потребовала от художника дальнейшего продвижения в избранном направлении. Даже ребенок Мустафир жил и изъяснялся в системе ценностей соцреализма, идеологических штампов и клише, лишавшей прозаика абсолютной свободы, к которой он, по всей видимости, стремился.

Категория свободы была для него абсолютной, он пытался реализовать и актуализировать ее во всех направлениях жизнедеятельности, мышления и представлений. Причинами этого были личные качества писателя, сформировавшиеся на протяжении его нелегкой жизни и в уникальных условиях взросления в среде депортированных в Казахстан людей. Невероятное сочетание совершенно различных качеств, свойственное личности З. Толгурова [Улаков 2019: 21–24], не могло существовать при каком-либо уровне стеснений и ограничений, наложенных как его собственной субъективной волей, так и внешними факторами.

В сфере языка это проявлялось богатством лексики, необычной выразительностью и убедительностью прозаического высказывания, тем особым мелодическим и образным строем повествования З. Толгурова, за который его тексты удостоились определения «поэтическая проза». Мировоззренчески он не был стеснен ничем, никакие догмы социалистического реализма не определяли его идеологии: «...на всем огромном пространстве советской литературы именно "Эрирей", а затем и "Белая шаль" балкарского автора впервые со всей остро-

той поставили проблему нежизнеспособности целого ряда устоявшихся догм и мифов официальной идеологии государства» [Толгуров 2004: 236]. Отметим – указанные произведения были написаны в самом начале 70-х гг. XX в.

Система мировосприятия прозаика требовала нарратива, построенного на сочетании различных подходов и оценок окружающего. Опыт с отстраненным наблюдателем, по всей видимости, в какой-то мере отвечал внутренним запросам З. Толгурова. Отвечал в такой степени, что автор сделал этот формат художественной рефлексии постоянным, правда, слегка модифицировав его. В произведениях, последовавших за «Медвежьим камнем», балкарский писатель окончательно избавился от необходимости как-то оглядываться на идеологические ожидания государства. Сделано это было простейшим способом – теперь в качестве отстраненного наблюдателя выступали животные, элементарное видение мира которых не могло быть подвергнуто сомнениям по определению.

И опять же – выбор героя определил социальную позицию автора. Ни осел Глыу, ни волкодав Курта носителями той или иной идеологии не могут быть по определению. Здесь мы еще раз сталкиваемся с фактом абсолютной индифферентности З. Толгурова по отношению к государственному строю и политике СССР. Естественно, абсурдность решений руководства, по крайней мере, на местном уровне, четко отражена в произведениях – и в «Белой шали» и в «Игре в альчики». Массовое убийство ослов, равно как и привлечение чабана к работе в органах управления, ничем, кроме как параноидальным характером мышления руководства страны, объяснены быть не могут. Но это очевидно истина, не требующая анализа и поэтому не интересующая З. Толгурова.

Другое дело, повествовательные пространства, в которых должна реализовываться эта истина – та ниша, где абсурдность принимаемых наверху решений становится бесспорной, даже при самом безыскусном взгляде на ситуацию. Мы вновь убеждаемся, что З. Толгурова не интересует идеологический план отражения сам по себе. Ему критически важно создать ту архитектуру нарратива, которая позволит сосуществовать в сознании читателя сразу несколькими взглядами на мир, позволит провести прямое сравнение этих позиций. То есть, в конечном счете, разговор опять-таки идет о специфике апперцептивных моделей Зейтуна Толгурова.

Осел Глыу, пёс Курта – не герой, не персонаж какого-либо произведения в обыденном смысле этого слова. Они не несут в себе той или иной оценки ситуаций социального, тем более – идеологического характера. Они являются воплощением того, что можно назвать естественным ходом вещей, тех взаимоотношений мыслящего рефлексизирующего субъекта и мира, которые выступают нормальными – естественно, при условии нормальности обеих сторон. Так что для З. Толгурова общественная составляющая его героев не то чтобы факультативна – она безусловна, она подразумевается как данность, и в этом смысле совершенно не случайно, что ни осел, ни собака не имеют выраженных индивидуальных имен: «Гылыу» на карачаево-балкарском означает просто «осёл, ослёнок», «курта», в свою очередь, – архаичное название подвида кавказской овчарки, производное от «кьурт», что означает «вожак волчьей стаи».

Таким образом, позиция «отстраненного наблюдателя», изначально сформировавшись в качестве инструментального средства версификации монолитной оценки описываемого, в содержательной части не имела отношения к идеологическому плану текста. Для З.Х. Толгурова «отстраненный наблюдатель» был, прежде всего, средством, позволявшим преодолеть однозначность эмотивного наполнения повествования, представив читателю альтернативные точки восприятия происходящего, не совпадающие с позициями типичного героя социалистического реализма. Данное явление в прозе З. Толгурова не имеет отношения к донорному влиянию русской советской литературы и напрямую восходит к хромотопической многоплановости карачаево-балкарского фольклора. Появление «отстраненного наблюдателя» в повести «Медвежий камень» знаменовало собой переход балкарской литературы на новую эволюционную стадию развития, уже в 70-х гг. XX в. принявшую вид аутентичного этнического явления, модернизационные движения которого шли одновременно с функционированием национальной прозы в форсированном режиме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

Андреев, Козлова, Косиков 1987 – *Андреев Л.Г., Козлова Н.П., Косиков Г.К.* История французской литературы. – М.: Высшая школа, 1987. – 543 с.

Барт 1987 – *Барт Р.* Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв.: трактаты, статьи, эссе. – М.: Изд-во МГУ, 1987. – С. 387–422.

Бахтин 1979 – *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 445 с.

Гамзатов 2000 – *Гамзатов Г.Г.* Дагестанский феномен возрождения XVIII–XIX вв. – Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 2000. – 324 с.

Гачев 1989 – *Гачев Г.Д.* Неминуемое. Ускоренное развитие литературы. – М.: Художественная литература, 1989. – 432 с.

Гулиева 2015 – *Гулиева Ф.Х.* Карачаево-балкарская несказочная проза и ее традиции в балкарской литературе. – Нальчик: КБИГИ, 2015. – 152 с.

Гусейнов 1988 – *Гусейнов Ч.Г.* Этот живой феномен. Советская многонациональная литература вчера и сегодня. – М.: Советский писатель, 1988. – 432 с.

Как Ёрюзмек сражался на небе с Фуком 1994 – *Как Ёрюзмек сражался на небе с Фуком* // Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев / сост. Р.А.-К. Ортабаева, Т.М. Хаджиева, А.З. Холаев; отв. ред. А.И. Алиева. – М.: Наука; Восточная литература, 1994. – 656 с.

Карачаево-балкарско-русский словарь 1989 – *Карачаево-балкарско-русский словарь* / под ред. Э.Р. Тенишева и Х.И. Суюнчева. На кар.-балк. яз. – М.: Русский язык, 1989. – 832 с.

Нарты 1994 – *Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев* / сост. Р.А.-К. Ортабаева, Т.М. Хаджиева, А.З. Холаев; отв. ред. А.И. Алиева. – М.: Наука; Восточная литература, 1994. – 656 с.

Родионов 2014 – *Родионов В.Г.* Современные проблемы исторической типологии литератур народов Российской Федерации // Вестник Марийского государственного университета. – 2014. – № 1 (13). – С. 154–157.

Толгуров 1966 – *Толгуров З.Х.* Айыуташ (Медвежий камень). – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изд-во, 1966. – 68 с. (на балк. яз.).

Толгуров 1991 – *Толгуров З.Х.* В контексте духовной общности (Проблемы развития литератур народов Северного Кавказа). – Нальчик: Эльбрус, 1991. – 286 с.

Толгуров 2004 – *Толгуров Т.З.* Эволюция тканевых образных структур в новописьменных поэтических системах Северного Кавказа. – Нальчик: Эль-Фа, 2004. – 286 с.

Толстой 1961 – Толстой А.Н. Четверть века советской литературы // Толстой А.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 10. – М.: Гослитиздат, 1961. – С. 537–560.

Улаков 2019 – Улаков М.З. Друг и наставник // Литературная Кабардино-Балкария. – 2019. – № 6. – С. 21–24.

Шкловский 1927 – Шкловский В.Б. Техника писательского ремесла. – М.-Л.: Молодая гвардия, 1927. – 73 с.

REFERENCES

ANDREYEV L.G., KOZLOVA N.P., KOSIKOV G.K. *Istoriya frantsuzskoy literatury*. [History of French literature]. – М.: Higher School, 1987. – 543 p. (In Russ.).

BART R. *Vvedeniye v strukturnyy analiz povestvovatel'nykh tekstov* [Introduction to the structural analysis of narrative texts]. IN: *Zarubezhnaya estetika i teoriya literatury XIX–XX vv. Traktaty, stat'i, esse*. – М.: Izd-vo MGU, 1987. – P. 387–422. (In Russ.).

BAKHTIN M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. – М.: Iskusstvo, 1979. – 445 p. (In Russ.).

GAMZATOV G.G. *Dagestanskiy fenomen vrozhdeniya XVIII–XIX vv.* [Dagestan phenomenon of revival of the 18th–19th centuries]. – Makhachkala: Publishing House DSC RAS, 2000. – 324 p. (In Russ.).

GACHEV G.D. *Neminuyemoye. Uskorennoye razvitiye literatury* [The inevitable. Accelerated development of literature]. – М.: Fiction, 1989. – 432 p. (In Russ.).

GULIYEVA F.KH. *Karachayevo-balkarskaya neskazochnaya proza i yeye traditsii v balkarskoy literature* [Karachay-Balkarian non-fairy prose and its traditions in Balkar literature]. – Nalchik: KBIGI, 2015. – 152 p. (In Russ.).

GUSEYNOV CH.G. *Etot zhivoy fenomen* [This living phenomenon]. – М.: Soviet writer, 1988. – 432 p. (In Russ.).

Kak Yoryuzmek srazhalsya na nebe s Fukom [How Yoryuzmek fought in the sky with Fuk]. IN: *Narty. Geroicheskiy epos balkartsev i karachayevtsev* [Narty. Heroic epic of the Balkars and Karachais]; comp. Ortabaeva, T.M. Khadzhiyeva, A.Z. Kholayev; resp. ed. A.I. Alieva. – М.: Science; Eastern literature, 1994. – 656 p. (In Karachay-Balkarianin, in Russ.).

Karachayevo-balkarskiy slovar' [Karachay-Balkar-Russian Dictionary]; ed. E. R. Tenisheva and Kh. I. Suyuncheva. – М.: Russian language, 1989. – 832 p. (In Karachay-Balkarianin, in Russ.)

Narty. Geroicheskiy epos balkartsev i karachayevtsev [Narty. Heroic epic of the Balkars and Karachais]; comp. Ortabaeva, T.M. Khadzhiyeva, A.Z. Kholayev; resp. ed. A.I. Alieva. – М.: Science; Eastern literature, 1994. – 656 p. (In Karachay-Balkarianin, in Russ.).

RODIONOV V.G. *Sovremennyye problemy istoricheskoy tipologii literatur narodov Rossiyskoy Federatsii* [Modern problems of historical typology of literatures of the peoples of the Russian Federation]. IN: *Vestnik Mariyskogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2014. – No 1 (13). – P. 154–157. (In Russ.).

TOLGUROV Z.KH. *Medvezhiy kamen'* [Bear stone]. – Nalchik: Kabardino-Balkarian book publishing house, 1966. – 68 p. (In Karachay-Balkarian).

TOLGUROV Z.KH. *V kontekste dukhovnoy obshchnosti (Problemy razvitiya literatur narodov Severnogo Kavkaza)* [In the context of spiritual community (Problems of development of literatures of the peoples of the North Caucasus)]. – Nalchik: Elbrus, 1991. – 286 p. (In Russ.).

TOLGUROV T.Z. *Evolutsiya tkanevykh obraznykh struktur v novopis'mennykh poeticheskikh sistemakh Severnogo Kavkaza* [Evolution of fabric figurative structures in the newly written poetic systems of the North Caucasus]. – Nalchik: El-Fa, 2004. – 286 p. (In Russ.).

TOLSTOY A.N. *Chetvert' veka sovetskoy literatury* [A quarter of a century of Soviet literature]. IN: Tolstoy A.N. Collection op. in 10 volumes. – V. 10. – М.: Goslitizdat, 1961. – P. 537–560. (In Russ.).

ULAKOV M.Z. *Drug i nastavnik* [Friend and mentor] // *Literaturnaya Kabardino-Balkariya* [Literary Kabardino-Balkaria]. – 2019. – No 6. – P. 21–24. (In Russ.).

SHKLOVSKIY V.B. *Tekhnika pisatel'skogo remesla* [Writing techniques]. – M.-L.: Young Guard, 1927. – 73 p. (In Russ.).

Информация об авторах:

Т.З. Толгуров – доктор филологических наук.

Ю.М. Тхагазитов – доктор филологических наук.

Ф.Т. Узденова – доктор филологических наук.

Information about the authors:

T. Z. Tolgurov – Doctor of Sciences (Philology).

Yu. M. Tkhagazitov – Doctor of Sciences (Philology).

F.T. Uzdenova – Doctor of Sciences (Philology).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.10.2024 г.; одобрена после рецензирования 12.12.2024 г.; принята к публикации 27.12.2024 г.

The article was submitted 22.10.2024; approved after reviewing 12.12.2024; accepted for publication 27.12.2024.

Научная статья
УДК 821
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-318-330
EDN: SVXAIM

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПОРТРЕТ КАДЫРБЕКА НАТХО

Карина Султановна Тхакахова¹, Лидия Махмудовна Довлеткиреева²

¹ Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, karina-t-00@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-6352-8043>

² Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова, Грозный, Россия, dlida@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8299-5651>

Аннотация. Статья представляет собой общий обзор творческого наследия талантливого черкесско-американского писателя XX-XXI веков Кадырбека Натхо (1927-2021). Отмечена проблема слабой изученности его многожанровой и полилингвальной прозы. Авторы дают краткую характеристику таким произведениям как «В поисках себя», «Легенда о великом похищении», «Отчужденные», «Черкесская история», а также серии авторских сказок о кавказском мире. В рамках межкультурной коммуникации в литературном наследии Натхо выявлены три основных «географических» вектора. Первый из них ориентирован на Северный Кавказ, второй – к реалиям Соединенных Штатов Америки, третий – к паттернам западноевропейской культуры. Авторами статьи уделяется большое внимание поэтологическим аспектам, связанным с тематикой, философской идеей, художественным конфликтом, системой персонажей и экспрессивными средствами проанализированных текстов. Делается вывод о необходимости в дальнейшем более пристального и детализированного изучения глубоко гуманистических и миротворческих произведений К. Натхо, их популяризации в общеобразовательных школах, высших учебных заведениях и средствах массовой информации.

Ключевые слова: Кадырбек Натхо, США, Кавказ, кросскультурный писатель, жанровое многообразие, поэтика.

Для цитирования: Тхакахова К.С., Довлеткиреева Л.М. Литературный портрет Кадырбека Натхо // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 4. – С. 318-330. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-318-330. EDN: SVXAIM.

© Тхакахова К.С., Довлеткиреева Л.М., 2024

Original article

LITERARY PORTRAIT OF KADYRBEK NATHO

Karina S. Tkhakakhova¹, Lidiya M. Dovletkireeva²

¹ Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russia, karina-t-00@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-6352-8043>

² A.A. Kadyrov Chechen State University, Grozny, Russia. A.A. Kadyrov Chechen State University, Grozny, Russia, dlida@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8299-5651>

Abstract: The article is a general overview of the creative heritage of the talented Circassian-American writer of the XX-XXI centuries Kadyrbek Natkho (1927-2021). The problem of poor knowledge of his multi-genre and multilingual prose is noted. The authors give a brief description of such works as “In Search of Oneself”, “The Legend of the Great Abduction”, “Alienated”, “Circassian History”, as well as a series of author’s fairy tales about the Caucasian world. Within the framework of intercultural communication, three main “geographical” vectors have been identified in the literary heritage of Natkho. The first one focuses on the North Caucasus, the second – on the realities of the United States of America, the third – on the patterns of Western European culture. Authors of the article pay great attention to the poetical aspects related to the theme, philosophical idea, artistic conflict, character system and expressive means of the analyzed texts. The conclusion is made about the need for a more thorough and detailed study of K. Natkho’s deeply humanistic and peacemaking works in the future, their popularization in secondary schools, higher educational institutions and the media.

Keywords: Kadyrbek Natho, USA, Caucasus, cross-cultural writer, genre diversity, poetics.

For citation: Tkhakakhova K.S., Dovletkireeva L.M. Literary portrait of Kadyrbek Natho. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 4. – P. 318-330. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-318-330. EDN: SVXAIM.

© Tkhakakhova K.S., Dovletkireeva L.M., 2024

«От Дома к миру» – так назвал свою монографию литературовед К.К. Султанов, отмечающий, что «интенсивность процесса национальной и личностной самоидентификации активизирует потребность вхождения в расширяющийся контекст межкультурного диалога» [Султанов 2007: 4]. Ту же самую философскую мысль диалектического единства локального и универсального подчеркивают З.А. Кучукова и К.К. Бауаев, апеллируя к символике двуглавого Эльбруса, состоящего из западной и восточной вершин. Об этом исследователи пишут в своей научной статье с примечательным названием «Северный Кавказ: гора языков и язык гор» [Кучукова, Бауаев 2022: 158-174].

Проведенный нами панорамный анализ показывает, что у любой национальной литературы есть два условных полюса – этноориентированный (native-brunch) и диалогический, стремящийся выйти за пределы своих географических рамок и установить культурные контакты с «соседями по планете», с иноязычными мирами. Отечественная словесность в этом плане никогда не была закрытой «вещью-в-себе», достаточно вспомнить целые школы российских белоэмигрантов, которые в начале XX столетия сформировались в западноевропейских странах (Нина Берберова, Гайто Газданов, Владимир Набоков, Константин Чхеидзе). Северный Кавказ тоже никогда не был изолирован, дистанцирован от европейской или ближневосточной культуры. Ряд историко-культурных проблем, связанных с черкесским зарубежьем, мухаджирством, ностальгическими мотивами получил отражение в трудах М.Б. Абдоковой [Абдокова 2008], Х.И. Бакова [Баков 1993], Б.Н. Березгова [Березгов 2000], А.В. Кушхабиева [Кушхабиев 2000], Х.Т. Тимижева [Тимижев 2006]. На сегодняшний день установлены имена нескольких кавказских писателей-мухаджиров разных поколений. Это – О. Сейфудин, Я. Бага, Ш. Кубова, А. Чурей, Ю. Барута, Ф. Тхазепля, Дж. Авджы, М. Инамуко, Э. Гунджер (Турция), И. Уджуху, Н. Кушха (Сирия), И. Жанбек, З. Кандур (Иордания).

«Не снимая кавказской бурки, он вошел в европейское искусство» [Султанов 2022: 232] – этим оригинальным метафорическим выражением литературовед К.К. Султанов определил место своего соотечественника, дагестанского (аварского) художника Халилбека Мусаясула (1897-1949), сумевшего произвести впечатление на парижан совершенством своего изобразительного искусства. Ту же самую метафору можно использовать и для характеристики творчества других северокавказских европейцев – К. Шурдум (Германия), М. Меретуко (Голландия).

Все эти годы практически неисследованным остается «колумбово племя» адыгских литераторов, в силу сложных исторических обстоятельств оказавшихся в США, в местах компактного проживания черкесских эмигрантов – г. Патерсон, штат Нью-Джерси. Их численность не так велика (не все писатели выявлены и идентифицированы), на сегодняшний день можно говорить о трех заокеанских прозаиках, это К. Натхо, М. Кандур и Б. Калмык. Из трех названных авторов наиболее полно изучено творчество Мухадина Кандура. В ряду «кандуроведов» особо следует выделить Ф.В. Гетегежеву и Л.И. Темрокову, двух кабардинских исследовательниц, издавших в 2022 г. обстоятельную монографию, посвященную трилогии М. Кандура «Кавказ» [Гетегежева, Темрокова 2022].

Целью данной статьи является исследование творчества одного из самых ярких представителей англоязычной, американской ветви адыгской литературы Кадырбека Исхаковича Натхо (1927-2021). В **задачи** исследования входят: воссоздание историко-биографического контекста писателя; общая характеристика его литературного наследия; выявление сущностных черт кросскультурного, полилингвального почерка писателя. Для решения поставленных задач в работе используется ряд дополняющих друг друга методов – ретроспективный, сравнительно-исторический, интертекстуальный, а также анализ, синтез, классификация, систематизация.

«Кадырбек – мое полное имя, родился я 25 мая 1927 года в ауле Суворов-Черкесский или Хатрамтук на Западном Кавказе» [Натхо 2018: 10] – так начинает свой биографический очерк писатель. Самые яркие его воспоминания детства связаны с блюдами национальной кухни (щипс, паста, халуж, хакурижа, лигур), а также с образом русской целительницы Веры Дмитриевны, которая **необычным** способом (медуза, настоянная на спирту) вылечила его отца Исхака от хронического ревматизма.

В период, когда часть Северного Кавказа, в частности, Адыгея, оказалась оккупирована немецко-фашистскими захватчиками, душевно травмированный подросток, похоронив мать (погибшую от рук оккупантов), выбирает путь эскейпизма по следующей траектории – Крым, Турция, Австрия, Италия, Иордания, Сирия, Ливан, США. Без родственных связей, без поддержки официальных лиц юный шапсуг, по степени цепкости и живучести напоминающий образ знаменитого цветка-татарника из повести Л.Н. Толстого «Хаджи-Мурат», в каждой новой для себя стране изыскивает возможность найти работу, получить или продолжить образование, обрести надежных друзей.

«Я прибыл в Соединенные Штаты Америки в конце 1956 г.» [Натхо 2018: 181] – пишет Кадырбек Натхо в своем автобиографическом романе «В поисках

себя» и в числе своих основных благодетелей называет сотрудников Толстовского фонда в Манхэттене, которые помогли ему адаптироваться к новой этнокультурной среде.

После окончательного обоснования в США адыгский переселенец вплотную начинает заниматься литературной деятельностью. Свою первостепенную задачу он видит в описании истории своего народа, его менталитета и системы этико-эстетических ценностей. При этом он никогда себя не воспринимал как убежденного этноцентриста, отгородившегося от остального мира. Двуполюсность его мировосприятия наилучшим образом выразил адыгейский литературовед К.Г. Шаззо, который отмечает:

«Натхо Кадыр по духу своему интернационалист, «международен» что ли, другого слова не подберу: потому что он знает нравы, привычки многих народов. В одном художественном контексте эти народы, сохраняя свое этнически изначальное, природное, могут безболезненно и цивилизованно сосуществовать. И проза Натхо Кадыра свидетельствует о безоговорочной коммуникабельности и высокой писательской компетентности ее автора в вопросах межнациональных отношений» [Шаззо 1992: 325].

Биографы российско-американского писателя отмечают постоянное присутствие на большом письменном столе Кадырбека Натхо двух печатных машинок – «одна со шрифтом кириллицы», другая – «с латинским шрифтом» [Шаззо 1992: 324]. Данная бытовая деталь может служить символическим обозначением и даже метакодом двух его равновеликих интересов к русскоязычной и англоязычной культуре, к Западу и к Востоку, к своей исконной кавказской отчизне и новообретенной американской родине, где он в общей сложности прожил 65 лет.

Далее отметим наиболее важные издания Кадырбека Натхо. В 1969 г. в Нью-Йорке был издан сборник на английском языке «Старые и новые сказки Кавказа» (Old and New Tales of the Caucasus). Книга имеет посвящение «Моей дорогой жене Анне, которая всегда с наслаждением слушает мои бесконечные истории про Кавказ» («To my dear wife Anne, who always enjoys listening to the endless stories of the Caucasus») [Natho 1969: 3]. После посвящения следует своего рода «Вступительное слово», где крупным планом воссоздается образ кавказского сказителя – старика Хатуха, к которому после школьных занятий бегут дети, чтобы послушать народные сказки. Показывая своим юным друзьям высочайшую планку морально-этических ценностей, старик время от времени задает им риторический вопрос: «А каким еще может быть Черкесский мальчик?!» («How else can a Circassian boy be» [Natho 1969: 6].

За вводной частью следуют тексты шести сказок «Первые знаки рассвета», «Скала Канчука», «Бораз и Гошмафа», «Счастье несчастного», «Бештау и джинны», «Шанс маленького пастуха» и «Под дулом оружия», назначение которых языком сказок продемонстрировать детям лики добра и зла, должного и недолжного. Сборник сказок К. Натхо в конце снабжен небольшим глоссарием, где истолковывается значение различных этнографизмов, экзотизмов, мифологем и культовых реалий (нарты, Тха, адыгэ, шапсуг, тамада, джигит, шоген и др.).

Вопрос о том, насколько оригинальны сказки К. Натхо, до сих пор остается открытым. Проведенный нами анализ показывает, что фольклорные тексты писателя не являются механическим переложением аутентичных адыгейских народных сказок на английский язык. В то же время нельзя их назвать и космополитичными по содержанию, поскольку они отмечены национальным колоритом, проявляющимся в тематике, системе персонажей, месте действия, специфике художественного конфликта, ценностной картине мира, выборке изобразительно-выразительных средств.

Смеем предположить, что сказки создавались на волнах персональной памяти автора. Писатель, достаточно рано покинувший пределы исторической родины, сохранил некий обобщенный гипертекст кавказского сказочного эпоса, из которого впоследствии сотворял свои достаточно оригинальные англо-адыгейские фольклорные сочинения.

Лингвокультурологический анализ позволяет установить синкретическое свойство рассматриваемых сказок. Речь идет о том, что, с одной стороны, сказки являются авторскими, а с другой, видно, что художественное сознание писателя подпитано общекавказскими эпическими сказаниями, которые циркулировали в его семейно-школьном культурном пространстве. Большинство натхоевских сказок содержат новеллистические жанровые элементы, проявляющиеся в неожиданных «эстетизмах» и экзотизмах, не характерных для достаточно каноничных архетипических сказочных нарративов.

Сказанное в краткой форме проиллюстрируем на примере сказки «Бештау и джинны» («Beshtau and the genies»). Сразу обращает на себя внимание столь характерная для американской литературы антропоцентричность, проявляющаяся в «именном» заголовочном комплексе, то есть имя главного героя занимает инициальное место в названии текста. Орфографическое имя протагониста – еще один примечательный элемент, подчеркивающий его кавказское происхождение: Бештау в переводе с тюркского означает «Пятигорье». Нелишним будет здесь подчеркнуть и символику цифры «пять», графически ассоциирующейся с «фигурой человека, чья голова, разведенные в стороны руки и широко расставленные ноги образуют пятиконечную звезду (пентаграмму) [Тресиддер 1999: 299].

Англоязычный текст, написанный в США, изобилует южнороссийскими реалиями – «Кавказские горы» (Caucasian mountains), черкесский костюм (Circassian uniform), астраханская папаха (Astrakhan hat), кинжал (dagger), джинны (genies). Этномаркированный характер носит и образ крохотного предгорного селения с его глинобитными домиками, пасущимися лошадьми, мычащими коровами, лающими собаками и кудахтаньем птичьего двора.

Движущей силой сюжетной линии названной сказки является история о том, как семнадцатилетний юноша по имени Бештау однажды ночью возвращался к себе домой с вечеринки и на горной тропинке обнаружил змею, которая волокла на спине огромный, светящийся в темноте бриллиант. Бештау схватил соковище и изо всех сил помчался домой. Основная часть драмы разыгралась в его спальне, куда заявилось целое полчище джиннов, которые насильно отобрали у юноши бриллиант для возвращения его истинному владельцу.

Здесь следует выйти за рамки сказочного повествования и напомнить читателю об эмигрантской судьбе адыгейского писателя, который в отроческом возрасте из-за множества драматических и трагических событий вынужден был навсегда покинуть свою историческую родину, свой «бриллиант». В контексте психологии творчества любопытно отметить величайший талант писателя, сумевшего концептуализировать собственные ностальгические думы об утерянной родной земле в оригинальный сюжет волшебной сказки. Посредством ключевых образов «змея», «бриллиант», «джинны» автор отобразил интенсивность своих душевных терзаний и сердечной боли от разлучения с исторической родиной. В лаконичной, афористически оформленной форме данная художественная мысль вложена в уста одного из джиннов: «Потеря (бриллианта) вызывает большую боль, чем смерть». В оригинале – «Loss causes more pain than death» [Natho 1969: 48].

В анализируемом лиро-эпическом тексте «Бештау и джинны» нашлось место и для этногендерной тематики. Любовь к родине и любовь к женщине для главного героя неразделимы.

«The girls! Oh, yes! What a wonderful time he had that evening with pretty Shamset, just before he found the diamond. Shamset played the music, and she adorned the party with her charm and grace. Oh, how all that made him happy» [Natho 1969: 46].

Перевод: «О, да! Какое прекрасное время он проводил в этот вечер с хорошенькой Шамсет, перед тем, как он нашел бриллиант. Шамсет играла на гармошке, и она украшала вечер своим очарованием и грацией. Ах, как это все делало его счастливым!» (Перевод авторов статьи).

Сказку «Бештау и джинны» можно назвать аллегорией на психологические травмы вынужденных переселенцев, которые «сгорали изнутри», прощаясь с родиной. Кстати, темой огня и завершается текст, где говорится о том, что в один момент молодой человек проснулся от сильнейшей боли и обнаружил себя, объятый пламенем, на раскаленной плите. Показательно отсутствие «счастливой концовки», свидетельствующей о вечном томлении автора по земле предков. Тема сакральной географии просматривается и в других произведениях Кадырбека Натхо.

В 1992 г. в Майкопе вышел в свет роман К. Натхо «Отчужденные» [Натхо 1992], переведенный с английского языка на русский М. Тутарищевой. В оригинале роман имел заголовок «Николас и Надюша», но издатели с согласия автора предложили более концептуальное и значимое для черкесов название, связанное с народной историей. Произведение носит полицентрический и полиперсонажный характер, предопределенный прямыми и косвенными отсылками к историко-географическим реалиям европейских стран, США, России, Северного Кавказа, Адыгеи.

Отечественный философ, культуролог, литературовед Г.Д. Гачев (1929-2008) в свое время предложил метафору «симфонического оркестра» для активизации единства всех народов мира. В духе гачевского «общечеловеческого оркестра, где каждый играет на своем именном музыкальном инструменте» [Гачев 2003: 339], автор изображает целую галерею этнотипов – грузина

Казбека, черкесов Дамада и Камгаза, американца Коллинза, русскую Марфу, итальянцев Руно и Банини. Судьба каждого из перечисленных персонажей по своему драматична и трагична, но они все ведут себя как истинные «дети» Адама и Евы, поддерживающее друг друга в момент, когда «история вышла из своих берегов».

С юных лет К. Натхо мечтал написать историю своего народа. С этой целью он постоянно собирал этнографический материал. Итогом его многолетнего труда стала объемная книга, состоящая из 9 больших глав (с подразделами) под названием «Черкесская история». Она издана на английском, арабском, турецком и русском языках. Издателями отмечается, что К. Натхо, будучи по натуре художником, изначально отказался от «строжайшей историко-хроникальной последовательности в изложении фактов», предпочитая, «включившись в нравственную и духовную атмосферу каждой описываемой эпохи, отражать свое эмоционально-художественное и философское видение происходивших процессов» [Тхакушинов 2015: 5]. Автор воссоздает в своей книге всю диахронию народной истории от древности до XXI в., обращая внимание и на такие «экзотические» темы, как «Христианство в Черкесии», «Следы матриархальной системы», «Черкесы в Соединенных Штатах Америки». Особую ценность книге придают фотоснимки, зримо представляющие черкесский «космопсихо-логос» [Гачев 2003: 34].

Указанный сборник «Черкесская история» состоит из 126 взаимосвязанных тематических разделов. Наибольший интерес для литературоведов представляют страницы, посвященные духовно-материальной культуре адыгов. С соответствующими ссылками на зарубежных и отечественных ученых-кавказоведов (Интерьяно, Н.И. Веселовский и др.) и с опорой на собственный интеллектуальный капитал автор приводит множество интересных фактов, связанных с культом гостеприимства, аталычеством, кровной мстью, левиратом и др. Названные обычаи практиковались представителями многих северокавказских народов, но особенность исследований К. Натхо состоит в выявлении специфических этнокультурных черт, характерных именно для адыгейской культуры.

«Следы матриархальной системы» – так называется один из интересных и содержательных разделов «Черкесской истории», где автор на материале эпического памятника «Нарты» рассматривает высокий статус женских персонажей Сатаней и Адиюх и аргументированно называет их «женщинами-воительницами, женщинами-заступницами, женщинами-советчицами, женщинами-целительницами, исцелявшими мужчин своим дыханием или прикосновением руки» [Натхо 2015: 85].

На социально-бытовом уровне многие уроженцы Северного Кавказа подмечают наличие традиционно теплых взаимоотношений между дядей и племянниками (племянницами) со стороны дядиной сестры. К. Натхо в своей монографии приводит типологическое имя данного феномена – «авункулат» и на нескольких примерах раскрывает формы его реализации в практической жизни адыгейцев: дядя на протяжении всей жизни материально и морально поддерживает племянников, в экстренном случае может даже пожертвовать жизнью ради них. В книге приводится шапсугская поговорка «Племянник для дяди то же са-

мое, что хан для своего народа» [Натхо 2015: 86]. Автор не раскрывает историко-культурную причину столь выраженных межпоколенческих и межфамильных аффилиативных чувств дяди, вследствие чего мы сами стараемся пояснить первопричину данного явления. Дело в том, что по законам патриархального общества отцом семейства земельные наделы выделялись только сыновьям, экономические же интересы дочерей не принимались в расчет. Из-за такой «гендерной дискриминации» благородные братья в знак морально-материальной компенсации считали себя пожизненно обязанными всемерно помогать родной сестре и ее детям. Художественная трактовка жизненных сценариев «авункулата» в развернутой форме представлена на страницах современной талантливой кабардинской писательницы Мадины Хакуашевой (псевдоним – Дина Арма) «Дорога домой» [Хакуашева (Арма Д.) 2009].

Волей судьбы Кадырбеку Натхо довелось пожить в разных странах, соприкасаться с различными этнокультурами. При этом его никогда не покидало сознание интеллектуала, проявляющего живой интерес к проблемам кросс-культурной коммуникации, специфики ментальностей разных народов мира. К счастью для современного читателя, в какой бы стране писатель не находился, он использовал метод «включенного наблюдения», оттого его автобиографическая книга «В поисках себя» так богата ценными материалами этнографического характера. Приведем два ярких примера.

Первый из них связан с курьезной историей о том, почему автору пришлось свое исконное имя «Кадырбек» официально заменить на более упрощенную версию «Кадыр». По его словам, судьбоносную роль в данном случае сыграл религиозный фактор. Дело в том, что в свое время сотрудник паспортного отдела Трансиордании, араб по национальности, категорически отказался выдать молодому адыгейскому беженцу новый востребованный документ, если тот не поменяет свое «недопустимое» имя. По мнению чиновника, простой смертный не имеет права носить имя с компонентом «бек», поскольку это особый титул со значением «великий», а великим является «только Бог» [Натхо 2018: 155].

Другой любопытный пример, показывающий различие в стилистике общения, нормативах поведения у индивидов американской и кавказской культур, встречается в разделе с примечательным названием «Черкесы в Нью-Йорке». Здесь автор крупным планом описывает образ черкешенки Фатимы Ханум, которая была «самой влиятельной и уважаемой как среди российской, так среди американской аристократии в Нью-Йорке» [Натхо 2018: 193]. Будучи настоящим альтруистом, Фатима всем нуждающимся протягивала руку помощи, совершенно безвозмездно решала множество социальных и бытовых проблем без всякого разделения людей на «своих» и «чужих». При этом она проявляла чрезвычайную строгость в вопросах соблюдения черкесского этикета. То, что было прощительно для европейцев, было непрощительно для выходцев из Северного Кавказа.

По воспоминаниям К. Натхо, у Фатимы Ханум в Нью-Йорке была просторная гостиная, которую она превратила «в черкесский традиционный хачеш, где приветствовала и угощала всех беженцев-новичков по выходным» [Натхо

2018: 193]. Автор описывает скандальный случай, когда эта благородная женщина сильно рассердилась на одного из своих юных соплеменников за то, что тот во время официального приема новичков в хачеше «полулежал на диване». Для того, чтобы в душе молодого человека навсегда отпечатались нормативы национального этикета, Фатима Ханум на колоритном экспрессивном родном языке сказала два метафорических предложения: «Почему ты лежишь, как вол? У тебя нет костей, чтоб поддержать свое тело?» [Натхо 2018: 193].

Фатима Ханум жила с установкой: то, что позволительно другим, не позволительно черкесу. В анализируемой книге приводится еще один показательный пример, свидетельствующий об «этическом абсолютизме» именитой женщины. Как-то друзья попросили ее принять у себя в гостиной новоявленного южнороссийского гостя и указали на молодого человека «с жевательной резинкой во рту, одетого в белую рубашку с короткими рукавами». С нотками неудовольствия в голосе Фатима Ханум сказала: «Я никогда не видела черкеса, жующего как корова» [Натхо 2018: 194]. Легко заметить, как Фатима – главный критик кавказских эмигрантов чаще всего при лицезрении неподобающего поведения прибегает к анималистическим образам – «бык», «корова», давая понять, что человек ни в коем случае не должен снижать богоданную антропологическую планку.

По словам К. Натхо, многие соотечественники жаловались на «строгую кавказскую мадам», которая без устали читает нравоучения молодежи. На все эти упреки Фатима Ханум отвечала:

«Я, как их мать! Если не я, то кто скажет им об ошибках? Как только мы потеряем адыгэ хабзэ, ничего не останется от нас. А в «Адыгэ Хабзэ» сконцентрированы лучшие в мире традиции» [Натхо 2018: 194].

Особое место в творческом сознании адыгейского прозаика занимали события Кавказской войны (1817-1864). В качестве «заметки на полях» здесь сразу отметим, что в приведенной нами датировке время начала войны до сих пор считается дискуссионной. Некоторые историки склонны брать за основу «1763 год», когда была построена Моздокская крепость и обозначена «кавказская линия». В середине XIX в. на Юге России циркулировали предания о том, как однажды группе черкесских рыцарей удалось похитить дочь русского генерала Г.Х. Засса (1797-1883), отличавшегося особой жестокостью по отношению к горцам. Его называли «черным дьяволом» и его именем пугали детей. Герои черкесского сопротивления захотели проучить злодея, отняв у него самое дорогое, что есть – любимую дочь. На материале данных исторических преданий К. Натхо написал «Легенду о великом похищении» [Натхо 2018] на английском языке. В 2019 г. повесть была переведена на русский язык адыгейкой Зарой Басте и издана в г. Майкопе [Натхо 2019].

Произведение носит ярко выраженный антивоенный характер. В «Предисловии к русскому изданию» автор отмечает, что, «народ к тому времени осознал бессмысленность продолжения войны как способа достижения мира и что путь к нему лежит в плоскости познания и признания притворствующимися сто-

ронами друг друга» [Натхо 2018: 6]. Надо отдать должное писательскому гуманизму и художественной интуиции К. Натхо, который в своей повести культу войны противопоставляет философию любви, способной подняться, возвыситься «поверх конфликта» [Султанов 2007: 109]. Через четыре столетия после У. Шекспира воспроизводится архетипическая история «Ромео и Джульетты» в лице убыха Алецука Берзека и русской девушки с немецкими корнями Катерины Засс. По сюжету, похищенную девушку в рамках адыгского этикета поселяют на женской половине достойного кавказского дома, обеспечивают ей максимальное внимание, развлекают национальными песнями, танцами, приобщают к культуре горцев, учат золотошвейному искусству, убыхскому языку, правилам межличностного поведения в новой среде. За год, прожитый в обществе черкесов, Катерина успела оценить их благородство, красоту обычаев и всей душой полюбила Алецука, который отвечал ей взаимностью. С шекспировской героиней ее объединяет то, что она готова сделать все, лишь бы помирить два фамильно-родовых клана – условных «Монтекки и Капулетти» в лице царской России и Кавказа.

Как видим, история К. Натхо имеет интертекстуальную перекличку не только с трагедией У. Шекспира, но и с «Бэлой» М.Ю. Лермонтова. При этом обращает на себя внимание литературная техника «*visa-versa*» (наоборот). Имеется в виду, что в «Герое нашего времени» черкешенке Бэле довелось жить в русской крепости, а в анализируемой повести, наоборот, русская девушка посредством авторской воли интегрирована в черкесскую культурную среду, откуда она выносит самые превосходные впечатления о людях Кавказа.

Эмоционально сильно заряженный финал повести читается как наставление мудрой русской женщины, которая хочет остановить многолетнее кровопролитие и выстроить культурный мост между Севером и Югом, Россией и Кавказом, христианами и мусульманами. Думается, этот миротворческий посыл является важным для всех времен и народов, чем, собственно, и объясняется большой воспитательный потенциал произведений Кадырбека Натхо, который умеет быть гражданином мира, оставаясь настоящим «кавказцем». Сказанное можно подкрепить и мыслями современного кабардинского литературоведа Ю.М. Тхагазитова, который отметил, что «традиционная полнота бытия северокавказских народов, структурированная в основе своей на общечеловеческих этико-эстетических ценностях, и есть основа сохранения национальных литератур в условиях противоречивой для традиционных культур глобализации [Тхагазитов 2022: 14].

На основании исследованного материала можно сделать вывод о том, что Кадырбек Натхо – талантливый, плодотворный, полилингвальный писатель с богатым многожанровым литературным наследием. Им освоены такие синтетические жанровые образования как путевая заметка, историческая повесть, этнографический нарратив, фольклорно-литературная (авторская) сказка. Прозаик видел много восточных и западноевропейских стран, знал много языков, большую часть жизни прожил в Соединенных Штатах Америки. Подобный культурно-биографический контекст позволил ему по принципу «большое видится на расстоянии» весьма рельефно показать многие существенные черты кавказско-

го духовного и практического бытия. С полным на то основанием его можно назвать истинным кавказоведом, а его произведения – богатым источником этнокультурных знаний.

Ввиду высокохудожественной поэтизации социально одобряемых традиционных ценностей, в эпоху глобализации имеет смысл широко популяризировать произведения К. Натхо, активнее знакомить с ними представителей подрастающего поколения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абдокова 2008 – *Абдокова М.Б.* Этноментальные основы литературы черкесского зарубежья. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2008. – 340 с.

Баков 1993 – *Баков Х.И.* Творчество Омера Сейфеддина как факт культурного потенциала черкесского народа // Культурная диаспора народов Кавказа: генезис, проблемы изучения. – Черкесск: Научно-исследовательский институт истории, филологии и экономики, 1993. – С. 194-200.

Березгов 2000 – *Березгов Б.Н.* Черкесская диаспора. (страницы из истории зарубежных черкесов) // Адыгская и карачаево-балкарская зарубежная диаспора: история и культура. – Нальчик: Издательский Центр «Эль-Фа», 2000. – С. 11-40. – 272 с.

Гачев 2003 – *Гачев Г.Д.* Ментальности народов мира. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. – 544 с.

Гетегежева, Темрокова 2022 – *Гетегежева Ф.В., Темрокова Л.И.* Этнолингвистическая парадигма художественного текста (на материале трилогии М. Кандура «Кавказ»). Монография. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2022. – 184 с.

Кучукова, Бауаев 2022 – *Кучукова З.А., Бауаев К.К.* Северный Кавказ: гора языков и язык гор // Полилингвильность и транскультурные практики. – 2022. – Т. 19. – № 2. – С. 158-174.

Кушхабиев 2000 – *Кушхабиев А.В.* Роль черкесских иммигрантов в основании Трансиорданского эмирата // Адыгская и карачаево-балкарская зарубежная диаспора: история и культура. – Нальчик: Издательский Центр «Эль-Фа», 2000. – С. 41-48.

Натхо 2018 – *Натхо К.И.* В поисках себя. – Майкоп: ООО «Полиграф-ЮГ», 2018. – 388 с.

Натхо 2019 – *Натхо К.И.* Легенда о великом похищении. – Майкоп: ООО «Полиграф-ЮГ», 2019. – 120 с.

Натхо 1992 – *Натхо К.И.* Отчужденные. Роман. – Майкоп: Издательство «МЕОТЫ», 1992. – 336 с.

Натхо 2015 – *Натхо К.И.* Черкесская история. – Майкоп: ОАО «Полиграф-ЮГ», 2015. – 456 с.

Султанов 2007 – *Султанов К.К.* От Дома к Миру: этнонациональная идентичность в литературе и межкультурный диалог. – М.: Наука, 2007. – 302 с.

Султанов 2022 – *Султанов К.К.* Последний дагестанский европеец: ностальгический миф в прозе и живописи Халилбека Мусаясула // Полилингвильность и транскультурные практики. – 2022. – Т. 19. – № 2. – С. 175-192.

Тимижев 2006 – *Тимижев Х.Т.* Историческая поэтика и стилевые особенности литературы адыгского зарубежья. – Нальчик: Эль-Фа, 2006. – 360 с.

Тресиддер 1999 – *Тресиддер Дж.* Словарь символов / Пер с англ. С. Палько. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. – 448 с.

Тхагазитов 2022 – *Тхагазитов Ю.М.* Вопросы целостного изучения российского историко-литературного процесса (аксиология перечтения) // Культурное единство и эстетическая уникальность литератур народов России. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2022. – 492 с.

Тхакушинов 2015 – *Тхакушинов А.* Приглашение в историю // Предисловие к кн.: Натхо К. И. Черкесская история. – Майкоп: ОАО «Полиграф-ЮГ», 2015. – С. 5-9.

- Хакуашева (Арма Д.) 2009 – Хакуашева М. А. (Арма Д.) Дорога домой. Роман. – Нальчик: Эльбрус, 2009. – 356 с.
- Шаззо 1992 – *Шаззо К.Г.* Температура выживания. Послесловие к роману // Натхо К. И. Отчужденные. Роман. – Майкоп: Издательство «МЕОТЫ», 1992. – С. 322-336.
- Natho 1969 – *Natho K.I.* Old and New Tales of the Caucasus. – New York, 1969. – 64 p.

REFERENCES

- ABDOKOVA M.B. *Etnomental'nye osnovy literatury cherkesskogo zarubezh'ya* [Ethnomental Basis of Circassian Foreign Literature]. – Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovyh, 2008. – 340 p. (in Russ.).
- BAKOV H.I. *Tvorchestvo Omera Sejjfeddina kak fakt kul'turnogo potenciala cherkesskogo naroda* [Creativity of Omer Seyfeddin as a fact of the cultural potential of the Circassian people]. IN: Kul'turnaya diaspora narodov Kavkaza: genezis, problemy izucheniya. – Cherkessk, 1993. – P. 194-200. (in Russ.).
- BEREZGOV B.N. *Cherkesskaya diaspora. (stranicy iz istorii zarubezhnyh cherkesov)* [Circassian Diaspora. (pages from the history of foreign Circassians)]. IN: Adygskaya i karachaevo-balkarskaya zarubezhnaya diaspora: istoriya i kul'tura. – Nal'chik: Izdatel'skij Centr «El'-Fa», 2000. – P. 11-40. – 272 p. (in Russ.).
- GACHEV G.D. *Mental'nosti narodov mira* [Mentality of the Peoples of the World]. – Moscow: Izd-vo Eksmo, 2003. – 544 p. (in Russ.).
- GETEGEZHHEVA F.V., TEMROKOVA L.I. *Etnolingvisticheskaya paradigma hudozhestvennogo teksta (na materiale trilogii M. Kandura «Kavkaz»)* [Ethnolinguistic paradigm of the artistic text (on the material of M. Kandur's trilogy 'Caucasus')]. Monografiya. – Nal'chik: Izd-vo M. i V. Kotlyarovyh, 2022. – 184 p. (in Russ.).
- KUCHUKOVA Z.A., BAUAEV K.K. *Severnyj Kavkaz: gora yazykov i yazyk gor* [North Caucasus: Mountain of Languages and Language of Mountains]. IN: Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki. – 2022. – V. 19. – № 2. – 158-174 p. DOI 10.22363/2618-897H-2022-19-2-158-174. (in Russ.).
- KUSHKHABIEV A.V. *Rol' cherkesskih immigrantov v osnovanii Transiordanskogo emirata* [The Role of Circassian Immigrants in the Founding of the Transjordanian Emirate]. IN: Adygskaya i karachaevo-balkarskaya zarubezhnaya diaspora: istoriya i kul'tura. – Nal'chik: Izdatel'skij Centr «El'-Fa», 2000. – 41-48 p. – 272 p. (in Russ.).
- NATKHO K.I. *V poiskah sebya* [In Search of Self]. IN: Majkop: OOO «Poligraf-YUG», 2018. – 388 p. (in Russ.).
- NATKHO K.I. *Legenda o velikom pohishchenii* [The Legend of the Great Abduction]. – Majkop: OOO «Poligraf-YUG», 2019. – 120 p. (in Russ.).
- NATKHO K.I. *Otchuzhdennye. Roman* [Alienated. A novel]. – Majkop: Izdatel'stvo «МЕОТЫ», 1992. – 336 p. (in Russ.).
- NATKHO K.I. *Cherkesskaya istoriya* [Circassian history]. – Majkop: OAO «Poligraf-YUG», 2015. – 456 p. (in Russ.).
- SULTANOV K.K. *Ot Doma k Miru: etnonacional'naya identichnost' v literature i mezhkul'turnyj dialog* [From Home to World: ethno-national identity in literature and intercultural dialogue]. – M.: Nauka, 2007. – 302 p. (in Russ.).
- SULTANOV K.K. *Poslednij dagestanskij evropeec: nostalgicheskiy mif v proze i zhivopisi Halilbeka Musayasula* [The Last Dagestani European: Nostalgic Myth in the Prose and Painting of Khalilbek Musayasul]. IN: Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki. 2022. V. 19. № 2. – 175-192 p. DOI 10.22363/2618-897H-2022-19-2-175-192 (in Russ.).
- TIMIZHEV H.T. *Istoricheskaya poetika i stilevyje osobennosti literatury adygskogo zarubezh'ya* [Historical poetics and style peculiarities of the literature of the Adyghe Zarubezh'ye]. – Nal'chik, 2006. – 360 p. (in Russ.).
- TRESIDDER J. *Slovar' simvolov / Per s angl. S. Pal'ko* [Dictionary of Symbols / Translated from English by S. Palko]. – M.: FAIR-PRESS, 1999. – 448 p. (in Russ.).

ТКНАGAZITOV Y.M. *Voprosy celostnogo izucheniya rossijskogo istoriko-literaturnogo processa (aksiologiya perecheniya)* [Issues of holistic study of the Russian historical and literary process (axiology of enumeration)]. IN: Kul'turnoe edinstvo i esteticheskaya unikal'nost' literatur narodov Rossii. – Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovyh, 2022. – 492 p. (in Russ.).

ТКНАKUSHINOV A. *Priglasenie v istoriyu* [Invitation to History]. IN: Predislovie k kn.: Natho K. I. Cherkesskaya istoriya. – Majkop: OAO «Poligraf-YUG», 2015. – 5-9 p. (in Russ.).

КНАKUASHEVA M.A. (Arma D.) *Doroga domoj. Roman* [The Road Home]. – Nal'chik: El'brus, 2009. – 356 p. (in Russ.).

SHAZZO K.G. *Temperatura vyzhivaniya. Posleslovie k romanu* [The Temperature of Survival. Afterword to the novel] IN: Natho K. I. Otchuzhdennye. Roman. – Majkop: Izdatel'stvo «MEO-TY», 1992. – 322-336 p. (in Russ.).

NATHO K.I. *Old and New Tales of the Caucasus*. – New York, 1969. – 64 p. (in English)

Информация об авторах

К.С. Тхакахова – аспирант КБГУ.

Л.М. Довлеткиреева – кандидат филологических наук.

Information about the author

K.S. Tkhakakhova – graduate student of KBSU.

L.M. Dovletkireeva – PhD (in Philology).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.10.2024 г.; одобрена после рецензирования 12.12.2024 г.; принята к публикации 27.12.2024 г.

The article was submitted 07.10.2024; approved after reviewing 12.12.2024; accepted for publication 27.12.2024.

Научная статья
УДК 821.352.1
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-331-351
EDN: TCDIXE

ПОЭТИКА АБАЗИНСКОЙ ЛИРИКИ ПОСЛЕВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

Пётр Константинович Чекалов

Карачаево-Черкесский Институт гуманитарных исследований им. Х.Х. Хапсирокова, Черкесск, Россия, chekalov58@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7580-4060>

Аннотация. В статье на большом эмпирическом материале рассматриваются экспрессивные элементы абазинской поэзии конца 1940 – 50-х гг. Подробно представлены функции эпитетов «тлаш» (сильный, мощный), «лашара» (светлый), «цри» (родной), элементы цветописа («золотой луч», «белый родник», «синий май»), сравнительные обороты («подобный душе», «подобный глазу»), соотнесение различных явлений советской действительности со сталью), кальки русских стихотворных формул и фразеологизмов («железный конь», «степной корабль», «путеводная звезда», «голубь мира», «поджигатели войны»), метафоры с идейно-политической подоплекой, гиперболы как один из главных инструментов художественного пересоздания мира, смыслообраз красного знамени, мотивы строительства коммунизма, борьбы за мир; выявлены неологизмы («аркъагIагIвчва» – те, кто заставляет расцветать; «насыпрхарджьырта» – производство счастья; «амшпхьадзагIв» – календарь, «Абазашта» – Абазиния), примеры образного параллелизма, лексического кольца, эстетические функции различных междометий. Все наблюдения сопровождаются соответствующим научным комментарием и завершаются обобщающими выводами.

Ключевые слова: эпитет, сравнение, метафора, гиперболы, калька, неологизм, междометие, образный параллелизм, лексического кольца.

Для цитирования: Чекалов П.К. Поэтика абазинской лирики послевоенного времени // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 4. – С. 331-351. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-331-351. EDN: TCDIXE.

© Чекалов П.К., 2024

Original article

POETICS OF ABAZA LYRICS OF THE POST-WAR TIME

Petr K. Chekalov

Karachay-Cherkess Institute of Humanitarian Studies named after H.H. Khapsirokov, Cherkessk, Russia, chekalov58@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7580-4060>

Abstract. The article, based on extensive empirical material, examines the expressive elements of Abaza poetry of the late 1940s and 1950s. It presents in detail the functions of the epithets “tlash” (strong, powerful), “lashara” (bright), “tsri” (native), elements of color painting (“golden ray”, “white

spring”, “blue May”), comparative phrases (“soul-like”, “eye-like”, correlation of various phenomena of Soviet reality with steel), tracings of Russian poetic formulas and phraseological units (“iron horse”, “steppe ship”, “guiding star”, “dove of peace”, “warmongers”), metaphors with ideological and political underpinnings, hyperbole as one of the main instruments of artistic re-creation of the world, the semantic image of the red banner, motives for building communism and the struggle for peace; Neologisms were identified (“arkъagIagIvchva” – those who make blossom; “nasyprkhardzhyurta” – production of happiness; “amshpkhadzagIv” – calendar, “Abazashta” – Abazinia), examples of figurative parallelism, lexical ring, aesthetic functions of various interjections. All observations are supported by pertinent scientific comments and conclude with general conclusions.

Keywords: epithet, comparison, metaphor, hyperbole, calque, neologism, interjection, figurative parallelism, lexical ring.

For citation: Chekalov P.K. Poetics of abaza lyrics of the post-war time. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 4. – P. 331-351. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-331-351. EDN: TCDIXE.

© Chekalov P.K., 2024

Поэтика абазинского стиха послевоенного времени ранее не становилась объектом специального исследования, а между тем в этой области наблюдаются явления, которые не повторяются в другие периоды развития национальной поэзии. Сказанное определяет актуальность и естественный филологический интерес к избранной теме.

Статья предполагает выявление и систематизацию наиболее характерных выразительных средств абазинского поэтического текста. Материалом исследования являются стихотворные произведения, опубликованные в периодической печати или вошедшие в коллективные и авторские сборники обозначенного периода.

Основным методом работы выступает описательный, когда в произведениях различных авторов фиксируются и классифицируются повторяющиеся речевые единицы и приемы; при рассмотрении отдельных устойчивых компонентов (шествие к коммунизму, борьба за мир) используется метод мотивного анализа.

Абазинская письменная словесность берет свое начало в 1933 году, когда после обретения алфавита стали появляться первые национальные письменные тексты. Она складывалась в условиях победившего социализма, несла на себе яркие черты советской эпохи, идеологию верности избранного страной политического курса, равенства и братства народов. Коммунистическая партия представлялась как главный вершитель судеб рабочего класса и крестьянства, а ее руководители – прямолинейными и неустрашимыми борцами за счастье трудового народа. Вследствие этого молодые стихотворцы конца 1940-х – 50-х годов свое поэтическое призвание видели в первую очередь в том, чтобы воспевать социалистическое строительство, силу и мощь советского государства. Очень показателен в этом плане тот факт, что одним из наиболее употребительных слов эпохи было многозначное «*тлаиш*» – «*сильный*», «*мощный*», «*могущественный*», «*большой*», «*огромный*», «*крепкий*» – выступавшее в качестве эпитета к существительным, обозначающим советскую родину, армию, партию, комсомол, народ... Вот лишь несколько примеров.

К. Джегутанов:

«Йтлашу Октябрь марала йырпху!» (согретый солнцем *мощного* Октября! [Джегутанов 1956: 11]),

«Йтлашу хIсоветска къраль» (*могущественная* наша советская страна [Джегутанов 1956: 14]),

«Йтлашу хIпартия ауыс» (*могучее* дело нашей партии [Джегутанов 1956: 13]);

Б. Тхайцухов:

«ЙацзакIу советска чкIвынчва хIтлашI» (мы, советские юноши, *сильны* своим единством [Тхайцухов 1958а: 8]);

П. Цеков: «Ауи тгIачва тлашI» (это *крепкая* семья [Цеков 1958b: 21]);

Дж. Лагучев: «ЙыргвныргIвы ура уыштлашу» (дай понять, что ты *могуч* [Лагучев 1958: 7]);

С. Эбзеева: «ХIпартия тлаш, хвитныгIа хIызгIазгыз» (*могучая* партия, подарившая нам свободу [Эбзеева 1955: 2]);

М. Чикатуев: «ХIкъраль тлаш ауыс дуква уыргауа» (разнося весть о больших делах нашей *могучей* страны [Чикатуев 1959: 4])...

Ни в какие другие периоды истории абазинской литературы эпитет «тлаш» не имел такой большой популярности.

Абазинское слово «лашара» выступает одновременно как существительное «свет» и как прилагательное «светлый». И в обоих случаях оно чаще всего используется не в прямом своем значении, а в переносном. Вспомним, что еще в 1941 г. М. Малхозов применил его в стихотворении «Где ты, родной наш Ленин»: «ХIара уымгIва лашара хIхчитI» (мы охраняем твою *светлую* дорогу [Малхозов 1941: 1]). Эпитет «светлая» в данном случае несет с собой семантику правильности избранного пути, ведущего к обретению народного благополучия. Эта линия была продолжена и в послевоенное время:

Уа уакIвпI йлашару мIва лызкъауа,

Акъральква бзазаца пшдза дзырбауа.

(Это ты пролагаешь *светлый* путь, показываешь странам пример прекрасной жизни [Цеков 1959а: 4]);

ХIара хIыхъаз лашарадзата

[Псадгъыл] ЙлухтI амIва тыбгIаква.

(Очень *светлые*, широкие дороги ты [Родина] приготовила для нас [Пламя гор 1959: 88]).

Эпитет «светлый» также становится выразительным элементом, концентрирующим в себе позитивную сущность советского государства:

ДгIапшрагIатI айсра ацIхъийыгIв

Йлашару хI-Советска Союз.

(Пусть посмотрит поджигатель войны на наш *светлый* Советский Союз [Джегутанов 1956: 12]);

Ей, сара сынбджыагIвчва-лыгажкква,

ШвпшыстI хIкъраль ъадзалашару!

(Эй, друзья мои, старики, посмотрите, до чего *светла* наша страна! [Физиков 1949: 2]);

ХIкъраль лашара агъачва гъгIахIырдум.

(Мы не допускаем врагов к нашей *светлой* стране [Огузов 1950: 2]);

ХI-Псадгъыл хъагIара, хI-Псадгъыл лашара.

(Наша Родина сладкая, *родина светлая* [Цеков 1959а: 4]).

Такие сочетания невольно напоминают вступительную фразу «Слова о гибели русской земли», датированное 15-16 веками: «О, *светло светлая* и краснорукрашенная земля *Русская!*»¹.

Эпитет «светлый» употребляется и в качестве комплиментарной характеристики партийного ума: «*апартия акъыль лашара*» (*светлый ум партии* [Тхайцухов 1958a: 6]), и в качестве эстетизации портрета любимого: «Уыджъымса жвпIаква амыз шIа йапшта / *Ухъанахъ лашара* апны йгIахъвитI» (густые брови твои, подобные молодому месяцу, на твоём *светлом* лбу изгибаются [Цеков 1958b: 18]). С 1950-х гг. эпитет «лашара» в абазинской поэзии становится устойчивым обращением влюбленных друг к другу.

В стихотворении П. Цекова «Слово о девушке» существительное «свет» воплощает в себе семантику знания, освобождения, прогрессивности:

Ленин йпартия амара нурква

БазгIардатI баргъи *лашара*.

(Солнечные лучи ленинской партии привели тебя к *свету* [Цеков 1959b: 4]).

В таком же ключе данное слово использовано и в стихотворении Б. Тхайцухова «Наш герб»: «ЙыкIкIитI ауи [агерб] амца апш тшынгъи уахъгъи, / Адгъыл йыквначвитI *лашара ауIабыргъ*» (днем и ночью светится он [герб], словно огонь, проливает на землю *свет правды* [Тхайцухов 1951a: 2]). И заключительный смыслообраз стихотворения также связан с данной метафорой: «Дуней ахъахъла йпсгIитI ганла – урала / *ХIуIабыргъ алашара*, йымчвуа, йкIкIауа» (летит поверх планеты вдоль и поперек *свет нашей правды*, не угасая, сверкая [Тхайцухов 1951a: 2]). Обратим внимание на то, что троп «*свет правды*» превращается в ключевой самостоятельный образ, вмещающий в себя все правдивое и истинное.

В редких случаях «лашара» использовалась и в значении просвещения: «ЙайтI йынцIра ауагIа рбазара *лашарара*» (посвятил свою жизнь народному *просвещению* [Физиков 1950b: 2]).

Также в значении существительного и прилагательного выступает и слово «*хъапц*» (*золото, золотой*).

Золото как драгоценный металл ценился еще с древних времен. Факторами, обуславливавшими его значимость, стали редкость, долговечность и ковкость. Золото не тускнеет и не окисляется, вследствие чего и получил статус благородного металла². Поэтому во многих языках соотнесения предмета разговора с золотом стало традиционной похвалой. Абазины не явились исключением и в годы становления литературы многократно использовали соответствующие эпитеты и сравнения даже в тех случаях, когда они оказывались явно не подходящими, искусственными. Так, например, Дж. Лагучев вполне серьезно провозглашал: «ШвпшыстI, абан йкIкIитI гъагъата / Ауи [апартия]

¹ Слово о гибели Русской земли // Электронный ресурс. Режим доступа: <https://skazki.rustih.ru/slovo-o-pogibeli-russkoj-zemli/>_Дата обращения: 23.10.2023.

² Почему золото настолько ценится? // Электронный ресурс. Режим доступа: <https://dzen.ru/a/XfnotRqGCJy-NVOP>_Дата обращения: 23.10.2023.

йгІахъыщІуа *анур хъащкьва*» (смотрите, вон кругом сверкают излучаемые ею [партией] *золотые лучи* [Лагучев 1958: 4]). И Б. Тхайцухову казалось уместным соотнесение государственного герба с золотом: «Архъаква, йдуу атобаква рхъахъ / Гъагъата йнаубитІ *йхъащцу Советска герб*» (над полями, большими холмами виден круглый *золотой Советский герб* [Тхайцухов 1951а: 2]). Нередко эпитет «золотой» применялся по отношению и к конституции:

«*Хъащ нурта* ауи [конституция] йгІахъыщІуа, / Адуней шабгу гІанаркІкитІ» (*золотые лучи*, что исходят от нее [конституции], весь мир озаряют [Лагучев 1952: 2]);

«*Хъдзыла йаныпІ* хІ-Конституция / ПсегІачІвыта сшхвиту са» (*золотой водой* вписано в Конституции, что я свободен, как птица [Джегутанов 1956: 27]).

Не черным по белому, а именно «золотой водой» вписаны в конституцию права граждан. Словосочетание не только эстетизирует основной закон страны, но и подчеркивает значимость, сакральность его содержания.

Но чаще всего эпитет «золотой» или сравнения с золотом использовались в отношении созревшего зерна или собранного урожая:

«ЙгІаквыргитІ *ахъащ гвадз* архъа» (с полей убирают *золотую пшеницу* [Тхайцухов 1951b: 2]);

«ГІвына змахымкІва рхъа бажкьвата йуыму / ЙгІахІыртитІ *ахъащ йащцу атышгІвра*» (бескрайние твои богатые поля дают нам *подобный золоту урожай* [Братов 1953а: 2]);

«Тенгъызта йкІваззауа *атышгІвра* / *Хъащ нургъи* гІахъыкьбауа йгылапІ» (волнуясь, как море, стоит *урожай, сияя золотым лучом* [Джегутанов 1952: 2]);

«Амашкьва рпны атышгІвра / *Хъащызышва* йаквыпІ» (на токах урожай высится, *словно золото* [Кунижев 1949: 2])...

Существует определенная колористическая связь между золотом и зерном: и первое, и второе имеют единый желтый цвет. Помимо того, сближение происходит и по линии ценности: урожай, вложенный в него крестьянский труд, обретают ту же значимость, что и драгоценный металл. Иногда определенную связь с золотом обнаруживают не только зерновые культуры, но и другие растения. Правда, связь эта оказывается опосредованной, как в стихотворении И. Табулова «Жатва пшеницы»: «Ауахъ йгІайыз апстІа / АхІвракьва йрыкьчвалп *хъдзыта*» (сошедшей ночью росой обрызганы травы, словно *золотой водой* [Табулов 1948b: 2]). Как видим, с золотом соотносятся не сами травы, а посверкивающие на них утренние росы. В таких случаях сравнение выполняет чисто эстетическую функцию без видимой социальной подоплеки, как в рассмотренных выше примерах. Такую же роль выполняет словосочетание «золотой луч» в составе метафорической строки: «ЙгІакІкІатІ ашахъ *хъащ нурла*» (засверкала заря *золотым лучом* [Цеков 1958b: 19]).

Воссоздавая панорамную картину наступления горного рассвета, К. Джегутанов в стихотворении «Утро в горах» кульминационным выделяет момент появления солнца, когда его лучи окрашивают в золотистые тона всю округу: «Ауи ашІыпІа амара нуркьва / *Йхъащ кьпыру ршвыга* йхънакьбитІ» (и всю местность солнечные лучи одевают в *золотые краски* [Джегутанов 1956: 30]). А

у Дж. Лагучева любимая, как легендарная Кайдух, способна излучать свет: «Марадзашва *хьатиц нур* гIалхьыцIуа» (словно от настоящего солнца, исходят от нее *золотые лучи* [Слово горцев 1954: 34]).

Любопытна и другая цветовая символика.

Одно из колористических определений «белый», что станет знаковым в последующем творчестве М. Чикатуева, впервые проявится в заключительном стихотворении цикла «Несколько строк о Какане». Наблюдая за родником, прорвавшимся из-под скалы, лирический герой восторженно восклицает:

Ауи аъара мыч абагIанаг
Ари *ашIкIвокIва* чкIвын йхъвмаруа?

(Откуда столько мощи у этого маленького, *беленького*, что резвится? [Пламя гор 1959: 74]).

Возможно, под влиянием С. Есенина («*Май мой синий*, июль голубой») у М. Чикатуева в том же цикле стихотворений рождается образ синего мая: «Щта, йшпабцти *май чIыхв* агвыргъяхъв?» (как провела ты радостный день *синего мая*? [Пламя гор 1959: 74]). Впоследствии этот же образ в преобразованном виде проявится в стихотворении К. Мхце «Поезд судьбы»: «Бзила, *сыгIапын чIыхв*, бзила, сыпхын сайыр» (до свиданья, моя *синяя весна*, до свиданья мое счастливое лето» [Мхце 1983: 13]).

Обратим внимание на намечающийся сдвиг: по отношению к месяцу маю используется эпитет «синий» вместо «зеленый», а по отношению к роднику – «белый» вместо «прозрачный».

Распространенным языковым средством, выражающим близость, родственность к человеку, природе, родине выступал эпитет «*цри*» (*родной*): «схагIагв *цри*» (*родной* мой край [Чикатуев 1958а: 74]), «ЙысхIвитI абаза *цри* бызшвала» (говорю на *родном абазинском языке* [Джегутанов 1958а: 4]).

В таком же качестве выступали устойчивые сравнительные обороты «*спсы йапшу*» (подобный моей душе), «*сыла йапшу*» (подобный моему глазу):

«О, с-Кавказ хагIагв, абгъыц, *сыла йапшу*» (о, кавказский край, лепесток, *подобный моему глазу* [Чикатуев 1958а: 4]);

«О, КIакIана! Йбдырында, *спсы апшта*, / Бара заджвыкI бзидзда бшызбауа» (о, Какана! Знала бы ты, что одну тебя люблю, *как собственную душу* [Пламя гор 1959: 74]).

Мощь государства, несокрушимость армии, крепость духа народа, его единство в поэзии 1950-х гг. передавалось через сравнение со сталью:

«ХIкъраль апны йдздрыжвитI джыр щарда. / ХIтрудящаква *аджыр апшта* йбагъапI» (в нашей стране выплавляют много стали. Наши трудящиеся крепки, *как сталь* [Лагучев 1950: 2]);

«ЙурыбагъытI *аджыр апшта*, / ХI-Родина, бзи йыгIбауа» (укрепляешь нашу родину любимую, *словно сталь* [Физиков 1954: 2]);

«УбагъахитI [ар] *аджыр йдздрыжсва апшта*» (ты [армия] становишься крепкой, *словно закаленная сталь* [Джегутанов 1956: 16]).

В произведениях рассматриваемого периода очень часты были упоминания о коммунизме, достижение которого выступало высшей целью советского народа:

«ЙаргванхитI коммунизма акIара» (приближается коммунизма сияние [Братов 1950d: 2]);
 «ХIшазцауа коммунизм хIагIа» (идем к коммунизму высокому [Лагучев 1958: 6]);
 «Уара хIазуырцитI коммунизм анур» (ты ведешь нас к лучу коммунизма [Джегутанов 1956: 22])...

Подобных примеров – великое множество. Мотив движения к коммунизму проявлялся даже в стихотворении, посвященном А.С. Пушкину: «ХIазцапI хIара йхъахIцауата коммунизма!» (уверенно *дойдем мы до коммунизма!* [Тамбиев 1949: 2]). В отдельных случаях коммунизм представлялся в образе лучезарного здания: «ХIазцапI атыдз чIарачIа ласдза, / Анур пшдзаква гIазхъыкъбауа» (*скоро дойдем мы до изящного дома, от которого исходят прекрасные лучи* [Физиков 1951: 2]).

Другим частотным мотивом выступал мотив борьбы за мир:

«Айшчва, <...> / амамырагIа шIтыхIхпI хIагIата, / шъата хIацIагылтI ауи» (братья, <...> *вознесем мир высоко, послужим опорой для него* [Шхаева 1958: 4]);
 «АуагIа зымгIва азабакIитI амамыр» (все люди *борются за мир* [Тхайцухов 1951a: 2])...

Факт того, что советские люди являлись приверженцами мира, упоминалось многократно, причем не только в произведениях соответствующей тематической направленности, но даже и в сельскохозяйственной: «амамырра бзи йызбауа хIуагIапI» (*мы – люди, любящие мир* [Физиков 1950a: 2]).

Флаг страны наряду с гербом и гимном выступает государственным символом. Поэтому он являлся постоянным атрибутом произведений конца 1940-х – 50-х гг. И чаще всего он изображался поднятым:

Дугъи, чкIвынгIи зымгIва гвыргъарала
 ЙыцIтырхитI хIбаракъгъи хIагIата.
 (И взрослые, и дети, все радостно *поднимают наш флаг высоко* [Братов 1949b: 2]);
 УымгIвайситI [комсомол] уамайчуата, абаракъ хъаугылуа.
 (Шагаешь [комсомол] *непрестанно, вздымая знамя* [Шереметов 1949: 2]);
 Йахъагылу баракъ къапцыта
 Апшыхъ хвит йынкъвнагитI.
 (*Красный флаг* [над зданием] *вольный ветер развевает* [Братов 1950c: 2]).

Красный флаг в таких случаях выступает символом установившейся советской власти, верности идеям социализма.

ЙбазлуштI Ленин йбаракъ дудзда,
 ХIаркIкIитI уахъынлагъи тшынлата.
 (Будет жить великое *знамя* Ленина, освещая нас и ночью, как днем [Джегутанов 1950: 2]).

Образ бессмертного знамени, чей свет не меркнет даже ночью, воплощает в себе живую силу революционных идей Ильича. И демонстранты, несущие флаги с изображениями вождей, – свидетельство неизменности избранного политического курса:

ЙырхъадзгылапI абаракъ къапцквa,

Ленин, Сталин рыквта хъдзыла.

(Над ними красные флаги с золотыми портретами Ленина, Сталина [Физиков 1950а: 2]).

АйгIайра абаракъ хIагIата йщтIыхIхпI хIара.

(Знамя победы мы поднимем высоко [Тхайцухов 1958а: 4]).

Вознесение знамени победы означало демонстрацию силы, напоминание врагам исторических уроков, в которых советские воины выходили победителями. Также оно выступало символом бывших и будущих побед, неприступности и непобедимости советской страны:

Айсра ацIызхъиквауа йрахIв,

XIбаракъ щцтIыху йауацIыхта.

(Донеси поджигателям войны, что флаг наш развернут и поднят [Лагучев 1958: 6]).

Развернутый и поднятый флаг также означал постоянную боеготовность, способность отразить любую агрессию. В других случаях призыв вознести знамя мира свидетельствовал о приверженности к миру, борьбе за мир: «*XIбаракъ мамыр хIазгIайхтI хIара. / ЙыщтIыхIхпI йцрыцыруа хIагIата, / ЙыщтIыхIхпI, йазхъахIцауа хIкъару*» (мы возвратились к своему мирному знамени; поднимем его, сияющего, высоко, поднимем, веря в свою силу [Тхайцухов 1958а: 34]).

Если красный флаг встречался в контексте производственной тематики, он олицетворял преданность крестьян и рабочих идеалам социализма:

ЙащтапI йпельуану хIара хIуагIа <...>

Нхара баракъ хIагIа щтIырхра.

(Стремятся наши люди-богатеры поднять высоко трудовое знамя [Джегутанов 1952: 2]).

Призыв поднять знамя труда равносителен призыву отдать все силы борьбе за урожай, за высокие производственные показатели: «*ЙыщтIых анхара баракъ къапц*» (поднимай красное знамя труда [Джегутанов 1951а: 2]); «*Архъа нхагIвгьи ашахтергьи / Абаракъ къапц хIагIата йщтIыхIхтI*» (работник полей и шахтер подняли высоко красный флаг [Цеков 1958а: 4]).

Флаг имеет консолидирующую, объединяющую силу: «*АдахIвра шIыцквa хъызтIуа анхачва, / АйгIайра баракъла йазкIкIу!*» (достигающие новых успехов трудящиеся, собранные красным знаменем победы [Джегутанов 1951b: 2]).

Но порой красный флаг на передовом тракторе выступает свидетельством верности, незыблемости слов, высказанных влюбленными друг другу:

Уа йухъагылу абаракъ абрыбырра

ЙгIаснахIвитI ацIабыргера йхIхIваз йахъа.

(Реяние флага над тобой говорит мне о верности сказанных тобой вчера слов [Джегутанов 1955: 2]).

В иных случаях флаг выступал опосредованно, придавая обычной крестьянской работе идейно-политическую окраску при помощи цветовой символики:

Акомбайн дуква йГарбкъауа атшыГвра
Йкъахвта йГаргитI ауандыр къапцкъа.

(Обмолоченное большими комбайнами зерно бодро свозят *красные телеги* [Братов 1949а: 2]).

В данном случае эпитет «красный», скорее всего, восходит к красным флагам, устанавливавшимся на подводах передовиков. Таким образом, происходит перенос цвета флага на весь обоз. И в таком семантическом ключе «красный» означал более сознательный, просоветский, коммунистический подход к делу.

Расширение образности, развитие национального литературного языка происходило через усвоение, прямое калькирование устойчивых русских стихотворных формул, словосочетаний, фразеологизмов. Так, большое хождение в стихотворной речи изучаемого периода имели метафоры трактора (железный конь) и комбайна (степной корабль):

«Айхатш дуква хЫрквчIвата / Адгьыл бзиква хЫрхарджьитI» (на больших *железных конях* мы обрабатываем землю [Табулов 1948а: 2]);

«Роза айхатш даквчIвата / Адгьыл ахъахъ агIвлырсситI» (Роза на *железном коне* разрезает землю [Лагучев 1951: 2]);

«Амара анурква гIацIшвтгIвацазтIхIва / Архъа хъвыхI абжьы гIагитI» (хотя солнечные лучи только проглянули, но уже раздаётся шум *степного корабля* [Цеков 1958b: 12]);

«Абаракъква рхъагыла, / Архъа хъвыхIква дзцитI» (с прикрепленными красными флагами плывут *степные корабли* [Братов 1954: 2])...

Заметим, что в абазинской поэзии конца 1940-х – 50-х гг. метафорические образы трактора и комбайна встречались гораздо чаще, чем сами наименования сельскохозяйственных машин.

Также зазвучали на абазинском и другие русские фразеологические обороты:

«ЙIазаку хIтгIачванI – хIацынхитI» (мы – *единая семья*, работаем вместе [Братов 1950b: 2]);

«Ауат [совет аугIаква] амамыр йатланькъву уагIанI» (они [советские люди] – *сторонники мира* [Джегутанов 1951b: 2]);

«Амамыр хIвыхIе йIазнакIкIыз абакIчва» (собранные *голубем мира* борцы [Джегутанов 1951b: 2]);

«НьбджьагIе квIикI агIвдыджьгIи хIтачауа» (*из одной* товарищеской *миски* ели вдвоем [Голос молодых 1953: 185]);

«Ауат рсатыр апны угIагылта» (*становись в их строй* [Тхайцухов 1958а: 3]);

«Укъальам йГлахъыцIта йГланхаз – / XIара йхIгIарбага йачIванI» (то, что сошло с кончика твоего пера, является для нас *путеводной звездой* [Братов 1956: 2]);

«Айсра цIарысчва хIырхчIыпI» (мы сокрушим *поджигателей войны* [Физиков 1951: 2]);

«Къару квайчIвата йгъаам йызыптшуаш / Акъала ду – мамыр уагIа рмахъвшIаква» (нет таких *темных сил*, которые могли бы разрушить большую крепость – *запястья* людей мира [Джегутанов 1956: 14]);

По стилистике приведенных примеров можно установить, что они носили преимущественно публицистический характер. Количество и разнообразие усвоенных метафорических образов и устойчивых сочетаний слов указывает на то, что абазинская поэзия развивалась в русле традиций русской словесности. Дополнительным свидетельством тому является и пушкинский мотив («Поднимем стаканы, содвинем их разом»), отчетливо проявившийся в стихотворении Б. Тхайцухова «Да здравствует Советская армия»: «*ЙаццтIыхIхпI астаканква, йадхIкьяалпI зынла*» (*поднимем вместе стаканы и чокнемся сразу* [Тхайцухов 1950b: 2]).

О творческом потенциале абазинских авторов можно судить и по тому, что они в этот ранний период становления национальной литературы вторгались в область словотворчества. Так, Б. Тхайцухов в стихотворении «Сон поэта» использовал неологизм «*аркьяагIагIвчва*» со значением: *те, кто заставляет расцветать*:

Сара йызбитI насыпта йдрыцIсуа
ХIхагIагв *аркьяагIагIвчва*.

(Я вижу, сколько счастья добывают *те, кто заставляет расцветать* нашу родину [Тхайцухов 1958b: 4]).

П. Цекову в «Счастье надежды» основа благополучия виделась в материально выраженных образах: стали, крепости, семьи, завода, поля:

ХIгвыгъа ащата йкьяла багьяапI,
КьярукI йазыпытшуаш йджыр аларчвапI;
Ауи тгIачва тлашпI, ауи завод дупI,
Ауи *насыпрхарджьырта* рхьяпI.

(Основа нашей надежды – неприступная крепость, ни одной силе неподвластный сплав стали; это – крепкая семья, большой завод, это поле, на котором *выращивают счастье* [Цеков 1956: 2]).

И заключительный прекрасный метафорический образ поля, *производящего счастье*, автор воплотил в одном емком и в высшей степени удачном новообразовании: «*насыпрхарджьырта*».

У абазин календари раньше не водились и, естественно, не было лексемы, обозначающей данный предмет. Но в стихотворении «Находясь в Москве» Чикатуеву понадобилось это слово, и оно родилось на абазинском языке: «*амипхьадзагIв ахья асыркьячIтI*» (я надоел *календарю* [Чикатуев 1958: 10]).

16 октября 1958 года этот же автор обнаружил стихотворение, в названии которого использовал неологизм «*Абазашта*», – не географическое, а литературное обозначение родины, места обитания абазин. Значение его по-русски можно передать как «*Абазиния*». Впоследствии слово обрело чрезвычайную популярность, а с 1991 года абазинская газета получила название «Абазашта». Одним из первых, кто подхватил нововведение Чикатуева, был К. Джегутанов, который через месяц с небольшим в стихотворении «Рад тебя увидеть» повторил и тем самым утвердил в правах гражданства новообретенное слово:

С-Абазашта апныла тшгИадрауын

СштЫрпгIатI са агIвайха махъакI.

(В сторону моей *Абазашты* протянулись и подхватили меня две стальные руки [Джегутанов 1958b: 4]).

Одновременно с этим в заключительной части поэт использовал оригинальную метафору: «агIвайха махъакI» (*две железные руки*). Они обозначали то же самое, что и устойчивое русское словосочетание «железнодорожный путь» или «железнодорожная колея».

В стихотворении «Моя песня» П. Цеков включил стандартную формулу о том, что советские люди выполняют пятилетний план:

ХIгвква адгыла, хIуыс закIыта

Ахвысквша хачIвква нахIырхъитI.

Но в этот тезис он включил удачно составленное сочетание «хIгвква адгыла» (*выстроив рядом сердца* [Цеков 1958b: 6]). Оно заключает в себе тот же смысл, что и русский фразеологизм «плечом к плечу». Но абазинский автор нашел свежую и более соотносящуюся с законами национальной речи форму выражения.

Для абазинских стихотворцев 1950-х гг. гипербола оказалась главным и универсальным инструментом в художественном пересоздании мира. Неумеренному преувеличению подвергались практически все стороны действительности, даже – Первомай:

АпсацIла ацкIыс йхIагIу,

АджъычIв ацкIыс йбагъу,

Амара ацкIыс йлашару

ЙгIаталтI хIпраздник ду.

(Выше пихты, крепче дуба, светлее солнца пришел к нам наш большой праздник [Тамбиев 1950: 2]).

Лирический герой Р. Кенжева пытается объясниться в любви к родине с помощью гиперболы, и у него выходит:

Уа бзибарата йуызсыму

ЧIвыли жвгIванди йгъырбжъашвум.

(Любовь моя не умещается между небом и землей [Кенжев 1958: 4]).

И. Табулов так описывает колхозное хозяйство:

Рхъи рцIыхъви абамбахуа

ХIырахв ахIвырта йыквпI.

Йызкву адгъыл арыгъызуата

Анхараква хIтенгъызпI.

(Не видно начала и конца нашим стадам на пастбищах. От нашего урожая, подобного морю, стонет земля [Табулов 1948a: 2]).

Не чуралась гипербол и С. Эбзеева. В стихотворении «Весна и молодежь» она говорила:

ТшщтІнахитІ рыщІагы рбзибара,

АйачІва хІагІаквадза раъара.

(Любовь [молодых людей] возносится до самых звезд [Эбзеева 1950b: 2]).

К. Джегутанов измеряет сплоченность сторонников мира соотношением с мощностью атомной бомбы:

Йгъамам къарута атомна бомба

Мамырра къару пнатшырныс.

(Нету у атомной бомбы силы, чтобы одолеть мощь мира [Джегутанов 1951b: 2]).

Лирическому субъекту стихотворения М. Чикатуева «Великий Октябрь» при произнесении названия месяца свершения социалистической революции чудится, будто природа начинает менять свой облик:

Рудзышвара

гІванла йазхІитІ

ахІвраква,

ЙрызхІитІ уабчвахъылпата

ацІла быгъкъва,

Адзыхъ чІкІвынква

дзыгІвхитІ,

адзыгІвква

тенгъызхитІ,

ЙгІвуз ахІвра гІважъква

удзышва чва рхъыситІ.

(Травы становятся зеленее в два раза, листья на деревьях увеличиваются, словно войлочные папахи, маленькие ручейки превращаются в реки, а реки – в моря, засыхавшие желтые растения снова превращаются в зеленые [Цветение весны 1959: 89]).

Казалось бы, гипербола как литературный прием и призвана преувеличивать предметы, факты, явления. И тем не менее в абазинском варианте она представляется чрезмерной, избыточной, эстетически не оправданной, дискредитирующей собственные художественные функции.

В поэзии конца 1940-х – 50-х гг. существенное место занимал идеологический компонент. И обычно он придавал произведениям публицистический стиль, лишал лиризма, придавал сухость предмету разговора. Но, как ни покажется странным, отдельные политические лозунги эпохи звучали очень живо, оригинально, когда их переводили на язык троп. Приведем несколько таких примеров:

«Ленинизм – ацІабырг йамарапІ» (Ленинизм – солнце правды [Тхайцухов 1950а: 2]);

«Ленин – ареволюция арыпхъагІв» (Ленин – учитель революции [Братов 1950а: 2]);

«Уара [Ленин], абазара хвит ауыхвагІв» (ты [Ленин] – новой жизни строитель [Братов 1950а: 2]);

«Ленин йбаракъ – хІымара, / Ленин йажва – хІымгІва» (знамя Ленина – наше солнце, слово Ленина – наша дорога [Табулов 1959: 4]);

«ХІпартия, ари Ленин йгвы йынхауа» (наша партия – работающее сердце Ленина [Чикатуев 1959: 4]);

«ХІкъраль пельуан коммунизмла йанпсыпынкъвгауа» (когда отечество-богатырь дышит коммунизмом [Чикатуев 1959: 4]);

«Сталин – айгГайра баракъ» (Сталин – знамя победы [Джегутанов 1951с: 2]);
 «ХІпсадгьыл Россия – адуней ашахв» (наша родина Россия – заря планеты [Цеков 1959а: 4]).

Данные метафоры представляются действительно удачными.

Прием олицетворения успешно применен К. Джегутановым в стихотворении «Утро в горах»:

Араъа йхъашлу хІыщхъа цриква
 ЙапылхъатІ пасата ашахв:
 Йдута, йгІабгъапишуа, йхъивашву рпсыквва
 ЙгІалбгІырицтитІ...

(Здесь седоглавые родные наши горы рано выступили навстречу заре; большие, глядящие вниз, они спускают свое холодное дыхание... [Джегутанов 1956: 29 – 30]).

Как видим, горные вершины не только ступают навстречу восходящему солнцу, они еще поглядывают вниз, выпускают холодное дыхание в долины.

Редкий случай образного параллелизма обнаруживается в стихотворении С. Эбзеевой «Лучи коммунизма»:

Зыщайдза бгІауа ацІлажв
 ЙыгыгІаунатхуам бгъы, швырбажв. <...>
 Зурала йбагІаз абзаражв <...>
 Йгъалахым анхачва рхайыр.

(Дерево с загнившими корнями не распускает листву, не дает фруктов. <...> В прогнившей насквозь старой жизни <...> нет никакой отрады для труженика [Эбзеева 1950а: 2]).

Через сопоставление старого, больного дерева, не способного давать ни листвы, ни урожая, поэтесса наглядно представляет бесперспективность старой жизни, в которой трудящиеся были отрезаны от благ жизни.

В стихотворении П. Цекова «Большой аул на берегу Инжича» впервые применено лексическое кольцо – дважды в одной строфе, – придающее стихотворению неподдельно грустное настроение:

Араъа дычванІ, дычванІ араъа
 ХІгвы йтымцІхуа айсра апны дыщхан,
 Араъа дычвитІ, дычвитІ араъа
 Абатыр шІа хахва, апартизан.

(Здесь спит, спит здесь убитый на незабываемой нами войне. Здесь спит, спит здесь юный, храбрый батыр-партизан [Цеков 1958b: 8]).

Экспрессивным элементом стихотворной речи, выражающим или способствующим раскрытию душевного состояния героев, выступают междометия. Из них национальные стихотворцы чаще пользовались «о», которое придает тексту возвышенную тональность. Так, через все стихотворение М. Чикатуева «Находясь в Москве» рефреном проходит восклицание «О, схагІагв, бзидздза уызбитІ» (о, мое отечество, люблю тебя сильно [Чикатуев 1958b: 9–10]). И в другом произведении тот же автор патетически обращается к своей малой ро-

дине: «*О*, с-Кавказ хагІагв, абгъыц, сыла йапшу, / Абазашта, бзидзда йызбауа!» (*о*, кавказский край, лепесток, подобный глазу, Абазашта любимая моя! [Чикатуев 1958а: 2]). С той же риторической интонацией свои слова адресует столице К. Джегутанов: «*О*, Москва, сбзахара гІащІызыз» (*о*, Москва, вознесшая мою жизнь [Джегутанов 1958b: 4]), а К. Шхаева вызывает в памяти образ отца: «*О*, саба, саба, сыла йапшу» (*о*, отец, отец, подобный моему глазу [Шхаева 1959: 4]).

Примеры подтверждают, что междометие «*о*» привносит в повествование эмоциональный накал, возвышенный строй речи.

«*Уа*» – абазинский эквивалент русского междометия «*о*» – употреблен Б. Тхайцуховым в стихотворении «Ее глаза»:

Уа сбыхІвахитІ: сбымблын,
ЙгІасахІв йзырбзихуш схвырта.
(*О* прошу тебя: не сжигай, скажи, чем излечить мою рану [Пламя гор 1959: 59]).

Возглас отчаяния, выраженное междометием «*уа*», усиливает бедственное положение лирического героя, раненого красотой карих глаз красавицы.

По своему эмоционально-смысловому наполнению «*ох*» сближается с «*о*»: «*Ох*, йабадзагъи гвлахІару / Асы пычІвта йангІасуа» (*ох*, до чего же приятно, когда падает первый снег [Ручейки текут к морю 1957: 30]); «*Ох*, схъагІара, гвыла-псыла / Бзи бызбитІта, сбыщІ анцІрала» (*ох*, сладкая моя, люблю тебя всем сердцем и душой, и потому я навечно рядом с тобой [Ручейки текут к морю 1957: 30]).

«*Ой*» привносит в речь элемент удивления, приятной неожиданности. Именно эту функцию выполняет оно неоднократно в стихотворении П. Цекова «Песня, радости песня»: «*Ой*, хІара хІашва, хІгвыргъъара ашва» (*ой*, наша песня, радости песня [Цеков 1958b: 11]), «*Ой*, хІара хІырхъа, йыгъвгъвару хІышта» (*ой*, наше поле, равнинная родина [Цеков 1958b: 11]).

Междометие «*эх*» обычно выражает или усиливает сожаление: «*Эх*, саца, угІасхъшвитІ» (*эх*, брат, отстаешь от меня [Джегутанов 1959: 4]). Такие же эмоции несет и «*ах*»: «*Ах*, йабоу, йысмачІпІ ажва, / СагІвкъытІ йысмауата йызласхІвуш» (*ах*, где ж они, мне мало слов, разрываюсь, не находя, чем высказаться [Лагучев 1958: 29]). Попутно укажем на явную смысловую перекличку данной фразы со строками В. Маяковского из поэмы «Владимир Ильич Ленин»: «Как бедна у мира слова мастерская! / Подходящее откуда взять?» [Маяковский 1978: 257].

Стихотворение Б. Тхайцухова «Кто остался обманутым?..» [Тхайцухов 1958а: 44] состоит из четырех пятистиший, каждая из которых представляет завершенную сценку, а заключительная строка каждой строфы выражает отношение лирического субъекта к сложившейся ситуации. И выразительными средствами, передающими настроение героя, его душевное состояние, выступают междометия «*ох*» и «*эх*».

В первой строфе говорится о том, что в понедельник, увлекшись играми, ученик не подготовил домашнее задание, и учитель не вызвал его к доске. Это

обстоятельство констатируется в пятой строке: «Ох, дыгъгІасымцІгІатІ!» (ох, не спросил!). При этом междометие «ох» указывает на испытанное школьником облегчение, а восклицательный знак – на радость по случаю счастливого избежания наказания за неподготовленный урок.

Содержание второй строфы сводится к тому, что во вторник ученик выучил задание и весь урок сидел с поднятой рукой, желая отличиться, но учитель снова проигнорировал его. Завершается фрагмент строкой: «Эх, йыгъсызшам зынгы» (эх, не везет мне никогда). Междометие «эх» фиксирует сожаление по потерянному шансу получить хорошую отметку.

Следующая строфа о среде, к которой школьник снова не подготовился, но на этот раз он попался, и учитель выставил ему «кол» в дневнике. И повторяющаяся строка, завершающая сцену, «Эх, йыгъсызшам зынгы» (эх, не везет мне никогда) выражает досаду на несчастливую судьбу, и междометие оттеняет внутреннее состояние лирического героя.

В четвертой строфе к ученику приходит осознание, что учиться нужно не время от времени, а постоянно. Заметив изменившееся отношение к учебе, учитель похвально отзывается о герое. И восхищение школьника проницательностью преподавателя снова обозначается с помощью того же междометия «эх»: «Эх, дгъузыжьушым ауи» (эх, его не проведешь).

Таким образом, каждое междометие усиливает или оттеняет эмоциональное состояние героя, а некоторые из них в зависимости от контекста могут нести различный смысл: сожаление и досаду, с одной стороны, восторг и почтение, с другой. Стоит отметить и тот немаловажный факт, что абсолютное большинство междометий абазинская поэзия позаимствовала из русской.

Рассмотренный материал позволяет выявить, что абазинские стихотворцы конца 1940-х – 50-х гг. пользовались определенным набором характерных для своей эпохи выразительных средств. Среди них на первый план выходят слова «тлаш» (мощный, огромный), «лашара» (свет, светлый), «хьапщ» (золото, золотой). Первое из них выступает как эпитет, а последующие два – в качестве существительных и прилагательных одновременно. Выполняя различные функции, они служили эстетизации предмета описания: «тлаш» указывало на силу и мощь армии, страны, коммунистической партии, комсомола, революционных идей; «лашара» раскрывало позитивную сущность советской страны, воплощало в себе семантику знания, освобождения, прогрессивности; «хьапщ» подчеркивало ценность, сакральность советского герба, конституции СССР, но чаще всего соотносилось с созревшей пшеницей и убраным урожаем. Эпитет «цри» (родной), устойчивые сравнительные обороты «спсы йапшу» (подобный душе моей), «сыла йапшу» (подобный глазу моему) также были распространены и указывали на близость и родственность окружающего мира лирическому герою. Нерушимость страны, непоколебимость армии, сплоченность народа обычно представлялось через уподобление стали.

Характерной чертой изученного литературного периода являлось частое упоминание о шествии советского народа к коммунизму и борьбе за мир. Сообщения подобного плана встречаются практически у всех авторов. Образ разверну-

того и поднятого флага, как правило, знаменовал собой незыблемость советской власти, верность идеям социализма и избранному политическому курсу.

Развитие литературного языка шло по пути переложения на абазинский язык популярных в русской поэзии метафорических образов и устойчивых словосочетаний: «железный конь» (айха тшы), «степной корабль» (архъа хъвыхI), «свет правды» (ацIабырг алашара), «голубь мира» (амамыр хIвыхIв), «сторонники мира» (амамыр атланыкъвагIвчва), «путеводная звезда» (агIарбага йачIва), «темные силы» (акъару квайчIваква), «поджигатели войны» (айсра ацIарысчва) и др. Преимущественно усвоение подобного материала происходило через прямое калькирование, но в отдельных случаях национальные авторы проявляли творческую изобретательность, перекладывая с помощью оригинальных метафор суть таких выражений, как «железнодорожный путь» («агIвайха махъакI». – К. Дзегутанов) или «плечом к плечу» («хIгвква адгыла». – П. Цеков). Также показателем словотворчества являются новообразования М. Чикагуева «Абазашта» (Абазиния), Б. Тхайцухова «аркъагIагIвчва» (те, кто заставляет расцветать), П. Цекова «насыпрхарджьырта» (производство счастья).

Приведенный материал свидетельствует о том, что гипербола для абазинских стихотворцев выступала одним из главных и самых распространенных средств художественного пересоздания действительности. Отмечается злоупотребление данным приемом: нередко гипербола оказывалась чрезмерной, эстетически неоправданной. Зато оригинальными являлись многие метафоры с идейно-политической подоплекой. Также интересными представляются отдельные примеры олицетворения, образного параллелизма, лексического кольца, экспрессивные функции междометий.

Итак, наряду с поэтическим освоением действительности происходило освоение и литературного языка. И процесс этот был обусловлен духом эпохи, общественной атмосферой времени, в котором возрождались национальная словесность. Этим и объясняются многочисленные художественные детали, образы, мотивы, связанные с социализмом и советской властью.

Таким образом, в течение 1948–59 гг. был наработан определенный творческий опыт, на базе которого стало возможно активное развитие абазинской литературы в последующие годы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Братов 1949а – *Братов К.* Поможем всем // Красная Черкесия. – 1949. – 4 августа.
Братов 1949б – *Братов К.* Ты наш родной, дорогой // Красная Черкесия. – 1949. – 21 декабря.
Братов 1950а – *Братов К.* Ленин с нами // Красная Черкесия. – 1950. – 21 января.
Братов 1950б – *Братов К.* Наша победа // Красная Черкесия. – 1950. – 9 мая.
Братов 1950с – *Братов К.* Сталин ведет нас к коммунизму // Красная Черкесия. – 1950. – 7 ноября.
Братов 1950д – *Братов К.* Луч прекрасной жизни // Красная Черкесия. – 1950. – 5 декабря.
Братов 1953а – *Братов К.* Товарищ // Голос молодых. – Черкесск, 1953. – С. 185.
Братов 1953б – *Братов К.* Цветет моя Черкесия // Социалистическая Черкесия. – 1953. – 30 апреля.
Братов 1954 – *Братов К.* Вечер в колхозе // Социалистическая Черкесия. – 1954. – 25 сентября.

- Братов 1956 – *Братов К.* Ленин // Социалистическая Черкесия. – 1956. – 22 апреля.
- Голос молодых 1953 – *Голос молодых* / Составитель Х. Жиров. – Черкесск: Черкесское книжное издательство, 1953. – 207 с.
- Джегутанов 1950 – *Джегутанов К.* Великий вождь // Красная Черкесия. – 1950. – 22 апреля.
- Джегутанов 1951a – *Джегутанов К.* Мой край // Красная Черкесия. – 1951. – 1 апреля.
- Джегутанов 1951b – *Джегутанов К.* Май – знамя мира // Красная Черкесия. – 1951. – 1 мая.
- Джегутанов 1951c – *Джегутанов К.* Мир будет спасен // Красная Черкесия. – 1951. – 7 ноября.
- Джегутанов 1952 – *Джегутанов К.* Юный комбайнер // Красная Черкесия. – 1952. – 9 августа.
- Джегутанов 1955 – *Джегутанов К.* Любовь адыгской девушки // Социалистическая Черкесия. – 1955. – 25 октября.
- Джегутанов 1956 – *Джегутанов К.* Тебя пою, отчизна. – Черкесск: Черкесское книжное издательство, 1956. – 76 с.
- Джегутанов 1958a – *Джегутанов К.* Теперь я понял // Свет коммунизма. – 1958. – 16 октября.
- Джегутанов 1958b – *Джегутанов К.* Рад тебя видеть // Свет коммунизма. – 1958. – 27 ноября.
- Джегутанов 1959 – *Джегутанов К.* Разговор двоих // Свет коммунизма. – 1959. – 1 января.
- Кенжев 1958 – *Кенжев Р.* Всю свою жизнь // Свет коммунизма. – 1958. – 13 ноября.
- Кунижев 1949 – *Кунижев М.* Богатый урожай // Красная Черкесия. – 1949. – 12 июля.
- Лагучев 1950 – *Лагучев Дж.* Не забудем // Красная Черкесия. – 1950. – 28 ноября.
- Лагучев 1951 – *Лагучев Дж.* Роза-трактористка // Красная Черкесия. – 1951. – 8 марта.
- Лагучев 1952 – *Лагучев Дж.* Посылаем салам // Красная Черкесия. – 1952. – 5 апреля.
- Лагучев 1958 – *Лагучев Дж.* На берегу Кубани. – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1958. – 54 с.
- Малхозов 1941 – *Малхозов М.* Где ты, родной наш Ленин // Красная Черкесия. – 1941. – 21 января.
- Мхце 1983 – *Мхце К.* Поезд судьбы // Мхце К. Рассветные цветы. – Черкесск, 1983. – 143 с.
- Маяковский 1978 – *Маяковский В.В.* Собрание сочинений в 12 т. Т. 3. – М.: Правда, 1978. – 414 с.
- Огузов 1950 – *Огузов Ч.* Защитники родины // Красная Черкесия. – 1950. – 7 ноября.
- Пламя гор 1959 – *Пламя гор* / Составитель Б. Тхайцухов. – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1959. – 104 с.
- Ручейки текут к морю 1957 – *Ручейки текут к морю* / Составитель Х. Жиров. – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1957. – 72 с.
- Слово горцев 1954 – *Слово горцев* / Составитель З. Хачуков. – Черкесск: Черкесское книжное издательство, 1954. – 75 с.
- Табулов 1948a – *Табулов И.* Дружно живем // Красная Черкесия. – 1948. – 6 мая.
- Табулов 1948b – *Табулов И.* Жатва пшеницы // Красная Черкесия. – 1948. – 22 июля.
- Табулов 1959 – *Табулов И.* Родной колхоз // Свет коммунизма. – 1959. – 31 марта.
- Тамбиев 1949 – *Тамбиев А.* Великий поэт // Красная Черкесия. – 1949. – 21 мая.
- Тамбиев 1950 – *Тамбиев А.* Радостный день // Красная Черкесия. – 1950. – 1 мая.
- Тхайцухов 1950a – *Тхайцухов Б.* Всем ты верный отец // Красная Черкесия. – 1950. – 21 января.
- Тхайцухов 1950b – *Тхайцухов Б.* Да здравствует Советская армия // Красная Черкесия. – 1950. – 23 февраля.
- Тхайцухов 1951a – *Тхайцухов Б.* Наш герб // Красная Черкесия. – 1951. – 2 марта.
- Тхайцухов 1951b – *Тхайцухов Б.* Аул // Красная Черкесия. – 1951. – 2 марта.

- Тхайцухов 1958а – *Тхайцухов Б.* Искра любви. – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1958. – 52 с.
- Тхайцухов 1958б – *Тхайцухов Б.* Сон поэта // Свет коммунизма. – 1958. – 13 ноября.
- Физиков 1949 – *Физиков М.* Старик-колхозник // Красная Черкесия. – 1949. – 2 июля.
- Физиков 1950а – *Физиков М.* Радостный день // Красная Черкесия. – 1950. – 1 мая.
- Физиков 1950б – *Физиков М.* Горький – зеркало нашей страны // Красная Черкесия. – 1950. – 18 июня.
- Физиков 1951 – *Физиков М.* Похвалы принадлежат Сталину // Красная Черкесия. – 1951. – 8 марта.
- Физиков 1954 – *Физиков М.* Коммунист // Социалистическая Черкесия. – 1954. – 26 октября.
- Цветение весны 1959 – *Цветение весны.* – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1959 – 119 с.
- Цеков 1956 – *Цеков П.* Счастье надежды // Социалистическая Черкесия. – 1956. – 24 июля.
- Цеков 1958а – *Цеков П.* Наш май // Свет коммунизма. – 1958. – 1 мая.
- Цеков 1958б – *Цеков П.* Подвиг комсомольца. – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1958. – 37 с.
- Цеков 1959а – *Цеков П.* Наша родина Россия // Свет коммунизма. – 1959. – 30 мая.
- Цеков 1959б – *Цеков П.* Слово о девушке // Свет коммунизма. – 1959. – 11 июля.
- Чикатуев 1958а – *Чикатуев М.* Абазашта // Свет коммунизма. – 1958. – 16 октября.
- Чикатуев 1958б – *Чикатуев М.* Беру апхиарцу. – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1958. – 45 с.
- Чикатуев 1959 – *Чикатуев М.* Песня-гимн // Свет коммунизма. – 1959. – 20 июня.
- Шхаева 1958 – *Шхаева К.* Встанем за мир // Свет коммунизма. – 1958. – 16 октября.
- Шхаева 1959 – *Шхаева К.* Отец // Свет коммунизма. – 1959. – 7 марта.
- Шереметов 1949 – *Шереметов Р.* Доблестный комсомол // Красная Черкесия. – 1949. – 27 августа.
- Эбзеева 1950а – *Эбзеева С.* Лучи коммунизма // Красная Черкесия. – 1950. – 1 мая.
- Эбзеева 1950б – *Эбзеева С.* Весна и молодежь // Красная Черкесия. – 1950. – 27 мая.
- Эбзеева 1955 – *Эбзеева С.* Малочисленный, любимый мой народ // Социалистическая Черкесия. – 1955. – 4 декабря.

REFERENCES

- BRATOV K. *Pomozhem vsem* [Let's Help Everyone]. In: Red Circassia. – 1949. – August 4. (In Russ.).
- BRATOV K. *Ty nash rodnoy, dorogoy* [You Are Our Native, Dear]. In: Red Circassia. – 1949. – December 21. (In Russ.).
- BRATOV K. *Lenin s nami* [Lenin Is With Us]. In: Red Circassia. – 1950. – January 21. (In Russ.).
- BRATOV K. *Nasha pobeda* [Our Victory]. In: Red Circassia. – 1950. – May 9. (In Russ.).
- BRATOV K. *Stalin vedet nas k kommunizmu* [Stalin Leads Us to Communism]. In: Red Circassia. – 1950. – November 7. (In Russ.).
- BRATOV K. *Luch prekrasnoy zhizni* [Ray of a Beautiful Life]. In: Red Circassia. – 1950. – December 5. (In Russ.).
- BRATOV K. *Tovarishch* [Comrade]. In: Voice of the Young. – Cherkessk, 1953. – P. 185. (In Russ.).
- BRATOV K. *Tsvetet moya Cherkesiya* [My Circassia is Blooming]. In: Socialist Circassia. – 1953. – April 30. (In Russ.).
- BRATOV K. *Vecher v kolkhoze* [Evening on the Kolkhoz]. In: Socialist Circassia. – 1954. – September 25. (In Russ.).
- BRATOV. *Lenin* [Lenin]. In: Socialist Circassia. – 1956. – April 22. (In Russ.).
- Golos molodykh* [The Voice of the Young] / Compiled by H. Zhironov. – Cherkessk: Circassian Book Publishing House, 1953. – 207 s. (In Russ.).

- DZHEGUTANOV K. *Velikiy vozhd'* [The Great Leader]. In: Red Circassia. – 1950. – April 22. (In Russ.).
- DZHEGUTANOV K. *Moy kray* [My Land]. In: Red Circassia. – 1951. – April 1. (In Russ.).
- DZHEGUTANOV K. *May – znamya mira* [May is the Banner of Peace]. In: Red Circassia. – 1951. – May 1. (In Russ.).
- DZHEGUTANOV K. *Mir budet spasen* [The World Will Be Saved]. In: Red Circassia. – 1951. – November 7. (In Russ.).
- DZHEGUTANOV K. *Yunyy kombayner* [Young Combine Operator]. In: Red Circassia. – 1952. – August 9. (In Russ.).
- DZHEGUTANOV K. *Lyubov' adygskoy devushki* [Love of an Adyghe Girl]. In: Socialist Circassia. – 1955. – October 25. (In Russ.).
- DZHEGUTANOV K. *Tebya poyu, otchizna* [I sing you, fatherland]. – Cherkessk: Circassian Book Publishing House, 1956. – 76 s. (In Russ.).
- DZHEGUTANOV K. *Teper' ya ponyal* [Now I Understand]. In: Light of Communism. – 1958. – October 16. (In Russ.).
- DZHEGUTANOV K. *Rad tebya videt'* [Glad to See You]. In: Light of Communism. – 1958. – November 27. (In Russ.).
- DZHEGUTANOV K. *Razgovor dvoikh* [Conversation of Two]. In: Light of Communism. – 1959. – January 1. (In Russ.).
- KENZHEV R. *Vsyu svoyu zhizn'* [All my life]. In: Light of Communism. – 1958. – November 13. (In Russ.).
- KUNIZHEV M. *Bogatyy urozhay* [Rich harvest]. In: Krasnaya Circassia. – 1949. – July 12. (In Russ.).
- LAGUCHEV J. *Ne zabudem* [Let's not forget]. In: Krasnaya Circassia. – 1950. – November 28. (In Russ.).
- LAGUCHEV J. *Roza-traktoristka* [Rose the tractor driver]. In: Krasnaya Circassia. – 1951. – March 8. (In Russ.).
- LAGUCHEV J. *Posylayem salam* [Sending greetings]. In: Krasnaya Circassia. – 1952. – April 5. (In Russ.).
- LAGUCHEV J. *Na beregu Kubani* [On the shore of the Kuban]. – Cherkessk: Karachay-Cherkess Book Publishing House, 1958. – 54 s. (In Russ.).
- MALKHOSOV M. *Gde ty, rodnoy nash Lenin* [Where are you, our dear Lenin]. In: Krasnaya Cherkesiya. – 1941. – January 21. (In Russ.).
- MHTSE K. *Poyezd sud'by* [Train of Destiny]. In: MHTSE K. Dawn Flowers. – Cherkessk, 1983. – 143 p. (In Russ.).
- MAYAKOVSKY V.V. *Sobraniye sochineniy v 12 t. T. 3.* [Collected Works in 12 Volumes. Vol. 3]. – Moscow: Pravda, 1978. – 414 p. (In Russ.).
- OGUZOV Ch. *Zashchitniki rodiny* [Defenders of the Motherland]. In: Krasnaya Cherkesiya. – 1950. – November 7. (In Russ.).
- Plamya gor* [The Flame of the Mountains] / Compiled by B. Taitukhov. – Cherkessk: Karachay-Cherkess Book Publishing House, 1959. – 104 s. (In Russ.).
- Rucheyki tekut k moryu* [Streams flow to the sea] / Compiled by H. Zhironov. – Cherkessk: Karachay-Cherkess Book Publishing House, 1957. – 72 s. (In Russ.).
- Slovo gortsev* [The Word of the Highlanders] / Compiled by Z. Khachukov. – Cherkessk: Circassian Book Publishing House, 1954. – 75 s. (In Russ.).
- TABULOV I. *Druzhno zhivem* [We Live Together]. In: Krasnaya Cherkesiya. – 1948. – May 6. (In Russ.).
- TABULOV I. *Zhatva pshenitsy* [Wheat Harvest]. In: Krasnaya Cherkesiya. – 1948. – July 22. (In Russ.).
- TABULOV I. *Rodnoy kolkhoz* [Native Collective Farm]. In: Light of Communism. – 1959. – March 31. (In Russ.).

- TAMBIEV A. *Velikiy poet* [Great Poet]. In: Krasnaya Cherkesiya. – 1949. – May 21. (In Russ.).
- TAMBIEV A. *Radostnyy den'* [Joyful Day]. In: Krasnaya Cherkesiya. – 1950. – May 1. (In Russ.).
- THAYTSUKHOV B. *Vsem ty vernyy otets* [You are a faithful father to everyone]. In: Krasnaya Cherkesiya. – 1950. – January 21. (In Russ.).
- THAYTSUKHOV B. *Da zdravstvuyet Sovetskaya armiya* [Long live the Soviet Army]. In: Krasnaya Cherkesiya. – 1950. – February 23. (In Russ.).
- THAYTSUKHOV B. *Nash gerb* [Our Coat of Arms]. In: Krasnaya Cherkesiya. – 1951. – March 2. (In Russ.).
- THAYTSUKHOV B. *Aul* [Aul]. In: Krasnaya Cherkesiya. – 1951. – March 2. (In Russ.).
- THAYTSUKHOV B. *Son poeta* [A poet's dream]. In: The light of communism. – 1958. – November 13. (In Russ.).
- THAYTSUKHOV B. *Iskra lyubvi* [The Spark of love]. – Cherkessk: Karachay-Cherkess Book Publishing House, 1958. – 52 s. (In Russ.).
- FIZIKOV M. *Starik-kolkhoznik* [The Old Collective Farmer]. In: Red Circassia. – 1949. – July 2. (In Russ.).
- FIZIKOV M. *Radostnyy den'* [A Joyful Day]. In: Red Circassia. – 1950. – May 1. (In Russ.).
- FIZIKOV M. *Gor'kiy – zerkalo nashey strany* [Gorky – a Mirror of Our Country]. In: Red Circassia. – 1950. – June 18. (In Russ.).
- FIZIKOV M. *Uborka bogatogo zerna* [Harvesting Rich Grain]. In: Red Circassia. – 1950. – September 9. (In Russ.).
- FIZIKOV M. *Pokhvaly prinadlezhat Stalinu* [Praise Belongs to Stalin]. In: Red Circassia. – 1951. – March 8. (In Russ.).
- FIZIKOV M. *Kommunist* [Communist]. In: Socialist Circassia. – 1954. – October 26. (In Russ.).
- Tsveteniye vesny* [The flowering of spring]. – Cherkessk: Karachay-Cherkess Book Publishing House, 1959. – 119 s. (In Russ.).
- TSEKOV P. *Schast'ye nadezhdy* [The Happiness of Hope]. In: Socialist Circassia. – 1956. – July 24. (In Russ.).
- TSEKOV P. *Nash may* [Our May]. In: Light of Communism. – 1958. – May 1. (In Russ.).
- TSEKOV P. *Podvig komsomol'tsa* [The feat of a Komsomol member]. – Cherkessk: Karachay-Cherkess Book Publishing House, 1958. – 37 s. (In Russ.).
- TSEKOV P. *Nasha rodina Rossiya* [Our Homeland Russia]. In: Light of Communism. – 1959. – May 30. (In Russ.).
- TSEKOV P. *Slovo o devushke* [A Word about a Girl]. In: Light of Communism. – 1959. – July 11. (In Russ.).
- CHIKATUEV M. *Abazashta* [Abazashta]. In: Light of Communism. – 1958. – October 16. (In Russ.).
- CHIKATUEV M. *Beru apkhartsu* [I take apkhartsu]. – Cherkessk: Karachay-Cherkess Book Publishing House, 1958. – 45 s. (In Russ.).
- CHIKATUEV M. *Pesnya-gimn* [Song-Hymn]. In: Light of Communism. – 1959. – June 20. (In Russ.).
- SHKHAEVA K. *Vstanem za mir* [Let's stand up for peace]. In: Light of communism. – 1958. – October 16. (In Russ.).
- SHKHAEVA K. *Otets* [Father]. In: Light of communism. – 1959. – March 7. (In Russ.).
- SHEREMETOV R. *Doblestnyy komsomol* [Valiant Komsomol]. In: Red Circassia. – 1949. – August 27. (In Russ.).
- EBZEEVA S. *Luchi kommunizma* [Rays of communism]. In: Red Circassia. – 1950. – May 1. (In Russ.).
- EBZEEVA S. *Vesna i molodezh'* [Spring and youth]. In: Red Circassia. – 1950. – May 27. (In Russ.).
- EBZEEVA S. *Malochislenny, lyubimyy moy narod* [My small, beloved people]. In: Socialist Circassia. – 1955. – December 4. (In Russ.).

Информация об авторе

П.К. Чекалов – доктор филологических наук, профессор.

Information about the author

P.K. Chekalov – Doctor of Science (Philology), professor.

Статья поступила в редакцию 16.10.2024 г.; одобрена после рецензирования 12.12.2024 г.; принята к публикации 27.12.2024 г.

The article was submitted 16.10.2024; approved after reviewing 12.12.2024; accepted for publication 27.12.2024.

Фольклористика

Щэныгэ тхыгэ

УДК 398.22

DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-352-365

EDN: ULNCEU

КЪУЙЦЫКЪУ И ОБРАЗЫР АДЫГЭ ЭПОСЫМ КЪЫЗЭРЫХЭЩЫР

Быхурэ Мухьэмэд ФуИэд и къуэ

Гуманитар къэхутэныгээхэмкIэ институт – Урысейм щэныгээхэмкIэ и академием и Къэбэрдей-Балъкъэр щэныгээ центрим и филиал, Налшык, Урысей, mbf72@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6253-4097>

Аннотацэ. Лэжыггэр теухуащ КъуийцыкIу и образыр адыгэ эпосым къызэщIуубыдэ ИуэрыIуатэ пкъыггэуэхэм (новеллэ, телъыджей, лыхъужь псысэхэм, нарт хыбархэмрэ пшынальэхэмрэ, тхыдэр зи лъабжэ лыхъужь эпосым) къызэрыщыггэлыггэуар къэпщытэным. Гулгытэ лей зыггэуэтахэм ящыщ мы персонажым и теплъэр, и ИуэхушIафэхэр, и дуней тетыкIэр наIуэ къэщIыныр. Мыпхуэдэ Иуэху бггэдыхьэкIэм тещIыхьауэ, абы къыдэкIуэу мы Иуэхуггэуэхэр джыным ехьэлIауэ щэныггэм нобэкIэ кыггэсэбэп Iэмалхэр и лъабжэу (лыхъужьым и мурадыр зэрызыIэриггыхьэ щIыкIэм елытауэ), дэ дыхушIэкъуащ мы образым сыт щыггэуи зы щытыкIэ иIуэ ди ИуэрыIуатэм къызэрыхэмыщыр дггэбелджылыну, абы ипкъ иткIи мы лыхъужьым и лIэужыггэуэхэр кыхэдггэщхьэхукIыну. Статьям щIыпIэ щхьэхуэ щыхухэхащ КъуийцыкIу и циклым жанр зэхуэмыдэхэм хуаIэ пыщэныггэр къэггэлыггэуэными. Ди гупсысэхэр щыдубзыхум, ггуазэ тхуэхьауащ мы лыхъужьым е мыбы хуэдэу адрей лъэпкъхэм я ИуэрыIуатэм кыхэщыж персонажхэр дяпэ зыджа щэныггэлIхэм я къэхутэныггэхэр.

Зэрыггуазэ псалъэхэр: КъуийцыкIу, адыгэ ИуэрыIуатэ, псысэ, эпос, образ, сюжет, мотив.

Цитатэ къызэрыхэпхыну: Быхурэ М.Ф. КъуийцыкIу и образыр адыгэ эпосым къызэрыхэщыр // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 4. – С. 352-365. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-352-365. EDN: ULNCEU.

© Быхурэ М.Ф., 2024

Original article

TO THE TYPOLOGY OF THE KUYTSUK (LITTLE BALD MAN) IMAGE IN THE ADYG EPIC

Mukhamed F. Bukhurov

The Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, mbf72@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6253-4097>

Abstract. The article examines the image of Kuytsuk in the narrative (novelistic, magical, heroic tales, nart tales, historical and heroic epic) genres of Adyg folklore. Special attention is paid to

identifying the signs that determine his social origin, personal qualities, and actions. Based on this, it is noted that this hero does not always have the same characteristic. When determining the typology of this character, the established scientific principle is used – by what means the hero achieves the goal. There are two types of image – Kuytsuk, who achieves a fabulous goal due to his physical strength, and Kuytsuk, who achieves the goal with cunning and intelligence. The study of the problem of establishing the characteristics of this image also occupied a significant place in the work depending on the folklore genre in which it is presented. As it appears from the material considered, despite all the similarity of the description of appearance, in different genres of Adyg folklore, the image of Kuytsuk has its own pronounced characteristic features. A fairy-tale character can be a typical "low hero" - inconspicuous and even funny to others, but a hero, in fact. In other cases, it is a hero of a laughing or satirical plan. In the heroic epic, he is represented as a figure symbolizing the logical conclusion of the genre, parodying the images of classic heroes-bogatyrs. The research is based on the opinions of Russian folklorists who were directly involved in the study of a typologically similar character in the folklore of other peoples.

Keywords: Kuytsuk (Little Bald Man), Adyg folklore, fairy tale, epic, image, plot, motif.

For citation: Bukhurov M.F. To the typology of the Kuytsuk (Little Bald Man) image in the Adyg epic. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 4. – P. 352-365. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-352-365. EDN: ULNCEU.

© Bukhurov M.F., 2024

Научная статья

К ТИПОЛОГИИ ОБРАЗА КУЙЦУКА (МАЛЕНЬКОГО ПЛЕШИВЦА) В АДЫГСКОМ ЭПОСЕ

Мухамед Фуадович Бухуров

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, mbf72@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6253-4097>

Аннотация. В статье рассматривается образ Куйцука в нарративных (новеллистических, волшебных, богатырских сказках, нартских сказаниях, в историко-героическом эпосе) жанрах адыгского фольклора. Особое внимание уделяется выявлению признаков, определяющих его социальное происхождение, личные качества и действия. Исходя из этого отмечается, что этот герой не всегда имеет одинаковую характеристику. При определении типологии данного персонажа используется установившийся в науке принцип – с помощью каких средств герой добивается цели. Выделяются две разновидности образа – Куйцук, достигающий сказочной цели благодаря своей физической силе, и Куйцук, достигающий цели хитростью и умом. Значительное место в работе занимает также изучение проблемы установления особенностей данного образа в зависимости от фольклорного жанра, в котором он представлен. Как явствует из рассмотренного материала, при всей схожести описания внешности, в разных жанрах адыгского фольклора образ Куйцука имеет свои выраженные характерные черты. Сказочный персонаж может быть типичным «низким героем» – неприметным и даже смешным для окружающих, но богатырем на самом деле. В других случаях это герой смехового или сатирического плана. В героическом эпосе он представлен как фигура, символизирующая логическое завершение жанра, пародирующая образы классических героев-богатырей. Исследование основано на суждениях отечественных фольклористов, которые непосредственно занимались изучением типологически аналогичного персонажа в фольклоре других народов.

Ключевые слова: Куйцук (Маленький Плешивец), адыгский фольклор, сказка, эпос, образ, сюжет, мотив.

Для цитирования: Бухуров М.Ф. К типологии образа Куйцука (Маленького Плешивца) в адыгском эпосе // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 4. – С. 352-365. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-352-365. EDN: ULNCEU.

© Бухуров М.Ф., 2024

Дэтхэнэ зы лъэпкъми хуэдэу, адыгэхэми я ІуэрыІуатэм зыужьыныгъэшхуэ щигъуэтащ зи теплъэкІэ цыкІушцэу, ауэ ІуцагъкІэ, языныкыуэхэм деж къарукІэ псоми ефІэкІ персонаж зыбжанэм – КъуийцЫкІу, ШыхъумцІий (Кулацу, Хымыр) сымэ, н. Мыбыхэм я цІэр кыхощ псысэхэми, нарт пшыналъэхэмрэ хыбархэмри, уеблэмэ, тхыдэр зи лъабжьэ лыхъужь эпосми. Мы персонажхэм теухуа ІуэрыІуатэхэкі лэужыгъуэхэр тхыжын, кытедзэн, джын щІадзауэ жыпІэ хъунуц XIX лэщІыгъуэм. Псалъэм папщІэ, 1891 гъэм «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» жыхуиІэм и 12-нэ кыдэкІыгъуэм Л.Г. Лопатинскэм хигъэхъауэ щытат Къашэж ТІалиб кыІуэтэжауэ щыт адыгэ псысэ зыбжанэ [Сборник материалов... 1891: 51–142]. Псысэхэр кызырытрадзар урысыбзэт. Абыхэм яхэтщ «Мал-мала меньше» фІэщыгъэцІэр зиІэу ШыхъумцІий теухуамрэ КъуийцЫкІу и образыр нэхъыбэрэ зэпхауэ къакІуэ хабзэ «Кто больше?» псысэмрэ. Апхуэдэу мы сборник дыдэм и 27-нэ кыдэкІыгъуэми кытехуат Тамбий Пагуэ зэхуихъэсыжауэ щыта текст зыбжани, «Кулаций» псысэри яхэту [Сборник материалов... 1900: отд. 4, с. 1–62]. Мыр ящыщ адыгэбзэкІэ тхарэ урысыбзэкІэ зэдзэкІыжауэ нэхъапэу кытрадзауэ щытахэм.

Зи гугъу тщІы ІуэрыІуатэр кыдэгъэкІыным щІэгъэхуэбжьауэ щыпэрыхъар XX лэщІыгъуэрщ. Абы и япэ Іыхъэм дунейм кытехъахэм ящыщу и цІэ кыІуапхъэщ урысыбзэкІэ 1936 гъэм кытрадзауэ щыта «Кабардинский фольклор» тхылъыр [Кабардинский фольклор... 2000: 132–135]. ИужькІи, къдгъэльэгъуа лэщІыгъуэм и кІыхъагъкІэ мы псысэхэр мызэ-мытІэу сборникхэм хагъэхъауэ шытащ, уеблэмэ, жыпІэ хъунуц абыхэм ящыщ зыгуэр зэрымыт таурыхъ тхылъ дунейм кытемыхъауэ. Ди зэманхэм дыкъэІэбэмэ, кыхэгъэщыпхъэщ псысэхэр кызэщІэкъуауэ кыдэгъэкІыжынымкІэ щІэныгъэлІхэм ехъулэныгъэфІхэр зэрызэІэрагъыхъар. Псом хуэмыдэжу мыхъэнэшхуэ яІэщ Тхэмокъуэ Женя игъэхъэзыра томитІым. Япэ тхылъым кыщызэщІэкъуащ новеллэ псысэхэр [Адыгские сказки... 2005], етІуанэм – телъыджейхэр [Адыгские сказки... 2018]. Мы сборникхэр ипэкІэ кыдэкІахэм къащхъэщокІ сюжет бжыгъэу кыщызэщІэкъуамкІэ, абы щыгъуэми куэдыр зей кытрамыдзауэ зэрыщытымкІэ, псысэхэм я художественнэ къулеягъхэмкІэ, н. А псор щІыжытІэращи, мы тхылъхэм хыхъащ ІуэрыІуатэхэкІхэр тедзэнымкІэ щІэныгъэм нобэ кыгъэу хабзэм кыгъэтІэсауэ дызытепсэлъыхъ персонажхэм ехъэлІа таурыхъ куэд. Ахэращ ди лэжыгъэм и тегъэщІапІэу къатщтэри.

Зи гугъу тщІы образхэм ехъэлІауэ щыІэ къэхутэныгъэхэм я гугъу тщІымэ, кыыжыІапхъэщ, ди еджагъэшхуэхэм апхуэдизу цІэрыІуэ хъуа лыхъужьхэр, абыхэм ехъэлІа ІуэрыІуатэр гулытэншэу кызырамыгъэнари. Мыбы и лэныкыуэкІэ нэхъапэІуэу мы Іуэхугъуэм зи гупэ хуэзыгъэзахэм ящыщ Л.Г. Ло-

патинскэр. Нэхыбэу щІэныгълым зи гугъу ищІар кытридзауэ жыхуэтІа псысэхэм я сюжетхэмрэ мотивхэмрэщ, ахэр адрей лъэпкхэм я таурыххэм иригъапщэрэ. Ауэ образым бгъэдэль щхьэхуэныгъэхэми мыхьэнэшхуэ щрит щыІэщ. Еджагъэшхуэм кызэрилгытэмкІэ, псалъэм папщІэ, «Мал-мала меньше» адыгэ псысэр Европэм шыпсэу лъэпкхэм яйм къашхьэщокІ, и сюжетым щІэль гупсысэмкІэ – акылыр кьарум текІуэу къэгъэльэгъуауэ зэрыщытымкІэ. Европей псысэхэм щІалэ цыкІум и бзаджагъэр къегъэсэбэп, и щхьэр ихьумэн папщІэ, зэрыхуа гузэвэгъуэм кыкІын папщІэ, абы шыгъуэми ар зыми пэщІэувэркъым. Абы кыщхьэщыкІыу, адыгэ псысэм деж мы персонажыр, и къуэшитІыр иныжкым ІэщІэкІуэда нэужь, абы поуэ, ІэмалкІэ жыІэщІэ къещІ, польэщ [Сборник материалов... 1891: 142]. Апхуэдэу Л.Г. Лопатинскэм «Кулаций» «Мальчик с пальчик» урыс псысэм, абы нэмыщІу нэгъуэщІ лъэпкхэм яыми ирегъапщэ [Сборник материалов... 1891: 13]. Куууэ мы текстхэр щІэныгълым кымыпщытамы, абы и тхыгъэ кІэщІхэр мы таурыххэр джыным щІэдзапІэ хуэхуауэ, кыхилхьа гупсысэхэми нобэрей ІуэрыІуэтэдж щІэныгълэм дежкІэ мыхьэнэшхуэ яІэу жыпІэ хьунуш.

Л.Г. Лопатинскэм хиша лъагъуэм ирикІуащ М.Е. Талпи: текстхэм я комментариэхэм ари «Кулаций» псысэм и мотивхэм, сюжетым кІэщІу шытопсэлыхь [Кабардинский фольклор... 2000: 590].

Образхэр, мыхэр зэпха сюжетхэмрэ мотивхэмрэ нэхь зэпкърыха хьуауэ къэплгытэ хьунуш ХХ лІэщІыгъуэм и етІуанэ Іыхьэм. Дызэрыщыгъуазэци, а ильэсхэм дунейм кытехьауэ шытащ, статья щхьэхуэхэм къадэкІуэу, адыгэ псысэхэм теухуауэ Хьут Щ.Хь., Алий А.И. сымэ, н. я монографии къэхутэныгъэхэр. Псалъэм папщІэ, Хьут Щ.Хь. и «Сказочный эпос адыгов» тхылгым щІыпІэ-щІыпІэхэм мы образхэм, абыхэм ятеухуа сюжетхэмрэ мотивхэмрэ мыхьэнэшхуэ щрет, абыхэм щатепсэлыхькІи телъыджей псысэхэм деж абы кІэрытлъагъуэ щхьэхуэныгъэхэр (и теплъэр, акылыфІэу, ІэмалкІэ зэрыІэзэр, и мурадхэм зэрыльэІэсыр, н.) кыхегъэбелджылыкІыр [Хут 1981: 33–84]. Апхуэдэу мы лыхьужьхэр новеллэ псысэхэм кызэрыщыгъэльэгъуаами (я хьэлщэным, шыфэлІыфэм, игъэзащІэ къалэнхэм) щІэныгълым я гугъу ещІ, икІи мылтыккІэ зэхуэмыдэныгълэм кыиша зэныкьуэкьур зи лъабжьэ сюжетым ар нэхыбэу епхауэ зэрыщытыр кыхегъэщхьэхукІыр [Хут 1981: 85–132]. Алий А.И. телъыджей псысэхэр кыщипщыта и «Поэтика и стиль волшебных сказок адыгских народов» тхылгым Кулацу (ШыхьумцІий) урыс таурыххэм дазыщрихьэлІэ Мальчик-с-пальчик ирегъапщэ, абы ипкъ иткІи и типологие еубзыхур [Алиева 2019: 445–446], апхуэдэ дыдэу образыр зэпха сюжетхэри егъэбелджылы [Алиева 2019: 383]. «Сказки адыгских народов» псысэ сборникым и пэублэ псалъэми [Алиева 2019: 445–446] новеллэ псысэхэм мы лыхьужьхэр къазэрыхэщми и гугъу шыщІащ.

Зи цІэ кытІуа персонажхэр кызыхэщыж ІуэрыІуатэр джыным ХХІ лІэщІыгъуэми кыпищащ. Псалъэм папщІэ, 2010 гъэм Чуяко Н.М. гушыІэмрэ ауанымрэ адыгэ ІуэрыІуатэм кызэрыхэщыр кыщипщытэм, зыхуигъэувыжа къалэным ипкъ иткІэ КъуийцІыкІу теухуа псысэхэм, езы образым и мыхьэнэр наІуэ кыищІащ [Чуякова 2010]. 2014 гъэм дунейм кытехьауэ шытащ адыгэ новеллэ псысэхэм я сюжетхэр щызэпкърыха Тхьэмокъуэ Ж.Хь. и монографьер

[Тхамокова 2014]. Мы къэхутэныгъэмкIэ Женя хузэфIэкIащ Аарнерэ Томпсонрэ [Thompson 1961] (адэкIэ АТ) я дунейпсо сюжетгъэлыгагъуэр и лъабжьэу сюжет и лъэныкъуэкIэ ди новеллэ таурыхъхэм я къулеягъыр къихутэу ахэр щIэныгъэрылажьэхэм я пащхъэ илхъэжын. Лэжыгъэм щIыпIэшхуэ щеубыд КъуийцIыкIу, Кулацу, ШыхъумцIий, Хъымыр ехъэлIа сюжетхэм я типологиер IупщI къэщIыным. 2015 гъэм къыдэкIауэ щытащ мы образыр лIыхъужь псысэхэм къазэрыхэщыр къыщыжыIа ди зы лэжыгъы [Бухуров 2015: 57–71]. Нарт эпосымрэ КъуийцIыкIу и циклымрэ я зэхуаку дэль зэпыщIэныгъэр белджылы къыщыщIащ 2009 гъэм къыдэкIа Гъут I.M. и «Народный эпос: традиция и современность» къэхутэныгъэми [Гутов 2009: 49].

Зэрынэрылыгагъуци, мы лIыхъужьхэм я образыр, абыхэм къепха мотивхэмрэ сюжетхэмрэ джынымкIэ щIэныгъэм ехъулIэныгъэфIхэр зыIэригъэхъащ. Ауэ, зи гугъу тщIа лэжыгъэхэм тепщIыхъмэ, мыбыхэм теухуауэ IупщI къэщIын хуей Iуэхугъуэ гуэрхэр иджыри къэнащ: къэхутэныгъэу зэкIэ щыIэр псысэхэр щызэхуэхъэса сборникхэм е пэублэ псалъэу, е текст къэс щIыгъу комментариехэу арщ; монографиехэм япкъ иткIэ жыпIэмэ, мыхэри псори зытеухуар жанр щхъэхуэхэщ, абыхэм мы персонажхэм я образхэм щIыпIэ гуэрхэр щыхухэхауэ щытми; статьяхэмкIэ дыIэбэми – нэхъыбэу зы образым и зы лъэныкъуэ гъэбелджылауэ арщ. Абы щыгъуэми мы лIыхъужьхэр къызэрыгъэлыгъуам, абыхэм ятеухуа сюжетхэм ириплъэным иджыри зэ къытегъээжыным мыхъэнэ иIэу къыдолыгтэ. Ар къызыхэкIыраци, жанр щхъэхуэхэм, псалъэм папщIэ, псысэ лIэужыгъуэхэм (тельдыджейхэм, лIыхъужь, новеллэ псысэхэм, нарт эпосым) мыбыхэм я дуней тетыкIэмрэ ягъэзащIэ къалэнымрэ щызэхуэдэкъым, псом дежи теплъэкIэ зыуэ къэгъэлыгъуа щхъэкIэ. Зы лъэныкъуэкIэ уеплъмэ, IуэрыIуатэм къызэрыхэщщи, мыхэр псори цIыкIуцэхэщ, фэншэхэщ, тхъемыщкIэ унагъуэм къыхэкIащ, фызабэм е лIыжь-фызыжыым я къуэхэщ, н. Мы нэщэнэхэм фIэкIа къыумылгытэмэ, зы лIыхъужь лIэужыгъуэу тыншу къыпхухэгъэкIынут. Ауэ щIэныгъэм щызэтеувауэ щыIэ хабзэм тету убгъэдыхъэмэ, къэтпщыта текстхэм езыхэми къызэрагъэлыгагъуэци, я IуэхущIафэхэмкIэ мыхэр дэнэ дежи щызэтехуэркъым, абы щыгъуэми зэтемыхуэр персонаж щхъэхуэ къудейхэркъым, атIэ зыр языныкъуэхэм лIыхъужьу адреихэм – Iэмалшыуэ щыту къыхощ. ДызэригугъэмкIэ, апхуэдэ Iуэху бгъэдыхъэкIэм мы лIыхъужьхэм я типологиер, а псом КъуийцIыкIу къазэрыщхъэщыкIыр белджылы къищIынуц. Абы къыдэкIуэу, мы персонажым и циклым хыхъэ сюжетхэр сюжетгъэлыгагъуэхэм зэрыхэувэр наIуэ къэщIа пэтми, щхъэхуэу иджыри зэ ириплъэным Iэмал къыдет и дуней тетыкIэкIэ, IуэхущIафэкIэ зэрызэщхъэщыкIыр IупщI къэтщIыну, циклым ижь адреи жанрхэм зэращIихуар дубзыхуну. А псор къыщызэщIэкъуа лэжыгъэ щхъэхуэ щыIэмэ, щIэныгъэм дежкIэ мыхъэнэ иIэнуи ди гугъэщ. Пэжщ, зи гугъу тщIы Iуэхугъуэ псоми гупсэхуу зы статьякIэ утепсэлыхыфынуи къыщIэкIынкъым, ауэ щапхъэ зырызкIэ нэхъ мыхъуми мы упщIэхэм я жэуапхэр дгъэбелджылыну къалэн нэхъыщхъэу зыхуэдгъэувыжащ. Методологиие и лъэныкъуэкIэ нэхъыбэу тегъэщIапIэ тщIар зи цIэ къитIуа щIэныгъэлIхэм я къэхутэныгъэхэрщ.

Псом япэрауэ, езы КъуийцIыкIу теплъэкIэ къыхуэдэ адреи лIыхъужьхэм къащхъэщыгъэкIыпхъэщ. Къэтпщыта текстхэм къызэрагъэлыгагъуэмкIэ,

ШыхъумцИий, Кулаций, Хъымыр сымэ я образхэр нэхъ зэпэгъунэгъущ. Мыхэр гъэбелджылащ, псалъэм папщІэ, телъыджагъэ хэлъу дунейм кызыртехъэхэмкІэ. Абы и къэлуэтэкІэр псысэ куэдым щызэтохуэр: «<Бжэнылыр зэришхрэ> махуищ нэхъ дэмыкІыу, фызыжъ цІыкІур лъэщыджэ хъуати, гъуэлъри нэ хуэдиз фІэкІа мыхъуу щІалэ цІыкІуибл кыльхуащ» [Адыгские сказки... 2018: 225]; «Зы лыжъ цІыкІурэ зы ныуэжъ цІыкІурэ щыІэти, лыжъыр мэшым кІуауэ, ныуэжъыр лъхуэри, зы тасышхуэ изыбзэ сабий цІыкІу куэд кыльхуащ» [Адыгские сказки... 2018: 222]. Хъымыр и дуней кытехъэкІэри, нэгъуэщІу къэлуэтами, мыбыхэм пэгъунэгъущ: хупщІынэ япщар щІалэ цІыкІу мэхъу [Адыгские сказки... 2018: 226]. Мыпхуэдэ щыкІэкІэ дунейм кытехъа сабий цІыкІухэр ягъэкІуэдыну яужь йохъэри, зыр псэууэ къонэ, аращ псысэм щыгъэува къалэнхэр зи пщэ кыдэхуэри. Щхъэхуэныгъэу мыбыхэм ябгъэдэлъхэм ящыщ нэм кымыштгъуэ егъэлеяуэ цІыкІущэу, Іэмалшыуэ зэрыщытхэр. Ахэр къагъэсэбэпурэщ мыбыхэм я мурадыр зэрызыІэрагъыхъэри. Нэхъыбэу кызыхэщыр АТ 700 сюжет зиІэ псысэхэрщ. ЩІалэ цІыкІум и адэм гъуэмылэ хуехъ; ерагъыу зыкърегъэлыагъу, и къуэу зэрыщытыр зыкърегъащІэ, и адэм доІэпыкъу; дыгъухэм гъусэ яхуохъури, зым и вакъэм ису дыгъуакІуэ ядокІуэ, кызырамылыагъум кыыхэкІыу, выр Іуэм кърехун хузэфІокІ; унагъуэ гуэрым дохъэри апхуэдэ дыдэу шыуан кыдех; лыр зэрагъавэ шыуаным хопкІэри кІийуэ щІедзэ, кІийр щамылыагъукІэ, дыгъуакІуэхэр мащтэри щІопхъуэж, къагъэна хъугъуэфІыгъуэр псори абы кыыхуонэ. Апхуэдэу бзаджагъэкІэ шы табын, вы, танэ хъушэхэр кыІэрохъэ.

Зи гугъу тщІы сюжетым хабзэу зэрыщытщи, мыпхуэдэ щІалэ цІыкІур и ныбжьэгъухэм щыгъуу нэжъгъущІыдзэм и хэщІапІэм кыщохутэ; нэжъгъущІыдзэм мохэр игъэжейуэ ишхын мурад иІэу кыщыщІэкІэ, мыжейуэ зэм хъэлывэ, зэм джэдлыбжьэ ирегъэщІ, зэм кхъузанэкІэ псыхъэ егъакІуэри, ар къэсыжыху, и ныбжьэгъухэр щІегъэпхъуэж; кыиубыдыжу иукІын мурадкІэ къэным щридзэкІи, ІэмалхэмкІэ кыІэщокІ [Адыгские сказки... 2018: 225].

КъуийцІыкІу теухуауэ жытІэмэ, мыр нэхъыбэу кызыхэщыр новеллэ псысэхэрщ. Дызэрыщыгъуазэщи, мы таурыхъ лІэужыгъуэр телъыджейм кызыртехъэщыкІ нэщэнэхэм ящыщ зыщ и ухуэкІэр: телъыджейхэм лІыхъужыр кыдэзыгъэцІыху (и адэ-анэр зищІысым, и дуней кытехъэкІэм, и теплъэм, н. щыгъуазэ дызыщІ) щІэдзапІэ яІэмэ, мыхэр апхуэдэкъым, атІэ зы-тепсэлъыхъыну персонажыр куэд щІауэ псоми зэдацІыхуу тепсэлъыхъым хуэдэу кърегъажьэхэр. Абы кыыхэкІэ, Кулаций сымэ ябгъэдэлъу зи гугъу тщІа дуней кытехъэкІэм хуэдэ ядэтлыагъуркъым. Абы кыдэкІуэу, абыхэм ехъэллэ псысэхэм я лъабжьэр АТ 700 сюжетым кыгъэщІмэ, КъуийцІыкІу къепхахэр зыбжанэ мэхъур. Тхъэмокъуэ Ж.Хъ. адыгэ псысэхэм яхузэхилъхъа сюетгъэлыагъуэм [Сравнительный указатель... 2018] тепщІыхъмэ, ильащІэкІэ къэтхъ сюжетхэм сыт щыгъуи къахэщ хабзэр КъуийцІыкІуш:

АТ 1060 Иныжъымырэ КъуийцІыкІурэ зэпоуэ, мывэр япІытІу псы кыщІахуну; КъуийцІыкІу кхъуейр епІытІри шежыпс кыщІеху, иныжъыр апхуэдэу къегъащІэ.

– АТ 1060* Иныжбымрэ КъуийцЫкІурэ зэпоуэ, мывэр ІэкІэ якъузу ягъэщэщэн хуейуэ; КъуийцЫкІу игъэщэща хуэдэу ещІри, хъэжыгъэр егъэлягъуэ.

– АТ 1086* Иныжбымрэ КъуийцЫкІурэ зэпоуэ, щЫм тепкІэу и щхъэкуцЫр кыдрахуеин хуейуэ; КъуийцЫкІу фэндым иту щІтІа шхум топкІэри, шху кыдрикІеяр щЫм и щхъэкуцІу иныжбым ирегъэлягъуэ.

– АТ 1086** Иныжбымрэ КъуийцЫкІурэ зэпоуэ, щЫм и хуэр кы-хальэфын хуейуэ; КъуийцЫкІу щЫм щІхъума кІапсэр кыхельэфри иныжбыр къегъапцІэ.

АТ 1088 Мащэ къытІам гъэпщкІуауэ ирильхъэурэ КъуийцЫкІу егъэляуэ шхын куэд ишх хуэдэу иныжбым зыкыщегъэхуэ.

АТ 1115 Иныжхэм яукІыну кыщицІэкІэ, КъуийцЫкІу къамыл ІэплІакІуэ (пхъэ дакъэ) и пІэм хельхъэри езыр жейуэ закыщегъэхуэ.

АТ 1116 КъуийцЫкІу псывэм ирагъэсын мурадкІэ уэнжакъ лъабжьэм пІэ щыхуащІри шагъэжей; КъуийцЫкІу ар къещІэри зегъэпщкІу; пщэдджыжьым уэшх пщтыр кытешхауэ кыщыхъуам хуэдэу фэ зытрегъауэ.

АТ 1149 ГъэпцІагъэкІэ къарукІэ ефІэкІыу иныжхэм КъуийцЫкІу закыщегъэхуэ (иныжбым и пщэдыкыым дэсу щихъкІэ, дыд хелури, и хъэлягъыр тешІа хуэдэу ирегъэгугъэ); иныжхэр мэшынэри ар унэм яхыж; иныжбыл яшхыу я фІэщ ещІ, иныжхэр щІопхъуэж.

– АТ 1149* Жъэгум бгъэдэсу, иныжбыр къопсри, КъуийцЫкІу Іугъуэ икІыпІэм Іухъэ; абы щичІэмкІэ иныжбыр щепщІкІэ, къиукІыну щІэмыпхъуэжын папщІэ Іугъуэ икІыпІэр игъэбыдэу жери иныжбыр егъэшынэ.

Къапщтэмэ, мы персонажым дызыщрихъэлІэ псысэхэм мы сюжетхэр, я пкъыгъуэхэм къэлуэтэкІэ щхъэхуэ яІэми, щызэкІэлъыхъауэ къакІуэ хабзэщ. Абы и шапхъэу къэпхъ хъунуц «Адыгэ таурыхъхъэм» и етІуанэ томым Тхъэмокъуэ Женья хигъэхъа «КъуийцЫкІурэ иныжбымрэ» псыситхури [Адыгские сказки... 2018: 125–146]. Абыхэм ящыщ зым кызэриІуатэмкІэ, КъуийцЫкІу мыльку лъыхъуэ йожъэ, гъуэмылэу шху фэнд, хъэтыкъ зытІуц, зы кІапсэжьи иІыгъыу. Зы иныжъ къелъагъури, гъуэмылэмрэ кІапсэжьымрэ щЫм щІетІэри егъэпщкІу. И цЫкІуагъым кыхэкІыу, иныжбым ар ауан щичІкІэ, зэпеуэу щІадзэ. КъуийцЫкІу къегъэуэ, иныжбыр «щЫгум кІуэцІыпкІэу и щхъэкуцЫр кърихун» хуейуэ. Иныжбым хузэфІэкІкыым. КъуийцЫкІу щІтІа фэндыр зыщІэлъым деж топкІэри, шхур кыщІеху, ар «щЫгум и щхъэкуцІу» иныжбым и фІэщ ещІ. Апхуэдэу «щЫгум и бынжэр» кыхальэфын хуейщи, КъуийцЫкІум кІапсэр кыхельэф. Сытми, «апхуэдиз къару» КъуийцЫкІу бгъэдэлъу иныжбым кыщицІэкІэ, щошынэри жылэщІэ хуохъу – и пщэдыкыым дэсу ар иныжбым и деж ихын хуейщ. ЩихъкІэ, мор зэрыпсынщІэм гу лъетэ, кызэрыщыхъуам хуэмыдэу къарууншэу гугъэ щичІки, КъуийцЫкІу гуэрыр Іэмалым хуокІуэ: уафэхъуэпскІым зыкІэрищІауэ и хъэлягъ псомкІэ иныжбым зытримыгъэщІауэ зыкыщегъэхуэ; дыд хелури «зэрыхъэльэр» зыхрегъащІэ. Здихъам, мыдрей иныжхэр мэшынэхэри, выгъашхэ хуаукІ, пІастэ шыуан щЫгъуу хуцІахъэ. КъуийцЫкІу ар ишха хуэдэу мащэм иредзэ. ЩыжейкІэ зэм псывэ тракІэу, зэми абрэмывэ традзэу яукІыну мурад ящІ. КъуийцЫкІу пІэм кыхэкІыурэ, зэм уэшх пщтыр кытешхауэ, адрейм – бжьыдзэ къедзэкъауэ

фIэкIа зыхимыщIауэ закыщегъэхури нэхъри егъэшынэхэр. Мылтыкуу яIэр къратри къахыж. Иныжбыл яшхыу я фIэщ ещI. Иныжбым и жыы кыщIихуам пкIэм щыдрихъейкIэ, гъуанэхэр игъэбыдэу иукIыну дэкIуеуэ кыщыжриIэкIэ, иныжбыр мащтэри щIопхъуэж [Адыгские сказки... 2018: 129–135].

2020 гъэм дунейм кытехъауэ щыта «Нартхэр. Адыгэ эпос» тхылъым и еплIанэ томым хыхъащ мы сюжетхэр щызэхэхуэна зы тексти [Нарты... 2020: 353–355]. Мыбдежым упщIэ къэувынкIэ хъунщ, нарт хыбархэмрэ пшынальэхэмрэ щызэхуэхъеса тхылъым новеллэ псыси щIэкIуам и щхъэусыгъуэм теухуауэ. Мыбы и лъэныкыуэкIэ псом япэрауэ кыжыIэн хуейр, Гъут I.M. гу зэрылтытащи, мы эпос лIэужыгъуэм жанр куэд зэрызыщIишарщ: мыбы кызыэщIеубыдэ хыбары, пшынальы, уэрэди, псысэ лIэужыгъуэхэри (лIыхъужь, новеллэ, н.), н. [Гутов 2009: 13]. Ауэ абы нэмыщIуи Iуэхум нэгъуэщIи хэлыщ. «Народный эпос: традиция и современность» лэжыгъэм Гъут I.M. кыщегъэлыагъуэ ди лIыхъужь эпосым кыкIуа гъуэгуанэр – пасэрей фIэщ хъуныгъэхэм къапкърыкIа миф хыбархэр ублапIэ хуэхуу, адэкIэ лIыхъужыгъэр ищIыIу къакIуэрэ зиужыу кызыэрыгъуэгурыкIуар, ужыыхыжу нэгъуэщI жанрхэм гъуэгу зэрыритар. ЩIэныгъэлIыр зыхуэкIуа гупсысэхэм тепщIыхъмэ, Амыш, Тхъэгъэлэдж, Лъэпщ сымэ теухуа IуэрыIуатэр ди нарт эпосым и пасэрей дыдэ лъэхъэнэщ. Мы хыбархэм зэкIэ лIыхъужыгъэ мотивхэм уащрихъэлIэкъым, атIэ нэхъыбэу зытеухуар хъер зыпыль хъэпшып гуэр (мафIэ, зэрылтытащи Iэмэпсымэ (Iэдэ, уадэ, гъубжэ), гъавэ, Iэщ, н.) цIыхум къазэрыIэрыхъар къэIуэтэнырщ. ЛIыхъужыгъэр япэу кыщыхыхъэр Сосрыкыуэ ехъэла хыбархэмрэ пшынальэхэмрэщ – иныжбым деж макIуэри мафIэр къехыж, Тотрэш йозауэ. Мыбдежым мыхъэнэшхуэ иIэщ Сосрыкыуэ бийм зэрытекIуэ щIыкIэми – ар Iэмалрэ бзаджагъэкIэрэщ. Апхуэдэу щIыщытым и щхъэусыгъуэщ мы лIыхъужыр пасэрей зэман жыжбэм кызыэрыщегъэжэр: мыпхуэдэхэм деж зэрыхабзэщи, нэхъыщхъэр бийм утекIуэнырщ, ар IэмалкIэми е къаруми. Ауэ, иужыкIэ лIыгъэмрэ къарумрэ ищIыIу къакIуэу хъуа нэужь, Iэмалыр, бзаджагъэр, мэгу зэфIэкIхэр къэгъэсэбэпыныр кIуэ пэтми къемызэгъыж мэхъу. Апхуэдэ зэхъуэкIыныгъэхэр хыдолыагъуэ Сосрыкыуэ кыкIэлтыкIуа Уэзырмэс, Батрээ, Ашэмэз сымэ я образхэм. Пэжщ, мыбыхэми бийм пэльэщын папщIэ, Iэмал гуэрхэми щыхуэкIуэ щыIэщ. Псалъэм папщIэ, Марыкыуэ и джатэм ауэ еплъын хуэдэу зещIри Батрээ кыIэщIех, абыкIи еукI, Ашэмэз лIанэпщI зещIри, жэщым къотэджыжри, Лъэбыщэжьей и джатэр зыIэрегъыхъэри абыкIэ хегъащIэ. Ауэ мыбдежым IуэрыIуатэм япэ иригъэщыр лIыхъужыгъэрщ. Псом хуэмыдэжу мы щытыкIэмкIэ гъэнщIащ Бэдынокыуэ и циклыр – псом нэхърэ нэхъ иужыIуэкIэ зэтеувау къалытэ нарт лIыхъужыым ейр. Мы лIыгъэрэ хахуагъэрэ фIэкIа, Iэмал гуэри кыгъэсэбэпу циклым кы- хэщкыым.

АдэкIэ эпосым игъуэт зэхъуэкIыныгъэм ди IуэрыIуатэм дежкIэ егъэляуэ мыхъэнэшхуэ иIэщ. Псом япэрауэ, Гъут I.M. и гупсысэхэм тепщIыхъмэ, адыгэ эпосым къотэджыкIыр «эпическэ лIыхъужьхэм теухуа псысэ класэкIэ» З.Ю. Неклюдовыр зэджа таурыхъ лIэужыгъуэр [Неклюдов 1975]. Мыбы кызыэщIеубыдэр пшынальэу зекIуэурэ абы иIэн хуей нэщэнэхэр ящыгъупщэжу прозэм хуэкIуа нарт хыбархэр. Апхуэдэхэщ Сосрыкыуэ мафIэ кызыэрихъам, Тотрэш

зэрэзуам, Батрэзрэ Ашэмэзрэ я адэхэм яль зэращлэжам, Бэдынокъуэ нарт хасэм зэрыкIуам теухуахэр. Апхуэдэу нарт эпосым и нэщэнэ куэд дэтлбагъуми, Щауей ехьэлIа IуэрыIуатэр нэхьыбэу зыпэгъунэгъур лыхъужь псысэхэрщ. ЕтIуанэрауэ, нарт эпосым кыпыуващ тхыдэр зи лбабжьэ лыхъужь эпосыр. Ещанэрауэ, ди темэмкIэ нэхьыщхьэраши, КъуийцIыкIу и циклыр зэпэщынымкIэ къуэпсхэр идзащ. Абы кыкIраши, щIэныгъэлIым кыхутахэм дригъуазэмэ, мы персонажымрэ нарт эпосым бжыпэр щызыIыгъ Сосрыкъуэрэ я зэхуаку зэпыщIэныгъэ куу дэлыщ. Я теплэр, я дуней тетыкIэр кыгумылъытэмэ, мыбыхэм я мурадыр зэрызэлэрагъыхьэ щIыкIэр зэтохуэ. ТIуми я бийр иныжыщ. Сосрыкъуэ мафIэр кыхыжыну щыкIуам, абы зэрыпэлъэщыр кыгупсыс «джэгукIэхэмкIэщ» – зэм жаншэрхьым иныжыр натIэкIэ ирегъауэ, зэм шашхьэ гъэплбар жьэдэз ещI, икIэм-икIэжым хым хегъэщтыхьэ, иныжым и джатэр зыIэрегъыхьэри, абыкIэ хегъащIэр. КъуийцIыкIуи аращ. И «текIуэныгъэр» зэлытар кыгупсыс бзаджагъэрщ – шхур щIым и щхьэкуцIу, кIапсэжыр щIым и бынжэу, кхъуей цIынэр мывэ джейуэ, и унагъуэкIэ иныжылыр яшхыу иныжым кышигъэхъуу а щIыкIэмкIэ къарурэ лыгъэрэкIэ абы ефIэкIыу и фIэщ зэрищIыфырщ. Ауэ, Сосрыкъуэ ейм кыщхьэщыкIыу, мыбы и циклым бжыпэр щызыIыгъыр гушыIэмрэ ауанымрэщ, абыхэм я фIыщIэкIи цIыхум зэрызытригъэу жанрхэм я нэщэнэ игъуэтащ. Мис апхуэдэ щIыкIэкIэ мы персонажыр нарт эпосым пыщIащ, икIи аращ «Нартхэр. Адыгэ эпос» еплIанэ тхылъым, эпосым и ужыхыжыгъуэ лэхьэнэм ехьэлIа шапхьэхэр щызэхуэхьэсам, КъуийцIыкIу теухуа псысэ зыбжани щIыхыхьар.

Мыпхуэдэ зы Iуэхугъуэми гу лытапхьэщ. ЗэрыжытIауэ дызытепсэлъыхь сюжетхэр нэхьыбэу зыщажыбар псысэхэрщ, ауэ ущрихьэлIи щыIэщ ахэр «нартхэм я дунейм» епхауэ. Абы и шапхьэщ мы тхылъым хыхьа «Нарт Къуийжы ЦыкIу и шыпсэр» [Нарты... 2020: 349–352]. Абы кызырэыхэщымкIэ, КъуийцIыкIу нартщ. Нартхэм гъаблэ къащытехъуэкIэ, ар йожьэ гъэр кызыэхъулIа иныжхэм я деж кIуэуэ шхын абыхэм къатрихыу кыхыну. Иныжхэм ар яшхыну щыжаIэкIэ, Iэмалым хуокIуэ: иныжхэм нэхь губзыгъэ щымыIэу нартхэр щIызэныкъуэкъу Iуэхугъуэр (хэт нэхь инми (выр, ар зыхьа бгъэр, а вым и блатхьэр зыщIэхуа, цIыхуибгъу щIыхьэу хьэнцэкIэ зэлэщIэу ар кызыщIахыжа нэр, н.) зэхигъэкIын хуэдэу кIуауэ закыщегъэхьэ; иныжхэми щхьэж и гупсысэр жаIэурэ зэныкъуэкъу мэхъури зозэуэжхэ; КъуийцIыкIу абыхэм я гъавэри мылькури нартхэм къахуешэ. Зэрынэрылбагъуши, псысэм эпосым «зыпищIыж» пэлытэщ (егъ.: Сосрыкъуэ нартхэр щIыIэм кызыэрыригъэлым), ауэ нартхэр абы гузэвэгъуэм кызыэрыришыр лыхъужыгъэкъым, атIэ бзаджагъэщ.

АдэкIэ кыжыIапхьэщ мы образым, абы ехьэлIа сюжетхэм яжь щакIуэ эпоскIэ зэджем зэрыщIихуари. Дызэрыщыгъуазэщи, адыгэ IуэрыIуатэм зыужыныгъэшхуэ щызыгъуэтахэм ящыщ «ЩакIуэ уэрэдыр». Мыр цIэ зетемыхуэ яIэу жыIэжакIуэ куэдым я деж шатхыжауэ щытащ. Хэти абы зэреджэр «Къарэчынтщ», хэти – «Амуукъуэжь», хэти – «Даущдждэрджий», хэти «ПшэрыхьжъацэкIэ» йоджэхэр. Дауэ щымытами, уэрэдым егъэлеяуэ ныбжышхуэ зэриIэр куэд щIауэ щIэныгъэлIхэм къахутауэ щытащ. КъардэнгъушI Зырамыку зэритхауэ щытамкIэ, «цIыхур щакIуэу мэзым щIэту,

ар я гуащІэдэкІ нэхьыщхьэу, абы ирипсэууэ щыщыта зэман жыжьэм кьежьауэ хуэпхь хьунуш мы уэрэдыр» [Кардангушев 2009: 115]. Уэрэдым щІыгьу хьыбарым зэрыжиІэмкІэ, зы щакІуэ ябгэ (Даушджэрджий, Пшэрыхьжацэ, н.) мэзым щІэтт, и ІэмыщІэ иль жылэм пщафІэ кьратыну япигьэтІыльти, ар гьусэ ищІырт. Гьуэг хьэмым хьэкІэкхьуэкІэ кьытехьэмэ, кьигьэушыну жриІэрти, езыр жейрт. Ауэ кьагьэуша нэужь, «сыкъэбгьэушащ» жиІэрти гьусэр иукІырт. Апхуэдэ щІалэ гуэрым кьишагьашІэу и чэзур кьыщысым, нысащІэр абы и плэкІэ кІуащ. ЩакІуэ ябгэр гьуэлыауэ жейуэ, хьэкІэкхьуэкІэхэр хьэмым кьихьащ. Еджэмэ, щакІуэм зэриукІыну ищІэрти, «Тэдж!» жимыІэу уэрэд иусащ. Уэрэдым кьигьэуша щакІуэм хьэкІэкхьуэкІэр кьиукІри мыдрейм кьыжриІащ, сыт щыгьуи щакІуэ гьусэ ищІыну гукьыдэж зэриІэр. АрщхьэкІэ зэрынысащІэр, и щхьэгьусэр ихьумэн папщІэ кьызэрыкІуар щыгуригьаІуэм, цІыхубзым и Іушагьыр кьилытэри, пщІэшхуэхэр иІэу и щхьэгьусэм хуригьэшэжаш [Кардангушев 2009: 115–117]. Новеллэ псысэхэм мы сюжет дыдэми ущрохьэлІэ, икІи Тхьэмокьуэ Женя гу зэрылытащи, ар АТ 852 (–852*, –852**) сюжетымкІэ кьэІуэтащ, дызытепсэлыхь Іуэхугьуэм ипкь иткІэ нэхьыщхьэращи, пщафІэ гьусэ пщы ябгэм хуэхьур КьуйцІыкІуш [Сравнительный указатель... 2018: 775]. Хьыбарым нысащІэм и Іушагьыр ищІыІу кьищІэмэ, псысэм кьыхигьэшхьэхукІыр мы персонажым дэнэ дежи кьигьэсэбэп Іэмалхэмрэ бзаджагьэмрэщ [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. Папка № 8. Пасп. № 6].

Мы ІуэрыІуатэхэкІ лІэужьыгьуэхэм зым ижь адреим щІихуу кьызэрызэдэгьуэгурыкІуам и нэцэнэщ АТ 1115 сюжетыр тІум дежи зэрыщыхьумар. Иджыри зэ кьытедгьэзэжынщи, иныжьхэм яукІыну кьыщищІэкІэ, КьуйцІыкІу кьамыл ІэпллакІуэ (пхьэ дакъэ) и плэм хельхьэри езыр жейуэ закьыщегьэхьу. Нэхьыбэу мыр зыхэтлыагьуэр пасэрей миф псэушхьэ мэзылІым теухуахэрщ. Мыпхуэдэ хьыбархэм кьазэрыхэщымкІэ, мэзылІыр зи бгьэгур маисэу (джыдэу) щыт персонаж шынагьуэщ, и бгьэгумкІэ зытридзээрэ цІыхур иукІ хабзэщ. Сытым дежи кьызэрыІуэтащи, щакІуэр абы хуозэ; мэзылІым ар иукІынущи, жеихункІэ поплъэ; лІыхьужьми ар кьешІэри, гьэпщкІуауэ пхьэдакъэжь и плэм хельхьэри щІакІуэр трепІэж, езыр хэльу зыкьыщицгьэхьу; мэзылІым абы зытредзэри, и бгьэгу маисэр пхьэ дакъэм хонэ, лІыхьужьыр кьоуэри кьеукІ [Мифы народов... 1992: 132]. Мыр, хуэбгьэфашэ зэрыхьунумкІэ, КьуйцІыкІу и циклым ипэ кьихуэу нэхь пасэу зэтеува жанрхэм кьалэпихауэ жыпІэ хьунуш. Пэжщ, пкьыгьуэ куэдым я кьэІуэтэкІэм зэхьуэкІыныгьэ гуэрхэри хильхьащ, ауэ, нэхьыбэу гу зылытапхьэращи, циклым и нэцэнэ нэхьыщхьуэ щыт гушыІэ-ауаным хуишащ, икІи ар абы «хузэфІокІэ» сюжетхэр кьезэгьыу зэхьухуэна зэрыщыхьумкІэ: АТ 1115-м кьыпыувэ хабзэщ АТ 1116-р. КьуйцІыкІу жейуэ плэм хэль я гугьэу псывэ кьыщытракІэкІэ, уэшх пщтыр кьытешауэ, абрэмывэ кьыщытрадзэкІэ – бжьыдзэ кьедзэкьауэ фІэкІа кьыгурымыІуауэ закьыщегьэхьу.

НэгьуэщІэ сюжет зиІэ новеллэ псысэхэми мы лІыхьужьыр епхауэ куэдрэ кьыщыкІуэ щыІэщ. Апхуэдэхэщ АТ –925* АТ 1000, АТ 1006, АТ 1029 (–1029*), АТ 1051, АТ 1643, н. Ауэ псом дежи мыбы кьигьэсэбэпыр Іэмалырщ.

Лыхьужь псысэ куэдми кьыхош КьуйцІыкІу и образыр. Апхуэдэщ, псалъэм папщІэ, «Кьуйижь цІыкІурэ хьаным и кьуэмрэ» [АИГИКБНЦРАН. Ф.

12. Оп. 1. Папка № 6-д. Пасп. № 11] таурыхъыр. ТеплъэкIэ мыри новеллэ псысэхэм, нарт эпосым дазыщрихьэлIэхэм хуэдэщ – цIыкIуш, къуийщ, фэншэщ, псоми я щIэнэкIалъэщ, н. Ауэ аращ зыми бгъэдэмыль лIыхъужьыгъэрэ хахуагъэрэ къызылбыкIуэкIыу псысэм щыгъэува мурадым лъэIэсыфыр. Новеллэ псысэхэм хуэдэу, мыбдежым мыр сюжет пыхыкIа гуэрым епхауэ щыткъым, атIэ таурыхъым хэувэныр зэльытар IуэтэжакIуэм бгъэдэль «хуитыныгъэрэщ». ЩIэдзапIэм деж лIыхъужьыр фэншэу, дзыхь хуамыщIу, щыдыхьэшхыу къэгъэльэгъуау, ауэ зыри зэрыщымыгугъауэ зыкызэкъуихрэ бий ябгэм пэльэщ, «кIуэр къыздэмыкIуэжым» ихьэрэ къыкIыжыфу, лIыхъужьыгъэхэр игъахьэрэ насыпыфIэ хъууэ IуэрыIуатэм къыхэщ хабзэщ. Апхуэдэу щытыфынуш зэшищым я нэхьыщIэр, «фызабэм и къуэр», лъэрызехьэу щытми, апхуэдэфэ зытезыгъауэр. КъуийцIыкIу а нэщэнэхэр бгъэдэльу зэрыщытым къыхэкIыу, псысэр зыIуатэм абы и образыр дэтхэнэ сюжетми хуихьыфынуш, и лIыхъужьыр, иIэтыну зыхуей Iуэхугъуэр къыхигъэщхьэхукIын, гу лыуигъэтэн папщIэ. Абы и шапхьэу къэпхь хъунуш АТ 530 I сюжетыр. Псалъэм папщIэ, «Зы къуажэ гуэрым зы лIыфI гуэр дэст...» [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. Папка № 6-г. Пасп. № 9] таурыхъым КъуийцIыкIу бжэныхъуэщ, псоми я щIэнэкIалъэщ. Адэм уэсыту къахуегъанэ, дунейм ехыжмэ, жэщищ зэкIэлбыкIуэм и кхъащхьэр яхъумэн хуейуэ. Ар зыхузыфIэкIыр КъуийцIыкIурщ. Жэщищми ар йозауэ и адэм и кхъащхьэр хэутэн ищIыну зи мурада бийм икIи токIуэр. Абдежми шы телъджищ зыIэрегъыхьэ, абыхэм тесу лIыгъэрэ хахуагъэрэ егъэлабгъуэ, набдзэ зытелъым я нэхь дахэ хьыджэбзри щхьэгъусэ хуохъури, нэхь насыпыфIэ щымыIэу тхьэрэ псэууэ къонэж. (Апхуэдэу Хьымыри псысэм ипэм деж умылбагъуу цIыкIушэу къэгъэльэгъуащ, ауэ арщ лIыгъэ къызылбыкIуэкIыр: «Мыщэ и къуэ Батыр» псысэ цIэрыIуэм хуэдэу, и гъусэхэм я шхыныр зышхыж бийр хегъащIэ [Адыгские сказки... 2018: 226–229]).

Къэтхьа шапхьэхэм мы персонажыр лIыхъужь нэхьыщхьэу хэувэмэ, ущрихьэлIи щыIэщ хьыбар къызыпах къалэн игъэзащIэу къыщыкIуи. Апхуэдэм дызыщрихьэлIэ хабзэр нарт эпосырщ, нэхьыбэу Бэдынокъуэ и циклырщ. Абы щыгъуэми мыр сыт щыгъуи къызэрыгъэльэгъуар зы щытыкIэм тетущ. Бэдынокъуэ абы хуэзэу нарт хэкум щыхьыбарымкIэ щеупщIкIэ, жэуапу кърет махуэ псом Iэхъуэу, жэщкIэ «хьэдэ хьурейм» хуэдэу зэрыжейр, абы къыхэкIкIи хьыбар имыщIэу. АрщхьэкIэ щыхигъэзыхькIэ, кърегъажьэри нартхэм я санэхуафэу, нарт лIыхъужьхэр зэхуэсау, Нэсрэн-ЖьакIэ я тхьэмадэу, Сосрыкъуи яхэсу, «пщашэ дахэхэр я къэфакIуэу» Сэтэней деж зэрыщIэсыр, абы кIуэмэ лей къытехьэнкIэ шынагъуэ зэрыщыIэр къыжреIэ. Къапщтэмэ, мыбдежым КъуийцIыкIу и къалэн нэхьыщхьэр абыкIэ зэфIокIыр.

Тхьдэр зи лъабжьэ лIыхъужь эпосым мы персонажым зыужьыныгъэ щыгъуэтакъым, апхуэдэу щIыщытми и зы щхьэусыгъуэу къэплъытэ хъунуш мыбы къызэщIиубыдэ IуэрыIуатэр гъащIэм и пэжым, тхьдэм пэблагъэу зэрыщытыр. Апхуэдэу щытми, мыбы и цIэм зэзэмызи дыщрихьэлIи щыIэщ. Псалъэм папщIэ, ЕщIэнокъуэ зэшхэм я адэ Атэбийм (вариантхэм – езы зэшитIым) лыкIэ и бий Дэгужьей и адэр КъуийцIыкIуш (КъуийцIыкIу и къуэ Дэгужьей, КъуийцIыкIуокъуэ Дэгужьей) [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. Папка №

21-м. Пасп. № 18]. Циклым кызырыхэщымкIэ, Дэгужьей егъэлеяуэ къаруушхуэрэ зэфIэкIышхуэрэ зиIэщ, мэгуэ зэфIэкIи бгъэдэльщ – нарт эпосым кыыхэщ иныжбым, мэзылIым, Марыкбуэ, Лъэбыцэжей сымэ хуэдэу, езым и джатэмкIэ фIэкIа пхуэукIыркбым. Мыбдежым гурыIуэгъуащэкбым ар КъуийцIыкIу и къуэу кыщIэгъэльэгъуар. Ауэ, зэрыхуэдгъэфашэмкIэ, мы циклыр щызэтеувэм пкыыгуэ (мотив, сюжет) куэдыр нарт эпосымрэ лIыхъужь псысэхэмрэ къаIэпихауэ, мыри абыхэм къадэкIуауэ арагъэнуш.

Дунейпсо IуэрыIуатэм мыбы хуэдэу зыщызужьа персонажхэм я типологи-ем тепщIыхэмэ, мыр пэгъунэгъуш М.Е. Мелетинскэм кыыхигъэщхъэхукIауэ шыта урыс псысэхэм дазыщрихьэлIэ Иванушка-дурачок (Емеля), тюрк-монгол лъэпкъхэм я КъуийцIыкIум, Скандинав къэралыгъуэхэм шыпсэу лъэпкъхэм я IуэрыIуатэм кыыхэщ Аскеладден, Кольбитр, карело-фин лъэпкъхэм я Тухкимус, Эстонием щыцIэрыIуэ Тухкатрин, н. [Мелетинский 1958: 213–255]. ЛIыхъужь лIэужьыгъуэхэр кыщыхагъэкIкIэ иригъуазэу щIэныгъэм кыигъэсэбэп Iэмалхэм тепщIыхэмэ, мыхьэнэшхуэ иIэщ дэтхэнэми IуэрыIуатэхэкIым щыгъэува мура-дым зэрылбэлэс щыкIэм. Хэти лIыгъэрэ хахуагъэрэ бгъэдэльщи, абыхэм я фIыщIэкIэ ар къохуулIэ, хэти насыпыфIэ хъуныр елытащ псэущхъэ, хъэшпып телыджэхэм я дIэпыкыуныгъэм, хэти езыхэр «насыпыфIэхэщи», щы-мыгугъыххауэ хъугъуэфIыгъуэр къоуалIэ. А псор къэплъытэмэ, дызриплъа шап-хъэхэми кызырагъэльэгъуащи, адыгэ эпосым кызыэщIиубыдэ жанрхэм КъуийцIыкIу и образыр зэмылIэужьыгъуэу, зыкъомкIэ зэщхъэщыкIыу кыыхошпыр. Псысэхэм деж ар щытынкIэ хъунуш псори зыщыдыхьэшхыу, ауан къащIу, ауэ зыкыызэкъуихэмэ, лIыгъэшхуэ кылыкыкыуэкIыу. Апхуэдэу щытын-кIи хъунуш гушыIэрэ ауанрэ зыхэпща образуи. Нарт эпосым теухуауэ жыпIэмэ, абы кыыхэщыж лIыхъужьхэм «запызыщIыж», езы жанрым и ужьыхыжыгъуэм и нэщэнэ персонажу плъытэ хъунуш.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Адыгские сказки... 2005 – Адыгские сказки. В 2-х т. Т. 1: Новеллистические сказки [на адыг. яз.: Адыгэ таурыхьхэр. ТомитIу. 2-нэ т: Новеллэ таурыхьхэр] / сост. Ж.Г. Тхамокова (Браева). – Нальчик: Изд. центр «Эль-Фа», 2018. – 836 с.

Адыгские сказки... 2018 – Адыгские сказки. В 2-х т. Т. 2: Волшебные сказки [на адыг. яз.: Адыгэ таурыхьхэр. ТомитIу. 2-нэ т: Телыджей таурыхьхэр] / сост. Ж.Г. Тхамокова (Браева). – Нальчик: Ред.-изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2018. – 592 с.

АИГИКБНЦРАН – Архив Института гуманитарных исследований КабардиноБалкарского научного центра Российской академии наук.

Алиева 2019 – *Алиева А.И.* Адыгский героический эпос. Сказка: Источниковедение. Текстология. Типология. Семантика. Поэтика (серия ИМЛИ РАН «Фольклор»). – М.: ИМЛИ, 2019. – 736 с. DOI: 10.22455/978-5-9208-0587-4

Бухуров 2015 – *Бухуров М.Ф.* Адыгская богатырская сказка. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. – 160 с

Гутов 2009 – *Гутов А.М.* Народный эпос: Традиция и современность. – Нальчик: Изд-во КБИГИ, 2009. – 228 с.

Кабардинский фольклор... 2000 – Кабардинский фольклор / общ. ред. Г.И. Бройдо. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2000. – 651 с.

Кардангушев 2009 – *Кардангушев З.П.* Избранные труды [на адыг. яз.: КъардэнгъушI Зырамыку. Тхыгъэ кыыхэхахэр] / сост. М.Ф. Бухуров, М.А. Табишев, А.А. Ципинов. – Нальчик: Изд. М. и В. Котляровых, 2009. – 756 с.

Мелетинский 1958 – *Мелетинский Е.М.* Герой волшебной сказки. Происхождение образа. – М.: Издательство восточной литературы, 1958. – 264 с.

Мифы народов... 1992 – Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т. Т. 2 / гл. ред. С.А. Токарев. – М.: Советская энциклопедия, 1992. – 719 с.

Нарты... 2020 – Нарты. Адыгский эпос. В 4-х т. Т. 4: Малые эпические циклы. Разрозненные сказания / гл. ред. А.М. Гутов. – Нальчик: Ред.-изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2020. – 420 с.

Неклюдов 1975 – *Неклюдов С.Ю.* Богатырская сказка. Тематический диапазон и сюжетная структура // Проблемы фольклора. – М.: Наука, 1975. С. 82–88.

Сборник материалов... 1891 – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Вып. 12. – Тифлис, 1891. – 618 с.

Сборник материалов... 1900 – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Вып. 27. – Тифлис, 1900. – 699 с.

Сравнительный указатель... 2018 – Сравнительный указатель сюжетов адыгских (кабардинских, черкесских, адыгейских) волшебных сказок по системе Аарне-Томпсона / сост. Ж.Г. Тхамокова (Браева) // Адыгские сказки. В 2-х т. Т. 2: Волшебные сказки [на адыг. яз.: Адыгэ таурыхъэр. ТомитӀу. 2-нэ т: Телъыджей таурыхъэр] / сост. Ж.Г. Тхамокова (Браева). – Нальчик: Ред.-изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2018. – С. 553–588.

Тхамокова 2014 – *Тхамокова Ж.Г.* Адыгская бытовая сказка (сюжетный состав в сравнительном освещении). – Нальчик: Изд. отдел КБИГИ, 2014. – 222 с.

Хут 1981 – *Хут Ш.Х.* Сказочный эпос адыгов. – Майкоп: Адыгейское отделение Краснодарского книжного издательства, 1981. – 192 с.

Чуякова 2010 – *Чуякова Н.М.* Сатира и юмор в устном народном творчестве адыгов.: автореф. дис. д.филол.наук. – Майкоп, 2010. – 47 с.

Thompson 1961 – *Thompson S.* The types of the folktale. A classification and bibliography. Antti Aarne's «Verzeichnis der Märchentypen» (FFC № 3) translated and enlarged. Second revision (FFC 184). – Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia, 1961. – 588 p.

REFERENCES

Adygskiye skazki. V 2-kh t. T. 1: Novellisticheskiye skazki / sost. Zh.G. Tkhamokova (Brayeva) [Adyghe tales. In 2 volumes. Vol. 1: Novellistic tales. Comp. Zh.G. Tkhamokova (Braeva)]. – Nal'chik: Izd. tsentr «El'-Fa», 2018. – 836 p. (In Adyg.).

Adygskiye skazki. V 2-kh t. T. 2: Volshebnyye skazki / sost. Zh.G. Tkhamokova (Brayeva) [Adyg fairy tales. In 2 volumes. Vol. 2: Fairy tales. Comp. Zh.G. Tkhamokova (Braeva)]. – Nal'chik: Red.-izd. otdel IGI KBNTS RAN, 2018. – 592 p. (In Adyg.).

AIGIKBNTSRAN – *Arkhiv Instituta gumanitarnykh issledovaniy Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* [Archive of the Institute for Humanitarian Research of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. (In Adyg.).

ALIYEVA A.I. *Adygskiy geroicheskiy epos. Skazka: Istochnikovedeniye. Tekstologiya. Tipologiya. Semantika. Poetika (seriya IMLI RAN «Fol'klor»)* [Adyg heroic epic. Fairy tale: Source study. Textology. Typology. Semantics. Poetics (series IMLI RAS “Folklore”)]. – М.: IMLI, 2019. – 736 p. DOI: 10.22455/978-5-9208-0587-4. (In Russ.).

BUKHUROV M.F. *Adygskaya bogatyrskaya skazka* [Adyghe heroic fairy tale]. – Nal'chik: Izdatel'skiy otdel KBIGI, 2015. – 160 p. (In Russ.).

GUTOV A.M. *Narodnyy epos: Traditsiya i sovremennost'* [Folk Epic: Tradition and Modernity]. – Nal'chik: Izd-vo KBIGI, 2009. – 228 p. (In Russ.).

Kabardinskiy fol'klor / obshch. red. G.I. Broydo [Kabardian folklore. Gen. ed. G.I. Broido]. – Nalchik: Izdatel'skiy tsentr «El'-Fa», 2000. – 651 p. (In Russ.).

Kardangushev Z.P. Izbrannyye trudy / sost. M.F. Bukhurov, M.A. Tabishev, A.A. Tsipinov [Kardangushev Z.P. Selected works. Comp. M.F. Bukhurov, M.A. Tabishev, A.A. Tsipinov]. – Nal'chik: Izd. M. i V. Kotlyarovykh, 2009. – 756 p. (In Adyg.).

MELETINSKIY Ye.M. *Geroy volshebnoy skazki. Proiskhozhdeniye obraza* [The hero of a fairy tale. The origin of the image]. – M.: Izdatel'stvo vostochnoy literatury, 1958. – 264 p. (In Russ.).

Mify narodov mira. Entsiklopediya v 2-kh t. T. 2 / Gl. red. S.A. Tokarev [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia in 2 volumes. Vol. 2. Ch. ed. S.A. Tokarev]. – M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1992. – 719 p. (In Russ.).

Narty. Adygskiy epos. V 4-kh t. T. 4: Malye epicheskiye tsikly. Razroznennyye skazaniya / gl. red. A.M. Gutov [Narts. Adyghe epic. In 4 volumes. Vol. 4: Small epic cycles. Scattered legends. Ch. ed. A.M. Gutov]. – Nal'chik: Red.-izd. ot del IGI KBNTS RAN, 2020. – 420 p. (In Adyg and Russ.).

NEKLYUDOV S.Yu. *Bogatyrskaya skazka. Tematicheskiy diapazon i syuzhetnaya struktura* [A heroic tale. Thematic range and plot structure] IN: Problemy fol'klora. – M.: Nauka, 1975. P. 82–88. (In Russ.).

Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostey i plemen Kavkaza [Collection of materials for describing the localities and tribes of the Caucasus]. Vol. 12. Tiflis, 1901. 713 p. (In Russ.).

Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostey i plemen Kavkaza [Collection of materials for describing the localities and tribes of the Caucasus]. Vol. 27. Tiflis, 1901. 713 p. (In Russ.).

Sravnitel'nyy ukazatel' syuzhetov adygskikh (kabardinskikh, cherkesskikh, adygeyskikh) volshebnykh skazok po sisteme Aarne-Tompsona / sost. Zh.G. Tkhamokova (Brayeva) [Comparative index of plots of the Adyghe (Kabardian, Circassian, Adyghe) fairy tales according to the Aarne-Thompson system. Comp. Zh.G. Tkhamokova (Braeva)]. IN: *Adygskiy skazki. V 2-kh t. T. 2: Volshebnyye skazki / sost. Zh.G. Tkhamokova (Brayeva)* [Adyg fairy tales. In 2 volumes. Vol. 2: Fairy tales. Comp. Zh.G. Tkhamokova (Braeva)]. – Nal'chik: Red.-izd. ot del IGI KBNTS RAN, 2018. – P. 553–588. (In Russ.).

TKHAMOKOVA ZH.G. *Adygskaya bytovaya skazka (syuzhetnyy sostav v sravnitel'nom osveshchenii)* [Adyghe household fairy tale (plot composition in comparative lighting)]. – Nal'chik: Izd. ot del KBIGI, 2014. – 222 p. (In Russ.).

KHUT Sh.Kh. *Skazochnyy epos adygov* [Fairytale epic of the Adygs]. – Maykop: Adygeyskoye otdeleniye Krasnodarskogo knizhnogo izdatel'stva, 1981. – 192 p. (In Russ.).

CHUYAKOVA N.M. *Satira i yumor v ustnom narodnom tvorchestve adygov.: avtoref. diss. ... d.filol.nauk.* [Satire and humor in the oral folk art of the Circassians]. – Maykop, 2010. – 47 p. (In Russ.).

THOMPSON S. The types of the folktale. A classification and bibliography. Antti Aarne's «Verzeichnis der Märchentypen» (FFC № 3) translated and enlarged. Second revision (FFC 184). – Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1961. – 588 p.

Авторым теухуауэ

Быхъурэ М.Ф. – филологие щІэныгъэхэмкІэ кандидат

Information about the author

M.F. Bukhurov – PhD (in Philology)

Информация об авторе

М.Ф. Бухуров – кандидат филологических наук

Тхыгъэр редакцэм къагъэхъащ 01.11.2024 гъ.; рецензэ нэужьым къащтащ 12.12.2024 гъ.; къытрадзэнуш 27.12.2024 гъ.

The article was submitted 01.11.2024; approved after reviewing 12.12.2024; accepted for publication 27.12.2024.

Статья поступила в редакцию 01.11.2024 г.; одобрена после рецензирования 12.12.2024 г.; принята к публикации 27.12.2024 г.

Научная статья
УДК 398.5
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-366-376
EDN: USKTMM

ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИХ ИСТОРИКО-ГЕРОИЧЕСКИХ ПЕСНЯХ

Лейла Созакбайовна Гергокова

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия
leylagergokova79@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-7998-2075>

Аннотация. Статья посвящена исследованию одной из малоизученных областей устного народного творчества карачаево-балкарских историко-героических песен. Объектом изыскания стали женские образы, встречающиеся в народных поэтических произведениях указанного этноса. При проведении анализа гендерных аспектов фольклорных песен в статье были применены сравнительно-сопоставительный и историко-типологический методы исследования. Теоретической базой изыскания стали труды отечественных ученых, занимающихся изучением разных вопросов устного поэтического творчества. Методом сплошной выборки из разных фольклорных сборников были проанализированы историко-героические песни, при проведении разбора которых основное внимание уделялось внутренним и социальным качествам характера женских персонажей, их образной системы. В результате анализа персонажи разделены и представлены как активные и пассивные герои. Отмечается, что пассивные женские образы не играют большой роли в становлении сюжета в анализируемых произведениях, в отличие от активных образов, которые в свою очередь, занимают центральное место в песнях. В статье дается оценка социальной модели поведения женских персонажей в разных жизненных обстоятельствах.

В процессе исследования делается вывод, что дальнейшее изучение гендерного аспекта в историко-героических песнях восполнит существующие пробелы в научном фонде и будет дальше содействовать проведению сравнительно-сопоставительных изысканий по данной тематике.

Ключевые слова: гендерный аспект, карачаево-балкарский фольклор, устное народное творчество, женские образы, персонажи, историко-героические песни, женщина-воительница, мать.

Для цитирования: Гергокова Л.С. Женские образы в карачаево-балкарских историко-героических песнях // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 4. – С. 366-376. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-366-376. EDN: USKTMM.

© Гергокова Л.С., 2024

Original article

FEMALE IMAGES IN KARACHAY-BALKAR HISTORICAL-HEROIC SONGS

Leyla S. Gergokova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific

Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, leylagergokova79@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-7998-2075>

Abstract. This article focuses on the study of one of the little-studied areas of oral folklore – Karachay-Balkar historical and heroic songs. The object of the study was female images found in folk poetry of this ethnic group. In the analysis of gender aspects of ancient poetic texts, through an integrated approach to the study, the article used comparative and contrastive and historical and typological research methods. The theoretical basis for the research was the works of domestic and national scientists studying various issues of oral poetry. Because of a continuous sample from different folklore collections, historical and heroic songs were analyzed, during the analysis of which the primary attention is paid to the internal and social qualities of the character of female characters, their figurative system. These images are divided and presented as active and passive heroes. It should be highlighted that passive images, as opposed to active ones, which are the main characters in the investigated works, play a minor part in plot development. The article provides an assessment of the social model of behavior of female characters in different life circumstances. The research concludes that future investigation of the gender issue in historical-heroic songs would address existing gaps in the scientific fund and contribute to the conduct of comparative research on this topic.

Keywords: gender aspect; Karachay-Balkar folklore; oral folklore; female images; characters; historical-heroic songs; female warrior, mother.

For citation: Gergokova L.S. Female images in Karachay-Balkar historical-heroic songs. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 4. – P. 366-376. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-366-376. EDN: USKTMM.

© Gergokova, 2024

Введение

Известно, что устное народное творчество является самым важным источником передачи мировосприятия и традиций каждого народа из поколения в поколение. Но важно отметить и то, что фольклор не только раскрывает картину мира предыдущих поколений, но и хранит в себе черты различных исторических эпох.

В последнее время стало актуальным исследование структуры фольклорных произведений (историко-героических песен, сказок, сказаний, легенд и т.д.), выявление особенностей их лексическо-стилистических и художественных средств. Историко-героическое устное народное песенное творчество в этом плане является более сложной, но в то же время популярной разновидностью песенного жанра каждого этноса. В них «нашли отражение реальные исторические события, произошедшие в жизни народа, в том числе песни-плачи (кюй/кюю), которым характерна эмоционально-экспрессивная окрашенность» [Ахматова, Улаков, Хуболов 2024: 270]. Тематика карачаево-балкарского песенного фольклора весьма широка, но самая главная тема историко-героических песен – образ жизни простых людей.

Обращаясь к проблеме фольклорных песен, отметим, что в большей степени здесь представлены мотивы: борьбы за свою независимость и свободу, патриотизма, противодействия внешним захватчикам, гостеприимства и братства, мужества и стойкости, защиты чести и т.д.

За многовековую историю карачаевцы и балкарцы собрали богатейший фольклорный материал, тексты которого подверглись научному осмыслению многими национальными учеными как: А.И. Караева [Караева 1961], А.З. Холаев [Холаев 1981], Р.А. Ортабаева [Ортабаева 1977], А.И. Рахаев [Рахаев 1988], Ф.А. Урусбиева [Урусбиева 2001: 55–64], М.Ч. Джуртубаев [Джуртубаев 2015 (I том), Джуртубаев 2015 (III том)], Т.М. Хаджиева [Хаджиева 2014: 578–582], Х.Х. Малкондуев [Малкондуев 2000; Малкондуев 2015], Б.А. Берберов [Берберов 2022], Ж.М. Локьяева [Локьяева 2023] и др. В этих работах «рассматриваются вопросы, связанные с их генезисом, историзмом, жанром и поэтикой» [Кетенчиев 2021]. Но, к сожалению, изучение гендерной тематики в карачаево-балкарских историко-героических песнях долгое время не входило в сферу научных интересов многих исследователей, хотя находилось в поле их зрения. Ведь в «мужском мире» фольклорных песен, женские персонажи всегда оставались на втором плане. Со временем древние поэтические тексты претерпели определенные изменения: впитали в себя новые мотивы, отражающие представление о человеке, окружающем мире, о гендерных взаимоотношениях.

Данная тематика, как объект исследования в историко-героических песнях, не была особо популярна, но на сегодня появляются все больше научных работ по этой проблеме. Активизировался интерес исследователей к образам мужского и женского типов в разных произведениях устного народного творчества, начало уделяться должное внимание женским персонажам, которые до этого не были объектом специального исследования, что и определяет актуальность данной работы. «Выразительность поэтического языка, своеобразный стиль изложения, различные исторические и этнические сведения о народе, содержащиеся в текстах, делают исторические песни неисчерпаемым источником информации, как для филологов, так и для историков и этнографов» [Ахматова, Улаков, Хуболов 2024: 269–270].

Основная часть

В жанровой системе песен карачаево-балкарского фольклора выделяются историко-героические песни, в которых воспевается мужчина-воин (мужчина-герой), а спектр женских персонажей здесь появляется в основном эпизодически, они значительно уступают мужским образам. Ведь издавна считается, что женщина – хранительница очага, она занимается домашними делами, но нельзя забывать, что именно она поддерживает традицию народного творчества.

Исследователи Л.М. Бахаева и А.Р. Дадаева в статье «Языковое представление женщин в фольклоре: гендерный аспект (на материале исторических песен немецкого и чеченского языков)» выделяют несколько тематических групп, «в которых предстает образ женщин в фольклорных песнях:

- семейные отношения;
- женщина в браке;
- женщина-мать» [Бахаева, Дадаева 2021: 49].

В карачаево-балкарских историко-героических песнях женские образы можно рассматривать по той же схеме через призму ипостасей матери, сестры, хранительницы очага, но вместе с тем в данных поэтических произведениях по-

является образ девушки-воина (женщина – сестра, дочь, женщина – супруга и женщина – мать, женщина-воин).

Эти женские персонажи в анализируемых песнях обозначенного этноса в развитии сюжета выступают как в активной, так и в пассивной роли. К числу пассивных героинь, или же второстепенных персонажей, можно отнести образ старой матери, оплакивающей гибель сына; сестры, горюющей по брату; дочери, скорбящей по отцу и т.д. В целом эти пассивные персонажи не играют особой роли в формировании сюжета и не воздействуют на него. Например:

*«Атам джожьду, кёзлерими джумаргъа,
Эгечим джожьду, юсюме туруп джыларгъа,
Хапарынгы, барып, ким айтыр
Чотчалада къызлай кългъан Танагъа»* [АТЖД Т. 3. 2015: 260].

*«Отца нет у меня, чтобы закрыть мне глаза,
Сестры нет у меня, чтобы плакать надо мной,
Твою историю, кто пойдет и расскажет
У Чотчаевых, оставшейся в девах (жене) Тане?»* [Здесь и далее без ссылки перевод автора Л.Г.].

В историко-героической песне трагического, печального содержания «*Ёрюзбийланы жашилары*» – «Юноши Орусбиевых», чтобы более красноречиво и выразительно создать картину горьких душевных переживаний женских образов, повествователь использует обороты речи. Например: «*чачларын жьырттып*» «вырывая волосы на голове», что придает большую экспрессивность речи:

*«Чачларын жьырттып, алай жилийдыла
Махайчыккны сары чачлы къызлары»* [АТЖД Т. 3. 2015: 280].
«Вырывая волосы на голове, так оплакивают.
Махайчика светловолосые дочери» [Л.Г.].

Как принято на Кавказе, в жизни горца образ матери занимает особое место, что и отразилось в изучаемых песнях карачаевцев и балкарцев:

*«Таулу къатындан а туугъан мен бир таулу жаи,
Сен да менича эсенг, кел, бир мени бла жагъалаш!»* [АТЖД Т. 3. 2015: 133].
«Я, рожденный матерью-горянкой, горский парень,
Если ты таков, как я, приходи, попробуй-ка со мной побороться!» [Л.Г.].

Этими словами сын возвышает свою мать, которая при рождении дала ему силы и отвагу поразить врага. Одно то, что горский парень рожден горянкой, должно утратить противника.

Образ горюющей матери по погибшим детям довольно часто встречается в исследуемых песнях. В сюжете «*Эгизле анасыны сарыны*» – «Плач матери близнецов» описывается скорбящая мать по потере своих детей близнецов. Она призывает всех матерей оплакивать их вместе с ней:

«Эки кьаргъа бирден келип кьондула,
Юйюбюз аллында кьаракъайын къазыкьгъа,
Чегем элни аналары, жиягъыз,
Оу-оу, мени кибик, ачы кюйген жазыкьгъа» [АТЖД Т. 1. 2015: 119].

Две вороны вместе, прилетев, сели
Перед нашим домом на рябиновый кол,
Матери селения Чегем плачьте,
Оу-оу, как я, сильно скорбящей мученицей [Л.Г.]

Карачаево-балкарский фольклорист Б.А. Берберов в статье «Образ женщины-воительницы в мировом и северокавказском историко-героическом эпосе» обратил внимание на отдельную группу произведений, посвященных активным женским персонажам, выступившим против захватнических войск Хромого Тимура (Тамерлана).

Автор сосредоточился на текстах подробно анализирующих героическую борьбу горцев против иностранных захватчиков. Примером изучения исследователь представил историко-героические песни кавказского сопротивления, где главными персонажами являются женщины.

При анализе данных произведений, Б.А. Берберов предложил гипотезу, согласно которой в этих прославленных исторических песнях женские сюжеты разделил на три позиции:

– «Виктимная позиция», в которой женщины изображены исключительно как жертвы захватчиков;

– «Активная позиция», в которой делается акцент на нанесении женщинами урона врагам;

– «Вербальное взаимодействие», при котором женщины предпринимают попытки переубедить захватчиков, либо достойно отвечают на их требования» [Берберов 2024 а: 8]. Все эти три поведенческих позиций реализованы в карачаево-балкарских историко-героических песнях. В «активной позиции» в поэтических текстах описаны женские образы, которые в определенной ситуации проявляют «мужские» качества характера и действуют соответственно, поэтому являются главными персонажами.

Для раскрытия особенностей личностей «активных» женских образов обратимся к таким источникам фольклорных песен: «Ал эмина» – «Начальная эмина», «Уллу Хож» – «Большой Хож» и т.д., где ярко раскрываются образы горянок, которые, зная о неотвратимой смерти в случае поражения в битве, приняли свою судьбу. Они не посчитали это причиной отказаться от кровопролитной войны.

Например, в песне «Уллу Хож» – «Большой Хож» описываются героические действия матерей и девушек во время трагических сражений. Они, выступив против врага с оружием в руках, предпочли смерть плену и бесчестию. Здесь воспеваются беспрецедентное мужество и сила народа в лице физически слабых, но сильных духом горских девушек. В песне главные героини, под стать своей прародительнице Сатанай из произведений нартского эпоса, как бы перевоплотились в дев, наделенных огромной нечеловеческой силой и храбро-

стью, соразмерной многочисленному войску врагов. Но противник беспощаден, лишая жизни отважных девушек-воинов.

*«Уой, хаджини уа къызыны аты болур Байдымат, орайда,
Ушкок тауушу уа бу къаяланы да, ой, бузад, орайда.
Уой, эфендини уа къызыны аты болур Уркъуят, орайда,
Ургъан жеринден а къып-къызыл къан къуяд, орайда.
Уой, кёкде ойнайды ариу Уркъуятны билеги, орайда,
Да къабыл болсун а бу жарлы халкъны тилеги, орайда!»* [АТЖД Т. 3. 2015: 122].

*«Уой, имя дочери хаджи было Байдымат, орайда,
Звук ее выстрелов рушит эти скалы, орайда.
Имя дочери муллы было Уркуят, орайда,
Из места куда сразит, оттуда красно-алая кровь льется, орайда.
Уой, в небе играет рука прекрасной Уркуят, орайда,
Пусть исполнятся мольбы этого бедного народа, орайда!»* [Л.Г.].

Описанные в песнях трагические события народа, «мотив скорби сочетаются с героическим пафосом, что придает историко-героическим песням эпический характер [Джанкезова 2011: 8]. «При этом бросается в глаза одна особенность, связанная с женскими образами. Вопреки расхожему выражению «У войны не женское лицо» в указанных песенных повествованиях в роли главных актантов выступают женщины» [Берберов 2024b: 163]. Сюжеты, описывающие сражения горских девушек с врагами, по законам жанра завершаются героической гибелью главных героинь. Повествователь, воспевая их подвиги, с редкостным мастерством воссоздает многогранный характер женщины-воина, наделенный умом, бесстрашием и горской силой.

Например, в песне «Атабийлары» – «Атабиевы» раскрывается мужество, отвага девушек, которые одни пошли против коммунистов. Повествователь, описывая силу тех «жарких» сражений, отмечает, что в тот день не осталось ни одного не растаявшего ледника на вершинах (гор):

*«Коммунистле бла уруш этедиле
Атабийланы къызлары.
Атабийланы къызлары ол кюн
Патронташла сайлайла,
Тёбентин келген а ол тогъуз милицаны,
Жесирге тутуп, байлайла.
Ол бийикледе, башлада ол кюн
Ма эримеген буз жокъду,
Атабийланы уа ичинде ол кюн
Шерипадан батыр къыз жокъду»* [АТЖД Т. 3. 2015: 361].
«С коммунистами сражаются
Девушки Атабиевых.
Девушки Атабиевых в тот день
Выбирают патронташи,
А прибывших из низовий девятерых милиционеров,
Взяв их в плен, связывают.

На тех высотах, на тех вершинах в тот день
Нет нарастаявших льдин,
А среди Атабиевых в тот день
Нет девушки отважнее, чем Шерипа [АТЖД Т. 3. 2015: 365].

В отмеченных песнях, наряду с описанием мужества девушек, уделяется внимание их внешним эстетическим качествам как: красота, хрупкость, нежность. Например, изображая тех же дочерей Атабиевых, сообщается:

«Атабийланы ариу кызыланы
Сейир ингичге эди беллери» [АТЖД Т. 3. 2015: 122].
«Атабиевых красивых девушек
Удивительно тонкие талии» [Л.Г.].

Перед слушателем также предстает идеальный образ горянки-воина – ее внешний облик: длинные косы, брови как ласточки, гибкий стан и тонкая талия. Идеализация женского образа происходит и посредством сравнения. «Как известно, сравнительные конструкции служат для усиления описания образа героя, его поступков, действий, «употребление компаративных форм способствует эмоционально-экспрессивной окрашенности эпического текста и делает его язык богатым и сочным» [Ахматова 2011: 20] и т.д.

«Болур анда Болат кызы Бислиймат,
Бислийматда эки эиме кёреме,
Къуш жастыкъгъа чилле матау атханлай,
Болур анда Мушкой кызы Хажар да,
Хажар кызда эки къашчыкъ кёреме,
Акъ-къалагъа эки къарылгъач къонганлай» [АТЖД Т. 3. 2015: 245].
«Там была дочь Болата, Бислиймат,
У Бислиймат я вижу две косы,
На пуховую подушку, словно бросили моток шелка,
Была там дочь Мушкая и Хажар,
У девушки Хажар заметил я две бровинки,
Они словно две ласточки, сидящие, на стене Ак-кала» [Л.Г.].

Следовательно, в историко-героических песнях в определенной ситуации хрупкий, нежный образ девушки трансформируется в бесстрашного воина, призывающего соплеменников принять бой при любом исходе. Описывая эти моменты, повествователи пользуются целыми текстами, фразами, предложениями, представляющими особенности характера представительниц слабого пола – горянок:

«Ай, аманла, кырылайыкъ, къалмай ёлейик, орайда,
Журтубуз ючюн татлы жанланы берейик, орайда!
Къан чачылды суу ызында къара таилагъа, орайда,
Кызыла да къошулдула къазауатда жаилагъа, орайда.
Хож элинде аскер къуллукъ жетгенди, орайда,
Эрге бармагъан ол чыбыкъ кибик кызылагъа, орайда.
Къазауат барады, жерге кызыл къанла сингдирип, орайда,
Къатынланы, кызыланы атлагъа миндирип, орайда» [АТЖД Т. 3. 2015: 122].

«Эй, не добрые, погибнем, все до одного умрем, орайда,
За Родину сладостные жизни отдадим, орайда!
Кровь брызнула на черные камни в русле реки, орайда,
К юношам в битве присоединились и девушки, орайда.
В Хоже воинская служба досталась, орайда,
Незамужним девушкам, подобным лозинкам, орайда.
Битва идет, пропитывая землю красной кровью, орайда,
Она посадила женщин и девушек на коней, орайда» [АТЖД Т. 3. 2015: 126].

Эта песня передает историческое событие битвы в местности «Большой Хож». Прототипами образов героинь, воспетыми здесь, послужили реальные личности, проживающие в то историческое время. Факты участия в данном сражении горянок воссоздает героический образ женщины-патриотки – защитницы. Умение пользоваться оружием дает возможность главным героиням песни схватиться за меч и, недолго думая, вступить бой.

Бесстрашие горской женщины «Уркъуят» – «Уркуят» (мать близнецов) проявляется во время борьбы, где она, поставив перед собой колыбели с детьми, сражается с врагом, пока вражеская пуля не настигла их:

«Уркъуятны аллында уа болур эки эгиз бешиги, орайда,
Бюгюн жабыла болур а Уллу Хожну эшиги, орайда.
Уой, Уркъуят ол бешиклени узунуна салад, орайда,
Сермеген сайын а аскерледен къан алад, орайда.
Къазауат этди, бешиклерине окъ тийгинчи, орайда,
Акъ жаулулгуна да къызыл къанла сийгинчи, орайда» [АТЖД Т. 3. 2015: 123].
«Перед Уркуят были колыбели двух близнецов, орайда,
Сегодня, верно, Большому Хожу приходит гибель, орайда.
Уой, Уркуят поставила колыбели в ряд, орайда,
Каждым взмахом она взыскивает кровь с солдат, орайда.
Сражалась она, пока в ее колыбели не попали пули, орайда,
Пока на ее белую шаль не брызнула красная кровь, орайда» [АТЖД Т. 3. 2015: 127].

Следовательно, любовь к родной земле рождала образы храбрых женщин, в их поступках проявлялся национальный характер. Отважные дочери гор на поле боя наравне с мужчинами, размахивая саблями, рубили противника. Хоть смерть не миновала горянок, но в памяти людей остались их образы, как тема непокорности и неуязвимости горских народов.

Во многих историко-героических песнях карачаевцев и балкарцев женские персонажи, имея сильный характер, и не женскую отвагу, вынуждены заниматься сложным военным ремеслом, которое испокон веков считалось мужским делом. Например:

«Хож элинде аскер къуллукъ жетгенди, орайда,
Эрге бармагъан ол чыбыкъ кибик къызлагъа, орайда» [АТЖД Т. 3. 2015: 245].
«В селе Хож военная служба досталась, орайда,
Незамужним, этим, словно лоза, девушкам, орайда» [Л.Г.].
Из-за того, что мужчин забрали на войну, их место занимали женщины:
«Жашла барадыла, Къобан ёзенни къаралып,

Анала кьалдыла, ой, ызларындан таралып,
Келинле кьалдыла, ау тубюнде саргьалып.
Кёзлери жашла кетген жоллагъа аралып» [АТЖД Т. 3. 2015: 235].
«Парни идут, затеня Кобанское ущелье,
Матери остались, ой, вслед за ними, страдая.
Невесты остались, в комнате брошенные (несчастные),
Глаза, смотря вслед на дорогу, куда ушли парни» [АТЖД Т. 3. 2015: 236].

Эти строки воссоздают смысл глубокой скорби матерей и жен, лишившихся мужей и сыновей. Их глубокие переживания выражены лексемами «таралып» – «страдающая», «саргьалып» – «брошенные, несчастные», «кьаралып» – «почернев».

Если задаться вопросом: «Что стало причиной факта проявления в женщине воинского духа?», то ответ становится очевидным. Женщина, проводившая на кровопролитную битву отца, мужа, брата или сына, должна была сама встать на защиту близких и детей.

Выводы

Таким образом, на основе анализа фольклорного материала можно констатировать, что в карачаево-балкарских историко-героических песнях изучение гендерного аспекта становится все более популярным. Трансформация образа девушек из пассивных хранительниц очага в сильных духом воинов противопоставляется традиционным моделям поведения женских персонажей. Следует отметить, что доминирующей темой в изучаемых песнях является борьба за родину, поэтому одним из главных проявлений многогранного женского образа является патриотизм, который ставит хрупких женщин в один ряд с мужчинами, заменив их в бою за свободу и независимость родных аулов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

АТЖД Т. 1. 2015 – *Алан тарих жигитлик дастаны*. Т. I. / жарашдыргъан, ал сёзю бла тафсирлерин жазгъан Джуртубайланы М.Ч. – Нальчик: ООО «Тетраграф», 2015. – 398 б. (Аланский историко-героический эпос. Составление, предисловие и комментарии М.Ч. Джуртубаева. – Нальчик: ООО «Тетраграф», 2015. – Т. I. – 656 с.). На кар.-балк. и русс. яз.

АТЖД Т. 3. 2015 – *Алан тарих жигитлик дастаны*. Том III. / жарашдыргъан, ал сёзю бла тафсирлерин жазгъан Джуртубайланы М.Ч. – Нальчик: ООО «Тетраграф», 2015. – 399б. (Аланский героико-исторический эпос. Том III. Составление, предисловие и комментарии М.Ч. Джуртубаева. – Нальчик: ООО «Тетраграф», 2015. – 399 с.). На кар.-балк. и русс. яз.

Ахматова 2011 – *Ахматова М.А.* Вербализация сравнения в карачаево-балкарском нартском эпосе // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 28 (243). – С. 20-23.

Ахматова, Улаков, Хуболов 2024 – *Ахматова М.А., Улаков М.З., Хуболов С.А.* Языковые особенности песни «Каншаубий», или «Плач княгини Гошайх» // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 1. – С. 267-282. DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-267-282.

Бахаева, Дадаева 2021 – *Бахаева Л.М., Дадаева А.Р.* Языковое представление женщин в фольклоре: гендерный аспект (на материале исторических песен немецкого и чеченского языков) // Вестник калмыцкого университета. – 2021. – № 1 (49). – С. 48-53.

Берберов 2024а – *Берберов Б.А.* Образ женщины-воительницы в мировом и северокавказском историко-героическом эпосе // Kavkaz-Forum. – 2024. – № 18 (25). – С. 5-20.

Берберов 2024б – *Берберов Б.А.* Типология конфликта в карачаево-балкарской историко-героической песне // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – Том 26. – № 2. – 2024. – С. 161-169. DOI: 10.35330/1991-6639-2024-26-2-161-169

Берберов 2022 – *Берберов Б.А.* Карачаево-балкарская песня: внутрижанровые разновидности и поэтика // *Kavkaz-Forum*. – 2022. – № 12 (19). – С. 19-33. – DOI: 10.46698/VNC.2022.19.12.011.

Джанкезова 2011 – *Джанкезова М.А.* Карачаево-балкарская историко-героическая песня (генезис, жанровое своеобразие, поэтика): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Черкесск, 2011. – 23 с.

Караева 1961 – *Караева А.И.* О фольклорном наследии карачаево-балкарского народа. – Черкесск: Карач.-Черкес. кн. изд-во, 1961. – 62 с.

Кетенчиев 2021 – *Кетенчиев М.Б.* О языке историко-героической песни «Сын Темиркана Ачемез» // Фольклорный текст: рубеж тысячелетий. – Нальчик, 2021. – С. 132-137.

Локьяева 2023 – *Локьяева Ж.М.* Историко-культурное и нравственно-этическое значение карачаево-балкарских историко-героических песен // *Электронный журнал «Кавказология»* / 2023. – № 4. С.470–480. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-470-480.

Малкондуев 2000 – *Малкондуев Х.Х.* Поэтика карачаево-балкарской народной лирики. – Нальчик: Эль-Фа, 2000. – 218 с.

Малкондуев 2015 – *Малкондуев Х.Х.* Историко-героические песни карачаево-балкарского народа (конец XIV–XVIII в.). – Нальчик: Печатный двор, 2015. – 312 с.

Ортабаева 1977 – *Ортабаева Р.А.-К.* Карачаево-балкарские народные песни. – Черкесск: Карач.-Черкес. отд. Ставроп. кн. изд-ва, 1977. – 152 с.

Рахаев 1988 – *Рахаев А.И.* Песенная эпика Балкарии. – Нальчик: Эльбрус, 1988. – 168 с.

Урусбиева 2001 – *Урусбиева Ф.А.* Карачаево-балкарский фольклор (К вопросу о типологии развития жанров) // *Урусбиева Ф.А.* Избранные труды: очерки, эссе, статьи. – Нальчик: Эльбрус, 2001. – С. 3–70.

Хаджиева 2014 – *Хаджиева Т.М.* Фольклор // *Карачаевцы. Балкарцы* / отв. ред. М.Д. Каракетов, Х.М.-А. Сабанчиев. – М.: Наука, 2014. – С. 522–584.

Холаев 1981 – *Холаев А.З.* Народное устно-поэтическое творчество // *Очерки истории балкарской литературы*. – Нальчик: Эльбрус, 1981. – С. 13-31.

REFERENCES

АКНМАТОВА М.А. *Verbalizatsiya sravneniya v karachaevo-balkarskom nartskom epose*. [Verbalization of comparison in the Karachay-Balkarian Nart epic]. IN: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2011. – № 28 (243). – P. 20-23. (In Russ.)

Alan tarih zhitlik dastany. Tom I. / zharashdyrg"an, al syozyu bla tafsirlerin zhazg"an Dzhurtubajlany M.CH. – Nal'chik: OOO Telegraf, 2015. – 398b. (Alanskij istoriko-geroicheskij ehpos. [Alanian heroic-historical epic]. Sostavlenie, predislovie i kommentarii M.CH. Dzhurtubaeva. – Nal'chik: 2014. – 398 p.). (On the kar.-balk. and Russ. Languages).

Alan tarikh zhitlik dastany. Tom III. / zharashdyrg"an, al syozyu bla tafsirlerin zhazg"an Dzhurtubajlany M.CH. – Nal'chik: OOO Telegraf, 2015. – 399b. (Alanskij geroko-istoricheskij ehpos. [Alanian historical-heroic epic] Tom III. Sostavlenie, predislovie i kommentarii M. CH. Dzhurtubaeva. – Nal'chik: OOO Telegraf, 2015. 399 p.). (On the kar.-balk. and Russ. Languages).

АХМАТОВАМ.А., УЛАКОВ М.З., ХУБОЛОВ С.А. *Yazy`kovy`e osobennosti pesni «Kanshaubij», ili «Plach knyagini Goshayah»* [The linguistic features of the song "Kanshaubiy", or "The Lament of Princess Goshayah"] // *E`lektronny`j zhurnal "Kavkazologiya"*. – 2024. – № 1. – S. 267-282. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-267-282. (In Russ.)

BERBEROV B.A. *Karachaevo-balkarskaya pesnya: vnutrizhanrovyye raznovidnosti i poetika* [Karachay-Balkar song: intra-genre varieties and poetics]. IN: *Kavkaz-Forum*. – 2022. No. 12 (19). – pp. 19-33. – DOI: 10.46698/VNC.2022.19.12.011. (In Russ.).

BERBEROV B.A. *Obraz zhenshchiny-voitel'nicy v mirovom i severokavkazskom istoriko-geroicheskome epose* [The image of a warrior woman in the world and North Caucasian historical and heroic epic]. IN: *Kavkaz-Forum*. – 2024. – № 18 (25). – P. 5-20. (In Russ.).

BERBEROV B.A. *Tipologiya konflikta v karachaevo-balkarskoj istoriko-geroicheskoy pesne* [Typology of conflict in the Karachay-Balkar historical-heroic song]. IN: *Izvestiya Kabardino-*

Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN. – 2024. – Т. 26. – № 2. – P. 161-169. (In Russ.). DOI: 10.35330/1991-6639-2024-26-2-161-169

DZHANKYZOVA M.A. *Karachaevobalkarskaya istoriko-geroicheskaya pesnya* (genezis, zhanrovoe svoeobrazie, poetika) [Karachay-Balkarian historical-heroic song (genesis, genre originality, poetics)]: abstract of the dissertation ... of candidate of philological sciences. – Cherkessk, 2011. – 23 p. (In Russ.).

HADZHIEVA T.M. *Fol'klor* [Folklore]. IN: Karachaevtsy. Balkarttsy [Karachais. Balkarians]. – Moscow: Nauka, 2014. – P. 522-584. (In Russ.).

HOLAEV A.Z. *Narodnoe ustno-poeticheskoe tvorchestvo* [Folk oral-poetic works]. IN: Ocherki istorii balkarskoy literatury [Essays on the history of balkarian literature]. – Nal'chik: El'brus, 1981. – P. 13-31. (In Russ.).

KARAEVA A.I. *O fol'klornom nasledii karachaevobalkarskogo naroda* [About the folklore heritage of the Karachay-Balkarian people]. – Cherkessk: Karachaevobalkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1961. – 62 p. (In Russ.).

KETENCHIEV M.B. *O yazyke istoriko-geroicheskoi pesni «Syn Temirkana Achemez»*. [About the language of the historical-heroic song “Son of Temirkan Achemez”]. IN: Fol'klorny tekst: rubezh tysyacheletii. – Nal'chik, 2021. – P. 132-137. (In Russ.).

LOK"YAEVA ZH.M. *Istoriko-kulturnoe i npravstvenno-eticheskoe znachenie karachaevobalkarskikh istoriko-geroicheskikh pesen* [Istoriko-kulturnoe i npravstvenno-eticheskoe znachenie karachaevobalkarskikh istoriko-geroicheskikh pesen]. IN: Elektronnyj zhurnal «KavkazologiYA» / Caucasology – № 4. – 2023. – P.470-480. (In Russ.). DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-470-480.

MALKONDUEV H.H. *Istoriko-geroicheskie pesni karachaevobalkarskogo naroda (konec XIV– XVIII vekov)* [Historical and heroic songs of the Karachay-Balkarian people (late XIV– XVIII)]. – Nal'chik: Pechatnyj dvor, 2015. – 312p. (In Russ.).

MALKONDUEV H.H. *Poetika karachaevobalkarskoj narodnoj liriki* [Poetics of Karachay-Balkarian folk lyrics]. – Nal'chik: El'-Fa, 2000. – 218 p. (In Russ.).

ORTABAEVA R.A.-K. *Karachaevobalkarskie narodnye pesni* [Karachay-Balkarian folk songs]. – Cherkessk: Karachaevobalkarskoe otdelenie Stavropol'skogo knizhnogo izdatel'stva, 1977. – 152 p. (In Russ.).

RAHAEV A.I. *Pesennaya epika Balkarii* [Song epic of Balkaria]. – Nal'chik: El'brus, 1988. – 168 p. (In Russ.).

URUSBIEVA F.A. *Karachaevobalkarskij fol'klor* (K voprosu o tipologii razvitiya zhanrov) [Karachay-balkarian folklore (On the issue of typology of development of genres)]. IN: URUSBIEVA F.A. *Izbrannye trudy: ocherki, esse, stat'i* [Selected works: essays, articles]. – Nal'chik: El'brus, 2001. – P. 3-70. (In Russ.).

Информация об авторе

Л.С. Гергокова – кандидат филологических наук.

Information about the author

L.S. Gergokova – PhD (in Philology).

Статья поступила в редакцию 25.11.2024 г.; одобрена после рецензирования 12.12.2024 г.; принята к публикации 27.12.2024 г.

The article was submitted 25.11.2024; approved after reviewing 12.12.2024; accepted for publication 27.12.2024.

Научная статья
УДК 398.21
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-377-387
EDN: UTLTTP

ЧУДЕСНЫЕ СРЕДСТВА ИСЦЕЛЕНИЯ И ОЖИВЛЕНИЯ В ВОЛШЕБНЫХ СКАЗКАХ КАРАЧАЕВЦЕВ И БАЛКАРЦЕВ

Фаризат Хасановна Гулиева

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук», Нальчик, Россия, gfariza37@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8883-4613>

Аннотация. Представленная статья посвящена анализу одной из обширных групп чудесных предметных реалий – средствам исцеления и оживления. Исследование проведено на материале карачаево-балкарских волшебных (в том числе и волшеббно-героических) сказок, выявленных методом сплошной выборки. В работе также применялись описательный, сравнительно-сопоставительный, аксиологический и структурный методы анализа. Отмечено, что указанная категория условно может быть разделена на две большие группы: лечебные средства и средства оживления. В свою очередь, первая группа может быть разделена на средства излечения от болезней, возвращения зрения, восстановления утраченных частей тела, заживления ран. Сюда же при-мыкают средства избавления от бесплодия, а также способствующие непорочному зачатию. Вторая группа не столь многочисленна и в некоторых случаях тесно связана с чудесными предметными реалиями первой группы. Также отмечается, что средства оживления в ряде моментов сходятся с группой, именуемой «Хранители души / гарант жизни». Проведенный анализ показал, что рассмотренная категория чудесных предметных реалий довольно обширна и обстоятельно представлена в карачаево-балкарских волшебных и волшеббно-героических сказках и не только выполняет информационную и развлекательную функцию, но также участвует в сюжетосложении, развитии действия. Она отражает древние языческие и магические воззрения народа-создателя, а также извечное его стремление к бессмертию и жизни без болезней. Делается вывод о том, что дальнейшая систематизация и изучение чудесных предметов позволят не только восполнить очередной пробел в национальном сказковедении, но и будут способствовать разрешению многих вопросов, связанных с этнической и языковой картинами мира, историей развития духовной и материальной культуры народа-создателя. Кроме того, результаты исследования могут найти применение при проведении исследований сравнительно-сопоставительного характера.

Ключевые слова: карачаево-балкарский фольклор, волшебные и волшеббно-героические сказки, чудесные средства исцеления и оживления, классификация, специфика.

Для цитирования: Гулиева Ф.Х. Чудесные средства исцеления и оживления в волшебных сказках карачаевцев и балкарцев // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 4. – С. 377-387. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-377-387. EDN: UTLTTP.

© Гулиева Ф.Х., 2024

Original article

MIRACULOUS MEANS OF HEALING AND REVIVAL
IN THE MAGICAL FAIRY-TALES
OF THE KARACHAYS AND BALKARIANS

Farizat H. Gulieva

Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, gfariza37@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8883-4613>

Abstract. The presented article is devoted to the analysis of one of the broad groups of miraculous objective realities – means of healing and revitalization. The study was conducted on the material of Karachay-Balkarian magical fairy-tales (including magical-heroic ones), identified by the method of continuous sampling. The work also used descriptive, comparative, axiological and structural methods of analysis. It is noted, that this category can be conditionally divided into two large groups: medicinal agents and means of revitalization. In turn, the first group can be divided into means of curing diseases, restoring vision, restoring lost parts of the body, and healing wounds. This also includes means of getting rid of infertility, as well as promoting immaculate conception. The second group is not so numerous and in some cases is closely related to the wonderful objective realities of the first group. It is also noted, that the means of revival in a number of points converge with the group, called «Guardians of the soul / guarantor of life». The analysis showed, that the considered category of miraculous object realities is quite extensive and is presented in detail in Karachay-Balkarian magical and magical-heroic fairy-tales and not only performs an informational and entertaining function, but also participates in the plotting and development of the action. It reflects the ancient pagan and magical views of the creator people, as well as their eternal desire for immortality and life without disease. It is concluded, that further systematization and study of wonderful objects will not only fill another gap in national fairy-tale studies, but will also help resolve many issues, related to the ethnic and linguistic picture of the world, the history of the development of the spiritual and material culture of the creator people. In addition, the results of the study can be used in conducting comparative studies.

Keywords: Karachay-Balkarian folklore, magical and magical-heroic fairy-tales, miraculous means of healing and revival, classification, specificity.

For citation: Gulieva F.H. Miraculous means of healing and revival in the magical fairy-tales of the Karachays and Balkarians. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 4. – P. 377-387. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-377-387. EDN: UTLTTP.

© Gulieva F.H., 2024

Введение

В последние годы в отечественной гуманитарной науке отмечается повышенный интерес к изучению фольклорного наследия нашей многонациональной страны. Проводятся исследования не только традиционного, но и инновационного характера, довольно активно применяется междисциплинарный подход [Петренко 1996; Хроленко 2013; Черноусова 2013; Бурькин, Басангова 2014; Сокаева 2014; Гергокова (Этезова) 2015; Бесолова 2023; Ахматова, Кетенчиев 2023; Кетенчиев и др. 2024]. В то же время приходится констатировать неравномерность уровня развития фольклористики у разных народов. Вполне закономерно, что так называемым младописьменным этносам потребовалось определенное время на то, чтобы накопить эмпирический материал, систематизировать его и начать изучение. У многих из них имеются труды общего характера, разработаны отдельные жанровые разновидности, но все еще остается много вопросов, требующих детального, более углубленного рассмотрения для того, чтобы включить национальный устно-поэтический материал в фонд реги-

ональной, отечественной и мировой фольклористики. Так, несмотря на то, что в карачаево-балкарском сказковедении насчитывается уже четыре монографических исследования (Урусбиева Ф.А. «Карачаево-балкарская сказка. Вопросы жанровой типологии» [Урусбиева 2010], Малкондуев Х.Х. «Карачаево-балкарская народная сказка» [Малкондуев 2017], Гулиева (Занукоева) Ф.Х. «Карачаево-балкарская волшебная сказка» [Гулиева (Занукоева) 2019], Гергокова Л.С. «Карачаево-балкарские сказки о животных» [Гергокова 2023]), к числу актуальных проблем в нем все еще можно отнести неразработанность системы образов и персонажей, вспомогательных средств, их классификацию, каталогизацию и характеристику.

Исходя из изложенного, объектом изучения в данной статье была избрана одна из групп чудесных предметных реалий, встречающихся в карачаево-балкарских волшебных и волшеббно-героических сказках, – средства исцеления и оживления.

Данную тему нельзя назвать новой в отечественной фольклористике, о чем свидетельствует наличие как монографических исследований [Пропп 2014; Добровольская 2009; Алиева 1986], так и отдельных статей [Хусаинова 2010; Горяева 2018; Егорова 2019], в той или иной мере затрагивающих интересующую нас проблему. Более того, некоторые ученые обращаются уже к изучению чудесных предметов, функционирующих в героическом эпосе [Чаптыкова 2021; Чистобаева 2024]. В то же время на материале карачаево-балкарских сказок подобные изыскания до недавнего времени не проводились. Впервые обозначенная проблема была затронута нами в 2019 г. в монографическом исследовании «Карачаево-балкарская волшебная сказка» [Гулиева (Занукоева) 2019: 78–94]. Данная же работа продолжает серию статей, анализирующих мир чудесных предметных реалий и имеющих своей конечной целью подготовку обобщающего труда «Указатель чудесных предметов (на материале карачаево-балкарских волшебных сказок)».

Избранная нами категория волшебных предметных реалий, как и многие другие, может быть разделена на естественные (природные: растительного или животного происхождения, связанные со стихиями и т.п.) и искусственно созданные (т.е. объекты материальной культуры, в том числе культового характера).

С другой стороны, вполне закономерно разделить их на две группы: лечебные средства и средства оживления, в которых также можно вычленить ряд подгрупп.

Остановимся на них подробнее.

Чудесные средства излечения / исцеления

В данной группе волшебных предметных реалий можно выделить:

- 1) средства излечения от различных болезней, в том числе от смертельных недугов;
- 2) средства для заживления ран, восстановления утраченных конечностей, плоти, органов;
- 3) средства, влияющие на репродуктивные способности.

Средства излечения от различных болезней. Следует отметить, что в караево-балкарских сказках не упоминаются конкретные заболевания. В большинстве случаев речь идет о некоем таинственном, нередко смертельном недуге, требующем необычных «лекарств». К их числу можно отнести молоко белой лани, которое герой добывает благодаря своей храбрости и благородству («*Ёткюр*» [МХЖ 1963: 148–156]), а также купленное одним из претендентов на руку и сердце красавицы Актамак в качестве свадебного подарка чудесное яблоко, даже маленький кусочек которого возвращает с порога смерти («*Падчах улуну кюйюзю, хан улуну кюзюсю, Жабагылыны алмасы. Акътамакъны уа къайсы алды?*» – «Ковер царского сына, зеркало сына хана, яблоко Жабагылы. А кто из них женился на Актамак?» [МХЖ 1963: 9–13]).

Довольно часто подобная неизлечимая болезнь оказывается вымышленной, а поиск средства излечения выступает хитрым ходом антагонистов героя, применяемым с целью погубить его. Так, в сказке «*Асхат бла аны эгечи*» – «Асхат и его сестра» [КъМЖТА II 2003: 111–119] коварная девушка, чтобы избавиться от родного брата, мешающего ей устроить свою личную жизнь, притворяется больной и последовательно отправляет героя за мясом волчонка, медвежонка и львенка. Однако, поскольку недуг ее не был настоящим, сложно оценить, на самом ли деле мясо этих тотемных животных было лечебным.

Встречается в караево-балкарских сказках и сюжет об отравлении главного героя ядом дракона. Чтобы исцелить Бесстрашного Мазана из одноименного произведения, его названные сестры помещают его поочередно в девять котлов с молоком [МХЖ 1963: 184–196]. О молочном озере, в котором купаются дочери царя джиннов, говорится и в тексте «*Сют кёл*» – «Молочное озеро» [КъМФС III 2017: 200–209], но лечебность его не оговаривается. Однако в сказке «*Жарыкъбий*» – «Жарыкбий» [КъМФС III 2017: 159–178], также содержащей данный мотив, старик-повелитель птиц сообщает герою, что воды родникового озера обладают целебными свойствами, а старшая из дев-орлиц болезненная, поэтому они и прилетают искупаться.

Средства для заживления ран, восстановления утраченных конечностей, плоти, органов. Развитие действия в волшебных и волшеббно-героических сказках нередко бывает сопряжено для героев с получением различных ран, травм, лишением конечностей, ослеплением. Чаще всего виновниками подобных бед являются завистливые, злокозненные друзья, родственники или противники главных персонажей.

Одним из средств заживления ран в сказках выступает некий целебный листок, с помощью которого суслик избавился от своей травмы, потеряв его о больное место, а вслед за ним – и герой текста «*Аныча жаш бол*» – «Будь таким парнем, как он» [МХЖ 1963: 121–127]. Подобной способностью наделяется и платок *гюлменди* в сказке «*Ханны кичи жашы*» – «Младший сын хана» [МХЖ 1989: 85–95].

Для восстановления утраченной плоти могут использоваться чудесные мази («*Сют кёл*» – «Молочное озеро» [КъМФС III 2017: 200–209]). В сказке «*Бекбатыр бла Кичибатыр*» – «Бекбатыр и Кичибатыр» [КъМЖТА II 2003: 110–113] данное свойство приписывается и жиру из сваренного мяса эмегена.

В качестве средства избавления от слепоты в карачаево-балкарских волшебных сказках применяются кровь черноухого барана («Два брата» [КБНС 1957: 66–67]), глаз белого барана из стада слепого пастуха («Чомарт бла Момарт» – «Чомарт и Момарт» [АНТЖЖЭ 1997: 43–49]), золотая рыбка, которую нужно приложить к глазам («Бозхасан бла ханны жашы» – «Бозхасан и сын хана» [КъМЖТА II 2003: 16–19]), комок земли, взятый из-под копыт волшебного белого коня («Айтек» [МЖНСЭ 1959: 5–15]).

Средства репродукции. Среди сказок карачаевцев и балкарцев встречается значительное число текстов, в которых завязкой служит чудесное избавление от многолетнего бесплодия и появление на свет особенного ребенка – будущего героя повествования. В основном беременность наступает после употребления чудесных плодов – яблока («Эки эгиз жашы» – «Два близнеца» [КъМЖТА II 2003: 60–67]) или груши («Къарабайтал улу Къарамай» – «Карамай, сын Карабайтал» [МХЖ 1992: 3–7]).

Здесь следует обозначить, что не всякий фрукт способен излечить от бесплодия, а только добытый особым путем «оттуда» (т.е. с того света, из параллельного мира и т.п.). Так, в сказке «Ёткюр» [МХЖ 1963: 148–156] хан Кара-Буга получил три яблока от нищего старика на перепутье семи дорог, съедая по одному из них в день, бесплодная ханша родила в течение трех лет троих сыновей. В тексте «Быжмапах» [КБНС 1957: 36–40] беременность наступает после съедения яблока, полученного от старика ростом в один карыш, с бородой в тысячу карышей по имени Эх, который появился из-под камня в ответ на горестные вздыхания пастуха, мечтавшего о детях.

В некоторых сказках, дабы подчеркнуть необычность главного героя, он рождается в результате непорочного зачатия вследствие воздействия желтой кости («Залим ханны къызы» – «Дочь хана Залима» [КъМЖТА II 2003: 46–49]) или проглатывания пепла сожженного черепа («Атасыз туугъан батыр улан» – «Родившийся без отца храбрец» [МХЖ 1963: 23–32]), порошка, в который превратился истлевший череп («Баиш сюек» – «Череп» [КъМФС III 2017: 485–487]). В этом сюжете отчетливо прослеживается влияние фетишизма, культа мертвых, веры в реинкарнацию и в неизменность судьбы.

Таким образом, анализ карачаево-балкарских волшебных и волшебного-героических сказок показал, что чудесные средства излечения, исцеления и репродукции играют не только развлекательную роль, но также выполняют важную функцию в сюжетосложении и развитии действия. Нередко то, как герой справляется с выпавшими на его долю страданиями, является средством дополнительной характеристики, способствует лучшему пониманию народных идеалов стойкости, мужества, бескорыстности и чистоты. Именно благодаря наличию подобных качеств положительным персонажам удается добыть или получить чудесные предметные реалии и избавиться от своих злоключений, болезней, травм.

Чудесные средства оживления

Поскольку главной целевой установкой волшебной сказки является обязательная победа добра над злом, главные положительные герои не могут просто

погибнуть от рук своих врагов. С помощью помощников и волшебных предметных реалий они побеждают смерть, даже будучи убитыми, вновь воскресают и доводят свое дело до конца. Однако, ввиду того, что гибель персонажей может быть обусловлена наличием смертельных ран или даже их съедением, оживление может потребовать соблюдения некоторых условий. Так, в тексте «*Къара къоянчыкъ*» – «Черный зайчик» [КЪМФ 1987: 89–92] брат главной героини был убит эмегеном, который перерезал ему горло, поэтому прежде, чем оживить его, необходимо было залечить рану. Здесь оживление проводится в три этапа и требует применения трех разных средств – принадлежащих трем дочерям трех ханов волшебных палочек. Сперва с помощью золотой палочки заживляют раны, затем возвращают к жизни серебряной палочкой и только после этого пробуждают ото сна посредством палочки из драгоценных камней.

Не менее сложного ритуала требует и оживление убитой эмегеном красавицы в сказке «*Жиялукълары алтын бюртюкле болгъан ариу Гюльчыгар*» – «Красавица Гюльчыгар, чьи слезы превращались в золотые бусины» [МХЖ 1963: 91–98]. Для этого было необходимо присоединить отрубленную голову царевны к туловищу и, обливая место соединения водой из глиняной чаши, произнести заклинание «*Сюлеменни хыйнысыны болушлугъу бла мынга жан кирсин*» – «С помощью колдовства Сюлемена (т.е. царя Соломона – Ф.Г.) пусть она оживет». А чтобы заполучить глиняную чашу с живой водой, нужно было сорок раз произнести написанное на деревянной доске заклинание.

Интересно отметить, что подобный мотив встречается в башкирской народной сказке «Золотое яблоко», где «убитого старшими братьями героя волк-помощник оживляет с помощью мертвой и живой воды. Небезынтересен способ использования воды: волк сначала моет шею мертвой водой, затем представляет отрубленную голову и поливает живой водой, после чего герой оживает» [Хусаинова 2010: 144]. Если в карачаево-балкарской сказке пропускается эпизод с мертвой водой, то в башкирской отсутствует необходимость искать специальный сосуд и произносить заклинания. Очевидно, что здесь мы имеем дело с отголосками неких древних ритуалов, связанных с верой в силу воды как источника жизни.

Подобный момент прослеживается и в карачаево-балкарских текстах «*Къантемир*» – «Кантемир» [МХЖ 1963: 78–82] и «*Сокъур Алиюкъ*» – «Слепой Алиюк» [КЪМФС III 2017: 355–358], где главные герои, одержав победу над эмегеном-людоедом, выясняют, что есть возможность оживить его жертв. Для этого необходимо было взять принадлежавшую эмегену войлочную плетель и, окунув в воду, ударить ею по собранным вместе костям и шкурам людей и их коней.

В качестве средства оживления в волшебной сказке «*Мырза улу Къанмырза*» – «Мырзаев Канмырза» [КЪМФС III 2017: 437–442] выступает кровь младенца, которой надо было омыть окаменевшего героя. В данном случае, на наш взгляд, речь идет не столько об отголоске практики человеческих жертвоприношений в далеком прошлом, сколько об испытании благодарности воспитанника Канмырзы и его жены, их готовности пожертвовать самым дорогим ради человека, который не побоялся отдать ради них свою жизнь. Естественно,

в лучших традициях волшебных сказок все завершилось благополучно: ожил не только окаменевший герой, но и принесенный в жертву ребенок.

Довольно тесно к средствам оживления примыкает группа «Хранители души / гарант жизни», поскольку часть из них способствует не только отнятию жизни героя или его антипода, противника, но и может вновь оживлять своего владельца. В эту группу входят предметные реалии, являющиеся по своей сути вместилищем души, отдельным от тела или находящимся не внутри, а снаружи, на поверхности тела. В нашем случае интерес представляет именно вторая категория. В эту группу входят главным образом предметы материальной культуры, такие, как: спрятанная на затылке в волосах героя чудесная бусина в сказке «Къолан атла» – «Пегие кони» [КъМФС III 2017: 219–229]; хранящийся под золотым чубом или на темени ножик *жюлгюшчюк* в текстах «Къарабие улу Къатхан-Темир» – «Катхан-Темир, сын Карабие» [МХЖ 1963: 86–90], «Зынгырдаукъ» – «Зынгырдаук» [МХЖ 1992: 127–136]; хранилище, состоящее из ларчика, платка и собственно души героя, сокрытое на его темени в произведении «Къарабайтал улу Къарамай» – «Карамай, сын Карабайтал» [МХЖ 1992: 3–7]; ножнички, спрятанные на макушке («Байталбатыр» [МХЖ 1992: 7–13]); талисман *хамайылчик*, который героиня получила в дар от белого джинна и носила на предплечье («Алакез» [БКС 1983: 56–60]). Все указанные предметные реалии объединяет то, что, если их отделить от тела героя, он погибает, а если вернуть на исходную позицию – вновь оживает. Другими словами, они выступают и как средство умерщвления, и как средство оживления, в связи с чем и рассматриваются в отдельной группе.

Исходя из изложенного, можно заключить, что в качестве средств оживления в карачаево-балкарских волшебных и волшеббно-героических сказках выступают в основном живая вода и предметы культового характера, их применение нередко сопровождается выполнением определенных действий или произнесением заклинания.

Заключение

Таким образом, изучение чудесных средств исцеления и оживления показало, что данная группа предметных реалий представлена в карачаево-балкарских волшебных и волшеббно-героических сказках довольно разнообразно. Проведенный анализ выявил их глубинную связь с древней этнической картиной мира, религиозными воззрениями, особенностями исторического и культурного развития карачаевцев и балкарцев. Дальнейшие систематизация, каталогизация и изучение чудесных предметов не только дополняют сведения о поэтике волшебных сказок, но и позволят решить многие вопросы, связанные с этнической и языковой картинами мира, историей развития духовной и материальной культуры карачаевцев и балкарцев, а также предоставят обширный материал для проведения исследований междисциплинарного и сравнительно-сопоставительного характера.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Алиева 1986 – Алиева А.И. Поэтика и стиль волшебных сказок адыгских народов. – М.: Наука, 1986. – 277 с. EDN: WKHNUH.

АНТЖЖЭ 1997 – Алгышла, нарт таурухла, жомакъла, жырла, элберле... (Пожелания, легенды о нартах, сказки, песни, загадки...): Хрестоматия по карачаево-балкарскому фольклору / сост. Т.Ш. Биттирова, А.Б. Габаева. – Нальчик: Эльбрус, 1997. – 344 с.

Ахматова, Кетенчиев 2023 – *Ахматова М.А., Кетенчиев М.Б.* Синтаксические конструкции с однородными членами предложения в карачаево-балкарском нартском эпосе // Эпосоведение. – 2023. – № 2. – С. 5–15. DOI: 10.25587/SVFU.2023.54.72.001. EDN: FBBNEK.

Бесолова 2023 – *Бесолова Е.Б.* Язык фольклора: семантические единицы и семиотические смыслы. – Владикавказ: СОИГСИ ВНИЦ РАН, 2023. – 287 с. EDN: TVNMKD.

БКС 1983 – Балкарские и карачаевские сказки / обраб. А. Алиевой, А. Холаева. – М.: Дет. лит., 1983. – 112 с.

Бурькин, Басангова 2014 – *Бурькин А.А., Басангова Т.Г.* Типология калмыцкого фольклора. – Элиста: Калмыцкий научный центр РАН, 2014. – 212 с. EDN: TEQUNR.

Гергокова (Этезова) 2015 – *Гергокова (Этезова) Л.С.* Язык карачаево-балкарского героического эпоса «Нарты». – Нальчик: Ред.-изд. отдел КБИГИ, 2015. – 140 с. EDN: ULLLMJ.

Гергокова 2023 – *Гергокова Л.С.* Карачаево-балкарские сказки о животных. – Нальчик: Принт Центр, 2023. – 208 с. EDN: НХКЕРЕ.

Горяева 2018 – *Горяева Б.Б.* Традиции народной медицины в мотивах волшебной сказки калмыков // Новые исследования Тувы. – 2018. – № 4. – С. 161–177. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/812> (дата обращения: 20.09.2024). DOI: 10.25178/nit.2018.4.9. EDN: SNDWZN.

Гулиева (Занукоева) 2019 – *Гулиева (Занукоева) Ф.Х.* Карачаево-балкарская волшебная сказка. – Нальчик: Ред.-изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2019. – 108 с. EDN: XQXQDC.

Добровольская 2009 – *Добровольская В.Е.* Предметные реалии русской волшебной сказки. – М.: Гос. респ. центр рус. фольклора, 2009. – 224 с.

Егорова 2019 – *Егорова О.А.* Специфика функционирования воды как магического средства в волшебных сказках // Филологический аспект. – 2019. – № 5 (49). – С. 344–351. EDN: EWZPQO.

КБНС 1957 – Карачаевские и балкарские народные сказки / сост. Х. Лайпанов. – Фрунзе: Киргизское гос. изд-во, 1957. – 88 с.

Кетенчиев и др. 2024 – *Кетенчиев М.Б., Анноев А.К., Мизиев А.М.* Структурно-семантические и этнокультурные особенности карачаево-балкарских паремических высказываний с зоокомпонентом *ит* «собака» // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 1. – С. 294–306. DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-294-306. EDN: XWPZHL.

КЪМЖТА II 2003 – Къарачай-малкъар жомакъла, таурухла, айтыула (Карачаево-балкарские сказки, легенды, предания): в 2-х томах. – Т. 2 / сост., предисловие Т.М. Хаджиевой. – Нальчик: Эль-Фа, 2003. – 472 с.

КЪМФ 1987 – Къарачай-малкъар фольклор: нарт таурухла, айтыула, хапарла, жомакъла (Карачаево-балкарский фольклор: нартские сказания, легенды, новеллы, сказки) / сост., вступ. ст., коммент. Р.А. Ортабаевой. – Черкесск: Карач.-Черкес. отд-ние Ставроп. кн. изд-ва, 1987. – 344 с.

КЪМФС III 2017 – Къарачай-малкъар фольклорну своду. 3-чю том. Къарачай-малкъар жомакъ (Свод карачаево-балкарского фольклора. Том 3. Карачаево-балкарская сказка) / отв. ред. Х.Х. Малкондуев. – Нальчик: Ред.-изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. – 990 с. URL: <http://www.kbigi.ru/fmedia/3-Свод-карач-балк-фольк.pdf> (дата обращения: 20.09.2024).

Малкондуев 2017 – *Малкондуев Х.Х.* Карачаево-балкарская народная сказка. – Нальчик: Изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. – 184 с. EDN: HVQLGG.

МЖНСЭ 1959 – Малкъар жомакъла, нарт сѣзле, элберле (Балкарские сказки, пословицы, загадки) / сост. А.Х. Соттаев. – Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1959. – 268 с.

МХЖ 1963 – Малкъар халкъ жомакъла (Балкарские народные сказки) / сост. С.А. Отаров. – Т. II. – Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1963. – 324 с.

МХЖ 1989 – Малкъар халкъ жомакъла (Балкарские народные сказки) / сост. З.М. Улаков. – Нальчик: Эльбрус, 1989. – 112 с.

- МХЖ 1992 – Малкъар халкъ жомакъла (Балкарские народные сказки) / сост. С.М. Моттаева. – Нальчик: Эльбрус, 1992. – 188 с.
- Петренко 1996 – *Петренко О.А.* Этнический менталитет и язык фольклора. – Курск: Кур. пед. ун-т, 1996. – 118 с.
- Пропп 2014 – *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки / сост., науч. ред., текстологический комментарий И.В. Пешкова. – М.: Лабиринт, 2014. – 332 с.
- Сокаева 2014 – *Сокаева Д.В.* Культурная основа осетинского фольклора: экспериментальное исследование на материале несказочной прозы. – Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2014. – 168 с. EDN: TDLLRN.
- Урусбиева 2010 – *Урусбиева Ф.А.* Карачаево-балкарская сказка. Вопросы жанровой типологии. – Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010. – 128 с.
- Хроленко 2013 – *Хроленко А.Т.* Введение в лингвофольклористику: учеб. пособие. – М.: ООО «ФЛИНТА», 2010. – 192 с. EDN: UQTAOP.
- Хусаинова 2010 – *Хусаинова Г.Р.* Отражение традиционных целительских знаний башкир в народных сказках // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 11 (192). – С. 143–146. EDN: MTZNHX.
- Чаптыкова 2021 – *Чаптыкова Ю.И.* Волшебный предмет как элемент сюжетостроения в хакасском героическом эпосе // Народы Алтая в социокультурном пространстве России на рубеже эпох. Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 30-летию со дня образования Республики Алтай и 265-летию добровольного вхождения алтайского народа в состав Российского государства / отв. ред. Н.В. Екеев. – Горно-Алтайск: БНУ Республики Алтай «Научно-исследовательский институт алтаистики имени С.С. Суразакова», 2021. – С. 541–548. EDN: VCPITY.
- Черноусова 2013 – *Черноусова И.П.* Фольклорно-языковая картина мира, представленная в диалоговой модели (на материале русской волшебной сказки) // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 14 (305). – С. 114–120. EDN: QIOZGP.
- Чистобаева 2024 – *Чистобаева Н.С.* Средства исцеления и воскрешения в героических сказаниях хакасов // Эпосоведение. – 2024. – № 2. – С. 53–66. DOI: 10.25587/2782-4861-2024-2-53-66. EDN: PTQWUV.

REFERENCES

- АНМАТОВА М.А., КЕТЕНЧИЕВ М.В. *Sintaksicheskie konstrukcii s odnorodnymi chlenami predlozheniya v karachaevsko-balkarskom nartskom epose* [Syntactic constructions with homogeneous sentence terms in the Karachay-Balkar Nart epic]. IN: *Eposovedenie*. – 2023. – № 2. – P. 5–15. DOI: 10.25587/SVFU.2023.54.72.001. (In Russ.)
- Alg'yshla, nart taurukhla, zhomak'la, zhyrla, elberle...* [Wishes, legends about narts, fairy-tales, songs, riddles...]: Readings on karachai-balkarian folklore / Collected by T.Sh. Bittirova, A.B. Gabaeva. – Nalchik: El'brus, 1997. – 344 p. (In Balk.)
- ALIEVA A.I. *Poetika i stil' volshebnykh skazok adygskih narodov* [Poetics and style of magical fairy-tales of the Adyghe peoples]. – Moscow: Nauka, 1986. – 277 p. (In Russ.)
- Balkarskie i karachaevskie skazki* [Balkarian and Karachay fairy-tales] / Edited by A. Alieva, A. Ho-laev. – Moscow: Detskaya literatura, 1983. – 112 p. (In Russ.)
- BESOLOVA E.B. *Jazyk fol'klora: semanticheskie edinicy i semioticheskie smysly* [Language of folklore: semantic units and semiotic meanings]. – Vladikavkaz: SOIGSI VNC RAN, 2023. – 287 p. (In Russ.)
- BURYKIN A.A., BASANGOVA T.G. *Tipologija kalmyckogo fol'klora* [Typology of Kalmyk folklore]. – Elista: Kalmyckij nauchnyj centr RAN, 2014. – 212 p. (In Russ.)
- ЧАРТЫКОВА Ю.И. *Volshebnyj predmet kak element syuzhetostroeniya v hakasskom heroicheskom epose* [Magic object as a plot-building element in Khakass heroic epic]. IN: *Narody Altaya v sociokul'turnom prostranstve Rossii na rubezhe epoh* [The peoples of Altai in the socio-cultural space of Russia at the eras turn]. Digest of articles dedicated to the 30th anniversary of the Altai Republic founding and the 265th anniversary of the voluntary entry Altai people into the Rus-

sian state / Executive editor N.V. Ekeev. – Gorno-Altajsk: Nauchno-issledovatel'skij institut altaistiki imeni S.S. Surazakova, 2021. – P. 541–548. (In Russ.)

CHERNOUSOVA I.P. *Fol'klorno-jazykovaja kartina mira, predstavlenaja v dialogovoj modeli (na materiale russoj volshebnoj skazki)* [Folklore-linguistic picture of the world, presented in a dialogue model (based on the Russian fairy tale)]. IN: *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2013. – № 14 (305). – P. 114–120. (In Russ.)

CHISTOBAEVA N.S. *Sredstva iscelenija i voskreshenija v geroicheskikh skazanijah hakasov* [Means of healing and resurrection in the Khakas heroic tales]. IN: *Eposovedenie*. – 2024. – № 2. – P. 53–66. DOI: 10.25587/2782-4861-2024-2-53-66. (In Russ.)

DOBROVOL'SKAYA V.E. *Predmetnye realii russoj volshebnoj skazki* [Subject realities of the Russian magical fairy-tale]. – Moscow: Gosudarstvennyj respublikanskij centr russoj fol'klora, 2009. – 224 p. (In Russ.)

EGOROVA O.A. *Specifika funkcionirovanija vody kak magicheskogo sredstva v volshebnyh skazkah* [The specifics of the functioning of water as a magical tool in fairy tales]. IN: *Filologičeskij aspekt*. – 2019. – № 5 (49). – P. 344–351. (In Russ.)

GERGOKOVA (ETEZOVA) L.S. *Jazyk karachaevo-balkarskogo geroicheskogo jeposa «Narty»* [The language of Karachay-Balkarian heroic epic «Narts»]. Nal'chik: Redakcionno-izdatel'skij otdel IGI KBNC RAN, 2015. 140 p. (In Russ.)

GERGOKOVA L.S. *Karachaevo-balkarskie skazki o zhivotnyh* [Karachay-Balkarian fairy-tales about animals]. – Nal'chik: Print Centr, 2023. – 208 p. (In Russ.)

GORJAEVA B.B. *Tradicii narodnoj mediciny v motivah volshebnoj skazki kalmykov* [Traditions of folk medicine in the motif of Kalmyk fairy-tales]. IN: *Novye issledovanija Tuvy*. – 2018. – № 4. – P. 161–177. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/812> (date of access: 20.09.2024). DOI: 10.25178/nit.2018.4.9. (In Russ.)

GULIEVA (ZANUKOEVA) F.H. *Karachaevo-balkarskaja volshebnyja skazka* [Karachay-balkarian magic fairy-tale]. – Nal'chik: Redakcionno-izdatel'skij otdel IGI KBNC RAN, 2019. – 108 p. (In Russ.)

HROLENKO A.T. *Vvedenie v lingvofol'kloristiku* [Introduction to linguistic folklore studies]. – M.: OOO «FLINTA», 2010. – 192 p. (In Russ.)

HUSAINOVA G.R. *Otrazhenie tradicionnyh celitel'skikh znanij bashkir v narodnyh skazkah* [Reflection of traditional healing knowledge of the Bashkirs in folk tales]. IN: *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2010. – № 11 (192). – P. 143–146. (In Russ.)

K"arachaj-malk"ar fol'klor: nart tauruhla, ajtyula, haparla, dzhomak"la [Karachay-balkarian folklore: Nart tales, legends, short stories, fairy-tales] / Compilation, introductory article, comments by R.A. Ortabaeva. – Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe otdelenie Stavropol'skogo knizhnogo izdatel'stva, 1987. – 344 p. (In Karach.-Balk.)

K"arachaj-malk"ar fol'klornu svodu. 3-chyju tom. K"arachaj-malk"ar zhomak" [The set of karachay-balkarian folklore. Vol. 3. Karachay-balkarian fairy-tale] / Executive editor H.H. Malkonduev. Nalchik: Redakcionno-izdatel'skij otdel IGI KBNC RAN, 2017. 990 p. URL: <http://www.kbigi.ru/fmedia/3-Свод-карач-балк-фольк.pdf> (date of access: 20.09.2024). (In Karach.-Balk. and in Russ.)

K"arachaj-malk"ar zhomak"la, tauruhla, ajtyula [Karachay-balkarian fairy-tales, legends, legends]: In 2 volumes. – Vol. 2 / Compilation, foreword by T.M. Hadzhieva. – Nal'chik: El'-Fa, 2003. – 472 p. (In Karach.-Balk.)

Karachaevskie i balkarskie narodnye skazki [Karachay and Balkarian folk fairy-tales] / Compiled by H. Laipanov. – Frunze: Kirgizskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1957. – 88 p. (In Russ.)

KETENCHIEV M.B., APPOEV A.K., MIZIEV A.M. *Strukturno-semanticheskie i jetnokul'turnye osobennosti karachaevo-balkarskikh paremicheskikh vyskazyvanij s zookomponentom it «sobaka»* [Structural-semantic and ethnocultural features of karachay-balkarian paremic statements with the zoo component it «dog»]. IN: *Elektronnyj zhurnal «Kavkazologija»*. – 2024. – № 1. – P. 294–306. DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-294-306. (In Russ.)

Malk"ar halk" zhomak"la [Balkarian folk fairy-tales] / Compiled by S.A. Otarov. – Vol. II. – Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1963. – 324 p. (In Balk.)

Malk"ar halk" zhomak"la [Balkarian folk fairy-tales] / Compiled by Z.M. Ulakov. – Nal'chik: El'brus, 1989. – 112 p. (In Balk.)

Malk"ar halk" zhomak"la [Balkarian folk fairy-tales] / Compiled by S.M. Mottaeva. – Nal'chik: El'brus, 1992. – 188 p. (In Balk.)

Malk"ar zhomak"la, nart syozle, elberle [Balkarian fairy-tales, proverbs, riddles] / Collected by A.H. Sottaev. – Nalchik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1959. – 268 p. (In Balk.)

MALKONDUEV H.H. *Karachaevo-balkarskaya narodnaya skazka* [Karachay-balkarian national fairy-tale]. – Nalchik: Izdatel'skij otdel IGI KBNC RAN, 2017. – 184 p. (In Russ.)

PETRENKO O.A. *Etnicheskiy mentalitet i jazyk fol'klora* [Ethnic mentality and language of folklore]. – Kursk: Kurskij pedagogicheskiy universitet, 1996. – 118 p. (In Russ.)

PROPP V.YA. *Istoricheskie korni volshebnoj skazki* [Historical roots of magic fairy-tale] / Compilation, scientific editing, textual commentary by I.V. Peshkov. – Moscow: Labirint, 2014. – 332 p. (In Russ.)

SOKAEVA D.V. *Kul'tovaja osnova osetinskogo fol'klora: eksperimental'noe issledovanie na materiale nesказочной прозы* [The cult basis of Ossetian folklore: an experimental study, based on non-fairy-tale prose]. – Vladikavkaz: SOIGSI VNC RAN, 2014. – 168 p. (In Russ.)

URUSBIEVA F.A. *Karachaevo-balkarskaja skazka. Voprosy zhanrovoj tipologii* [Karachay-Balkarian fairy-tale. Questions of genre typology]. – Vladikavkaz: IPO SOIGSI, 2010. – 128 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Ф.Х. Гулиева – кандидат филологических наук.

Information about the author

F.H. Gulieva – PhD (in Philology).

Статья поступила в редакцию 12.10.2024 г.; одобрена после рецензирования 12.12.2024 г.; принята к публикации 27.12.2024 г.

The article was submitted 12.10.2024; approved after reviewing 12.12.2024; accepted for publication 27.12.2024.

Научная статья

УДК 811.512.142

DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-388-400

EDN: UVQIJY

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С СОМАТИЗМОМ БАУУР
В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ**

Мариям Ахматовна Ахматова¹, Кучмезов Асланбий Мажирович²

^{1,2} Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.

¹ mari.ahmatova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0507-395X>

² kuchmezov1995@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-2128-4276>

Аннотация. В статье рассматриваются особенности функционально-семантической организации фразеологизмов карачаево-балкарского языка с соматизмом бауур «печень». Проведенный анализ фразеологических единиц исследуемого фразеосемантического поля, содержащих в своем составе соматизм бауур «печень», в свою очередь, позволяет сделать вывод об универсальности и национальном своеобразии исследуемых единиц. Фразеологизмы с соматической составляющей наиболее точно описывают различные стороны деятельности человека. Анализ языкового материала также дает возможность сделать вывод о том, что для соматических фразеологических единиц характерны цельность значения, образность, эмоциональность, экспрессивность и т.д. В большинстве своем соматические фразеологические единицы представлены глагольными оборотами. Выявлено, что фразеологизмы с компонентом бауур в карачаево-балкарском языке широко используются для выражения различных эмоционально-экспрессивных значений. Также установлено, что бауур является компонентом значительного количества соматических фразеологических единиц, которыми репрезентируются такие универсальные категории, как состояние, черты характера, отношение, восприятие, движение, поведение.

Ключевые слова: карачаево-балкарский язык, антропоцентризм, соматизм, бауур «печень», фразеологическая единица, фразама.

Благодарности и финансирование: «Исследование выполнено при финансовой поддержке внутреннего гранта КБГУ (Договор № 13)».

Для цитирования: Ахматова М.А., Кучмезов А.М. Функционально-семантическая характеристика фразеологизмов с соматизмом *бауур* в карачаево-балкарском языке // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 4. – С. 388-400. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-388-400. EDN: UVQIJY.

© Ахматова М.А., Кучмезов А.М., 2024

Original article

FUNCTIONAL AND SEMANTIC CHARACTERISTICS OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE BAUR SOMATISM IN THE KARACHAY-BALKAR LANGUAGE

Mariam A. Akhmatova¹, Aslanbiy M. Kuchmezov²

^{1,2} Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia.

¹ mari.ahmatova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0507-395X>

² Kuchmezov1995@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-2128-4276>

Abstract. The article examines the features of the functional and semantic organization of phraseological units of the Karachay-Balkar language with the somatism baur "liver". The analysis of the phraseological units of the phraseosemantic field under study, which contain the somatism baur "liver", in turn, allows us to conclude about the universality and national identity of the studied units. Phraseological units with a somatic component most accurately describe various aspects of human activity. The analysis of the linguistic material also makes it possible to conclude that integrity of meaning, imagery, emotionality, expressiveness, etc. characterizes somatic phraseological units. For the most part, verbal turns represent somatic phraseological units. It is revealed that phraseological units with the baur component in the Karachay-Balkar language are widely used to express various emotional and expressive meanings. It is also established that baur is a component of a significant number of somatic phraseological units that represent such universal categories as condition, character traits, attitude, perception, movement, behavior.

Keywords: Karachay-Balkar language; anthropocentrism; somatism; baur "liver", phraseological unit; phraseme.

Acknowledgements and funding: The study was conducted with the financial support of an Internal grant from KBSU (Agreement no. 13).

For citation: Akhmatova M.A., Kuchmezov A.M. Functional and semantic characteristics of phraseological units with the baur somatism in the Karachay-Balkar language. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 4. – P. 388-400. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-388-400. EDN: UVQIY.

© Akhmatova M.A., Kuchmezov A.M., 2024

Введение

В современной науке о языке доминирующая роль отводится антропоцентрической парадигме, представляющей собой принцип исследования языковых явлений в безусловной связи языка и человека, создавшего его. Антропоцентрической парадигме характерно изучение человека в его многогранном взаимоотношений с окружающим миром. Под новым ракурсом стали рассматриваться различные языковые явления, в том числе фразеологизмы, отражающие человеческие отношения. «Антропоцентрическая составляющая ощущается во всем, что связано с человеком. <...> Антропоцентризм понимается как мировоззрение, которое и определяет человека как некую меру объектов окружающего мира» [Шестакова, Юздова 2019: 204].

Исследователи неслучайно обращают свое внимание на фразеологизмы-соматизмы или фраземы, связанные с телом и органами человека. В большин-

стве своем таким фразеологизмам характерно выражение представлений этноса о пространственно-временном континууме. В.А. Маслова отмечает, что «в восприятии пространства носителями русского языка эталоны расположения в пространстве зачастую устанавливаются при активном участии соматических идиом» [Маслова 2007: 95]. Довольно часто такие фразеологизмы отмечены феноменом переключивания, когда фразеологической единице характерны и эмоционально-экспрессивная окрашенность, и принадлежность к определенному тематическому полю.

Фразеологические единицы, как и слова, имеют сложную семантическую структуру, которую составляют «доминанта, интегральная сема и дифференциальные семы, по сходству значений они образуют семантические микрополя. Сходство их определяется наличием общих интегральных и дифференциальных сем, а также наличием общей доминанты, в роли которой выступает главное слово. Эти семантические микрополя можно выделить и проанализировать на примере семантических фразеологических полей, объединенных доминантой-соматизмом, словом, обозначающим части человеческого тела...» [Карпухина, Строганова 2016: 100-101]. Используя наименования частей тела человека или животного в переносном значении, «люди более полно передают свои мысли и чувства, поэтому названия частей тела являются важным объектом исследования современной лингвистики» [Исакова 2012: 147].

Фразеологизмы с соматическими составляющими возникли в языке в результате метафорической интерпретации значений различных дескрипций, аккумулирующих в себе лингвокультурные представления социума об окружающей действительности.

В результате фразеологическое и лексическое значения в некотором плане могут быть соотнесены по ряду признаков и иметь относительно близкие характеристики, но следует отметить, что они являются сложными смысловыми образованиями с различной семасиологической ценностью, «удельный вес данных макрокомпонентов в структурах лексического и фразеологического значений не совпадает: ведущая роль в лексическом значении принадлежит денотативно-сигнификативному компоненту, на который могут наслаиваться различные коннотативные семы. Лексическое значение элемента фраземы постепенно уступает место коннотации. Основное предназначение фразеологических единиц – эмоционально-экспрессивное воздействие – определяет главенствующую роль компонентов коннотации, которая является семантической доминантой и изначальной системной характеристикой основного ядра фразеологического корпуса» [Абрамова 2005: 107-108]. Отсюда следует, что фразеологизмы более значимы в коммуникативном отношении, так как заполнены большим объемом информации, нежели лексические единицы.

Компонент фразеологизма есть слово, «с претерпевшим качественные изменения значением как системой сем и сохраняющее внешнюю, формальную отдельность слова, которое не может выступать самостоятельно в качестве обозначения или члена предложения» [Аверина, Болдырева 2013: 12]. Необходимость изучения фразеологизмов с компонентом-соматизмом продиктована универсальными особенностями фразеологических единиц данного типа, которые

обозначают части тела (как внешние, так и внутренние органы) и составляют весьма обширный пласт фразеологизмов, изучению которых посвящены работы таких ученых, как Н.Ф. Алефиренко, А.Г. Абрамова, Н.О. Назарова, В.Н. Телия, Р.Х. Хайруллиной, Р.М. Вайнтрауба, Ф.О. Вакка, Ю.А. Долгополова, А.В. Дыбо, Э.М. Мордковича, Р.Ю. Мугу, М.Г. Букуловой, М.Д. Чертыковой, Т.А. Бердниковой и др.

В карачаево-балкарском языке данный фрагмент лексики не раз становился объектом специального исследования [Башиева 1993; Гузеев, Мизиев 2013; Гузеев, Улаков 2010 и др.], а соматические фразеологизмы рассмотрены в работах З.А. Лайпановой [Лайпанова 2007] и С.М. Хуболова [Хуболов 2015а; Хуболов 2015б]. Они также представлены в некоторых статьях лингвокультурологической направленности [Ахматова, Додуева, Кетенчиев 2021; Ахматова, Кучмезов 2024].

Как было выше сказано, существенной и безусловно значимой частью фразеологического фонда является соматическая фразеология, которая обладает немалым «удельным весом» в лексическом пласте любого языка. Так, в карачаево-балкарском языке довольно большую группу составляют фразеологические единицы, отличительной чертой которых является наличие в их структуре лексемы, обозначающей часть тела человека или животного. Такие фразеологизмы представляют собой довольно древний пласт языка, они «так же древни, как и само человеческое сознание» [Белявский 1997: 19].

Фразеологизмы-соматизмы используются «в качестве метафорических универсалий, так как при назывании нового объекта у человека возникает ассоциация, прежде всего, с тем, что ему хорошо знакомо, что постоянно находится при нем» [Федорова, Никонюк 2012: 82]. Иначе говоря, все, что окружает человека, познается им через его ассоциации, а «наиболее древним кодом культуры является соматический (телесный), поскольку человек начал постигать окружающий мир с познания самого себя, считая себя частью окружающего мира, но в то же время стараясь отделить себя от него и сохранить свое личное пространство» [Воробьева 2014: 105].

Соматизмы в карачаево-балкарском языке, как и во многих тюркских языках, характеризуются высокой частотностью употребления, они подвержены метафоризации, обладают богатым фразеобразовательным потенциалом, составляют самую многочисленную группу среди всех тематических групп, так как они обозначают человека, его психофизическое состояние, умственные способности, характер, поведение и т.д.

Следует отметить, что в карачаево-балкарском языке анализу подверглось большинство соматических фразеологических единиц, в состав которых были включены названия наружных частей тела человека, так как они более наглядны и доступны для наблюдения: *баиш* «голова», *кьол* «рука», *аякъ* «нога», *кёз* «глаз», *жюрек* «сердце», *жан* «душа», но фразеологические единицы с менее продуктивными компонентами, как *бауур* «печень», *тил* «язык», *табан* «пятка», *кьарын* «живот», *мангылай* «лоб» и т.д. еще не были предметом исследования в языке. Таким образом, актуальность работы обусловлена неполным изучением спектра фразеологических единиц, в частности, с компонентом-

соматизмом *бауур* «печень» в карачаево-балкарском языке в семантическом и прагматическом аспектах.

Цель работы – выявить и описать функционально-семантические особенности фразеологизмов с компонентом *бауур* «печень» в карачаево-балкарском языке. Значения некоторых фразеологических единиц возможно раскрыть только в результате расширенного анализа, так как их первичные значения могут быть выявлены лишь в результате комплексного изучения истории и языка народа. Для этого нами был использован собственно лингвистический анализ, который дает возможность осветить лексико-семантический и словообразовательный потенциал соматизма *бауур* в системе карачаево-балкарского языка. Фактическим материалом для анализа послужили иллюстративные тексты из карачаево-балкарских художественных произведений.

Основная часть

Фразеологический фонд языка является богатейшим наследием народа, в котором заключены многовековой народный опыт, мудрость и специфика национального мировоззрения, миропонимания, что является важным элементом любой традиционной культуры. В содержании фразеологических единиц прослеживается универсальность менталитета народа. Они, выступая «этнокультурными маркерами, формируют этнокогнитивную картину мира, в которой находит свое отражение специфика национальной культуры, уникальность ее образов, ассоциаций, традиций, символов, стереотипов и ментальных установок» [Буянова 2017: 288–289]. Таким образом, фразеологизм следует рассматривать «как уникальный языковой знак, выступающий вербально-ментальным средством концептуализации мира» [Авдышева, Буянова 2012: 98], а «направленность и специфика самой концептуализации культурно, ментально и социально детерминированы» [Буянова 2017: 289]. К наиболее важным положениям современной лингвистики относится постулат о том, что каждому языку присущи свои способы категоризации мира [Taylor 1989].

В карачаево-балкарском языке *бауур* «печень», являясь компонентом фразеологизмов, в некоторых своих значениях может проявлять себя как эквивалент сердца (жюрек), души (жан), груди (кёкюрек, ёшюн). Данные лексемы (*бауур*, *жюрек*, *жан*, *кёкюрек*) в определенной степени употребляются как синонимы. *Жашчыгъын баууруна къысып, башчыгъын сылады* [Кациев 1964: 75] «Прижав сына к груди, погладил (его) по голове». *Болса да, анга суймеклигимми жылыуун бауур тубюмде сезерча, мен да аны излейме* [Кациев 1964: 82] «Любовь к нему я хочу ощутить сердцем, душой). – *Не ашарыкъса, ненг ауруйду? – деп, анасы баууруна къысады* [Нарты 1994: 128] «– Что (ты) хочешь поесть, что (у тебя) болит? – спросила мать и прижала к груди». *Аны жарсыуу – жарсыуумду, баууру – бауурумду* [Кагиева 1988: 327] «Его печаль – моя печаль, его душа – моя душа».

Соматизм *бауур* «печень» в карачаево-балкарском языке преимущественно сочетается с глаголом, «который подвергается метафоризации, даже в том случае, когда он может сочетаться с глаголом, семантически близким ему по значению, или может сочетаться с глаголом, логически несочетаемым. Однако,

подвергнувшись полной метафоризации, соматические фразеологические единицы выражают семантически неразложимое единство» [Карпухина, Строганова 2016: 101]. Лексема *бауур*, сочетаясь с глаголами *уургъа* «успокоиться», *тишлерге* «грызть», *къапланыргъа*, *жапланыргъа* «навалиться» и др., образует фразеологические единицы «с ярко выраженным эмоционально-экспрессивным колоритом» [Абубакирова, Кульбердина 2015: 341]. Они, являясь своеобразными показателями ментальности этнической общности, по-своему раскрывают особенности духовной культуры народа, отражают явления внутреннего мира и душевного состояния человека. Им присущи ассоциативные значения, позволяющие выявить особенности характера носителя языка, а также играют немаловажную роль в репрезентации различных эмоций и душевного состояния человека, его моральных качеств и выражают следующие значения:

1. ФЕ, выражающие беспокойство: *бауурун тишлерге* (букв. есть печень): – *Мени баууруму бир зат тишлейди: ала бизге этмеген не зат барды? Ала бизге этмеген не зат къалгъанды? Бюгюн да эки кёзюбюзню бирин чыгъарыб алалсала, аярыкъ тюл эдиле* [Кагиева 1988: 185] «– Что-то гложет мое сердце: что только они нам не сделали? И сегодня, если смогли бы выколоть наш глаз, (они бы) не пожалели».

2. ФЕ, выражающие страдание: *бауурун чайнаргъа* (букв. жевать печень): *Джюрек тамырлары бурула, эндиге дери эслемеген, къуру бюгюн сезген бир къоркъуулу зат бауурун талаб, чайнаб онгсуз этсе, ызына айланыб эсин джыйдыра эди* [Кагиева 1988: 137] «Что-то не знакомое, неведомое до сих пор вначале заставляло его страдать, а следом приводило в чувства».

3. ФЕ, выражающие обязательность чего-либо: *баууру бла барыргъа* (букв. идти с печенью), *баууру бла этерге* (букв. сделать (вместе) с печенью): – *Мен партия айтханнга бауурум бла да барлыкъма! – деди Мазан* [Залиханов 1962: 75] «– Если партия прикажет, я ничком поползу». – *Сау бол, сен борчунгдан къутулдунг, – деб, Къанаматны аманатын айтханлай, Къасымны сагъыш басханын эслеб: – Мен керекли зат бар эсе, айт, бауурум бла эт десенг да, этерикме, – деди* [Аппаев 1986: 220] «– Спасибо, ты выполнил свой долг, – как только передал завещание Канамата, и, заметив, что Касым задумался, сказал: – Если есть от меня зависящее, скажи, я выполню это любой ценой».

4. ФЕ, выражающие повинование: *бауурун жерге къапларгъа* (букв. бросить печень на землю): *Жулдузну арбазда эследим, кёз къыйырым бла къарагъан болмаса, эс бурмагъан кибик этип, «кёрейим энди уа сени, мен сени суйдюрюп, бауурунгу жерге къапламасам, мыйыгъым жокъду», – деп, къаты бла озуп тебиредим* [Кациев 1964: 106] «Краем глаза во дворе заметил Жулдуз, делая вид, что не вижу, начал проходить мимо, говоря, «посмотрим, если я тебя не влюблю в себя, я не я».

5. ФЕ, выражающие способность воспринять что-либо: *баууру бла эшитирге* (букв. слышать печенью): *Окъ тийген эсе, мен нек ёлмейме, не бир затым нек ачымагъанды деди жашчыкъ ичинден. Кеси-кесине тынгылады, баууру бла жерни сууукълугъун эшитди* [Толгуров 1993: 182] «Если в меня попала пуля, почему я не умер, почему ничего у меня не болит, сказал мальчик про себя. (Он) прислушался к себе и почувствовал холод всем нутром».

6. ФЕ, выражающие состояние: *Мал аякъ ызлада суу тамычылагъа къапланыб, кюйюб баргъан бауурларын сууутургъа дыгалас этиб, суу бойнуна сюркелиб бара да джеталмай, джерни тырнаб, термелиб, суу кюсеб ёлгенле* [Кагиева 1988: 95] «Чтобы охладить сгорающий от жажды организм, пытаюсь доползти до воды, царапаясь и мучаясь, припав к каплям воды в углублениях от следов скотины, от жажды умершие».

7. ФЕ, выражающие способность горевать: *Ёлюкле-ёлюкле-ёлюкле деб, сарнаб къысады Теберди къобаны да аны кесини бушуулу баууруна, ёлюкле-ёлюкле-ёлюкле деб, джерге джууукълашыргъа къоркъгъанча кёрюнедиле кёкде булутла* [Кагиева 1988: 96] «Говоря трупы-трупы-трупы, река Теберда, причитая, притягивает его к своей печальной груди, говоря трупы-трупы-трупы, кажется, что облака боятся приблизиться к земле».

8. ФЕ, выражающие спокойствие: *бауур уюгъанча* (букв. застыть, как печень): *Адамла бауур уюгъанча шошайыр ючюн, бойсунмагъанланы не кюн сакълагъанын кёргюзтурге керекди* [Шаваева 1988: 83] «Чтобы люди успокоились, притихли, нужно показать, что ждет тех, кто не подчинится».

9. ФЕ, выражающие действие: *бауурун салыргъа* (букв. положить печень): *Ала да, итден туугъанла, алайгъа бауурларын салып, кеслерин эмчек къарындашла этип тохтагъандыла* [Кациев 1964: 139] «Они тоже, сучьи дети, обосновались там, выдавая себя за молочных братьев».

10. ФЕ, выражающие различные формы движения:

а) ползать:

баууру бла сюркелирге (букв. ползти на печени): – *Гранатланы хазырла да, бир кесекден мени ызымдан тебирерсе, – дей, Ортабай баууру бла сюркелип, бирси жанына тебиреди* [Гадиев 1982: 383] «Приказав подготовить гранаты, и через некоторое время последовать за ним, Ортабай ничком пополз в сторону»;

баууру бла жерни сибирирге (букв. подметать печенью землю): *Стражникле Биймурзагъа джууаб этерге къоркъуб, дорбуннга туура джерде бауурлары бла джерни сибире кетдиле* [Аппаев 1986: 295] «Стражники, испугавшись возразить Биймурзе, поползли ничком недалеко от пещеры»;

б) лежать на животе: *бауурун жерге берирге* (букв. отдать печень земле), *бауурун берирге* (букв. отдать печень), *бауур тёбен жатаргъа* (букв. лечь на печень): *Таулада эртденнгиси сууукъ болуб, экинчи кюн тийиб къыздырса, малыны, адамны да джукъусу келиб, джерге бауур бериб, къалкъыргъа бек сюеди* [Аппаев 1986: 23] «Когда в горах утро бывает холодным, а после этого солнце сильно припекает, и скот, и людей начинает клонить ко сну, очень хочется прилечь и немного поспать». *Мен чабыб барыб, бауурун джерге бериб, башын билегине салыб, джукълаб тургъан Къочхарны уятыб: – Къочхар, Къочхар, ёгюзлерибизни сюрюб барадыла, – дедим* [Салпагаров 2009: 5] «Я побежал и разбудил лежащего ничком, положив голову на локоть, спящего Кочкара и сказал: – Кочкар, Кочкар, угоняют наших волов». *Онг къолунда керохун да Зухурагъа айландырып, башы да кир марля бла байланган, танкист кийимлери бла биреулен нартюх ичинде бауур тёбен жатып тура эди* [Кучинаев 1991: 130] Направив (свой) пистолет на Зухуру, с грязной марлевой повязкой на голове, в форме танкиста кто-то лежал ничком в кукурузе»;

в) окутать что-л.: *бауурун жерге салыргъа* (букв. положить печень на землю): *Жарым сагъат мындан алда толу ай тегерекни кюнча жарытып, тасхачылагъа да ташала бла келирге тюшген эсе да, энди уа, танг аласына ёзен туман жетип, бауурун жерге салып тохтагъанды* [Кучинаев 1991: 75] «Если до этого полная луна освещала все вокруг и разведчикам пришлось идти окольными путями, то теперь к утру туман окутал все вокруг»;

г) наклониться: *бауур тебен болургъа* (букв. наклониться вниз): *Адрах бауур тебен болду, сора, агъачда кёрюннгенлени ызларындан чабаргъа хазырланганча, теьрт аякъланды, артха къарады* [Гадиев 1982: 284] «Адрах упал ничком, затем, словно готовящийся побежать вслед за людьми, которых заметил в лесу, сел на четвереньки и обернулся назад»;

д) упасть ничком: *бауур тебен тюшерге, бауурдан тюшерге, бауур тебен ауаргъа* (букв. упасть на печень), *бауурундан къапаныргъа* (букв. навалиться на печень), *бауурундан жапланыргъа* (букв. навалиться на печень), *бауурдан тиерге* (букв. удариться печенью): *Солдатны жанында бауур тебен тюшюп тургъан тиширьу ёлюкню сары чачын теьбенги желчик акъырын тарайды* [Кучинаев 1991: 73] «Тихий ветерок ласкает светлые волосы убитой, навзничь лежащей возле солдата женщины». *Бир киши отуннга ол къаягъа баргъанды. Бир заманда киши бир жылагъан таууш эшитгенди. Къараса: ол жерде бауур теьбен тюшюп, къыз жылай болгъанды* «Пошел один мужик за дровами в гору. Вдруг услышал мужик плачь. Смотрит: упав навзничь, плачет девушка». *Таулан тентирей барыб, арлакъда тоь окъ къазгъан чунгургъа бауурундан тюшдю* [Салпагаров 2009: 46] «Таулан шел, шатаясь, и невдалеке упал в воронку, прорытую бомбой». *Жерде уа – бауурундан къапанып, бир къара киши!* [Токумаев 2009: 172] «А на земле плашмя лежал смуглый мужчина». *Азрет диваннга бауурундан жапланды* [Токумаев 2009: 172] «Азрет лёг ничком (лицом вниз) на диван». *Аладан бирлери уа ёрге чыгъа кетиьб, ачы таууш этиьб, кём-кёк гелеуге барыьб бауурундан тийген эди* [Хубиев 1976: 69] «Один из них, поднимаясь вверх, ничком грохнулся на зеленую траву»;

е) отодвинуться от чего-либо: *бауурун артха алыргъа* (букв. взять печень обратно (отодвинуться)): *Бауурларын столдан артха алып, Мырзабекни аузундан не чыгъады деп, аны бетине къарап тохтагъанла шош болдула* [Гуртуев 1970: 92] «Отодвинувшись от стола, все притихли, чтобы послушать Мырзабека».

Таким образом, рассматриваемый нами соматизм *бауур* «печень» относится к древнейшему пласту лексики карачаево-балкарского языка. Соматизм *бауур* обладает большим фразеобразующим потенциалом, устойчивостью, высокой частотностью употребления. Фразеологические единицы с компонентом-соматизмом *бауур* «печень», представляя собой источник концептуализации как внутреннего, так и внешнего мира человека, выражают различные психические, физические и эмоциональные состояния, такие, как беспокойство, страдание, повинование, спокойствие и др.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова 2005 – Абрамова А.Г. Фразеологические единицы с компонентами-соматизмами в разноструктурных языках (на материале русского и чувашского языков): дисс. ... канд. филол. наук. – Чебоксары, 2005. – 181 с.

Абубакирова, Кульбердина 2015 – *Абубакирова З.Г., Кульбердина Я.Г.* Күңел, йән, кот, бауыр как составляющие единицы духовного соматического кода в башкирской и персидской фразеологии // Мир науки, культуры, образования. – 2015. – № 2 (51). – С. 339–341.

Авдышева, Буянова 2012 – *Авдышева Е.Г., Буянова Ю.Л.* Фразеологизм как вербально-ментальное средство концептуализации мира: этнокогнитивный аспект // Филологические науки. «Культурная жизнь Юга России». – 2012. – № 4 (47). – С. 98–101.

Аверина, Болдырева 2013 – *Аверина М.А., Болдырева Е.И.* Соматизм как компонент фразеологической единицы русского и английского языков // Альманах современной науки и образования. – 2013. – № 6 (73). – С. 11–13.

Аппаев 1986 – *Аппаев Х.А.* Къара кюбюр /Черный сундук/. – Черкесск, 1986. – 323 с. (кар.-балк. яз)

Ахматова, Додуева, Кетенчиев 2021 – *Ахматова М.А., Додуева А.Т., Кетенчиев М.Б.* Вербализация концепта "къыш" (зима) в карачаево-балкарской языковой картине мира // Полилингвильность и транскультурные практики. – 2021. – Т. 18. – № 2. – С. 153-164.

Ахматова, Кучмезов 2024 – *Ахматова М.А., Кучмезов А.М.* Особенности репрезентации концепта *бауур* в карачаево-балкарской языковой картине мира // Электронный журнал "Кавказология". – 2024. – № 3. – С. 374-386.

Башиева 1993 – *Башиева С.К.* Вариантность в карачаево-балкарской фразеологии // Вопросы лексикологии и грамматики карачаево-балкарского языка. – Нальчик: Кабардино-Балкарский институт истории, филологии и экономики, 1993. – С. 50-58.

Белявский 1997 – *Белявский С.Н.* Фразеологизмы говорят о многом. Образная фразеология немецкого языка. – Минск: Высшая школа, 1997. – 222 с.

Буянова 2017 – *Буянова Л.Ю.* Фразеология как культурный код познания и духовное наследие предков // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2017. – Т. 15. – № 3. – С. 285–298. DOI 10.22363/2313-2264-2017-15-3-285-298.

Воробьева 2014 – *Воробьева Л.Б.* Символические смыслы соматизма язык в русских и литовских пословицах // Вестник Новгородского государственного университета. – 2014. – №77. – С. 105–107.

Гадиев 1982 – *Гадиев И.* Нарт уя /Гнездо нартов/. – Нальчик: Эльбрус, 1982. – 440 б. (кар.-балк. яз)

Гузеев, Мизиев 2013 – *Гузеев Ж.М., Мизиев А.М.* Фразеологизация свободных словосочетаний и предложений в карачаево-балкарском языке. – Нальчик, 2013. – 190 с.

Гузеев, Улаков 2010 – *Гузеев Ж.М., Улаков М.З.* Фразеология современных тюркских языков и проблемы ее словарной разработки // В пространстве языка и культуры: звук, знак, смысл. сборник статей в честь 70-летия В. А. Виноградова. Сер. "Studia philologica" Российская академия наук, Институт языкознания. – Москва, 2010. С. 179-187.

Гуртуев 1970 – *Гуртуев Б.* Жангы талисман /Новый талисман/. – Нальчик: Эльбрус, 1970. – 448 с. (кар.-балк. яз).

Залиханов 1962 – *Залиханов Ж.* Тау къушла /Горные орлы/. – Нальчик, 1962. – 396 с. (кар.-балк. яз).

Исакова 2012 – *Исакова С.С.* Этнокультурная специфика фразеологических единиц сферы человеческих отношений с компонентом-соматизмом «соеиг» // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2012. – № 3 (032). – С. 147–149.

Кагиева 1988 – *Кагиева Н.* Тейри жарыкъ /Свет Тейри/. – Черкесск: Ставропольское книжное издательство: Карачаево-Черкесское отделение, 1988. – 432 с. (кар.-балк. яз).

Карпухина, Строганова 2016 – *Карпухина Н.М., Строганова И.И.* Структурно-семантические особенности соматических фразеологических единиц, обозначающих части тела человека // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 7(61). – Ч. 3. – С. 100-103.

Кациев 1964 – *Кациев Х.* Мухаммат. – Нальчик: Каббалкнациздат, 1936 (тип. им. Революции 1905 г.), 1964. – 244 с. (кар.-балк. яз)

- Кучинаев 1991 – *Кучинаев А.* Жашауну шорхасы /Водовороты жизни/. – Нальчик: Эльбрус, 1991. – 256 с. (кар.-балк. яз)
- Лайпанова 2007 – *Лайпанова З.А.* Структурно-семантические особенности фразеологических единиц с соматическим компонентом в карачаево-балкарском языке в сопоставлении с русским: автореф. дис. ... канд.филол.наук. – Махачкала, 2007. – 24 с.
- Маслова 2007 – *Маслова В.А.* Введение в когнитивную лингвистику. – М.: Флинта, 2007. – 396 с.
- Нарты 1994 – *Нарты: героический эпос балкарцев и карачаевцев / сост. Р. А.-К. Ортабаева и др.; пер. текстов Т. М. Хаджиевой, Р. А.-К. Ортабаевой].* – Москва: Наука, 1994. – 654 с.
- Салпагаров 2009 – *Салпагаров Р.* Къарачайны тулпарлары, гёджеблери /Силачи, борцы Карачая/. – Карачаевск, 2009. – 103 с. (кар.-балк. яз)
- Токумаев 2009 – *Токумаев Ж.* Кюлкючю Чонай /Насмешник Чонай/. – Нальчик: Эльбрус, 2009. – 192 с. (кар.-балк. яз)
- Толгуров 1993 – *Толгуров З.Х.* Кёк гелеу /Голубой типчак/. – Нальчик: Эльбрус, 1993. – 392 с. (кар.-балк. яз)
- Федорова, Никонюк 2012 – *Федорова М.А., Никонюк М.С.* Фразеологические соматизмы как средство вторичной номинации лексико-семантической системы немецкого языка // Журнал Гродненского государственного медицинского университета. – 2012. – № 3. – С. 81–84.
- Хубиев 1976 – *Хубиев О.* Туугъан жерим /Родная земля/. – Черкесск, 1976. – 87 с. (кар.-балк. яз)
- Хуболов 2015а – *Хуболов С.М.* Функционально-семантический потенциал фразеологических единиц с компонентами жан "душа" и юзюк "сердце" в карачаево-балкарском языке // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2015. – № 5 (67). – С. 232–236.
- Хуболов 2015б – *Хуболов С.М.* Структура и семантика предложений с предикатами, выраженными фразеологическими единицами с соматизмом кёз (глаз) в карачаево-балкарском языке // Известия Кабардино-Балкарского государственного университета. – 2015. – Т. 5. – № 4. – С. 58–61.
- Шаваева 1988 – *Шаваева М.* Тейри жарыгъы /Северное сияние/. – Нальчик: Эльбрус, 1988. – 305 с. (кар.-балк. яз)
- Шестакова, Юздова 2019 – *Шестакова Е.В., Юздова Л.П.* Антропоцентризм как принцип исследования лексических и фразеологических единиц русского языка // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. – 2019. – № 6 (428). – Вып. 117. – С. 203–209.
- Taylor 1989 – *Taylor J.R.* Linguistic Categorization. Prototypes in linguistic theory. – Oxford: Clarendon Press, 1989. – 310 p. (карач.-балк. яз).

REFERENCES

- ABRAMOVA A.G. *Frazeologicheskie edinicy s komponentami-somatizmami v raznostrukturnyh jazykah (na materiale russkogo i chuvashskogo jazykov): diss. ... k.f.n.* [Phraseological units with somatic components in different structural languages (based on the material of the Russian and Chuvash languages)]. – Cheboksary, 2005. – 181 p. (In Russ.).
- ABUBAKIROVA Z.G., KUL'BERDINA JA.G. *Күңел, јән, кот, бауыр как sostavljajushhie edinicy duhovnogo* [Soul, soul, happiness, liver as constituent units of the spiritual somatic code in Bashkir and Persian phraseology]. IN: *Mir nauki, kul'tury, obrazovanija.* – 2015. – № 2 (51). – P. 339–341. (In Russ.).
- AVDYSHEVA E.G., BUJANOVA JU.L. *Frazeologizm kak verbal'no-mental'noe sredstvo konceptualizacii mira: jetnokognitivnyj aspekt* [Phraseologism as a verbal-mental means of conceptualizing the world: an ethnocognitive aspect]. IN: *Filologicheskie nauki. «Kul'turnaja zhizn' Juga Rossii».* – 2012. – № 4 (47). – P. 98–101. (In Russ.).
- AVERINA M.A., BOLDYREVA E.I. *Somatizm kak komponent frazeologicheskoj edinicy russkogo i anglijskogo jazykov* [Somatism as a component of the phraseological unit of the Russian

and English languages]. IN: Al'manah sovremennoj nauki i obrazovanija. – 2013. – № 6 (73). P. 11–13. (In Russ.).

APPAEV H.A. *Kara kjubjur /Chernyj sunduk/*. [Black chest]. – Cherkessk, 1986. – 323 p. (In Kar.-balk.).

AHMATOVA M.A., DODUEVA A.T., KETENCHIEV M.B. Verbalizacija koncepta "k"ysh" (zima) v karachaevo-balkarskoj yazykovoj kartine mira [Verbalization of the concept "k"ysh" (winter) in the Karachay-Balkarian linguistic picture of the world]. IN: // Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki. – 2021. – T. 18. – № 2. – P. 153-164. (In Russ.).

AHMATOVA M.A., KUCHMEZOV A.M. Osobennosti reprezentacii koncepta bauur v karachaevo-balkarskoj yazykovoj kartine mi-ra [Features of the representation of the concept bauur in the Karachay-Balkar linguistic picture of the world]. IN: Elektronnyj zhurnal "Kavkazologiya". – 2024. – № 3. – P. 374-386. (In Russ.).

BASHIEVA S.K. *Variantnost' v karachaevo-balkarskoj frazeologii* [Variation in Karachay-Balkar phraseology]. IN: Voprosy leksikologii i grammatiki karachaevo-balkarskogo jazyka. – Nal'chik, 1993. – P. 50-58. (In Russ.).

BELJAVSKIJ S.N. *Frazeologizmy govoryat o mnogom. Obraznaja frazeologija nemeckogo jazyka* [Phraseological units speak volumes. Figurative phraseology of the German language]. – Minsk: Vysshaja shkola, 1997. – 222 p. (In Russian.) BUJANOVA L.JU. Frazeologija kak kul'turnyj kod poznanija i duhovnoe nasledie predkov [Phraseology as a cultural Code of cognition and the spiritual heritage of ancestors]. IN: Vestnik RUDN. Serija: Russkij i inostrannye jazyki i metodika ih prepodavaniya. – 2017. – T. 15. – № 3. – P. 285–298. DOI 10.22363/2313-2264-2017-15-3-285-298 (In Russ.).

VOROB'eva L.B. *Simvolicheskie smysly somatizma jazyk v russkij i litovskij poslovicah* [Symbolic meanings of somatism language in Russian and Lithuanian proverbs]. IN: Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2014. – №77. – P. 105–107. (In Russ.).

GADIEV I. *Nart uja /Gnezdo nartov/*. [A nest of sleds]. – Nal'chik: Jel'brus, 1982. – 440 p. (In Kar.-balk.).

GUZEEV ZH.M., MIZIEV A.M. *Frazeologizacija svobodnyh slovosochetanj i predlozhenij v karachaevo-balkarskom jazyke*. [Phraseologization of free phrases and sentences in the Karachay-Balkar language]. – Nal'chik, 2013. – 190 p. (In Russ.).

GUZEEV ZH.M., ULAKOV M.Z. *Frazeologija sovremennyh tjurkskij jazykov i problemy ee slovarnoj razrabotki* [Phraseology of modern Turkic languages and problems of its dictionary development]. IN: V prostranstve jazyka i kul'tury: zvuk, znak, smysl. sbornik statej v chest' 70-letija V.A. Vinogradova. Ser. "Studia philologica" Rossijskaja akademija nauk, Institut jazykoznanija. – Moscow, 2010. – P. 179-187. (In Russ.).

GURTUEV B. *Zhangy talisman /Novyj talisman/*. [New mascot]. – Nalchik: Elbrus, 1970. – 448 p. (In Kar.-balk.).

ZALIHANOV ZH. *Tau k#ushla /Gornye orly/*. [Mountain Eagles]. – Nal'chik, 1962. – 396 p. (In Kar.-balk.).

ISAKOVA S.S. *Jetnokul'turnaja specifika frazeologicheskij edinic sfery chelovecheskij otnoshenij s komponentom-somatizmom «coeur»*. [Ethnocultural specificity of phraseological units of the sphere of human relations with the component-somatism "coeur"]. IN: Voprosy kognitivnoj lingvistiki. – 2012. – № 3 (032). – P. 147–149. (In Russ.).

KAGIEVA N. *Tejri zharyk# /Svet Tejri/*. [Light of Tairi]. – Cherkessk, 1988. – 432 p. (In Kar.-balk.).

KARPUHINA N.M., STROGANOVA I.I. *Strukturno-semanticheskie osobennosti somaticheskij frazeologicheskij edinic, oboznachajushchij chasti tela cheloveka*. [Structural and semantic features of somatic phraseological units that identify parts of the human body]. IN: Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2016. – № 7(61). – Ch. 3. – P. 100–103. (In Russ.).

KACIEV H. *Muhammat* [Mukhammat]. – Nal'chik, 1964. – 244 p. (In Kar.-balk.).

KUCHINAEV A. *Zhashaunu shorhasy /Vodovoroty zhizni/* [Whirlpools of life]. – Nalchik: Elbrus, 1991. – 256 p. (In Kar.-balk.).

LAJPANOVA Z.A. *Strukturno-semanticheskie osobennosti frazeologicheskikh edinic s somaticheskim komponentom v karachaevo-balkarskom jazyke v sopostavlenii s russkim: avtoref. dis. ... kand.filol.nauk.* [Structural and semantic features of phraseological units with a somatic component in the Karachay-Balkar language in comparison with Russian]. – Mahachkala, 2007. – 24 p. (In Russ.).

MASLOVA V.A. *Vvedenie v kognitivnuju lingvistiku* [Introduction to Cognitive Linguistics]. – Moscow: Flinta, 2007. – 396 p. (In Russ.).

Narty: geroicheskij jepos balkarcev i karachaevcev [Narts: the heroic epic of the Balkars and Karachais] / Edited by R. A.-K. Ortabaeva i dr.; per. tekstov T. M. Hadzhievoy, R. A.-K. Ortabaevoy]. – Moscow: Nauka, 1994. – 654 p. (In Kar.-balk.).

SALPAGAROV R. *K#arachajny tulparlary, gjodzhebleri /Silachi, borcy Karachaya* [Strongmen, fighters of Karachai]. – Karachaevsk, 2009. – 103 p. (In Kar.-balk.).

TOLGUROV Z.H. *Kjok geleu /Goluboj tipchak/*. [Blue fescue]. – Nalchik: Elbrus, 1993. – 392 p. (In Kar.-balk.).

TOKUMAEV ZH. *Kjulkjuchju Chonaj /Nasmeshnik Chonaj/*. [The Scoffer of Chonai]. – Nal'chik: Jel'brus, 2009. – 192 p. (In Kar.-balk.).

FEDOROVA M.A., NIKONJUK M.S. *Frazeologicheskie somatizmy kak sredstvo vtorichnoj nominacii leksiko-semanticheskoy sistemy nemeckogo jazyka.* [Phraseological somatisms as a means of secondary nomination of the lexico-semantic system of the German language]. IN: Zhurnal Grodnenskogo gosudarstvennogo medicinskogo universiteta. – 2012. № 3. – P. 81–84. (In Russ.).

HUBIEV O. *Tuug#an zherim /Rodnaja zemlja/* [Motherland]. – Cherkessk, 1976. – 87 p. (In Kar.-balk.).

HUBOLOV S.M. *Funkcional'no-semanticheskij potencial frazeologicheskikh edinic s komponentami zhan "dusha" i zhjurek "serdce" v karachaevo-balkarskom jazyke.* [Functional and semantic potential of phraseological units with components jean "soul" and jurek "heart" in the Karachay-Balkar language]. IN: Izvestija Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN. – 2015a. – № 5 (67). – P. 232-236. (In Russ.).

HUBOLOV S.M. *Struktura i semantika predlozhenij s predikatami, vyrazhennymi frazeologicheskimi edinicami s somatizmom kjoz (glaz) v karachaevo-balkarskom jazyke.* [The structure and semantics of sentences with predicates expressed by phraseological units with the somatic kez (eye) in the Karachay-Balkar language]. IN: Izvestija Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2015b. – T. 5. – № 4. – P. 58-61. (In Russ.).

SHAVAEVA M. *Tejri zharyg#y /Severnoe sijanie/* [Northern lights]. – Nalchik: Elbrus, 1988. – 305 p. (In Kar.-balk.).

SHESTAKOVA E.V., JUZDOVA L.P. *Antropocentrizm kak princip issledovaniya leksicheskikh i frazeologicheskikh edinic russkogo jazyka.* [Anthropocentrism as a principle of research of lexical and phraseological units of the Russian language]. IN: Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologicheskie nauki. – 2019. – № 6 (428). – Vol. 117. P. 203–209. (In Russ.).

TAYLOR J.R. *Linguistic Categorization. Prototypes in linguistic theory.* – Oxford: Clarendon Press, 1989. – 310 p.

Информация об авторах

М.А. Ахматова – доктор филологических наук, доцент.

А.М. Кучмезов – магистрант.

Information about the authors

M.A. Akhmatova – Doctor of Science (Philology), docent.

A.M. Kuchmezov – a graduate student.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.09.2024 г.; одобрена после рецензирования 12.12.2024 г.; принята к публикации 27.12.2024 г.

The article was submitted 25.09.2024; approved after reviewing 12.12.2024; accepted for publication 27.12.2024.

Научная статья
УДК 811.161.1
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-401-411
EDN: WUINMW

ОТРАЖЕНИЕ КОНЦЕПТА «РУСЬ» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ МОЛОДЕЖИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Карина Асланбековна Гонгапшева

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
Нальчик, Россия, gkaslanbek@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-0737-5150>

Аннотация. На материале мультипликационного цикла о трех богатырях, являющемся свободным изложением известных былин, рассматривается интерпретация представителями молодежи Северного Кавказа важнейшего признака национального менталитета русского народа – русскости в рамках концепта «Русь». В ходе рецептивного и ассоциативного экспериментов, в котором приняли участие 95 студентов Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова (кабардинцев, балкарцев, чеченцев, ингушей, аварцев, кумыков и др.), были выявлены основные семантические поля и доминантные когнитивные признаки, характеризующие исследуемый концепт в языковом сознании северокавказских этносов. Анализ извлеченных из мультфильмов фрагментов показал яркую демонстрацию культуры и быта русского народа, подтверждающие представления о Руси испытуемыми. В ходе исследования были определены ядро концепта «Русь» и его периферийные зоны.

Ключевые слова: лингвокультурология, мультипликационный фильм, русскость, Русь, ассоциация, эксперимент, когнитивный признак, ядро концепта, ближняя периферия, дальняя периферия.

Для цитирования: Гонгапшева К.А. Отражение концепта «Русь» в языковом сознании молодежи Северного Кавказа // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 4. – С. 401-411. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-401-411. EDN: WUINMW.

© Гонгапшева К.А., 2024

Original article

LINGUISTIC AND CULTURAL INTERPRETATIONS: REFLECTION OF THE CONCEPT OF "RUS" IN ANIMATED FILMS IN THE REPRESENTATION OF THE PEOPLES OF THE NORTH CAUCASUS

Karina A. Gongapsheva

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik,
Russia, gkaslanbek@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-0737-5150>

Abstract. Based on the animated series about the three heroes, which is a free presentation of famous epics, representatives of the North Caucasus youth interpret the most important sign of the Russian people's national mentality - Russianness - within the framework of the concept "Rus". The main semantic fields and dominant cognitive features characterizing the concept under study in the

linguistic consciousness of North Caucasian ethnic groups were identified during receptive and associative experiments involving 95 students from Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov (Kabardins, Balkars, Chechens, Ingush, Avars, Kumyks, etc.). The analysis of fragments extracted from cartoons showed a vivid demonstration of the culture and way of life of the Russian people, confirming the ideas of Russia by the subjects. During the research, the core of the concept "Rus" and its peripheral zones were identified.

Keywords: linguoculturology, animated film, Russianness, Rus, association, experiment, cognitive feature, core of the concept, near periphery, far periphery.

For citation: Gongapsheva K.A. Linguistic and cultural interpretations: reflection of the concept of "Rus" in animated films in the representation of the peoples of the North Caucasus. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 4. – P. 401-411. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-401-411. EDN: WUINMW.

© Gongapsheva K.A., 2024

Введение

Как известно, язык, прежде всего, выступает не только как средство общения и сложная система знаков и правил, но и как инструмент познания мира, отражения «духа народа», поэтому не случайно то, что в русской филологии в последние десятилетия большое внимание уделяется лингвокультурологии, изучающей проблемы взаимодействия языка и культуры. Язык подобен зеркалу, которое отражает окружающий мир человека, его бытовую и культурную деятельность, менталитет, систему ценностей и национальный характер.

Несмотря на множество научных исследований в этом направлении, актуальных ракурсов для рассмотрения немало. На наш взгляд, интересными представляются проблемы сохранения культурной специфики в контексте глобализационных процессов, например, русскости как важнейшего признака национального менталитета русского этноса, русской языковой картины мира. По мнению Н.Г. Глебовой, русскость условно может обозначить «весь комплекс культурно-значимых смыслов, отражающих национальный идеал, национальное мировоззрение и национальный характер» [Глебова 2017; Глебова 2017б], что согласуется и с нашим пониманием русскости как понятия, интегрирующего в себе все, что характерно только для русского этноса, в частности его дух, традиции, религиозная культура и т.д.

Фундаментальным концептом для понимания сути русскости нам видится концепт «Русь», который наилучшим образом подходит для выявления базовых культурно значимых характеристик русского народа. Благоприятным эмпирическим материалом для его изучения, на наш взгляд, выступают русские мультипликационные фильмы, которые, по нашему мнению, представляют собой одно из лучших средств формирования в сознании детей и подростков таких этических категорий, как добро и зло в рамках аксиологических оппозиций «хорошо» и «плохо», что очень актуально в век глобализации.

Культура, самобытность, особенности мировосприятия, характер любого этноса в первую очередь отражается в фольклоре, именно поэтому мы остановились на цикле мультипликационных фильмов о трех богатырях «Алеша Попович и Тугарин Змей» (2004), «Добрыня Никитич и Змей Горыныч» (2006),

«Илья Муромец и Соловей Разбойник» (2007), которые являются свободным изложением известных былин о богатырях и транслируют традиционную русскую культуру в контексте предпочтений современного русского общества. Представленный мультипликационный цикл ранее уже был объектом исследования Е.Н. Ильиной и В.С. Тиво, предметом которого стали собственные имена, составные номинации географических объектов, антропоидных и животных персонажей [Ильина, Тиво 2020].

Цель нашей работы состоит в выявлении специфики отражения в мультипликационных фильмах русскости в рамках концепта «Русь» с точки зрения молодежи Северного Кавказа. Достижение заявленной цели требует решения следующих задач: изучить словарные дефиниции; провести рецептивный и ассоциативный эксперименты; извлечь из указанных мультфильмов фрагменты, репрезентирующие концепт «Русь»; выявить доминантные когнитивные признаки для определения ядра и периферийных зон исследуемого концепта в рамках мультипликационного цикла о трех богатырях.

Экспериментальные методы являются эффективными при изучении констант культуры, к которым относится и концепт «Русь» в русской лингвокультуре. Метод рецептивного эксперимента, по мнению З.Д. Поповой и И.А. Стернина, дает возможность об интерпретации лексемы (в нашем случае – представителями разных этносов) [Попова, Стернин 2007: 187].

В рецептивном эксперименте приняли участие 95 студентов Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, которые представляют различные северокавказские этносы (кабардинцы, балкарцы, чеченцы, ингуши, аварцы, кумыки и др.).

Результаты исследования

В ходе ассоциативного эксперимента испытуемым был предложен стимул *Русь* и нами было получено 123 языковые единицы и 339 оценочных реакций, которые мы разделили на следующие группы:

1. История и государственность (28 языковых единиц): Киев (14¹), история (9), царь (9), Россия (7), Киевская Русь (6), князь (6), крещение (5), княжество (5), войны (5), дворяне (4), помещики (3), бояре (3), дружина (3), Новгород (4), Рюрик (2), Владимир (2), Ярослав (2), древняя страна (2), государство (2), Олег (1), Древняя Русь (1), Золотая Орда (1), древняя культура (1), древняя история (1), древнее время (1), держава (1), страна (1), государственность (1), враги (1), летопись (1). Всего – 104 оценочные реакции.

2. Народ и общество (25 языковых единиц): народ (17), традиции (9), славяне (9), крестьяне (9), культура (8), могущество (4), величие (4), русский (3), единство (3), власть (3), хоровод (3), пляски (2), слава (2), свобода (2), русский народ (1), люди (1), отзывчивость (1), доброта (1), красота (1), стойкость (1), упорство (1), патриотизм (1), древляне (1), население (1). Всего – 88 оценочных реакций.

¹ Здесь и далее – частотность упоминаний оценочной реакции в ходе эксперимента.

3. **Культура и быт (23 языковые единицы):** матрешка (7), борщ (7), хлеб да соль (6), водка (6), изба (5), масленица (5), деревня (6), частушки (4), кокошник (3), деревянная посуда (3), балалайка (3), праздники (2), гармошка (2), баня (2), блины (2), труд (2), сарафан (1), неваляшка (1), самовар (1), каравай (1), печь (1), валенок (1), ушанка (1). Всего – 77 оценочных реакций.

4. **География (14 языковых единиц):** земля (11), природа (6), поле (6), территория (4), береза (4), простор (4), лес (3), калина (2), рябина (2), ягода (2), холод (2), холодная зима (1), снег (1), местность (1). Всего – 49 оценочных реакций.

5. **Мифология и фольклор (12 языковых единиц):** богатырь (14), медведь (9), былины (4), сказки (2), Баба-Яга (2), Василиса Премудрая (2), Кощей Бессмертный (1), Конек-горбунок (1), Иван Царевич (1), Теремок (1), богатырская сила (1), Илья Муромец (1). Всего – 39 оценочных реакций.

6. **Эмоции и оценки (12 языковых единиц):** родина (9), Отчизна (7), сила (6), матушка (5), величие (2), мать (1), жестокость (1), богатство (1), дом (1), дружба (1), бедность (1), гордость (1). Всего – 36 оценочных реакций. Примечательно, что 16 испытуемых, являясь представителями других национальностей, употребляют лексемы «родина» и «Отчизна» по отношению к Руси. Это, на наш взгляд, связано с тем, что многие отождествляют Русь с современной Россией (в ходе ассоциативного эксперимента было дано 7 реакций с лексемой «Россия», в ходе рецептивного – 9 участников определили Русь как «древнее название России»).

7. **Религия (9 языковых единиц):** православие (14), церковь (5), храм (4), язычество (4), христианство (3), собор (1), колокола (1), икона (1), духовность (1). Всего – 34 оценочных реакций.

Таким образом, стимул *Русь* включает в себя 7 семантических зон. По полученным результатам на первый план выходят группы, в которые входят слова и словосочетания, связанные с историческими событиями, политическим строем и географическими центрами (30,7 %), с населением, социальными отношениями, ценностями и идентичностью (26,0 %), материальной и нематериальной культурой, повседневной жизнью (22,7 %). Остальные зоны представляют лексемы, отражающие природный ландшафт, характерный для представлений о Руси (14,5 %), образы из русского народного творчества (11,5 %), оценочные суждения и эмоции, связанные со стимулом *Русь* (10,6 %), религиозный аспект (10,0 %). Как мы видим, основными когнитивными признаками для участников эксперимента являются лексемы «народ», «Киев», «богатырь», «земля», «православие». Группы ассоциаций и определений, которые численно менее значимы, также представляют интерес, поскольку их анализ позволяет выявить особенности периферийных зон.

Также испытуемым было предложено выразить свое отношение к исследуемому мультипликационному циклу. Большинство участников отмечают яркое отражение в нем культурного наследия («уникальное сочетание юмора, приключений и русского фольклора»), «оригинальная современная интерпретация скучных для детей современного общества былин», «погружение в атмосферу традиционной культуры», «ассоциация с Древней Русью», «связь Древней Руси

с современной Россией», «величие и сила», «дух русской жизни, русского патриотизма», «показаны быт, национальная одежда, религия», «сохранение культурного наследия» и др.), нравственные ценности («борьба добра со злом», «приключения часто затрагивают темы дружбы, храбрости, справедливости, верности», «демонстрируют традиционные русские ценности» и др.), наличие ярких персонажей («отличные друзья и хорошие мужья», «авторитет для народа», «уважение в народе», «Илья Муромец – пример для детей: он помогает людям, защищает государства от врагов» «одна голова – хорошо, три – еще лучше», «что ни день – то подвиг», «готовы на все ради защиты своей Родины», «русский характер», «воплощение силы и доброты» и др.). Также участники эксперимента указывают на присутствие современного юмора в мультфильмах, что делает их актуальными, характеризуют как «любимые мультфильмы детства, которые заинтересуют представителей всех возрастов», 8 респондентов смотрели первую часть цикла – «Алеша Попович и Тугарин Змей» – на национальном (балкарском) языке.

Согласно предложенной И.А. Стерниним методике исследования структуры концепта, за основу определения ядра и периферийных зон концепта нами были взяты качественные характеристики [Стернин 2001]. Базовый слой (ядро концепта) составляет информационное содержание, поэтому следующим этапом работы стало описание внутренней формы слова «Русь», то есть «буквального» смысла данной лексической единицы. По мнению Ю.С. Степанова, внутренняя форма, или этимологический признак, открывается лишь исследователям и исследователями. Но это не значит, что для пользующихся данным концептом этот слой содержания концепта вообще не существует. Он существует для них опосредованно, как основа, на которой возникли и держатся остальные слои значений [Степанов 2001: 48].

Изучив дефиниции слова «Русь» в лексикографических источниках, мы получили следующие определения данной лексемы:

1. Русь – русская земля (первоначально – название государственного образования восточных славян в IX в.)¹;
2. Русь – русская земля; в IX–X вв. название государственного образования восточных славян на среднем Днепре²;
3. Русь – название государственного образования восточных славян в IX в. на реке Днепр³.

Для проведения рецептивного эксперимента перед испытуемыми была поставлена задача дать определение лексеме «Русь». Нами были получены следующие результаты:

1. Русь – это русская земля (37);
2. Русь – это историческое название земель восточных славян (18);

¹ РУСЬ // Толковый словарь Ефремовой // Электронный ресурс. Режим доступа: URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary-efremova/fc/slovar-208-31.htm#zag-103250> . Дата обращения – 14.08.2024 г.

² РУСЬ // Большая советская энциклопедия // Электронный ресурс. Режим доступа: URL: <https://gufo.me/dict/bse/Русь> . Дата обращения – 14.08.2024 г.

³ РУСЬ // Толковый словарь Кузнецова // Электронный ресурс. Режим доступа: URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov/русь> . Дата обращения – 14.08.2024 г.

3. Русь – это древнее название России (9);
4. Русь – это древнерусское государство (8);
5. Русь – это исторический и культурный термин, восходящий к древним славянам (6);
6. Русь – это древнее славянское государственное образование (5);
7. Русь – это название народа (4);
8. Русь – это понятие, которое легло в формирование русской культуры (1);
9. Русь – это исторический период, традиции и культура, люди (1);
10. Русь – это страна, где мы родились и выросли (1);
11. Русь – это не просто географическое понятие, но и идея, которая вобрала в себя богатство традиций и обычаев (1);
12. Русь – древняя и великая страна (1);
13. Русь – это Урысей (в пер. с каб. – «принадлежит русским»);
14. Русь – это Оруслула (в пер. с балк. – «земля, принадлежащая русским»);
15. Русь – это Оьрсийчоь (в пер. с чеченск. – «место русских»).

Таким образом, доминантные признаки лексемы «Русь» – это 1) государство славян IX–X веков, 2) название земель восточных славян, 3) русская земля, то есть исследуемый концепт интегрирует в себе исторически важные смыслы, эксплицирующие территорию проживания.

В цикле мультипликационных фильмов о трех богатырях слово «Русь» также репрезентируется как название «русских земель»: 1) [Закадровый голос]: *А во времена те лихие повадились войска тугарские землю русскую топтать да русских людей неволить* [АП: 3:33–3:41]¹; 2) [Алеша Попович]: *Постоим за землю русскую!* [АП: 4:10–4:13]; 3) [Придворный]: (обращаясь к князю – Г.К.) *Не вели казнить, душа земель русских!* [ИМ: 10:16–10:19]² и др.

По данным лексикографических источников и результатам рецептивного эксперимента установлено, что ядро концепта «Русь» в сознании носителей иных (не русских) культур в мультфильмах о трех богатырях вербализовано сочетаниями «русская земля», «родная земля», «наша земля» – культурно значимыми в языковом сознании героев мультфильмов понятиями, ставшими ориентиром для выживания в тысячелетней истории русского народа: [Визуальный ряд]: (налево) – **РУСЬ**, (направо) – **ВРАГИ** [ДН: 2:11]³.

Анализ итогов ассоциативного эксперимента позволил установить ближнюю и дальнюю периферии концепта «Русь» в рамках мультипликационных

¹ Алеша Попович и Тугарин Змей: Мультфильмы для всей семьи // Электронный ресурс. Режим доступа: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8vPQKM5UOJU>. Дата обращения – 24.07.2024 г. (Здесь и далее – усл. обозначение – АП)

² Илья Муромец и Соловей Разбойник | Мультфильм // Электронный ресурс. Режим доступа: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8vPQKM5UOJU>. Дата обращения – 24.07.2024 г. (Здесь и далее – усл. обозначение – ИМ)

³ Добрыня Никитич и Змей Горыныч | Мультфильмы для всей семьи // Электронный ресурс. Режим доступа: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8vPQKM5UOJU>. Дата обращения – 24.07.2024 г. (Здесь и далее – усл. обозначение – ДН)

фильмов «Алеша Попович и Тугарин Змей», «Добрыня Никитич и Змей Горыныч», «Илья Муромец и Соловей Разбойник».

Ближнюю периферию концепта «Русь» составляют понятия:

1. «Русские города», символизирующие исконно русские земли: **Киев** – центр Древней Руси: 1) [Тихон]: *Здесь до **Киева** рукой подать* [АП: 57:07–57:09]; 2) [Колыван]: *Чего? Дачу тебе под **Киевом**?* [ДН: 44:57–44:59]; 3) [Соловей Разбойник]: *Не тягаться тебе, император, с богатырем русским. А ты мне не поверил, **Киев** хотел брать* [ИМ: 1:10:00–1:10:07]; **Ростов**, в котором происходят основные события мультфильма «Алеша Попович и Тугарин Змей»: 1) [Закадровый голос]: *В славном городе **Ростове** у ростовского попа соборного был один-единственный сын Алеша, по отцу – Попович* [АП: 1:28–1:40]; 2) [Закадровый голос]: *Прискакала сила черная собрать с жителей **Ростова** дань немалую* [АП: 3:42–3:48]; 3) [Любава]: *Мы с бабулей с самого **Ростова** за тобой идем* [АП: 15:32–15:35]; 4) [Тихон]: *Ну и что ж, что она первая красавица на весь **Ростов**?* [АП: 40:23–40:26]; **Чернигов**: [Добрыня Никитич]: *Он под **Черниговом** морковку с людских огородов воровал* [ДН: 58:39–58:42].

2. «Люди русские» – понятие, которое обозначено следующими лексемами, определяющий живущих на русских землях: **люди (люди)**: 1) [Алеша Попович]: *Ой ты **люди ростовский!*** [АП: 3:58–4:00]; 2) [Алеша Попович]: *Да коли ж нам, **людям русским**, терпеть супостата недоброго?* [АП: 4:05–4:08]; 3) [Закадровый голос]: *И был пир на весь мир: **людю доброму** на радость да злым врагам на зависть* [АП: 1:01:12–1:01:20]; **народ**: [Тихон]: *Пришли мы к тебе от **народа ростовского**, великий князь киевский!* [АП: 59:37–59:40]; **русские**: 1) [Солдат крымского хана]: ***Русские** за данью едут* [ДН: 11:16–11:18]; 2) [Солдат Византийской империи]: *Великий император, **русские** разрушили мост во дворец!* [ИМ: 1:07:23–1:07:26].

3. «**Богатырь**». Как и у любого другого этноса, у русского народа есть свои герои – богатыри (витязи). Особенность русских богатырей, как считает А.С. Миронов, состоит в контрасте «внутренней силы и внешней непритязательности» [Миронов 2020: 78]. Однако в мультипликационном цикле представленные богатыри (помимо Святогора – Г.К.) отличаются высоким ростом, широкими плечами. К примеру, Добрыня Никитич практически одного роста со Змеем Горынычем. Анализ контекстов, репрезентирующих богатырство, позволил выделить основные его атрибуты: **физическая сила**: 1) [Закадровый голос]: *Рос Алеша не по дням, а по часам. Алеша грамоте учился, да ничего из этого не вышло. И стал Алеша учиться ратному делу* [АП: 1:53–2:12]; 2) [Алеша Попович]: *Иго черное! Недолго им пировать осталось. Сейчас **отведают силушки богатырской!*** [АП: 6:37–6:42]; **сила духа**: 1) [Добрыня Никитич]: *В ратном деле, Елисей, все важно: тактика, стратегия, а главное – это дух укрепить!* [ДН: 26:04–26:10]; 2) [Илья Муромец]: *Кто духом слаб, у того животное в опале* [ИМ: 55:25–55:29].

Дальнюю периферию составляют культурно значимые ценности, присутствующие русскому народу и характеризующие его:

1. **Патриотизм: любовь к родине:** отношение к большой или малой родине как к отцу или матери, привязанность к Руси («наша земля», «русская земля», «родная земля»): 1) [Алеша Попович]: *Ну, здравствуй, отец наш Ростов!* [АП: 1:11:06–1:11:09]; 2) [Закадровый голос]: *Давным-давно, когда в лесах грибов и ягод было вдоволь, а в прудах и реках рыба водилась, жил народ на Руси-матушке да не тужил* [ИМ: 0:24–0:36]; **дом:** [Алеша Попович]: *Не оставь меня ни мертвым, ни раненым, ни серым волкам на растерзание, ни черным воронам на расклевание, врагам на поругание. Где б мы ни были, домой привези!* [АП: 14:40–14:51]; **защита:** [Алеша Попович]: *Защитим жен да детей своих, стоим за землю русскую!* [АП: 4:06–4:10].

2. **Духовный коллективизм.** Считается, что основным принципом формирования русской общины был не кровнородственный, а территориальный [Кожевникова 2012]: **сплоченность** – постоянные набеги нехристианских народов («басурмане», «супостаты недобрые», «враги», «войска тугаринские», «иго черное» и т.п.) способствовали тому, что русские люди держались друг друга, оборонялись и работали сообща: 1) [Конь Юлий]: *Наша сила в единстве* [АП: 45:47–45:49]; 2) [Князь Киевский] *Полагаю, нам все-таки нужно вместе держаться. Чужая земля все-таки* [ИМ: 54:20–54:24]; **общественное одобрение:** диалог: [Бабушка]: *Да, тяжелая нам выпала доля.* [Тихон]: *Не всякий выдержит... Но ничего, зато народ ростовский доволен будет* [АП: 57:52–58:02]. Духовный коллективизм носит не всегда положительную оценку. К примеру, замуж в старину выходили рано. То, что нарушает норму, присущее русскому человеку, приобретает отрицательно-оценочную коннотацию: **общественное осуждение:** [Любава]: *Мне уже шестнадцать лет, а я в девках хожу. Того и гляди, старой девой останусь!* [АП: 37:38–37:44]; **социальное давление:** диалог 1: [Князь]: – *Замуж тебе пора.* [Забава]: – *За кого?* [Князь]: – *Да мало ли женихов пригожих!* [АП: 5:01–5:04]; диалог 2: [Мама]: – *Я вот что думаю: жениться тебе, сынок, пора бы.* [Илья Муромец]: – *На ком?* [Мама]: – *Ну какая разница? Хошь на той, а хошь на этой* [АП: 12:43–12:50].

3. **Патриархальный уклад:** 1) [Алеша Попович]: *Да где это видано, чтобы баба мужику указом была? Ишь ты, моду взяла – поперек моего слова идти!* [АП: 39:40–39:47]; 2) [Тихон]: *Бабе спуску давать нельзя! Негоже поперек мужского слова идти-ть!* [АП: 40:04–40:10]. Представленный мультипликационный цикл является современным вольным изложением былин, и патриархальный уклад семьи представлен как «пошатнувшийся»: диалог: [Придворный]: *О, баба!* [Аленушка]: *Я не баба, а летописец еженедельного издания «Новая береста»* [ИМ: 9:24–9:33].

4. **Религиозная принадлежность.** Она репрезентирована следующими вербальными и невербальными средствами: **православие:** визуальный ряд: собор, герои носят нательный крест, крестятся перед иконой; целуют крест и т.д. **упоминание сооружений,** в которых проводятся обряды богослужения, в речи героев: 1) [Закадровый голос]: *В славном городе Ростове у ростовского попа соборного был один единственный сын. Звали его Алешей, по отцу – Попович* [АП: 1:28–1:40]; 2) [Конь Юлий]: *Я ведь до того, как меня цыгане украли, при храме новгородском был* [АП: 14:24–14:27]; 3) [Любава]: *Ах так? Тогда*

я косы обрежу и в **монастырь** уйду! Мужской! [АП: 10:00–10:05]; **молитвы, обращения к богу**: [Поп соборный]: *Спасибо, Господи, что ты ниспослал Алешке план нашего спасения* [АП: 5:09–5:11]; **восклицания героев**: [Тихон]: *Ой, Господи! Да как же? Без оружия, без денег да без товарищей!* [АП: 8:30–8:36]; **устойчивые сочетания**: 1) [Князь Киевский]: *Вот тебе крест!* [ИМ: 26:12]; 2) [Святогор]: *Ну, с богом!* [ИМ: 29:39–29:41]; **«отголоски» язычества, русскость в вероисповедании, «национальные варианты религиозного чувства»** как отмечал Г.Д. Гачев [Гачев 2003: 22]: **«русский дух»** (в понимании древних славян – «чистый дух», дух самой земли): 1) [Баба-Яга]: *Дух в нем русский, говорю. Вирусу время нужно!* [ДН: 43:20–43:24]; 2) [Баба-Яга]: *Да, хворью его не возьмешь... Проклятый русский дух!* [ДН: 44:47–44:51]; **«мать сыра земля»** (обожествление земли, поклонение земле): 1) [Илья Муромец]: *Ну, помогай, мать сыра земля* [ИМ: 2:20–2:24]; 2) [Князь]: *А земляца русская, от которой ты силу берешь?* [ИМ: 58:56–58:59]; **приметы**: 1) [Илья Муромец]: *Ночью звезда упала – добрая примета* [ИМ: 8:25–8:3]; 2) [Старушка]: *Не свисти, денег не будет. Примета такая* [ИМ: 51:44–51:48].

Заключение

В цикле мультипликационных мультфильмов ядром концепта «Русь» является понятие «русская земля», которое является ключевым историческим фактором, определяющим место проживания этноса. В ближнюю периферию входят такие когнитивные признаки, как «русские города» (Киев, Ростов, Чернигов), «люди русские» (люд/люди, народ, русские), «богатырь» (физическая сила – богатырская, сила духа), которые взаимосвязаны с ядром, то есть Русь – это, в первую очередь, земля, обозначенная топонимическими единицами, и народ, который проживает на обозначенной территории, а богатыри – «лицо» этого народа. На дальней периферии расположены культурно-значимые ценности народа: патриотизм (любовь к родине, дом, защита), духовный коллективизм (сплоченность, общественное одобрение, общественное осуждение, социальное давление), патриархальный уклад жизни, религиозная принадлежность (православие, «отголоски» язычества).

Проведенное исследование дает основание утверждать, что мультипликационный дискурс представляется интересным в лингвокультурологическом аспекте. Мультфильмы о трех богатырях демонстрируют основные представления о Руси и русском народе (народ, Киев, богатырь, земля, православие) в языковом сознании северокавказской молодежи. Исследованный нами концепт «Русь» – лишь небольшая часть русского мира, однако совокупность выделенных признаков характеризует суть русскости. Он помогает углубиться в историю народа, проследить истоки российской государственности и выделить факторы народной самоидентификации.

РАБОЧИЙ МАТЕРИАЛ

РУСЬ // Толковый словарь Ефремовой. Электронный ресурс. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary-efremova/fc/slovar-208-31.htm#zag-103250> (Дата обращения: 14.08.2024).

РУСЬ // Большая советская энциклопедия. Электронный ресурс. URL: <https://gufo.me/dict/bse/Русь> (Дата обращения: 14.08.2024).

РУСЬ // Толковый словарь Кузнецова. Электронный ресурс. URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov/русь> (Дата обращения: 14.08.2024).

Алеша Попович и Тугарин Змей: Мультфильмы для всей семьи. Электронный ресурс. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8vPQKM5UOJU> (Дата обращения: 24.07.2024).

Илья Муромец и Соловей Разбойник | Мультфильм. Электронный ресурс. URL: https://www.youtube.com/watch?v=mMmTAh4_xDc (Дата обращения: 26.07.2024).

Добрыня Никитич и Змей Горыныч | Мультфильмы для всей семьи. Электронный ресурс. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=HvSaBVSAkz4> (Дата обращения: 25.07.2024).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Гачев 2003 – *Гачев Г.Д.* Ментальности народов мира. – М.: Эксмо: Алгоритм, 2003. – 541 с.

Глебова 2017 – *Глебова Н.Г.* Коннотативно-оценочный потенциал слов-репрезентантов концепта РУССКОСТЬ в современном русском языке // Научный диалог, 2017. – № 11. – С. 25–37.

Глебова 2017б – *Глебова Н.Г.* Особенности парадигматической реализации концепта «русскость» в современном русском языке // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2017б. – № 3. – С. 216–220.

Ильина, Тиво 2020 – *Ильина Е.Н., Тиво В.С.* Ономастическое пространство мультфильмов о русских богатырях студии анимационного кино «Мельница» // Научный диалог, 2020. – № 8. – С. 84–96.

Кожевникова 2012 – *Кожевникова Т.М.* К вопросу о природе русского коллективизма // Социально-экономические явления и процессы, 2012. – № 2 (036). – С. 75–77.

Маслова 2001 – *Маслова В.А.* Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений – М.: Академия, 2001. – 208 с.

Мионов 2020 – *Мионов А.С.* «Невеликие» герои: об одной особенности русского эпического концепта богатырства // Филология: научные исследования, 2020. – № 1. – С. 72–82.

Попова, Стернин 2007 – *Попова З.Д., Стернин И.А.* Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. 314 с.

Степанов 2001 – *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 2001. – 798 с.

Стернин 2001 – *Стернин И.А.* Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. С. 58-65.

REFERENCES

GACHEV G.D. *Mental'nosti narodov mira* [Mentalities of the peoples of the world]. – М.: Eksmo: Algorithm, 2003. – 541 p. (In Russ.).

GLEBOVA N.G. *Konnotativno-otsenochnyi potentsial slov-reprezentantov kontsepta RUSSKOST' v sovremennom russkom yazyke* [Connotative and evaluative potential of the words representing the concept of RUSSIANNES in the modern Russian language]. In: Scientific dialogue, 2017. – No. 11. – P. 25-37. (In Russ.).

GLEBOVA N.G. *Osobennosti paradigmaticheskoi realizatsii kontsepta «russkost'» v sovremennom russkom yazyke* [Features of the paradigmatic implementation of the concept of "Russianness" in the modern Russian language]. In: Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky, 2017b. – No. 3. – P. 216-220. (In Russ.).

ILYINA E.N., TIVO V.S. *Onomasticheskoe prostranstvo mul'tfil'mov o russkikh bogatyryakh studii animatsionnogo kino «Mel'nitsa»* [Onomastic space of cartoons about Russian heroes of the animation film studio "Melnitsa"]. In: Scientific dialogue, 2020. – No. 8. – P. 84-96. (In Russ.).

KOZHEVNIKOVA T.M. *K voprosu o prirode russkogo kollektivizma* [On the question of the nature of Russian collectivism]. In: Socio-economic phenomena and processes, 2012. – № 2 (036). – P. 75-77. (In Russ.).

MASLOVA V.A. *Lingvokul'turologiya: Ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenii* [Linguoculturology: Textbook for students. higher. studies. Institutions] – M.: Academy, 2001. – 208 p. (In Russ.).

MIRONOV A.S. «*Nevelikie*» *geroi: ob odnoi osobennosti russkogo epicheskogo kontsepta bogatyrstva* ["Small" heroes: about one feature of the Russian epic concept of heroism]. In: Philology: scientific research, 2020. – No. 1. – P. 72-82. (In Russ.).

POPOVA Z.D., STERNIN I.A. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. M.: AST: East – West, 2007. – 314 p. (In Russ.).

STEPANOV Yu.S. *Konstanty. Slovar' russkoi kul'tury. Opyt issledovaniya* [Constants. Dictionary of Russian Culture. Research experience]. – M.: School of "Languages of Russian culture", 2001. – 798 p. (In Russ.).

STERNIN I.A. *Metodika issledovaniya struktury kontsepta* [Methodology for studying the structure of the concept]. In: Methodological problems of cognitive linguistics. – Voronezh: Voronezh State University, 2001. – P. 58-65. (In Russ.).

Информация об авторе

К.А. Гонгапшева – ассистент кафедры.

Information about the authors

K.A. Gongapшева – Assistant of the Department.

Статья поступила в редакцию 30.10.2024 г.; одобрена после рецензирования 12.12.2024 г.; принята к публикации 27.12.2024 г.

The article was submitted 30.10.2024; approved after reviewing 12.12.2024; accepted for publication 27.12.2024.

ЩІэныгъэ тхыгъэ
УДК 811.352.3
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-412-422
EDN: XFPZCV

**НАЛО А.ХЪ. И РОМАНХЭМ ХЭТ ХУДОЖЕСТВЕННЭ ОБРАЗХЭР
КЪЭГЪЭЩЫНЫМ ТЕЛАЖЪЭ ЗЫХЭЩІЭНЫГЪЭР
ЛЕКСИКОЛОГИЕМРЭ ФРАЗЕОЛОГИЕМРЭ Я ІЭМАЛ
ЩХЪЭХУЭХЭМКІЭ КЪЫЗЭРЫЗЭГЪЭПЭЩАР**

Къэмбэчокъуэ Іэдэм Муштэхьид и къуэ

Бэрбэч Хь.М. и цІэр зезыхъэ Къэбэрдэ-Балъкъэр къэрал университет,
Налшык, Урысей, akamb@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-2184-0431>

Аннотацэ. Лэжыгъэр теухуащ адыгэ тхакІуэ шэджащэ Нало А.Хъ. и романхэм хэт художественнэ образхэр къэгъэщыным телажъэ зыхэщІэныгъэр лексикологиемрэ фразеологиемрэ я ІэмалхэмкІэ къызэрызэгъэпэща щІыкІэм. Къэхутэныгъэр щІегъэкІуэкІар «языковая личность» жыхуаІу иужьрей зэманым бзэ щІэныгъэм гульытэ хэха щызыгъуэта, бзэм, фило-софием, психологием, социологием, н. жьантІакІуэ щыхъуа Іуэхугъуэшхуэм и лъэныкъуэ зэхуэмыдэхэр куууэ щІэджыкІыным, къэпщытэным щІэныгъэм и дежкІэ мыхъэнэ ин дыдэ зэриІэрщ. Лэжыгъэр зытешІыхьар Нало А.Хъ. «Нэхуш шу», «Псы Іуфэм Іут унэ цІыкІу» зыфІиша, адыгэхэм я тхыдэм теухуа романхэрщ. Тхыгъэм къыщыгъэсэбэпаш зэгъэщІэныгъэ, кІэлыплъыныгъэ, контекстуально-интерпретационнэ, лингвостилистическэ къэхутэкІэ Іэмалхэр. Къэхутэныгъэм кърыкІуахэр щыхъэт зэрытэхъуэщи, романхэм щызэфІэгъуэва образ купщІафІэхэр къыгъэщІын, персонажхэм я теплъэр, гупсысэкІэр, дуней тетыкІэр, дуней еплъыкІэр, тхыгъэхэм къыщыІэта Іуэхугъуэхэр щекІуэкІ щІыпІэр, лъэхъэнэр тхылъеджэм нэрылъагъу, фІэщ щІыгъуафІэ ящищІын папщІэ тхакІуэм ІэкІуэлъакІуэу къыгъэсэбэпаш бзэм абы щыхухэха Іэмэпсымэ щхъэхуэхэр, псом япэу – синонимхэм, синоним рядым, антонимхэм, езы тхакІуэм къыгъэщІа псалъэщІэхэм, псалъэжъхэмрэ псалъэ шэрыуэхэмрэ, жьы хъуа псалъэхэм, диалект псалъэхэм, фразеологизмхэм я зэфІэкІыу художественнэ текстым зыхэщІэныгъэр къыщыгъэлъэгъуа зэрыхъу Іэмалхэр.

Зэрыгъуэзэн псалъэхэр: тхакІуэм къыгъэщІа псалъэщІэхэр, антонимхэр, псалъэжъхэмрэ псалъэ шэрыуэхэмрэ, синонимхэр, синоним рядыр, жьы хъуа псалъэхэр, тхыгъэм хэт образхэм я къэгъэщІыкІэр, фразеологизмхэр, зыхэщІэныгъэр

Цитатэ къызэрыхэпхыгур: Къэмбэчокъуэ І.М. Нало А.Хъ. и романхэм хэт художественнэ образхэр къэгъэщІыным телажъэ зыхэщІэныгъэр лексикологиемрэ фразеологиемрэ я Іэмал щхъэхуэхэмкІэ къызэрызэгъэпэщар // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 4. – С. 412-422. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-412-422. EDN: XFPZCV.

© Къэмбэчокъуэ І.М., 2024

Original article

**SOME LEXICAL AND PHRASEOLOGICAL MEANS OF EXPRESSING
EXPRESSIVITY USED IN THE CREATION OF ARTISTIC IMAGES
IN THE NOVELS OF A.H. NALOEV**

Adam M. Kambachokov

Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russia, akamb@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-2184-0431>

Abstract. The paper examines the main lexical and phraseological expressive means used by the well-known Kabardian writer A.H. Naloev to create an artistic image in his historical novels. The relevance of the research topic is due to the need for in-depth study and comprehensive description of the linguistic personality, which attracts close attention in modern linguistics. The material of the analysis was the novels by A.H. Naloev "Horsemen of Dawn" and "House on the riverbank". The paper uses descriptive and comparative research methods, as well as methods of contextual-interpretative and linguistic-stylistic analysis. The results of the conducted research allow us to conclude that when forming logically completed, memorable artistic images in the analyzed works on a historical theme, the novelist, seeking expressiveness and imagery of the work, skillfully used a wide range of means of expression to realistically convey the events reproduced by him in the novels, the time described, thoughts, aspirations, views and life philosophy of the characters, first of all, the possibilities of synonyms, synonymic series, antonyms, obsolete words, dialectisms, author's neologisms, phraseological units, which are powerful means of expressing emotional and expressive meanings in a literary text.

Keywords: author's neologism, antonyms, proverbs and sayings, synonyms, synonymic series, obsolete words, formation of an artistic image, phraseological units, expressivity

For citation: Kambachokov A.M. Some lexical and phraseological means of expressing expressivity used in the creation of artistic images in the novels of A.H. Naloev. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 4. – P. 412-422. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-412-422. EDN: XFPZCV.

© Kambachokov A.M., 2024

Научная статья

НЕКОТОРЫЕ ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭКСПРЕССИВНОСТИ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ПРИ СОЗДАНИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОБРАЗОВ В РОМАНАХ А.Х. НАЛОЕВА

Адам Муштагидович Камбачоков

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, akamb@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-2184-0431>

Аннотация. В работе рассматриваются основные средства выражения экспрессивности посредством лексических и фразеологических языковых единиц, используемой известным кабардинским писателем А.Х. Налоевым для создания художественного образа в своих исторических романах. Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью углубленного изучения и комплексного описания языковой личности, привлекающей пристальное внимание в современном языкознании. Материалом анализа явились романы А.Х. Налоева «Всадники рассвета» и «Дом на берегу реки». В работе использованы описательный и сравнительный методы исследования, а также методы контекстуально-интерпретационного и лингвостилистического анализа. При формировании логически завершенных, запоминающихся художественных образов в анализируемых произведениях на историческую тему прозаик, добиваясь выразительности и образности произведения, для реалистичности передачи воспроизводимых им в романах событий, описываемого времени, мыслей, чаяний, взглядов и жизненной философии

персонажей умело использовал широкий спектр средств выразительности, в первую очередь – возможностей синонимов, синонимического ряда, антонимов, устаревших слов, диалектизмов, авторских неологизмов, фразеологизмов, которые являются мощными средствами выражения эмоционально-экспрессивных значений в художественном тексте.

Ключевые слова: авторский неологизм, антонимы, пословицы и поговорки, синонимы, синонимический ряд, устаревшие слова, формирование художественного образа, фразеологизмы, экспрессивность

Для цитирования: Камбачоков А.М. Некоторые лексико-фразеологические средства выражения экспрессивности, используемые при создании художественных образов в романах А.Х. Налоева // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 4. – С. 412-422. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-412-422. EDN: XFPZCV.

© Камбачоков А.М., 2024

Зи творческэ шыфэлЫфэ щхьэхуэрэ «хьэтI» хэхарэ зиIэжщ Къэбэрдей-Балъкъэрым и цыхубэ тхакIуэ Нало Ахьмэдхьан. КъыгъэщI образхэм я гъэпсыкIэрэ къыгъэсэбэп художественно-изобразительнэ IэмалхэмкIэ ар зыхуэдэ, зэщхь яхэткъым адыгэ тхакIуэхэм. «Къэбэрдейбзэм фIэкIа нэгъуэщIыбзэхэм тыншу пхуимыгъэтIэсэн оборотхэр, жыIэкIэхэр къыщыгъэсэбэпащ Налом и тхыбзэм. Аращ къызэрыIуэта бзэм и шэрыуагъымрэ дахагъымрэ къахуэнэу абы и тхыгъэхэр урысыбзэкIэ е нэгъуэщIыбзэкIэ зэдзэкIыгъуей щIэхьур» [Камбачокова 1999: 80]. Дагъыстан бзэщIэныгъэлIхэу Рамазановэ Д.А., Хасбулатовэ Х.М., Курбановэ З.Х. сымэ тэмэму гу зэрылытатащи, «тхакIуэр и IэдакъэщIэкIым щыхушIокъур и гурыгъу-гурыщIэхэр зэIухауэ тхыльеджэм и гум, и псэм нихьэсыну, зытетхыхь Iуэхугъуэхэм набдзэгубдзаплъэу хигъаплъэу абы и гушIэм зыхэщIэныгъэ зэхуэмыдэхэр щигъэушыну. Апхуэдэ хысэпкIэ абы къегъэIурыщIэр зыхэщIэныгъэр къызэзыгъэпэщ Iэмал зэмылIэужьыгъуэхэр. Ар хэмыту зэфIэувэркъым сыт хуэдэ художественнэ тхыгъэ нэсри» [Рамазанова, н. 2017: 89].

АтIэ лъэпкъым и гупсысэкIэр, псэукIэр, дуней еплъыкIэр къыгъэщI образхэм хильхьэн, зытетхыхь цыхухэм, Iуэхугъуэхэм, ахэр зыхиубыдэ зэманым тхыльеджэр щигъэгъуэзэн, «къыхигъэхутэн» папщIэ, и жылэр щIэщыгъуэ, гукъинэж ищIын щхьэкIэ сыт хуэдэ бзэ IэмалхэмкIэ Нало Ахьмэдхьан къызэригъэпэщрэ а псоми я пкъыр зэфIэзыгъэуэвэж зыхэщIэныгъэр?

ГъащIэм узыщрихьэлIэ зыхэщIэныгъэ зэмылIэужьыгъуэхэр бзэм къыщыгъэщIащ Iэмал зэтемыхуэхэмкIэ. Ар къызыхэкIыр псалъэр жызыIэр а жиIэм зэрыхушытыр къызэригъэлыагъуэрщ, къыщипсэлъкIэ хильхьэ щытыкIэрщ. Художественнэ тхыгъэхэм хэт образым и щытыкIэ нэхьыщхьэхэр ухуа зэрыхуэ зыхэщIэныгъэр къызэзыгъэпэщ Iэмал нэхьыщхьэхэм хохьэр лексикологием, морфологием, синтаксисым я Iэмал зэмылIэужьыгъуэхэр: синонимхэмрэ антонимхэмрэ я къэгъэсэбэпыкIэ щхьэхуэхэр; жыы хьуа псалъэхэр, псалъэщIэхэр, авторым къыгъэщIауэ щIэныгъэлIхэм «авторский неологизм» зыфIащэхэм хуэдэхэр образым хуэгъэлэжьэныр; гъэфIэныгъэ, гъэикIэныгъэ, фIэлIыкIыныгъэ, фIэмыфIыныгъэ, еубзэныгъэ, н. къызэрыкI аффиксхэр зыпыт псалъэхэр къэгъэсэбэпыныр; градаце, инверсие, оксюморон, парцелляция, эл-

липсис, н. бзэ Iэмалхэр кьэгъэIурыщIэныр; троп зэмылIэужьыгъуэхэр щIэгъэкъуэн кьэщIыныр.

А Iуэху бгъэдыхьэкIэ псоми ящышу ди лэжыгъэм щызэпкьрытхыр Нало А.Хь. и «Нэхуш шу» [Нало 1993], «Псы Iуфэм Iут унэ цыкIу» [Нало 1995] романхэм хэт образхэр зэрызэфIэгъэува зыхэщIэныгъэр лексикологиемрэ фразеологиемрэ я IэмалхэмкIэ кьызэрызэгъэпэщарщ.

Адыгэбзэм и лексикэр стиль и лъэныкьуэкIэ кьулей зыщI Iэмалхэм щышу романитIми увьпIэшхуэ щаубыдащ синонимхэмрэ антонимхэмрэ. ЗыхэщIэныгъэм и кьызэгъэпэщакIуэу художественнэ тхыгъэхэм зыубгъуауэ кьыщагъэсэбэпыр синонимхэр – зы псалъэ лъэпкьыгъуэм щыщхэу е псалъэ зэпхауэ зы мыхьэнэ е мыхьэнэ зэпэгъунэгъу зыщIэль единицэхэр. Ауэ, синоним кьызэрыкIуэхэм кьащхьэщыкIыжауэ, зыхэщIэныгъэр кьэгъэщIынымкIэ икьукIэ зэфIэкIышхуэ кьалыкьуокIыр синоним зэхуэхуф псалъэ зыбжанэм кьызэрагъэпэщыф синонимическэ ряд жыхуаIэжым. Рядым хэт синоним нэхэм (*мафIэдз – сеныч, хыв – хьэрэ, хьэлу – мэжаджэ* хуэдэхэм) кьащхьэщыкIыу, стилистическэ синонимхэр зыхэщIэныгъэкIэ нэхь гъэнщIащ, бзэм и стиль зэхуэмыдэхэм шагъуэт кьэгъэсэбэпыкIэки зэщхьэщокIхэр; гъащIэм и кьэхьукъащIэ гуэрхэр кьызэрагъэлягъуэм кьыдэкIуэу псалъэр жызыIэм а кьэхьукъащIэм хуиIэж хушытыкIэри IупщI кьащIыф. А синоним лIэужьыгъуитIми мымащIэу дыщрохьэлIэр Налом и «Нэхуш шум»: *Сыт цы-хум зыщIифыщIыжыр и гъащIэр фIы, дахэ, нэху, хуит, кIыхь ищIыну, ажал кьыщыпэплъэкIэ?* [Нало 1995: 312]. *Жыжъэу пцIантIэкум ит унэм и бжэр кьыIуаудри ицIалэ домбеитI хьэм кьыкIэлъильащ* [Нало 1993: 9]. *Iуэхур зэфIэкIауэ гурьщхуэ ищIыым тутынафэ хьыжъэу жылэм дэс БицIо Джы-рандыкьуэ езым игъэкIауэ ибзыжа сэмсун тутын гъуэжъ зэпылгъэфыр Тохьутар Къаныкьуэ Тэрчкьалэ бээрым кьыхуриха тхылымпIэпсым трилъхьэри ишыхьащ, и бзэгунэм иригъажэурэ тхылымпIэ кIапэр псыф ищIри тригъэищIэжащ.* [Нало 1993: 18]. Щапхьэхэм кьызэрыхэщщи, *ныкьуэкъуэн, лъэрызехьэ, ерыш*, псалъэхэм мыхьэнэкIэ гуэгъу яхуэхуу тхыгъэм кьыщыхьащ *зыфыщIыжын, домбей, хьыжъэ* стилистическэ синонимхэр.

Адыгэшымы и фIагъ псори кьиIуэтэн папщIэ тхакIуэм абы хужиIэркьым «дахэщ», «лъэрызехьэщ», «кьарууфIэщ», атIэ а псори зы псалъэкIэ кьыдгурегъэIуэф: *Иджы зы адыгэ лъэпкьым яш телъыджэхэм схухэплъыхьу кьысхухаха хакIуэр иэч кьытесэхьэркьым зэрытелъыджэм* [Нало 1993: 70]. *Цыхухэр вагоным кьыкIыу ицIадзащ жимыIэу «цыхухэр вагонхэм кьылъэлъу ицIадзащ»* жеIэр тхакIуэм. НэгъуэщI щыпIэ и деж Пщымахуэ хамэ мылкъум хэджэгухьын зэрыфIэфIыр мыпхуэдэ щыкIэкIэ кьыщыдегъащIэр: *Сыту гумащIи, хамэ мылкъукIэ жумарти хьужат Пщымахуэ* [Нало 1993: 103].

«Нэхуш шум» хуэдэу, «Псы Iуфэм Iут унэ цыкIу» романым и бзэми ущрохьэлIэ стилистическэ синонимхэм. Синонимическэ рядым щышу мыбдежми Налом кьыхихыр зытепсэлыхь Iуэхугъуэр нэхь зыхэщIэгъуафIэ пщызыщI, и Iуэху еплькIэр нэхь кьэгъэлъэгъуэгъуафIэ зыщI псалъэхэрщ. Щалъхуа щыпIэм епха гукьэкIыжхэр, и хэкум дахагъэу бгъэдэлым и инагъыр мыпхуэдэ щыкIэкIэ кьыдбгъэдэльхьэр абы: *Дэнэ-дэнэ, Хэкужъыр уи гъащIэ кьыпхуэнэжам и кIуэцIкIэ пхуэмыIуэтэн сурэт абрагъуэи, цыху IэщIагъэкIэ*

мыщлауэ, гъащлэм ищла сурэт телъыджэщ [Нало 1995: 253]. *Крупнов мащэм ихъэри щлым хэпыджэу щлудзащ и баш папцлэмкIэ* [Нало 1995: 261]. *Къэщлэрэщлэжурэ щлынIэ-щлынIэхэм ещыкIубланэ лэщлыгъуэм и пэ илъэс пльыщлыр ажалкIэ пицIэлыкIащ емынэм* [Нало 1995: 264]. *Уэлийм и шу гъусэхэр нэщхъейуэ мэджэдэж* [Нало 1995: 311]. *Хъэгъуэллыгъуэр еклужкIурэ махуэ заул дэкла нэжь, щауэри дунейкьутэжу къашиэжащ* [Нало 1995: 296].

Синонимхэм ехъэхуэу, уеблэмэ абыхэм япэ ищү пIэрэ жуигъэIэу зыхэщIэныгъэ щхъэхуэхэр къэгъэщIыным Нало А.Хь. хуегъэлажъэр антонимхэри. Стилъ и лъэныкьуэкIэ антонимхэм я къалэныр гупсысэр къызыбгъэдэкIым къиуатэ Iуэхугъуэхэм, ар зытепсэлъыхь къэхъукъащIэхэм, цIыхухэм я социальнэ щытыкIэ зэхуэмыдэхэм, я хьэл-щэнхэм, я Iуэху бгъэдыхьэкIэм, я теплъэм, авторыр зытепсэлъыхь Iуэхур къыщыхъу щIыпIэм, зэманым, н. я зэтемыхуэныгъэр, зэщхъэщыкIыныгъэр, уеблэмэ я зэпэщIэтыныгъэр IупщIу нэрылъагъу къащIынырщ. Апхуэдэ зэфIэкI антонимхэм щIагъуэтыр абыхэм мыхьэнэ и лъэныкьуэкIэ ябгъэдэль зэпэщIэуэныгъэм гупсысэр шэрыуэ, щIэгъэхуэбжъа зэрахуэщIырщ, текстыр щIэщыгъуэу къызэрызэрагъэлэщыфырщ, тхыгъэм хэт лIыхъужьхэм я щытыкIэ зэтемыхуэхэр, зэмыкIуалIэххэхэр зэхэбзауэ къызэрагъэлэщыгъуэфырщ, Iуэхур щекIуэкI щIыпIэр, зэманыр, зэрекIуэкI щIыкIэр, н. нэм къыщIэуэу зэрагъэбелджылыфырщ. Абыхэм я щапхъэ хъунуц зэпкърытх романитIым къыхэтха мы псалъэухахэр: *Тэрч уебакъуэмэ – Наурызхэци, укъебэжъуэжмэ – Талъостэнхэци* [Нало 1995: 275]. *Джэуищрэ Ностэрэ я бынитIыр ящлыгъуэу мэзым хэтIысхъащ, адэкIэ я Iуэху зэрыхъун тхьэм ещIэ: хэхъуэн, хэщIын я бжыгъэм, е хэклудэжыпэн мэзым, узыр къыздахъауэ къыщIэкIыу* [Нало 1995: 296]. *Ди инэралым и пхъур клудэуэ илъэс щлигъуауэ мэлъыхъуэ, лъыхъуэ пэтми ягъуэтырккъым е лIауэ, е псэууэ* [Нало 1995: 285]. *Лэскэн икIауэ Шэчэр щыхужкIуэм яуха къудейщ зэпагъэу къыщIадзэжым, зэныкьуэкъуэ зэклужмэ, шыгъэдэжэгу еплъмэ, джэдыкIэ еуэмэ, аргуэру уэрэд ирагъэжъэжурэ Шэчэр банэм хыхъэри я уэрэдыр яухащ, жэщи къатехъуащ* [Нало 1995: 271].

Дызэресэжауэ бзэм къыщыхэдгъэкI антонимхэм къащхъэщыкIыу, тхакIуэхэм, усакIуэхэм къагъэсэбэп хабзэщ контекст щхъэхуэхэм фIэкIа антоним щызэхуэмыхъу псалъэ зэхьэлIахэмрэ авторхэм езыхэм къагъэщIыжа антонимхэмрэ. А антоним лIэужьыгъуитIми зыхэщIэныгъэр къэгъэщIынымкIэ, тхыгъэм хэт образхэр къызэфIэгъэуэнымыкIэ ябгъэдэль зэфIэкIыр куэдкIэ нэхьыбэщ антоним къызэрыгуэкIхэм ейм нэхърэ. Апхуэдэхэщ, псалъэм папщIэ, Налом и тхыгъэхэм къыхэтха мы щапхъэхэм контекстым антоним щызэхуэхъуа лIэмэ, къелмэ псалъэхэм худэхэр: *Жылэр лIэмэ, дэри дылIэниц, жылэр къелмэ, дэри дыкъэлыниц* [Нало 1995: 266].

Лъэпкъым и гупсысэкIэр, махуэ къэс илэжъ Iуэхугъуэхэр, къигъэсэбэп Iэмэпсымэхэм зэреджэр, и хабзэхэр, и Iуэху зехьэкIэр а лъэпкъым Iурылъ бзэм къанэ щымыIэу къыхощ. Абы къикIуа гъуэгуанэ кIыхьым и фэеплъу бзэм къыхэнауэ урохьэлIэжыр зэгуэрым щIэх-щIэхыурэ къагъэсэбэпу щыта, иджы IэщIыб хъужа фIэщыгъэщIэхэм щыщ куэдым. ЩIэныгъэлIхэр абыхэм жьы хъуа псалъэкIэ йоджэр икIи гупитIу зэщхъэщагъэкI: историзмрэ архаизму. Историзмхэр ар нобэрей ди гъащIэм узыщримыхьэлIэж хьэпшыпхэм,

къэхъукъащІэхэм я фІэщыгъэцІэхэрщ. Хьэпшыпхэр, къэхъукъащІэхэр гъащІэм зэрыхэкІым папщІэ, ахэр езыхэри къамыгъэсэбэпыж мэхъу, абыхэм я фІэщыгъэхэри цІыхум хуэм-хуэмурэ яІэщІоцхуж. Абыхэм нэхъ ущрихьэлІэр щІэныгъэм ехьэлІа тхыльхэрщ. «Историзмхэр ІэкІуэлякІуэу къыщыгъэсэбэпащ ди тхакІуэхэм я тыгъэхэми. Іуэхугъуэхэр щекІуэкІ лъэхъэнэм, ар тхыдэкІэ зыхуиубыдэ щІыпІэм, сюжетым къызэщІиубыдэ лъэпкъхэмрэ хэкухэмрэ тхыльеджэр напІэзыпІэм хигъэхутэу Іуэху екІуэкІыр «и нэкІэ иригъэлягъун» папщІэ тхакІуэм нэщыпхъуэ щІыкІэу къызэкъуепхъуэтыр налкьут зэщІэпщІыпщІэу тхыгъэм хэпхъа историзмхэр – лІэщІыгъуэкІэрэ лъэпкъым къыдэгъуэгурыкІуэурэ хуэм-хуэмурэ тхыдэм хэкІуэдэжа фІэщыгъэцІэ зэхуэмыдэхэр» [Къэмбэчокъуэ, н. 2021: 15-16]. Ахьмэдхъан и романитІми щымащІэкъым образхэр къэгъэщІыным тригъэлажъуэ тхакІуэм къыгъэсэбэпа апхуэдэ жьы хъуа псалъэхэр. ГъащІэм и Іуэхугъуэу зэхьэлІахэм елытауэ ахэр гуп зыбжанэу зэщхьэщокІхэр, щыгъыным, шы Іэпслъэпсым, зауэ хуэлухуэщІэхэм, гуащІэдэкІым, псэуальэм, цІыхухэм я социальнэ зэхушытыкІэхэм епхэхэу: *къэптал, лъей зэфІэт, гуэнишэрыкъ, уагъэ, гуэбэнэч, абэ, джэрыщІэ, бгъэрыщІэ, шыщІэль, шыщІэдз, къэльтмакъ, шыфІэдзанІэ, аркъэн, сотня, ротмистр, подьесаул, мыжурэ, дзэпц, дохъутей, пхьэлэцэжъ, фэІуадзэ, пщы, пащтыхь, лакъуэлІэш, лъхукъуэлІ, пщылІ, уэркъ, бейгуэл, гуащэ, хъан, сохъустэ, цхьэгъубжэІупІэ, пхьэ вакъэ, дэнлъэч, гъуо, шыплъэ, н.*

Архаизмхэри, историзмхэм хуэдэу, блэкІа зэманым ехьэлІащ, ауэ историзмхэм къыщхьэщыкІыу, ахэр зи фІэщыгъэцІэ хьэпшыпхэр гъащІэм хэкІакъым: иджырей фІэщыгъэ ягъуэтауэ аращ: *шыбзэ, дэрэбинэ, нэд, къамышы, къащыкъ, лъатхъуэ, н.*

Къэтхьынщ апхуэдэ жьы хъуа псалъэ лІэужьыгъуитІми ящыщ зыхэт псалъэухахэм я щапхъэ зыбжанэ: *Пщым и унафэр взводнэм ялыгъэсри планыр зэрагъэзэщІэным зыхуагъэхъэзыру щІадзащ* [Нало 1993: 133]. *Абы щыгъуэми сыт хуэдэ пщылІ ар езыр!* [Нало 1993: 46]. *Уэркъыр псалъэкІэ зыгъэпудам сыт хуэдэ жэуап иритыжми хуэфащэти, Залымджэрий жэуап иту щІидзащ* [Нало 1993: 62]. *Унэ бжэІупэм нэгъуэщІ пхьэльтатхъуэ хэти, ар езыхэмрэ унэ хьэщІэхэмрэ яйщ, дауикІ* [Нало 1993: 33]. *ЩІалэм я Іуэхури хуэзэжэ зытеха гуэнишэрыкъ фІыцІэ, шухъэ цей, гуэнишэдэж, щІыІунэ-щІыІуцхьэ зэрым къэптал, хъурыфэ пыІэ фІыцІэ, нывоупцІитІ къудей къызэдзыха бгырыпх псыгъуэкІэ зэфІэмыкІыж хъуащ* [Нало 1993: 40]. *Узэплын гъэщІэгъуэн щІэлькъым – шыкІэпшынэр блыным фІэдзащ, тас, къубгъан бжэ къуагъым къуэти, жыхапхэм пэгъунэгъуу тахьтэбан зы блыным кІэрыти, упицІэ иубгъуауэ, арджэн хужь кІыхь фІэдзащ* [Нало 1993: 117].

Дэтхэнэ тхакІуэми, усакІуэми и хьэтІыр зыми ейм емыщхь зыщІ, художественнэ тхыгъэм щхьэхуэныгъэ ин дыдэ езыт Іэмалхэм ящыщ авторым къыгъэщІауэ щІэныгъэлІхэм «авторский неологизм» зыфІащэхэм хуэдэ псалъэщІэхэмрэ псалъэ зэпхэхэмрэ образым хуэгъэлэжъэныр. БзэщІэныгъэлІ Ахмановэ О.С. къызэрилъытэмкІэ, «апхуэдэ псалъэщІэхэр художественнэ тхыгъэр зи ІэдакъэщІэкІым къызэригъэпэщауэ, а тхыгъэм и щІыбкІи къэгъэсэбэпынагъышхуэ щызымыгъуэт хабзэ стилистическэ неологизмщ» [Ахманова 1966: 261-262]. Абы къыщхьэщыкІыу, Лопатин В.В. гу лъетэр индиви-

дуально-авторский неологизм жыхуэтГэхэр кыщагъэщІа тхыгъэ кыудейм и закъуэ щызекІуэкІэ зэфІэмыкІыу бзэм хыхьэрэ ар зыІурыль лъэпкъым кыигъэсбэп хьууэ мымащІэрэ узэрырихьэлІэм. «Абы и шапхъуэ урикъуни Гончаровым и «обломовщинэм» е Северяниным кыигъэщІа «бездарь» псалъэм, – етх щІэныгъэлІым [Лопатин 1973: 67].

Стилистичекэ кыалэн щхьэхуэхэр ягъэзащІэу Налло А.Хь. кыигъэщІа псалъэщІэхэмрэ псалъэ жыІэкІэщІэхэмрэ кыызекІуэщІахыр псалъэм иІэнкІэ хьу мыхьэнэщІэхэр е эмоциональнэ щытыкІэ зэхуэмыдэхэр. Апхуэдэ псалъэщІэхэр зыхэщІэныгъэкІэ гъэнщІахэщи, ахэр тхакІуэм кыегъэсбэпыр зытетхыхь предметхэм, кыэхьукъащІэхэм, щытыкІэхэм яхуиІэ хущытыкІэр (ярит оценкэр) игъэбелджылын папщІэ. Зэпкъыртх романитІми ахэр кыщыхьащ ауан щІыныгъэ, гущІэгъу хуэщІыныгъэ, щІэщыгъуагъэ, н.кь. мыхьэнэхэр кыарыкІыу. Абыхэм ящыщ, псалъэм папщІэ, *уджэфа, иувыІыхьын, кыищІэувыІыхьын, еІушэкІын, хьэгъуэлІыгъуэ кугъуэ, уэгъужь, кыищІэпэщыкІын, жэмакІуэ*, нэгъуэщІа псалъэхэмрэ псалъэ зэпхахэмрэ хуэдэхэр: *Кыисхуэнэжар сэ слъэгъуа мащІэм сщІэ тІэкІур хэслъхьэжу, кыисфІэщІыр щІызгъужурэ банэу щытауэ иджы уджэфа уи Іуфэ Іуса, Іус си кыуажэ лъанІэм хуэсІуэтэжыф тІэкІуриц* [Налло 1995: 253]. *Крупнов зыри жимыІэурэ мащІэбгъум деж нэхь кыи-пыджыхьыну иувыІыхьащ* [Налло 1995: 261]. *Джабэм еІушэкІауэ ещІэкІа унэ кІыхь лъахьшэм и зы пэшым хьэщІэ нэхьыщІэхэр щІашащ* [Налло 1995: 272]. *Хьэуэ, хьэгъуэлІыгъуэ псор зы щІантІэм дэхуауэ аракыым кыэхьуар – Талъостэн хьэблэ псом ар дэгъуэшат, уэрамри дэкІуэу – ауэ хьэгъуэлІыгъуэ кугъуэр щІантІэм кІуауэ аращ кыэхьуар* [Налло 1995: 276]. *Ауэ ГуэбэщІыкІ Мухьэмэд здэкІуа жылэ вакІуэм витІ фІэкІ хэттэкыым – адрей псори жэмт. Абы кыыхэкІыуи вакІуэм нэхьрэ жэмакІуэ жыІам, нэхь пэжт мы лэжыгъэ нобэ ялэжыым елытауэ* [Налло 1995: 325].

Художественнэ тхыгъэм и бзэр кыулей зыщІа Іэмалхэм ящыщІа гъэфІэныгъэ, гъэикІэныгъэ, н.кь. мыхьэнэхэр аффикс зэмылІэужыгъуэхэмкІэ кыызэгъэпэща мыхьуу ар зи купщІэм езым хэлыж псалъэхэр кыэгъэсбэпынри. Ахэр эмоционально-экспрессивнэ щытыкІэ, оценочнэ мыхьэнэ зыщІэль псалъэ щхьэхуэхэщ, псалъэр жызыІэм кыиІуатэр нэхь щІэгъэхуэбжъауэ и псалъэгъум и деж нихьэсын папщІэ определэнэ хысэпу кыигъэсбэпу. Апхуэдэ псалъэ щхьэхуэхэр экспрессиекІэ гъэнщІащ. А бзэ Іэмалми кыыхуигъуэт кыэгъэсбэпыкІэм Ахьмэдхьан хузэфІегъэкІыр романхэм хэт лыхьужьхэм щыщ дэтхэнэми и хьэл-щэныр, дуней тетыкІэр, зи гугъу ищІым хуиІэ еплъыкІэр ІупщІу тхыльеджэм и пащхьэ ирильхьэну: *Бэчыжь Хьэжым и хьэгъуэлІыгъуэр нобэ ещанэу махуищ хьуауэ зэхэтиц, щІымахуэ жэщыр ягъэзджызджери* [Налло 1993: 23]. *Гупыр йожьэжери бжэ лъахьшэм гъэшауэ щІэпщхьэжа лыжыитІым кІэлъаунэти, и блыпкыыр щауэкъуэтымрэ нэгъуэщІа зымрэ яІыгыгу шауэ гъэщІэрэщІар пэшым щІашэри ягъэуэ* [Налло 1993: 28]. *Мишкэр иралъэфэжьэжери зэрехьэжьэжащ гупыр* [Налло 1995: 259]. *Мусэ и щІыбкІэ еукІуриех Тэрчыжь и псэр кыфІми хухэмыхауэ гъуахьуэу мывальэ лъэгур къретхьу* [Налло 1993: 298].

Зэпкъыртх романхэм хэт образхэм телажьэ зыхэщІэныгъэр кыызэзыгъэпэщ Іэмалхэм ящыщІа кыызэрыгуэкІ псалъэкІэм и стилим гуп щхьэхуэу кыщы-

хагъэКІ вульгаризмхэр, нэгъуэщІу жыпІэмэ гурбияныгъэ, шхыдэ кызырыКІ псалъэхэр къэгъэсэбэпыныр. Я купщІэм хэль зыхэщІэныгъэКІэ ахэр куэдКІэ нэхъ лъэрызехъэщ я лъапсэгъу псалъэ кызырыгуэкІхэм нэхърэ. Вульгаризмхэр тхакІуэм щІэгъэкъуэн кыщищІыр и тхыгъэм щыщу губжь, арэзы мыхъуныгъэ зыхэль Іыхъэхэр, зэфІэнэныгъэ кызырыКІ, шхыдэ зыхэль псалъэмакъхэр кыщритхэкІКІэщ: *Мы тхъэр нахуэу зыгъэщІын бзагуэм физ кыхуамышам зэгуэдынути жылэр. Махуищ хъуауэ здэщІэр тцІэркъым а ди кхъуэнэр. Алыхъым и бэлыхъыр зэтрилъхъэн хъэгъуэлІыгъуэ! Дэ Іэщи-фэщи, унагъуи дыхуеиж Бэчыжъ Хъэжыжъым и бзагуэм физ щигъуэтакІэ!* [Нало 1993: 23] *Мыр сыт, хъэлуцэм кыльхуа, хъэкІэкхъуэкІэ ухъуаи, нэхъыжъи нэхъыщІи умыщІэжсу?!* [Нало 1993: 62].

Тхыгъэм хэт лыхъужьхэм я образхэр кызыэфІэгъуэвэнымКІэ, абыхэм я гупсысэм и кууагъыр, я къэухъыр, я хъэл-щэныр, дуней тетыКІэ зэхуэмыдэхэр уеблэмэ щыпсэу щІыпІэр щыуагъэншэу игъэбелджылынымКІэ мыхъэнэшхуэ иІэщ тхакІуэм абыхэм яІурильхъэ бзэм, псалъэкІэм. Абы и зы шапхъэщ Налом и романхэм диалект псалъэкІэм къащыхуигъуэт къэгъэсэбэпыКІэр, псалъэм папщІэ, «Нэхущ шум» хэт Батырбэч зыхуэза мээдэгу адыгэм и псалъэкІэу дигъэлыагъур: *Сэри сыадыгэс. Мы къалэм псэур мэзыкІым, атІэ къэзакъс. Уэ ухъэсІэн ухуей? Сэ сыбысымс. Неблагъэ.* [Нало 1993: 373]. *Дэ Шыдэкъейхэ да-сыс. Шыдэкъей Николай Афанасьевич хъузыр сэрас. Мырэ си схъэгъусэс, и цІэр Нюрэс, Нуси заІэ мэхъу* [Нало 1993: 375].

Апхуэдэ дыдэщ «Псы Іуфэм Іут унэ цІыКІум» хэт Алимырзэ лыжъым и псалъэкІэри: *КІыхъ жыхуаІэр апхуэдэ: илъэситІым, щыІым, илъэсрэ мазитІрэ къудейрІэ? АІэ кІыхъІым, игъуэщ* [Нало 1995: 273]. *АІэ, кІыхъщ зысІэу араІым, ауэ пІальэр зэрагъэлэпхъуаращ щІызысІэр* [Нало 1995: 273]. КІахэм щыщ Сэфарбий лыжъми и бзэм *аби*, *щэ* пкъыгъуэ кІэрыдзэнхэр мымащІэрэ хигъэуэу къегъэлыагъуэ: *«Ди пащтыхъыр яукІынущ» жалэри псалъэмакъ ящІати, дабгъэдэсынукъым мыбы жалэри, еуэщ аби, пхъэ зэпхакІэ къежъэщ аби-щэ, джылахъстэнейр кынэщ аби, адыгэ лъэпкъыр мыбы дыкхыхъэжащ аргуэру* [Нало 1995: 280]. *Сэри сылІыжъыщи-щэ, фи быным сахэсынищ* [Нало 1995: 280]. *Армыхъумэ-щэ дэ ди лъэпкъыр дин зымыдэу щыта лъэпкъыщ.* [Нало 1995: 282].

Дэтхэнэ тхакІуэми и творческэ зэфІэкІыр, абы и ІэдакъэщІэкІхэм ябгъэдэль художественнэ къарур нэхъыбэу зыгъэбелджылыр и тхыгъэм и бзэм и къулеягъымрэ и шэрыуагъымрэщ. Ар зэхъэлІэжар тхыгъэр зи ІэдакъэщІэкІым къыгъэсэбэп дэтхэнэ псалъэми, псалъэ зэпхами я купщІэм мыхъэнэуэ къыпкърыКІыну псом щыщу къыпкърихыфым и инагъырщ. Махуэ къэс къэдгъэсэбэп *унэ, хадэ, бгы, псы* псалъэ щхъэхуэхэмрэ *уафэ къащхъуэ, щІыльэ щхъуантІэ, тхыль еджэн, гуапэу псалъэн* псалъэ зэпха кызырыгуэкІхэмрэ къадэкІуэу бзэм хэтщ зы мыхъэнэ фІэкІа кызырымыКІ, ауэ апхуэдэ щІыКІэкІэ къэІуэта мыхъэнэр нэхъ лъэщү зэрызыхэпщІэ, нэхъ гукынэжу кызырыпІуэтэф зэкІэщІэпч мыхъу псалъэ зэпхахэри. Фразеологизмхэрщ ахэр. ЖыІэныгъэр щІэзыгъэхуабжьэ, псалъэр жызыІэм и гупсысэр нэхъ образнэу, гъэхуауэ, узэщІауэ псалъэгъум и деж зэрынахъэсыф а Іэмал хъэлэмэтым и фІыгъэкІэ цІы-хум и гум щыщІэр, и псэм дэкІхэр, абы и дуней тетыКІэр, Іуэхугъуэ

зэмылгэужыгъуэхэр зэрэглукI щыкIэхэр, нэгъуэщIхэри нэхъ куууэ, щIэгъэхуэбжъауэ, гукьинэжу къэлуэта мэхьур. ГъэщIэгъуэнщ абы и лъэныкъуэкIэ Налом фразеологизмхэм къахуигъуэт къэгъэсэбэпыкIэр: *Ермоловым ар зэхихыжа иужькIэ хьэр къытригъажьэу писъмо къыхуитхащ* [Нало 1995: 305]. *Абы хэтхэм я псэм ищIащ я гъащIэ хуитым кIэ зэригъуэтар... Я ицхьэр абы къыфIихащи, гум щыщIэ а гупсысэм я нэклур нэцхъей ещI* [Нало 1995: 308]. *Пщымахуэ и тешанкIэр, лэжъакIуэгухэм тIэкIу трагуэнтIыкIри гъуэгу кърата пэтми, хывхэм хьымпIар къащIыртэкъым, старшынэр дэнэ къэна, абы и адэр къэкIуами, текIын я мурадтэкъым* [Нало 1993: 102]. *Къурмэн и ицхьэфэцим зегIэт, Хьэжумар къогуфIэри тогушхуэ, къыщIиха куэзырыр зэгъэдзэкIуэ стIолым тредзэ* [Нало 1993: 110]. *Фызхэм унацхьэр трачу уэрэд жаIэ* [Нало 1993: 123]. *Жэщ псом гугъу еху гъуэгурыкIуа шы ешахэр хьэлъэу бауэу йолэхэр, я псэр пичу, къару ямыIэжу я хьэлъэ ялъэфхэр* [Нало 1993: 138].

Фразеологизмхэм къадэкIуэу гупсысэм художественнэ къару хэзылхьэ жыIэкIэхэм ящыщу, апхуэдэ къалэн дыдэхэр ягъэзащIэу романхэм къыщыхьащ псалъэжхэмрэ псалъэ шэрыуэхэмрэ. Лъэпкъ гупсысэкIэ къэгъэщIа псалъэжхэмрэ псалъэ шэрыуэхэмрэ я къызэгъэпэщакIуэхэщ егъэпщэныгъэ, антитезэ, персонификация, эпитет, къытегъэзэжыныгъэ, метафорэ, гиперболэ хуэдэ стилистическэ Iэмалхэр. Абыхэм я купщIэм хэлъщ лъэпкъым и гъашIэм щызекIуэ хабзэм, Iушыгъэм, дуней тетыкIэм, дуней еплъыкIэм ехьэлIауэ «къезэгъ-къемызэгъ» и лъэныкъуэкIэ цIыхур зэрыгъуэзапхъэ пщалъэ нэхьыщхьэхэр. Псалъэжхэмрэ псалъэ шэрыуэхэмрэ я пщэ къыдохуэр гъэсэныгъэм, ущииныгъэм ехьэлIа къалэн зэхуэмыдэхэр. А жыIэгъуэхэм кIэщIу икIи жьакIуэу щыгъэбелджылащ, щызэщхьэщыхащ емрэ фIымрэ, бзэр зыIурылхэм ялэжыпхьэмрэ зызыщадзеипхьэмрэ, гъащIэм къыщезэгъымрэ зызыщахъумапхьэмрэ. ЗэхьэлIа Iуэхугъуэхэр ягъэбелджылы къудейкIэ зэфIамыгъэкIуэ, псалъэжхэм а Iуэхугъуэхэм яхуэфашцэ щытыкIэри къагъэлыагъуэр, оценкэ иратыр. Апхуэдэхэщ Нало А.Хь. и романхэм къыщыхь псалъэжхэм щыщу мы къэкIуэнухэр: *Гъунэгъурэ гъуэнишэджэрэ жыхуаIэр аращ, шы нэхьыщIэ* [Нало 1993: 285]. *Быдэ янэ гъыркъым, жи, гъэтIылыгъэкIи дыбэлэрыгъ хьунукъым* [Нало 1993: 210]. *Зым хуэмыфI хьэдрыхэ ягъакIуэркъым жи адыгэм* [Нало 1993: 41]. *Е дылIэнищ, е дылIынищ. Мыбы дэ дших щылэжкъым* [Нало 1993: 117]. *Абы ицхьэкIи «дэтхэнэ унагъуэми хабзэ ицхьэхуэ илъщ» хужаIэ, нэхъ зэхьэкIауи «зэгъунэгъитI я мэл бжыкIэ зэтэхуэркъым» щыжаIи къохуэ* [Нало 1993: 50]. *«Пхьурылхур кыхьэмэ, псатхьэр магъ» жи. УгъурлыгъэкIэ кыхьауэ тхьэм къыщIигъэкI ди пхьурылхури* [Нало 1995: 273].

Гу лъытапхьэщ тхакIуэм языныкъуэ псалъэжхэмрэ псалъэ шэрыуэхэмрэ авторскэ бгъэдыхьэкIэ щхьэхуи къазэрыхуигъуэтым. Абыхэм ящыщ куэдым я пэщIэдзэ щытыкIэм Налор токIри ахэр зэрыщыта дыдэм хуэдэу къыгъэсэбэпкIэ зэфIимыгъэкIуэ, псалъэжъ, псалъэ шэрыуэ щхьэхуэхэм къатрешIыкIыжыр и гупсысэр нэхъ гъэхуауэ тхылъеджэм деж зэрынихьэсын псалъэ фашцэ щхьэхуэхэр: *Упсэуну ухуеймэ, къэнэжсыр зыщ: делэм уэ гурылуэ, губзыгъэр езыр къыбгурылуэнищ* [Нало 1995: 258]. Мыбдежым *Делэм уэ фIэкI, губзыгъэр езыр къыпфIэкIынищ* псалъэжыыр мащIэу щызэрихьуэкIауэ аращ. *ЩIым къыщIатIыкIыж гъащIэр нобэрей гъащIэм и пэщ* [Нало 1995: 255]. Апхуэдэ

дыдэщ мы къэкIуэну шапхъэхэми тхакIуэм *Хэкужьыхьэ лъэщц; Пэ зиIэм кIэи иIэщ; БжъэпциитI зы матэм дэзагъэркъым жыIэгъуэхэм къахуигъуэта къэгъэсэбэпыкIэр: Пэ зимыIэм куи нэи иIэкъым* [Нало 1995: 255]. *Аращ пасэрейм «Хэкужьыхьэ лъэщц» щIыжсиIари* [Нало 1995: 254]. *Иджы Алексеевыр Восток жыжъэм и пащтыхь ныкьуэщ, дзэтиц нэхъыщхьэуи къонэж. КIэщIу жытIэмэ, дзэпциитI зы дзэм иIэным, бжъэпциитI зы матэм зэрыдэмызагъэм ещхьу, фIы къишэн хуейкъым* [Нало 1993: 77].

Лэжыгъэм и кIэухыу жыIэпхъэщ Нало Ахьмэдхъан тхыдэм теухуа и романхэм щызэфIигъэува образ купщIафIэхэр къигъэщIын, абыхэм хэт лIыхъужьхэм я теплъэр, гупсысэкIэр, дуней тетыкIэр, дуней еплъыкIэр, тхыгъэхэм къыщыIэта Iуэхугъуэхэр щекIуэкI щIыпIэр, лъэхъэнэр, н. тхыльеджэм нэрылгагъу, фIэщ щIыгъуафIэ ящищIын папщIэ лексикологиеми, фразеологиеми, морфологиеми, синтаксисми я IэмалхэмкIэ къызэгъэпэща зыхэщIэныгъэр IэкIуэлякIуэу къызэригъэсэбэпар. Абыхэм ящыцу ди лэжыгъэм нэхъ тегъэчыныхъауэ дыкьыщытеувыIащ лексикологиемерэ фразеологиемерэ я Iэмал зэмылIэужыгъуэу щIэгъэкъуэн къищIахэм: образыр зэфIигъэуваным хуигъэлажъэ синонимхэм, синоним рядым, антонимхэм, къызэрыгуэкI псалъэкIэм, гъэфIэныгъэ, гъэикIэныгъэ хуэдэ мыхъэнэхэр зи купщIэм хэлъыж псалъэхэм; тхакIуэр зытепсэлъыхь Iуэхугъуэр нэхъ IупщI ищIын хысэпкIэ абы и лъапсэгъу нэгъуэщI Iуэхугъуэ гуэрым ар зэрырилъыт, егъэпщэныгъэкIэ зэджэ Iэмалым; персонажым хуиIэ щытыкIэр нэхъри игъэбелджылын папщIэ авторым езым къигъэщIа псалъэщIэхэм; Iуэхур щекIуэкI щIыпIэмерэ лъэхъэнэмерэ я нэпкъыжъэ зытелъу текстым хигъэуэвэ жьы хъуа псалъэхэмрэ диалект псалъэхэмрэ; тхакIуэм и жыIэр нэхъ щIэгъэхуэбжъа, фIэщ щIыгъуафIэ, тхыгъэм и бзэр нэхъ дахэ, гъэхуа ирищIу къигъэсэбэп, лъэпкъым къыдэгъуэгурыкIуэ псалъэ зэпха, псалъэуха хъэзыру щыт фразеологизмхэм, псалъэжъхэмрэ псалъэ шэрыуэхэмрэ.

КЪЭДГЪЭСЭБЭПА ЛЭЖЫГЪЭХЭР

Ахманова 1966 – *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов – М.: Советская Энциклопедия, 1966. – 608 с.

Камбачокова 1999 – *Камбачокова Р.Х.* Адыгский исторический роман. Становление и развитие жанра, формирование историзма художественного мышления и проблемы художественной интерпретации исторической действительности. – Нальчик: Эль-Фа, 1999. – 118 с.

Къэмбэчокъуэ 2021 – *Къэмбэчокъуэ И.М., Гъубжожокъуэ Д.Дж., Кул А.А.* Iутыж Борис и драматическэ тхыгъэхэм я бзэ къэгъэщIыкIэм хэль щхъэхуэныгъэхэр. (Художественные особенности языка драматических произведений Бориса Утижева). – Нальчик: Издательство Кабардино-Балкарского государственного университета, 2021. – 55 с. (На кабардино-черкесском яз).

Лопатин 1973 – *Лопатин В.В.* Рождение слова: неологизмы и окказиональные образования. – М.: Наука, 1973. – 151 с.

Нало 1993 – *Нало А.Хь.* Тхыгъэхэр томищым щызэхуэхъэсауэ. ЕтIуанэ том. Нэхуц шу. (Избранные произведения: В трех томах. Том 2: (Всадники рассвета). – Нальчик: Эльбрус, 1993. – 400 с. (На кабардино-черкесском яз).

Нало 1995 – *Нало А.Хь.* Тхыгъэхэр томищым щызэхуэхъэсауэ. Ещанэ том. Псы Iуфэм Iут унэ цIыкIу. (Дом на берегу реки). – Нальчик: Эльбрус, 1993. – 384 с. (На кабардино-черкесском яз).

Рамазанова 2017 – Рамазанова Д.А. Хасбулатова Х.М., Курбанова З.Х. Экспрессивность в художественном тексте и способы ее выражения // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные науки. Т.11. № 3. 2017 С. 86-91.

REFERENCES

AKHMANOVA O.S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov*. [Dictionary of Linguistic Terms] Sovetskaya Ehnciklopediya, 1966. – 608 p. (In Russ.).

KAMBACHOKOV A.M., GUBZHOKOVA D.D., KULOVA A.A. *Khudozhestvennye osobennosti yazyka dramaticheskikh proizvedenij Borisa Utizheva*. [Artistic features of the language of Boris Utizhev's dramatic works]. – Nal`chik, Izdatel`stvo Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo universiteta, 2021. – 55 p. (In Kabardino-Circassian language).

KAMBACHOKOVA R.H. *Adygskij istoricheskij roman. Stanovlenie i razvitie zhanra, formirovanie istorizma khudozhestvennogo myshleniya i problemy khudozhestvennoj interpretacii istoricheskoy dejstvitel'nosti*. [The Adyghe historical novel. The formation and development of the genre, the formation of historicism of artistic thinking and the problems of artistic interpretation of historical reality]. – Nal`chik: E`T`-Fa, 1999. – 118 p. (In Russ.).

LOPATIN V.V. *Rozhdenie slova: Neologizmy i okkazional'nye obrazovaniya*. [The birth of the word: Neologisms and occasional formations]. М.: Nauka, 1973. – 151 p. (In Russ.).

NALOEV A.H. *Izbrannye proizvedeniya: V trekh tomakh. Tom 2: Vsadniki rassveta*. [Selected works: In three volumes. Volume 2: Horsemen of the Dawn.] – Nal`chik: E`T`brus, 1993. – 400 p. (In Kabardino-Circassian language).

NALOEV A.H. *Izbrannye proizvedeniya: V trekh tomakh. Tom 3: Dom na beregu reki: Roman*. [Selected works: In three volumes. Volume 3: The House by the River: A novel.] – Nal`chik: E`T`brus, 1993. – 384 p. (In Kabardino-Circassian language).

RAMAZANOVA D.A. KHASBULATOVA H.M., KURBANOVA Z.H. *Ekspressivnost' v khudozhestvennom tekste i sposoby ee vyrazheniya*. [Expressivity in a literary text and ways of its expression] IN: *Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki*. [Proceedings of the Dagestan State Pedagogical University. Social Sciences]. Т. 11. - № 3. – 2017. – S. 86-91 (In Russ.).

Авторым теухуауэ

Къэмбэчокъуэ I.M. – филологие щІэныгъэхэмкІэ доктор, профессор.

Information about the author

A.M. Kambachokov – doctor of sciences (Philology), professor.

Информация об авторе

A.M. Камбачоков – доктор филологических наук, профессор.

Тхыгъэр редакцэм къагъэхъащ 09.10.2024 гъ.; рецензэ нэужьым къаштащ 12.12.2024 гъ.; къытрадзэнущ 27.12.2024 гъ.

The article was submitted 09.10.2024; approved after reviewing 12.12.2024; accepted for publication 27.12.2024.

Статья поступила в редакцию 09.10.2024 г.; одобрена после рецензирования 12.12.2024 г.; принята к публикации 27.12.2024 г.

Научная статья
УДК 811.352.3
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-423-437
EDN: CXACRB

АНТИТЕЗА КАК СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП ОРГАНИЗАЦИИ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОЙ ПОСЛОВИЦЫ

Дина Мухарбиевна Кумыкова¹, Элина Тугановна Кумыкова (Гучапшева)²

¹ Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, dina07-09@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7985-0144>

² Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, etkumykova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2830-4941>

Аннотация. Принцип контрастивной организации структурного и семантического уровней пословичного текста, по признанию ведущих паремиеологов, является одним из наиболее ярких паремийных маркеров. Реализация данного принципа в кабардино-черкесских пословицах все еще остается недостаточно изученной. Систематизация инвентаря стилистических приемов, посредством которых выражается контрастная семантика в кабардино-черкесских паремиях – одна из актуальных задач, к решению которой приближает настоящая работа. Статья посвящена рассмотрению одной из основных стилистических фигур контраста – антитезе как форме демонстративно выделенного противопоставления в пословице. На основании структурно-функциональных характеристик данной стилистической фигуры, предложена ее классификация. Определены наиболее репрезентативные для кабардино-черкесских паремий типы антитез. Показано, что в создании пословичной антитезы, наряду с языковыми антонимами, активно принимают участие контекстуальные антонимические корреляции, а экспликатором антонимирования лексических единиц, содержащих в себе потенциальные возможности для контрастного противопоставления, является сама антитетическая конструкция. Исследование структурно-семантических особенностей кабардино-черкесских паремий убеждает в универсальности пословичной антитезы как важного средства выражения контраста, а также в специфичности способов ее создания, что обуславливает перспективность ее дальнейшего изучения.

Эмпирической базой исследования послужили кабардино-черкесские пословицы и поговорки из сборников пословиц 1994 г. (составители А. Гукемух, З. Кардангушев) и 2016 г. (составитель Л. Гутова), из которых методом сплошной выборки были отобраны паремии, основанные на контрасте.

Ключевые слова: кабардино-черкесский язык, паремия, антитеза, синтаксический параллелизм, языковые антонимы, квазиантонимы, квазиантитеза

Для цитирования: Кумыкова Д.М., Кумыкова (Гучапшева) Э.Т. Антитеза как структурно-семантический принцип организации кабардино-черкесской пословицы // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 4. – С. 423-437. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-423-437. EDN: CXACRB.

© Кумыкова Д.М., Кумыкова (Гучапшева) Э.Т., 2024

Original article

ANTITHESIS AS A STRUCTURAL AND SEMANTIC ORGANIZATION PRINCIPLE OF A KABARDIAN-CIRCASSIAN PROVERB

Dina M. Kumyкова¹, Elina T. Kumyкова (Cuchapsheva)²

¹ Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, dina07-09@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7985-0144>

² Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia, etkumyкова@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2830-4941>

Abstract. The principle of contrastive pattern on the structural and semantic levels in the proverbial text arrangement, according to leading paremiologists, constitutes one of the most striking paremic markers. The implementation of this principle in Kabardian-Circassian proverbs is still insufficiently studied. Systematization of the inventory of stylistic devices through which opposition is realized in Kabardian-Circassian proverbs stamps one of the urgent tasks. The presented work brings us closer to the solution of the issue. The article is devoted to the investigation of one of the main stylistic figures of expressing contrast in a proverb - antithesis as a form of demonstratively highlighted opposition. The classification of the phenomena is proposed as based on the structural and functional characteristics of this stylistic figure. The most representative types of antitheses have been determined concerning Kabardino-Circassian paremias. The study reveals that contextual antonymic correlations along with linguistic antonyms productively participate in generating proverbial antithesis. The antonymizing explicator of the lexical units, containing potential opportunities for their contrastive opposition proves to be the antithetical construction itself. The study of the structural and semantic features of Kabardino-Circassian proverbs convinces us of the universality of proverbial antithesis as essential means of expressing contrast, as well as the specificity of the ways of its formation, which determines the prospects for its further study. The main empirical base for the study of Kabardian-Circassian proverbs and sayings based on contrast comprise the material selected from collections of proverbs of 1994 (compiled by A. Gukemukh, Z. Kardangushev) and 2016 (compiled by L. Gutova), using a continuous sampling methodology.

Keywords: Kabardian-Circassian language, paremia, antithesis, syntactic parallelism, language antonyms, quasi-antonyms, quasi-antithesis

For citation: Kumyкова D.M., Kumyкова (Cuchapsheva) E.T. Antithesis as a structural and semantic organization principle of a Kabardian-Circassian proverb. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 4. – P. 423-437. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-423-437. EDN: CXACRB.

© Kumyкова D.M., Kumyкова (Cuchapsheva) E.T., 2024

Введение

Универсальность принципа контраста в паремиях, который обусловлен свойством пословиц отражать дуальное восприятие мира и предмета речи, признают многие исследователи proverbialного пространства [см. работы: Пермяков 1988; Бочина 2003; Бочина 2022; Крюкова 2016; Голембовская 2013]. Определяя тематику пословичных изречений, Г.Л. Пермяков отмечал, что «подлинной темой какой-либо пословицы или поговорки является не то или иное слово, не та или иная мысль и даже не та или иная область человеческой деятельности, а некоторая инвариантная пара противопоставленных сущностей, к которой сводится смысл употребляемых в данной пословице образов... Так,

темой пословицы *Гора родила мышь* оказывается не гора, не мышь и не порождение одной вещи другою, а инвариантная пара «Большое – Малое»» [Пермяков 1988:107]. По мнению Т.Г. Бочиной, контраст «является одной из важнейших характеристик структурной и семантической организации пословицы, обусловливающей её порождение и функционирование в речи, восприятие и закрепление в индивидуальном и массовом сознании как фразового текста и как основной разновидности афористических единиц языка» [Бочина 2022: 39].

В настоящее время достаточно подробно изучены особенности выражения контраста в поговорках разных народов, описаны языковые и стилистические средства реализации контраста, контрастные пары проанализированы в аспекте отражения языковой картины мира носителей культуры. Вместе с тем, современные лингвистические исследования кабардино-черкесских поговорок акцентируют свое внимание, главным образом, на синтаксических, национально-культурных особенностях, ценностных ориентациях кабардино-черкесских поговорок, лингвокультурологическом анализе их концептуальной составляющей [см., например: Балова, Кумыкова 2005; Балова, Кремшокалова 2011; Балова, Будаева 2015; Кремшокалова 2022 и др.], так и не затрагивая вопросы определения категориальных черт конститuentов единой поговороческой системы, к которым относится и принцип контраста. В их ряду обнаруживается лишь одна статья, посвященная обсуждаемой здесь проблеме [Унатлоков, Унатлокова, Шогенова 2021]. Попытка систематизации лексических способов передачи контраста в кабардино-черкесских поговорках была предпринята в наших работах [Кумыкова 2023а; Кумыкова 2023б].

Изучение инвентаря стилистических приемов, посредством которых реализуется противопоставление в кабардино-черкесских поговорках – одна из актуальных задач, которые все еще ждут своего решения.

Объектом данного исследования послужили кабардино-черкесские поговорки и поговорки, основанные на принципе контраста. Актуальность статьи обусловлена важностью исследования контраста как композиционно-стилистического принципа развертывания речи и стилистических фигур противопоставления.

Цель статьи заключается в изучении антитезы как одного из самых ярких стилистических фигур контрастности в кабардино-черкесской поговорке.

Достижению данной цели способствует решение следующих задач: выявление поговорочных изречений, основанных на контрасте; определение наиболее характерных для кабардино-черкесских поговорок типов антитез, выделенных с учетом их структурно-функциональных характеристик; уточнение средств реализации антитезы в поговороческом тексте.

Эмпирической базой исследования послужили оппозитивные кабардино-черкесские поговорочные поговорки, извлеченные методом сплошной выборки из сборников адыгских поговорок, изданных в разные годы З.П. Кардангушевым, А.М. Гукемухом [Адыгэ псалъэжъхэр... 1994], Л.А. Гутовой [Адыгэ псалъэжъхэмрэ псалъэ шэрыуэхэмрэ... 2016].

Антитеза

как структурно-семантический принцип организации паремии

В специальной литературе стилистические средства выражения контрастности принято делить на фигуры, основанные на противопоставлении, и фигуры, основанные на противоречии [см., например: Станиславская 2001; Торосян 2005; Кашицына 2014]. К контрастивным стилистическим фигурам первой группы – основанным на противопоставлении – обычно относят антитезу, акротезу, амфитезу, диатезу и др. [Гаврилова 2013: 141].

«Ядром обобщенно-типизированных способов выражения контрастности», бесспорно, признается антитеза [Бочина 2003: 34]. В литературе не наблюдается единства в определении антитезы. Она рассматривается как «прием противопоставления контрастных по своему характеру словесных образов, раскрывающих противоречивую сущность обозначаемого, несовместимость различных сторон предмета, явления или самих предметов и явлений» [Новиков 1988: 24], как «стилистическая фигура, построенная по принципу контраста, резкого противопоставления понятий, положений, образов, состояний и т.п.» [Щербаков 2007: 56], как «объединение в одном высказывании контрастирующих представлений» [Хазагеров 2009: 166], как «фигура контраста, основанная на противопоставлении антонимов» [Москвин 2007: 127]. Заметим, что последнее определение ориентировано на узкое понимание антонимов, учитывающее только их основную функцию выражения семантики противоположности. Вместе с тем, известно, что в конкретных речевых условиях антонимические пары способны передавать разнообразные отношения: соединения, разделения, дополнения, сопоставления, сравнения и др. [Новиков 1973: 126]. В связи с этим, на наш взгляд, более релевантным является понимание антитезы, принятое Л.А. Новиковым, который считает, что «основное назначение антитезы заключается, с одной стороны, в том, чтобы ярко противопоставить разные по своим качествам и свойствам сущности, а с другой – чтобы уточнить их принципиальное различие, сделав его “семантическим фокусом” фразы»: *Труд всегда даёт, а лень только берёт* (пословица) [Новиков 1973: 248].

Антитеза, как правило, реализуется в сложном предложении, поскольку полипредикативность данной синтаксической конструкции наилучшим образом позволяет передавать соотносящееся с *разными объектами* противопоставление, которое возникает между двумя противоположностями. Для пословичной антитезы характерен синтаксический параллелизм, который является важнейшим ритмико-композиционным принципом, усиливающим семантику противопоставления: форма синтаксически симметричных предложений создает «ритмичность чередований оппозиций и является фоном, акцентирующим контраст» [Бочина 2022: 37]. «Грамматический параллелизм, сходство синтаксических структур подчеркивают, делают еще более контрастной противоположность, выраженную лексическими средствами: «*При счастье бранятся, при беде мирятся*»» [Бочина 2015: 49].

В силу ограниченности места, не вдаваясь в анализ существующих в науке классификаций антитезы как стилистической фигуры [см., например: Станиславская 2001; Торосян 2005: 88; Корнилова 2008; Гаврилова 2013; Кашицына

2014], рассмотрим здесь типы антитез, наиболее характерные для выражения контрастности в кабардино-черкесских паремиях.

Принимаемая нами классификация основана на характеристике структурно-функциональных особенностей исследуемой стилистической фигуры.

По количественному соотношению оппозиций в структуре антитезы в кабардино-черкесских паремиях реализуются:

1) простая (однопарная) антитеза, основанная на одной антонимической оппозиции: *Ией пцлауэ фIы уцымьгугъ* «Сделав зло, не надейся на добро» (*Ией* – *фIы* «зло – добро») [Адыгэ псальэжьхэр... 1994]; *Жьым цытхъуи цIэр къацтэ* «Старое похвали и новое бери» (*жьы* – *цIэ* «старый – новый») [Адыгэ псальэжьхэр... 1994]; *ЖьакIэр хужь хъумэ, фIыцIэ хъужьынукъым* «Если борода побелела, она уже не почернеет» (*хужь хъун* – *фIыцIэ хъун* «побелеть – почернеть») [Адыгэ псальэжьхэмрэ псальэ шэрыуэхэмрэ 2016];

2) двойная (двупарная) антитеза построена на противопоставлении двух пар противоположностей на основе дополнительного сравнения по определённом признаку, в результате чего появляется вторая антонимическая оппозиция: *Анэм и Iэр ину илэтми хуэму тохуэ, анэнэлэсым хуэму илэтми ину тохуэ* «Матери рука, если и сильно поднимается, несильно (не больно) падает, мачехи рука, если и несильно поднимается, но сильно (больно) падает» (пары *анэ* – *анэнэлэс* «мать – мачеха», *ину* – *хуэму* «сильно – несильно»); *Шы дахэ мыжэ нэхьрэ, шы гъуабжэ жэр* «Чем конь красивый и не быстроногий, лучше конь невзрачный, но резвый» (пары *дахэ* – *гъуабжэ* «красивый – невзрачный», *мыжэ* – *жэр* «не быстроногий – резвый») [Адыгэ псальэжьхэмрэ псальэ шэрыуэхэмрэ 2016];

3) многочленная (многопарная) антитеза – антитеза, в которой парно противопоставлены одновременно несколько объектов. Для кабардино-черкесских пословиц наиболее характерна трехпарная антитеза: *ЩIэр къэхъунум цIэнэцIурэ жьы мэхъу, жьыр блэклам цIэнакIэурэ мэлэж* «Молодой, мечтая о будущем, стареет, старый, посмеиваясь над прошлым, умирает» (три пары: *цIэ* – *жьы* «молодой – старый», *къэхъуну* – *блэкла* «будущее – прошедшее», *цIэнацIэ* – *цIэнакIэ* «мечтать – посмеиваться») [Адыгэ псальэжьхэр... 1994]; *Джэдумрэ фызымрэ унэгуацэци, хьэмрэ лIымрэ ныбгъуацэци* «Кошка с женщиной – домашние хозяйки, а собака с мужчиной – охотники за перепелами» (три пары *джэду* – *хьэ* «кошка – собака», *фыз* – *лIы* «женщина – мужчина», *унэгуацэ* – *ныбгъуацэ* «домашняя хозяйка – охотник за перепелами») [Адыгэ псальэжьхэр... 1994].

Следует отметить, что характерные для двойной и многочленной типов антитез сходство синтаксических структур и грамматический параллелизм интенсифицируют семантику контрастности в оппозиции, выраженной лексическими корреляциями.

По внутренней структуре, основанной на семантико-морфологических характеристиках антонимических пар, вслед за Л.А. Корниловой, выделим *однокорневую* и *разнокорневую* типы антитез [Корнилова 2008: 261]. К **однокорневой антитезе** относятся одноморфемные лексические противопоставления, компонентами которых являются образования с антонимообразующими фор-

мантами. Так, в русском языке словообразовательным средством выражения антонимии выступают приставки *не-*, *без-*(*бес-*), *вы-* (*быль – небыль*, *шумный – бесшумный*, *въехать – выехать*) и др., в английском языке – префиксы *in-*, *in-* (с вариациями *im-*, *il-*, *ir-*), *dis-* и др.: *happy* «счастливый» – *unhappy* «несчастливый», *convenient* «удобный» – *inconvenient* «неудобный»), в тюркских языках – суффиксальные морфемы *-siz/ -siz/ -suz/ -süz* (тур. *akil* «ум» – *akilsiz* «глупый», карач.-балк. *акъыллы* – *акъылсыз* «умный – глупый»; *дауурлу* – *дауурсуз* «шумный – бесшумный»).

Основные средства выражения противоположности однокорневой антитезы в кабардино-черкесских пословицах отличаются большим разнообразием. Распределим их по нескольким группам.

1) Образования с аффиксальными маркерами негации **мы-**, **-ншэ**: *ЕмыкIур екIу мэхъури екIур емыкIу мэхъу* «Неприличное становится приличным, приличное становится неприличным» [Адыгэ псалъэжъхэр... 1994]; *Улажъэмэ, лыжъ пыхыниц, умылажъэмэ, лажъэ бгъуэтыниц* «Будешь трудиться – будешь есть доброе мясо, не будешь трудиться получишь проблемы» [Адыгэ псалъэжъхэр... 1994]; *Палъэ мыщIыр жыжъэци, пIалъэ щIар къос* «Неустановленный срок далек, установленный – быстро наступает» [Адыгэ псалъэжъхэр... 1994]; *Истамбылыжъым имыкIыр щIолIэ, икIар йолыхъ* «Кто не выехал в Стамбул, умирает (страдает) по нему, кто уехал, умирает там» [Адыгэ псалъэжъхэр... 1994]; *Зилэм жылэр и хъэщIэц, зимыIэм и анэ хуэгъэхъэщIэжкъым* «Имущий все селение в гости принимает, неимущий родную мать принять не может» [Адыгэ псалъэжъхэмрэ псалъэ шэрыуэхэмрэ 2016]; *ЗылъэкI и джатэ зылъэмыкI егъэIурыщIэ* «Меч того, кто может (силен), покоряет того, кто не может (слаб)» [Адыгэ псалъэжъхэмрэ псалъэ шэрыуэхэмрэ 2016]; *Акъыл зилэм и Iуэхур махуици, акъылынишэм и махуэ махуици* «Дело умного в три дня решается, а день глупца – это сто дней» [Адыгэ псалъэжъхэр... 1994].

2) Контрадикторные антонимы, образованные путем присоединения коррелирующих аффиксов к основе одного и того же слова (см. подробнее о словообразовательных средствах создания антонимичности в кабардино-черкесском языке в работе [Кумыкова, Кумыкова (Гучапшева) 2020]):

– **-фI(э)- / -ншэ** (*акъылыфIэ* «умный/смышленный» – *акъылынишэ* «глупый/безумный») *Акъылынишэр псэуми, лIац, акъылыфIэр лIами псэуи* «Глупец, хоть и живой, но мертв, а умный, хоть и умер, но жив») [Адыгэ псалъэжъхэмрэ псалъэ шэрыуэхэмрэ 2016];

– **-фI(э)- / -гуэ** (*бжъыфIэ* «представительный, видный» – *бжъыгуэ* «невзрачный, непривлекательный») *ФызыфIым лIы Iейр добжъыфIэри фыз Iейм лIыфIыр добжъыгуэ* «С хорошей женой и плохой муж становится видным / представительным, а у плохой жены и хороший муж становится невзрачным (теряет вид)» [Адыгэ псалъэжъхэр... 1994];

– **-фI(э)- / -ей** (*нэфI* «благосклонность, доброжелательность» – *ней* «недоброжелательность, злость, гнев»: *Уи адэ и ней, уи анэ и нэфI* «Гнев твоего отца и благосклонность твоей матери» [Адыгэ псалъэжъхэр... 1994]; *гъэфI* «хороший, урожайный год» – *гъей* «плохой, неурожайный год»: *ГъэфIым умыгъуэта*

гъейм бгъуэтыжыркъым «То, чего не было в урожайный год, в неурожайный не найдешь» [Адыгэ псалъэжхэр... 1994];

– *-гъуафIэ / -гъу(э)ей* (гъуэтыгъуафIэ «то, что легко найти, обрести» - гъуэтыгъуей «то, что трудно найти, обрести»: *Егъур гъуэтыгъуафIэц, благъэр гъуэтыгъуейц* «Врага/недоброжелателя легко обрести, а друга / доброжелателя сложно обрести»; *Лажъэр къэкIуэгъуафIэ цхъэкIэ, кIуэжыгъуейц* «Проблемы легко приходят, но трудно уходят» [Адыгэ псалъэжхэр... 1994]);

3) Сложные слова, вторым компонентом которых выступают основы коррелирующих антонимичных слов, например: *псы + нэ* «начало реки» – *псы + кIэ* «конец реки» (*Псыпэр зэрыжэм псыкIэри ирожэ*. «Там, где течет начало реки, течет и конец реки»), *шы + цхъэ* «голова коня» – *шы + кIэ* «хвост коня» (*Шыцхъэр плэцIэкIэмэ, шыкIэм укIэлъымыбэнэж* «Упустив голову коня, не хватайся за его хвост»), *бэ + Iуэ(н)* «много + говорить» – *бэ + цIэ(н)* - «много + делать» (*Балуэ нэхърэ бацIэ* «Чем много разговаривающий, лучше много делающий» [Адыгэ псалъэжхэр... 1994]).

4) Глагольные антонимические корреляции, которые транслируют векторную противоположность с помощью различных грамматических и морфонологических средств. В паремиях представлены, например:

– модель с локальными превербами *дэ-* (со значением направления *вверх*) и *е-* (со значением направления *вниз*) в сочетании с направительным суффиксом *-х-* и аблаутом (*е/ы* или *е/э*): *ДэIэбеи уипхъу ет, еIэбыхи нысэ къашэ* «букв. Потяни руку вверх и свою дочь отдавай (замуж), протяни руку вниз и бери невестку» (смысл: Выдавай дочь замуж в более состоятельную семью, невестку же бери из менее состоятельных) [Адыгэ псалъэжхэмрэ псалъэ шэрыуэхэмрэ 2016];

– модели с направительными превербами *къ(ы/э)-* «направление в сторону говорящего: отсюда – сюда»): *Делэм сэ сыфIокI, губзыгъэр езыр къысфIокI* «С глупцом я сам не связываюсь, а умный сам со мной не связывается», *И деж укIуэмэ, пацIэ лалэц, уи деж къакIуэмэ, пацIэ задэц* «Идешь к нему – у него усы обвислые (к низу), идет к тебе – у него усы задраны (к верху)» (О человеке, который в гостях требует к себе чрезмерно повышенного внимания, а сам не рад принимать гостей) [Адыгэ псалъэжхэмрэ псалъэ шэрыуэхэмрэ 2016];

– модели с направительными превербами *къ(ы/э)-* «направление в сторону говорящего: отсюда – сюда») и суффиксом возвратного действия *-жы-*: *Уэгъум ихъар уэлбанэм къехъыж, уэлбанэм ихъар сытым къыхъыжын* «То, что засуха забрала, то ливень возвращает, а то, что ливень забрал, что вернет» [Адыгэ псалъэжхэр... 1994], *ЩIэр къокIуэ, жьыр мэкIуэж* «Новое приходит, старое – уходит», *Насыпыр къэкIуэн хъумэ, цы Iуданэми къешэ, кIуэжын хъумэ, гъуцI тцэхъуми хуэубыдыркъым* «Когда счастьем прийти(пора), его и шерстяная нитка приведет, а когда ему уйти (пора), его и железные оковы не удержат» [Адыгэ псалъэжхэмрэ псалъэ шэрыуэхэмрэ 2016]. (О других актуализаторах векторной противоположности см. в [Кумыкова 2022]).

Характерной чертой данного типа антитезы является итерация корневых морфов в обеих ее частях (ср. *иХъар – къеХъыж, къэКIУэн – КIУэжын, уКIУЭмэ – къаКIУЭмэ*). В сопровождении с аллитерацией и особыми ритмико-

интонационными качествами, повторы усиливают семантику контраста, придают пословичному изречению большую выразительность и запоминаемость.

Компонентами **разнокорневой антитезы** выступают противоположные слова, имеющие различные корни: *Тей нцIауэ фIы уццымыгузъ* «Совершив плохое, на хорошее не надейся» [Адыгэ псалъэжъхэр... 1994], *Щыгъыным и цIэр, ныбжъэгъум и жьыр* «Одежду [выбирай] новую, друга – старого» [Адыгэ псалъэжъхэмрэ псалъэ шэрыуэхэмрэ 2016], *Пэжыр хуцхъуэцц, нцIыр цхъухъцц* «**Правда** – лекарство, **ложь** – яд» [Адыгэ псалъэжъхэр... 1994]. Этот тип антитезы богаче и разнообразнее по составу противопоставляемых компонентов, поскольку, наряду с конвенциональными (узуальными) лексическими оппозициями (языковыми антонимами, конверсивами), разнокорневая антитеза строится и на неконвенциональных оппозициях (квазиантонимических и квазиконверсивных корреляциях, гипо-гиперонимических и ассоциативных оппозициях) (о конвенциональных / неконвенциональных средствах создания контраста см. работы [Кумыкова 2023а; Кумыкова 2023б]).

Отметим, что последние выступают в языке паремий в качестве яркого средства выражения контраста и связанных с ним значений, придавая пословицам экспрессивность и остроту. Например: *Ныбжъэгъу хуэдэ мэзекIуэ, дыгъужъ хуэдэ мэдзакъэ* «Ведет себя как друг, а кусает (тебя) как волк» [Адыгэ псалъэжъхэр... 1994]; *Хъэфэ вакъэр шыфэ вакъэ хъуници, шыфэ вакъэр хъэфэ вакъэ хъуниц* «Кто в обуви из собачьей кожи, тот станет носить из лошадиной (кожи), кто в обуви из лошадиной кожи, будет носить из собачьей (кожи)» (= Того, что имеешь сегодня, может не станет завтра, а то, чего не имеешь, может прийти) [Адыгэ псалъэжъхэмрэ псалъэ шэрыуэхэмрэ 2016]; *Гунэ зэв, джей быхъу* «Губы узкие, а глотка широкая» (о тех, кто не отличается большими способностями, но имеет неумеренные амбиции) [Адыгэ псалъэжъхэмрэ псалъэ шэрыуэхэмрэ 2016: 277], *Мэл зыхэвэ нэхърэ бжэн зыхэкIэ* «Чем то, в чем варится баран, лучше то, куда козел прыгнул» (бульон из козлятины лучше, полезнее, чем бульон из баранины) [Адыгэ псалъэжъхэр... 1994].

Отдельно можно выделить специфичную группу разнокорневых глагольных антонимических образований, маркированных коррелирующими суффиксами с противоположным значением, типа: *ЩытхъукIей нэхърэ убукIафIэ* «Чем плохо хвалить, лучше хорошо ругать» [Адыгэ псалъэжъхэр... 1994]; *Щыхуэр къэццтэгъуафIэ цхъэкIэ тыжыгъуейцц* «Долг легко брать, но трудно отдавать (возвращать)» [Адыгэ псалъэжъхэр... 1994]. В основе такой антитезы лежит конверсивная противоположность, выраженная глагольными антонимами; присоединяемые к ним соотносительные суффиксы *-кIей / -кIафIэ, -гъуей / -гъуафIэ* выступают конкретизаторами сопоставляемых действий по определенному признаку: *хорошо – плохо, легко – трудно*. Ср. еще: *ЖыIэгъуафIэ цхъэкIэ, цIэгъуейцц* «Легко сказать, да трудно сделать» [Адыгэ псалъэжъхэр... 1994].

Интересны случаи морфемных повторов в компонентах антитезы. Встречаются как аффиксальная (*КъежъэкIей – кIуэдыжыкIейцц* «Что плохо появляется, то плохо и исчезает» [Адыгэ псалъэжъхэмрэ псалъэ шэрыуэхэмрэ 2016]), так и смешанная аффиксально-корневая итерация (*КъэкIуэгъуафIэ кIуэжыгъуафIэцц* «То, что легко приходит, то легко уходит» [Адыгэ псалъэжъхэмрэ

псалъэ шэрыуэхэмрэ 2016]). И хотя в обоих случаях семантика противоположности реализуется основами глагольных антонимов, повторяющиеся суффиксы *-клей*, *-гъуафлэ*, способствуя уточнению характеристики разнонаправленных действий (*-клей* «плохо»; *-гъуафлэ* «хорошо», «легко») играют основную роль для целей высказывания. Ср.: *Щылэкей клуэдыжыклейиц* «Кто плохо (недостойно) находится (живет), тот плохо (недостойно) исчезает (умирает)» [Адыгэ псалъэжъхэр... 1994].

По характеру противопоставления сем, содержащихся в структуре компонентов антитезы различаются:

1) **узальная антитеза**, в которой противопоставляемые элементы являются контрарными или контрадикторными антонимами (языковыми антонимами): *Жьаклэр хужь хъумэ, флыцлэ хъужынукъым* «Если борода побелела, она уже не почернеет»; *Флым флы къыноклуэри, лейм лей поклуэж* «Добро оборачивается добром, зло – злом» [Адыгэ псалъэжъхэмрэ псалъэ шэрыуэхэмрэ 2016]; *Губзыгэм и гулэгъуэр делэм и гуфлэгъуэц* «Что умному огорчение, то дураку в радость» [Адыгэ псалъэжъхэмрэ псалъэ шэрыуэхэмрэ 2016];

2) **контекстуальная антитеза** – антитеза, где противопоставляемые компоненты «обретают» семантику противоположности только в паремическом контексте. *Джэгугъуэм лыхъужыц, зэуэгъуэм жьындуиц* «В игре герой, в битве – сова» [Адыгэ псалъэжъхэмрэ псалъэ шэрыуэхэмрэ 2016]; *Жьэклэ маисэц, лэклэ сэмэгуиц* «На язык – секира, а руками – левша» [Адыгэ псалъэжъхэмрэ псалъэ шэрыуэхэмрэ 2016]; *Уэдыр луиэци пиэрыр дахэц* «Худое криво, а жирное красиво» [Адыгэ псалъэжъхэр... 1994]; *Жыг зытеуэри мэгурым, ницлаицэ зытехуэри мэгурым* – «Стонет и тот, на кого дерево свалилось, стонет и тот, на которого листья падают» [Адыгэ псалъэжъхэр... 1994]; *Узыцыгугъыр уафэ гъунэ шылэци, уи тхэмыцклагъэр уи жьэгу дэльиц* «То, на что надеешься, на краю неба находится, а твоя бедность в твоём очаге располагается» [Адыгэ псалъэжъхэмрэ псалъэ шэрыуэхэмрэ 2016].

Замечено, что в возникновении контекстуальной антитезы особая роль принадлежит характерной для антитезы синтаксической симметрии: наличие антонимов, употребляемых в специальной антитетической конструкции, обеспечивает реализацию контекстуального антонимирования слов, значения которых не являются противоположными, но заключают в себе потенциальные возможности для их контрастного противопоставления [Бочина 2015: 50].

Ср. классификацию М.С. Торосян, которая на основании средств выражения контраста различает явные и размытые виды антитезы: «явные противопоставления и противоречия, построенные на лексических антонимах, выразительнее, структурно и семантически проще и однозначнее, чем размытые, созданные путем актуализации эмоционально-ассоциативных сем» [Торосян 2005: 6].

По признаку *наличия / отсутствия противопоставляемых компонентов во внешней структуре* можно выделить **открытую и скрытую антитезы**. В первом случае объекты противопоставления выражены вербально, как, например: *Щэр къоклуэ, жьыр мэклуэж* «Новое приходит, старое – уходит»; *Чыри*

бгъэкIмэ бжэзгъу мэхъу «И прут, если его растить, становится колом» (И юность достигает старости) [Адыгэ псалъэжхэмрэ псалъэ шэрыуэхэмрэ 2016].

В **скрытой антитезе** один из элементов оппозиции вербально не выражен, он лишь подразумевается. Так, в изречении *Цыхугъэ зилэ и хъэ сыкъишх* «букв. Да укусит меня собака того, кто отличается человечностью/ порядочностью» [Адыгэ псалъэжхэр... 1994] интуитивно ощущается незавершенность синтаксической конструкции, в результате асимметричности конструкции из коммуникативного фокуса «выпадает» противоположная денотативная сема. Попытка восстановить вторую часть конструкции позволит эксплицировать контрастный компонент «бесчеловечный /непорядочный» *цыхугъэнишэ*, что соответствует смыслу данной пословицы: «Чем жить с бесчеловечным/непорядочным, лучше пропасть с человечным/порядочным». Ср. также *Акъыл зилэр си цыб ису къезухъэкI* «Умного на своей спине (готов) носить» [Адыгэ псалъэжхэр... 1994], где также легко восстановить отсутствующий элемент противопоставления – *акъылынишэ* «глупец/дурак», – что коррелирует с семантикой данного изречения: «Чем с глупцом находиться, лучше умного на себе носить».

Следует отметить и интересные примеры **квазиологической антитезы (квазиантитезы)**, когда пословичное изречение обладает основными структурными признаками антитезы, поддерживаемыми интонацией и ритмикой, но не выражает противопоставления. В таких случаях контрастность сохраняется на формальном уровне, но теряется на содержательно-смысловом уровне: *Мыщэ жезя къыумыгъэуш, лы мышынэ умыгъэгубжъ* «Впавшего в спячку медведя не буди, бесстрашного мужчину не гневи» [Адыгэ псалъэжхэр... 1994]. В данной пословице синтаксический параллелизм создает условия для антонимического восприятия высказывания, однако контрастная семантика отсутствует; здесь скорее наблюдается скрытое сравнение: *мыщэ жезя* «впавший в спячку медведь» и *лы мышынэ* «мужчина в гневе» одинаково страшны и опасны. При этом следует отметить, что квазиантитеза часто используется для создания иронического контекста. Ср.: *ЗекIуэкIейм лъашиэ уещIри дыхъэшхыкIейм Iушэ уещI* «Плохая походка делает тебя хромым, плохой (чрезмерный) смех делает тебя кривым» [Адыгэ псалъэжхэр... 1994]; *Емыуэу бийр еукI, имыкIыу шыр къреху, къимыхуауэ Iыхъэр егуэиш* «Не ударив, убивает врага, не выходя, выгоняет коня, недобытую долю делит» [Адыгэ псалъэжхэмрэ псалъэ шэрыуэхэмрэ 2016], *Акъылым уасэ илэкъым, гъэсэнэгъэм гъунэ илэкъым* «Ум не имеет цены (бесценен), (хорошее)воспитание не имеет границ» [Адыгэ псалъэжхэмрэ псалъэ шэрыуэхэмрэ 2016].

Характерная антитетическая конструкция, повторяемость компонентов, корневая и аффиксальная итерация в обеих частях оппозиции, приемы аллитерации – те основные структурные характеристики «классической» антитезы, которые сохраняют у высказываний с квазиологическими антитезами особую выразительность, делают их лёгкими для восприятия и воспроизведения, и обуславливают тот факт, что они представляют собой яркое средство реализации основных прагматических функции паремий.

Заключение

Таким образом, антитеза в паремии является одним из основных стилистических средств актуализации контраста. Типы антитезы, используемые в кабардино-черкесских пословицах, отличаются большим разнообразием и отражают специфику языка и культуры кабардинцев и черкесов. По количественному соотношению оппозиций в структуре антитезы в кабардино-черкесских паремиях реализуются простая, двойная, многочленная антитезы; по внутренней структуре, предполагающей семантико-морфологический анализ антонимических пар, – однокорневая и разнокорневая типы антитез; по характеру тем в структуре противопоставляемых компонентов – узуальная и контекстуальная; по наличию / отсутствию противопоставляемых компонентов выделяются открытая и скрытая антитезы. Примеры квазиологической антитезы являются также свидетельством богатства и многогранности инструментов реализации основных прагматических функций кабардино-черкесских пословиц.

Исследование структурно-семантических особенностей кабардино-черкесских паремий убеждает в универсальности пословичной антитезы как важного средства выражения контраста, а также в специфичности и разнообразии способов ее создания, что обуславливает перспективность ее дальнейшего изучения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Адыгэ псалъэжъхэмрэ псалъэ шэрыуэхэмрэ 2016 – *Адыгэ псалъэжъхэмрэ псалъэ шэрыуэхэмрэ* (абыхэм я мыхьэнэр гъэщыпкъауэ) / зэхэзылъхьар Л.Иэ. Гъут. Налшык: ИГИ КБНЦ РАН-м и тхыль къыдэгъэкъынымкIэ и къудамэ, 2016. 364 н. (Адыгские пословицы и поговорки (с их толкованиями) / сост. Л.А. Гутова. – Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2016. – 364 с.

Адыгэ псалъэжъхэр... 1994 – *Адыгэ псалъэжъхэр*. Зыгъэхъзырар ГъукIэмыхъу А., КъардэнгъушI З. – Налшык: Эльбрус, 1994. – 325 н.

Балова, Кумыкова 2005 – *Балова И.М., Кумыкова М.М.* О символике числа «один» в кабардинских паремиях // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2005. – № 3 (12). – С. 77–79.

Балова, Кремшюкалова 2011 – *Балова И.М. Кремшюкалова М.Ч.* Паремии как форма синтеза смысловых миров русской и кавказских культур // Философские науки. – 2011. – № S1. – С. 108–124.

Балова, Будаева 2015 – *Балова И.М., Будаева Л.А.* «Правда» как ценностный ориентир в паремиологических картинах мира народов Северного Кавказа (на материале русского, кабардино-черкесского, карачаево-балкарского и осетинского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 2-2 (44). – С. 29–32.

Бочина 2003 – *Бочина Т.Г.* Контраст как лингвокогнитивный принцип русской пословицы: Автореф. ... дисс. докт. филол. наук. – Казань, 2003. – 50 с.

Бочина 2015 – *Бочина Т.Г.* Синтаксический параллелизм и перлокутивная сила пословицы // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры. Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ: в 15 томах. – 2015. – С. 48–53.

Бочина 2022 – *Бочина Т.Г.* Контраст в тувинских пословицах // Новые исследования Тувы. – 2022. – № 1. – С. 37–46. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.3>

Гаврилова 2013 – *Гаврилова Е.С.* Лингвистическое выражение противопоставления // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. – 2013. – № 3. – С. 141–144.

Голембовская 2013 – *Голембовская Н.Г.* Национально-культурные особенности вербализации антиномии «жадность – щедрость» русскими и литовскими паремиями // Вестник Волгоградского гос. ун-та. – Сер. 2, Языкозн. – 2013. – № 1 (17). – С. 175–179.

Кашицына 2014 – *Кашицына Е. Г.* Фигуры, построенные на основе контраста, в прозе М.И. Цветаевой // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2014. – Вып. 2 (26). – С. 52–62.

Корнилова 2008 – *Корнилова Л. А.* Структурно-функциональная классификация антитезы в англоязычной литературе и фольклоре // Учёные записки Казанского государственного университета. – 2008. – Т. 150, кн. 6. – С. 260–265.

Кремшокалова 2022 – *Кремшокалова М.Ч.* Культурные коды в паремиологии // Язык: история и современность. – 2022. – № 1. – С. 76–82.

Крюкова 2016 – *Крюкова К.С.* Особенности выражения контраста в трансформированных вариантах пословиц // Вестник Костромского государственного университета. – № 4. – 2016. – С. 134–136.

Кумыкова, Кумыкова (Гучапшева) 2020 – *Кумыкова Д.М., Кумыкова (Гучапшева) Э.Т.* Средства экспликации семантики контрадикторности в производных антонимах (на материале кабардино-черкесского языка) // Электронный журнал «Кавказология». – 2020. – № 4. – С. 229–239.

Кумыкова 2022 – *Кумыкова Д.М.* Особенности репрезентации векторной противоположности в кабардино-черкесском языке // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. – 2022. – № 4-1 (55). – С. 101–107.

Кумыкова 2023а – *Кумыкова Д.М.* Средства создания контраста в кабардино-черкесских паремиях. Конвенциональные оппозиции // Вестник КБИГИ. – 2023. – № 3 (58). – С. 63–70. DOI: 10.31007/2306-5826-2023-3-58-63-70

Кумыкова 2023б – *Кумыкова Д.М.* Средства создания контраста в кабардино-черкесских паремиях: неконвенциональные оппозиции // Вестник КБИГИ. – 2023. – № 4 (59). – С. 62–70. DOI: 10.31007/2306-5826-2023-4-59-62-70

Москвин 2007 – *Москвин В.П.* Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Изд. 3-е, испр. и доп. – Ростов н/Д: Феникс, 2007. – 970 с.

Новиков 1973 – *Новиков Л.А.* Антонимия в русском языке (семантический анализ противоположности в лексике). – М.: Изд-ва Моск. ун-та, 1973. – 290 с.

Новиков 1988 – *Новиков Л.А.* Русская антонимия и её лексикографическое описание // Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка: Более 2 000 антоним. пар / Под ред. Л.А. Новикова. 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 1988. – 384 с.

Пермяков 1988 – *Пермяков Г.Л.* Основы структурной паремиологии. – М.: Наука, 1988. – 107 с.

Станиславская 2001 – *Станиславская С. А.* Контраст как принцип организации поэтического текста (на материале ранней поэзии А. Ахматовой и Н. Гумилёва): Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Саратов, 2001. – 195 с.

Торосян 2005 – *Торосян М. С.* Феномен контраста в аспекте концептуальной организации художественного текста: на материале языка послевоенной прозы: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Ставрополь, 2005. – 184 с.

Унатлоков, Унатлокова, Шогенова 2021 – *Унатлоков В.Х., Унатлокова Л.С., Шогенова А.Т.* Фигуры, построенные на основе контраста, в кабардино-черкесских пословицах и поговорках // Актуальные вопросы гуманитарных и общественных наук. Сборник научных трудов, приуроченной к году науки и технологий. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, – 2021.

Хазагеров 2009 – *Хазагеров Г.Г.* Риторический словарь. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 432 с.

Щербаков 2007 – *Щербаков А.В.* Антитеза // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. – М.: Флинта : Наука, 2007. – С. 55–56.

REFERENCES

- Adyge psal"ezh'hemre psal"e sheryuekhemre (abyhem ya myh'ener g"eshchypk"aue) / zekhezyl"har L.Ie. G"ut.* Nalshyk: IGI KBNC RAN-m i thyl" k"ydeg"ekIynymkIe i k"udame, 2016. 364 n. (*Adygskie poslovice i pogovorki (s ih tolkovaniyami)*) [Adyghe proverbs and sayings (with their interpretations)] / sost. L.A. GUTOVA. – Nal'chik: Izdatel'skij otdel IGIKBNC RAN, 2016. – 364 p. (In Russian and In Kabardino-Circassian).
- Adyge psal"ezh'her (Adygskie poslovice)* [Adyghe proverbs]. Zyg"ekh'ezyrar G"ukIemyh"u A., K"ardeng"ushchI Z. – Nal'shyk: El'brus, 1994. – 325 p. (In Kabardino-Circassian).
- BALOVA I.M., KUMYKOVA M.M. *O simvolike chisla «odin» v kabardinskih paremiyah* [On the symbolism of the number “one” in Kabardian proverbs]. IN: *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. – 2005. – № 3 (12). – P. 77–79. (In Russ.).
- BALOVA I.M. KREMSHOKALOVA M.CH. *Paremi kak forma sinteza smyslovyh mirov russkoj i kavkazskih kul'tur* [Proverbs as a form of synthesis of the semantic worlds of Russian and Caucasian cultures]. IN: *Filosofskie nauki*. – 2011. – № S1. – P. 108–124. (In Russ.).
- BALOVA I.M., BUDAeva L.A. *“Pravda” kak cennostnyj orientir v paremiologicheskikh kartinah mira narodov Severnogo Kavkaza (na materiale russkogo, kabardino-cherkesskogo, karachaevo-balkarskogo i osetinskogo yazykov)* [“Truth” as a value reference point in the paremiological pictures of the world of the peoples of the North Caucasus (based on the material of the Russian, Kabardino-Circassian, Karachay-Balkar and Ossetian languages)]. IN: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. – 2015. – № 2-2 (44). – P. 29–32. (In Russ.).
- BOCHINA T.G. *Kontrast kak lingvokognitivnyj princip russkoj poslovice* [Contrast as a linguistic principle of a Russian proverb]: Avtoref. ... diss. dokt. fi lol. nauk. – Kazan', 2003. – 50 p. (In Russ.).
- BOCHINA T.G. *Kontrast kak lingvokognitivnyj princip russkoj poslovice* [Contrast as a linguistic principle of a Russian proverb]: Avtoref. ... diss. dokt. fi lol. nauk. – Kazan', 2003. – 50 p. (In Russ.).
- BOCHINA T.G. *Sintaksicheskij parallelizm i perloutivnaya sila poslovice* [Syntactic parallelism and perloutivnaya force of the proverb]. IN: *Russkij yazyk i literatura v prostranstve mirovoj kul'tury. Materialy XIII Kongressa MAPRYAL: v 15 tomah*. – 2015. – P. 48-53. (In Russ.).
- BOCHINA T.G. *Kontrast v tuvinskih poslovicah* [Contrast in foreign proverbs]. IN: *Novye issledovaniya Tuvy*. – 2022. – № 1. – P. 37–46. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.3> (In Russ.).
- GAVRILOVA E.S. *Lingvisticheskoe vyrazhenie protivopostavleniya* [Linguistic expression of opposition]. IN: *Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova*. – 2013. – № 3. – P. 141–144. (In Russ.).
- GOLEMBOVSKAYA N.G. *Nacional'no-kul't urnye osobennosti verbalizacii antinomii «zhadnost' – shchedrost'» russkimi i litovskimi paremiyami* [National and cultural features of the verbalization of the antinomy “greed – generosity” by Russian and Lithuanian proverbs]. IN: *Vestnik Volgogradskogo gos. un-ta. Ser. 2, YAzykozozn.* – 2013. – № 1 (17). – P. 175–179. (In Russ.).
- KASHICYNA E. *Figury, postroennye na osnove kontrasta, v proze M. I. Cvetaevoj* [Figures built on the basis of contrast in the prose of M. I. Tsvetaeva]. IN: *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya*. – 2014. – Vyp. 2 (26). – P. 52–62. (In Russ.).
- KORNILOVA L.A. *Strukturno-funkcional'naya klassifikaciya antitezy v angloyazychnoj literature i fol'klore* [Structural and functional classification of antithesis in English literature and folklore]. IN: *Uchyonye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2008. – T. 150, kn. 6. – P. 260–265. (In Russ.).
- KREMSHOKALOVA M.CH. *Kul'turnye kody v paremiologii* [Cultural codes in paremiology]. IN: *YAzyk: istoriya i sovremennost'*. – 2022. – № 1. – P. 76–82. (In Russ.).
- KRYUKOVA K.S. *Osobennosti vyrazheniya kontrasta v transformirovannyh variantah poslovice* [Features of expressing contrast in transformed versions of proverbs]. IN: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. – № 4. – 2016. – P. 134–136. (In Russ.).
- KUMYKOVA D.M., KUMYKOVA (GUCHAPSHEVA) E.T. *Sredstva eksplikacii semantiki kontradiktornosti v proizvodnyh antonimah (na materiale kabardino-cherkesskogo yazyka)* [Means

of Explication of the Semantics of Contradiction in Derived Antonyms (Based on the Material of the Kabardino-Circassian Language)]. IN: Elektronnyj zhurnal "Kavkazologiya". – 2020. – № 4. – P. 229–239. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2020-4-229-239> (In Russ.).

KUMYKOVA D.M. Osobennosti reprezentacii vektornoj protivopozhnosti v kabardino-cherkesskom yazyke [Features of the representation of vector opposition in the Kabardian-Circassian language]. IN: Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnyh issledovanij. – 2022. – № 4-1 (55). – P. 101-107. (In Russ.).

KUMYKOVA D.M. *Sredstva sozdaniya kontrasta v kabardino-cherkesskih paremiyah. Konvencional'nye oppozicii* [Means of creating contrast in Kabardian-Circassian proverbs. Conventional oppositions]. IN: Vestnik KBIGI. – 2023. – № 3 (58). – P. 63–70. DOI: 10.31007/2306-5826-2023-3-58-63-70 (In Russ.).

KUMYKOVA D.M. *Sredstva sozdaniya kontrasta v kabardino-cherkesskih paremiyah: nekonvencional'nye oppozicii* [Means of creating contrast in Kabardian-Circassian proverbs: non-conventional oppositions]. IN: Vestnik KBIGI. – 2023. – № 4 (59). – P. 62–70. DOI: 10.31007/2306-5826-2023-4-59-62-70 (In Russ.).

MOSKVIN V.P. *Vyrazitel'nye sredstva sovremennoj russkoj rechi. Tropy i figury. Terminologicheskij slovar'* [Expressive means of modern Russian speech. Paths and figures. Terminological dictionary]. Izd. 3-e, ispr. i dop. – Rostov n/D: Feniks, 2007. – 970 p. (In Russ.).

NOVIKOV L.A. Antonimiya v russkom yazyke (semanticheskij analiz protivopozhnosti v leksike) [Antonymy in Russian (semantic analysis of opposites in vocabulary)]. – M.: Izd-va Mosk. un-ta, 1973. – 290 p. (In Russ.).

NOVIKOV L.A. *Russkaya antonimiya i eyo leksikograficheskoe opisanie* [Russian antonymy and its lexicographic description]. IN: L'vov M.P. Slovar' antonimov russkogo yazyka: Bolee 2 000 antonim. par / Pod red. L.A. Novikova. 4-e izd., ster. – M.: Rus. yaz., 1988. – 384 p. (In Russ.).

POTAPOVA N. A., SHCHUKINA D. A. *Russkie paremi i mekhanizmy chelovecheskogo myshleniya (vyrazhenie obobshchennogo znacheniya)* [Russian proverbs and mechanisms of human thinking (expression of generalized meaning)]. IN: Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie. – 2020. – T. 19. – № 4. – P. 109–119. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.4.10> (In Russ.).

PERMYAKOV G.L. *Osnovy strukturnoj paremiologii* [Fundamentals of structural paremiology]. – M.: Nauka, 1988. – P. 107. (In Russ.).

STANISLAVSKAYA S. A. *Kontrast kak princip organizacii poeticheskogo teksta (na materiale rannej poezii A. Ahmatovoj i N. Gumilyova)* [Contrast as a principle of organizing a poetic text (based on the early poetry of A. Akhmatova and N. Gumilyov)]: Diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. – Saratov, 2001. – 195 p. (In Russ.).

TOROSYAN M. S. *Fenomen kontrasta v aspekte konceptual'noj organizacii hudozhestvennogo teksta: na materiale yazyka poslevoennoj prozy* [The phenomenon of contrast in the aspect of the conceptual organization of a literary text: based on the material of the language of post-war prose]: Dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. – Stavropol', 2005. – 184 p. (In Russ.).

UNATLOKOV V.H., UNATLOKOVA L.S., SHOGENOVA A.T. *Figury, postroennye na osnove kontrasta, v kabardino-cherkesskih poslovicah i pogovorkah* [Figures built on the basis of contrast in Kabardian-Circassian proverbs and sayings]. IN: Aktual'nye voprosy gumanitarnyh i obshchestvennyh nauk. Sbornik nauchnyh trudov, priurochennoj k godu nauki i tekhnologij. – Nal'chik: Kab.-Balk. un-t, 2021. (In Russ.).

HAZAGEROV G.G. *Ritoricheskij slovar'* [Rhetorical Dictionary]. – M.: Flinta: Nauka, 2009. – 432 p. (In Russ.).

SHCHERBAKOV A.V. *Antiteza* [Antithesis]. IN: Kul'tura russkoj rechi: Enciklopedicheskij slovar'-spravochnik. – M.: Flinta : Nauka, 2007. – P. 55–56. (In Russ.).

Информация об авторах

Д.М. Кумыкова – кандидат филологических наук, доцент.

Э.Т. Кумыкова (Гучапшева) – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the author

D.M. Kumyкова – PhD (in Philology), associate professor.

E.T. Kumyкова (Guchapsheva) – PhD (in Philology), associate professor.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.10.2024 г.; одобрена после рецензирования 12.12.2024 г.; принята к публикации 27.12.2024 г.

The article was submitted 07.10.2024; approved after reviewing 12.12.2024; accepted for publication 27.12.2024.

Научная статья
УДК 811.161.1
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-438-449
EDN: YASPMI

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «ОГОНЬ» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Фатимат Владимировна Шогенова

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
Нальчик, Россия, f_shogenova@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0002-4869-0680>

Аннотация. В статье рассматриваются особенности репрезентации концепта «Огонь» в русской языковой картине мира. Огонь является неотъемлемой частью культуры и одним из универсальных концептов, имеющих общечеловеческую ценность. Научная новизна заключается в проведении детализированного лингвокультурологического и когнитивно-дискурсивного анализа образных единиц (метафор, пословиц, поговорок, ФЕ и т.д.), выступающих главными компонентами-конструктами концепта «Огонь» как фрагмента русской языковой картины мира. В результате анализа эмпирического материала выделены значимые концептуальные признаки ментального образования «Огонь», ценностные компоненты, формирующие его ядро, центральную и периферийную зоны. В статье в качестве фонового материала использованы кабардинские образные единицы, репрезентирующие данный концепт, что позволяет увидеть важную роль данного концепта в сознании носителей языка, а также дает возможность выделить особенности языковой картины мира того и другого этноса.

Ключевые слова: огонь, концепт, языковая картина мира, русский язык, репрезентация, фразеологическая единица, паремия.

Для цитирования: Шогенова Ф.В. Особенности репрезентации концепта «огонь» в русской языковой картине мира // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 4. – С. 438-449. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-438-449. EDN: YASPMI.

© Шогенова Ф.В., 2024

Original article

REPRESENTATION OF THE “FIRE” CONCEPT IN RUSSIAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

Fatimat V. Shogenova

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik,
Russia, f_shogenova@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0002-4869-0680>

Abstract. The article investigates the characteristics of the representation of the notion "Fire" in the Russian linguistic vision of the world. Fire is an essential component of civilization and one of the fundamental concepts that holds universal worth. Scientific novelty lies in the detailed linguacultural and cognitive-discursive analysis of figurative units (metaphors, proverbs, sayings, phraseological units, etc.), which act as the main components-constructs of the concept “Fire” as a fragment of the Russian linguistic picture of the world. As a result of the analysis of the empirical material, significant conceptual features of the mental formation “Fire”, value components that form

its core, central and peripheral zones are identified. The article uses Kabardian figurative units representing this concept as background material, which allows us to see the important role of this concept in the consciousness of native speakers, and also makes it possible to highlight the features of the linguistic picture of the world of both ethnic groups.

Keywords: fire, concept, linguistic picture of the world, Russian language, representation, phraseological unit, proverb, phraseological unit, derivative, associate.

For citation: Shogenova F.V. Representation of the “fire” concept in Russian language picture of the world. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 4. – P. 438-449. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-438-449. EDN: YASPLI.

© Shogenova F.V., 2024

Введение

Одной из актуальных проблем современной лингвистики является взаимосвязь языка и культуры, чем и обусловлено появление многочисленных научных трудов, в которых доминантными объектами исследовательского внимания становится языковая картина мира и ее главная составляющая – лингвокультурный концепт. В числе значимых достижений ученых следует отметить рассмотрение языка как транслятора этнокультурной информации, вербальную сокровищницу народа, в которой интегрированы сведения о специфике его мышления, образе жизни, традициях, религиозных и мифологических воззрениях. Весь этот объем этноспецифической информации в контексте других, более обширных, знаний о мире сосредоточен в таких уникальных ментальных образованиях, как семантическое поле и концепт, получивших многоаспектное описание в исследованиях известных отечественных и зарубежных языковедов.

Теоретическую базу исследования представляют работы О.А. Алимурдова [Алимурдов 2003], С.А. Аскольдова [Аскольдов 1997], А.П. Бабушкина [Бабушкин 1996], Н.Н. Болдырева [Болдырев 2001], С.Г. Воркачева [Воркачев 2001], В.И. Карасика [Карасик 2004], З.Д. Поповой и И.А. Стернина [Попова, Стернин 1999], Э. Сепира [Сепир 1993], Г.Г. Слышкина [Слышкин 2004] и других ученых, поскольку концепт, как известно, стал объектом их исследовательского внимания. Вместе с тем в настоящее время нет общепринятого определения данного феномена, поэтому с опорой на существующие научно-теоретические работы в контексте данной статьи под концептом понимаем национально маркированную смысловую единицу, в которой сосредоточена исторически значимая этнолингвокультурная информация, являющаяся результатом коллективного опыта, сконцентрированная в сознании каждого носителя языка, репрезентируемая посредством вербальных и невербальных средств.

Как известно, языковая картина мира характеризуется определенным набором ключевых концептов, наиболее полно и точно отражающих лингвокультурную среду того или иного этноса. На наш взгляд, одним из наиболее значимых ментальных единиц в русской ЯКМ, содержащих в себе большой объем информации о носителях русского языка и русской (в целом славянской) культуры, является концепт «Огонь». Об этом свидетельствует не только полисемантическая природа его имени, но и разнообразные формы репрезентации. А.

Афанасьев отмечает, что «в земном огне древнейшие арийские племена видели стихию, родственную с небесным пламенем грозы: огонь, разведенный на домашнем очаге, точно так же прогоняет нечистую силу тьмы и холода и уготовляет пищу, как и молнии, разбивающие темные тучи, дарующие земле теплые и ясные весенние дни и урожаи; и тот, и другие равно наказуют пожарами» [Афанасьев 1994: 3].

Огонь играет важную роль и в других культурах и находит свое выражение во фразеологическом и паремиологическом фондах, поговорках, суевериях, в тюркской культуре стоячий уголек или же небольшая головешка в очаге являлась предзнаменованием приезда гостей. Как отмечают С.К. Башиева и М.Б. Кетенчиев, «эта символика огня сохранилась в карачаево-балкарской примете: *Отда жинг ёрге сюелсе, ол юйге кьонакъ келир* «Если в огне горящий уголек встанет, то в этот дом придет гость» [Башиева, Кетенчиев 2014: 40].

Все вышеизложенное обусловило **актуальность темы исследования, целью** которого является рассмотрение особенностей репрезентации концепта «Огонь» в русской языковой картине мира. Для достижения желаемого результата поставлены следующие **задачи**: 1) извлечь из толковых и фразеологических словарей элементы, репрезентирующие концепт «Огонь»; 2) выявить основные признаки, характеризующие его; провести количественный и концептуальный анализы; 3) сравнить с паремиологическим и фразеологическим фондом кабардино-черкесского языка, репрезентирующим концепт «Огонь».

Эмпирическим материалом исследования послужили репрезентанты концепта «Огонь», в частности, фразеологизмы, пословицы, поговорки, афоризмы. Проанализированы двадцать четыре лексические единицы, пятьдесят фразеологических и паремиологических единиц русского языка и двадцать две пословицы кабардино-черкесского языка. Предваряя рассмотрение конкретных лексических единиц, представим графическое описание структуры рассматриваемого концепта, в котором представлены компоненты, составляющие ядро, центральную и периферийную зоны.

Следует отметить то, что перечень структурирующих, объективирующих и одновременно репрезентирующих элементов (слов и словосочетаний) концепта, входящих в него как в систему (т.е. расположенных в определенной иерархии), намного обширнее и разнообразнее, чем продемонстрировано на схеме.

Схема 1**Структурная модель концепта «ОГОНЬ»****Обсуждение**

В словарях русского языка представлено множество дефиниций слова огонь, его синонимы, дериваты и ассоциаты. Например, в «Толковом словаре живого великорусского языка» Д.И. Даля встречаются устаревшие *огневицкъ* м. стар. пожарный служитель; *огневицна* ж. собр. все, что вообще можно назвать огненным и огневым; *огнеболящій* – *болгзный*, горячечный; *огнеколёска* или *огнеколесничникъ*, на огненной колесницѣ вознешсійся; *огнемѣр* пирометръ, снарядъ, для мѣрвысокихъстепенеи жара, гдѣраскаляются и плавятся тѣла [Даль 1981: 666] и др. В «Толковом словаре современного русского языка» Д.Н. Ушакова даны следующие толкования:

Огонь. Раскаленные светящиеся газы вокруг горящего предмета; пламя. *Развести огонь.*

Перен. Чувство, с силой овладевшее кем-либо, охватившее кого-л. и т.п. *О муза! ... Могучей силой вдохновенья Страданья тела победы, Любви, негодованья, мщенья Зажги огонь в моей груди!* Н. Некрасов.

Перен. Страстность, живость, душевный подъем, пыл. *Нам дорога твоя отвага, Огнем душа твоя полна.* Лермонтов.

2. Свет от осветительных приборов. Светящаяся точка, пятно света. *Видны были только тускнеющие огни оставленной гавани.* Чехов, В море.

Перен. Блеск глаз. *Зубы в деснах ослабели, И потух огонь очей.* Пушкин, Ода LVI.

3. Стрельба, обстрел. *Вести огонь* [Ушаков 1958: 803].

В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой зафиксировано около двух десятков производных от слова «огонь»: *огнебур, огневой, огнедышащий, огнемёт, огненный, огнеопасный, огнепаклонник, огнепаклонничество / огнепаклонство, огнеприпасы, огнестойкий, огнестрельный, огнетушитель, огнеупорный, огнеупоры, огниво, огнистый, огнище, огонёк* [Ожегов, Шведова 1992: 403-404]. В других словарях зафиксированы приведенные выше и другие значения слова «огонь».

Все лексемы, отраженные на *схеме 1*, их различные дефиниции, дериваты и синонимы выступают репрезентантами рассматриваемого концепта. Кроме них, концепт «Огонь» в русской языковой картине мира репрезентируется фразеологическими, паремиологическими и афористическими единицами, содержащими в своей структуре приведенные лексемы-компоненты и состоящими в различных метафоро-метонимических взаимокорреляциях.

«Словарь русской фразеологии», составленный под редакцией В.М. Мокиенко, содержит множество ФЕ, репрезентирующих концепт «Огонь» и несущих в себе разного рода информацию о жизни, быте, культуре, мировоззрении и мировосприятии русского народа. Анализ эмпирического материала позволил объединить их в тематические группы и выделить когнитивные признаки: «Огонь – зло», «Огонь – добро» и «Огонь – человеческий образ».

1. ОГОНЬ – ЗЛО. Семантическое наполнение ФЕ, репрезентирующих данный признак, разнообразно. В большинстве случаев они выражают трудности, невыносимые условия, опасность, жестокость, решительные действия, что позволяет нам выделить следующие когнитивные признаки:

1) *опасность: жить на вулкане* «жить в постоянном беспокойстве, страхе; ожидать каких-л. бедствий» [Бирих и др. 1998: 103]; *дело пахнет керосином* «приближается что-л. неприятное, опасное, угрожающее» [Бирих и др. 1998: 149]; *пахнет жареным где* «можно ожидать где-либо чего-либо плохого, неприятностей, опасной ситуации» [Бирих и др. 1998: 183];

2) *разрушение, уничтожение: катить головней* «быстро двигаться, уничтожая огнем все по пути; безжалостно истреблять врага» [Бирих и др. 1998: 125]; *выжигать/выжечь каленым железом что* «всецело, полностью, без остатка искоренять, уничтожать что-либо» [Бирих и др. 1998: 183]; *огнем и мечом* «с беспощадной жестокостью, уничтожая все» [Бирих и др. 1998: 415];

3) *затруднительное, тяжелое положение: между двух огней* «в положении, когда опасность грозит с двух сторон» [Бирих и др. 1998: 415]; *из огня да в полымя* «из одной неприятности в другую, еще большую» [Бирих и др. 1998: 416];

4) *решительность*: **сжигать/сжечь корабли** «решительно порывать с прошлым; делать невозможным возврат к чему-л., отрезая путь к отступлению» [Бирих и др. 1998: 300];

5) *сильный страх*: **бежать как от огня** «бежать быстро, без оглядки, спасаясь от опасности» [Бирих и др. 1998: 416]; **бояться как [пуще] огня кого, чего** «очень бояться кого-, чего-либо» [Бирих и др. 1998: 416];

6) *неосмотрительность*: **играть с огнем** «поступать неосмотрительно, неосторожно, не думая о последствиях» [Бирих и др. 1998: 415];

7) *тяжелые испытания, условия*: **пройти [сквозь] огонь, воду [и медные трубы]** «много испытать в жизни, стать опытным» [Бирих и др. 1998: 416], **ад крошечный** «место мучений, где условия жизни невыносимы»; «невыносимый шум, толчея, суматоха, сумятица, ужас» [Бирих и др. 1998: 19]; **огня и воды лишит** «лишит самого необходимого, сурово наказывает кого-либо» [Бирих и др. 1998: 416];

8) *обреченность*: **все великое земное разлетается как дым** «конечность всего, созданного на земле, сколь бы великим оно ни было» [Ларионова 2014: 473];

9) *разгул, разнузданность*: **прожигать жизнь** «предаваться разгульной жизни» [Бирих и др. 1998: 188].

Как подтверждают приведенные ФЕ, огонь в русской лингвокультуре большей частью воспринимается как природная стихия, враждебная сила.

2. ОГОНЬ – ДОБРО. Концепт репрезентирует огонь и как положительное явление, поскольку в языковой картине мира в целом он также ассоциируется с сильной верой во что-/кого-либо, нетленностью, бессмертием:

1) *нетленность, бессмертие*: **рукописи не горят** «нетленность живой человеческой мысли» [Ларионова 2014: 497]; **неопалимая купина** «нечто вечное, непрерывное, непреходящее» [Ларионова 2014: 250];

2) *гениальность, талант*: **искра божия у кого** «о чьей-либо врожденной одаренности, проблеске таланта» [Бирих и др. 1998: 234];

3) *благородство*: **прометеев огонь** «дух благородства, мужества, неугасимое стремление к достижению высоких целей» [Бирих и др. 1998: 417];

4) *вера*: **из искры возгорится пламя** «небольшой вдохновляющий и благородный импульс может подвигнуть на активные действия многих последователей» [Бирих и др. 1998: 234];

5) *предзнаменование*: **огненный столп** «чудесный знак, предзнаменование» [Бирих и др. 1998: 551];

6) *самоотверженность*: **вызывать огонь на себя**. Намеренно привлекать к себе чье-либо внимание, чтобы отвлечь его от других [Бирих и др. 1998: 416]; **готов в огонь и воду идти/пойти за кого**. Готов идти на все, на любые испытания, не раздумывая [Бирих и др. 1998: 416];

7) *увлеченность*: **с огоньком**. *Обст. Разг.* С увлечением [Ларионова 2014: 363];

8) *редкость*: **жар-птица** «о чем-либо очень желанном, но труднодоступном, невозможном» [Бирих и др. 1998: 182]; **днем с огнем не [не найдешь] кого, что** «очень трудно, невозможно отыскать, найти кого-, что-либо» [Бирих и др. 1998: 415].

3. **ОГОНЬ – ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА.** К данной группе можно отнести фразеологизмы, которые выражают характер, поведение, темперамент человека, его чувства и эмоции.

а. *визуальный образ: артист(ка) погорелого театра.* Разг., ирон. «Человек, который не оправдал надежд в каком-либо деле» [Ларионова 2014: 10]; **исчадие ада** «о ком-либо внушающем отвращение или ужас своими поступками, видом, характером, надоедливостью» [Бирих и др. 1998: 236];

б. *чувства, эмоции, сильное желание (бросает (бросило) в жар кого* [Ларионова 2014: 31]; **глаза разгорелись на что; глаз горит у кого на что; глаза горят** [Ларионова 2014: 110]); **дым отечества нам сладок и приятен** «на родине все дорого, все мило – даже неприятные вещи» [Бирих и др. 1998: 177].

Во фразеологических словарях также зафиксированы ФЕ со следующими значениями, которые, на наш взгляд, не включаются в представленные выше тематические группы, но которые можно разделить на группы с положительной и отрицательной оценкой.

ФЕ с отрицательной оценкой: **дым коромыслом** «о большом шуме, гаме, беспорядке» [Бирих и др. 1998: 177]; **задавать/здать жару** «сильно избивать, колотить кого-либо. 2. Сильно ругать, бранить кого-либо» [Бирих и др. 1998: 182]; **поддавать/поддать жару кому** «заставлять кого-либо действовать активнее, энергичнее» [Бирих и др. 1998: 182]; **подливать масла в огонь** «обострять какие-либо неприязненные чувства, настроения, осложнять что-либо» [Бирих и др. 1998: 367]; **цыганская жара** «холод, озноб» [Бирих и др. 1998: 182].

ФЕ с положительной оценкой: **жар костей не ломит** «избыток тепла не вреден» [Ларионова 2014: 156]; **зайти на огонек** «зайти в гости к друзьям, знакомым без предупреждения, запросто» [Бирих и др. 1998: 415].

В «Словаре русских пословиц и поговорок» [Жуков 1991] выявлено десять паремииологических единиц, репрезентирующих концепт «Огонь», а в «Кабардинских пословицах» [Гукемух, Кардангушев 1994] - двадцать две. Как и во фразеологизмах, в пословицах русского языка огонь представлен как стихия, злая/злбная, но при этом мощная сила: **искру туши до пожара, беду отводи до удара** [Жуков 1991: 135]; **Москва от копеечной свечки (свечи) сгорела (загорелась).** *И ничтожные причины могут вызвать крупные события* [Жуков 1991: 174]. Здесь подчеркивается, что огонь опасен даже в незначительных «дозах» и самых слабых его проявлениях. В кабардино-черкесском языке встречаются интересные эквиваленты рассматриваемой поговорки с идентичной семантикой: «*Ер вы бжъакъуэм къокI*» – букв. «Беда разрастается из рога вола» или «*МафIэ цIыкIу[r] мафIэихуэ [хъуащ]*». – букв. «Маленький огонь превратился в большой огонь»; **на воре шапка горит.** *Тот, кто чувствует за собой какую-л. вину, своим поведением невольно выдает себя* [Жуков 1991: 182]; **от жару и камень треснет=против жара (от жару) и камень треснет.** *Постоянные неприятности, трудности, испытания и т.п. могут вывести из равновесия, озлобить, ожесточить даже самого сдержанного, невозмутимого человека. Говорится тогда, когда у кого-л. кончается терпение, когда невозможно выдержать что-л.* [Жуков 1991: 239, 269]; **упустишь огонь – не потушишь.** *Не досмотришь, упустишь момент, не заметишь вовремя что-л. грозящее не-*

приятностями, опасностями, будет поздно принимать меры предосторожности [Жуков 1991: 337]. В кабардино-черкесском языке представлена пословица с таким же значением: **Мафлэм уримыджэгу – пвэщлэкймэ, пхуэубыдыжынкъым.** *Не играй с огнем, упустишь – не сможешь остановить* [Гукемух, Кардангушев 1994: 103].

Также следует отметить, что для кабардинской лингвокультуры характерна бинарная оппозиция мафлэ/псы (огонь/вода), которая присуща и русской языковой картине мира: **Мафлэсрэ псыдзэрэ уадэмыджэгу.** *С огнем и водой не играйся.* [Гукемух, Кардангушев 1994: 103]; **псымрэ мафлэмрэ лэубыдыплэншэщ.** *Вода и огонь неустойчивы* [Гукемух, Кардангушев 1994: 106].

В одной из паремий указывается сила, неподвластная природным стихиям, в том числе огню: **правда в (на) огне не горит и в воде не тонет.** *Правду не скроешь. Говорится тогда, когда, видя несправедливость, верят, что правое дело восторжествует* [Жуков 1991: 265]. Следует отметить, что в кабардинской лингвокультуре огонь не имеет столь выраженной отрицательной коннотации, что прослеживается в преобладании пословиц и поговорок, в которых огонь показан как источник света и тепла, отражено практическое его применение: **Мафлэ щынклэ лэзэр унагъуэ зэгъэзэгъщ.** *Кто умело обращается с огнем, тот сможет сохранить мир в своей семье* [Гукемух, Кардангушев 1994: 158]. **Мафлэ здэщымылэр тахьтэкъым.** (мафлэ здэщымылэм тхьэгъуэ щылэкъым жыхуилэщ). *Где нет огня, там нет и радости* [Гукемух, Кардангушев 1994: 184]. **Мафлэм псыр къегъавэ, псывэм мафлэр егъэункыфл.** *Огонь кипятит воду, а кипящая вода гасит огонь* [Гукемух, Кардангушев 1994: 185]. **Мафлэншэри гъавэншэри зэльгытащ.** *Отсутствие огня сродни отсутствию урожая* [Гукемух, Кардангушев 1994: 185]. **Мафлэншэри шхыныншэри зэхуэдэщ.** *Отсутствие огня сродни отсутствию еды* [Гукемух, Кардангушев 1994: 185]. **Мафлэр ягъэункыфын папщлэ псы къабзэ къалыхъуэкъым.** *Чтобы погасить огонь не ищут чистую воду* [Гукемух, Кардангушев 1994: 185]. **Мафлэрэ гуфлэгъуэрэ.** *Огонь сродни радости.* [Гукемух, Кардангушев 1994: 185]. **Мафлэхьэ укьэклуа щхьэ уплащлэрэ жыхуилэщ.** *За огнем пришел? (к чему такая спешка, имеется в виду)* [Гукемух, Кардангушев 1994: 223]. **Мафлэ зыщамыщлым пщафлэм щищлэн щылэкъым.** *Где нет огня, там не место тому, кто готовит пищу* [Гукемух, Кардангушев 1994: 43]. **Мафлэм и гъунэгъу лыр мажэ.** *Вблизи огня жарится мясо* [Гукемух, Кардангушев 1994: 79]. **Мафлэ зэрыщлагъанэр мафлэщ.** *Огонь разжигается от огня* [Гукемух, Кардангушев 1994: 79] **Мафлэм кыхэпхыр мафлэм хоклуэдэж.** *Что взято из огня, то и погибает в огне* [Гукемух, Кардангушев 1994: 79]. **Мафлэ здэщымылэм лугъуэ щукъым.** *Нет дыма без огня* [Гукемух, Кардангушев 1994: 79]. Также в кабардинской культуре сохранились приметы, которых необходимо было придерживаться, когда дело касалось представленной стихии: **Мафлэм пэрубжьытхэ хабзэкъым: флыкъым жалэрт.** *Нельзя плевать в огонь – нехорошо, говорят* [Гукемух, Кардангушев 1994: 285]. **Мафлэм гъавэ пэрыбдзэу ебгъэсыну гъэныхьщ, флыкъым жалэрт.** *Бросать в огонь урожай – грех, нехорошо, говорят* [Гукемух, Кардангушев 1994: 285]. **Мафлэ кьыззла щыгъыным мафлэ сахуэр кьыхагъэжт.** *Если одежда была испорчена огнем, вырезают испорченный ку-*

сочек материи [Гукемух, Кардангушев 1994: 285]. **Мафлэ сахуэхуар нэгъуэщӀ псэуальэ халъхъэжтэкъым, фыкъым, угъурсыз жалэрт.** Что было тронато огнем, нельзя переносить в другое жилище [Гукемух, Кардангушев 1994: 285]. **Мафлэм уиль лъэлэсыну фыкъым жалэрт.** *Попадание крови в огонь считалось нехорошим* [Гукемух, Кардангушев 1994: 286]. **Мафлэм упэрыуэну фыкъым жалэрт.** *Мешать огню считалось нехорошо* [Гукемух, Кардангушев 1994: 286].

В структуре ментального образования «Огонь» одну из доминирующих позиций занимает метафорическое поле, включающее образные выражения, содержащие в себе не только одноименную лексему «огонь», но и другие компоненты, объективирующие и репрезентирующие рассматриваемый концепт. Согласно Г.Н. Скляревской, «метафорическое поле обнаруживает семантическую зависимость от номинативного поля, и его границы не могут быть определены вне зависимости от границ номинативного поля. Поле обладает sdвоенной структурой: первичное поле (исходное, номинативное) отражает естественные, реальные связи между объектами действительности и каждый член исходного поля может подвергаться метафоризации, образуя метафорический пучок. Совокупность метафорических пучков формирует вторичное, метафорическое, поле, отражающее метафорические связи. Иными словами, элементы того или иного семантического поля, вступая в метафорический процесс, формируют метафорическое поле. Совокупность метафорических полей как пересекающихся и перекрещивающихся микросистем создает сложную структуру метафор, которая пронизывает всю систему языка» [Скляревская 1993: 138].

Таким образом, в структуре концепта «Огонь можно выявить следующие значения: сильные чувства, эмоции, желание, стремление: *огонь/пламя любви, дружбы, революции; пожар любви; огонь в глазах; дым отечества* («И дым отечества нам сладок и приятен» – реплика Чацкого из комедии «Горе от ума» А.С. Грибоедова) и т.п.; мощь/могущественная сила: *огонь жизни*; положительные качества, красота человека: *девочка-огонь, разг. баба-огонь*.

Метафорическое поле концепта «Огонь» также включает некоторые поговорки, пословицы и фразеологизмы типа **пускать (пустить) [красного] пеху́ кому.** *Разг. Устроить пожар, поджог* [Ларионова 2014: 343]; **дела как сажа бела.** *Неважные, плохие дела. Чаще говорится в отчет на вопрос; «Как дела?»; иногда как нарочито неопределенная характеристика дел, положения* [Жуков 1991: 97–98]; **стыд не дым, глаза не выест (не ест).** *Стыд можно стерпеть* [Жуков 1991: 319]; **хвалилась синица море зажечь/ наделала синица славы, а море не зажгла.** *Хвастая, кто-л. наобещал много, а выполнить не смог* [Жуков 1991: 193, 341] (здесь имплицировано противостояние двух сильных природных стихий – воды и огня и неразрывная взаимосвязь двух значимых в русской лингвокультуре концептов «Вода» и «Огонь»); **не боги горшки обжигают.** *И обыкновенный человек справляется с трудным делом. Обычно говорится, чтобы ободрить принимающегося за какое-л. новое для него дело* [Жуков 1991: 199].

Конструктами метафорического поля концепта «Огонь» в русской ЯКМ выступают и художественные тексты, в которых встречаются оригинальные

формы репрезентации исследуемого концепта. Рассмотрим несколько примеров: *Внезапно небо прорвалось / С холодным пламенем и громом!* (Н. Рубцов); *О муза пламенной сатиры!* (А. Пушкин), *Мой костер в тумане светит, Искры гаснут на лету...* (Я. Полонский); *Огонь очистительный, Огонь роковой, Красивый, властительный, Блестящий, живой!* (К. Бальмонт) и др.

Заключение

Таким образом, исследование, проведенное в статье, продемонстрировало этноспецифическое восприятие в русской ЯКМ такого значимого фрагмента действительности, как концепт «Огонь». Изучение форм и способов его объективации и репрезентации привело к следующим выводам:

– концепт «Огонь» в русской лингвокультуре чаще всего репрезентируется с отрицательной семантикой, подчеркивающей стихийное начало одноименного природного явления. Вместе с тем в некоторых репрезентатах указывается жизненно необходимая положительная энергия огня – в значениях «свет», «тепло», «вера», «желание», «стремление», «любовь» («огонь/пожар в груди») и т.д.;

– сравнение с фразеологическими и паремиологическими единицами кабардино-черкесского языка позволило увидеть, что в кабардинской лингвокультуре отсутствует столь выраженная для русской языковой картины мира отрицательная коннотация;

– в процессе репрезентации концепта «Огонь» в русской ЯКМ принимает участие множество языковых средств, начиная от лексических, заканчивая фразеологическими;

– концепт «Огонь» в русском языке репрезентируется не только словом-номиналом и его дериватами, но и синонимами и ассоциатами. При этом все репрезентаты равномерно рассредоточены в центральной и периферийной зонах концепта.

Полученные результаты содержат решение проблем взаимосвязи и взаимодействия языка и мышления, языка и культуры и отражают особенности концепта «Огонь» как значимого элемента-конструкта русской языковой картины мира.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Алимурадов 2003 – *Алимурадов О.А.* Смысл. Концепт. Интенциональность. – Петрозаводск: ПГЛУ, 2003. – 312 с.

Аскольдов 1997 – *Аскольдов С.А.* Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – М.: Academia, 1997. – С. 267 – 279.

Афанасьев 1994 – *Афанасьев А.* Поэтические воззрения славян на природу. – М.: «Индрик», 1994. – В трех томах. Т. 2. – С. 1 – 119.

Бабушкин 1996 – *Бабушкин А.П.* Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1996. – 103 с.

Башиева, Кетенчиев 2014 – *Башиева С.К., Кетенчиев М.Б.* Концепт «Огонь» как фрагмент этнической картины мира// Cuadernos de Rusística Española. – 2014. – № 10. – С. 37 – 44.

Бирих и др. 1998 – *Бирих А. К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.

Болдырев 2001 – *Болдырев Н.Н.* Концепт и значение слова // Болдырев Н.Н. Методологические проблемы когнитивной лингвистики: научное издание. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2001. – С. 25 – 45.

Воркачев 2001 – *Воркачев С.Г.* Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. - № 1. – 2001. – С. 64-72.

Гукемух, Кардангушев 1994 – *Гукемух А.М., Кардангушев З.П.* Кабардинские пословицы. – Нальчик: Изд-во «Эльбрус», 1994. – 328 с.

Даль 1981 – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1-4 – М.: Рус.яз., 1981. Т. 2: И – О. – 779 с.

Жуков 1991 – *Жуков В.П.* Словарь русских пословиц и поговорок: Около 1200 пословиц и поговорок. 4-е изд., испр. и доп. – М.: Рус. яз., 1991. – 534 с.

Карасик 2004 – *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепт, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 389 с.

Ожегов, Шведова 1992 – *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. – М.: Советская энциклопедия, 1973. – 846 с.

Попова, Стернин 1999 – *Попова, З.Д., Стернин, И.А.* Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1999. – 30 с.

Сепир 1993 – *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии / Пер. с англ.; под общ. ред. А.Е. Кибрика. – М.: Изд. группа «Прогресс» и «Универс», 1993. – 656 с.

Скляревская 1993 – *Скляревская Г.Н.* Метафора в системе языка. – СПб: «Наука», 1993. – 152 с.

Слышкин 2004 – *Слышкин Г.Г.* Лингвокультурные концепты и метаконцепты. – Волгоград: Перемена, 2004. – 260 с.

Ушаков 1958 – *Ушаков Д.Н.* Толковый словарь современного русского языка. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей 1958. – Т. 2: К-О. – 800 с.

Фразеологический словарь современного русского языка / Сост. Ларионова Ю.А. – М.: Аделант, 2014. – 512 с.

REFERENCES

AFANASYEV A. Poetic views of the Slavs on nature. – М.: “Indrik”, 1994. – In three volumes. Т. 2. – P. 1 – 119. (In Russ.).

ALIMURADOVO.A. *Smy`sl. Koncept. Intencional`nost`* [Meaning. Concept. Intentionality]. – Pyatigorsk: PGLU, 2003. – 312 p. (In Russ.).

ASKOLDOV S.A. *Koncept i slovo* [Concept and word]. IN: *Russkaya slovesnost`. Ot teorii slovesnosti k structure teksta. Antologiya.* – М.: Academia, 1997. – P. 267 – 279. (In Russian)

BABUSHKIN A.P. *Tipy` konceptov v leksiko-frazeologicheskoy jsemantike yazy`ka* [Types of concepts in the lexical and phraseological semantics of the language]. – Voronezh: Voronezh State Publishing House, 1996. – 103 p. (In Russ.).

BASHIEVA S.K., KETENCHIEV M.B. *Kontsept «Ogon'» kak fragment etnicheskoy kartiny mira* [The concept of “Fire” as a fragment of the ethnic picture of the world]. In: *Cuadernos de Rusística Española.* – 2014 – No. 10. – P. 37 – 44. (In Russ.).

BIRIKH A.K., MOKIENKO V.M., STEPANOVA L.I. *Slovar` russkoj frazeologii* [Dictionary of Russian phraseology. Historical and etymological reference book]. – St. Petersburg: Folio-Press, 1998. – 704 p. (In Russ.).

BOLDYREV N.N. *Koncept i znachenie slova* [Concept and meaning of the word]. IN: *Boldy`rev N.N. Metodologicheskie problemy` kognitivnoj lingvistiki: nauchnoe izdanie.* – Voronezh: Voronezh State University. Univ., 2001. – pp. 25 – 45. (In Russ.).

DAL V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorussskogo yazyka.* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. Т. 1-4 - М.: Рус.яз., 1981. Т. 2: I – O. – 779 p. (In Russ.).

Frazeologicheskiy slovar` sovremennogo russkogoyazy`ka / Sost. Larionova Yu.A. [Phraseological Dictionary of the Modern Russian Language / Comp. Larionova Yu.A.]. – M.: Adelant, 2014. – 512 p. (In Russ.).

GUKEMUKH A.M., KARDANGUSHEV Z.P. *Kabardinskiye poslovitsy*. [Kabardian proverbs]. – Nal'chik: «El'brus», 1994. – 328 p.

KARASIK V.I. *Yazy`kovoij krug: lichnost`, koncept, diskurs* [Language circle: personality, concept, discourse]. – M.: Gnosis, 2004. – 389 p. (In Russ.).

OZHEGOV S.I., SHVEDOVA N.YU. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. – M.: Soviet Encyclopedia, 1973. – 846 p. (In Russ.).

POPOVA Z.D., STERNIN I.A. *Ponyatie «koncept» v lingvisticheskix issledovaniyax* [The concept of “concept” in linguistic research]. – Voronezh: VSU Publishing House, 1999. – 30 p. (In Russ.).

SAPIR E. *Izbranny`e trudy` po yazy`koznaniyu i kul`turologii* [Selected works on linguistic and cultural studies / Transl. from English; under general ed. A.E. Kibrik]. – M.: Publishing house. Group “Progress” and “Universe”, 1993. – 656 p. (In Russ.).

SKLYAREVSKAYA G.N. *Metafora v sisteme yazyka* [Metaphor in the language system]. – St. Petersburg: “Science”, 1993. – 152 p. (In Russ.).

SLYSHKIN G.G. *Lingvokul`turny`e koncepty` i metakoncepty`* [Linguocultural concepts and metaconcepts]. – Volgograd: Peremena, 2004. – 260 p. (In Russ.).

USHAKOV D.N. *Tolkovyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of modern Russian language]. – M.: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries 1958. – Т. 2: К-О. – 800 p. (In Russ.).

VORKACHEV S.G. *Lingvokul`turologiya, yazy`kovaya lichnost`, koncept: stanovlenie antropocentricheskoy paradigmy` v yazy`koznanii* [Linguoculturology, linguistic personality, concept: the formation of an anthropocentric paradigm in linguistics]. IN: *Filologicheskie nauki*. – 2001. – No. 1. – P. 64 – 72. (In Russ.).

ZHUKOV V.P. *Slovar` russkix poslovicz i pogovorok: Okolo 1200 poslovicz i pogovorok* [Dictionary of Russian proverbs and sayings: About 1200 proverbs and sayings. 4th ed.]. – M.: Russian Language, 1991. – 534 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Ф.В. Шогенова – аспирант.

Information about the author

F.V. Shogenova – graduate student.

Статья поступила в редакцию 12.11.2024 г.; одобрена после рецензирования 12.12.2024 г.; принята к публикации 27.12.2024 г.

The article was submitted 12.11.2024 y.; approved after reviewing 12.12.2024 y.; accepted for publication 27.12.2024 y.

Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Научная статья
УДК 81'374:370
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-450-468
EDN: YBDEYG

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ШОРЫ НОГМОВА

Рашид Султанович Аликаев¹, Вячеслав Хаутиевич Унатлоков²

^{1,2} Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.

¹ ralikaev@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-7602-4349>

² vunatlokov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0756-9323>

Аннотация. Статья посвящена лексикографической деятельности адыгского просветителя Шоры Ногмова, который подготовил «Кабардино-русский словарь», оставшийся в свое время в рукописном варианте и опубликованный впервые в 1956 г. с существенными структурными трансформациями профессором Георгием Федоровичем Турчаниновым. В статье отмечается, что словарь подготовлен на русской графической основе и оригинал составлен по тематическому принципу. Словарь охватывает большой лексический пласт кабардино-черкесского языка, что позволяет представить богатство кабардино-черкесского языка в первой половине XIX столетия. Особый интерес в словарных статьях вызывает лексический пласт, который в современном языке относится к архаизмам, диалектизмам и регионализмам, что показывает особенности динамики развития лексики кабардино-черкесского языка на протяжении последних двух столетий. Значимыми в научном отношении являются также антропонимы, топонимы и названия месяцев, приведенные в статье и функционировавшие в первой половине XIX столетия.

В заключении высказывается мысль о значительных изменениях в тематических рядах лексики кабардино-черкесского языка, связанных с историко-культурными и бытовыми трансформациями, и о необходимости издания оригинала рукописного варианта для более глубокого анализа представленных в нем в процессе работы замечаний и исправлений, что даст возможность определить особенности подготовки словаря к изданию.

Ключевые слова: Ш.Б. Ногмов, кабардино-черкесский язык, кабардино-черкесский словарь, лексика кабардино-черкесского языка первой половины XIX столетия, принципы кодификации лексики.

Для цитирования: Аликаев Р.С., Унатлоков В.Х. Лексикографическая деятельность Шоры Ногмова // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 4. – С. 450-468. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-450-468. EDN: YBDEYG.

© Аликаев Р.С., Унатлоков В.Х., 2024

Original article

LEXICOGRAPHIC ACTIVITY OF SHORA NOGMOV

Rashid S. Alikae¹, Vyacheslav Kh. Unatlokov²

^{1,2} Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia

¹ ralikaev@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-7602-4349>

² vunatlokov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0756-9323>

Abstract. The article is devoted to the lexicographic activity of the Adyghe enlightener Shora Nogmov, who prepared the ‘Kabardino-Russian Dictionary’, which remained in manuscript and was published for the first time in 1956 with significant structural transformations by Professor Georgy Fedorovich Turchaninov. The article notes that the dictionary was prepared on the Russian graphical basis and the original was compiled according to the thematic principle. The dictionary covers a large lexical stratum of the Kabardino-Circassian language, which allows to present the richness of the Kabardino-Circassian language in the first half of the XIX century. Of particular interest in the dictionary entries is the lexical stratum, which in the modern language belongs to archaisms, dialectisms and regionalisms, which shows the peculiarities of the dynamics of the development of the lexicon of the Kabardino-Circassian language during the last two centuries. The anthroponyms, toponyms and names of months given in the article and functioning in the first half of the 19th century are also scientifically significant.

The conclusion suggests the idea of significant changes in the thematic ranks of the lexicon of the Kabardino-Circassian language due to historical, cultural and everyday transformations, and the necessity to publish the original manuscript version for a deeper analysis of the remarks and corrections presented in it in the process of work, which will make it possible to determine the peculiarities of preparing the dictionary for publication.

Keywords: Sh. B. Nogmov, Kabardino-Cherkess language, Kabardino-Cherkess dictionary, lexicon of the Kabardino-Cherkess language of the first half of the 19th century, principles of codification of vocabulary.

For citation: Alikaev R.S., Unatlokov V.Kh. Lexicographic activity of Shora Nogmov. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 4. – P. 450-468. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-450-468. EDN: YBDEYG.

© Alikaev R.S., Unatlokov V.Kh., 2024

Введение

Шора Бекмурзович Ногмов (1794-1844) – первый адыгский просветитель и ученый. Он был лингвистом, поэтом, историком, этнографом, собирателем и пропагандистом устного народного творчества. Ш. Ногмов собрал обширный лексический, фольклорный, этнографический материал, создал алфавит кабардинского языка (сперва на русской графике, потом на арабо-персидской графике). С его именем связан и первый «Кабардино-русский словарь», который он написал в 1840 г.

Научные интересы проявились у Ш. Ногмова достаточно рано, следует отметить, что его служба в кавказско-горском полуэскадроне в Петербурге и в Отдельном Кавказском корпусе в Тифлисе внесли значительный вклад в его гуманитарную подготовку, рядом с ним служили достаточно образованные люди из элитарных кругов российского общества, обладавшие хорошими как языковыми, так и общенаучными знаниями. До всего этого периода деятельность Ш. Ногмова можно определить как деятельность автодидакта, которого характеризовали любознательность и трудолюбие. Хотя, бесспорно, полученное им мусульманское образование в Эндерийском медресе в Дагестане, где он прошел достаточно основательную подготовку по арабскому и персидскому языкам и восточной литературе, заложили основу его будущих интересов в области гуманитарных наук. Известно, что он в 1828 г. в крепости Нальчик преподавал русский и турецкий языки, что свидетельствует о высоком уровне знаний пред-

ставителя местного населения. Примечательно, что поэт пушкинской поры С.Д. Нечаев, который общался с Ш. Ногмовым в 1825 г. на Горячих Водах, отмечал, что он «одарен счастливыми способностями», «владел арабским, турецким, персидским, русским и абазинским языками» [Нечаев 1826: 26].

О высоком признании научной деятельности Ш. Ногмова среди общест-венности говорит также тот факт, что предисловие к его труду «История ады-хейского народа», изданного в Тифлисе в 1861 г., написал известный россий-ский историк-востоковед, авторитетный кавказовед, археограф, председатель Кавказской археографической комиссии в 1864–1886 гг., Адольф Петрович Берже.

В первой половине 1830-х гг. в период работы над грамматикой кабарди-но-черкесского языка Ш. Ногмов в Петербурге общается с известным француз-ским ученым-востоковедом, членом-корреспондентом Российской академии наук, профессором Франсуа Шармуа, заведовавшим кафедрой персидского языка в Петербургском университете. Ш. Ногмов сумел привить проф. Ф. Шармуа интерес к своему родному языку, который оказал существенную по-мощь в подготовке первой часть грамматики, написанной на русской графиче-ской основе. Ш. Ногмов передает ему экземпляр рукописи данной грамматики в надежде на ее издание в Париже.

Особая дружба и сотрудничество связывали Ш. Ногмова с известным рос-сийским языковедом, историком и этнографом, академиком Андреем Михайло-вичем Шёгрэн, с которым он познакомился в 1836 г. в период своего пребыва-ния в Отдельном Кавказском корпусе в Тифлисе. Андрей Михайлович на про-тяжении долгого времени становится его научным консультантом в области лингвистики.

Интересна характеристика современников Ш. Ногмову как человеку. При-ведем выдержку из письма А.М. Шёгрена от 19 апреля 1837 г. к авторитетному немецко-российскому востоковеду-арабисту, профессору Казанского универси-тета, академику Санкт-Петербургской Академии наук, Христиану Даниловичу Френу:

«Из Ногайска я ехал через Бердянск, через населенный отатаренными греками Мариу-поль, через прекрасный город Таганрог и далее через Армянскую Нахичевань и Ростов в Ставрополь и Пятигорск, по соседству в бывш. шотландскую колонию Карасс. Моя цель приобрести хотя бы поверхностные представления о черкесском языке, к чему был наилуч-ший повод осесть в этом месте. Там, в Карассе я узнал, что кабардинский дворянин поручик Шора Бекмурзин Ногма, который несколько лет служил в Черкесском Полуэскадроне в Пе-тербурге и уже там занимался, под руководством нашего прежнего сочлена Шармуа, черкес-ской грамматикой по кабардинскому диалекту, таковую на русском языке вкратце закончил и теперь живет в 35 верстах южнее Пятигорска. Сам я еще раньше в Тифлисе завел с ним мое личное знакомство и за его любознательность, за всю культуру и науку вообще научился це-нить интересующегося человека, почему я написал ему и приглашал его со своими материа-лами ко мне в Карасс» [Ногмов 2020: 24].

Приведенные фрагментарные примеры характеризуют Ш. Ногмова как коммуникабельного, высококультурного, уважительного и умеющего заинтересовать собеседника человека.

Материал, методы, обзор

Изучение лексики прошлых эпох дает возможность проследить особенности и динамику развития всей системы языка, в частности лексического уровня языка и вместе с ним и морфологической структуры языковых единиц. Это особенно важно для языков, которые приобщились к письму достаточно поздно, каковым является и кабардино-черкесский язык.

Особо важным инструментом реконструкции лексической системы при отсутствии письменно зафиксированных источников являются фрагментарные сведения из сообщений путешественников и отдельных иностранных и отечественных ученых о языке и культуре народа. В этом аспекте важное место занимает словарь кабардино-русский словарь Шоры Ногмова, который впервые был опубликован в 1956 г. доктором филологических наук профессором Георгием Федоровичем Турчаниновым.

В данной статье использованы описательный метод, представляющий собой систему процедур сбора, первичного анализа и изложения данных и их характеристик, он поможет также уточнить различия в семантике и морфологических формах кабардино-черкесского языка за прошедшие периоды, структурный метод для выявления структуры языковых единиц и их взаимосвязи, оппозиционный метод для разбора состава слова и показа изменений словоформ и метод компонентного анализа для определения особенностей трансформации семантики языковых единиц и объяснения их сути. Фактическим материалом для анализа послужили словарные статьи из кабардино-русского словаря Ш. Ногмова.

Результаты исследования

Обратимся теперь к кабардино-русскому словарю Ш. Ногмова.

Идея создания двуязычного словаря у Ш. Ногмова появилась в период его тесного общения с академиком А.М. Шёгреном. Шора Ногмов сначала составил грамматику кабардинского языка, а уже потом взялся за составление словаря, что с успехом и выполнил. К сожалению, Ногмов не дождал до издания своих трудов – умер в 1844 г.

Труды Ш. Ногмова исследовал, подготовил к печати и опубликовал два тома под названием «Филологические труды» с обширным введением и комментариями доктор филологических наук Г. Ф. Турчанинов [Ногма 1956: 127-306; Ногмов 1959]. Таким образом, «Кабардино-русский словарь» Ш. Ногмова был опубликован впервые в 1956 г. под названием «Кабардино-русский словарь (черновые материалы)» в первом томе его филологических трудов [Ногма 1956: 127-306]. Общий объем составляет 116 с. (в рукописном варианте 138 с.), а с приложениями, добавленными позже, – 179 с.

Словарь Ш. Ногмов отправил 19 июля 1840 г. в качестве приложения к «Атыхейской грамматике» из крепости Нальчик на «благоусмотрение» акаде-

мика А. Шёгрена в Петербург. Г.Ф. Турчанинов, имевший возможность ознакомиться с рукописным вариантом, отмечает наличие большого количества поправок и дополнений, сделанных рукой А. Шёгрена. К сожалению, нам недоступен рукописный вариант словаря, что ограничивает до известной степени наши суждения о словаре. Особо это касается рукописных дополнений академика А. Шёгрена, а также изменений в структуре оригинала, где лексемы в качестве приложения к грамматической части работы были традиционно представлены по тематическому принципу. Мы пользуемся изданием, подготовленным Г.Ф. Турчаниновым.

«Кабардино-русский словарь» Ш. Ногмова был составлен как приложение к «Начальным правилам атыхейской грамматике». По структуре словарь составлен по тематическому принципу, т.е. представляет собой перечень тематически сгруппированных адыгских слов с их переводом на русский язык, где слова были объединены вокруг понятий «человек», «одежда», «пища» и т.д. Однако Г.Ф. Турчанинов, найдя более удобным для пользования современными читателями, расположил материал словаря согласно порядку ногмовского алфавита, в основе которого, как известно, лежит русская графика.

«Кабардино-русский словарь» Ш. Ногмова включает в себя 4253 слова, из которых 211 лексем составляют этноспецифические антропонимы и ареальные топонимы. Таким образом, словарь Ш. Ногмова не только первый наиболее полный из двуязычных и единственный дореволюционный кабардино-русский словарь, но и первый словарь, где в его заключительной части приложен впервые перечень кабардинских собственных имен и названий местностей, т.е. словарь местных антропонимов и топонимов.

Работа Ногмова особенно ценна тем, что дает представление о лексике кабардино-черкесского языка его эпохи, кодифицируя его фонеморфологические и структурно-семантические особенности. Данный труд является значимым источником для описания истории кабардино-черкесского языка первой половины XIX столетия, вносит значительный вклад в исследование динамики становления лексической системы языка, показывает процессы архаизации и исчезновения отдельных пластов лексики, долю иноязычной лексики и ее функциональной активности и семантического потенциала. Данные словаря позволяют сравнить представленные в ней лексемы с современными лексическими единицами для определения возможных лексико-семантических и структурных фонеморфологических трансформаций в кабардино-черкесском языке за прошедшие периоды, установить на этой основе их причины и сформулировать принципы практической работы по сохранению современного кабардино-черкесского языка.

Достоинством данного словаря является то, что он подготовлен на русской графической основе и представляет собой первую фиксацию большого пласта лексики того периода и охватывает все части речи (имя сущ., имя прилаг., имя числит., местоимение, глагол, наречие, союз, послелог, частица, междомет.) кабардино-черкесского языка. Самое большое количество составляют существительные и глаголы.

Как отмечено выше, словарь структурирован по тематическому антропоцентрическому принципу, в центре которого, выражаясь современной терминологией, находится человек с его культурой, бытом и интересом.

Лексико-семантические группы слов, представленные именами существительными, включают названия частей тела, термины родства, номинации растений, животных, птиц, рыб, пищи и напитков, одежды и обуви и др.

Приведем отдельные примеры из указанных тематических групп в словаре:

Названия частей тела

Соматизмы: *гупе б'агу* (гупэ б'гъэгу) «грудь» [с. 144], *дамаш'аһ* (дамащхъэ) «плечо» [с. 150], *ж'елатанһ* (ж'эльэт'анэ) «угол губ» [с. 157], *заже / зажен* (дзажэ) «ребро», *заже даке* (дзажэ дакэ) «грудина», *зажеб'гу* (дзажэб'гу) «бок» [с. 165], *лаб'жана* (л'эб'ж'анэ) «когти», *лаб'кинһ* (л'эп'к'ынэ) «лодыжка», *лаб'хомбер* (л'эп'х'уамбэ) «палец ноги», *лагоһ'же'чаһ* (л'эгуаж'эк'э) «подколенок» [с. 180], *наһ* (нэ) «глаз», *наһзириха* (нзэрыхъэ) «глазница», *наһк'һ* (нак'э) «глаза уголок», *наһп'һ* (нап'э) «веко, веждь», *наһп'һи'х'* (нап'аш'хъэ) «надглазница», *неб'жиц* (нэб'ж'ыц) «ресницы», *некич'һ* (нэк'ыщ'э) «слепая кишка» [с. 189], *чи'фһ* (щ'ыфэ) «тело» [с. 221], *аб'хобешхоб'гурит* (эп'х'уэмбэшхуэ б'г'урыт [с. 179-181] и т.д.

Следует отметить, что данная лексика представляет собой лексическое ядро языка и на протяжении столетий практически остается неизменным. Однако и здесь на основе языковой интерференции появляются новые номинации, так, например, вместо *аб'хобешхоб'гурит* используется *зыг'эль'аг'уэ* *эп'х'уамбэ* «указательный палец» по аналогии с русским языком, а сочетание *эп'х'уэмбэшхуэ б'г'урыт* исчезло из языка и зафиксировано только в словаре Ш. Ногмова. В словосочетании *гупе б'агу* (гупэ б'гъэгу) «грудь» в современном языке выпадает *гупэ* и остается только *б'гъэгу*.

Термины родства

Родство: *аддапала* (адэпалъэ) «опекун», букв. «отца замещающий», *аддекои'* (адэк'уэш) «дядя (по отцу)» [с. 132], *аннеж* (анэжъ) «бабушка», букв. «мать старая» [с. 133], *б'хурил'ху* (п'х'урыльху) «племянник, племянница», букв. «дочерью рожденный (ая)» [с. 140], *дада* (дадэ) «дед» [с. 149], *дал'хуб'ху* (дэльхуп'ху) «племянница», букв. «сестры брата дочь» [с. 150], *закошитуме яко* (зэк'уэшит'ым я к'уэ) «двоюродные братья» [с. 159] и т.д. В данном пласте, относящемся также к лексическому ядру языка, нет изменений, следует, однако, отметить, что наряду с кабардинскими в разговорной речи часто появляются их русские эквиваленты.

Окружающий мир

Явления природы: *боран* (борэн) «буря» [с. 139], *бша'гоһ* (пшаг'уэ) «туман», *бша'хо* (пшах'уэ) «песок», *бшһ* (пшэ) «облако» [с. 140], *габе* (джабэ) «склон горы» [с. 141], *гол* (гуэл) «озеро» [с. 142], *губ'го* (губг'уэ) «поле; степь» [с. 143], *гоз* (г'уэз) «воздух» [с. 148], *дежехера* (дэжэх) «отлив», *ди'а небзихер* (дыг'э нэбзийхэр) «солнечное сияние», *ди'һ* (дыг'э) «солнце» [с. 151], *ду'не* (ду-

ней) «свет; мир» [с. 152], *лагунук* (лэггунукъ) «радуга» [с. 179], *коца* (кьуацэ) «кустарник», *коиха* (кьуащхэ) «холм» [с. 177]. В данном лексическом пласте из словаря Ногмова также не наблюдаются изменения в современном языке.

Одежда, обувь, ткани (материя)

Одежда: *ганагониег* (джанэ-гъуэншэдж) «белье», букв. «рубашка-штаны», *ганн* (джанэ) «рубашка» [с. 141], *пиадел* (пшэдэлъ) «шейный платок; шарф» [с. 196], *ципа лепед* (цыпэ лъэпэд) «чулки (шерстяные)», *це* (цей) «черкеска», *це ких* (цей кIыхъ) «шинель», *це ихо* (цейшхуэ) «большая черкеска» [с. 217].

Обувь: *ваке / вакн* (вакэ) «чувык» [с. 141], *лие* (лье) «ноговица» [с. 182], *физ ваке* (физ вакэ) «женские чувыки» [с. 207], *ширук* (шырыкь) «сапог» [с. 226]. В данной части произошли семантические трансформации у лексемы *ваке / вакн* (вакэ) «чувык» [с. 141], она в современном языке обозначает любой вид обуви. Не используются также лексемы *башмак* (бэщмакъ) «башмак» [с. 134] и *жеруко* (жэрыкIуэ / жэрыкIуэ вакэ) «лёгкие чувыки» [с. 235].

Головное покрывало, шапки, представленные в данном тематическом ряду (*джешпиа* (жэщ пыIэ) «колпак», букв. «ночная шапка» [с. 153], *натечепхн* (натIэщIэпхэ «женский нижний платок», букв. «повязка на лоб» [с. 188] и т.д), практически вышли из употребления.

Ткани: *алтес* (альтес) «атлас» [с. 132; с. 133], *бжахуц* (бжьэхуц) «хлопок; вата», *бжахуц кэдабн* (бжьэхуц кэдабэ) «плис; полубархат» [136], *буоз* (боз) «бязь; ситец» [с. 139], *дарИ цирх* (дарий цIырхъ) «тафта», *дарий* (дарий) «материя (шелк)», *дарии шек* (дарий щэкI) «шелковая материя» [с. 150], *це* (цей) «сукно» [с. 217], *шилн* (шылэ) «шелк». В данной тематической группе произошли существенные изменения в силу трансформационных процессов в культуре и моде одежды и материалах для одежды. Так, например, лексемы *гедугушхоп* (джэдыгушхуэ) «тулуп» [с. 142], *кабтал* (кээптал) «кафтан», *кабтал бзинше / кабтал ких* (кээпталбдзыниэ / кээптал кIыхъ) «халат», *кабталкнч* (кээптал кIэщI) «бешмет короткий» [с. 171], *аргодже* (аргуажэ) «рогожа», *гекусе* (гейкусэ) «ситец полосатый», *дариджхар* (дариджхъар) «штофная материя», *марзие / мазаие* (*марзей / мазей*) «бурмет» [с. 184], *хужибу* (*хужьыбгь*) «полотно (хлопчато-бумажное)» [с. 213] не функционируют в современном языке.

Пища и напитки

Пища: зафиксированные в данном тематическом ряду лексемы *гешлепс* (джэшлэпс) «гороховый суп» [с. 142], *гогу гомила* (гъуэгу гъуэмылэ) «провиант», букв. «дорожная провизия» [с. 147], *заже гажэ* (дзажэ гъэжэ) «ребро жареное» [с. 165], *кедикешапха* (джэдыкIэжъапхэ) «яичница» [с. 168], *лепс* (лэпс) «суп», *лиг гава* (лы гъэва) «вареное мясо», *лиг гажэ* (жареное мясо), *лиг гуржа* (лыггур гъэжэ) «мясо копчёное, жареное» [с. 180], *накул* (нэкуль) «колбаса» [с. 188], *хантхубс* (хэнтхъупс) «жидкая пшённая каша», *халиве* (хэлывэ) «пирог», *халиве аф* (хэлывэ IэфI) «сладкий пирог» [с. 216] и т. д. в основном сохранились с незначительными семантическими трансформациями.

Напитки: зафиксированные в данном тематическом ряду лексемы *арка* (аркъэ) «водка» [с. 133], *джузумупс* (жызумыпс) «вино» [с. 153], *кахоаһ* (къахъэуэ) «кофе», *кимиз* (къымыз) «кумыс (кобылье молоко)» [с. 174], *кужипс* (кхъужыпс) «грушевый напиток» [с. 178], *марамажие* (мэрэмэжьей) «медовый напиток» [с. 184], *махсимапачӀ* (махъсымэпӀащӀӀэ) «жидкая буза» [с. 184], *махсимһ* (махъсымэ) «буза» [с. 184], *ммипс* (мыпс) «сидр» [с. 186], *сираһ* (сырэ) «пиво», *сирһ гочӀ* (сырэ гуащӀӀэ) «крепкое пиво» [с. 199], *фадһ / фадер* (фадэ) «напиток (хмельной)», *фаупс* (фоупс) «мёд-напиток» [с. 207], *шагир* (шагъыр) «чихирь», *шай* (шай / шей) «чай» [с. 221] в целом сохранились в языке. Отдельные лексемы носят архаичный характер, например, *сираһ* (сырэ) «пиво», *сирһ гочӀ* (сырэ гуащӀӀэ) «крепкое пиво» [с. 199], вместо них употребляется русское «пиво».

Растения

Зерновые: лексемы данного тематического ряда *ашоӀ* (ашэху) «сочевница (род просо)» [с. 133], *гоз* (гуэдз) «пшеница» [с. 142], *гурпа* (гурпӀӀэ) «гречиха; греча» [с. 145], *гава жила* (гъавэ жылэ) «хлеб в зерне» [с. 146], *гаше* (гъашэ) «полба» [с. 147], *жила / жила* (жылэ) «зерно» [с. 156], *зентх* (зэнтхъ) «овёс» [с. 164], *ху* (ху) «просо», *хугу* (хугу) «пшено», *ха* (хъэ) «ячмень» [с. 215], *хапцӀий* (хъэпцӀий) «рожь» [с. 216], *ихамидж / ихамиж* (щхъэмыж) «колос» [с. 228] функционируют в языке, но младшее поколение практически не знает их, отдельные из них не зафиксированы в современных словарях, например, *хугожие* (хугъуэжьей) «просо мелкое (жёлтое)» [с. 213].

Травянистые: сюда относятся лексемы *гинух* (гыныху) «пастернак» [с. 142], *контхурей* (къуэнтхурей) «петрушка» [с. 177], *уз* (удз) «травя», *уз хуихо* (удз хуцхъуэ) «шалфей», *уз ихонте* «зелень», *узиша* (удзыщхъэ) «верхушка травы» [с. 205], *хакири* (хъэкъырш) «сорная трава» [с. 216], *ченике* (щӀӀэпыкӀӀэ) «конопля» [с. 220], которые знают представители старшего поколения, лексема *апериуз* (*апэрудз / епэрудз*) «мята» [с. 221] претерпела семантическую трансформацию и в современном языке означает фиалку, лексема *бжинухуз* (*бжьыныху-удз*) «чесночная трава» [с. 136] более не употребляется носителями языка.

Огородные (овощные), представленные лексемами *балигӀ* (балыджэ) «редька», *бжин* «(бжьын) «лук», *бжинух* (бжьыныху) «чеснок» [с. 136], *бури* (бурш) «перец» [с. 139], *бхи* (пхъы) «морковь» [с. 140], *джагунде* (жэгундэ) «бурак; свёкла» [с. 153], *кхибгудж* (джэшбгунж) «горох», *кхикураһ* (джэшхурей) «мышиный горох», *кхи* (джэш / джэрш) «фасоль» [с. 169] и тд., сохранились в языке и активно функционируют.

Животный мир

Домашние птицы: *адакасека* (адакъэсэка) «каплун (холощенный петух)», *адакӀ* (адакъэ) «петух» [с. 132], *баби* (бабыщ) «утка», *бибиух* (бабыщхъу) «селезень», букв. «утка-самец» [с. 133], *когуш* (гуэгущ) «индюшка», *когушуху* (гуэгущхъу) «индюк», *кхдкурт* (джэдкурт) «наседка», *кхджие* (джэджьей) «цыпленок» [с. 168], *каз* (къаз) «гусь, гусыня», *казишир* (къаз шыр) «гусёнок» [с. 172].

Дикие птицы: *бгамора* (бгэморэ) «малиновка» [с. 134], *бгаишонтһ* (бгэщхьуантІэ) «попугай», букв. «голубая птица» [с. 134], *бжандох* (бжэндэхьу) «скворец», *бжыишхакөлебзу* (бжыщхьэбзу) «воробей» [с. 135], *бзиубца* (бзуупцІэ) «черный дрозд» [с. 137], *булбул* (булбул) «соловей» [с. 139], *винд* (вынд) «ворон» [с. 141], *губго тхаруко* (губгьуэ тхэрыкьуэ) «дикий голубь», букв. «полевой голубь», *губгоказ* (губгьуэкьаз) «дикий гусь», букв. «полевой гусь» [с. 143], *жйец* (жьец) «жаворонок» [с. 158], *каргей* (кьэргьей) «ястреб», *киру* (кьру) «журавль» [с. 175], *куо* (кьуу) «лебедь» [с. 178], *мезгед* (мэзджэд) «фазан» [с. 185], *нибаджа* (нэбажэ) «степной орёл», *нибгоһ* (ныбгьуэ) «перепёлка» [с. 189], *психео / психего* (псыхэуэ) «цапля», *псыуфабзу* (псыуфэбзу) «трясогузка» [с. 194], *пхаишханох* (пхьащхьэпэхьу) «тетерев» [с. 195] и т.д.

Домашние животные: *апашһ* (ІэпІащэ) «скот (рогатый)» [с. 133], *бжен* (бжэн) «коза» [с. 136], *ввичһ* (выщІэ) «бычок», *ввһ* (вы) «бык», *ви* (вы) «вол» [с. 141], *галох* (гьэлэхьу) «холощенный баран» [с. 146], *джемһ* (жэм) «корова» [с. 153], *киц* (чьцІ) «козленок», *кһду* (джэду) «кот; кошка», *кһдуишир* (джэдушыр) «джэдушыр» [с. 168-169], *кидир* (кьыдыр) «мул; лошак» [с. 175], *коһ* (кхьуэ) «свинья», *коһбз* (кхьуэбз) «свинья-матка», *коһло / коһишир* (кхьуэ лэу / кхьуэшыр) «поросёнок» [с. 177], *малл* (мэл) / *мэлибз* (мэлыбз) «овца», *мелл* (мэл) «баран» [с. 184-185], *тһ* (тһы) «баран» [с. 204], *хьабз* (хьэбз) «сука», *хавишир* (хьэпшыр) «щенок», *хакафһ* (хьэджафэ) «собака борзая» [с. 215], *хамаске* (хьэмаскІэ) «собака испанская» [с. 216], *хһ* (хьэ) «собака», *хһ самир* (хьэ самыр) «собака гончая», *хһ хурифһ* (хьэ хьурыфэ) «собака меделяникова» [с. 217], *шид* (шыд) «осёл», *шидибз* (шыдыбз) «ослица», *шкачһ* (шкІащІэ) «тёлка (только что родившаяся)», *шке* (шкІэ) «тёлка» [с. 223], *иинһ* (щынэ) «ягнёнок; барашек» [с. 226].

Дикие животные: *арсленибз* (асльэныбз) «львица», букв. «лев-самка», *аслан* (асльэн) «лев», *баджһ* (бажэ) «лиса», *баджшир* (бажэ шыр) «лисёнок», букв. «лиса-детеныш» [с. 133], *губгоһ ажһ* (губгьуэ ажэ) «дикий козел», *губгоһ бжен* (губгьуэ бжэн) «дикая коза» [с. 143], *дугуж* (дыгьужь) «волк», *дугужибз* (дыгьужьыбз) «волчица», *дугужишир* (дыгьужьшыр) «волчонок», букв. «волк-детеныш» [с. 152], *куишх ажһ* (кьущхьэ ажэ) «тур» [с. 179], *мез кеду* (мэз джэду) «дикая кошка» [с. 185], *мииһ* (мышцэ) «медведь», *мишебз* (мышцэбз) «медведица», *мишешир* (мышцэшыр) «медвежонок» [с. 186], *тил* (пыл) «слон» [с. 193],

Насекомые: *аргой* (аргьуей) «комар» [с. 133], *базһ* (бадзэ) «муха» [с. 134], *бжебш / бжебш* (бжьэпщ) «пчелиная матка», букв. «пчел князь», *бжизе* (бжьыдзэ) «блоха», *бжһ* (бжьэ) «пчела» [с. 136], *бһг* (бэдж) «паук» [с. 141], *гонадес* (гьуанэдэс) «клоп» [с. 148], *гуда* (гьудэ) «овод; слепень» [с. 149], *хабилу нефһ* (хьэ(м)былу нэф) «моль» [с. 215], *хандирабго* (хьэндырабгьуэ) «бабочка» [с. 216], *цаке* (цІакІэ) «гнида» [с. 217],

Рептилии: *адһчөмуһ* (адэщІэмыу) «черепаха» [с. 132], *блһ* (блэ) «змея» [с. 139], *елиркаш* (елыркьэш) «рак», *елиркуи мер зи* (елыркьэш мэ зиІэ) «скорпион» [с. 154], *псиду* (псыдыуэ) «пиявка» [с. 194], *хандиркоко* (хьэндыркьуакьуэ) «лягушка» [с. 216], *ханаце* «черви» [с. 216], *цахо* (цІахуэ) «уж» [с. 217], *хабилу* (хьэбылу / хьэмбылу) «червяк», *хабилу хуж* (хьэ(м)былу хужь) «червяк для приманки» [с. 215]

Млекопитающие: *жумаран* (жумэрэн) «крот» [с. 157], *зыгъуэ* («мышь» [с. 166], *кундузибз* (кьундузыбз) «бобр-самка» [с. 175], *кундуз* (кьундуз) «бобр», *псиблла* (псыблэ) «ехидна» [с. 194], *ужъэ* («ласка» [с. 205].

Все приведенные выше слова сохранились в языке, однако в связи с изменением повседневного быта кабардинцев стали не так часто употребляться.

Названия рыб: *аргей* (аргьей) «лосось» [с. 133], *бзегие* (бзэджей) «пеструх; рябец», *бзажэ* (бдзэжьей) «рыба», *бзэжэ плыж* (бдзэжьей плыжь) «красная сельдь; красная рыба», *бзэжэих[у]* (бдзэжьейиху) «белорыбица», *бзэ* (бдзэ) «севрюга» [с. 137], *хабзэжэ* (хьэбдзэжьей) «угорь» [с. 215]. В этом разделе функционально активными в современном кабардино-черкесском языке выступают чаще русские наименования видов рыб.

Коневодческая терминология, представленная большой группой слов (*бгакметанс* (бгъэкIметыпс) «шлея» [с. 134], *гуфх* (гуфэ) «дышло», *гхрича* (джэрыщIэ) «подхвостник» [с. 145], *камыш* (кьамшы / кьамшы) «плеть» [с. 172], *кидешесикин* (кьыдэшэсыкIын) «выезжать на лошади» [с. 175], *лариг* (лээрыгъ) «стремя» [с. 181], *нахте* (нахтэ) «недоуздок» [с. 189], *она* (уанэ) «седло» [с. 191], *пчопи* (щIопщ) «плеть» [с. 196], *хако* (хакIуэ) «жеребец», *хакочх* (хакIуэщIэ) «жеребёнок» [с. 210], *халах онна* (хьэлъэхь уанэ) «вьючное седло» [с. 216], *шыкуш* (шыгуш) «возовая лошадь» [с. 224], *шесин* (шэсын) «садиться на лошадь», *шец* (шэщ) «конюшня», *ши* (шы) «лошадь», *шибз* (шыбз) «кобыла», *шигаса* (шы гъэса) «объезженная лошадь» и т.д.), активно функционирует в профессиональной среде.

Посуда, мебель, домашние предметы

Посуда, сосуд, емкость: *абг фалх / абгх фалэ* (абдж фальэ) «стакан» [с. 132], *арка фала* (аркэ фальэ) «рюмка» [с. 133], *битулка* (птулькIэ) «бутылка» [с. 138], *кедикела* (джэдыкIальэ) «посуда для яиц» [с. 168], *кошин* (кхьуэщын) «кувшин» [с. 177], *фалиркаб* (фэльыркээб) «тыква-кубышка (а также сосуд сделанный из нее)» [с. 207] и т.д.

Кухонная утварь, представленные в словаре Ногмова *бхтебшек* (пхъэтешэч) «деревянная тарелка», *лагун* (лэгъуп) «котёл» [с. 179], *жебхалх* (жьэпхьальэ) «сковорода» [с. 157], *сихан* (сыхьэн) «блюдо», *сиханцук* (сыхьэн цIыкIу) «блюде» [с. 199], *тебшек* (тешэч) «тарелка» [с. 200], *убалэ / убалх* (убальэ) «ступка» [с. 204], *хинкелзасх* (хьынкIэлдзасэ) «вилка» [с. 214], *шинак* (шынакь) «фарфоровая чашка», *шуан* (шыуан) «чан», *шуанчет* (шыуанщIэт) «таган» [с. 223], *шинак* (шынакь) «кружка» [с. 226] продолжают функционировать в языке с незначительными семантическими трансформациями.

Мебель. Лексемы данного тематического ряда *бхонта* (пхьуантэ) «сундук», *бхонтагалале* (пхьуантэ дэгъэлядэ) «ящик (выдвижной)», *бхонтацук* (пхьуантэ цIыкIу) «сундучок», букв. «сундук малый», *бхонти дукокох* (пхьуантэ дыкьуакьуэ) «шкаф», *бхонти зачет* (пхьуантэ зэщIэт) «комод» [с. 140], *голина* (гьуэльынIэ) «кровать» [с. 148], *пхабгутисинах* (пхьэбгьутIысынIэ) «лавка; скамейка» [с. 195], *шет* (*шэт / шэнт*) «стул», *шет ких* (*шэт кIыхь / шэнт кIыхь*) «скамья», *шетжэ* (*шэ(н)тжэ*) «покойное кресло», *шеттиш*

(*шэ(н)т тыни*) «кресло» [с. 222], *ánh* (Гэнэ) «стол» и т.д. активно используются в специальных контекстах при описании быта кабардинцев в прошлом.

Домашние (хозяйственные) предметы, представленные в словаре лексемами *артамак* (кьэльтмакь) «сумка, сума (вещевая)» [с. 133], *гаронка* (джэронкIэ) «фут» [с. 141], *гавалh* (гъавальэ) «воронка» [с. 146], *гомилалh* (гъуэмылалэ) «провизионная сумка» [с. 148], *кузан* (кхъузанэ) «сито» [с. 178], *кошын коту* (кхъуэщын кьуэт) «судно (комнатное)» [с. 179], *масталh* (масталэ) «игольница», *матажIе* (матэжьей) «корзинка» [с. 184], *погун* (пэгун) «ведро» [с. 193], *тас* (тас) «таз», *шумадан* (шумэданэ) «чемодан» [с. 223], до настоящего времени функционируют в языке, иногда с небольшими семантическими трансформациями.

Названия мер, зафиксированные в словаре (*аршин* (арщын) «аршин» [с. 133], *дирхам* (дырхэм) «драхма» [с. 152], *зала* (залэ) «дюйм» [с. 159], *саб* (саб) «мера емкостью до двух пудов» [с. 197], *темир мата* (темыр мата) «мера; мерка» [с. 200], букв. «железная мерка», *урус арийн* (урыс арщын) «русский аршин» [с. 206], *фут* (фут) «фут (русская мера длины, равная 30,5 см)» [с. 209], *шабхе* (щапхэ) «мера; измерение», *шигер* (щыгэр) «измерение» [с. 224]), не актуальны для современных носителей кабардино-черкесского языка.

Религиозная лексика

Христианская лексика, представленная лексемами *азанши* (азэншы) «диакон; псаломщик» [с. 132], *маремгоh хагабз* (мэрем хьыджэбз) «Богородица» [с. 184], *начикидж* (нэщIкIыж) «разговенье (первое употребление пищи после завершения поста)», *начишхо* (нэщIышхуэ) «великий пост» [с. 189], *уннh мола* (унэ молэ) «домашний священник» [с. 206], *супунне* (супунэ) «монастырь; обитель», *хутмеши* (хьутIмэш) «диакон» [с. 215], *шихнаг* (щикхнагь) «епископ» [с. 226], *ших* (щикхь) «святой», *шоген* (щоджэн) «священник; поп» [с. 227], также не актуальна для современных носителей кабардинского языка.

Исламская лексика (в основном из арабского языка), представленная в словаре Ногмова (*дженhт* (жэнэт) «рай», *джиханем* (жыхьэнэмэ / жыхьэнмэ) «ад», *дин* (дин) «вера», *дуаh* (духэ) «молитва» [с. 152-153], *ефенди* (ефэнды) «эфенди» [с. 156], *курман* (кьурмэн) «жертвоприношение», *куран* (кьурIэн) «алькоран» [с. 178], *махраб* (мухьэрэб) «минарет; молитвенная ниша в мечете, где молится мулла», *меджгит* (мэджжыт) «мечеть», *менбер* (менбер) «кафедра, с которой произносится проповеди» [с. 185], *мола* (молэ) «мулла», *молануко* (молэныкьуэ) «не дослужившийся до звания муллы», букв. «полумулла», *молапарит* (молэпэрыт) «старший мулла», *мудираса* (мыдрисэ) «медресе; школа», *муфтIй* (муфты) «муфтIй (духовное лицо)», *муазин* (муIэзин) «муэдзин – лицо, собирающее на молитву верующих мусульман», *наках* (нэчыхь) «брокосочетание; регистрация брака» [с. 187], *уннh меджгит* (домашний мечеть) [с. 206], *намаз чин* (нэмэз щIын) «молиться» [с. 235]), в советское время в словарях отмечалась как архаизмы, но в постсоветский период характеризуются частотностью ситуативного употребления.

Инструменты и орудия труда, зафиксированные в словаре Ногмова (*бел / бейл* (бел) «лопата» [с. 136], *бзакунтх / бзIког / (бдзэкьунтх/ бдзэкьуэг)* «удоч-

ка», бзи (бдзы) «долото» [с. 137], бру / бруу (бру) «бурав» [с. 139], бхаабжанһ (пхъэІэбжъанэ) «грабли», букв. «деревянные ногти» [с. 140], гиде (джыдэ) «топорик; секира» [с. 142], губже (гъубжэ) «серп», гучказик (гъушІ къазыкъ) «лом» [с. 149], дид бхик (дыд пхыкІ) «резное шило» [с. 151], джан (жан) «бритва» [153]), также функционируют в современном языке в соответствующих контекстах.

Музыкальная лексика, представленная в словаре (*бжамий* (бжъэмий) «маленькая флейта» [с. 136], гитар (гитарэ) «гитара» [с. 142], *къамылабийһ* (къамылапщэ) «трубач», букв. «в камыль (камыш) дующий», *къамылифа сиринабийһ* (къамылыфэ сыринапщэ) «музыкант» [с. 172], *накира* (накъырэ) «кларнет», *накирапийэ* (накъырапщэ) «трубач» [с. 188], *пиина дукокоһ* (пшына дыкъуакъуэ) «арфа; лира», *пиина зишуку* (пшына зыщыкъу) «скрипка», *пиина* (пшына) «музыкальный инструмент (гармонь)» [с. 196] и т.д.), продолжает употребляться в современном языке с незначительными семантическими трансформациями.

Военная лексика, представленная лексемами *афэһ* (афа) «кольчуга, панцирь» [с. 133], *бжи* (бжы) «штык; копье», *бза* (бзэ) «лук», *бзе* (бзэ) «тетива» [с. 136], *гате* (джатэ) «сабля», *гатапэ* (джатэпІэ) «ножны сабли», *гатһ* (джатэ) «шпага» [с. 141], *гин* (гын) «порох» [с. 142], *гер* (гъэр) «плен» [с. 147], *деч* (дэщІ) «латы» [с. 151], *зажехет* (зэжъэхэт) «линия (военная); фронт», *зазаон* (зэзэуэн) «бой, битва», *зазаонгоһ* (зэзэуэныгъэ) «биться; воевать; сражаться (взаимно)» [с. 158], *закелииит* (зэкІэлъыщыт) «линия (фронта)», *зао* (зауэ) «воина; сражение; битва; воин», *заозарил* (зауэзэрылІ) «битва», *заол* (зауэлІ) «солдат», *заон* (зауэн) «воевать», *заонгор* (зауэн гуэр) «бой, сражение; сражаться», *заор* (зауэр) «сражение», *заофын* (зауэфын) «хорошо воевать» и т.д., остается в языке в соответствующих контекстах, отражая особенности техники и технологий прошлого периода.

Профессия

Род трудовой деятельности человека. Лексеммы данного тематического ряда отражают исторические особенности быта и трудовой деятельности представителей кабардинского этноса: *абгичһ* (абджыщІэ) «стекольщик» [с. 132], *баимакичһ* (бэщмакъыщІэ) «башмачник» [с. 134], *гатаче* (джэтащІэ) «шпачник» [с. 141], *гершиз* (джэршыдз) «ворожея», *гинем тейт* (гынэм тет) «аптекарь» [с. 142], *гошакопиерих* (гуашакІуэпшэрыхь) «официант» [с. 143], *гушер* (гушэр) «кучер» [с. 145], *гобладиж* (гъуапльэдыж) «медник (для починки)», *гопече* (гъуапльащІэ) «медник» [с. 148], *гучиче* (гъушІыщІэ) «железник» [с. 149], *даджиг* (дэжыг) «купец», *дарии саудегер* (дарий саудэджэр) «купец шелковых материй» [с. 150], *диж зише* (дыжь зыщэ) «продавец овчин» [с. 152], *джешибле* (жэщыплэ) «ночной гадальщик» [с. 153], *жинтичһ* (жинтыщІэ) «переплётчик» [с. 157], *зихир* (зыхыр) «жнец», букв. «жнуший» [с. 163], *лемижич* (лэмыжыщІ) «мостовщик» [с. 181], *хунихиниш* (хъуншхыныщэ) «трактирщик», *хабир шибир зии* (хъэбыршыбыр зыщэ) «продавец разных мелких уборов», *хажигаше* (хъэжыгъашэ) «возчик провианта», *хакимиш* (хъэкымшы / хъэчымшы) «врач» [с. 215], *халивач* (хъэлывэщІ) «пирожник», *хапшипай* (хъэпшыпащэ) «продовец разных мелких уборов» [с. 216], *цы зибх*

(цы зыпх) «ткач» [с. 217], *ц̣ияи́е саудегер* / *ц̣ие саудегер* (цеящэ саудэджэр / цей саудэджэр) «купец суконных материй» [с. 217], *и́и́гаи́е* (щыгъэщц̣Iэ) «позументщик» [с. 225], *а́ннешетич* (Iэнэшэнтшыц̣I) «мебельщик» [с. 230].

Названия месяцев. В данном тематическом ряду в словаре Ногмова зафиксированы следующие номинации месяцев: *ч̣имахо́нкумаз̣н* (щ̣Iымахуэкумазэ) – январь [с. 220], *ч̣имахо́нкемазе* (щ̣Iымахуэк̣Iэмазэ) – февраль [с. 220], *г̣атхапемаз̣н* (г̣ьатхэпэмазэ) – март [с. 146], *г̣атхекумаз̣н* (г̣ьатхэкумазэ) – апрель [с. 146], *г̣атхекемаз̣н* (г̣ьатхэк̣Iэмазэ) – май [с. 146], *г̣амахопемаз̣н* (г̣ьамэхуэпэмазэ) – июнь [с. 146], *г̣амахокумаз̣н* (г̣ьэмахуэкумазэ) – июль [с. 146], *г̣амахокемаз̣н* (г̣ьэмахуэк̣Iэмазэ) – август [с. 146], *б̣жих̣пемаз̣н* (б̣жьых̣ьэпэмазэ) – сентябрь [с. 146], *б̣жих̣акумазе* (б̣жьых̣ьэкумазэ) – октябрь [с. 136], *б̣жих̣акемазе* (б̣жьых̣ьэк̣Iэмазэ) – ноябрь [с. 136], *ч̣имахопемазе* (щ̣Iымахуэпэмазэ) – декабрь [с. 220]. Вместо них соответственно выступают лексемы *мазае*, *г̣ьатхэпэмазэ*, *мэлыжьыхь*, *накыгъэ*, *мэк̣ьуэуэг̣ьуэ*, *бадзэуэг̣ьуэ*, *шыщ̣х̣ьэIу*, *фок̣Iадэ*, *жэпуэг̣ьуэ*, *щэк̣Iуэг̣ьуэ*, *дыг̣ьэг̣ьазэ*. Но эти лексемы встречаются в речи старшего поколения, активно же функционируют русскоязычные названия.

Этнонимы

Названия этносов, зафиксированные в словаре Ногмова (*абаза* (абазэ) «абазинцы» [с. 237], *атыхе* / *атых̣н* (адыгэ) «черкес (адыг)» [с. 133], *гирек* (грек) «грек» [с. 142], *ермени* (ермэлы) «армянин» [156], *инглиз* (инджылыз) «аглицкий (народ)» [с. 167], *кабардьер* (к̣ьэбэрдей) «кабардинец» [с. 171], *кумук* (к̣ьумык̣ьу) «кумык(и)», *куи́ха* (к̣ьуш̣х̣ьэ) «осетин» [с. 179], *татар* (тэтэр) «татары», *турку* (тырку) «турок» [с. 201], *урис* / *урусс* (урыс) «русский» [с. 206]), сохранились с небольшими фонетическими изменениями.

Научная терминология

Медицинская терминология, зафиксированная в словаре (б̣джентейб̣ка (б̣жэнтэк̣Iэ) «ячмень» [с. 134], *бегиг̣н* / *бегуз* (б̣эгыг̣ьэ / б̣эг-уз) «опухоль» [с. 136], *габа* (габэ) «грыжа» [с. 141], *гинеш* (гынэщ) «аптека» [с. 142], *гожипеуз* / *гожуз* (г̣ьуэжьыпэуз / г̣ьуэжьуз) «желтуха» [с. 148], *емина* (емынэ) «чума» [с. 154], *еминатало* (емынэтало) «эпидемия, падеж» [с. 154], *земихе* (дзэмышэ) «лишай» [с. 166], *китейхоуз* (к̣ьытехуэуз) «припадок; падучая (болезнь)», *купшауз* (к̣ьупш̣х̣ьэуз) «костная болезнь», *ликоциже* (л̣ьык̣Iуэц̣Iыжэ) «кровотечение», *лыфсифуз* / *лицинкуз* (л̣ьыфсыф / л̣ьыц̣Iынк̣Iыуз) «кровоавый понос» [с. 182]), показывает богатство кабардино-черкесского языка в XIX в., но в настоящее время характеризуется пассивным употреблением старшим поколением, но, как правило, используется современная русско-латинская терминология.

Лингвистическая терминология представлена в словаре лексемами *б̣ки́нгохер* (п̣к̣ьыг̣ьуэхэр) «глагол», букв. «основы времени» [с. 138], *б̣з̣н* ии́ш̣им (б̣зэ й̣ым-ш̣ым) «междометие», *б̣з̣н ко́з̣н* (б̣зэ к̣ьуэдзэ) «союз», букв. «речь скрепляющее», *б̣з̣н на́лехер* (б̣зэ нальэхэр) «наречие; деепричастие» [с. 137], *б̣салениз̣н* (п̣сальэпыдзэ) «предлог» [с. 139], *нохта* (нох̣ьтэ) «точка», *нох̣тит̣у* (нох̣ьтит̣I) «двосточие» [с. 190], *ца зи фаи́аго и́иар* (ц̣Iэ зи фащ̣эу шы́Iэр) «имя

существительное», *ц́ам и́пáитхер* (ц́Iэм и п́Iэ итхэр) «местоимение» [с. 217], которые не употребляются в современном научном языке.

Юридическая терминология, представленная терминами *аманһт /а немат* (анэмэт) «аманат» [с. 133], *ѓамисан* (ѓэмьсэн) «винить, обвинять, обвинить» [с. 146], *миса* (виновный) «виновный», *миса ч́ин* (мысэ щ́Iын) «винить, обвинять», *мухур тезенгоһ* (мыхьур тедзэн) [с. 235], *окил* (уэчыл) «опекун, попечитель; адвокат» [с. 191], *хабзе* (хабзэ) «закон», *хабзэнише* (хабзэншэ) «беззаконный», *хабзетхил* (хабзэтхылI) «законодатель», *хасан* (хэсэн) «судить, перен. сажать», *хасапэ* (хасапIэ) «судилище (место суда)», *хезиѓак* (хэзыѓэкI) «избиратель, избавитель», *хезихиѓһ* (хэзыхыѓэ) «избиравший» [с. 210-211], *хьбзһч́* (хабзащ́Iэ) «юрист» [с. 214], *шес* (шэс) «поручка, ручательство», *шесипаниго* (шэсыпIэныѓэ) «заложить», *шесипһ* (шэсыпIэ) «залог», *шесигу* (шэсыѓу) «заложник» [с. 222], находит свое выражение только при описании реалий первой половины XIX столетия.

Химические термины представлены в словаре лексемами *ахшедеш́* (ахьшэдэщ́) «квасцы» [с. 133], *зох* (дзэху) «олово» [с. 166], *зохшуѓ* (дзэхушыѓу) «нашатырь» [с. 166], *кинасу* (джынасу) «ртуть» [с. 168], *мивазехемих* (мывэээхэмых) «минерал» [с. 186], *мивамил* (мывэмыл) «кристалл», букв. «камень-лёд» [с. 186], *тхобзаихо́* (тхьуэбзащ́хьуэ) «сера» [с. 202], *хошкух́* (хуш(ы)кухь) «канифоль» [с. 213], *шахобца́* (шэхьуапщ́Iэ) «купорос» [с. 222], *штауќ* (щтауч) «кремень», *штаукзихел́ мива* (щтауч зыхэль мывэ) «кремний; кремнистый камень» [с. 227]. Приведенные термины в современном языке не отличаются функциональной активностью, не все из них понятны сегодняшнему носителю языка, вместо них в профессиональной среде присутствуют русскоязычные наименования, сопровождаемые латинскими формулами.

Диалектизмы. В «Кабардино-русском словаре» Ш.Б. Ногмова встречается ряд диалектизмов, например: *гочав́* (гуащ́Iэв) «сильный; силач», букв. «сильный как вол» [с. 143]. Возможно, во времена Ногмова данное исконное слово было во всех диалектах кабардино-черкесского языка, но сегодня сохранилось в основном в терском говоре в форме *гуащ́Iэв* «богатырь; силач» [Унатлоков 2011: 69-70]. Литературная кабардино-черкесская форма *пелуан* «силач, богатырь» из персидского языка [Шагиров 1977: 11]. Слово **схуран** (сэхуран) – подсолнухи (семечки) [с. 199] встречается в словаре Ш.Б. Ногмова и не отмечено, что это малоизвестное диалектное слово. На самом деле в настоящее время *сэхуран* «подсолнечник обыкновенный» [Унатлоков 2008: 29-30] встречается только в терском (малокабардинском) говоре кабардино-черкесского языка. В литературном употребляется *семышкIэ* «подсолнечник, подсолнух» из русского *семечки*. В адыгейском языке сохранилось старое исконно адыгское название *тыгьэгъазэ* «подсолнух, подсолнечник» из *тыгьэ* «солнце» и *гъазэ* от глагола *гъэзэн* «повертывать, повернуть, поворачивать», но данная лексема не зафиксирована в словаре Ногмова.

В словаре встречается лексема **машоку** (мэшоку) «мешок» [с. 209] из русского языка, которая сохранилась в бесланеевском диалекте. Действующая литературная форма *кьэп* «мешок» заимствована из тюркских языков.

Лексема **тел'афа** (тельафэ) «борона» [с. 200] сохранилась только в кубано-зеленчукских говорах кабардино-черкесского языка [Адыгэбзэ псалъальэ 1999: 623], в литературном же языке функционирует *к'ыитхъ* «борона» от глагола *к'ыитхъын* «царапать, оцарапать, поцарапать».

Лексема **т'гипс** (тэджыпс) «дрожжи» [с. 203] встречается в речи старшего поколения в черкесских говорах кабардино-черкесского языка, срав. *тэджыпс* «дрожжи» [Адыгэбзэ псалъальэ 1999: 614]. Для передачи понятия «дрожжи» в литературном языке функционируют следующие слова: *пцагъэ*, *ц'лакхъуэ-гъэтэдж*, *лэк'умгъэтэдж*, *тхъэвгъэтэдж*, однако они редко употребляются, последние два слова в словарях не зафиксированы, более употребительно в разговорной речи заимствование из русского языка *дрож*.

Интересен и тот факт, что отдельные христианские термины встречаются в словаре Ш. Ногмова с пометкой (стар.): **жор анн'н** (жор анэ) «крёстная мать» [с. 157], **джор адд'н** (жор адэ) «крёстный отец» [с. 153], **жор б'чехел'х'ан** (жор пщ'эхэльх'эн) «крестить», букв. «крест надевать» [157], **джоруб'ху** (жорыпх'у) «крёстная дочь», **джорук'он** (жорык'уэ) «крестный сын» [с. 153]. В современном кабардинском языке данные лексемы сохранились в моздокском диалекте кабардинского языка, но не имеют широкого распространения, вместо них выступают заимствования из русского языка.

Регионализмы. Слово *джузум* (жызум) «виноград» [с. 153] в словаре зафиксирован, приводится и малокабардинское заимствованное из тюркских языков *жузым* «виноград» [с. 153], встречается в основном у кабардинцев, живущих в КБР. В речи черкесов, живущих в КЧР, ныне более употребительно позднее заимствование из русского языка *винэград* «виноград». Возможно, слово *жызум* они тоже знали раньше (в пользу этого говорит, что живущие в КЧР абазины употребляют слово *джъузым* «виноград; изюм»), но было вытеснено лексемой из русского языка. Исконно адыгское название «винограда» сохранилось в родственном адыгейском языке – *санаш'хь*, которое не отмечено в словаре Ногмова.

В словаре Ш.Б. Ногмова встречаются как равноправные синонимы **когуш** (гуэгуш) «индюшка» [с. 168] и **тх'агед** (тх'эдждэд) «индюшка» [с. 202], однако лексема бытует в КБР и КЧР. В современном языке термин *гуэгуш* «индюк, индейка» в основном употребляют кабардинцы, живущие в КБР, хотя он встречается и в абазинском, абхазском, осетинском, карачаево-балкарском, ногойском и других языках северо-кавказского ареала. В речи черкесов ныне более употребительно вариант *тх'эдждэд* «индюк, индейка» [Темирова 1975: 59]. В родственном адыгейском языке *гуэгуш* не встречается, только *тх'эчэт* из *тх'э* «бог» и *чэт(ы)* «курица».

В «Кабардино-русском словаре» Ш.Б. Ногмова зафиксирована лексема **цахо** (ц'ахуэ) «уж» [с. 217]. В речи черкесов, живущих в КЧР, она не встречается [Темирова 1975: 146]. Данное слово знают в основном старожилы кабардинцы, и то в ограниченном кругу, и употребляют в пейоративном значении «мерзкая большая змея». В лексикографических работах кабардино-черкесского языка слово *ц'ахуэ* переводят по-разному и неточно, например, как «кобра, очковая змея» [КРС 1957: 425], «змея» [Темирова 1975: 146], «желтобрюх» [1998: 99], «удав, питон» [Апажев, Коков 2008: 555] и др.

В словаре Ш.Б. Ногмова зафиксировано слово *жасус* (жасус) «шпион; перебежчик» [с. 156], которое этимологически восходит к персидскому *дзасус* «шпион». Однако оно имеет региональный характер, т.к. встречается только в черкесских говорах КЧР, срав. черк. *жасус* «шпион, лазутчик» [Шагиров 1989: 126]. Для передачи понятия «шпион, лазутчик» кабардинский литературный язык использует следующие слова: *плъэIуакIуэ-дэIуакIуэ*, *цэхурылажьэ*, *цIэлъ*, *тIасхъацIэ*, *тIасхъэцIэх*. В настоящее время все перечисленные слова в разговорной речи не отличаются функциональной активностью, чаще употребляется заимствование из русского языка *шпион*.

Слова, которые сохранились в фольклоре. Отдельные лексемы, зафиксированные в словаре Ногмова, сохранились только в произведениях устного народного творчества и фольклорных источниках, например, **бшерих** (пшэрыхъ) «охотник», букв. «жира носитель» [с. 140], *дауш* (дауш) «слава, честь» [с. 150], **ергебий** (ерджыб) «вид старинного ружья» (ружье, изготовленное Ерижибом) [с. 155], **ма[й]да** (майдэ) «бердыш», **кокушиол** (куэкушыгуэл) «кокшуваль (порода коня)» [с. 168], **маисе** (маисэ) «меч» [с. 183], **нибаджэ** (ныбажэ / нэбажэ) «орел» [с. 189] (в фольклорных текстах встречается в значении «сокол»), *сандали* (сандалы) «укрепление», *санжака́* (санжакъ) «знамя», *сирибжишх́а* (сырыбжьыщхъэ) «золотистая копыя головка» [с. 198- 199], *уннапб́ха* (унапхъэ) «счастливый» [с. 205], **хошш** (хуэш) «кортик» [с. 213], лексема **таман** (тэмэн) «озеро» [с.199] сохранилось в адыгейском языке, но в ином значении: *темэн* «плавни» [АРС 1975: 306]. В словаре встречается также слово **небга** (нэбгэ) «женщина» [с. 189], которое характерно только для шапсугского диалекта адыгейского языка в форме *нэбг* в значении «человек» [Керашева 1995: 303]. В кубано-зеленчукских говорах кабардинского языка зафиксирована близкая форма *нэбгырэ* 1. «человек»; 2. «невестка; вообще любимая женщина в семье» [Адыгэбзэ псалъальэ 1999: 530].

Архаизмы. В словаре Ногмова зафиксированы лексические единицы, которые в современном кабардино-черкесском языке имеют статус архаизмов, например, *бзиче[н]но́гу* (бзыщIеннэгъу) «наследница» [с. 137], *бзh* (бзэ) «тетива» [с. 137], *бификоана* / *бифако́наниh* (быфэкъуэанэ) «бабка; мамка; няньяка; кормилица», *бланзиш́икод* (блэнэзыщыкуэд) «зверинец» [с. 138], *гаронка* (джэронкIэ) «фут» [с. 141], *гинеш* (гынэщ) «аптека», *горан* (гуэрэн) «деревушка» [с. 142], *гума́к* (гуомакъ) «верста», *гупса* / *гупса́h* (гупсэ) «родство» [с. 144], *гушер[и]ка́бл* (гушэкхъаблэ) «дроги» [с. 145], *дигиза́h* (дэгызэ) «кормилица; мамка; бабка» [с. 151], *ефа́па* (ефапIэ) «кабак» [с. 155], *жихи́и* (жыхъщы) «колчан» [с. 157] и т.д.

Историзмы, зафиксированные в словаре, отражают особенности сословного деления среди местного населения и наименования царствующей верхушки Российской империи: *бийи* (пщы) «князь», *бийич́h* (пщыщI) «княжество», букв. «княжья земля», *бийишхо* *джила́гуо* (пщышхуэ жылагъуэ) «государство», *бийишхо* (пщышхуэ) «царь (русский)», *бшишхо* (пщышхуэ) «князь великий», *бшишхоч́* (пщышхуэщI) «империя», [с. 140-141], *гуаши́ашхо* (гуащэшхуэ) «императрица», букв. «княгиня великая», *гуаше́* (гуащэ) «княгиня» [с. 143], *джила́гохеме я́пи* (жылагъуэм япщ) «император» [153], *зекóh* (зекIуэ) «поход» [с. 162], *шесигу́* (шэсыгъу) «аманат» [с. 222].

Обращает на себя внимание еще одна фонетическая особенность, зафиксированная в словарных единицах языка. Речь идет о шести глаголах с переднеязычным дрожащим сонорным звуком **р**, который в современном кабардино-черкесском языке встречается только в заимствованиях из русского языка. В словаре Ногмова зафиксированы глагольные лексемы с анлаутным **р** в следующих словах: **рибсалангоһ** (ирипсэльэн) «рассуждать», **ригегун** (ириджэгун) «забавляться», **ригхоргоһ** (иригъэхъуэн / игъэхъуэн) «налить, набирать (ведром)», **рикун** (ирикъун) «быть достаточным; насыщаться», **рилхан** (ильхъэн) «закладывать», **рипсалан дэтхенэ зими́к** (ирипслъэн дэтхэнэ зымикI) «разговаривать о всякой всячине» [с. 197]. Однако их наличие в родственном адыгейском языке с анлаутным **р**, например, *рыгуцыIэн* «рассуждать», *рыджэгун* «забавляться», *ригъэхъон* «налить», *рикъун* «насыщаться», *рилхъэн* «закладывать», позволяет утверждать, что эти формы присутствовали также на ранних этапах развития кабардино-черкесского языка.

Заключение

В заключении отметим, что «Кабардино-русский словарь (черновые материалы)» Ш. Ногмова представляет собой значимый источник для описания и анализа динамики развития лексической системы кабардино-черкесского языка с определением также фонеморфологических и структурно-семантических трансформаций на протяжении последних двух столетий. Анализ материала словаря показывает, что в языке произошли существенные изменения как количественного, так и содержательного планов. Словарь имеет непреходящее значение для истории кабардино-черкесского языка, для воссоздания и «оживления» отдельных исконных лексем, которые обогатят современный кабардино-черкесский язык, для описания и реконструкции национальной языковой картины мира в XIX, а также для уточнения стратегий языковой политики сохранения младописьменных языков.

Материал данного языка существенен для диалектологии кабардино-черкесского языка в историческом аспекте, для уточнения того, как в процессе взаимодействия и конкуренции диалектов адыгского языкового ареала формировался кабардино-черкесский литературный язык, а также для установления зафиксированных в диалектах отдельных лексических единиц кабардино-черкесского в аспекте обогащения лексики языка.

Полагаем, что следует еще раз вернуться к изданию оригинала словаря в виде рукописного источника для более детального исследования языкового материала с позиций современного языкознания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Адыгэбзэ псалъальэ 1999 – *Адыгэбзэ псалъальэ*. Адыгское слово. – М.: Дигора, 1999. – 860 с.
Апажев, Коков 2008 – *Апажев М.Л., Коков Дж.Н.* Кабардино-черкесско-русский словарь. – Нальчик: Эльбрус, 2008. – 704 с.
АРС 1975 – Адыгейско-русский словарь. – Майкоп, 1975. – 440 с.
Керашева 1995 – *Керашева З.И.* Избранные труды и статьи в двух томах, т. I. – Майкоп, 1995. – 552 с.
Нечаев 1826 – *Нечаев С.* Отрывки из путевых заметок о Юго-Восточной России. – М.: Телеграф, 1826. – Ч. 7. – № 1. – С. 26-41.

- Ногма 1956 – *Ногма Ш.Б.* Филологические труды, т. I. Кабардино-русский словарь (черновые материалы). – Нальчик, 1956. – 308 с., – С. 127- 306.
- Ногмов 1959 – *Ногмов Ш.Б.* Филологические труды, т. II. – Нальчик, 1959. – 198 с.
- Ногмов 2020 – *Ногмов Ш.Б.* Исторические и филологические труды Ш.Б. Ногмова. Нальчик, 2020. – Т. 1. – 316 с.
- Темирова 2008 – *Темирова Р.Х.* Лексические особенности речи черкесов. – Черкесск, 1975. – 206 с.
- Унатлоков 2011 – *Унатлоков В.Х.* Адыгизмы в карачаево-балкарском языке (2-е издание). – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2011. – 128 с.
- Унатлоков 2008 – *Унатлоков В.Х.* Структурно-семантический анализ адыгских фитонимов в карачаево-балкарском и осетинском языках. – Нальчик: Каб.– Балк ун-т, 2008. – 47 с.
- Шагиров 1989 – *Шагиров А.К.* Заимствованная лексика абхазо-адыгских языков. – М: Наука, 1989. – 191 с.
- Шагиров 1977 – *Шагиров А. К.* Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. – Москва: "Наука", 1977. – Т. I. – 239 с.; – Т. II. – 156 с.

REFERENCES

- Adygebze psalale/ Adygskoe slovo* / [The Adyghe word]. – М.: Digora, 1999. – 860 p. (In Circassian language)
- APAZHEV M.L., KOKOV DZH.N. *Kabardino-cherkessko-russkij slovar`* [Kabardino-Circassian-Russian dictionary]. – Nalchik: Elbrus, 2008. – 704 p. (in Russ.).
- Ady`gejsko-russkij slovar`* [Adyghe-Russian dictionary]. – Maykop, 1975. – 440 p. (in Russ.).
- KERASHEVA Z.I. *Izbranny`e trudy` i stat`i v dvux tomax* [Selected works and articles in two volumes,]. – Vol. I. – Maykop, 1995. – 552 p. (in Russ.).
- NECHAEV S. *Otry`vki iz putevy`x zametok o Yugo-Vostochnoj Rossii* [Excerpts from travel notes about Southeastern Russia.]. – Moscow: Telegraph, 1826. – Part 7. – No. 1. – pp. 26-41. (in Russ.).
- NOGMA SH. B. *Filologicheskie trudy`. t. I. Kabardino-russkij slovar` (chernovy`e materialy`)* [Philological works. Vol. I. Kabardino-Russian dictionary (rough materials)]. – Nalchik, 1956. – 308 p., – pp. 127- 306. (in Russ.).
- NOGMOV SH.B. *Filologicheskie trudy`* [Philological works.]. – Vol. II. – Nalchik, 1959. – 198 p. (in Russ.).
- NOGMOV SH.B. *Istoricheskie i filologicheskie trudy` Sh.B. Nogmova* [Historical and philological works of Sh.B. Nogmov]. – Nalchik, 2020. – Vol.1. – 316 p. (in Russ.).
- TEMIROVA R.H. *Leksicheskie osobennosti rechi cherkesov* [Lexical features of Circassian speech]. – Cherkessk, 1975. – 206 p. (in Russ.).
- UNATLOKOV V.Kh. *Ady`gizmy` v karachaevo-balkarskom yazy`ke* [Adygisms in the Karachay-Balkar language]. – 2nd edition. – Nalchik: Kab.-Balk. Univ., 2011. – 128 p. (in Russ.).
- UNATLOKOV V.KH. *Strukturno-semanticheskij analiz ady`gskix fitonimov v karachaevo-balkarskom i osetinskom yazy`kax* [Structural and semantic analysis of Adyghe phytonyms in Karachay-Balkar and Ossetian languages]. – Nalchik: Kab.– Balk Univ., 2008. – 47 p. (in Russ.).
- SHAGIROV A.K. *Zaimstvovannaya leksika abhazo-ady`gskix yazy`kov* [Borrowed vocabulary of the Abkhazian-Adyghe languages]. – Moscow: Nauka, 1989. – 191 p. (in Russ.).
- SHAGIROV A. K. *E`timologicheskij slovar` ady`gskix (cherkesskix) yazy`kov* [Etymological dictionary of the Adyghe (Circassian) languages]. – Moscow: Nauka, 1977. – Vol. I. – 239 p.; – Vol. II. – 156 p. (in Russ.).

Информация об авторах

Р.С. Аликаев – доктор филологических наук, профессор.

В.Х. Унатлоков – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the authors

R.S. Alikaev – Doctor of Sciences (Philology), Professor.

V.Kh. Unatlokov – PhD (in Philology), associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.11.2024 г.; одобрена после рецензирования 12.12.2024 г.; принята к публикации 27.12.2024 г.

The article was submitted 02.11.2024; approved after reviewing 12.12.2024; accepted for publication 27.12.2024.

Научная статья
УДК 81.42
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-469-482
EDN: YCCDDS

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛЕМИКИ В ЖАНРАХ НАУЧНОЙ СТАТЬИ И ОТЗЫВА/РЕЦЕНЗИИ

Ариука Ибрагимовна Геляева¹, Зара Хаджимуратовна Бижева²,
Танзиля Тахировна Макитова³

^{1,2,3} Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия

¹ gariuka@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5714-9242>

² bizheva-zara@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-7047-9109>

³ mpaltim2014@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6985-0001>

Аннотация. Статья посвящена выявлению особенностей реализации полемики в ядерных и оценочных жанрах научного дискурса. Цель исследования заключается в выявлении и описании специфики объективации полемики в жанрах научной статьи, отзыва/рецензии, а также определении языковых единиц, обуславливающих их полемическую направленность. Новизна исследования состоит в определении степени проявления полемичности текстов статей, отзывов и рецензий. В результате проведённого исследования установлены факторы, детерминирующие полемику в ядерных и оценочных жанрах научного дискурса. Выявлено, что полемическая направленность статьи в основном обусловлена дискуссионным характером представленного в ней научного знания. Установлено, что для отзыва/рецензии полемичность обусловлена жанрово. Оценка как жанровый признак отзыва и рецензии усиливает их полемический потенциал.

Ключевые слова: полемика, научный дискурс, ядерные жанры, оценочные жанры, отзыв, рецензия, эристика

Для цитирования: Геляева А.И., Бижева З.Х., Макитова Т.Т. Особенности реализации полемики в жанрах научной статьи и отзыва/рецензии // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 4. – С. 469-482. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-469-482. EDN: YCCDDS.

© Геляева А.И., Бижева З.Х., Макитова Т.Т., 2024

Original article

FEATURES OF THE IMPLEMENTATION OF POLEMICS IN THE GENRES OF SCIENTIFIC ARTICLES AND REVIEWS

Ariuka I. Gelyaeva¹, Zara Kh. Bizheva², Tanzilya T. Makitova³

^{1,2,3} Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia

¹ gariuka@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5714-9242>

² bizheva-zara@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-7047-9109>

³ mpaltim2014@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6985-0001>

Abstract. The purpose of this paper is to examine the characteristics of polemics used in the nuclear and evaluative genres of scientific discourse. The study's goal is to identify and characterize the peculiarities of objectification of polemics in the genres of a scientific article, review/review, and to identify the language units that define their polemical orientation. The research's novelty is in assessing the extent to which the polemic manifests itself in the texts of articles, reviews, and reviews. This research identified the elements influencing the polemic in the nuclear and evaluative genres of scientific discourse. It is discovered that the article's polemical bent stems mostly from the problematic nature of the scientific knowledge offered. It has been demonstrated that the polemic for the review and the review is genre-dependent. Evaluation as a genre trait of reviews and surveys increases their polemical value.

Keywords: polemic, scientific discourse, nuclear genres, evaluative genres, review, review, eristics

For citation: Gelyaeva A.I., Bizheva Z.Kh., Makitova T.T. Features of the implementation of polemics in the genres of scientific articles and reviews. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 4. – P. 469-482. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-469-482. EDN: YCCDDS.

© Gelyaeva A.I., Bizheva Z.Kh., Makitova T.T., 2024

Введение

Обращение к научной полемике в качестве объекта анализа в рамках настоящей статьи обусловлено исследованием особенностей репрезентации категории согласия/несогласия в разных жанрах научного дискурса в результате которого было отмечено, что полемика непосредственно связана с категорией согласия/несогласия и выступает как «поиск оптимального решения обсуждаемой проблемы и аргументированного утверждения своей позиции» [Геляева, Макитова 2020: 46], «как попытка каждой из сторон отстоять свое мнение или прийти к компромиссному решению рассматриваемой научной проблемы» [Макитова 2023: 50].

В настоящее время продуцирование научных текстов полемической направленности находится в русле актуального в современной лингвистике направления дискурсивных исследований. Однако следует отметить, что полемика относится к числу не только новых, но и «вечных» проблем коммуникации.

Как самостоятельные объекты анализа научный дискурс и полемика изучены далеко неравномерно. Научный дискурс как тип институциональной коммуникации в последние десятилетия интенсивно исследуется в рамках изучения как дискурса в целом [Аликаев 2010; Арутюнова 1990; Карасик 1997; Кубрякова 2000 и др.], так и его типов и жанров [Федосюк 1997; Flowerdew 2013], функциональных и структурных особенностей [Van Dijk 2008], связей с языковой личностью [Геляева, Хучинаева 2022]. Неоднозначность понимания дискурса в целом и научного дискурса в частности, с одной стороны, обуславливает появление новых направлений их исследования, с другой, затрудняет выработку одномерной классификации типов и жанров дискурса. Так, научный дискурс недостаточно исследован с точки зрения жанровой специфики. В языкознании всё ещё нет классификации жанров научного дискурса, базирующейся на единых основаниях.

К числу проблем, пока не нашедших достаточного освещения в лингвистической литературе, относится специфика речевой организации полемики в научном дискурсе в целом и в отдельных его жанрах в частности.

Выбор научного дискурса полемической направленности в качестве объекта исследования в данной статье обусловлен тем, что полемика в настоящее время используется практически во всех типах дискурса и в разной степени реализуется в рамках институциональной и персональной коммуникации, обобщение специфики её объективации в которых даст возможность установить семантико-прагматические категории научного дискурса, усиливающие или ослабляющие его полемический потенциал.

Надо подчеркнуть, что полемика в настоящее время наиболее востребована в политической, учебной, юридической коммуникации и СМИ, поэтому её изучение в большей степени связано с такими типами дискурса, как политический, телевизионный, юридический, деловой, учебный и др., в которых дискуссия, спор, прения, дебаты занимают одно из ведущих мест [Гуськова 2022; Глушкова 2011; Глушкова 2013 и др.]. Если авторов работ преимущественно интересуют механизмы воздействия и роль данных типов дискурса в мотивации к полемике разнородной аудитории, способы и средства эффективной коммуникации, проблемы конструктивной и «агрессивной» полемики как составляющих современных СМИ, то векторы исследования полемики в научном дискурсе направлены в значительной степени на выявление особенностей его структуры, функционирования, лексического наполнения, а также на сопоставительный аспект его изучения [Глушкова 2012; Глушкова 2013]. Однако в лингвистике нет работ, посвящённых сопоставительному исследованию полемического потенциала ядерных и оценочных жанров научного дискурса. В целом, вопросы, связанные с научным дискурсом полемической направленности, его структурно-семантическими, прагматическими и функциональными особенностями, а также со спецификой объективации полемики в институциональной и персональной научной коммуникации и в разных жанрах научного дискурса остаются недостаточно разработанными.

Таким образом, актуальность данного исследования обусловлена тем, что особенности объективации полемики в ядерных и оценочных жанрах научного дискурса остаются наименее изученными. Между тем рассмотрение специфики корректной демонстрации ученым своей позиции в различных частных дискурсивных практиках на сегодняшний день представляется важным как в собственно научном, так и в практическом аспекте, поскольку связано с вопросами соблюдения научной этики.

Цель статьи заключается в выявлении и описании особенностей проявления полемического потенциала таких жанров научного дискурса, как научная статья и отзыв/рецензия, а также в определении спектра языковых единиц, обуславливающих их эристическую направленность.

Достижение поставленной цели связано с решением следующих задач:

1) исследовать степень объективации полемики в ядерном и оценочном жанрах научного дискурса – статье и отзыве/рецензии;

2) определить факторы, детерминирующие полемический потенциал статьи, отзыва/рецензии как жанров научного дискурса;

3) обосновать жанровую обусловленность полемичности текста отзыва/рецензии;

4) выявить языковые единицы, индуцирующие полемику в научных статьях, отзывах/рецензиях, и определить специфику дистрибуции этих единиц в данных жанрах.

Из многообразия жанров научного дискурса в качестве объекта исследования мы выбрали научную статью, в наибольшей степени отвечающую жанровому канону собственно научного дискурса, и рецензию/отзыв, относящиеся к стилистически маркированным научно-оценочным типам текстов.

Предметом научного изыскания выступили отдельные языковые единицы и дескрипции в письменном научном дискурсе, а именно: в текстах статей, отзывов/рецензий, детерминирующие полемику.

Целеполагание работы обусловило использование таких методов, как дискурс-анализ, дистрибутивный и сопоставительный методы.

Эмпирический материал исследования извлечён из сборников [В пространстве... 2010; Тарланов З.К. «SUPER OMNIA VERITAS: из опыта оппонирования...2012], а также из отдельных научных статей [Аппоев, Кетенчиев 2021; Аликаев, Башиева, Тогузаева 2021]. При выборе источников фактического материала авторы исходили из предположения о том, что тексты статей как одного из ядерных жанров научного дискурса, отражающие достижения языкознания последних десятилетий и написанные разными лингвистами, с одной стороны, и отзывы и рецензии, посвящённые анализу научных и научно-методических работ по проблемам синхронного и диахронического языкознания, подготовленные одним автором и представляющие собой тексты научно-оценочных жанров – с другой, могут содержать разные по своему полемическому потенциалу языковые средства. Сопоставительный анализ данных жанров с точки зрения специфики реализации в них полемики, как представляется, позволит выявить факторы, влияющие на их полемическую направленность, и определить языковые единицы, индуцирующие полемику.

Результаты исследования

Полемика как объект исследования представляет интерес для целого ряда наук, и в каждой из них актуализируются свои трактовки данного понятия. В лексикографических источниках представлены такие определения полемики, как: 1) «(от греч. *polemicos* – воинственный, враждебный) одна из разновидностей спора, имеющая целью победу над противоположной стороной и использующая только корректные приемы» [Ожегов, Шведова 2003: 798]; 2) «спор при обсуждении, выяснении научных, литературных, политических вопросов» [Философия 2004: 507].

Словарь синонимов русского языка при описании слова «полемика» отсылает к лексеме «спор» [Александрова 2001: 351], тем самым рассматривая их как семантические эквиваленты. Кроме того, в словарной статье к лексеме «спор» представлен ряд синонимичных слов, связанных с полемикой/спором

различными типами семантических и ассоциативных отношений: *дискуссия, словопрения, контроверза, прря, диспут, препирательство, пререкания, препирание* [Александрова 2001: 478], большинство из которых не имеет отношения к научному дискурсу, поскольку последний представляет собой «один из видов институционального дискурса, призванный решать научную проблему – выработку нового знания на основе его диалога с предыдущим, созданный в соответствии с жанровыми и стилевыми канонами такого социального института, как наука» [Макитова 2023: 58]. Научный дискурс мы рассматриваем как тип регламентированной коммуникации, участники которой обязаны соответствовать стандартам данного института. Исходя из этого, прагматические цели использования полемики в научном дискурсе отличаются от целевых установок других типов дискурса. Под полемикой мы понимаем научный диалог, «целью которого является обсуждение проблемы, вызывающей разногласия и требующей обоснования точки зрения противоборствующих сторон для определения чёткой позиции по отношению к ней» [Макитова 2023: 49].

Регламентированность дискурса науки в целом обуславливает подчинение принципам научной коммуникации текстов разной жанровой отнесённости, хотя степень соответствия данным правилам варьируется в собственно научных (ядерных) и оценочных жанрах.

В ядерных жанрах научного дискурса, основной целью которых является решение научной проблемы по выработке нового знания на основе критического анализа предыдущего, репрезентируется объективная информация об изучаемом объекте. Эта цель предопределяет и форму представления знания. Поскольку статья, по мнению Р.С. Аликаева и М.Р. Аликаевой, является жанрово-стилистическим архетипом научной речи [Аликаев, Аликаева 2010], она отличается строгостью соблюдения прагматических и языковых особенностей научного стиля, поэтому использование языковых средств полемической направленности в рамках собственно научных жанров характеризуется сдержанностью и отказом от эмоциональных оценок. Сошлёмся на примеры из сборника научных статей [В пространстве... 2010]. Так, Е.С. Кубрякова и О.К. Ирисханова, признавая роль психологической науки в становлении когнитивной лингвистики, в то же время полемизируют с представителями данной науки и отмечают: *«Изначальный «психологизм» когнитивной науки, а также понимание языка как когнитивной способности... привели к прямому переносу некоторых психологических понятий и принципов описания материала на языковые единицы и выражения... Однако ... психологические эксперименты предполагают анализ непосредственных нейробиологических реакций испытуемых...»* [В пространстве... 2010: 162–163]. Авторами в данном случае употребляется тактика сравнения или противопоставления психологических и лингвистических установок и методов с целью тактичного убеждения противоположной стороны в отличии языковой деятельности от психологической: *«Но, как известно, языковая деятельность в значительной степени связана с инферентными модусами обработки информации...»* [В пространстве... 2010: 164].

Такая же тактика сравнения своего подхода с позицией другого представлена в статье А.К. Аппоева и М.Б. Кетенчиева, которые, полемизируя с автором

работы «Очерки карачаево-балкарской лексикологии» Х-М.И. Хаджилаевым, указывают, что лингвистическая интерпретация арабизмов и персизмов в карачаево-балкарском языке должна вестись и с других позиций [Аппоев, Кетенчиев 2021: 43].

Полемику детерминирует и несогласие с точкой зрения оппонента. Так, обсуждая проблему о составе фонем карачаево-балкарского языка, Р.С. Аликаев, С.К. Башиева, М.Р. Тогузаева отмечают, что «в классификации Ж.М. Гузеева отсутствуют звуки ж, ц, которые тем не менее свойственны балкарскому идиому» [Аликаев, Башиева, Тогузаева 2021: 103].

В статье как в одном из ядерных жанров научного дискурса фактором, определяющим её полемический потенциал, является дискуссионный характер текста. Даже само название статьи, сформулированное в виде вопроса: «А были парадокс?» [В пространстве... 2010: 762], – может нацеливать на полемику.

«Вербальная борьба» противоборствующих сторон за утверждение своих взглядов в лингвистике шла постоянно. Известно, что становление каждой лингвистической парадигмы происходило вследствие изменения ракурса рассмотрения языка то как исторического, то как системно-структурного, то как антропоцентрического явления. Путём широкой полемики результаты предыдущей парадигмы подвергались научным сообществом пересмотру: критическому анализу, согласию или несогласию с её определёнными положениями или их полному отрицанию. Примером такого оценочного отношения к результатам и методам исследования языка компаративистами старшего поколения, является «Манифест...» младограмматиков Г. Остгофа и К. Бругмана, в котором авторы пишут: *«только тот компаративист-языковед, который покинет душную, полную туманных гипотез атмосферу мастерской, где куются индоевропейские праформы, и выйдет на свежий воздух осязаемой действительности и современности, чтобы познать то, что непостижимо с помощью сухой теории..., только такой ученый сможет достичь правильного понимания... и преобразования языковых форм и выработать те методические принципы, без которых в исследованиях по истории языка вообще нельзя достичь достоверных результатов»* [Звегинцев 1964: 191–192]. В приведённом тексте, индуцирующем полемику, языковые единицы с усилительно-ограничительной частицей *только* в сочетании с указательными и определительными местоимениями (*только тот, только такой*) являются носителями завуалированной агональности, сочетающей признаки как кооперативного её вида, так и конфронтативного.

Дискуссионный характер отдельных положений научного дискурса также может способствовать усилению его полемической направленности. Например, для И.Г. Гердера убеждённость сторонников феноменологического подхода в существовании осевой «изначальности» и универсальности культуры послужила основанием для научной полемики. Такому осмыслению культуры И.Г. Гердер противопоставляет антропологическое её понимание и пишет: *«Нет ничего более обманчивого, как прилагать его (термин «культура») к целым векам и народам»* [Гердер 1977: 6]. Хотя перед нами фрагмент текста ядерного жанра научного дискурса, для которого в целом не характерны безапелляционные вы-

сказывания, в его состав входят единицы (отрицательная частица *нет* в роли предиката в сочетании с отрицательным местоимением *ничего*), усиливающие категоричность речи и способные повлиять на повышение её полемического потенциала. От вышеуказанных факторов зависит и дистрибуция языковых единиц полемической направленности в дискурсе статьи.

Приведённые примеры свидетельствуют о том, что в научных статьях полемика в большей степени выступает в виде дискуссии, в результате которой происходит обоснование каждой из сторон своего подхода к проблеме, его уточнение и дополнение, а также преимущественно некатегоричное опровержение позиции оппонентов. Это полемика «на расстоянии», она регламентирована, толерантна, для неё характерно сдержанное, завуалированное выражение оценки.

Как известно, оценочные жанры научного дискурса по цели отличаются от собственно научных. Они направлены не на выведение или представление нового знания, а на анализ и оценку текста. Если для ядерных жанров полемика факультативный элемент дискурса, и её манифестация в тексте зависит от разных факторов, то для рецензии/отзыва полемика обусловлена жанрово. Оценка, составляющая конститутивный признак данных жанров, как представляется, значительно повышает их дискуссионный потенциал и открывает широкое поле для полемики.

Отзыв и рецензию мы понимаем как тексты оценочного дискурса, направленные на критический анализ научных произведений (статей, монографий, диссертаций, авторефератов) с целью выявления актуальности изучаемой проблемы, достаточности и надёжности эмпирического материала, адекватности методов, аргументированности выводов, новизны, теоретической и практической значимости проведённого исследования и других критериев.

В словарях русского языка представлены различные определения рецензии: «критический отзыв о каком-нибудь сочинении, спектакле и т.п.» [Ожегов, Шведова 2003: 625]; «оценочный жанр научного и публицистического стилей речи, ... посвящается разбору одного первичного текста или другого информационного явления и формирования обоснованного оценочного мнения о нём» [Культура... 2003: 561]. Их сопоставление свидетельствует о том, что рецензия и отзыв выступают как синонимичные понятия. Выбор первого или второго термина, как отмечается в данном словаре, зависит от традиции, сложившейся в той или иной сфере речевого общения. Однако, как представляется, в научной традиции для оценки квалификационных работ (диссертаций, авторефератов диссертаций) установившимся термином является «отзыв», а для анализа монографий, книг, учебников, пособий преимущественно используется термин «рецензия».

Следует отметить, что рецензия – это «письменный текст, содержащий в себе интерпретацию (чаще всего критический разбор) научного, художественного произведения...» [Культура... 2003: 561], а отзыв – это «текст, посвящённый детальному профессиональному анализу другого научного текста и предъявляемый как в устной, так и в письменной форме во время квалификационных процедур защиты» [Культура... 2003: 399]. Эти особенности отзыва и рецензии как критических текстов накладывают отпечаток и на языковые способы пред-

ставления положительной и отрицательной оценки в них, повышающей или понижающей их полемический потенциал.

Поскольку жанрообразующим признаком отзыва и рецензии является оценка, то эта коммуникативная цель во многом определяет их относительно устойчивое композиционное построение. Как правило, в отзыве и рецензии как аналитических текстах информационно-оценочного характера выделяются описательный и оценочный блоки, последний из которых обычно следует за первым. Такая композиция обуславливает дистрибуцию языковых единиц полемической направленности в тексте и их преимущественное размещение в оценочном блоке. Описательный блок обычно содержит последовательное лаконичное представление содержания анализируемого исследования. Однако в большинстве отзывов и рецензий описательная информация чаще чередуется с оценочной, поскольку оппонент/рецензент может ставить вопросы, выражать несогласие, высказывать замечания и до оценочного блока, полемизируя с автором по отдельным положениям оцениваемой работы. Например: «*Доказательству этого тезиса подчинена большая часть рассматриваемой главы. Однако едва ли можно безоговорочно согласиться с этим утверждением...*» [Тарланов 2012: 9]; «*Полезный в плане создания историко-культурного фона и добротный выполненный раздел... не всегда увязывается логически с общим содержанием диссертации. Так, непонятно ...*» [Тарланов 2012: 48]; «*В целом первая глава диссертации излишне умозрительна, недостаточно филологична...*» [Тарланов 2012: 125]. Подобные высказывания индуцируют полемику, хотя несогласие с автором квалификационной работы выражено некатегорично. Несовпадение позиции оппонента с авторской и отрицание некоторых положений работы смягчается использованием таких языковых единиц, как *едва ли можно, не всегда, вряд ли, не совсем, недостаточно*. Оформленные с применением данных единиц возражения оппонента обусловлены стандартами научной коммуникации. Однако такого рода «мягкое отрицание» снимает их полемическую направленность.

Если в описательном блоке отзыва и рецензии только наличие положений, по которым не совпадают позиции автора текста и оппонента/рецензента, могут индуцировать полемику, то оценочный блок в силу своей специфики полемику предполагает. Индикаторами полемики в нем главным образом выступают единицы с различными типами оценок, прежде всего, отрицательной, в том числе и общеотрицательной: «*...реальная хронология явлений, описываемых в диссертации, очень узка, а название диссертации в этом отношении не соответствует её содержанию*» [Тарланов 2012: 74]; «*...диссертация не свободна от существенных, на мой взгляд, недостатков. Прежде всего непонятно, какова база фактов...*» [Тарланов 2012: 114]; «*...не совсем корректны терминологические обозначения*» [Тарланов 2012: 128].

С отрицательной оценкой непосредственно связаны и высказывания, репрезентирующие несогласие: «*Трудно согласиться и с некоторыми историко-научными оценками...*» [Тарланов 2012: 79]; «*Не могу не выразить своего сожаления и по поводу того, что диссертантом... не привлекались работы по нетипологическому синтаксису...*» [Тарланов 2012: 28].

Отрицательная оценка, а также несогласие с концепцией или определёнными положениями диссертации в отзыве и рецензии предопределяют обязательное обсуждение проблемы, по которой выявлены противоположные позиции, и которые детерминируют либо аргументированное отклонение мнения оппонента и доказательство своей позиции, либо признание обоснованности замечания.

Наибольшим полемическим потенциалом в оценочных жанрах научного дискурса обладают всевозможные типы вопросительных предложений, используемые оппонентами в разных целях. Вопрос как завуалированное замечание или попытка выяснения отсутствующей в тексте информации одинаково часто представлен как в описательном, так и оценочном блоках отзыва и рецензии. Например, целью вопросов оппонента: «...**в чём же конкретно выражается иерархическая организация синтаксической системы древнерусского языка? Что такое “сферическая” организация языка?**» [Тарланов 2012: 67], – является призыв к разъяснению или уточнению недостаточно истолкованных положений. Полемическое обсуждение проблемы о том, нуждаются ли в пояснении или уточнении положения или определенные дефиниции в тексте, способствует доказательству состоятельности той или иной точки зрения во время публичной защиты.

Полемику детерминируют и риторические вопросы, например: «**Нет ли здесь экстраполяции современных синтаксических понятий на синтаксис архаического типа?**» [Тарланов 2012: 43]; «**Не ведёт ли это к отказу от... постулата...?**» [Тарланов 2012: 125]. Такие сформулированные в виде вопроса утверждения обладают значительной воздействующей силой, обуславливающей также их высокий полемический потенциал.

Хотя целью полемики в научном дискурсе является утверждение своей позиции путём использования корректных приемов, в отзывах и рецензиях порой встречаются языковые единицы с разной степенью стилистической маркированности, способные усилить их полемическую направленность. Так, например, подытоживая своё восприятие работы, оппонент констатирует, что диссертация «**ни по предмету описания..., ни по теоретическому уровню, ни по методам анализа... не может быть признана как удовлетворяющая требованиям...**» [Тарланов 2012: 76]; «**Подобные вопросы в диссертации даже не ставятся**» [Тарланов 2012: 76]. В замечании оппонент не ограничивается просто перечислением фактов, исходя из которых диссертация не соответствует предъявляемым требованиям. Использование усилительной частицы **даже**, а также повторяющейся частицы **ни**, призванных выражать негативную оценку, одновременно повышает воздействующую силу замечания оппонента, создавая тем самым условия для полемизирования.

Оценочная функция отзыва и рецензии обуславливает доминирование в них личностного начала. Поэтому данные типы текстов, в отличие от текстов ядерных жанров научного дискурса, характеризуются регулярностью использования в них языковых единиц эмоционально-экспрессивной маркированности, как правило, содержащих различные типы коннотативных значений, индуцирующих полемику. Например: «**Постановка такой задачи не может не вы-**

звать сочувствия» [Тарланов 2012: 51]; «...вызывает недоумение, почему диссертант ...ограничивается только...» [Тарланов 2012: 52]; «...квалификации языковых форм... **страдают некоторым субъективизмом**» [Тарланов 2012: 34]; «...обнаруживаются противоречия, **нередко не лишённые парадоксальности**» [Тарланов 2012: 34]. Отношение автора отзыва к оцениваемой диссертации наиболее ярко выражено в выделенных единицах, которые в глубинной семантической структуре содержат компоненты с отрицательным значением, которое подкрепляется и контекстом.

В проанализированных отзывах и рецензиях встречаются и иностилевые элементы, например: «*В представленном виде глава выглядит несколько рыхлой*» [Тарланов 2012: 102]; «*На работе лежит некоторая печать спешки*» [Тарланов 2012: 102].

Выявлено, что в отрицательных отзывах и рецензиях эмоционально маркированных элементов довольно много. Это понятно, потому что оценочный текст не может быть стилистически нейтральным. На наш взгляд, насыщенность оценочных жанров научного дискурса, особенно отрицательного отзыва, единицами с субъективно-оценочной коннотацией значительно повышает их полемический потенциал, потому что отрицательная оценка содержит манифестацию позиции оппонента и опровержение противоположного мнения соискателя.

Заключение

Подводя итоги проведённого исследования, следует отметить, что полемика реализуется в ядерных и оценочных жанрах научного дискурса в разной степени. Выявлено, что в ядерных жанрах научного дискурса факторами, определяющими их полемический потенциал, являются общая полемическая направленность текста или отдельного его положения, а также присутствие в разных композиционных блоках единиц, репрезентирующих такие семантико-прагматические категории научного дискурса, как оценка, категоричность, несогласие. В отличие от ядерных жанров, полемическая направленность которых зависит от разных факторов, для отзыва и рецензии полемичность обусловлена жанрово. Оценка как жанровый признак отзыва и рецензии детерминирует высокую степень наполненности данных жанров единицами различной степени стилистической маркированности, что значительно усиливает их полемические возможности. В оценочных жанрах научного дискурса к числу языковых средств, индуцирующих полемику, относятся лексемы и дескрипции с отрицательным значением, различные типы вопросительных предложений, модальные слова и частицы.

Установлено, что основным фактором, влияющим на полемическую направленность научного дискурса, выступает его принадлежность к оценочным жанрам. Перспективным направлением изучения данной проблемы является выявление зависимости полемического потенциала научного дискурса от типа языковой личности его создателя.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Александрова 2001 – Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник. – 11-е изд. – М.: Русский язык, 2001. – 568 с.

Аликаев, Аликаева 2010 – *Аликаев Р.С., Аликаева М.Р.* Жанрово-стилистический архетип научной речи и его вариации // *Известия Кабардино-Балканского государственного университета.* – Нальчик, 2010. – № 2. – С. 127–139.

Аликаев, Башиева, Тогузаева 2021 – *Аликаев Р.С., Башиева С.К., Тогузаева М.Р.* Фонетические особенности карачаевского идиома карачаево-балкарского языка в работе Вильгельма Прёле «*Karatschajische Studien*» // *Научная мысль Кавказа.* – 2021. – № 2 (106). – С. 98-105.

Аппоев, Кетенчиев 2021 – *Аппоев А.К., Кетенчиев М.Б.* Лингвистическая интерпретация арабизмов и персизмов в карачаево-балкарском языкознании // *Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований.* – 2021. – № 2 (49). – С. 42-50.

Арутюнова 1990 – *Арутюнова Н.Д.* Дискурс // *Лингвистический энциклопедический словарь.* – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 136–137.

В пространстве... 2010 – *В пространстве языка и культуры: Звук, знак, смысл:* Сб. ст. в честь 70-летия В.А. Виноградова. – М.: Языки славянских культур, 2010. – 864 с.

Геляева, Макитова 2020 – *Геляева А.И., Макитова Т.Т.* Особенности репрезентации категории согласия/несогласия в дискурсе научной монографии // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики.* – Владикавказ: Изд-во Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова, 2020. – С. 40–50.

Геляева, Хучинаева 2022 – *Геляева А.И., Хучинаева Дж.Дж.* Эгоцентрические координаты лингвистического дискурса: монография. – М.: ИКЦ «ЭКСПЕРТ», 2022. – 152 с.

Гердер 1977 – *Гердер И.Г.* Идеи к философии истории человечества. – М.: Издательство Наука, 1977. – 703 с.

Глушкова 2011 – *Глушкова М.С.* Тактики обращения, представления и самопредставления в полемическом телевизионном дискурсе (лингвокультурологический аспект) // *Традиции и новации в преподавании русского языка и литературы: материалы докладов и сообщений XVI Международной научно-методической конференции (Санкт-Петербург, 04 февраля, 2011 года).* – СПб: Санкт-Петербургский государственный университет технологии и дизайна, 2011. – С. 263-266.

Глушкова 2012 – *Глушкова М.С.* Особенности изучения полемики в собственно научном и научно-деловом дискурсах // *Актуальные вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков: статьи и материалы четвертой Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 21-22 февраля 2012 года).* – В 2-х т. – Том 2. – СПб.: Государственная полярная академия, 2012. – С. 10–13.

Глушкова 2013 – *Глушкова М.С.* Роль и функции модератора в собственно научном, научно-деловом, учебном и телевизионном дискурсах // *Современная риторика в общественно-речевой и педагогической практике: материалы XVII Международной научно-практической конференции (Москва, 30 января – 01 февраля 2013 года).* – Ярославль: Ремдер, 2013. – С. 112–117.

Гуськова 2022 – *Гуськова С.В.* Полемичность политического дискурса в региональном интернет-пространстве // *Неофилология.* – 2022. – Т. 8. – № 2. – С. 358–368.

Звегинцев 1964 – *Звегинцев В.А.* История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях [Текст]: [В 2 ч.]. – М.: Просвещение, 1964-1965, 1964. – Ч. 1. – 466 с.

Карасик 1997 – *Карасик В.И.* Типы вторичных текстов // *Языковая личность: проблемы обозначения и понимания.* – Волгоград: Перемена, 1997. – С. 69–70.

Кубрякова 2000 – *Кубрякова Е.С.* О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике // *Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: сборник обзоров. Серия «Теория и история языкознания» РАН.* – М.: ИНИОН, 2000. – С. 5–13.

Культура... 2003 – *Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник /* Под ред. Иванова Л.Ю., Сквородникова А.П. и др. – М.: Наука, 2003. – 840 с.

Макитова 2023 – *Макитова Т.Т.* Особенности репрезентации категории согласия/несогласия в различных жанрах научного дискурса: дис. канд. филол. наук. – Нальчик, 2023. – 164 с.

Ожегов, Шведова 2003 – *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. – М.: Азъ, 2003. – 944 с.

Тарланов 2012 – *Тарланов З.К.* SUPER OMNIA VERITAS: Из опыта оппонирования: Об актуальных вопросах русского и общего языкознания. – Махачкала: Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН, 2012. – 252 с.

Федосюк 1997 – *Федосюк М.Ю.* Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. – М., 1997. – № 5. – С. 102-120.

Философия 2004 – *Философия: Энциклопедический словарь.* Под ред. А.А. Ивина. – М.: Гардарики, 2004. – 1072 с.

Flowerdew 2013 – *Flowerdew J.* Academic Discourse / J. Flowerdew. – London, New York: Routledge, 2013. – 341 p.

Van Dijk 2008 – *Van Dijk T. A.* Discourse and Context: A Socio-Cognitive Approach. – Cambridge, New York: Cambridge University Press, 2008. – 282 p.

REFERENCES

ALEKSANDROVA Z.E. *Slovar' sinonimov russkogo yazyka: Prakticheskii spravochnik* [Dictionary of synonyms of the Russian language: A practical guide]. – 11-e izd. – М.: Russkii yazyk, 2001. – 568 p. (In Russ.).

ALIKAEV R.S., ALIKAEVA M.R. *Zhanrovo-stilisticheskii arkhetyip nauchnoi rechi i ego variatsii* [The genre-stylistic archetype of scientific speech and its variations]. In: *Izvestiya Kabardino-Balkanskogo gosudarstvennogo universiteta.* – Nal'-chik, 2010. – № 2. – P. 127–139. (In Russ.).

ALIKAEV R.S., BASHIEVA S.K., TOGUZAEVA M.R. *Foneticheskie osobennosti karachaev-skogo idioma karachaevo-balkarskogo yazyka v rabote Vil'gel'ma Prele «Karatschajische Studien»* [Phonetic features of the Karachay idiom of the Karachay-Balkarian language in the work of Wilhelm Prele "Karatschajische Studien"]. In: *Nauchnaya mysl' Kavkaza.* – 2021. – № 2 (106). – С. 98-105. (In Russ.).

APPOEV A.K., KETENCHIEV M.B. *Lingvisticheskaya interpretatsiya arabizmov i persizmov v karachaevo-balkarskom yazykoznanii* [Linguistic interpretation of Arabisms and Persisms in Karachay-Balkarian linguistics]. In: *Vestnik Kabardino-Balkarskogo insti-tuta gumanitarnykh issledovani.* – 2021. – № 2 (49). – P. 42-50. (In Russ.).

ARUTYUNOVA N.D. *Diskurs* [The discourse]. In: *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'.* – М.: Sovetskaya entsiklopediya, 1990. – P. 136–137. (In Russ.).

V prostranstve yazyka i kul'tury: Zvuk, znak, smysl [In the space of language and culture: Sound, sign, meaning]: Sb. st. v chest' 70-letiya V.A. Vinogradova. – М.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2010. – 864 p. (In Russ.).

GELYAEVA A.I., MAKITOVA T.T. *Osobennosti reprezentatsii kategorii soglasiya/nesoglasiya v diskurse nauchnoi monografii* [Features of the representation of the category of agreement/disagreement in the discourse of a scientific monograph]. In: *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki.* – Vladikavkaz: Izd-vo Severo-Osetinskogo gosuniversiteta im. K.L. Khetagurova, 2020. – P. 40–50. (In Russ.).

GELYAEVA A.I., KHUCHINAEVA DZH.DZH. *Egotsentricheskie koordinaty lingvisticheskogo diskursa: monografiya* [Egocentric coordinates of linguistic discourse: a monograph]. – М.: IKTs «EKSPERT», 2022. – 152 p. (In Russ.).

GERDER I.G. *Idei k filosofii istorii chelovechestva* [Ideas for the philosophy of human history]. – М.: Izdatel'stvo Nauka, 1977. – 703 p. (In Russ.).

GLUSHKOVA M.S. *Taktiki obrashcheniya, predstavleniya i samopredstavleniya v polemicheskoy televizionnoy diskurse (lingvokul'turologicheskii aspekt)* [Tactics of treatment, representation and self-representation in polemical television discourse (linguistic and cultural aspect)].

In: Traditsii i novatsii v prepodavanii russkogo yazyka i literatury: materialy dokladov i soobshchenii XVI Mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii (Sankt-Peterburg, 04 fevralya, 2011 goda). – SPb: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet tekhnologii i dizaina, 2011. – P. 263-266. (In Russ.).

GLUSHKOVA M.S. *Osobennosti izucheniya polemiki v sobstvenno nauchnom i nauchno-delovom diskursakh* [Features of the study of polemics in scientific and scientific-business discourses proper]. In: Aktual'nye voprosy filologii i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov: stat'i i materialy chetvertoi Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Sankt-Peterburg, 21-22 fevralya 2012 goda). – V 2-kh t. – Tom 2. – SPb.: Gosudarstvennaya polyarnaya akademiya, 2012. – P. 10–13. (In Russ.).

GLUSHKOVA M.S. *Rol' i funktsii moderatora v sobstvenno nauchnom, nauchno-delovom, uchebnom i televizionnom diskursakh* [The role and functions of the moderator in scientific, scientific, business, educational and technical discourses proper]. In: Sovremennaya ritorika v obshchestvenno-rechevoi i pedagogicheskoi praktike: materialy XVII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Moskva, 30 yanvarya – 01 fevralya 2013 goda). – Yaroslavl': Remder, 2013. – P. 112–117. (In Russ.).

GUSKOVA S.V. *Polemichnost' politicheskogo diskursa v regional'nom internet-prostranstve* [The polemic of political discourse in the regional Internet space]. In: Neofilologiya. – 2022. – T. 8. – № 2. – P. 358–368. (In Russ.).

ZVEGINTSEV V.A. *Istoriya yazykoznanija XIX-XX vekov v ocherkakh i izvlecheniyakh* [The history of linguistics of the XIX-XX centuries in essays and extracts] [Tekst]: [V 2 ch.]. – M.: Prosveshchenie, 1964-1965, 1964. – Ch. 1. – 466 p. (In Russ.).

KARASIK V.I. *Tipy vtorichnykh tekstov* [Types of secondary texts]. In: Yazykovaya lichnost': problemy oboznacheniya i ponimaniya. – Volgograd: Peremena, 1997. – P. 69–70. (In Russ.).

KUBRYAKOVA E.S. *O ponyatiyakh diskursa i diskursivnogo analiza v sovremennoi lingvistike* [On the concepts of discourse and discursive analysis in modern linguistics]. In: Diskurs, rech', rechevaya deyatel'nost': funktsional'nye i strukturnye aspekty: sbornik obzorov. Seriya «Teoriya i istoriya yazykoznanija» RAN. – M.: INION, 2000. – P. 5–13. (In Russ.).

Kul'tura russkoi rechi: Entsiklopedicheskii slovar'-spravochnik [Culture of Russian speech: An Encyclopedic Reference Dictionary] / Pod red. Ivano-va L.Yu., Skovorodnikova A.P. i dr. – M.: Nauka, 2003. – 840 p. (In Russ.).

MAKITOVA T.T. *Osobennosti reprezentatsii kategorii soglasiya/nesoglasiya v razlichnykh zhanrakh nauchnogo diskursa* [Features of the representation of the category of agreement/disagreement in various genres of scientific discourse]: dis. kand. filol. nauk. – Nal'chik, 2023. – 164 p. (In Russ.).

OZHEGOV S.I., SHVEDOVA N.YU. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. – M.: Az", 2003. – 944 p. (In Russ.).

TARLANOV Z.K. *SUPER OMNIA VERITAS: Iz opyta opponirovaniya: Ob aktual'nykh voprosakh russkogo i obshchego yazykoznanija* [SUPER OMNIA VERITAS: From the experience of opposition: On topical issues of Russian and General linguistics]. – Makhachkala: Institut yazyka, literatury i iskusstva im. G. Tsadasy DNTs RAN, 2012. – 252 p. (In Russ.).

FEDOSYUK M.YU. *Nereshennye voprosy teorii rechevykh zhanrov* [Unresolved issues in the theory of speech genres]. In: Voprosy yazykoznaniya. – M., 1997. – № 5. – P. 102-120. (In Russ.).

Filosofiya: Entsiklopedicheskii slovar'. [Philosophy: An Encyclopedic Dictionary]. Pod red. A.A. Ivina. – M.: Gardariki, 2004. – 1072 p. (In Russ.).

FLOWERDEW J. *Academic Discourse* / J. Flowerdew. – London, New York: Routledge, 2013. – 341 p.

VAN DIJK T. A. *Discourse and Context: A Socio-Cognitive Approach*. – Cambridge, New York: Cambridge University Press, 2008. – 282 p.

Сведения об авторах.

А.И. Геляева – доктор филологических наук, профессор.

З.Х. Бижева – доктор филологических наук, профессор.

Т.Т. Макитова – кандидат филологических наук.

About the authors.

A.I. Gelyaeva – Doctor of of Sciences (Philology), Professor.

Z.H. Bizheva – Doctor of of Sciences (Philology), Professor.

T.T. Makitova – PhD (in Philology).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.11.2024 г.; одобрена после рецензирования 12.12.2024 г.; принята к публикации 27.12.2024 г.

The article was submitted 02.11.2024; approved after reviewing 12.12.2024; accepted for publication 27.12.2024.

Научная статья
УДК 81-2
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-483-494
EDN: YTLJBW

ЭТНИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ В РЕЧЕВОМ ПОВЕДЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Марина Чашифовна Шогенова¹, Залина Руслановна Дохова²

^{1,2} Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия

¹ shog-marina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4873-7795>

² dohovaz@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8940-2134>

Аннотация. Работа выполнена в рамках исследования актуальной проблемы детерминации языка, культуры и человека, что приобретает особый статус в контексте осмысления значимости языка в его отношении именно к этнической культуре как совокупности уникальных непреходящих ценностей народа и его жизненных ориентиров.

Основная идея исследования сводится к мысли о том, что этнический образ конкретного народа сохраняется в языке и его доминантные характеристики транслируются в речевом поведении языковой личности. Цель статьи – рассмотреть этнические стереотипы как константы когнитивного сознания, средство репрезентации специфики речевого поведения современной языковой личности в типичных коммуникативных ситуациях.

Материалом исследования послужили созданные на языке адыгской личности тексты, в которых использованы стереотипные лексические единицы как образные устойчивые выражения, активно используемые в этнической культуре и понимаемые как сосредоточие приоритетных знаний и смыслов, подчиненных единой ценностно-поведенческой системе, принятых в культурно-языковом пространстве адыгского этноса.

Анализ лингвистических единиц дает основание понять, что включенность стереотипных фраз в современное речевое взаимодействие способствует не только трансляции коммуникативно значимой этнической информации, но и утверждению концептуальной парадигмы доминирующих смыслов, знаний и представлений, из которых складывается когнитивное сознание современной этнокультурной языковой личности и регулируется ее речевое поведение в разных коммуникативных ситуациях.

Ключевые слова: этнические стереотипы, языковая личность, речевое поведение

Для цитирования: Шогенова М.Ч., Дохова З.Р. Этнические стереотипы в речевом поведении современной языковой личности // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 4. – С. 483-494. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-483-494. EDN: YTLJBW.

© Шогенова М.Ч., Дохова З.Р., 2024

Original article

ETHNIC STEREOTYPES IN THE SPEECH BEHAVIOR OF A MODERN LINGUISTIC PERSONALITY

Marina Ch. Shogenova¹, Zalina R. Dokhova²

^{1,2} Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbe-kov, Nalchik, Russia

¹ shog-marina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4873-7795>

² dohovaz@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8940-2134>

Abstract. The work was carried out within the framework of the study of the actual problem of determining language, culture, and man, which takes on a special status in the context of understanding the importance of language in its relation to ethnic culture as a set of people's unique non-transitory values and life orientations.

The study's primary assumption is that a certain people's ethnic image is kept in their language, and its dominating qualities are transferred into the speech behavior of a linguistic personality. The purpose of the article is to consider ethnic stereotypes as constants of cognitive consciousness, a means of representing the specifics of speech behavior of a modern linguistic personality in typical communicative situations.

The research material was the texts created in the language of the Adyghe personality, which used stereotypical lexical units as figurative stable expressions, actively used in ethnic culture and understood as a concentration of priority knowledge and meanings subordinated to a single value-behavioral system adopted in the cultural and linguistic space of the Adyghe ethnic group.

The examination of linguistic units offers grounds to recognize that the incorporation of stereotyped phrases in current speech interaction contributes not only to the translation of communicatively relevant ethnic information, and also establishes the conceptual paradigm of dominant meanings, knowledge and perceptions, forming the cognitive consciousness of the modern ethnocultural linguistic personality and regulate its speech behavior in different communicative situations.

Keywords: ethnic stereotypes, linguistic personality, speech behavior.

For citation: Shogenova M.Ch., Dokhova Z.R. Ethnic stereotypes in the speech behavior of a modern linguistic personality. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 4. – P. 483-494. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-483-494. EDN: YTLJBW.

© Shogenova M.Ch., Dokhova Z.R., 2024

Как известно, язык – уникальное явление, отражающее специфику мышления народа, особенности его мировосприятия, предпочтений, ценностей, что детерминировано разными факторами, к которым относятся традиции и опыт предшествующих поколений. Наследие этноса закрепляется в языке, а язык, будучи знаковой системой, кодирует смыслы, знания и транслирует их в виде исторически приобретенного духовного опыта как идентификатора (символики) этнических ценностей.

Вопросы взаимообусловленности современности и прошлого через язык и культуру, связи языковых единиц и зафиксированных в них знаний, на наш взгляд, актуализируются в контексте их восприятия этнокультурной языковой личностью, когнитивная деятельность которой ориентирована прежде всего на некоторое ментальное понимание как сосредоточие результатов представляемой ими категории в картине мира определенного этноса.

Значимым в таком контексте представляется проблема рассмотрения феномена стереотипа как фрагмента этнической картины мира, как культурно насыщенной вербализованной мыслительной единицы, устойчивой языковой

формулы, в которой закреплены представления о предмете, явлении, процессе как норме какой-либо категории в восприятии и понимании этнокультурного сообщества. Стереотип в переводе с греческого означает «непоколебимый образец», который отличается устойчивостью, сжатостью, емкостью, но содержательностью и обобщенностью, эмоциональностью, экспрессивностью и оценочностью. Стереотип детерминирован культурой и языком народа в прошлом, но востребован в настоящем и отличается этнической уникальностью, является объединяющим фактором для представителей одного этнического сообщества, но отличительным признаком от другого народа.

Термин «стереотип» был введен в научный оборот еще в 1922 г. американским журналистом У. Липпманом, который понимал под стереотипом определенный образ окружающего мира, оказывающий влияние на нас и наше отношение к нему и отмечал, что «...во всей... неразберихе внешнего мира мы выхватываем то, что навязывает нам наша культура, и мы имеем очевидную тенденцию воспринимать эту информацию в форме стереотипов... ориентируют человека в большом количестве информации и помогают сохранить высокую самооценку» [Липпман 2004: 95].

Востребован термин «стереотип» и в современных исследованиях. В когнитивной лингвистике, например, его применяют «...к любым сущностям (предметам, явлениям, событиям, лицам, животным, растениям и т.д.), с которыми человек соприкасается в своей познавательной и практической деятельности и которые получают обозначение в языке...» [Толстая 2009: 262]; в лингвокультурологии стереотип трактуется как воплощенный в сознании личности фрагмент картины мира, «...определенный образ представления, ментальная картинка, определенное постоянное, минимизированно-инвариантное, обусловленное национально-культурной спецификой представления о предмете или ситуации» [Красных 2002: 178]. По мнению Н.В. Уфимцевой, стереотипы бывают этнические и культурные: «...этнические стереотипы не доступны саморефлексии «наивного» представителя того или иного этноса...им невозможно специально обучать, а культурные стереотипы доступны саморефлексии, являются фактами поведения, сознания... и им можно обучать» [Уфимцева 2011: 220-221]. С.Г. Тер-Минасова подчеркивает, что, когда речь заходит о национальном характере, первое, что приходит на ум... это действительно набор стереотипов, ассоциирующихся с данным народом...» [Тер-Минасова 2008: 138], а потому этнические стереотипы «...активно поддерживаются в массовом сознании и редко претерпевают какие-либо изменения... характеризуются устойчивостью, эмоциональной окрашенностью и передачей обобщенного образа этнической группы, который имеет свою персонификацию» [Миньяр-Белоручева, Покровская 2012: 92].

Однако независимо от вида, аспекта понимания стереотипов основная их функция, на наш взгляд, заключается в возможности при их помощи моделировать уникальный образ этнокультурной языковой личности, в сознании которой сосредоточена совокупность приоритетных знаний и смыслов, детерминированных этнокультурным окружением и подчиненных единой ценностно-поведенческой системе, принятых в культурно-языковом пространстве кон-

кретного этноса. Этнический стереотип является средством осуществления когнитивных процессов в контексте утверждения актуальных традиционных ценностей, закрепленных в сознании языковой личности; другими словами, стереотип, на наш взгляд, является когнитивной единицей, при помощи которой в типичной жизненной ситуации прогнозируется и моделируется поведение, в том числе и речевое, представителей конкретной этнической группы. Стереотипные языковые единицы воплощают в себе стандартизированное мировосприятие, отражают специфику принципов познания мира этносом, деятельность которого соотносится с единой нравственно поведенческой системой, понимаемой результативной частью практического познания действительности через этническое мировосприятие. Так, в работе [Шогенова 2015] нами была сделана попытка соотнести язык и культуру на материале рассмотрения особенностей стереотипной языковой личности как инварианта этнокультурного идеала; было обосновано, что стереотипные представления о себе, своих действиях, поведении и традициях формируются с ранних лет и идеализируют универсальные модели нравственного поведения этнокультурной личности. Отмечалось, что функционирование стереотипных языковых единиц в когнитивной деятельности языковой личности в тех коммуникативных ситуациях, которые определяют потребность в сохранении традиционных этнических принципов, основанных на универсальных базовых доминантных ценностных установках, преломленных в сознании этнокультурной языковой личности, позволяет моделировать ментальную морально-духовную ценностную систему знаний и идей о нормативных способах этнического поведения. В частности, были определены принципы взаимообусловленности репрезентации этнической картины мира через вербализацию этнокультурного сознания в лексические единицы, имеющие стереотипную модальность.

См. схема № 1.

Таким образом, очевидно, что в структуре языковой личности выделяется лингвокогнитивный уровень, обуславливающий познавательную деятельность ЯЛ, которая приобретает определенные компетенции (нормы, поведение, установки, идеи, предпочтения, приоритеты, ценности и т.п.); в результате формируется этнокультурное сознание (системы смыслов в сознании), специфика которого вербализуется в лексические единицы, характеризующиеся стереотипной модальностью, репрезентируемой в этнической картине мира. Следова-

тельно, в работе стереотип понимается как когнитивный «след» в этнической картине мира, символ речевого поведения этноса в типичных коммуникативных ситуациях, специфика которых во многом раскрывается при помощи выработанных и сохраненных народом стереотипных высказываний и речевых клише, моделирующих коммуникативные отношения людей. Показательным в таком аспекте представляется этническое мировосприятие адыгской языковой личности, речевое поведение которой во многом подчинено стереотипным представлениям о нравственных принципах этнических предписаний, системе культурных знаний, вербализированных и концептуализированных в языке.

Материалом настоящего исследования послужили созданные на языке этнокультурной личности (адыгской личности) тексты, в которых ярко отражается специфика репрезентации этнических стереотипов. В статье рассмотрены примеры из произведений писателей, которые отражают особенности современной жизни, выявляют ее проблемы, актуализируют принципы взаимоотношения людей, создают образ современного человека, воплощают особенности его мировосприятия, что позволяет, во-первых, представить образ современного человека в разных жизненных ситуациях через его речевое поведение; во-вторых, рассмотреть, как стереотипы через номинации и образы выступают уникальным средством этнического сознания и поведения сквозь призму восприятия и интерпретации знаний о себе, окружающих, способом выражения и утверждения культурных ценностей этноса. Лингвистический материал дает возможность выявить этнические стереотипные единицы, которые не потеряли своей ценности и удачно активизированы в речи современной языковой личности.

Анализ текстов показал, что включенность стереотипных фраз в речевое взаимодействие помогает не только передать коммуникативно значимую информацию, но и воплотить ее именно в символическую единицу как средство сохранения накопленного культурного и речевого опыта, в которой утверждены ценностные взгляды этнического общества, а когнитивный этнический образ создается типичными лексическими единицами, включенными в речевую деятельность языковой личности. Такими в работе представлены этнические стереотипы *адыгэ хабзэ*, *адыгагъэ*, *намыс*, *напэ*.

Стереотип *Хабзэ* как норма коммуникативного поведения. Этический кодекс «*Адыгэ Хабзэ*» (каб.) является воплощением сути духовной культуры кабардинцев, одного из титульных народов Кабардино-Балкарской Республики. В представлении кабардинцев лексема *хабзэ* (каб.) – ёмкое, содержательное слово – традиционно понимается как основа специфики мышления этнического сообщества на протяжении многих столетий и раскрывает уникальное мировосприятие, специфику интерпретаций знаний, особенности оценки объектов и явлений внешнего мира. Именно сквозь призму положений *хабзэ* носители адыгской культуры выражают свою философию и утверждают жизненную позицию. *Адыгэ хабзэ* – этническая особенность мироощущения, система неписаных правил нравственного поведения этноса, представители которого данным словом подчеркивают этническую принадлежность – характеризуется устойчивостью, репрезентируется в речи современной языковой личности в виде стереотипной единицы как константы когнитивного сознания личности, как кодекс

в поведении кабардинца. Не зря в народе говорят «*хабээр бзэгунэкIэ зэрахьэркъым*» (каб.) – (букв.: «*хабээ* на кончике языка не носят»), что подчеркивает ее закрепленность именно в сознании личности. Семантическое содержание лексемы *Адыгэ хабээ* позволяет применить его практически к любой актуальной жизненной ситуации и дать оценку действиям, поведению, поступкам человека, а потому стереотипный ее характер определяет особенность адыгского этнического сознания. Важно отметить тот факт, что в речи практически каждого кабардинца присутствует слово *хабээ*, применяемое в повседневной коммуникации как индикатор, регламентирующий и предписывающий нормы его поведения. Так, использование стереотипной фразы «*хабээ (намыс) хэлыц*» (каб.) – (букв.: «...в нем есть *хабээ*») означает высшую оценку личности, подчеркивает достоинство и воспитание человека, а фраза «*хабээниэ, нэмысыниэ*» (каб.) – (букв.: «...в нем нет *хабээ*, нет *намыс*», наоборот, несет аксиологическую составляющую восприятия действий и поступков человека. Стереотипными являются устойчивые фразы, в которых основу составляет лексема *хабээ* – «*ар хабээц*», «*хабээ хьуац*», «*зэрыхабээци*», «*хабээм ипкъ иткIэ*», «*хабээм тету*» и т.п. Подобные стандартные лексические единицы весьма активны и распространены в современных типичных речевых ситуациях и позволяют говорящему не только выразить свои позиции, но и утвердить точку зрения как неоспоримый факт, так как его заключения основаны на лексеме *хабээ*, понимаемой как абсолютная и неопровержимая истина. Ср.: «Ари *хабээ хьуац* ди заманым, – ерыщакIуэрт Мазан. – Хэт ипэкIэ хуэдэуиджы гуащэрэ тхьэмадэрэ зебгьэлIэлIэну къекIуу къэзылгытэр?... Бэдынокъуэ кыхильхьа *хабээжыц* (каб.) [Керефов 1989: 146] – «В наше время это стало *хабээ*, – говорил Мазан. – Кто как раньше проявляет внимание к свекру и свекрови?... Это *хабээ* времен Бадыноко» (букв.); Сыт абы зэманым емызэгьыхэу хэлыр?... природэм шэджэгьуашхэ щыщIыныр *хабээ хьуакъэ ди заманым?* Джинс гьуэшэнджыр *адыгэ цIыхубзхэми* щатIэгьэныри *хабээ хьукъэ?* (каб.) [Керефов 1989: 146] – «Что в этом не соответствует времени? Разве *не хабээ* – обедать на природе? Адыгские женщины в джинсах – это разве *не стало хабээ?*» (букв.); «Уэлыхьы мыгьэщIэгьуэн ар, а къомыр зыхузэфIэкIыр, дауи лыфIу кыщIэкIынщ. Дэ кьыдэфIэкIым дехьуапсэн фIэкI, дефыгьуэ хьунукьым. *Хабээкъым*»(каб.) [Керефов 1989: 147] – «Это неудивительно, раз столько возможностей у него, стало быть, он хороший (достойный) мужчина. И мы должны не завидовать ему. Это *не хабээ*». (букв.).

В оценочной коммуникации всегда доминирует модель речи в соотношении с *хабээ*, подчеркивается необходимость его сохранения, соблюдения: «...*АдыгэлIым* и гьащIэр зэрыщыту гьуэгуанэщ... *АдыгэлIыр* шым щехуэх и мащэу гьуэгу тетщ, ди *льэкьыжь хабээр* хэт и хьэтыркIи схуэкьутэжынкьым» [Кармоков 1988: 21] – Жизнь адыгского мужчины – дорога... Место падения адыгского мужчины с коня – место его могилы – это *хабээ*... и ни при каких условиях нарушать его нельзя... (букв.); «Зэманыр йокIуэкI, и *хабээхэр* ткIиуэ игьэзащIэурэ» [Кармоков 1988: 31] – «Время проходит, строго выполняя законы *хабээ*...» (букв.); «Iэу, ДыгьэцIыкIу, *хабээр-щэ?*» [Мафедзев 1991: 15] – Ой, Солнышко, а как же *хабээ?* (букв.); «*Хабээр-щэ*, Iэу. Мис апхуэдэу *дихабээр*»

[Мафедзев 1991: 16] – А как же *хабзэ*? Такой наш обычай (букв.); «...абы кыы-халъхъа *хабзэрэ акъылрэт* цыхум зэрахэтар» [Мафедзев 1991: 22] – воспитанные в нём *хабзэ* и ум помогли ему быть в обществе.

Как видно, повседневное поведение современного общества кабардинцев во многом регламентируется стереотипными представлениями о *хабзэ* как культурном ориентире, компасе, основном принципе мировосприятия; *хабзэ* для адыгской языковой личности – реальность, которая регулируется его законами, подчиняется принципам и положениям кодекса, ценности которого для этноса представляются развивающимися и трансформирующимися в современности, не теряющими своей актуальности в этнической ментальности народа.

Стереотип адыгства (*адыгагъэ*) как основа коммуникативного поведения. Доминирующей нравственной основой соблюдения правил и норм поведения в разных современных жизненных ситуациях выступает и стереотип *адыгагъэ*. Соблюдение его принципов – целое философское представление о системе оценки жизни человека. Очевидно, признаки *адыгагъэ* обуславливают некую модель поведения, конфигурируют культурные ценности этноса, образуют концептуальную парадигму позитивных смыслов и значений, из которых складывается когнитивное сознание языковой личности, выступают дескриптором ее этнического образа. В системе адыгской нравственной мысли *адыгагъэ* воспринимается как основная национальная идея, как ценность вне времени и пространства, как «...заповедь и характерная черта адыгства» [Бгажноков 1999: 16].

Этнический стереотип *адыгагъэ* (адыгство) как свидетельство национального когнитивного сознания предписывает языковой личности прежде всего подчинение высоконравственным качествам и регламентирует соответствующее поведение человека. Ценностная мотивация и эмоционально-оценочное содержание речи определяют обращенность языковой личности к стереотипу *адыгагъэ* и его включенность в общение. Ср.: «*Іэхъуэм и акъылкызыэрихъкІэ шум хабзэниагъэ щІилэжъам егупсысырт. Дауи, ар адыгэу кыщІэкІынкъым. Адыгэ шу адыгэ хэку Іэхъуэ нэмыплъ щытщІынкъым, ар хъэкъщ...*» [Мафедзев 1991: 8] – Пастух думал о причинах нарушения всадником *хабзэ*. Скорее всего, он не адыг? Вряд ли сердце адыга проигнорирует на адыгской земле пастуха, это факт (букв.); «*атІэ, мы адыгэмэ, ...хабзэ ещІэри*» [Мафедзев 1991: 8] – если не *адыг*, но откуда знает *хабзэ* (букв.); «...абы и деж нэху дыкыщекІынущ, – жиІащ ДыгъэцІыкІу, – гульытэ, *адыгагъэ зэрыхэлъыр* и напщІэ трилъхъэн узэрыхэмыт макъкІэ» [Мафедзев 1991: 16] – у него переночуем, - сказала Солнышко, - подчеркивая своим голосом, что не собирается хвалиться тем, что в ней есть внимание и *адыгство* (букв.).

Как видно, слово *адыгагъэ* ассоциируется у говорящих и со словом *хабзэ* и его компонентами. Например, утверждение концепта *человечность* – *цыыхугъэ* (каб.) как часть адыгства – «*Фыщ цыхур цыыхугъэ хэлъу кьэтэджмэ*» [Мафедзев 1991: 18] – Хорошо, если человек станет (будет воспитываться) человеком» [букв.]; обращенность к концептам *почтительность* и *честь* в ситуации утверждения ценности семьи, воспитания (согласно принципам *адыгства*): «*Иджыпсту Бэгъэуш гуфІапщІэм щІегупсыпсыр езым кыхь хыбарым адыгэ унагъуэм, цыхум щІалъхъэ пщІэмрэ мыхъэнэмрэ нэсу кызыэгурыІуара-*

рагъэнут... Дунейм цыху теткыым си бын, си щIэблэ Iей хуащэрэт, жызыIэ. АтIэ ар фIы хьунщхьэкIэ упI кьудейкIэ зэфIэкIыркыым, ар гэсэн хуейщ. Гьэсэн, фIым, дахэм, екIум, *лыгьэм, пэжыгьэм, захуагьэм* и гур хуэуэщIауэ, гушхуэныгьэм и псэр етауэ. Ар куэдым яхузэфIэкIыркыым. Бгьэм дэплъейр бгьэ мэхьури, хьэфI дэплъейр хьэфI мэхьу...» [Мафедзев 1991: 19] – «Сейчас Багауш осознавал значимость *адыгской семьи*, понимание *чести и уважения*... На свете нет человека, который говорит, хоть бы мои дети, мое потомство стали бы плохими. Чтобы они стали хорошими, надо их приучать к хорошему, приличному, мужеству, честности, справедливости, открытости... Многие не могут этого... Кто обращает свои взоры к орлу (к высоте), становится орлом, кто – к хорошей собаке, тот - хорошей собакой...» (букв.); *ум и мудрость – акъылрэ губзыгьагьэрэ*; псалъэIущ: «ЩыIэ укыщIэкIынкыым *акъылрэ губзыгьагьэкIэ* зыхэтым ядэгуашэу цыху зыгьэдэIуфэм нэхьрэ нэхь льяпIэ... псалъэIущыр куэд и уасэщ» [Мафедзев 1991: 5] – «нет ценнее человека, чем тот, кто может делиться *умом и мудростью* и воспитывать мудрым словом, ценность молодости – уважение к старости (букв.).

Составляющими компонентами *адыгства* являются *честь* и *почтительность*, которые также раскрываются через стереотипное мировосприятие: «ЩIалэу зыхамыльхьа жьы хьуа иужькIэ кьагьуэтыжыркыым» [Мафедзев 1991: 5] – подчеркивается, что молодость – это пора приобретения – чего не было в молодости, не найдешь в старости (букв.); философское отношение, уважение, понимание старости: «...*жьы хьуам и Iуэхур ницIэркьэ*...» [Мафедзев 1991: 16] – старость меняет мировоззрение человека (букв.); согласие в доме между супругами: «Щхьэгьусэ зэрызэхуэхьурэ а тIур зэман лей трамыгьэкIуадэу *зэакъылэгьуу* кьежьбат, зым жиIэр адреим *фIэкьэбылу*, зым ищIэр адреим диIыгьыу, фызыр лIы Iуэху хэмыпсэльыхьу, лIыр фыз Iуэху хэмыIэбэу» [Мафедзев 1991: 30] – с тех пор как они поженились, они старались жить одним умом, слово одного принималось в веру другим; дело одного поддерживалось другим; женщина не вмешивалась в дела мужчины, а мужчина – в дела женщины (букв.).

Ценность этнической принадлежности, стереотипное представление об *адыгстве*, утверждение его принципов для кабардинского народа представляется основной национальной идеей. Ср.: «ИригьэлейIуэуи кьыпфIэщIыну хуабжьу *адыгэпсэт*. Тхыль дэдэжагуэрхэр зыщIыпIэ кьыщиульэпхьэщынти, утыку кьрилхьэнт, «*адыгэм хуэдэу лIыгьэ зыхэлъауэ* зы лъэпкь дунейм теткыым» жиIэу щIигьужу. «Усы тлъэпкь?» жиIэу зыгуэр кьоупщIамэ, «*сыадыгэщ*» жьыпIэ хьунут... [Кармоков 1988: 15] – Могло показаться, что это было излишне – но настолько у него была душа *адыга*. Находил старые книги и зачитывал, что более сильного, чем *адыг*, ни одного народа на свете нет... И если спросят, кто ты по национальности, то нужно сказать: «Я кабардинец...» (букв.).

Как видно, стереотип *адыгство* содержит богатый лингвокультурный потенциал, дающий информацию о народе, его культуре, опыте и традициях; *адыгство* во многом представляется как ядро адыгской языковой картины мира, насыщенное этническими стереотипными представлениями о человечности, чести, мудрости, ценности семьи, уважении к старости.

Стереотип *намыс* как мера оценки поведения. *Намыс* – ценностно-оценочная доминанта в культуре многих кавказских народов, в том числе и адыгского этноса. *Намыс* понимается как нравственная категория, внутренняя установка человека, отождествляется с его честностью, уважением, почтением, совестью. Стереотип *намыс* оценивает поведение человека, его поступки, действия, выступает критерием определения правильного и неправильного, нравственного и безнравственного. В речи современного кабардинца лексема *намыс* достаточно активное, востребованное слово – оно утверждает должные положительные качества личности, определяет действия и выбор человека, отражает этническое понимание о нормированном поведении этноса в разных жизненных ситуациях – словом, выступает нравственным законом для народа. Выражение «*нэмыс зыхэ-ль цIыху*», «*нэмысыфIэ*» (каб.) – «человек, в котором есть *намыс*» (букв.) считается для него высочайшей оценкой. Так, использование в речи клишированных фраз с компонентом *намыс* или даже одного слова *намыс* позволяет носителю языка ёмко, но содержательно передать свой коммуникативный замысел, точно и образно раскрыть глубину вопроса, охватить многие ценностные аспекты жизни и поведения человека. Ср.: «...*Гуащэ и кьуэрыльхум нэщхькIэ еуащ, сыт щыгьуи нэмыскIэ кьыбгьэдэт щIалэр апхуэдэу и пащхьэ кьызэрихьэжар игу ири-мышу...*» [Кармоков 1988: 27] – Свекровь недовольно посмотрела на внука, который всегда относился к ней с *намысом* (то есть уважительно, почтительно), из-за его подобного появления...(букв.); «*Адэ-мыдэ тIэкIу жаIа нэхь кьайгьэ изэрымыгьэхьуу, зэлагьэхэр зэувэлIэжри яку ильыпхьэ нэмыскIу льэкI кьагьанэтэкьым. Псори хьэрзынэу екIуэкIыу кьыпщыхьунт...*» [Кармоков 1988: 32] – Родственники не стали шуметь долго и продолжили свои отношения, в которых строго соблюдались правила *намыс* (букв.).

Категория *намыс* считается индивидуальным качеством для каждого представителя адыгского народа. Этикетная фраза благопожелания *уи намыс нэхь льагэ ухьу* (каб.) – пусть твой *намыс* будет еще выше (букв.) – предполагает, что в каждом человеке природой заложены те этнические качества, которые воплощает лексема *намыс*. И чем выше *намыс* в человеке, тем больше он ценится в глазах людей. И наоборот: если совершается безнравственный поступок, проявляется недостойное поведение, то прежде всего «страдает» оценочная категория *намыс*. Ср.: «*Си нэмысыр хэутэн зыщIар? Сэ, дауэ, напэм кьысхуегьэкIуу, яжесIэну жылэм кьысщыщIар?*» [Кармоков 1988: 28] – Кто опорочил мой *намыс*? Как я смогу людям об этом сказать? (букв.). Как видно, стереотип *намыс* пронизан ценностным содержанием и определяет маркированное поведение личности, а в данном контексте определяется как средство оценки самоуважения.

Стереотип *напэ* как регулятор этнического поведения. Слово *напэ* относится к культурно-коннотативной лексике, которая отличается со значениями, имеющими определенные ассоциации в этническом сознании людей. Кроме основного прямого соматического значения, *напэ* в понимании кабардинцев является многогранным и культурно насыщенным словом. Оно ассоциируется с такими понятиями, как честь и совесть, с одной стороны, стыд – с другой стороны. Доминирующая роль *напэ* в адыгской культуре раскрывается во фразе

«*псэм и нэ нанэ*» - достойное лицо выше души, жизни (букв), что подчеркивает ценность стереотипа *нанэ*. Слово *нанэ* активно используется в разных жизненных ситуациях и оценивает поступок человека, номинирует его. Ср.: «*нанэ зимыIэр я пщIантIэм кьыдэкIыжри цIыхугъэ зыхэль нэгъуэщI щIалэ ирихьэлIащ...*» [Кармоков 1988] – Со двора вышел тот, у кого нет лица (то есть бессовестный человек), и встретился с хорошим парнем... (букв.); «...Ларисэ жиIэрт езым и зэран льэпкь хэмылъу, хьыджэбзым и *нанэр* езым имыхьумэжмэ зыми хуэмыхьумэну» [Кармоков 2004: 11] – Лариса говорила, что девушка сама опорочила себя – «сняла лицо свое», не сберегла (букв.); «*Си цIыхубз нанэмрэ си шхьэц тхьуамрэ фIэльыкIагъэнц – текIуэтри кьэувьжащ*» [Кармоков 2004: 11] – Мое женское лицо (совесть) и мои седые волосы остановили его (букв.); «*И нанэ тэкIуэр тхьэщIа щхьэкIэ, щхьэпсыншэ мыгъуэщ...*» [Кармоков 2004: 11] – Хотя лицо было вымыто, он сам очень легкомысленный (букв.); «*Си лIахэм я пащхьэ си нанэ кьабзэу сигъэхьэж*» – жиIэу Нанэ...» [Кармоков 2004: 13] – Прошу дать возможность встретиться с умершими с чистым (белым) лицом (букв.). Как видно, этнический стереотип *нанэ* в основном выступает как оценочная категория и передает как положительную, так и отрицательную коннотацию: *адыгэ нанэ зехьэн* – иметь адыгское лицо означает верность предкам, честь и достоинство, его сохранение в течение жизни; *нанэ* (лицо) должно быть белым, чистым, то есть непорочным (*нанэ хужь, нанэ кьабзэ*), ибо ему противостоит черное, ржавое (*нанэр улъиящ, нанэр фIыцIэщ*), а если оценку связывают с каким-либо действием, то лицо может гореть (*нанэр сын* – испытывать чувство стыда), лицо может «сойти» (*нанэр текIащ* – опозориться, испытывать чувство неудобства). Словом, стереотип *нанэ* представляется средством оценки норм поведения и общения.

Таким образом, это далеко не полный перечень этнических стереотипов в адыгской культуре, к которым апеллируют писатели в классических текстах, созданных на родном (кабардинском) языке. Материал выборки позволяет заключить, что стереотипные единицы, которые активно употребляются в речевой практике современных носителей языка, представляются устойчивыми общепризнанными ценностями, в которых сохраняется уникальная память народа, духовно-нравственные традиции и опыт предков; через стереотипные лексические обороты дается высокая оценка личности в контексте не только его принадлежности к определенному этносу, но и статуса человека; именно обращенность к стереотипным фразам в речевой деятельности выявляет когнитивные признаки, репрезентирующие уникальные этнические качества, которые должны быть свойственны представителям адыгского народа. Стереотипизированные и клишированные фразы в современной речевой практике обнаруживаются в типичной ситуации, определяют нормы и правила поведения человека, образуют концептуальную парадигму положительных смыслов и значений, из которых складывается когнитивное сознание этнокультурной языковой личности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Липпман 2004 – Липпман У. Общественное мнение: Уолтер Липпман; пер. с англ. Т.В. Барчуновой; Фонд "Обществ. мнение". – Москва: Ин-т Фонда «Обществ. Мнение», 2004 (ППП Тип. Наука). – 382 с.

- Толстая 2009 – Толстая С.М. Стереотип и картина мира // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: Материалы межд. конференции. – Екатеринбург, 2009. – С. 262-264.
- Красных 2002 – Красных В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.
- Уфимцева 2011 – Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М.: Институт языкознания РАН, 2011. – 252 с.
- Тер-Минасова 2008 – Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Издательство МГУ, 2008. – 352 с.
- Миньяр-Белоручева, Покровская 2012 – Миньяр-Белоручева А.П., Покровская М.Е. Этнические стереотипы в современном языковом пространстве // Национальный психологический журнал. – № 2 (8). – 2012. – С. 90-94.
- Шогенова 2015 – Шогенова М.Ч. Стереотипная языковая личность как инвариант этнокультурного идеала языковой личности // Известия Кабардино-Балкарского государственного университета. – 2015. – № 4. – С. 45-49.
- Керефов 1989 – Керефов М.Ж. Разбогатеешь на наследстве отца? («Адэ щӀинмылькхурэ?»). – Нальчик: Эльбрус, 1989. – 253 с. (на каб. языке)
- Кармоков 1988 – Кармоков М.М. А тополя все растут («Щихухэр иджыри мэкI»). – Нальчик: Эльбрус, 1988. – 452 с. (на каб. языке)
- Мафедзев 1991 – Мафедзев С.Х. Достойны печальной песни («Гъыбзэхуэфашэт») (каб.): – Нальчик: Эльбрус, 1991. – 448 с. (на каб. языке)
- Бгажноков 1999 – Бгажноков Б.Х. Адыгская этика. – Нальчик: Эль-Фа, 1999. – 96 с.
- Кармоков 2004 – Кармоков М.М. Зов в ночи. Избранное. («Къоджэм уигъэжейркъым»). Тхыгъэхэр. – Нальчик: Эльбрус, 2004. – 532 с. (на каб. языке)

REFERENCES

- LIPPMAN U. *Obshchestvennoe mnenie: Uolter Lippman* [Public opinion: Walter Lippman]; per. s angl. T.V. Barchunovoi; Fond "Obshchestv. mnenie". – Moskva: In-t Fonda «Obshchestv. Mnenie», 2004 (PPP Tip. Nauka). – 382 p. (In Russ.).
- TOLSTAYA S.M. *Stereotip i kartina mira* [Stereotype and worldview]. In: *Etnolingvistika. Onomastika. Etimologiya: Materialy mezhd. konferentsii*. – Ekaterinburg, 2009. – P. 262-264. (In Russ.).
- KRASNYKH V. *Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya: kurs lektsii* [Ethnopsycholinguistics and linguoculturology: a course of lectures]. – M.: Gno-zis, 2002. – 284 p. (In Russ.).
- UFIMTSEVA N.V. *Yazykovoie soznanie: dinamika i variativnost'* [Linguistic consciousness: dynamics and variability]. – M.: Institut yazyko-znaniya RAN, 2011. – 252 p. (In Russ.).
- TER-MINASOVA S.G. *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Language and intercultural communication]. – M.: Izdatel'stvo MGU, 2008. – 352 p. (In Russ.).
- MIN'YAR-BELORUCHEVA A.P., POKROVSKAYA M.E. *Etnicheskie stereotipy v sovremennom yazykovom prostranstve* [Ethnic stereotypes in the modern language space]. In: *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal*. – № 2 (8). – 2012. – P. 90-94. (In Russ.).
- SHOGENOVA M.CH. *Stereotipnaya yazykovaya lichnost' kak invariant etnokul'turnogo ideala yazykovoioi lichnosti* [Stereotypical linguistic personality as an invariant of the ethno-cultural ideal of a linguistic personality]. In: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo univer-sitet*. – 2015. – № 4. – P. 45-49. (In Russ.).
- KEREFOV M.ZH. *Razbogateesh' na nasledstve ottsa?* [You'll get rich from your father's inheritance] («Adeshchleinmyl"kuh"ure?»). – Nal'chik: El'brus, 1989. – 253 p. (In Kabardin language).
- KARMOKOV M.M. *A topolya vse rastut* [And the poplars are still growing] («ShchikhukheridzhryimekI»). – Nal'chik: El'brus, 1988. – 452 p. (In Kabardin language)
- MAFEDZEV S.KH. *Dostoiny pechal'noi pesni* [Worthy of a sad song] («G"ybzekhufashchet») (kab.): – Nal'chik: El'brus, 1991. – 448 p. (In Kabardin language)

BGAZHNOKOV B.KH. *Adygskaya etika* [The Adyghe ethics]. – Nal'chik: El'-Fa, 1999. – 96 p. (In Russ.).

KARMOKOV M.M. *Zov v nochi. Izbrannoe* [A call in the night. Favourites]. («K"odzhemuig"ezheirk"ym»). Tkhyg'ekher. – Nalshyk: El'brus, 2004. – 532 p. (In Kabardin language).

Сведения об авторах.

М.Ч. Шогенова – кандидат филологических наук, доцент.

З.Р. Дохова – кандидат филологических наук, доцент.

About the authors.

M.Ch. Shogenova – PhD (in Philology), Associate Professor.

Z.R. Dokhova – PhD (in Philology), Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.11.2024 г.; одобрена после рецензирования 12.12.2024 г.; принята к публикации 27.12.2024 г.

The article was submitted 02.11.2024; approved after reviewing 12.12.2024; accepted for publication 27.12.2024.

ОЧЕРКИ, ЗАМЕТКИ, РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на книгу

УДК 94+323+39

DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-495-501

EDN: MCHCRK

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ «БУГАЙ Н.Ф. ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕНИЯ, ОПЫТ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ (1990-Е – 2015 ГГ.). – М: АКВАРИУС, 2022. – 694 С.».

Светлана Исмаиловна Аккиева¹, Алексей Хасанович Абазов²

^{1,2} Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия.

¹ asisma@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8586-7460>

² alex_abazov@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4004-7009>

Аннотация. Рецензия посвящена монографии известного историка Н.Ф. Бугая. В ней исследуются проблемы национальной политики Российской Федерации в период с 1990-х до начала 2020-х гг. Работа основана на широком комплексе источников. В их числе — опубликованные и неопубликованные архивные материалы, документы центральных и местных органов власти, а также обширный объём результатов исследований по теме. В книге проводится анализ прошедших событий, позволяющий осознать масштаб проблем, накопившихся к началу рассматриваемого периода. Особенностью рецензируемой работы является детальный анализ как достижений, так и недостатков, с которыми столкнулась российская государственность в рассматриваемый период. Это свидетельствует о глубоком понимании автором реалий времени и проблем в сфере национальной политики. В книге представлен обширный и разнообразный материал о народах России, а также других этнических группах, проживающих на территории страны. Рассматривается роль и место институтов гражданского общества и этнических меньшинств в системе отношений в современных условиях. Особое внимание уделяется выводам и рекомендациям автора, касающимся государственной национальной политики и перспектив её дальнейшего развития.

Ключевые слова: Российская Федерация, национальная политика, государственные органы, межэтнические отношения, общественные организации.

Для цитирования: Аккиева С.И., Абазов А.Х. Рецензия на монографию «Бугай Н.Ф. Проблемы национальной политики Российской Федерации: состояние изучения, опыт регулирования этнических процессов (1990-е – 2015 гг.). – М: Аквариус, 2022. – 694 с.». // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 4. – С. 495-501. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-495-501. EDN: MCHCRK.

© Аккиева С.И., Абазов А.Х., 2024

Book review

REVIEW OF THE MONOGRAPH
«BUGAI N.F. PROBLEMS OF THE NATIONAL POLICY
OF THE RUSSIAN FEDERATION: THE STATE OF STUDY,
THE EXPERIENCE OF REGULATING ETHNIC PROCESSES
(1990S-2015). – MOSCOW: AQUARIUM, 2022. – 694 P.»

Svetlana I. Akkueva¹, Alexey Kh. Abazov²

^{1,2} The Institute of Humanitarian Studies is a branch of the Kabardino–Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia.

¹ asisma@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8586-7460>

² alex_abazov@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4004-7009>

Abstract. The review is devoted to the monograph of the famous historian N.F. Bugai. It examines the problems of the national policy of the Russian Federation in the period from the 1990s to the early 2020s. The work is based on a wide range of sources. These include published and unpublished archival materials, documents from central and local authorities, as well as an extensive body of research results on the topic. The book analyzes past events, allowing us to understand the scale of the problems that had accumulated by the beginning of the period under review. A special feature of the reviewed work is a detailed analysis of both the achievements and shortcomings faced by the Russian statehood during the period under review. This indicates the author's deep understanding of the realities of the time and problems in the field of national politics. The book presents extensive and diverse material about the peoples of Russia, as well as other ethnic groups living in the country. The article considers the role and place of civil society institutions and ethnic minorities in the system of relations in modern conditions. Special attention is paid to the author's conclusions and recommendations concerning the state national policy and the prospects for its further development.

Keywords: Russian Federation, national policy, government agencies, interethnic relations, public organizations.

For citation: Akkueva S.I., Abazov A.Kh. Review of the monograph «Bugai N.F. Problems of the national policy of the Russian Federation: the state of study, the experience of regulating ethnic processes (1990s – 2015). – Moscow: Aquarium, 2022. – 694 p.». IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 4. – P. 495-501. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-495-501. EDN: MCHCRK.

© Akkueva S.I., Abazov A.Kh., 2024

Национальный вопрос в нашей многонациональной стране занимает особое место, а его урегулирование важное направление деятельности государства. Эффективность государственной национальной политики в России во многом зависит от анализа опыта предыдущих этапов. В этом плане представляется наиболее актуальным является изучение периода 1990-х – 2000-х гг., когда в столкновении советских и новых концепций выстраивалась государственная национальная политика Российской Федерации. Известный историк Н.Ф. Бугай подготовил и в 2022 г. издал книгу, в которой всесторонне и глубоко анализирует проблемы национальной политики в 1990–2015-е гг. Во введении работы автор представляет свое понимание термина «государственная национальная политика», выделяя его ключевые аспекты [Бугай 2022: 5-6] и раскрывает

смысл понятия межэтнические отношения [Бугай 2022: 8-9]. Структура монографии организована по проблемно-тематическому принципу и включает введение, пять глав и заключение.

В первой главе автор исследует проблему государственной национальной политики в российской историографии 1990-х – 2015 гг. и состояние источниковой базы.

Хронологический анализ позволяет проследить развитие историографии по исследуемой теме. Автор выделяет ряд ключевых тем в историографии 20–70-х гг. XX в. и более подробно останавливается на работах второй половины 80-х – начала 90-х гг. XX в., особо отмечает труды историко-этнографического плана академика Ю.В. Бромля [Бугай 2022: 19-23], а также работах Р.Г. Абдулатипова, Л.В. Болтенкова, В.Н. Лысенко, В.А. Тишкова и др. по вопросам государственной национальной политики [Бугай 2022: 25-33]. Касается автор также работ по федерализму, национальным меньшинствам, по «русскому вопросу», по этнополитическим проблемам и межэтническим конфликтам на Северном Кавказе, дискуссионным вопросам принудительных миграций (депортаций) по национальному признаку, проблем реабилитации ранее репрессированных народов и граждан, становлению институтов гражданского общества и др. Особое внимание Н.Б. Бугай уделяет изучению проблемы миграций и классификации форм миграций, в том числе применительно к принудительному переселению 30–40-х гг. XX в. [Бугай 2022: 65]. Следует отметить, что автор рецензируемой монографии внес значительный вклад в разработку этой темы и является наиболее авторитетным специалистом по теме.

Н.Ф. Бугай анализирует также работы по национальной политике исследователей бывших союзных республик СССР, ставших в 90-е гг. XX в. самостоятельными государствами. Автор отмечает, что характер их исследований в значительной степени оставался адекватным тем, которые проводились в России [Бугай 2022: 78].

Автор дает анализ исследований ученых дальнего зарубежья и отмечает, что работы, опубликованные накануне распада Союза СССР и непосредственно в 90-е гг. XX в., отличаются глубоким анализом [Бугай 2022: 83]. Н.Ф. Бугай констатирует, что в исследованиях опубликованных в 2000-е гг. зарубежные авторы больше внимания уделяли внутренним процессам в России, исследовали такие вопросы, как возрождение культуры, становление бывших советских республик в качестве самостоятельных государств, процесс их утверждения, их возможности в приращении экономического потенциала, контакты на мировом уровне и др. [Бугай 2022: 85].

Источниковая база работы впечатляет объемом и разнообразием. Автор провел масштабную исследовательскую работу в архивных фондах Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и его филиале, а также в архиве Российской академии наук, а также в местных республиканских, краевых, областных архивах государственных органов власти, общественных организаций. В их числе: Центральный архив КБР, национальный архив Республики Адыгея,

Государственный архив Камчатского края. А также опубликованные материалы и документы, принадлежащие партийным и государственным органам власти, администрации Президента и Правительства РФ, протоколы разного рода совещаний по проблемам национальной политики, материалы слушаний в государственных органах власти, а также материалы многочисленных, научных и научно-практических конференций, заседаний «круглых столов», воспоминаний (А.В. Вольского, В.Ю. Зорина, С.М. Шахрая) [Бугай 2022: 96, 113, 665]. Автор использует также свои дневниковые записи, материалы обобщающего характера по итогам тех или иных мероприятий, в которых он принимал непосредственное участие (Н.Ф. Бугай в 2003–2010 гг. являлся непосредственным участником процесса подготовки новых нормативно-правовых актов по вопросам политики межэтнических отношений, а также подготовки материалов к целому ряду общественно-политических документов того времени и реализации мер в системе межэтнических отношений) [Бугай 2022: 123]. Это позволило ему не только получить практические знания о данной сфере, но и сформировать глубокое понимание её специфики и нюансов.

Вторая глава монографии посвящена анализу государственной национальной политики в контексте демократических преобразований, происходивших в России в 90-е гг. XX в. В данной главе автор анализирует непростую общественно-политическую ситуацию в стране и процесс «автономизации» и отмечает необходимость поиска новой формы федерации [Бугай 2022: 133-134]. Особое внимание уделяется разработке Федеративного договора и принципам, на которых этот договор строился. Автор отмечает, что договор был вынужденной мерой [Бугай 2022: 141], но сыграл определенную роль в развитии правовой системы в РФ, решении промежуточных задач в новом формате России [Бугай 2022: 182].

Подробно автор разбирает ситуации в Чечено-Ингушской, Кабардино-Балкарской, Карачаево-Черкесской республиках и отмечает специфичность каждого случая.

Поднимает автор проблему федеративных округов и их роли в совершенствовании форм управления регионами, в том числе в регулировании межэтнических отношений [Бугай 2022: 184].

В работе рассмотрены ключевые законы, которые регулируют жизнь в России: Конституция Российской Федерации, принятая в 1993 г., «Концепция государственной национальной политики Российской Федерации», утверждённая в 1996 г., и «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», разработанная в 2012 г.

Автор справедливо отмечает, что Концепция национальной политики была направлена на решение главной задачи – консолидацию российского многонационального сообщества и защиту его интересов и каждого человека в отдельности, и в ней впервые была озвучена формула зависимости успехов этнических общностей от состояния межэтнических отношений. Она также была призвана отражать все многообразие интересов народов страны и обладать инструментами для их согласования [Бугай 2022: 200-204]. Отмечая важность и значимость концепции, Н.Ф. Бугай касается и проблем реализации положений

концепции в 90-е гг. XX в. и пишет, что первые трудности обозначились в разрешении ряда проблем репрессированных народов (в их числе ускорение разработки и реализации соответствующих законодательных актов, направленных на устранение последствий репрессий в отношении этих народов) [Бугай 2022: 204]. Он также обоснованно отмечает, что условия второй половины 90-х гг. XX в. не способствовали полной реализации всех положений Концепции, и сам документ периодически корректировался. Н.Ф. Бугай положительно оценивает роль Концепции в решении вопросов национальной политики и подчеркивает, что она создавала основы для дальнейшего развития российской многонациональной государственности и оставалась действующим документом, время требовало корректировки Концепции 1996 г. [Бугай 2022: 216-220]. «Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.», утвержденную Указом Президента РФ. Путина в декабре 2012 г. Н.Ф.Бугай оценивает высоко и считает, что в ней представлены все приоритетные задачи государственной национальной политики [Бугай 2022: 222]. Самым существенным упущением «Стратегии...» считает отсутствие упоминания о русском народе и его роли в укреплении российской государственности в разные периоды истории страны. Дискуссии о государствообразующей нации русских посвящен отдельный параграф. Приветствует Н.Ф. Бугай интерес к казачеству и довольно подробно разбирает формирование казачьего движения в 90-е гг. XX в., подчеркивает, что активность казачьих организаций оказывает значительное влияние на формирование гражданского общества; образование и патриотическое общество молодежи и т.д. А вариант развития казачества, по мнению Н.Ф. Бугая, видится в создании подразделений наподобие национальной гвардии США [Бугай 2022: 227]. Представляется, что такое мнение, возможно, спорно, но имеет право быть.

В третьей главе монографии автор анализирует ситуацию в межнациональных отношениях в РСФСР и новые органы созданные для улучшения ситуации.

Эти органы должны были решать проблему целостности государства. Обсуждение государственной концепции национального строительства затянулось, и идея уравнивания республик и административно-территориальных единиц возникла при обсуждении вопроса о государственности русских. Автор приводит таблицу государственных органов, занимавшихся национальной политикой в 1990–2015 гг., за весьма короткий период было создано 13 различных организаций [Бугай 2022: 301-305]. Автор называет приведенную им таблицу «министерской чехардой» и отмечает, что говорить об накоплении опыта работы, обобщении, выводах, выработке рекомендаций с целью принятия управленческих решений в масштабе государства, сложно говорить [Бугай 2022: 306]. Эта чехарда, возможно, была связана с поиском оптимальной модели организации, которая проводила бы национальную политику. Поиск этой модели был усложнен множеством факторов, включая многообразие функций, полярность оценок руководителей ведомств, настроения национальных элит, экономическое положение в стране, активизация миграционных процессов и т.д. В главе особое внимание уделяется структурам органов власти местного уровня и их

деятельности в условиях высокой этнической мобилизованности, ухудшения межэтнических отношений в многонациональных регионах страны, в том числе и на Северном Кавказе.

Четвертая глава посвящена основным направлениям национальной политики в Российской Федерации. В данной главе особое внимание уделяется формам регулирования системы экономики в контексте федеративных отношений. При исследовании значительное внимание уделяется проблеме сбалансированного сочетания территориального и национального аспектов в экономической сфере, и основная роль принадлежала государству, которая регулировала меры, связанные с поддержкой территорий. На федеральном уровне учитывалась территориальная специфика территорий в развитии экономики и были приняты различные нормативные акты, созданы ассоциации и разработаны программы развития отраслей и регионов. Миннац России в своей практической деятельности экономическим вопросам постоянно уделял внимание, но без ошибок не обходилось, особенно в использовании средств по целевому назначению. Н.Ф. Бугай приводит интересные данные о том, как реализовывались эти меры в различных регионах страны. В их числе Республика Саха (Якутия), Дальний Восток и др. Довольно подробно и детально пишет автор о регионах Юга России. Северном Кавказе, в том числе о Кабардино-Балкарии, Дагестане, Чеченской Республике, Карачаево-Черкесии, Северной Осетии-Алании. Автор исследует вопросы урегулирования конфликтных ситуаций на территории России и реабилитации репрессированных народов. Он отмечает, что принятие в апреле 1991 г. Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» определило комплекс мер, входящих в понятие реабилитация. Они касались, как мужского, так и женского населения, а также детей, родившихся до 1957 г. [Бугай 2022: 489-490]. Основное внимание уделяется мерам социально-экономического и культурного плана.

В пятой главе исследуются институты гражданского общества. Автор рассматривает формирование системы новых институтов гражданского общества в многонациональном российском обществе. К таким институтам относятся национально-культурные автономии (НКА), национально-общественные организации (НОО), ассоциации, землячества и центры национальных культур. Идеи создания экстерриториального типа автономии НКА в нашей стране возникли в начале XX в. и эти идеи поддерживал Еврейский рабочий союз «Бунд», некоторые другие социалистические и либеральные партии, но российские большевики, отмечает Н.Ф. Бугай не поддержали НК, полагая, что их создание приведёт формированию определенного корпоративного сознания, обособлению народов [Бугай 2022: 532]. Процессы в РФ конца 80-х – начала 90-х гг. XX в., характеризующиеся высоким уровнем этнической мобильности, сопровождался ростом числа национально-культурных общественных организаций, отмечается в книге Н.Ф. Бугая. На федеральном уровне уже в 90-е гг. XX в. возникает система НКА. Принятие Закона «Об общественных объединениях (1995 г.) и следом Закона РФ «О национально-культурной автономии» в 1996 г. заложило правовое русло для деятельности общественных объединений. В июле 1998 г. было создано общественное объединение всероссийского масштаба –

Ассамблея народов России. Событием исторической важности в процессе формирования системы гражданского общества на территории РФ явилось создание Общественной палаты при Президенте РФ на основании его распоряжения от 16 февраля 1994 г. В последующем эти меры были детализированы в ФЗ от 4 апреля 2005 г. № 32 «Об Общественной палате РФ» [Бугай 2022: 550].

Институтам гражданского общества, отмечает Н.Ф. Бугай, в новых условиях существования российской государственности придана высокая функциональная роль, они выступали по направлению своей деятельности как совершенно новая организация этнических общностей, их консолидации. Их деятельность по изданию газет, книг, участие в работе органов власти на местах, усиление контактов с общественно-политическими организациями и политическими партиями, связи с общественными организациями стран ближнего и дальнего зарубежья и др. повсеместно содействовали консолидации народов России, усилению понимания единства целей, воспитанию патриотических чувств, что представляет особую ценность в создании условий для обеспечения безопасности самого государства. Показана деятельность институтов гражданского общества по гармонизации межэтнических отношений и их взаимодействие с органами власти в сфере этнокультурных отношений.

В заключении приведены выводы автора по исследуемой теме. Представлен список использованной литературы и источников, а также указатель имен.

Обилие интересной информации, новых данных, скрупулезная работа автора над текстом, характеризует монографию как значительный вклад в изучение проблем национальной политики в России в 1990-2015 гг. Книга будет интересна историкам и широкому кругу читателей, интересующихся историей государственной национальной политикой.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Бугай 2022 – *Бугай Н.Ф.* Проблемы национальной политики Российской Федерации: состояние изучения, опыт регулирования этнических процессов (1990-е – 2015 гг.). – М: Аквариус, 2022. – 694 с.

REFERENCES

BUGAI N.F. *Problemy natsional'noi politiki Rossiiskoi Federatsii: sostoyanie izucheniya, opyt regulirovaniya etnicheskikh protsessov (1990-e – 2015 gg.)* [Problems of the national policy of the Russian Federation: the state of study, the experience of regulating ethnic processes (1990s – 2015)]. – М: Akvarius, 2022. – 694 p. (In Russ.).

Информация о рецензентах

С.И. Аккиева – доктор исторических наук.

А.Х. Абазов – доктор исторических наук, доцент.

Information about the reviewers

S.I. Akkueva – doctor of Sciences (History).

A.Kh. Abazov – doctor of Sciences (History), Associate Professor.

Рецензия поступила в редакцию 29.10.2024 г.; принята к публикации 27.12.2024 г.

The review was submitted 29.10.2024; accepted for publication 27.12.2024.

Наши авторы

Абазов Алексей Хасанович – доктор исторических наук, доцент, заместитель генерального директора по научной работе ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», ведущий научный сотрудник сектора средневековой и новой истории Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: alex_abazov@list.ru

Аккиева Светлана Исмаиловна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора этнологии и этнографии Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: asisma@yandex.ru

Албогачиева Макка Султан-Гиреевна – доктор исторических наук, заведующая отделом этнографии Кавказа Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: albmac@mail.ru

Аликаев Рашид Султанович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой немецкой и романской филологии социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: ralikaev@mail.ru

Анищенко Елена Александровна – старший преподаватель института менеджмента, туризма и индустрии гостеприимства ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия; соискатель ученой степени кандидата наук Научно-образовательного центра ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: elen_anischenko@mail.ru

Атабиева Асият Даутовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарской литературы Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: bolatovaatabieva@mail.ru

Ахматова Мариям Ахматовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры карачаево-балкарской филологии социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: mari.ahmatova@yandex.ru

Бижева Зара Хаджимуратовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и общего языкознания социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: bizheva-zara@mail.ru

Бухуров Мухамед Фуадович – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий сектором адыгского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: mbf72@mail.ru

Вдовченков Евгений Викторович – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой археологии и истории Древнего мира Института истории и международных отношений Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия.

E-mail: evvdovchenkov@sfedu.ru

Гагиева Лейла Герихановна – аспирант Научно-образовательного центра ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: 125515@yandex.ru

Гапеева Марина Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры российской истории ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова», Владикавказ, Россия.

E-mail: gapeeva.marina.81@mail.ru

Геграев Хаким Камилевич – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра социально-политических исследований ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия; заместитель директора социально-гуманитарного института, доцент кафедр: всеобщей истории; этнологии, истории народов КБР и журналистики ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия..

E-mail: gegra70@mail.ru

Геляева Ариука Ибрагимовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и общего языкознания социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: gariuka@mail.ru

Гергокова Лейла Созакбайовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: leylagergokova79@mail.ru

Гонгапшева Карина Асланбековна – ассистент кафедры русского языка и общего языкознания социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: gkaslanbek@mail.ru

Гулиева Фаризат Хасановна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: gfariza37@mail.ru

Гучапшева Лина Хизировна – соискатель ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: mamhegova.lina@mail.ru

Дауева Тамара Тамерлановна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнологии Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиала Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научного центра Владикавказский научный центр РАН, Владикавказ, Россия.

E-mail: tdaueva@mail.ru

Дзагурова Наталья Хаджумаровна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиала Владикавказского научного центра РАН, Владикавказ, Россия.

E-mail: dzagurova-natalia@mail.ru

Довлеткиреева Лидия Махмудовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», Грозный, Россия.

E-mail: dlida@inbox.ru

Дохова Залина Руслановна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и общего языкознания социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: dohovaz@mail.ru

Жаноква Марина Викторовна – кандидат экономических наук, заведующая лабораторией Центра социально-политических исследований КБНЦ РАН «Интеллектуальный анализ социально-экономических процессов и систем» ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: s.marisabel@mail.ru

Камбачоков Адам Муштагидович – доктор филологических наук, профессор, директор института повышения квалификации и профессиональной переподготовки, профессор кафедры кабардино-черкесского языка и литературы социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: akamb@mail.ru

Кожев Заурбек Анзорович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий сектором Средневековой и Новой истории Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: zaurbek_k@mail.ru

Кумыкова Дина Мухарбиевна – кандидат филологических наук, доцент, ученый секретарь, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: dina07-09@mail.ru

Кумыкова (Гучапшева) Элина Тугановна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: etkumykova@mail.ru

Кучмезов Асланбий Мажирович – магистрант социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: kuchmезov1995@mail.ru

Кушхабиев Анзор Викторович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заведующий Центром социально-политических исследований ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: anzor-vk@mail.ru

Макитова Танзиля Тахировна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка и общего языкознания социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: mpaltim2014@yandex.ru

Марзоев Ислам-Бек Темурканович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнологии, заведующий сектором генеалогических исследований Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиала Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научного центра Владикавказский научный центр РАН, Владикавказ, Россия.
E-mail: soigsi@mail.ru

Мурдалов Муслим Махмедгириевич – соискатель Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, Москва, Россия.
E-mail: 9119193@mail.ru

Подлесных Сергей Николаевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова», Воронеж, Россия.
E-mail: agera3@yandex.ru

Степикин Александр Ильич – младший научный сотрудник Исследовательской лаборатории «Историко-археологический парк» Института истории и международных отношений Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия.
E-mail: stepikin.alexandr@yandex.ru

Суюнова Насипхан Хусиновна – доктор филологических наук, доцент, заведующая отделом литературы народов КЧР Республиканского государственного бюджетного учреждения «Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета» институт гуманитарных исследований им. Х.Х. Хапсирокова», Черкесск, Россия; профессор кафедры карачаево-балкарской и ногайской филологии ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева», Карачаевск, Россия.
E-mail: soyunen@yandex.ru

Такова Александра Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: sanatakova@yandex.ru

Татаров Азамат Амурович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: traveller9090@mail.ru

Толгуров Тахир Зейтунович – доктор филологических наук, заведующий научно-инновационным центром «Интеллектуальные филологические системы» ФГБНУ «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: kangaur64@yandex.ru

Тумаков Денис Васильевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и философии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет» Минздрава России, доцент кафедры новейшей отечественной истории исторического факультета Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова, Ярославль, Россия.

E-mail: denistumakov@yandex.ru

Турпалов Лема Абдоллаевич – доктор филологических наук, доцент, главный научный сотрудник Комплексного научно-исследовательского института им. Х.И. Ибрагимова Российской академии наук, Грозный, Россия.

E-mail: turpalov@list.ru

Тхагазитов Юрий Мухамедович – доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: yutkhag@gmail.com

Тхакахова Карина Султановна – аспирант кафедры русской и зарубежной литератур ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: karina-t-00@mail.ru

Узденова Фатима Таулановна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: uzdenova_kbigi@mail.ru

Унатлоков Вячеслав Хаугиевич – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры кабардино-черкесского языка и литературы социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: vunatlokov@mail.ru

Фоменко Владимир Александрович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий сектором археологии и древней истории Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: fva2005@gmail.com

Чекалов Петр Константинович – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник РГБУ «Карачаево-Черкесского ордена «Знак Почёта» Института гуманитарных исследований», Черкесск, Россия.

E-mail: chekalov58@rambler.ru

Шогенова Марина Чашифовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и общего языкознания социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: shog-marina@yandex.ru

Шогенова Фатимат Владимировна – аспирант кафедры русского языка и общего языкознания социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: f_shogenova@bk.ru

Яхутль Юрий Асланбиевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», Краснодар, Россия.
E-mail: a075ca@yandex.ru

Электронный журнал
«Кавказология»

Caucasology

№ 4 / 2024

DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4

Подписано к изданию:
28.12.2024 г.